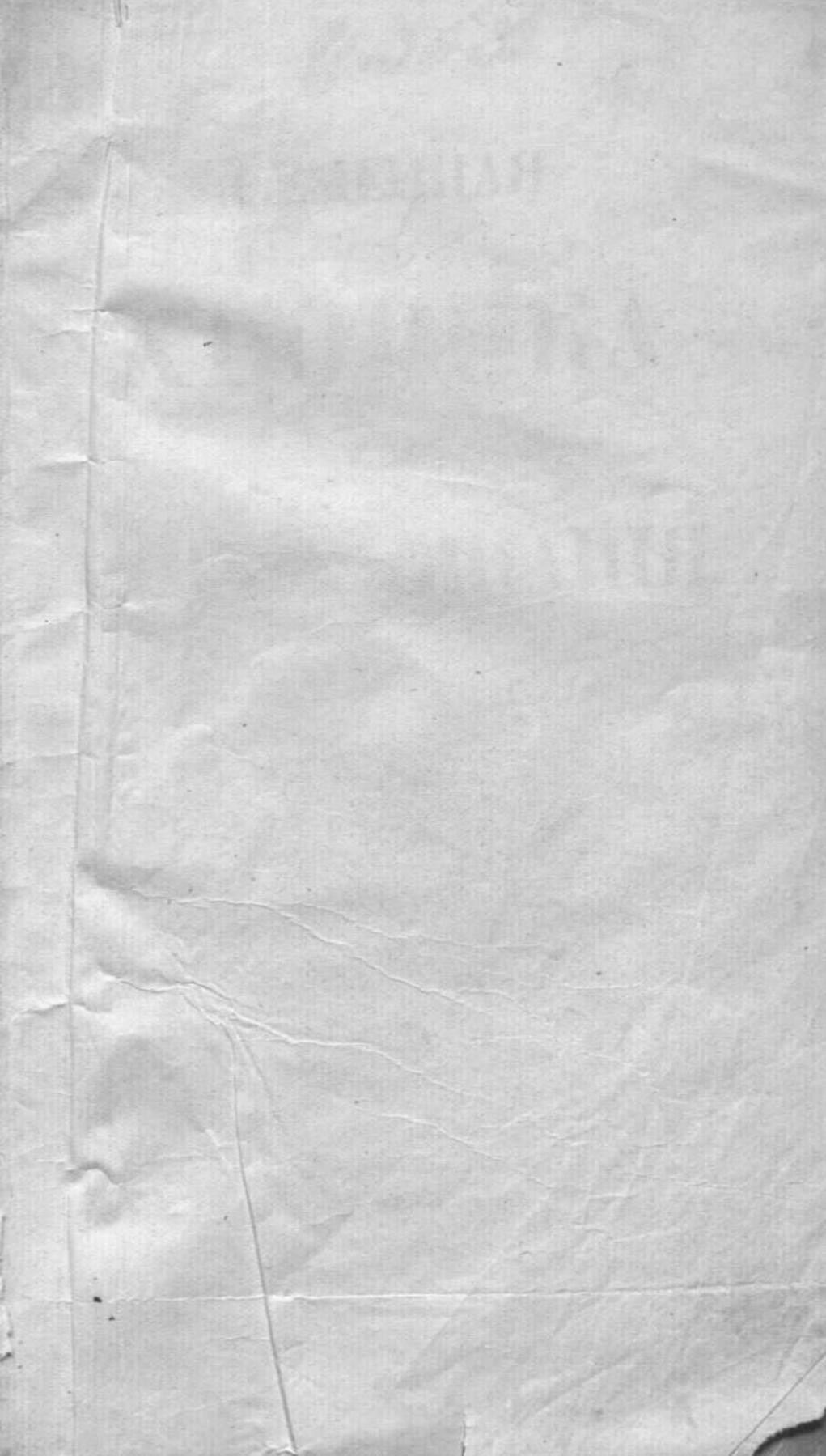
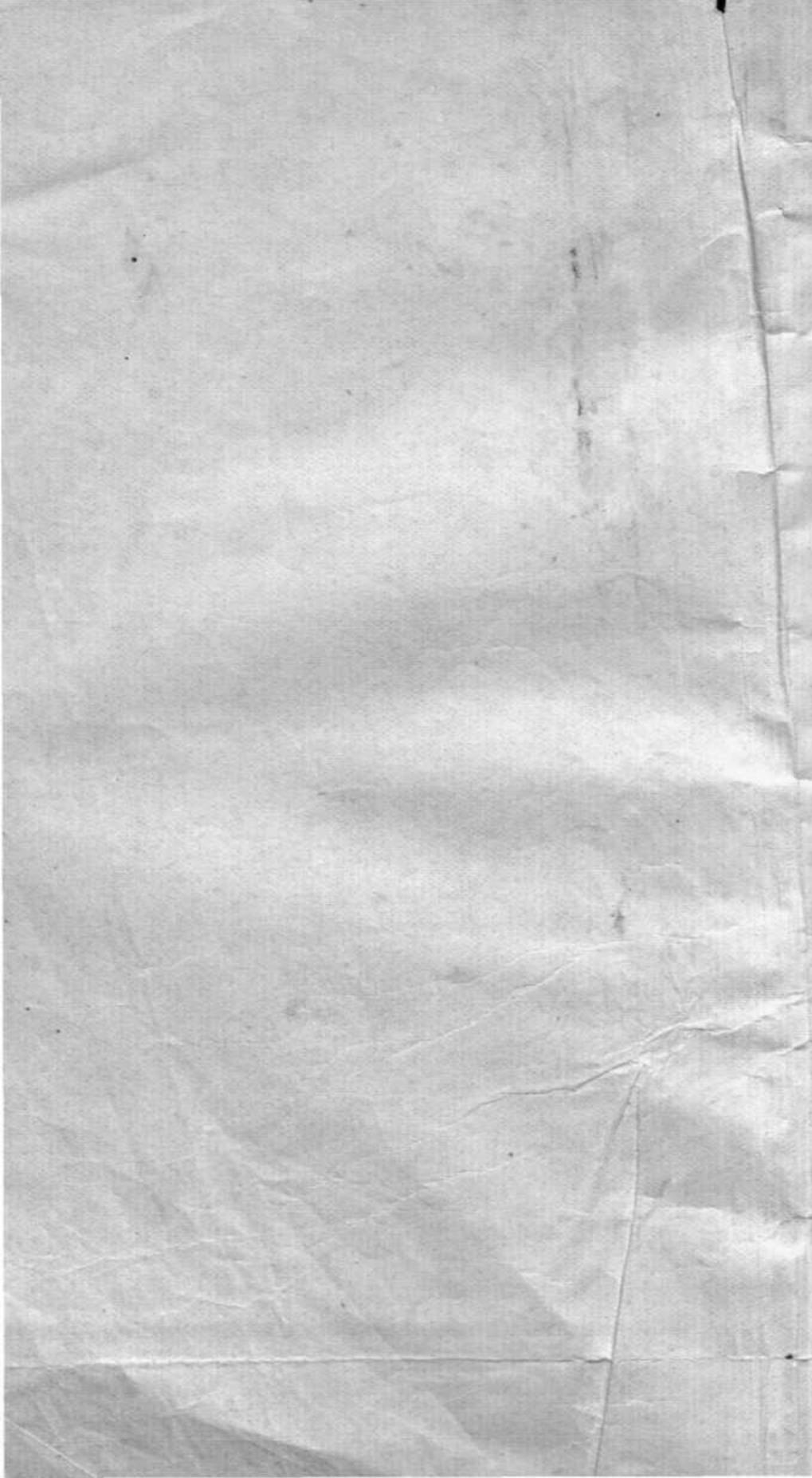

Run 37

X
12

11.353.

841

Л. Толстой

СЕМЕЙНАЯ

ХРОНИКА

ВОСПОМИНАНИЯ.

22292

455

С. Аксакова.

Проверено
1979

1854

МОСКВА.

Въ типографии Л. Степановой.

1856.

нр. 66.

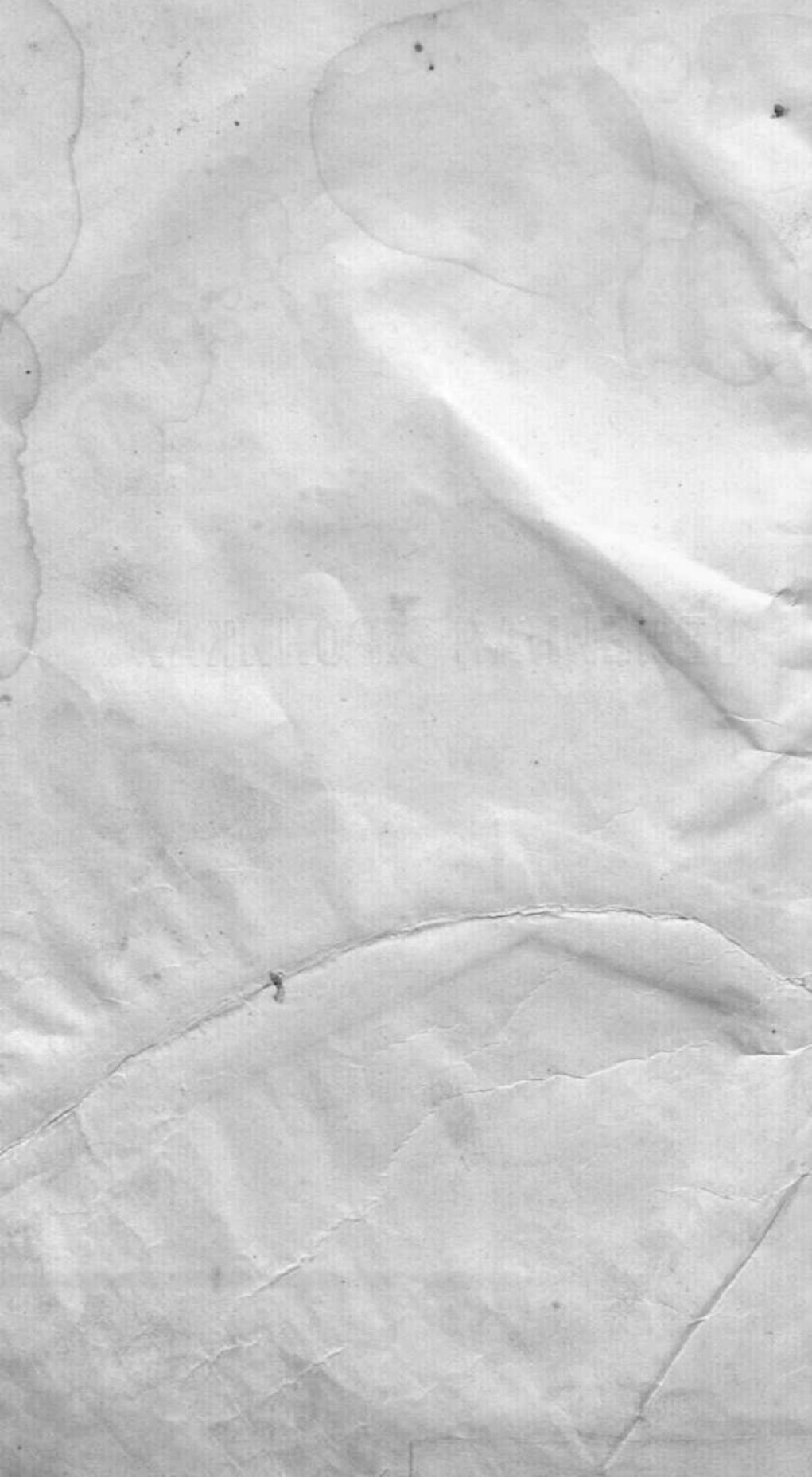
.666.11

ГАНДЕВИЧ

Нечатать позволяетъ съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Октября
15 дня, 1855 года.

Цензоръ Н. Фонъ-Крузе.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

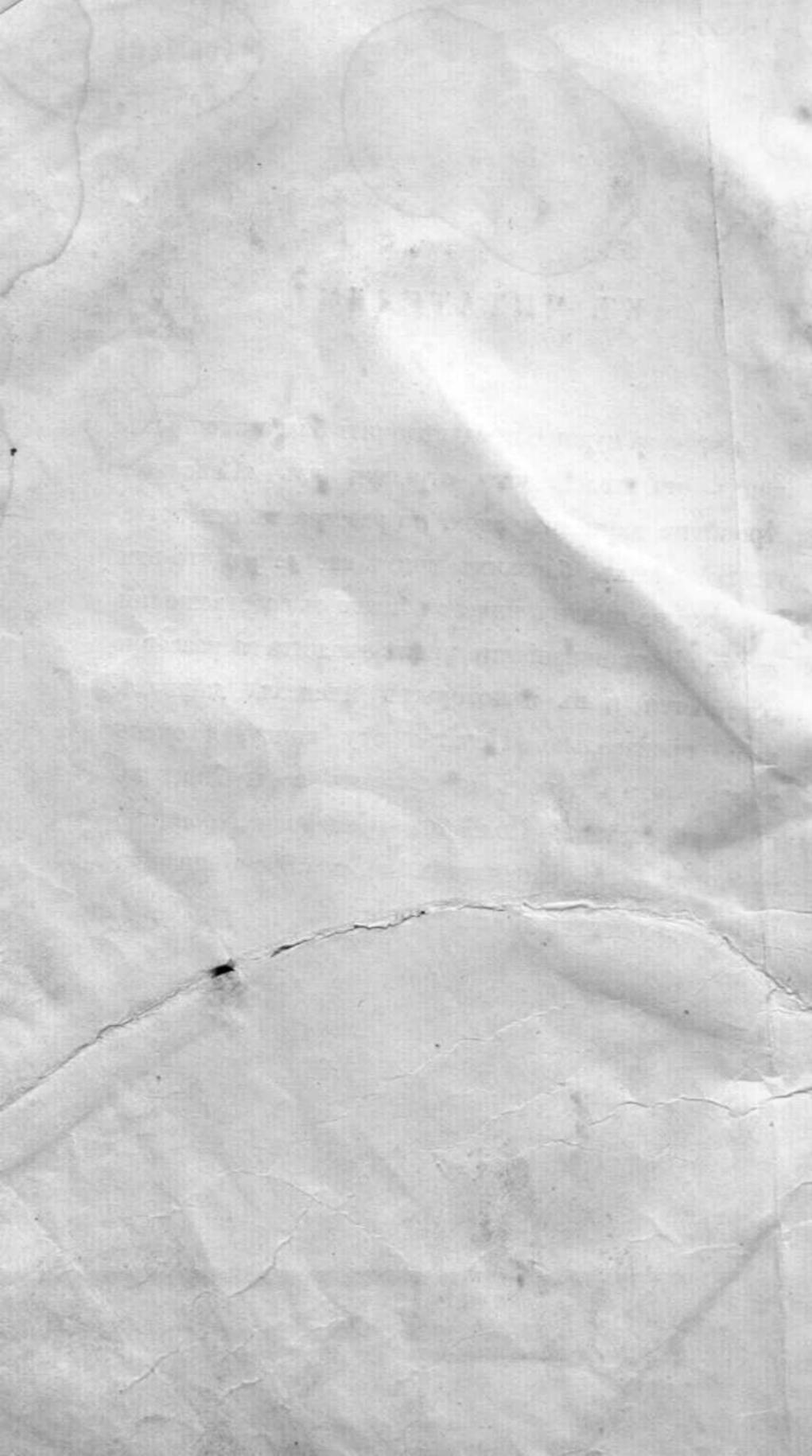

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Считаю за нужное предувѣдомить благосклонныхъ моихъ читателей, что отрывки изъ «Семейной Хроники» написаны мною по разсказамъ семейства гг. Багровыхъ, близкихъ моихъ сосѣдей, и что эти отрывки не имѣютъ ничего общаго съ собственными моими «Воспоминаніями», кромѣ сходства въ названіи мѣстностей и въ иѣкоторыхъ именахъ, данныхъ мною произвольно. Печатая эту книгу, я очень жалѣю, что не могъ представить ее публикѣ въ полномъ составѣ. Половина «Семейной Хроники» не могла

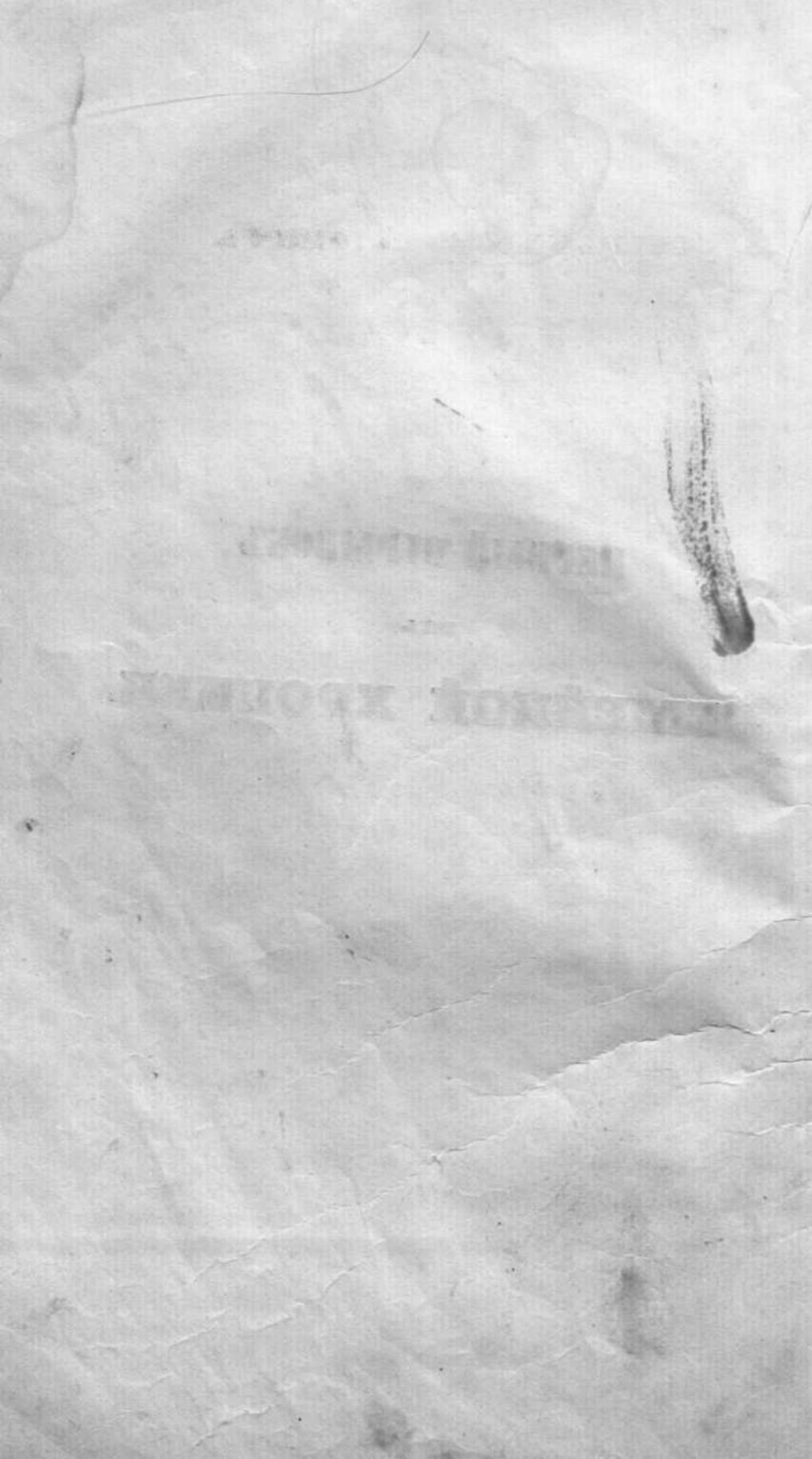
печатана, да и «Воспоминанія»
чимъ ...мою.

С. Аксѣ

Любимая книга, исполненная ее автора
чудесной любви, терпения и внимания к читателю.
^{всегда}
и всегда ~~всегда~~ — восхитительная книга о
жизни и любви отца и сына.

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОКЪ
изъ
СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

СТЕПАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ

БАГРОВЪ.

Переселеніе.

Тѣсно стало моему дѣдушкѣ жить въ Симбирской губерніи, въ родовой отчинѣ своей, жалованной предкамъ его отъ Царей Московскихъ; тѣсно стало ему, не потому что въ самомъ дѣлѣ было тѣсно, чтобы не доставало лѣсу, пашни, луговъ и другихъ угодьевъ, — всего находилось въ излишествѣ; а потому, что отчина, вполнѣ еще прадѣду его принадлежавшая, сдѣлалась разнопомѣстною. Событие совершилось очень просто: три поколѣнія сряду въ роду его было по одному сыну и по иѣскольку дочерей; иѣкоторыя изъ нихъ выходили за-мужъ, и въ приданое имъ отдавали часть крестьянъ и часть земли. Части ихъ были небольшія, но уже четверо чужихъ хозяевъ имѣли право на общее владѣніе неразмежеванною землею, — и дѣдушкѣ моему, нетерпѣливому, вспыльчивому, прямому и ненавидящему домашнія кляузы, сдѣлалась такая жизнь несносною. Съ иѣкотораго времени стала онъ часто слышать обѣ Уфимскомъ намѣстничествѣ, о неизмѣримомъ пространствѣ земель, угодьяхъ, привольяхъ, неописанномъ изобилии дичи и рыбы и всѣхъ плодовъ земныхъ, о легкомъ способѣ приобрѣтать цѣлые области за самыя ничтожныя деньги: носились слухи, что стоило только

позвать къ себѣ въ гости десятокъ родичей отчинниковъ Картобинской или Кармалинской тюбы (*), дать имъ двадцати жирныхъ барана, которыхъ они по своему зарѣжутъ и приготовятъ, поставить ведро вина, да нѣсколько ведеръ крѣваго ставленаго башкирскаго меду, да лагунъ корчажнаго крестьянскаго пива, такъ и дѣло въ шляпѣ: неоспоримое доказательство, что Башкирцы были не строгіе магометане и въ старину. Говорили, правда, что такое угощеніе продолжалось иногда недѣлю и двѣ; да съ Башкирцами и нельзя вдругъ толковать о дѣлѣ, и надо всякой день спрашивать: «А что, знакомъ, добрый человѣкъ, давай говорить объ мой дѣла» (**). Если гости, ювшіе и пившіе буквально день и ночь, еще не вполнѣ довольны угощеніемъ, не вполнѣ наѣлись своихъ монотонныхъ пѣсень, наигрались на чебызгахъ (***) , нацяласились, стоя и присѣдая на одномъ мѣстѣ въ самыхъ карикатурныхъ положеніяхъ, то старшій изъ родичей, пощечавши языкомъ, покачавъ головой и не смотря въ лицѣ спрашивающему, съ важностию скажетъ въ отвѣтъ: «Пора не пришель — еще баранъ тащи.» Барана, разумѣется, притащить, вина, меду налиютъ, и вновь пьяные Башкирцы поютъ, пляшутъ и спятъ, гдѣ ни попадло.... Но всему въ мірѣ есть конецъ; придетъ день, въ который родич скажетъ, уже прямо смотря въ глаза спрашивающему: «Ай бачка, спасибо, болно спасибо! Ну что, какой твой нужда?» Тутъ, какъ водится, съ природною русскому

(*) Тюба — волость.

(**) Русскіе обитатели Оренбургской губерніи до сихъ поръ, говоря съ Башкирцами, стараются точно такъ же ломать русскую рѣчь, какъ и сами Башкирцы.

(***) Чебызга — дудка, которую Башкирецъ береть въ ротъ какъ кларнетъ, и перебирая языкомъ пальцами, игрѣть на ней двойными тонами, такъ что вы слышите въ одно и то же время какихъ-то два разныхъ инструмента. Мнѣ сказывали музыканты, что чебызга чудное явление въ мірѣ духовыхъ инструментовъ.

человѣку ловкостію и плутовствомъ, покупщикъ начнетъ увѣрять Башкирца, что нужды у него никакой нѣть, а наслышался онъ, что Башкирцы болѣю добрые люди, а потому и прїехалъ въ Уфимское намѣстничество и захотѣль съ ними дружбу завести и проч. и проч; потомъ рѣчъ дойдетъ нечаянно до необъятнаго количества башкирскихъ земель, до неблагонадежности припущенниковъ (*), которые годъ другой заплатятъ деньги, а тамъ и платить перестануть, да и останутся даромъ жить на ихъ земляхъ, какъ настоящіе хозяева; а тамъ и согнать ихъ не смѣшь и надо съ ними судиться; — за такими рѣчами (сбывшимися съ поразительной точностью) послѣдуетъ обязательное предложеніе избавить добрыхъ Башкирцевъ отъ нѣкоторой части обременяющихъ ихъ земель.... и за самую ничтожную сумму покупаются цѣлый области и заключаютъ договоръ судебнімъ порядкомъ, въ кото-ромъ, разумѣется, нѣть и быть не можетъ количества земли: ибо кто же ее мѣриль? Обыкновенно границы обозначаются урочищами, напримѣръ вотъ такъ: «отъ устья рѣчки Конлы-елга до сухой березы на волчьей тропѣ, а отъ сухой березы прямо на общий сыртъ, а отъ общаго сырта до лисьихъ норъ, отъ лисьихъ норъ до Солтамраткиной борти» и прочее. И въ такихъ точныхъ и неизмѣнныхъ межахъ и урочищахъ заключалось иногда десять, двадцать и тридцать тысячъ десятинъ земли! И за все это

(*) Припущенниками называются тѣ, которые за известную ежегодную или единовременную плату, по заключенному договору на известное число лѣтъ, живутъ на Башкирскихъ земляхъ. Почти ни одна деревня припущенниковъ, по окончаніи договорнаго срока, не оставила земель башкирскихъ; изъ этого заведлись сотни дѣлъ, которыя обыкновенно оканчиваются темъ, что припущенники оставляются на мѣстахъ своего жительства съ нарѣзкой имъ пятнадцатидесятній пропорціи на каждую ревизскую душу по пятой ревизіи... и вотъ какъ перешло огромное количество земель Оренбургской губерніи въ собственность Татаръ, Мещеряковъ, Чувашъ, Мордвы и другихъ казенныхъ поселенъ.

платилось какихъ нибудь сто рублей (разумѣется цѣлковыми), да на сто рублей подарками, не считая частныхъ угощений. — Полюбились дѣдушкѣ моему такие разсказы, и хотя онъ былъ человѣкъ самой строгой справедливости, и ему не нравилось надуванье добродушныхъ Башкирцевъ; но онъ разсудилъ, что не дѣло дурно, а способъ его исполненія, и что поступа честно, можно купить обширную землю за сходную плату; что можно перевезти туда половину родовыхъ своихъ крестьянъ и перебѣхать самому съ семействомъ, то-есть достигнуть главной цѣли своего намѣренія: ибо съ некотораго времени до того надоѣли ему беспрестанныя ссоры съ мелкопомѣстными своими родственниками за общее владѣніе землей, что бросить свое родимое пепелище, гнѣзда своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, сдѣлалось любимою его мыслью, единственнымъ путемъ къ спокойной жизни, которую онъ, человѣкъ уже не молодой, предпочиталъ всему.

И такъ, накопивши нѣсколько тысячъ рублей, простившися съ своей супругою, которую звали Аришай, когда былъ весель, и Ариной, когда бывалъ сердить; поцѣловавъ и благословивъ четырехъ малолѣтнихъ дочерей и особенно новорожденнаго сына, единственную отрасль и надежду стариннаго дворянскаго своего дома, ибо дочерей считать онъ ни за что: «что въ нихъ проку! вѣдь онъ глядѣть не въ домъ, а изъ дома. Сегодня Багровы, а завтра Шлыгины, Мальгинны, Поповы, Калпаковы. Одна моя надежда — Алексѣй...» сказаль на прощанье мой дѣдушка, и отправился за Волгу въ Уфимское намѣстничество.

Но не сказать ли вамъ напередъ, что за человѣкъ былъ мой дѣдушка.

Степанъ Михайловичъ Багровъ, такъ звали его, былъ не только средняго, а даже небольшаго роста; но высокая грудь, необыкновенно широкія плечи, жилистый

руки, каменное, мускулистое тѣло, обличали въ немъ силача. Въ разгульной юности, въ молодецкихъ потѣхахъ, кучу военныхъ товарищѣй, на него нацѣплявшихся, стряхивалъ онъ, какъ брызги воды стряхивается съ себя коренастый дубъ послѣ дождя, когда его покачнетъ вѣтеръ. Правильныя черты лица, прекрасные большия темно-голубые глаза, легко загаравшіеся гиѣвомъ, но тихіе и кроткіе въ часы душевнаго спокойствія, густыя брови, пріятный ротъ, все это вмѣстѣ придавало самое открытое и честное выраженіе его лицу; волосы у него были русые. Не было человека, кто бы ему не вѣрилъ; его слово, его обѣщаніе было крѣпче и святѣе всякихъ духовныхъ и гражданскихъ актовъ. Природный умъ его былъ здравъ и свѣтель. Разумѣется, при общемъ невѣжествѣ тогдашнихъ помѣщиковъ и онъ не получилъ никакого образованія, русскую грамоту знать плохо; но служа въ полку, еще до офицерскаго чина выучился онъ первымъ правиламъ ариѳметики и выкладкѣ на счетахъ, о чёмъ любилъ говорить даже въ старости. Вѣроятно онъ служилъ не очень долго, ибо вышелъ въ отставку какимъ-то полковымъ квартирмейстеромъ. Впрочемъ тогда дворянне долго служили въ солдатскомъ и унтер-офицерскомъ званіяхъ, если не проходили ихъ въ колѣбели и не падали вѣнь на голову изъ сержантовъ гвардіи каштанами въ армейскіе полки. О служебномъ поприщѣ Степана Михайловича я мало знаю; слышалъ только, что онъ бывалъ часто употребляемъ для поимки волжскихъ разбойниковъ, и что всегда оказывалъ благоразумную распорядительность и безумную храбрость; что разбойники знали его въ лице и боялись какъ огня. Вышедъ въ отставку, нѣсколько лѣтъ жилъ онъ въ своемъ наследственномъ селѣ Троицкомъ, Багрово тожъ, и сдѣлался отличнымъ хозяиномъ. Онъ не торчалъ день и ночь при крестьян-

скихъ работахъ, не стояль часовымъ при ссыпкѣ и отпускѣ хлѣба; смотрѣль рѣдко да мѣтко, какъ говорять русскіе люди, и, ужъ прошу не прогнѣваться, если замѣчалъ что дурное, особенно обманъ, то уже не спускаль никому. Дѣдушка, сообразно духу своего времени, разсуждалъ по своему: наказать виноватаго мужика тѣмъ, что отнять у него собственныя дни, — значить вредить его благосостоянію, то-есть своему собственному; наказать денежнымъ взысканіемъ — тоже; разлучить съ семействомъ, отослать въ другую отчину, употребить въ тяжелую работу — тоже, и еще хуже, ибо отлучка отъ семейства — несомнѣнная порча; прибѣгнуть къ полиціи.... Боже помилуй, да это казалось такимъ срамомъ и стыдомъ, что вся деревня принялась бы выть по виноватомъ какъ по мертвомъ, а наказанный счѣль бы себя опозореннымъ, погибшимъ. Да и надо сказать, что дѣдушка мой былъ строгъ только въ пылу гнѣва: прошелъ гнѣвъ, прошла и вина. Этимъ пользовались: иногда виноватый успѣвалъ спрятаться, и гроза проходила мимо. Скоро крестьяне его пришли въ такое положеніе, что было не на кого и не за что разсердиться.

Приведя въ порядокъ свое хозяйство, дѣдушка мой женился на Аринѣ Васильевнѣ Неклюдовѣ, небогатой дѣвицѣ, также изъ стариннаго дворянскаго дома. При этомъ случай кстати объяснить, что древность дворянскаго происхожденія была конькомъ моего дѣдушки, и хотя у него было 180 душъ крестьянъ, но производя свой родъ, Богъ знаетъ по какимъ документамъ, отъ какого-то варяжскаго князя, онъ ставилъ свое семисотъ-лѣтнєе дворянство выше всякаго богатства и чиновъ. Онъ не женился на одной весьма богатой и прекрасной невѣстѣ, которая ему очень нравилась, единственно потому, что прадѣдушка ея былъ не дворянинъ.

И такъ вотъ каковъ былъ Степанъ Михайловичъ; теперь возвратимся къ прерванному разсказу.

Переправившись чрезъ Волгу подъ Симбирскомъ, дѣдушка перебилъ поперекъ степную ея сторону, называемую луговою, перевѣхаль Черемшанъ, Кандурчу, чрезъ Красное поселеніе, слободу селившихся тогда отставныхъ солдатъ, и прѣѣхалъ въ Сергіевскъ, стоящій на горѣ, при впаденіи рѣки Сургута въ Большой Сокъ. Сергіевскъ нынѣ заштатный городъ, давшій свое имя находящимся въ 12 верстахъ отъ него сѣрными источникамъ, известнымъ подъ названіемъ Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ. Чѣмъ дальше углублялся дѣдушка въ Уфимское намѣстничество, тѣмъ привольнѣе, изобилинїе становились мѣста. Наконецъ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, около Абдуловскаго казеннаго виннаго завода, показались лѣса. Въ уѣздномъ городѣ Бугурусланѣ, расположенномъ по высокой горѣ, надъ рѣкою Большой Кинель, про которую долго пѣвалась пѣсня:

Кинель рѣка
Не быстра, глубока,
Только тиниста..

въ Бугурусланѣ остановился Степанъ Михайловичъ, чтобы поразспросить и поразузнать поближе о продающихся земляхъ. Въ этомъ уѣзда уже мало оставалось земель, принадлежавшихъ Башкирцамъ: всѣ заселялись, или казенными крестьянами, которыми правительство успѣло раздать земли, описанныя въ казну за Акаевскій бунтъ, прежде всеобщаго прощенія и возвращенія земель отчинникамъ—Башкирцамъ; или были уже заселены ихъ собственными припущенниками; или куплены разными помѣщиками Изъ Бугуруслана дѣдушка дѣжалъ поездки въ Бугульминской, Бирской и Мензелинской уѣздахъ (изъ некоторыхъ частей двухъ послѣднихъ составленъ нынѣ новый Белебеевской уѣзда); побывалъ онъ на прекрасныхъ

берегахъ Ика и Демы. Мѣста очаровательныя! И въ ста-
рости Степанъ Михайловичъ съ восторгомъ вспоминалъ о
первомъ впечатлѣніи, произведенномъ на него изобиль-
ными, плодоносными окрестностями этихъ рѣкъ; но онъ
не поддался обольщѣнію, и узналъ покороче на мѣсть,
что покупка башкирскихъ земель неминуемо поведеть за
собою безконечные споры и тяжбы: ибо хозяева сами хо-
рошенько не знали правъ своихъ и числа настоящихъ
отчинниковъ; — дѣдушка мой, ненавидящій и болѣшійся,
какъ язвы, слова тяжба, рѣшился купить землю, прежде
купленную другимъ владѣльцемъ, *справленную и отказан-
ную за него судебнымъ порядкомъ*, предполагая, что тутъ
уже не можетъ быть никакого спора. Казалось, что суж-
деніе его было справедливо, но на дѣль вышло совсѣмъ
другое, и меньшой внукъ его, уже будучи сорока лѣть,
покончилъ послѣдній споръ. Съ сожалѣніемъ воротился съ
береговъ Ика и Демы дѣдушка мой въ Бугурусланъ, и
въ двадцати пяти верстахъ отъ него купилъ землю у по-
мѣщицы Грязевой по рѣчкѣ Большой Бугурусланъ, бы-
строй, глубокой и многоводной. На сорокъ верстъ про-
тиженія, отъ города Бугурусланъ до казеннаго селенія
Красный Яръ, оба берега его были не заселены; что за
угодье, что за приволье было тогда на этихъ берегахъ!
Вода такая чистая, что даже въ омутахъ, сажени въ двѣ
глубиною, можно было видѣть на днѣ брошенную мѣд-
ную денежку! Мѣстами росла густая урема (*) изъ бе-
резы, осины, рабины, калины, черемухи и черноталу, вся
переплетенная зелеными гирляндами хмѣля и обвѣщенная
палевыми кистями его шишекъ; мѣстами росла тучная
высокая трава съ безчисленнымъ множествомъ цветовъ,
надъ которыми возносили верхи свои душистая кашка,

(*) Уремой называется лѣсъ и кусты, растущіе около рѣкъ.

татарское мыло (боярская сибирь), скорлазубецъ (царскія кудри) и кошечья трава (валерiana). Бугурусланъ течеть по долинѣ; по обѣимъ сторонамъ его тянутся, то тѣснясь, то отступая, отлогія, а иногда и крутыя горы; по скатамъ и отрогамъ ихъ изобильно росъ всякой черный лѣсь; поднимешься на гору,—тамъ равнина—не початая степь, черноземъ въ аршинъ глубиною. По рѣкѣ и окружающимъ ее индѣ болотамъ, всѣ породы утокъ и куликовъ, гуси, бекасы, дупели и курахтаны вили свои гнѣзда и разнообразнымъ крикомъ и пискомъ наполняли воздухъ; на горахъ же, сейчасъ превращавшихся въ равнину, покрытыя тучною травою, воздухъ оглашался другими особенностями свистами и голосами; тамъ водилась во множествѣ вся степная птица, дрофы, журавли, стрепета, кроншнепы и кречетки; по лѣсистымъ отрогамъ жила бездна тетеревовъ; рѣка кипѣла всѣми породами рыбъ, которыя могли спасти ея студеную воду: щуки, єкуни, головли, язи, даже кутема и лохъ изобильно водились въ ней; всякаго звѣря и въ степяхъ и лѣсахъ было невѣроятное множество, словомъ сказать: это былъ—да и теперь есть—уголокъ обѣтованный.—Дѣдушка купилъ около пяти тысячъ десятинъ земли и заплатилъ такъ дорого, какъ никто тогда не плачивалъ, по полтинѣ за десятину. Дѣвъ тысячи пятьсотъ рублей въ то время была великая сумма.—Совершивъ купчую крѣпость и принявъ землю во владѣніе, то-есть, справивъ и отказалъ ее за собою, весело воротился онъ въ Симбирскую губернию къ ожидавшему его семейству, и живо, горячо принялъ за всѣ приготовленія къ немедленному переселенію крестьянъ: дѣло очень хлопотливое и трудное, по довольно большому разстоянію; ибо отъ села Троицкаго до новокупленной земли было около четырехъ сотъ верстъ. Въ ту же осень двадцать таголь отправились въ Бугурусланской уѣздѣ, взявъ съ

собою сохи, бороны и съмянной ржи; на любыхъ мѣстахъ взодрали они дѣственную почву, обработали двадцать десятинъ озимаго посѣву, то-есть, переломали не пареный залогъ и посѣяли рожь подъ борону; потомъ подняли нови еще двадцать десятинъ для яроваго сѣва, поставили нѣсколько избъ и воротились на зиму домой. Въ концѣ зимы другіе двадцать человѣкъ отправились туда же, и съ наступившею весною посѣяли двадцать десятинъ яроваго хлѣба, загородили плетнями дворы и хлѣвы, сбили глинаныя печи и опять воротились въ Симбирскую губернию; но это не были крестьяне, назначаемые къ переводу; тѣ оставались дома и готовились къ переходу на новыя мѣста: продавали лишній скотъ, хлѣбъ, дворы, избы, всякую лишнюю рухлядь. Наконецъ, въ половинѣ июня, чтобы поспѣть къ Петрову дню, началу сѣнокоса, нагрузивъ телги женами, дѣтьми, стариками и старухами, прикрывъ ихъ согнутыми лубьями отъ дождя и солнца, нагромоздивъ необходимую домашнюю посуду, насажавъ дворовую птицу на верхи возовъ и привязавъ къ нимъ коровъ, потянувшись въ путь бѣдные переселенцы, обливаясь горькими слезами, навсегда прощаясь съ стариною, съ церковью, въ которой крестились и венчались, и съ могилами дѣдовъ и отцовъ. Переселеніе, тяжкое вездѣ, особенно противно русскому человѣку; но переселиться тогда, въ неизвѣстную бусурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много и недобрыхъ слуховъ, где, по отдаленности церквей, надо было и умирать безъ исповѣди и новорожденымъ младенцамъ долго оставаться не крещеными,— казалось дѣломъ страшнымъ!.. За ними отправился и дѣдушка. Новоселившуюся деревню назвать Знаменскимъ, давъ обѣтъ, со временемъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, построить церковь во имя Знаменія Божія Матери, празднуемаго 27 ноября, что и

было исполнено уже его сыномъ. Но крестьяне, а за ними и всѣ окружные сосѣди, назвали новую деревеньку Новы́мъ Багровымъ, по прозванию своего барина и въ память Старому Багрову, изъ которого были переведены; даже и теперь одно послѣднее имя известно всѣмъ, а первое остается только въ дѣловыхъ актахъ: богатаго села Знаменскаго съ прекрасною каменною церковию и высокимъ господскимъ домомъ не знаетъ никто. Неусыпно и неослабно смотрѣлъ дѣдушка за крестьянскими и за господскими работами: вѣ время убрасывалъ съ сѣнокосомъ, вѣ время сжаль яровое и ржаное, и вѣ время свезь въ гумно. Урожай былъ неслыханный, баснословный. Крестьяне ободрились. Къ ноябрю мѣсяцу у всѣхъ были построены избы, и даже поспѣло небольшой господской флигель. Разумѣется, дѣло не обошлось безъ вспоможенія сосѣдей, которые, не смотря на дальнее разстояніе, охотно прѣѣзжали на помочи къ новому разумному и ласковому помѣщику,—попить, поѣсть и съ звонкими пѣснями дружно поработать. Зимой дѣдушка отправился въ Симбирскую деревню и перевезъ свое семейство. На слѣдующій годъ уже не такъ трудно было перевезть еще сорокъ душъ и обзавести ихъ хозяйствомъ. Первымъ дѣломъ дѣдушки было вѣ этотъ же годъ построить мельницу; ибо молоть хлѣбъ надо было тащить верстъ за сорокъ. И такъ выбравъ заранѣе мѣсто, гдѣ вода была не глубока, дно крѣпко, а берега высоки и также крѣпки, съ обѣихъ сторонъ рѣки подвели къ ней плотину изъ хвороста и земли, какъ двѣ руки, готовыя схватиться, а для большей прочности оплели плотину плетнемъ изъ гибкой ивы; оставалось удержать быструю и сильную воду и заставить ее наполнить назначеннное ей водоемище. Съ одной стороны, гдѣ берегъ казался пониже, заранѣе устроены были мельничный амбаръ на два мукомольные постава

съ толчей. Всѣ счасти были готовы и даже смазаны; на огромныя водяныя колеса черезъ деревянныя трубы кауза (*) должна была броситься рѣка, когда, прегражденная въ свое мѣсто природномъ русль, она наполнитъ широкій прудъ и станетъ выше кауза. Когда все уже было готово, и четыре длинныя дубовыя сваи крѣпко вколо-чены въ твердое, глинистое дно Бугуруслана, поперекъ будущаго вешняка, дѣдушка сдѣлалъ помочь на два дня; соседи были приглашены съ лошадьми, телѣгами, лопатами, вилами и топорами. Въ первый день огромныя кучи хвороста изъ нарубленнаго мелкаго лѣса и кустовъ, конны соломы, навозу и свѣжаго дерна, были нагромождены по обѣимъ сторонамъ Бугуруслана, до сихъ поръ волено не прикоснувшись стремившаго свои воды. На другой день, на восходѣ солнца, около ста человѣкъ собрались занимать замкну, то-есть, запрудить рѣку. На всѣхъ лицахъ было что-то заботливое и торжественное; всѣ къ чему-то готовились; вся деревня почти не спала эту ночь. Дружно въ одно и тоже мгновеніе, съ громкимъ крикомъ сдвинули въ рѣку съ обоихъ береговъ кучи хвороста, сначала связанныя пучками; много упесло быстрое теченіе воды, но много его, задержаннаго сваями, легко поперекъ рѣчнаго дна; связанныя конны соломы съ каменными полѣтили туда же, за ними слѣдовали навозъ и земля; опять настилка хвороста, и опять солома и навозъ, и сверху всего толстые слои дерна. Когда все это кое-какъ затопленное, стало выше поверхности воды, человѣкъ двадцать крестьянъ, дюжихъ и ловкихъ, вскочили на верхъ запруды и начали утаптывать и уминять ее ногами. Все это производилось съ такою быстротою, съ т. кимъ об-

(*) Каузомъ называется деревянный ящикъ, по которому вода бежитъ и падаетъ на колеса; около Москвы звуть его дворецъ (дверецъ), а въ иныхъ мѣстахъ, скрыни.

щимъ рвениемъ, безпрерывнымъ воплемъ, что всякой про^тзжай или прохожай испугался бы, услыхавъ его, если бы не зналъ причины. Но пугаться было некому: одни дикия степи и темные лѣса на далекое пространство оглашались неистовыми криками сотни работниковъ, къ которымъ присоединялось множество голосовъ женскихъ и еще больше ребячихъ: ибо все принимало участіе въ такомъ важномъ событии, все суетилось, бѣгало и кричало. Не скоро сладили съ упрямою рѣкой; долго она рвала и уносила хворость, солому, навозъ и дернъ; но наконецъ люди одолѣли, вода не могла пробиться болѣе, остановилась, какъ бы задумалась, завертѣлась, пошла назадъ, наполнила берега своего русла, затопила, перешла ихъ, стала разливаться по лугамъ, и къ вечеру уже образовался прудъ, или лучше сказать всплыло озеро, безъ береговъ, безъ зелени, травъ и кустовъ, на нихъ всегда растущихъ; кое-гдѣ торчали верхи затопленныхъ погибшихъ деревъ. На другой день затолкала толчей, замолола мельница — и мелеть и толчеть до сихъ поръ...

Оренбургская Губернія.

Боже мой, какъ, я думаю, была хороша тогда, эта дикая, дѣственная, роскошная природа! — Иѣть, ты уже не та теперь, не та, какою даже и я зазналъ тебя — свѣжею, цвѣтущею, неизмѣнною отъсюду набѣжавшимъ разнороднымъ народонаселеніемъ! Ты не та, но все еще прекрасна, также обширна, плодоносна и безконечно разнобразна, Оренбургская губернія!... Дико звучать два эти послѣднія слова! Богъ знаетъ, какъ и откуда зашелъ тутъ бургъ!... Но я зазналъ тебя, благословенный край, еще Уфимскимъ намѣстничествомъ!

Чудесный край, благословенный,
Хранилище земныхъ богатствъ,
Не ильно будешь ты, забвенный,
Служить для пастырей и паствы!
И люди набѣгутъ толпами,
Твоё приволье полюба,
И не узнаешьъ ты себя
Подъ ихъ нечистыми руками!
Помнить луга, порубять лѣсъ,
Взмутить въ водахъ лазурь небесъ!

И горы селаныхъ кристаллоиъ
По тузлукамъ твоимъ найдуть,
И руды дорогихъ металловъ!
Изъ недръ глубокихъ извлекутъ!
И тукъ земли не истощеній
Веснуть чужія съмева,
Чужія снимутъ племена
Ихъ плодъ сторицей возвращенный!
И въ глубь лѣсовъ и въ даль степей
Разгонять дорогихъ звѣрей!

Такъ писаль о тебѣ, лѣтъ тридцать тому назадъ, одинъ изъ твоихъ уроженцевъ, и все это отчасти уже исполнилось или исполняется съ тобою; но все еще прекрасенъ ты, чудесный край! Свѣтлы и прозрачны, какъ глубокія, огромныя чаши, стоять озера твои — Каидры и Карагабыны. Многоводны и многообильны разнообразными породами рыбъ, твои рѣки, то быстротекущія по долинамъ и ущельямъ между отраслями Уральскихъ горъ, то свѣтло и тихо незамѣтно-катящіяся по ковылистымъ степямъ твоимъ, подобно яхонтамъ, нанизаннымъ на нитку. Чудны эти степные рѣки, всѣ изъ безчисленныхъ, глубокихъ водоемовъ, соединяющихся узкими и мелкими протоками, въ которыхъ только и примѣтно теченіе воды. Въ твоихъ быстрыхъ родниковыхъ ручьяхъ, прозрачныхъ и холодныхъ какъ ледъ, даже въ жары знойнаго лѣта, бѣгущихъ подъ тѣнью деревъ и кустовъ — живутъ всѣ

породы форелей, изящныхъ по вкусу и красивыхъ по наружности, скоро пропадающихъ, когда человѣкъ начнетъ прикасаться нечистыми руками своими къ дѣственнымъ струямъ ихъ свѣтлыхъ прохладныхъ жилищъ. Чудесной растительностью блестаютъ твои, тучные черноземные, роскошные луга и поля, то бѣльюще весной молочнымъ цветомъ вишеника, клубничника и дикаго персика, то покрытыя лѣтомъ, какъ краснымъ сукномъ, ягодами ароматной полевой клубники и мелкою вишнею, зѣрюющею позднѣе и темнѣющею къ осени. Обильною жатвой награждается лѣнивый и невѣжественный трудъ пахаря, кое-какъ и кое-гдѣ всковырявшаго жалкою сохую или неуклонимъ сабаномъ твою плодоносную почву! Свѣжи, зелены и могучи стоять твои разнородные черные лѣса и рои дикихъ пчелъ шумно населяютъ нерукотворные борти твои, занося ихъ душистымъ липовымъ медомъ. И Уфимская куница, болѣе всѣхъ уважаемая, не перебѣлась еще въ лѣсистыхъ верховьяхъ рѣкъ Уфы и Бѣлої! Мирны и тихи патріархальные первобытные обитатели и хозяева твои, кочевыя башкирскія племена! Много уменьшились, но еще велики, многочисленны, конские табуны и рогатыя и бараны стада ихъ. Еще по прежнему, послѣ жестокой, бураний зимы, отощальные, исхудальные, какъ зимніе мухи, Башкирцы съ первымъ весеннимъ тепломъ, съ первымъ подножнымъ кормомъ, выгоняютъ на привольныя мыста, на половину передохшіе отъ голода табуны и стада свои, перетаскиваясь и сами за ними, съ женами и дѣтьми... И вы никого не узнаете черезъ двѣ или три недѣли! Изъ лошадиныхъ оставовъ являются бодрые и неутомимые кони, и уже степной жеребецъ гордо и строго пасеть косякъ кобылицъ своихъ, не подпуская къ нему ни звѣря, ни человѣка!... Раздѣбѣли тощія, зимнія стада коровъ, поляны питательной

влагой вымя и сосцы ихъ. Но что Башкиру до ароматнаго коровыаго молока; уже поспѣль живительный кумысъ, закисъ въ кобыльихъ турсукахъ (*), и все, что можетъ пить, отъ груднаго младенца до дряхлаго старика, пьеть до пьяна цѣлительный, благодатный, богатырскій напитокъ, и дивно исчезаютъ всѣ недуги голодной зимы и даже старости: полнотой одѣваются осунувшіяся лица, румянцемъ здоровья покрываются блѣдныя, впалыя щеки.—Но странный и грустный видъ представляютъ покинутыя селенія! Наскачетъ иногда на нихъ, ничего подобнаго невидавшій, забѣжій путешественникъ, и поразится видомъ опустѣлой, какъ будто вымершой деревни! Дико и печально смотрятъ на него окна разбросанныхъ юртъ съѣльми трубами, лишенныя пузырчатыхъ оконницъ, — какъ человѣческія лица съ выткнутыми глазами... Кое-гдѣ лаетъ на привязи сторожевой голодный пёсъ, котораго изрѣдка навѣщаєтъ и кормить хозяинъ, кое-гдѣ маучитъ одичалая кошка, сама промышляющая себѣ пищу, — и никого больше, ни одной души человѣческой.

Какъ живописны и разнообразны, каждая въ своемъ родѣ, лѣсная, степная и гористая твоя полоса, особенно послѣдняя, по скату Уральскаго хребта, всѣми металлами богатая, золотоносная полоса! Какое пространство отъ границъ Вятской и Пермской губерніи, гдѣ по зимамъ не въ рѣдкость замерзаніе ртути, до Гурьева городка на границѣ Астраханской губерніи, гдѣ растетъ мелкій виноградъ на открытомъ воздухѣ, чихиремъ котораго прохладжаются въ лѣтніе жары, грѣются зимою и торгають Уральскіе казаки! Что за чудесное рыболовство по Уралу! Единственное, и по вкусу добываемой красной

(*) Турсукъ—мешокъ изъ сырой кожи, снятый съ лошадиной ноги.

рыбы (*), и по своему исполненію. Багренъемъ называется это рыболовство, и ждетъ оно горячей и вѣрной кисти, чтобы возбудить общее вниманіе.... Но виноватъ, заговорился я, говоря о моей прекрасной родинѣ. Посмотримъ лучше, какъ продолжаетъ жить и дѣйствовать мой неутомимый дѣдушка.

Новые мѣста.

Ну, отдохнулъ Степанъ Михайловичъ, и не разъ отъ души перекрестился, когда перебрался на просторъ и приволье Бугурслана. Не только повеселѣлъ духомъ, но и поздоровѣлъ тѣломъ. Ни просьбъ, ни жалобъ, ни ссоръ, ни шума! Ни Войковыхъ, ни Мошенскихъ, ни Сущевыхъ (**)! Ни лѣсныхъ порубокъ, ни хлѣбныхъ потравъ, ни помятыхъ луговъ! Одинъ полный господинъ, не только надъ своей землей, но и надъ чужой. Паси стада, коси траву, руби дрова — никто и слова не скажетъ. Крестьяне то же, какъ-разъ привыкли къ новому мѣсту, и полюбилось имъ оно. Да и какъ не привыкнуть, какъ не полюбить! Изъ безводнаго и лѣснаго села Троицкаго, гдѣ было такъ мало луговъ, что съ трудомъ прокармливали по коровѣ, да по лошади на тягло, гдѣ съ незапамятныхъ временъ пахали одни и тѣ же загоны, и, не смотря на превосходную почву, конечно, повыпахали и поистощили землю,—переселились они на обширныя плодоносные поля и луга, никогда не тронутыя ни косой, ни

(*) Красной рыбой называется бѣлуга, осетръ, єеврюга, шинъ, бѣлорыбица и другія.

(**) Помѣщиковъ, жившихъ съ дѣдушкой въ Старомъ Багровъ и владѣвшіе вмѣстѣ съ нимъ неразмежеванной землей.

сюхой человѣка, на быструю, свѣжую и здоровую воду съ множествомъ родниковъ и киочекъ, на широкій, приточный и рыбный прудъ, и на мельницу у самаго носа, тогда какъ прежде таскались они за двадцать пять верстъ, чтобы смолоть возъ хлѣба, да и то случалось иѣсколько дней ждать очереди. Вы удивитесь, можетъ быть, что и назвалъ Троицкое безводнымъ? Обвините стариковъ, зачмъ они выбрали такое мѣсто? Но дѣло было не такъ въ-началѣ, и стариковъ винить не за что: Троицкое иѣкогда сидѣло на прекрасной рѣчкѣ Майнѣ, вытекавшей версты за три отъ селенія изъ-подъ Моховыхъ озеръ; да сверхъ того вдоль всего селенія тянулось, хотя ие широкое, но длинное, свѣтлое и въ серединѣ глубокое озеро, дно котораго состояло изъ бѣлаго песка; изъ этого озера даже бѣжалъ ручей, называвшійся Бѣлый ключъ. Такъ было въ старину; давно, правда, очень давно. По преданію известно, что Моховые озера были иѣкогда глубокими, лѣсными, круглыми провалами съ прозрачною, холодною какъ ледъ водою и топкими берегами, что никто не смѣгъ близко подходить къ нимъ, ни въ какое время, кроме зимы, что будто бы берега опускались и поглощали дерзкаго нарушителя неприкосновеннаго царства водяныхъ чертей. Но человѣкъ — заклятой и торжествующей измѣнитель лица природы! Старинному преданію, не подтверждаемому новыми событиями, перестали вѣрить, и Моховые озера, мало по малу, отъ мочки коноплей у береговъ и отъ пригона стадъ на водопой, позасорились, отъ краевъ обмелѣли и даже обсохли отъ вырубки кругомъ лѣса; потомъ завѣли толстою землянистою пленой, которая поросла мохомъ и скрѣпилась жилообразными корнями болотныхъ травъ, покрылась кочками, кустами и даже сосновымъ лѣсомъ, уже довольно крутымъ; одинъ провалъ затянуло совсѣмъ, а на другомъ остались два глуб-

бокія окна, къ которыемъ и теперь страшно подходить съ непривычки, потому что земля, со всѣми болотными травами, кочками, кустами и мелкимъ лѣсомъ — опускается и поднимается подъ ногами какъ зыбкая волна. Отъ уменьшения, вѣроятно, Моховыхъ озеръ, рѣчка Майна поникла въ верху, и уже выходитъ изъ земли илько верстъ ниже селенія: а прозрачное, длинное и глубокое озеро превратилось въ грязную воинскую лужу; песчаное дно, на сажень и болѣе затянуло тиной и всякой дранью съ крестьянскихъ дворовъ; Бѣлаго ключа давно и сльдовъ ить, скоро не будеть о немъ и памяти.

Переселись на новыя мѣста, дѣдушка мой принялъ съ свойственными ему неутомимостью и жаромъ, за хлѣбопашество и скотоводство. Крестьяне, одушевленные его духомъ, такъ привыкли работать настоящимъ образомъ, что скоро обстроились и обзавелись, какъ старожилы, и въ илько лѣтъ гумна «Нового Багрова» занимали въ трое больше мѣста, чѣмъ самая деревня, а табунъ добрыхъ лошадей и стадо коровъ, овецъ и свиней, казалось принадлежащими какому-нибудь богатому селенію.

Съ легкой руки Степана Михайловича переселеніе въ Уфимскій или Оренбургскій край начало умножаться съ каждымъ годомъ. Со всѣхъ сторонъ потянулись луговая Мордва, Черемисы, Чуваши, Татары и Мещеряки; Русскихъ переселенцевъ — казенныхъ крестьянъ разныхъ вѣдомствъ и разнокалиберныхъ помѣщиковъ, также было не мало. Явились и соседи у дѣдушки: шуринъ его Иванъ Васильевичъ Неклюдовъ, купилъ землю въ двадцати верстахъ отъ Степана Михайловича, перевѣзъ крестьянъ, построилъ деревянную церковь, назвалъ свое село Неклюдовъ, и самъ перебралъ въ него съ семействомъ, чemu дѣдушка совсѣмъ не обрадовался: до всѣхъ родственниковъ своей супруги, до всей Неклюдовицы, — какъ онъ

называлъ ихъ, — Степанъ Михайловичъ былъ большой неохотникъ. Помѣщикъ Бахметевъ купилъ землю еще ближе, верстахъ въ десяти отъ Багрова, на верховье рѣчки Совруши, текущей параллельно съ Бугурусланомъ, на Юго-Западъ; онъ также перевелъ крестьянъ и назвалъ деревню Бахметевкой. Съ другой стороны, верстахъ въ двадцати по рѣкѣ Насягай или Мочагай, какъ и до сихъ поръ называютъ ее туземцы, также звѣлось помѣщичье селеніе, Полибино, впослѣдствіи принадлежавшее Сер. Алекс. Плещееву, а теперь принадлежащее Карамзинамъ. Насягай больше и лучше Бугуруслана: полноводнѣе, рыбнѣе, и птица на немъ водилась и водится гораздо изобильнѣе. По дорогѣ въ Полибино, прямо на Востокъ, верстахъ въ восьми отъ Багрова, заселилась на небольшомъ ручью, большая Мордовская деревня Нойкино; верстахъ въ двухъ отъ нея построилась мельница на рѣчкѣ Бокль, текущей почти параллельно съ Бугурусланомъ на Югъ; не далеко отъ мельницы впадаетъ Бокла въ Насягай, который диагональю съ Сѣверо-Востока торопливо катитъ свои сильныя и быстрыя воды прямо на Юго-Западъ. Верстахъ въ семнадцати отъ Новаго Багрова, принимаетъ онъ въ себя нашъ Бугурусланъ, и усиленный его водами, не далеко отъ города Бугуруслана, соединяется съ большимъ Кинелемъ, теряя въ немъ знаменательное и звучное свое имя.

Наконецъ появился мордовскій выселокъ, подъ названиемъ Кивацкаго, уже только въ двухъ верстахъ отъ дѣдушки, внизъ по Бугуруслану; это была Мордва, отдѣлившаяся отъ селенія Мордовской Бугурусланъ, сидѣвшаго на рѣчкѣ Малой Бугурусланчикѣ, верстахъ въ девяти отъ Багрова. Степанъ Михайловичъ сначала поморщился отъ близкаго сосѣства, напоминавшаго ему старое Троицкое; но тутъ вышло совсѣмъ другое дѣло.

Это были добрые, смиренные люди, уважавшие дедушку, не меньше какъ своего волостнаго начальника. Въ иѣсколько лѣтъ, Степанъ Михайловичъ умѣлъ списывать общую любовь и глубокое уваженіе во всемъ околодкѣ. Онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ дальнихъ и близкихъ, старыхъ и новыхъ своихъ сосѣдей, особенно послѣднихъ, по ихъ незнанію мѣстности, недостатку средствъ и по разнымъ надобностямъ, всегда сопровождающимъ переселенцевъ, которые не рѣдко пускаются на такое трудное дѣло, не принявъ предварительныхъ мѣръ, не заготовя хлѣбныхъ запасовъ, и даже иногда не имѣя, на что купить ихъ. Полные амбары дѣдушки были открыты всѣмъ — бери что угодно. «Сможешь — отдай, при первомъ урожаѣ; не сможешь — Богъ съ тобой»: съ такими словами раздавалъ дѣдушка щедрою рукою хлѣбные запасы на сѣмены и юмы. Къ этому надо прибавить, что онъ былъ такъ разуменъ, такъ снисходителенъ къ просьбамъ и нуждамъ, такъ неизмѣнно вѣренъ каждому своему слову, что скоро сдѣлался истиннымъ оракуломъ вновь заселяющагося уголка обширнаго Оренбургскаго края. Мало того, что онъ помогалъ, онъ воспитывалъ нравственно своихъ сосѣдей! Только правдою можно было получить отъ него все. Кто разъ солгалъ, разъ обманулъ, тотъ и не ходи къ нему на господскій дворъ: не только ничего не получитъ, да въ иной часъ дай Богъ и ноги унести. Много семейныхъссоръ примирилъ онъ, много тяжебныхъ дѣлъ потушилъ въ самомъ началѣ. Со всѣхъ сторонъѣхали и шли къ нему за совѣтомъ, судомъ и приговоромъ — и свидѣли исполненіе они! Я зналъ внуковъ, правнуковъ тогданиаго поколѣнія, благодарной памяти которыхъ въ изустныхъ разсказахъ переданъ былъ благодѣтельный и строгій образъ Степана Михайловича, не забытаго еще и теперь. Много слыхалъ я простыхъ и вмѣстѣ глубо-

кихъ воспоминаний, сопровождаемыхъ слезами и крестнымъ знаменіемъ обь упокоеніи души его. Неудивительно, что собственныя крестьяне любили горячо такого барина; но также любили его и дворовые люди, при немъ служившіе, часто переносившіе страшныя бури его неукротимой вспыльчивости. Впослѣдствіи времени некоторые изъ молодыхъ слугъ его доживали свой вѣкъ при мнѣ, уже стариками; часто рассказывали они о строгомъ, вспыльчивомъ, справедливомъ и добромъ своемъ старомъ баринѣ, и никогда безъ слезъ о немъ не вспоминали.

И этотъ добрый, благодѣтельный и даже снисходительный человѣкъ, омрачался иногда такими вспышками гнева, которыхъ искажали въ немъ образъ человѣческій и дѣлали его способнымъ на ту пору къ жестокимъ, отвратительнымъ поступкамъ. Я видѣлъ его такимъ въ мое дѣтство, что случилось много лѣтъ позднѣе того времени, про которое я рассказываю,—и впечатлѣніе страха до сихъ поръ живо въ моей памяти! Какъ теперь гляжу на него: онъ прогнѣвался на одну изъ дочерей своихъ, кажется за то, что она солгала и заперлась въ обманѣ; двое людей водили его подъ руки; узнать было нельзя моего прежняго дѣдушку; онъ весь дрожалъ. лицо дергало судороги, свирѣпый огонь лился изъ его глазъ, помутившихся, потемнѣвшихъ отъ ярости! «Подайте мнѣ ее сюда!» вопилъ онъ задыхающимся голосомъ. (Это я помню живо: остальное мнѣ часто рассказывали). Бабушка кинулась было ему въ ноги, прося помилованія, но въ одну минуту слетѣть съ нея платокъ и волосникъ, и Степанъ Михайловичъ таскалъ за волосы свою тучную, уже старую Арину Васильевну. Между тѣмъ, не только виноватая, но и всѣ другія сестры и даже братъ ихъ съ молодою женой и маленькимъ сыномъ убѣжали изъ дома и спрятались въ рощу, окружавшую домъ; даже тамъ но-

чевали; только молодая невестка воротилась съ сыномъ, боясь простудить его, и провела ночь въ людской избѣ. Долго бушевала дѣдушка на просторѣ, въ опустѣломъ домѣ. Наконецъ, уставши таскать за косы Арину Васильевну, повалился въ изнеможеніи на постель и наконецъ впалъ въ глубокій сонъ, продолжавшійся до ранняго утра слѣдующаго дня. — Сытель, ясень проснулся на зарѣ Степанъ Михайловичъ, весело крикнуль свою Аришу, которая сейчасъ прибѣжала изъ собственной комнаты съ самымъ радостнымъ лицемъ, какъ будто вчерашиаго ничего не бывало. «Часо! гдѣ дѣти, Алексѣй, невестушка? Подайте Федю», говорилъ проснувшійся безумецъ, и всѣ явились, спокойные и веселые, кроме невестки съ сыномъ. Это была женщина сама съ сильнымъ характеромъ, и никакія просьбы не могли ее заставить такъ скоро броситься съ ласкою къ вчерашнему дикому звѣрю, да и маленький сынъ безпрестанно говорилъ: «боюсь дѣдушки, не хочу къ нему». Чувствуя себя въ самомъ дѣль не хорошо, она сказала больною и не пустила сына. Всѣ пришли въ ужасъ, ждали новой грозы. Но во вчерашиемъ дикомъ звѣрѣ сегодня уже проснулся человѣкъ. Послѣ чаю и шутливыхъ разговоровъ, свекоръ самъ пришелъ къ невесткѣ, которая дѣйствительно была нездорова, похудѣла, перемѣнилась въ лицѣ и лежала въ постель. Старикъ присѣлъ къ ней на кровать, обнялъ ее, поцѣловалъ, назвалъ красавицей—невѣстынькой, обласкалъ внука и наконецъ ушелъ, сказавши, что ему «безъ невѣстыньки будетъ скучно». Черезъ полчаса невестка, щегольски, по городскому разодѣтая, въ томъ самемъ платьѣ, про которое свекоръ говорилъ, что оно особенно идетъ ей къ лицу, держа сына за руку, вошла къ дѣдушкѣ. Дѣдушка ветрѣтиль ее почти со слезами: «Вотъ и большая невестка себя не пожалѣла, встала, одѣлась и пришла развеселить ста-

рика, сказаль онъ съ нѣжностью. Закусили губы и поступили глаза свекровь и золовки, всѣ нелюбившія не вѣстку, которая почтительно и весело отвѣчала на ласки свекра, бросая гордые и торжествующіе взгляды на своихъ недоброхотокъ... Но я не стану болѣе говорить о темной сторонѣ моего дѣдушки; лучше опишу вамъ одинъ изъ его добрыхъ, свѣтлыхъ дней, о которыхъ я много наслышалася.

Добрый день Степана Михайловича.

Въ исходѣ юнаго стояли уже сильные жары. Послѣ душной ночи, потянувшись на разсвѣтѣ восточный, свѣжій вѣтерокъ, всегда унадающій, когда обогрѣть солнце. На восходѣ его проснулся дѣдушка. Жарко было ему спать въ небольшой горницѣ, хотя съ поднятымъ на всю подставку подъемомъ старинной оконной рамы съ мелкимъ переплетомъ, но за то въ пологу изъ домашней рѣдинки. Предосторожность необходима: безъ полога забѣли бы его злые комары и не дали уснуть. Роями носились и тыкались длинными жалами своими въ тонкую преграду крылатые музыканты, и всю ночь пѣли ему докучныя серенады. Смѣшино сказать, а грѣхъ утаить, что я люблю дишкантовый пискъ и даже кусанье комаровъ: въ нихъ слышно мнѣ знайное лѣто, роскошныя безсонныя ночи, берега Бугурслана, обросшія зелеными кустами, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ неслись соловинныя пѣсни; я помню замиряніе молодаго сердца, и сладкую, безотчетную грусть, за которую отдалъ бы теперь весь остатокъ угасающей жизни... Проснулся дѣдушка, обтеръ жаркою рукою горячій потъ съ крутаго, высокаго лба своего,

высунула голову изъ-подъ полога и разсмѣялся. Ванька Мазанъ и Никаноръ Танайченокъ хранили въ растяжку на полу, въ каррикатурно-живописныхъ положеніяхъ. «Экъ хранить собачи дѣти!» сказаль дѣдушка и опять улыбнулся. Степанъ Михайловичъ былъ загадочный человѣкъ: послѣ такого сильнаго словеснаго приступа, слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ подожжкомъ (всегда у постели его стоявшимъ) въ бокъ спящаго, или шинка ногой, даже привѣтствія стуломъ; но дѣдушка разсмѣялся, просыпаясь, и на весь день попадъ въ добрый стихъ, какъ говорится. Онъ всталъ безъ шума, разъ-другой перекрестился, надѣлъ порыжълый, кожаныя туфли на босыя ноги, и въ одной рубахѣ изъ крестьянской оброчной леной холстины (ткацкаго тонкаго полотна на рубашки бабушка ему не давала) вышелъ на крыльцо, гдѣ пріятно обхватила его утренняя, влажная свѣжесть. Я сейчасъ сказаль, что ткацкаго холста на рубашки Арина Васильевна не давала Степану Михайловичу, и всакій читатель вправъ замѣтить, что это не сообразно съ характерами обоихъ супруговъ. Но какъ же быть, прошу не прогнѣваться, такъ было на дѣль: женская натура торжествовала надъ мужскою, какъ и всегда! Не разъ битая за толстое бѣлье, бабушка продолжала подавать его и наконецъ пріучила къ нему старика. Дѣдушка употребилъ однажды самое дѣйствительное, послѣднее средство: онъ изрубилъ топоромъ на порогѣ своей комнаты все бѣлье, спитое изъ оброчной леной холстины, не смотря на вопли моей бабушки, которая умоляла, чтобы Степанъ Михайловичъ «бить ее, да своего добра не рубиъ...» но и это средство не помогло: опять явилось толстое бѣлье—и старикъ покорился.... Виноватъ, опровергая минное замѣчаніе читателя, я прерваль разсказъ про «добрый день моего дѣдушкі.» Никого не беспокоя, онъ самъ

досталь войлочный потникъ, лежавшій всегда въ чуланѣ, подослаль его подъ себя, на верхній ступени крыльца, и съль встрѣтать солнышко по всегдашнему своему обычаю.—Передъ восходомъ солнца бываетъ весело на сердцѣ у человѣка какъ-то безсознательно; а дѣдушкѣ сверхъ того весело было глядѣть на свой господскій дворъ, всѣми нужными по хозяйству строеніями тогда уже достаточно снабженній. Правда, дворъ былъ не обгорожень, и выпущенная съ крестьянскихъ дворовъ скотина, собираясь въ общее мірское стадо, для выгона въ поле, посыщала его мимоходомъ, какъ это было и въ настоящее утро и какъ всегда повторялось по вечерамъ. Нѣсколько запачканныхъ свиней потирались и почесывались о самое то крыльцо, на которомъ сидѣль дѣдушка, и хрюкая, лакомились раковыми скорлупами и всякими столовыми объѣдками, которые безъ церемоніи выкидывались у того же крыльца; заходили также и коровы и овцы; разумѣется, отъ ихъ посыщеній оставались неопрятные слѣды; но дѣдушка не находилъ въ этомъ ничего непріятнаго, а напротивъ любовался, глядя на здоровый скотъ, какъ на вѣрный признакъ довольства и благосостоянія своихъ крестьянъ. Скоро громкое хлопанье длиннаго пастушьяго кнута угнало посѣтителей. Начала просыпаться дворня. Дюжій конюхъ Спиридонъ, котораго до глубокой старости звали «Спирькой», выводилъ одного за другимъ, двухъ рыже-пѣгихъ и третьяго бураго жеребца, привязывалъ ихъ къ столбу, чистилъ и проминаль на длинной коновязи, при чемъ дѣдушка любовался ихъ статами, заранѣе любовался и тою породою, которую надѣялся повести отъ нихъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Проснулась и старая ключница, спавшая на погребицѣ, вышла изъ погреба, сходила на Бугурусланъ умыться, повздыхала, поохала (это была ея неизмѣнная привычка),

помолилась Богу, оборотясь къ солнечному восходу, и принялась мыть, полоскать, чистить горшки и посуду. Весело кружились въ небѣ, щебетали и пѣли ласточки и косаточки, звонко били перепела въ поляхъ, надсъдаясь хрипло кричали въ кустахъ дергуны; подсвистыванье погонышей, токованье и блеянье дикаго барашка неслись съ близняго болота, варакушки въ запуски передразнивали соловьевъ, — выкатывалось изъ-за горы яркое солнце!... Задымились крестьянскія избы, погнулись по вѣтру сизые столбы дыма, точно вереница рѣчныхъ судовъ выкинула свои флаги; потянулись мужички въ поле.... захотѣлось дѣдушкѣ умыться студеной водою, и потомъ напиться чаю. Разбудилъ онъ безобразно спавшихъ слугъ своихъ. Повскакали они, какъ полоумные, въ испугъ, но веселый голосъ Степана Михайловича скоро ободрилъ ихъ: «Мазанъ, умываться! Танайченокъ, будить Аксютку и барыню, — чаю!» Не нужно было повторять приказаний: неуклюжій Мазанъ уже летѣлъ со всѣхъ ногъ съ мѣднымъ, свѣтлымъ рукомойникомъ на родникъ за водою; а проворный Танайченокъ разбудилъ некрасивую Аксютку, которая, поправляя свалившійся на бокъ платокъ, уже будила старую, дородную барыню Арину Васильевну. Въ несколько минутъ весь домъ былъ на ногахъ, и всѣ уже знали, что старый баринъ проснулся весель. Черезъ четверть часа, стояль у крыльца столъ, накрытый бѣлою браною скатерткой домашняго издѣлья, кипѣль самоваръ въ видѣ огромнаго мѣднаго чайника. суетилась около него Аксютка, и здоровалась старая барыня, Арина Васильевна, съ Степаномъ Михайловичемъ, не охая и не стоная, чтѣ было нужно въ иное утро, а весело и громко спрашивала его о здоровьѣ: «какъ почивалъ, и что во снѣ видѣлъ?» Ласково поздоровался дѣдушка съ своей супругой и назвалъ ее Аришней; онъ никогда не цѣловаль ея руки, а свою

давалъ щѣловать въ знакъ милости. Арина Васильевна разгвѣла и помолодѣла: куда дѣвалась ея тучность и неуклюжесть! Сейчасъ принесла скамеечку и усѣлась возль дѣдушки на крыльцѣ, чего никогда не смѣла дѣлать, если онъ не ласково встрѣчалъ ее. — «Напьемся-ка вмѣстѣ чайку, Ариша!» заговорилъ Степанъ Михайловичъ «покуда не жарко. Хотя спать было душно, а спаль я крѣпко, такъ что и сны всѣ заспалъ. Ну, а ты?» Такой вопросъ былъ необыкновенная ласка, и бабушка поспѣшило отвѣчала, что, которую ночь Степанъ Михайловичъ хорошо почивастъ, ту и она хорошо спить; но что Танюша всю ночь металась. Танюша была менышая дочь, и стариkъ любилъ ее больше другихъ дочерей, какъ это часто случается; онъ обезпокоился такими словами и не приказалъ будить Танюшу до тѣхъ поръ, покуда сама не проснется. Татьяну Степановну разбудили вмѣстѣ съ Александрой и Елизаветой Степановными, и она уже одѣлась; но объ этомъ сказать не осмѣшились. Танюша проворно раздѣлась, легла въ постель, вѣлья затворить ставни въ своей горницѣ, и хотя заснуть не могла, но пролежала въ потемкахъ часа два: дѣдушка остался доволенъ, что Танюша хорошо выспалась. Единственного сынка, которому было девять лѣтъ, никогда не будили рано. Старшія дочери явились немедленно; Степанъ Михайловичъ ласково далъ имъ пощѣловать руку и назвалъ одну Лизынькой, а другую Лексаней. Обѣ были очень не глупы; Александра же соединяла съ хитрымъ умомъ отцовскую живость и вспыльчивость, но добрыхъ свойствъ его не имѣла. Бабушка была женщина самая простая и находилась въполномъ распоряженіи у своихъ дочерей; если иногда она осмѣшивалась хитритъ съ Степаномъ Михайловичемъ, то единственно по ихъ наущенію, что, по неумѣнию, рѣдко проходило съ даромъ и что стариkъ знать изнустъ;

онъ зналъ и то, что дочери готовы обмануть его при всякомъ удобномъ слушать, и только отъ скуки, или для сохраненія собственнаго покоя, разумѣется будучи въ хорошемъ расположениі духа, позволялъ имъ думать, что онъ надуваютъ его; при первой же вспышкѣ, все это высказывалъ имъ, безъ пощады, въ самыхъ нецеремонійныхъ выраженіяхъ, а иногда и биваль; но дочери, какъ настоящія Еввины внучки, не унывали: проходилъ часъ гнѣва, прояснялось лицо отца, и онъ сейчасъ принимались за свои хитрые планы, и не рѣдко успѣвали.

Накушавшись чаю и поговоря о всякой всячинѣ съ своей семьей, дѣдушка собрался въ поле. Онъ уже давно сказалъ Мазану: «лошадь!» и старый бурый меренъ, запряженный въ длинныя крестьянскія дороги или роспуски, чрезвычайно покойныя, переплетенныя частою веревочной рѣшеткою, съ длиннымъ лубкомъ по серединѣ, накрытымъ войлокомъ — уже стоялъ у крыльца. Конюхъ Спиридонъ сидѣлъ кучеромъ въ незатѣйливомъ костюмѣ, то есть, просто въ одной рубахѣ, босикомъ, подпоясанный шерстянымъ, тесемочнымъ краснымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ключъ и мѣдный гребень. Въ предыдущий разъ Спиридонъ вѣзилъ въ такую же экспедицію даже безъ шляпы; но дѣдушка побрилъ его за то, и на этотъ разъ онъ приготовилъ себѣ что-то въ родѣ шапки, сплетенной изъ широкихъ лыкъ: дѣдушка посмѣялся надъ его шлычкой, и надѣвъ полевой кафтанъ изъ небѣленаго домашнаго холста, да картузъ, и подославъ подъ себя про запасъ отъ дожда армикъ, сѣлъ на дороги. Спиридонъ также подложилъ подъ себя, сложенный въ троє свой обыкновенный запунъ, изъ крестьянскаго благо сукна, но окрашенный въ ярко-красный цветъ марены, которой много родилось въ поляхъ. Этотъ красный цветъ

быть въ такомъ употреблениі у стариковъ, что багров-
скихъ дворовыхъ сосьди звали «марениками»; я самъ
слыхалъ это прозвище, лѣтъ пятнадцать послѣ смерти
дѣдушки. Въ полѣ Степанъ Михайловичъ былъ всѣмъ
доволенъ. Онъ осмотрѣлъ оцвѣтавшую рожь, которая, въ
человѣка вышиною, стояла какъ стѣна; дулъ легкій вѣте-
рокъ, и синія волны ходили по ней, то свѣтлѣе, то тем-
нѣе отражаясь на солнцѣ. Любо было глядѣть хозяину
на такое поле! Дѣдушка обѣхалъ молодые овсы, полбы
и всѣ яровые хлѣба; потомъ отправился въ паровое
поле, и приказалъ возить себя взадъ и впередъ, по
вспареннымъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный
способъ узнавать доброту пашни: всякая цѣлизна, всякое
нетронутое сохою мѣстечко, сейчасъ встрагивало какія
дороги, и если дѣдушка бывалъ не въ духѣ, то на такомъ
мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посыпалъ за ста-
ростой, если его не было съ нимъ, и расправа произво-
дилась немедленно. Въ этотъ разъ все шло благополучно;
можетъ быть и попадались цѣлизны, только Степанъ
Михайловичъ ихъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить.
Онъ заглянулъ также на мѣста степныхъ сѣнокосовъ и
полюбовался густой высокой травой, которую чрезъ не-
сколько дней надо было косить. Онъ побывалъ и на
крестьянскихъ поляхъ, чтобы знать самому, у кого уро-
дился хлѣбъ хорошо и у кого плохо, даже паръ кресть-
янскій обѣхалъ и попробовалъ, все замѣтилъ и ничего не
забылъ. Пробѣжая чрезъ залежи и увидѣвъ поспѣвшую
клубнику, дѣдушка остановился и, съ помощью Мазана,
набралъ большую кисть крупныхъ, чудныхъ ягодъ и
повезъ домой своей Аришѣ. Не смотря на жаръ, онъ
проездилъ почти до полдня. Только завидѣли спускаю-
щіяся съ горы дѣдушкіны дороги — кушанье уже стояло
на столѣ, и вся семья ожидала хозяина на крыльцѣ.

«Ну, Ариша, весело сказалъ дѣдушка, какіе хлѣба даетъ намъ Богъ! Велика милость Господня! А вотъ тебѣ и клубничка.» Бабушка растаяла отъ радости; «на половину поспѣла» продолжалъ онъ: «съ завтрашняго дня посыпать по ягоды.» Говоря эти слова, онъ входилъ въ переднюю; запахъ горячихъ щей несся ему на встрѣчу изъ залы. «А, готово!» еще веселѣе сказалъ Степанъ Михайловичъ: «спасибо»; и не закодя въ свою комнату, прямо прошелъ въ залу и сѣлъ за столъ. Надобно сказать, что у дѣдушки былъ обычай: когда онъ возвращался съ поля, рано или поздно, — чтобы кушанье стояло на столѣ, и Боже сохрани, если прозѣваютъ его возвращеніе и не успѣютъ подать обѣда. Бывали примѣры, что отъ этого происходили печальные послѣдствія. Но въ этотъ блаженныи день все шло, какъ по маслу, все удавалось. Здоровенный дворовый парень, Николка Рузанъ стаѣ за дѣдушкой съ цѣльмъ сучкомъ березы, чтобы обмахивать его отъ мухъ. Горячія щи, отъ которыхъ русскій человѣкъ не откажется въ самые палиющіе жары, дѣдушка хлебалъ деревянной ложкой, потому-что серебряная обжигала ему губы; за ними слѣдовала батвина со льдомъ, съ прозрачнымъ балькомъ, желтой какъ воскъ соленой осетриной и съ чищеными раками, и тому подобныя легкія блюда. Все это запивалось домашней брагой и квасомъ, также со льдомъ. Обѣдъ былъ превеселый. Всѣ говорили громко, шутили, смѣялись; но бывали обѣды, которые проходили въ страшной тишинѣ и безмолвномъ ожиданіи какой-нибудь вспышки. Всѣ дворовые мальчишки и дѣвченки знали, что старый баринъ весело кушаетъ, и всѣ набились въ залу за подачками; дѣдушка щедро одѣялъ всѣхъ, потому-что кушанья готовилось впятеро болѣе, чѣмъ было нужно. Послѣ обѣда, онъ сейчасъ легъ спать. Вымахали мухъ изъ по-

лога, опустили его надъ дѣдушкой, подтыкали кругомъ края подъ перину; скоро сильный храпъ возвѣстилъ, что хозяинъ спитъ богатырскимъ сномъ. Всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ также отдохать. Мазанъ и Танайченокъ, предварительно пообѣдавъ и наглотавшись обѣдковъ отъ барского стола, также растянулись на полу въ передней, у самой двери въ дѣдушкину горницу. Они спали и до обѣда, но и теперь не замедлили заснуть; только духота и упёка отъ солнца, ярко свѣтившаго въ окна, скоро ихъ разбудила. Отъ сна и отъ жара пересохло у нихъ въ горлѣ, захотѣлось имъ прохладить горячія гортани господской бражкой съ ледкомъ, и вотъ на какую штуку пустились дерзкіе лежебоки: въ непрітворенную дверь достали они дѣдушкинъ халатъ и колпакъ, лежавшіе на стульѣ у самой двери. Танайченокъ надѣль на себя барское платье и сѣлъ на крыльцо, а Мазанъ побѣжалъ со жбаномъ на погребъ, разбудилъ ключницу, которая, какъ и всѣ въ домѣ, спала мертвымъ сномъ, требовала поскорѣе проснувшемуся барину студеной браги, и когда ключница изъявила сомнѣніе, проснулся ли баринъ,—Мазанъ указалъ ей на фигуру Танайченка, сидящаго на крыльцѣ въ халатѣ и колпакѣ; нацѣдили браги, положили льду, проворно побѣжалъ Мазанъ съ добычей. Жбанъ вышли по-братски, положили халатъ и колпакъ на старое мѣсто, и цѣлый часъ еще дожидались, пока проснется дѣдушка. Еще веселье утрошняго проснулся баринъ, и первое его слово было: «студеной бражки.» Перепугались лакеи: Танайченокъ побѣжалъ къ ключницѣ, которая сейчасъ догадалась, что первый жбанъ вышли они сами; она отпустила пойла, но вслѣдъ за посланнымъ сама подошла къ крыльцу, на которомъ сидѣль уже въ халатѣ настоящій баринъ. Съ первыхъ словъ обманъ открылся, и дрожащіе отъ страха Мазанъ

и Танайченокъ повалились барину въ ноги, и чтожь, вы думаете, сдѣлалъ дѣдушка?... Расхохотался, послать за Аришой и за дочерьми, и громко смеясь, рассказалъ имъ всю продѣлку своихъ слугъ. Отдохнули бѣднаги отъ страха, и даже одинъ изъ нихъ улыбнулся. Степанъ Михайловичъ замѣтилъ, и чуть-чуть не разсердился; брови его уже начали было морщиться, но въ его душѣ такъ много было тихаго спокойствія отъ цѣлаго веселаго дня, что лобъ его разгладился, и грозно взглянувъ, онъ сказалъ: «ну, Богъ простить на этотъ разъ, но если въ другой....» договаривать было не нужно.

Нельзя не подивиться, что у такого до безумія горячаго и въ горячности жестокаго господина, люди могли рѣшились на такую наглую шалость. Но много разъ я замѣчалъ въ продолженіе моей жизни, что у самыхъ строгихъ господъ прислуга пускалась на отчаянныя проказы. Съ дѣдушкой же моимъ это было не единственный случай. Тотъ же самый Ванька Мазанъ, подметая однажды горницу Степана Михайловича и собираясь переслать постель, соблазнился мягкой пуховой периной и такими же подушками, вздумалъ понежиться, полежать на барской кровати, легъ да и заснуль. Дѣдушка самъ нашелъ его, крѣпко спящаго въ этомъ положеніи, и — только разсмѣялся. Правда, онъ отвѣсилъ ему добрый разъ своимъ калиновымъ подожкомъ; но это такъ, ради смѣха, чтобъ позабавиться сюрпризомъ Мазана. Впрочемъ, съ Степаномъ Михайловичемъ и не то случилось: во время его отсутствія, выдали за-мужъ четырнадцатилѣтнюю девочку, двоюродную его сестру П. И. Багрову, круглую, но очень богатую сироту, жившую у него въ домѣ и горячо имъ любимую—за такого развратного и страшнаго человѣка, котораго онъ терпѣть не могъ. Конечно,

это дѣло устроили близкіе родные его сестры съ материнской стороны, но съ согласія Арины Васильевны и при содѣйствіи ея дочерей. Объ этомъ я разскажу послѣ, теперь же возвратимся къ добруму дню моего дѣдушки.

Онъ проснулся часу въ пятомъ по полудни, и, послѣ студеной бражки, не смотря на палиацій зной, скоро захотѣлъ накушаться чаю, вѣруя, что горячее питье уменьшаетъ тягость жара. Онъ сходилъ только искупаться въ прохладномъ Бугурусланѣ, протекавшемъ подъ окнами дома, и воротясь, нашелъ всю свою семью, ожидающую его у того же чайного стола, поставленнаго въ тѣни, съ тѣмъ же кипящимъ чайникомъ, самоваромъ и съ тою же Аксюткою. Накушавшись до сыта любимаго потогоннаго напитка, съ густыми сливками и толстыми подрумянившимися пѣнками, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать для прогулки на мельницу. Разумѣется всѣ съ радостю согласились, и двѣ тетки мои, Александра и Татьяна Степановны, взяли съ собой удочки, потому что были охотницы до рыбной ловли. Въ одну минуту запрягли двое длинныхъ дрогъ: на однихъ сѣль дѣдушка съ бабушкой, посадивъ промежъ себя единственнаго своего наследника, драгоценную отрасль древняго своего дворянскаго рода; на другихъ дрогахъ помѣстились три тетки и парень Николашка Рузанъ, взятый для того, чтобы нарыть въ плотинѣ червяковъ и насаживать ими удочки у барышень. На мельницѣ бабушки принесли скамейку, и она усѣлась въ тѣни мельничнаго амбара, не подалеку отъ кауза, около котораго удили ея меньшая дочери, а старшая, Елизавета Степановна, сколько изъ угощенія къ отцу, столько и по собственному расположению къ хозяйству, пошла съ Степаномъ Михайловичемъ осматривать мельницу

и толчою. Малолѣтный сынокъ, то смотрѣль, какъ удалять рыбу сестры, (самому ему удить на глубокихъ мѣстахъ еще не позволяли), то игралъ около матери, которая не спускала съ него глазъ, боясь, чтобы ребенокъ не свалился какъ-нибудь въ воду. Оба камня мололи: однимъ обдирали пшеницу для господскаго стола, а на другомъ мололи завозную рожь; толчя толкли просо. Дѣдушка былъ знатокъ всякаго хозяйственнаго дѣла; онъ хорошо разумѣлъ мельничный уставъ и толковалъ своей умной и понятливой дочери всѣ тонкости этого дѣла. Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ уставѣ жернововъ: одинъ изъ нихъ приказалъ опустить на пол-зарубки, и мука пошла мельче, чѣмъ помолецъ былъ очень доволенъ; на другомъ поставѣ по слуху угадалъ, что одна цѣвка въ шестернѣ начала подтираться; онъ приказалъ запереть воду, мельникъ Болтушенокъ соскочилъ внизъ, осмотрѣлъ и ощупалъ шестерню, и сказалъ: «Правда твоя, батюшка Степанъ Михайловичъ! одна цѣвка маленько пообтерлась.» — «То-то маленько», безъ всякаго неудовольствія возразилъ дѣдушка; «кабы и не пришелъ, такъ шестерня-то бы ночью сломалась.» — «Виновать, Степанъ Михайловичъ, не доглядѣть.» — «Ну, Богъ проститъ, давай новую шестернию, а у старой подтертую цѣвку перемѣнить, да чтобы новая была не толще не тоньше другихъ — въ этомъ вся штука.» Сейчасъ принесли новую шестернию, заранѣе приложеннюю и пробованную, вставили на мѣсто прежней, смазали, гдѣ надобно, дегтемъ, пустили воду не вдругъ, а по немногу, (то же по приказанію дѣдушки), — и запѣль, замолотъ жерновъ безъ перебоя, безъ стука, а плавно и ровно. Потомъ пошелъ дѣдушка съ своей дочерью на толчою, захватилъ изъ ступы горсть толченаго проса, обдуль его на ладони и сказалъ помолнику, знакомому Мордвину: «чего смот-

риши, сюсъдъ Васюха? Видиши, ни одного не ото, чнааго зериышка ить. Вѣдь перепустиши, такъ ишена-то будеть меныше.» Васюха самъ попробовалъ и самъ увидѣль, что дѣдушка говоритъ правду; сказалъ спасибо, поклонился, то-есть, кивнулъ головой, и побѣжалъ запереть воду. Оттуда прошелъ дѣдушка съ своей ученицей на птичный дворъ; тамъ все нашелъ въ отличномъ порядке: гусей, утокъ, индѣекъ и куръ было великое множество, и за всѣмъ смотрѣла одна пожилая баба съ внучкой. Въ знакъ особенной милости дѣдушка далъ обѣимъ поцѣловать ручку, и приказалъ, сверхъ мѣсячины, выдавать птичницѣ ежемѣсячно по полупуду ишеничной муки на проги. Весело воротилъ Степанъ Михайловичъ къ Аринѣ Васильевнѣ, всѣмъ быль онъ доволенъ: и дочь понятна, и мельница хорошо мелетъ, и птичница Татьяна Горожана (*) хорошо смотрить за птицею.

Жарь давно свалилъ, прохлада отъ воды умножала прохладу отъ наступающаго вечера, длинная туча пыли шла по дорогѣ и приближалась къ деревнѣ, слышалось въ ней блеянье и мычанье стада, опускалось за крутую гору потухающее солнце. Стоя на плотинѣ, любовался Степанъ Михайловичъ на широкій прудъ, какъ зеркало неподвижно лежавшій въ отлогихъ берегахъ своихъ; рыба играла и плескалась безпрестанно; но дѣдушка не былъ рыбакомъ. — «Пора, Ариша, домой, староста, чай, ждеть меня,» сказалъ онъ. Меньшая дочери, видя его въ веселомъ расположениіи, стали просить позволенія остататься поудить, говоря, что на солнечномъ закатѣ рыба клюетъ лучше, и что черезъ полчаса онъ придуть пѣшкомъ.

(*) Прозваніе «Горожаны» она имела потому, что иѣсколько времени съ молоду жила въ какомъ-то городѣ.

Дѣдушка согласился и уѣхалъ съ бабушкой домой, на своихъ дорогахъ, а Елизавета Степановна съ маленьkimъ братомъ сѣла на другія дороги. Степанъ Михайловичъ не ошибся: у крыльца ожидалъ его староста, да и не одинъ, а съ нѣсколькими мужиками и бабами. Староста уже видѣлъ барина, зналъ, что онъ въ веселомъ духѣ, и рассказалъ о томъ кое-кому изъ крестьянъ; нѣкоторые, имѣвшіе до дѣдушки надобности или просьбы, выходящія изъ числа обыкновенныхъ, воспользовались благопріятнымъ случаемъ, и всеѣ были удовлетворены: дѣдушка далъ хлѣба крестьянину, который не заплатилъ еще старого долга, хотя и могъ это сдѣлать; другому позволилъ женить сына, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ, которую назначилъ самъ; позволилъ виноватой солдаткѣ, которую приказалъ было выгнать изъ деревни, жить по прежнему у отца, и проч. Этого мало: всѣмъ было поднесено по серебряной чаркѣ, вмѣщавшей въ себѣ болѣе кваснаго стакана, домашнаго крѣпкаго вина. Коротко и ясно отдалъ дѣдушка хозяйственныя приказанія старостѣ и поспѣшилъ за ужинъ, нѣсколько времени его уже ожидавшій. Вечерній столъ мало отличался отъ обѣденнаго, и вѣроятно, кушали за нимъ даже поплотнѣе, потому-что было не такъ жарко. Послѣ ужина Степанъ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе еще съ полчаса посидѣть въ одной рубахѣ и прохладиться на крыльце, отпустя семью свою на покой. Въ этотъ разъ, нѣсколько болѣе обыкновеннаго онъ шутилъ и смѣялся съ своей прислугой; заставлялъ Мазана и Танайченка бороться и драться на кулачки, и такъ ихъ подразнивалъ, что они, не шутя, колотили другъ друга и вѣспились даже въ волосы; но дѣдушка, до сыта насытившись, повелительнымъ словомъ и голосомъ заставилъ ихъ опомниться и разойдтись.

Лѣтняя, короткая, чудная ночь обнимала всю природу. Еще не угасъ свѣтъ вечерней зари и не угаснетъ до начала сосѣдней утренней зари! Часъ отъ часу темнѣла глубь небеснаго свода, часъ отъ часу ярче сверкали звѣзды, громче раздавались голоса и крики ночныхъ птицъ, какъ будто они приближались къ человѣку! Ближе шумѣла мельница и толкла толчя въ ночномъ сыромъ туманѣ... Всталъ мой дѣдушка съ своего крылечка, перекрестился разъ-другой на звѣздное небо и легъ почивать, не смотря на духоту въ комнатѣ, на жаркій пуховикъ, и приказалъ опустить на себя пологъ.

ВТОРОЙ ОТРЫВОКЪ

изъ

СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

CHURCH OF CHRIST

1914 года 15 октября

МИХАЙЛА МАКСИМОВИЧЬ

КУРОЛЕСОВЪ.

Михаилъ Максимовъ

Я обѣщаль разскaзать особо объ Михайлѣ Максимовичѣ Куролесовѣ и его женитѣ на двоюродной сестрѣ моего дѣдушки, Прасковѣ Ивановнѣ Багровой. Начало этого события происходило въ 1760-хъ годахъ, прежде того времени, о которомъ я разскaзывалъ въ первомъ отрывкѣ изъ Семейной Хроники, а конецъ гораздо позже. Исполняю мое обѣщаніе.

Степанъ Михайловичъ быль единственный сынъ Михаила Петровича Багрова, а Прасковья Ивановна — единственная дочь Ивана Петровича Багрова. Дѣдушка мой очень любилъ ее, какъ единственную женскую отрасль рода Багровыхъ и какъ единственную свою двоюродную сестру. Прасковья Ивановна лишилась матери еще въ колыбели, а десяти лѣтъ потеряла отца. Мать ея была изъ рода Бактеевыхъ, и очень богата: она оставила дочери 900 душъ крестьянъ, много денегъ и еще болѣе драгоценныхъ вещей и серебра; послѣ отца также получила она 300 душъ; и такъ она была богатая сирота и будущая богатая невѣста. Послѣ смерти отца, она сначала жила у бабушки Бактеевой, потомъ прїѣзжала и гостила по-долгу въ Троицкомъ, и наконецъ Степанъ Михайловичъ перевезъ ее на житѣе къ себѣ. Любя не менѣе дочерей свою

сестричку-сиротку, какъ называлъ ее Степанъ Михайловичъ, онъ былъ очень нѣженъ съ ней по своему; но Прасковья Ивановна, по молодости лѣтъ, или лучше сказать по дѣтскости своей, не могла цѣнить любви и нѣжности своего двоюроднаго брата, которыя не выражались никакимъ баловствомъ, къ чему она уже попривыкла, поживши довольно долго у своей бабушки; и такъ не мудрено, что она скучала въ Троицкомъ и что ей хотѣлось воротиться къ прежней своей жизни у старушки Бактеевой. Прасковья Ивановна была не красавица, но имѣла правильныя черты лица, прекрасные, умныя, сѣрые глаза, довольно широкія, длинныя, темныя брови, показывающія твердый и мужественный нравъ, стройный высокій ростъ, и въ четырнадцать лѣтъ казалась осьмнадцати-лѣтнею девицей; но не смотря на тѣлесную свою зрѣлость, она была еще совершенный ребенокъ и сердцемъ и умомъ: всегда жива, веселая, она развивалась, прыгала, скакала и пѣла съ утра до вечера. Голосъ имѣла чудесный, страстно любила пѣсни, качели, хороводы и всякия игрища, и когда ничего этого не было, то цѣлый день играла въ куклы, непремѣнно сопровождая свои игры всякаго рода русскими пѣснями, которыхъ и тогда знала безчисленное множество.

За годъ до переѣзда ея къ Степану Михайловичу, прѣхалъ въ Симбирскую губернію, въ отпускъ, молодой человѣкъ, лѣтъ 28-ми, родовой тамошній дворянинъ, Михаилъ Максимовичъ Куролесовъ, служившій въ военной службѣ; онъ былъ, какъ говорится, молодецъ собой. Многіе называли его даже красавцемъ; но иные говорили, что онъ, не смотря на свою красивость, былъ какъ-то не пріятенъ, и я въ ребячествѣ слыхалъ объ этомъ споры между бабушкой и моими тетками. Съ пятнадцатилѣтняго возраста онъ находился въ службѣ въ какомъ-то извѣст-

номъ тогда славномъ полку и дослужился уже до чина майора. Въ отпускъ прѣжжалъ рѣдко, да и прѣзжать было не къ чему, потому что у него родового имѣнія всего было душъ съ полтораста, и то малоземельныхъ, находившихся въ разнопомѣстномъ селеніи Грачовкѣ. Разумѣется, онъ не имѣлъ настоящаго образованія, но былъ боекъ на словахъ и писалъ также бойко и складно. Я имѣлъ въ своихъ рукахъ много его писемъ, изъ которыхъ очевидно, что онъ былъ человѣкъ толковый, ловкий и въ тоже время твердый и дѣловой. Не знаю, какъ онъ былъ родня нашему безсмертному Суворову, но въ перепискѣ Куролесова я нашелъ нѣсколько писемъ геніального полководца, которыя всегда начинались такъ: «Милостивый Государь мой, братець Михаиль Максимовичъ» и оканчивались: «съ достодолжнымъ почтеніемъ къ вамъ и милостивой Государынѣ сестрицѣ Прасковѣ Ивановнѣ, честь имью быть и проч.» Михаила Максимовича мало знали въ Симбирской губерніи, но какъ «слухомъ земляолнится», и притомъ, можетъ быть, онъ и въ отпуску позволялъ себѣ кое-какія дебоши, какъ тогда выражались, да и прѣжившій съ нимъ деньщикъ или крѣпостной лакей, не смотря на строгость своего командира, по секрету кое-что пробалтывалъ,—то и составилось о немъ мнѣніе, которое вполнѣ выражалось слѣдующими афоризмами, что «майоръ шутить не любить, что у него ходи по стрункѣ и съ тропы не сваливайся, что онъ солдата не выдастъ и коли можно, покроетъ, а если попадся, такъ ужъ помилованья не жди, что слово его крѣпко, что если пойдетъ на скору, то ему и чортъ не братъ, что онъ лихой, бѣдовый, что онъ гусь ллпчатый, зевръ полосатый....»; (*) но всѣ единогласно называли его отлич-

(*) Двумя последними поговорками, не смотря на видимую ихъ неопределенность, русской человѣкъ опредѣляетъ очень много, ярко и понятно для всякаго.

нымъ хозяиномъ. Носились также слухи, вѣроятно вышедши изъ тѣхъ же источниковъ, что майоръ большой гуляка, т.-е. охотникъ до женского пола и до хмѣльного, но знаетъ всему мѣсто и время. Первая охота прикрывалась поговоркою, что «быть молодцу не укора»; а вторая, что «выпить мужчинѣ не бѣда» и что «кто пьянъ да умень, — два угодья въ немъ». И такъ майоръ Куролесовъ не имѣлъ положительно дурной репутаціи, а напротивъ въ глазахъ многихъ имѣлъ репутацію выгодную. Къ тому же быть искателемъ, умѣть привлекаться и привлакать, оказывать уваженіе старшимъ и почетнымъ людямъ, и потому приняли его всѣ радушно и съ удовольствіемъ. Будучи близкимъ сосѣдомъ Бактеевыхъ, которымъ приходился дальнимъ родственникомъ по мужу дочери Бактеевой, А. А. Курмышевой (да кажется и крестьяне ихъ жили въ одномъ селѣ), онъ умѣлъ такъ сыскать ихъ расположеніе, что всѣ его любили и носили на рукахъ. Сначала дѣлать онъ это безъ особенныхъ видовъ, а въ следствіе своего неизмѣнаго правила «добиваться благосклонности людей поченныхъ и богатыхъ»; но потомъ, увидѣвъ тамъ живую, веселую и богатую Прасковью Ивановну, по наружности совершенную уже невѣсту, — онъ составилъ планъ жениться на ней и прибрать къ рукамъ ея богатство. Съ этой опредѣленной цѣлью онъ удвоилъ свои заискиванія въ бабушку и тетку Прасковы Ивановны и добился до того, что онъ въ немъ, какъ говорится, души не чаялъ; да и за молодой дѣвушкой начальъ такъ искусно ухаживавъ, что она его полюбила, разумѣется, какъ человѣка, который потакалъ всѣмъ ея словамъ, исполнялъ желанія и вообще баловалъ ее. Михаилъ Максимовичъ открылся роднымъ Прасковы Ивановны, прикинулся влюбленнымъ въ молодую сироту и всѣ повѣрили, что онъ ею смертельно заразился, грезить ею

во снѣ и на яву, сходить отъ нее съ ума; повѣрили, одобрили его намѣреніе и приняли бѣднаго страдальца подъ свою защиту. При такомъ благосклонномъ покровительствѣ родныхъ, не трудно было ему успѣть въ своемъ намѣреніи: онъ угощалъ дѣвочкѣ доставленіемъ разныхъ удовольствій, каталъ на лихихъ своихъ коняхъ, качалъ на качеляхъ и самъ качался съ ней, мастерски пѣвалъ съ нею русскія пѣсни, дарилъ разными бездѣлушкиами и выписывалъ для нее затѣйливыя дѣтскія игрушки изъ Москвы.

Зная, что для полнаго успѣха необходимо получить согласіе двоюроднаго брата и опекуна невѣсты, Михаилъ Максимовичъ попробовалъ втереться въ милость и къ моему дѣдушкѣ. Подъ разными предлогами, съ рекомендательными письмами отъ родныхъ Прасковы Ивановны, прїѣзжалъ онъ къ Степану Михайловичу въ деревню — но не понравился хозяину. Съ первого взгляда это можетъ показаться страннымъ: отъ чего бы не понравиться? У молодаго майора были нѣкоторыя качества, которыя, какъ будто бы, симпатизировали съ свойствами Степана Михайловича; но у старика, кроме здраваго ума и свѣтлаго взгляда было это нравственное чутье людей честныхъ, прямыхъ и правдивыхъ, которое чувствуетъ съ первого знакомства съ человѣкомъ неизвѣстнымъ — кривду и неправду его, для другихъ незамѣтную; которое слышитъ зло подъ благовидною наружностью и угадываетъ будущее его развитіе. Ласковыя рѣчи и почтительный тонъ не обманули Степана Михайловича, и онъ съ разу отгадалъ, что тутъ скрываются какія-нибудь плутни. При томъ дѣдушка быть самой строгой и скромной жизни, и слухи, еще прежде случайно дошедши до него, такъ легко извиняемые другими, о безпутствѣ майора, поселили отвращеніе къ нему въ цѣломудренной душѣ Степана Михай-

ловича, и хотя онъ самъ былъ горячъ до бѣшенства, но недобрыхъ, злыхъ и жестокихъ безъ гнѣва людей — терпѣть не могъ. Всѣдѣствіе всего этого принялъ онъ Михаила Максимовича холодно и сухо, не смотря на умные и дальние разговоры обо всемъ и особенно о хозяйствѣ; когда же гость, увидѣвъ Прасковью Ивановну, уже перешедшую въ то время къ моему дѣдушкѣ, стала любезничать съ нею, какъ старый знакомый, и она слушала его съ удовольствіемъ, то у дѣушки, по обыкновенію, покривилась голова на сторону, посдвинулись брови и покосился онъ на гостя не ласково. Напротивъ Арина Васильевна и всѣмъ дочерямъ гость очень приглянулся, потому что съ первыхъ минутъ онъ умѣлъ къ нимъ подольститься, и онъ пустились было съ нимъ въ разныя ласковыя рѣчи; но вышесказанные мною зловѣщіе признаки грозы на лицѣ Степана Михайловича всѣхъ обдали холодомъ и всѣ прикусили язычки. Гость попытался въстановить общественное спокойствіе и пріятность бесѣды, но напрасно; отъ всѣхъ началь онъ получать короткіе отвѣты, отъ хозяина же и не совсѣмъ учтивые. Дѣлать было нечего, надо было уѣхать, хотя уже наступало позднее ночное время и слѣдовало бы гостю, по деревенскому обычая, остаться ночевать. «Дрянь человѣкъ и плутъ, авось въ другой разъ не прѣдѣть», сказаль Степанъ Михайловичъ семье своей, и конечно ничей голосъ не возразилъ ему; но за то потихоньку долго хвалили браваго майора, и охотно слушала и рассказывала про его угодливости молодая дѣвочка, богатая сирота.

Похлебавъ несолено, отѣхалъ Михаилъ Максимовичъ отъ Степана Михайловича и воротился къ Бактеевой съ извѣстіемъ о своей неудачѣ. Дѣдушку моего хорошо знали, и съ первой минуты потеряли всякую надежду на его добровольное согласіе. Долго думали, но ничего не

придумали. Отважный майоръ предлагалъ пригласить молодую дѣвушку въ гости къ бабушкѣ и обѣничаться съ ней безъ согласія Степана Михайловича, но Бактеева и Курмышева были увѣрены, что дѣдушка мой не отпустить свою сестру одну, а если и отпустить, то очень не скоро, а майору оставаться долье было не лъзя. Онъ предлагалъ отчаянное средство: уговорить Прасковью Ивановну къ побѣгу, увезти ее и сейчасъ гдѣ-нибудь обѣничаться; но родные и слышать не хотѣли о такомъ зазорномъ дѣлѣ — и Михаилъ Максимовичъ уѣхалъ въ полкъ. Пути Провидѣнія для насъ непостижимы, а потому мы не можемъ судить, отчего судьбѣ было угодно, чтобъ это злое намѣреніе увѣничалось успѣхомъ. Черезъ полгода, вдругъ получила старуха Бактеева извѣстіе, что Степанъ Михайловичъ, по весьма важному дѣлу, уѣзжаетъ куда-то далеко и надолго. Куда и зачѣмъ уѣзжалъ онъ — не знаю, только куда-то далеко, въ Астрахань или въ Москву, и непремѣнно по дѣлу, потому что бралъ съ собой новѣреннаго Пантелея Григорьевича. Сейчасъ послали грамоту къ Степану Михайловичу и просили позволенія, чтобъ внучка, во время отсутствія своего опекуна и брата, прїѣхала погостить къ бабушкѣ, но получили короткій отвѣтъ: «что Парашъ и здѣсь хорошо, и что если желають ее видѣть, то могутъ прїѣхать и прогостить въ Троицкомъ сколько угодно». Пославъ такой положительный отвѣтъ и пригрозивъ строго на-строго своей, всегда покорной супругѣ, чтобъ она берегла Парашу, какъ зеницу своего ока и никуда изъ дома не отпускала, Степанъ Михайловичъ отправился въ путь.

Бактеева пересыпалась и переписывалась съ Прасковьей Ивановной и съ семействомъ моего дѣдушки. Сейчасъ по полученіи извѣстія, что онъ уѣхалъ, Бактеева увѣдомила объ этомъ Михаила Максимовича Куролесова, прибавя, что

Степанъ Михайловичъ уѣхалъ надолго, и что не можегъ ли онъ прїѣхать, чтобы лично хлопотать по извѣстному дѣлу; а сама старуха Бактеева съ дочерью, немедленно отправилась въ Троицкое. Она всегда была въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ариной Васильевной; узнавъ, что Куролесовъ и ей очень понравился, она открылась, что молодой майоръ безъ памяти влюбленъ въ Парашеньку; распространялась въ похвалахъ жениху и сказала, что ничего такъ не желаетъ, «какъ пристроить при своей жизни свою внучку-сиротинку, иувѣрена въ томъ, что она будетъ счастлива; что она чувствуетъ, что ей уже не долго жить на свѣтѣ, и потому хотѣла бы поторопиться этимъ дѣломъ. Арина Васильевна съ своей стороны совершенно одобрила такое намѣреніе, но выразила сомнѣніе «чтобы Степанъ Михайловичъ на это согласился, и что Богъ знаетъ почему, Михаилъ Максимовичъ, хотя всѣмъ взялъ, но ему больно не понравился». — Призвали на совѣтъ старшихъ дочерей Арины Васильевны, и подъ предсѣдательствомъ старухи Бактеевой и ея дочери Курмышевой, особенно горячо хлопотавшей за майора, положено было: предоставить улаживаніе этого дѣла родной бабушкѣ, потому что она внучкѣ всѣхъ ближе, но такимъ образомъ, чтобы супруга Степана Михайловича и ея дочери остались въ сторонѣ, какъ будто онъ ничего не знаютъ и ничему не причастны. Я уже сказалъ прежде, что Арина Васильевна была женщина добрая и очень простая; дочери ея были совершенно на сторонѣ Бактеевой, а потому и не мудрено, что ее могли уговорить способствовать такому дѣлу, за которое Степанъ Михайловичъ жестоко будетъ гнѣваться. Между тѣмъ беззаботная и веселая сирота и не подозрѣвала, что рѣшаются судьбу ея. Объ Михаилѣ Максимовичѣ часто говорили при ней, хвалили изо всѣхъ силъ, увѣряли, что онъ любить ее больше

своей жизни, что день и ночь думаетъ о томъ, какъ-бы ей угодить, и что если онъ скоро пріѣдетъ, то вѣрно привезетъ ей множество московскихъ гостинцевъ. Прасковья Ивановна слушала съ удовольствіемъ такія рѣчи и говорила, что она сама никого на свѣтѣ такъ не любить, какъ Михаила Максимовича. Нокуда гостила старуха Бактеева въ Троицкомъ, ей привезли изъ деревни письмо отъ Куролесова, который уведомлялъ, что какъ скоро получитъ отпускъ, то немедленно пріѣдетъ. Наконецъ Бактеева и Курмышева, условившись съ Ариной Васильевной, что она ни о чёмъ къ своему супругу писать не станетъ и отпустить къ нимъ Парашеньку, несмотря на запрещеніе Степана Михайловича, подъ предлогомъ тижкой болѣзни родной бабушки, -- уѣхали въ свое помѣстье. Прасковья Ивановна плакала и просила къ бабушкѣ, особенно узнавъ, что майоръ скоро пріѣдетъ; но ее не пустили изъ уваженія къ приказанію братца, Степана Михайловича. Куролесовъ не могъ получить немедленно себѣ отпуска и пріѣхалъ мѣсяца черезъ два. Вскорѣ послѣ его пріѣзда, отправили гонца съ письмомъ въ Троицкое къ Аринѣ Васильевнѣ; въ письмѣ Курмышева уведомляла, что старуха Бактеева сдѣлалась отчаянно больна, желаетъ видѣть и благословить внучку, а потому просить прислать ее съ кѣмъ-нибудь; было прибавлено, что безъ сомнѣнія Степанъ Михайловичъ не будетъ гнѣваться за нарушеніе его приказанія, и конечно бы отпустилъ внучку проститься съ своей родной бабушкой. Письмо очевидно было написано напоказъ, для оправданія Арины Васильевны передъ строгимъ супругомъ. Вѣрная своему обѣщанію и обезпеченнія такимъ письмомъ, Арина Васильевна, немедленно собралась въ дорогу и сама отвезла Парашеньку къ ея мнимо-умирающей бабушкѣ; прогостила у больной съ недѣлю, и воротилась домой совершенно об-

вороженая ласковыми рѣчами Михаила Максимовича и разными подарками, которые онъ привезъ изъ Москвы не только для нее, но и для дочерей ея. Прасковья Ивановна была очень довольна, бабушкѣ ея стало сейчасъ лучше, угодникъ майоръ привезъ ей изъ Москвы много игрушекъ и разныхъ гостинцевъ, гостили у Бактеевой въ домѣ безвыѣздно, разсыпался передъ ней мелкимъ бѣсомъ, и скоро такъ привыкалъ къ себѣ девочку, что когда бабушка объявила ей, что онъ хочетъ на ней жениться, то она очень обрадовалась и, какъ совершенное дитя, начала бѣгать и прыгать по всему дому, объявила каждому встрѣчному, что «она идетъ за-мужъ за Михаила Максимовича, что какъ будетъ ей весело, что сколько получить она подарковъ, что она будетъ съ утра до вечера кататься съ нимъ на его чудесныхъ рысакахъ, качаться на самыхъ высокихъ качеляхъ, пѣть пѣсни или играть въ куклы, не маленькия, а большія, которыхъ сами умлютъ ходить и кланяться».... Вотъ въ какомъ состояніи находилась голова бѣдной невѣсты. Мышкатъ не стали, опасаясь, чтобы не дошли слухи до Степана Михайловича; созвали сосѣдей, сдѣлали помолвку, обручили жениха съ невѣстой, заставили поцѣловаться, посадили рядочкомъ за столъ и выпили ихъ здоровье. Невѣста соскучилась было длинной церемоніей, множествомъ поздравленій и сидѣніемъ на одномъ мѣстѣ, но когда позволили ей посадить возлѣ себя свою новую московскую куклу, то сдѣлалась очень весела, объявила всѣмъ гостямъ, что это ея дочка, и заставляла куклу кланяться и вмѣстѣ съ ней благодарить за поздравленія. Черезъ недѣлю женихъ съ невѣстой обѣничали съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, показавъ новобрачной, вмѣсто пятнадцатаго, семнадцатый годъ, въ чёмъ по ея наружности никто усомниться не могъ. — Хотя Арина Васильевна и ея дочери знали на

какое дѣло шли, но извѣстіе, что Парашенька обви-
чана, чего они такъ скоро не ожидали, привело ихъ въ
неописанный ужасъ: точно спала пелена съ ихъ глазъ,
точно то случилось, о чёмъ онъ и не думали, и онъ по-
чувствовали, что ни мимая смертельная болѣзнь родной
бабушки, ни письмо ея — не защита имъ отъ справедли-
ваго гнѣва Степана Михайловича. Еще прежде извѣстія о
свадьбѣ отправила Арина Васильевна письмо къ своему
супругу, въ которомъ уведомила, что по такимъ-то важ-
нымъ причинамъ отвезла она внучку къ умирающей ба-
бушкѣ, что она жила тамъ цѣлую недѣлю, и что хотя
Богъ далъ старухѣ Бактеевой полегче, но Парашеньку на-
задъ не отпустили, а оставили до выздоровленія бабушки;
что дѣлать ей было нечего, насильно взять нельзя, и она
поневолѣ согласилась и поспѣшила уѣхать къ дѣтямъ,
которыя жили одни-одинехонки, и что теперь опасается
она гнѣва Степана Михайловича. На это письмо онъ от-
вѣчалъ, что Ариша сдѣлала глупо, чтобъ она ѿхала опять
къ старухѣ Бактеевой и во что бы то ни стало привезла
Парашу домой. Арина Васильевна вздыхала, плакала
надъ письмомъ и не знала, что дѣлать. Молодые Куроле-
совы не замедлили пріѣхать къ ней съ визитомъ. Парашенька казалась совершенно счастливою и веселою, хотя
уже не такъ дѣтски рѣзвою. Мужъ ея также казался
вполнѣ счастливымъ, и въ тоже время былъ такъ споко-
енъ и разсудителенъ, что успокоилъ бѣдную Арину Ва-
сильевну своими умными рѣчами. Онъ убѣдительно дока-
залъ, что весь гнѣвъ Степана Михайловича упадетъ на
родную бабушку Бактееву, которая тоже по своей опас-
ной болѣзни, хотя ей теперь, благодаря Бога, лучше,
имѣла достаточную причину не испрашивывать согласія Сте-
пана Михайловича, зная, что онъ не скоро бы далъ его,
хотя конечно бы со временемъ согласился; что мѣшкать ей

было нельзя, потому что она, какъ говорится, на ладонь дышала, и тяжело было бы ей умирать, не пристроивъ своей родной внучки, круглой сироты, потому что не только двоюродный, но и родной братъ не можетъ замѣнить родной бабушки. Много было наговорено подобныхъ успокительныхъ разсужденій, сопровождаемыхъ богатыми свадебными подарками, которые были приняты съ большимъ удовольствиемъ, смѣшаннымъ съ иѣкоторымъ страхомъ. Оставлены были подарки и для Степана Михайловича. Михаилъ Максимовичъ посовѣтовалъ Аринѣ Васильевнѣ, чтобы она погодила писать къ своему супругу до получения отвѣта на извѣстительное и рекомендательное письмо молодыхъ, и увирилъ, что онъ вмѣстѣ съ Прасковьей Ивановной будетъ немедленно писать къ нему, но писать онъ и не думалъ и хотѣлъ только отдалить грозу, чтобы успѣть, такъ сказать, утвердиться въ своемъ новомъ положеніи. Послѣ женитбы Михаилъ Максимовичъ послалъ немедленно просьбу объ увольненіи его въ отставку, которую и получилъ очень скоро. Первымъ его дѣломъ было объѣздить съ молодой своей женой всѣхъ родственниковъ и всѣхъ знакомыхъ, какъ съ ея стороны, такъ и съ своей. Въ Симбирскѣ же, начиная съ губернатора, не было забыто ни одно служебное, ни одно сколько-нибудь значительное лицо. Всѣ не могли довольно нахвалиться прекрасною парочкой молодыхъ, во всѣхъ такъ умѣли найти они благосклонное расположеніе, что одобрение этого брака сдѣгалось общимъ мнѣніемъ. Такъ прошло вѣсколько мѣсяцевъ.

Степанъ Михайловичъ, не получая давно писемъ изъ дому, видя, что дѣло его затянулось, соскучившись въ разлуцѣ съ семействомъ, вдругъ, въ одинъ прекрасный день, веротился неожиданно въ свое Троицкое. Задрожали и руки и ноги у Арины Васильевны, когда она услыхала

страшныя слова: «баринъ прѣхаль.» — Степанъ Михайловичъ, узнавъ, что всѣ живы и здоровы, свѣтель и радостенъ вошелъ въ свой господскій домъ, разцѣдоваль свою Аришеньку, дочерей и сына и весело спросилъ: «да гдѣ же Параша?» Ободрившись ласковостью супруга, Арина Васильевна отвѣчала ему съ притворной улыбкой: «гдѣ доподлинно не знаю; можетъ у бабушки. Да вѣдь ты, батюшка, давно изволишь знать, что Парашенька за мужемъ.» Не стану описывать изумленія и гнѣва моего дѣдушки; гнѣвъ этотъ удвоился, когда онъ узналъ, что Прасковья Ивановна выдана за Куролесова. Степанъ Михайловичъ принялъ было за расправу съ своей супругой, но она, повалившись ему въ ноги со всѣми дочерьми и представивъ письма старухи Бактеевой, успѣла увѣрить его, что «знать ничего не знаетъ и что она была сама обманута.» Бѣшенство Степана Михайловича обратилось на старуху Бактееву; онъ приказалъ себѣ приготовить другихъ лошадей и отдохнувъ часа два-три, поскакалъ прямо къ ней. Можно себѣ представить какую схватку училъ онъ съ бабушкой Прасковьи Ивановны. Старуха, вытерпѣвъ первый потокъ самыхъ крѣвихъ ругательствъ, пріосамилась и, разгорячившись въ свою очередь, сама напала на моего дѣдушку. «Да чтожь это ты развоевался, какъ надъ своей крѣпостной рабой, сказала она, развѣ ты забылъ, что я такая же столбовая дворянка, какъ и ты, и что мой покойный мужъ былъ гораздо повыше тебя чиномъ. Я поближе тебя къ Парашенькѣ, я родная бабушка ей и такая же опекунша, какъ ты. Я устроила ея счастіе, не дожидаясь твоего согласія, потому-что была больна при смерти и не хотѣла ее оставить на всю твою волю; вѣдь я знаю, что ты бѣшеный и сумасшедший; живя у тебя, пожалуй она бы въ иной часъ и палки отвѣдала; Михаилъ Максимовичъ ей по всему пару, и Парашенька его

сама полюбила. Да и кто же его не полюбить и не похвалить. Тебѣ только онъ не угодилъ, а ты спроси-ка твою семью, такъ и узнаешь, что она имъ не нахвалится.» — «Врешь ты, старая мошеница, вониши мой дѣдушка; ты обманула мою Арину, прикинулась что умираешь.... Ты продала свою внучку разбойнику Мишкѣ Куролесову, который приворотилъ васъ съ дочкой къ себѣ нечистой силой....» Старуха Бактеева вышла изъ себя и въ запальчивости выболтала, что Арина Васильевна и ея дочери были съ ней за одно и заранѣе приняли разные подарки отъ Михаила Максимовича. Такія слова обратили опять весь гнѣвъ Степана Михайловича на его семейство. Погрозивъ, что онъ разведеть Парашу съ мужемъ по ся несовершеннолѣтію, онъ отправился домой, но заѣхалъ по дорогѣ къ священнику, который вѣнчалъ Куролесовыхъ. Онъ грозно потребовалъ у него отчета, но тотъ очень спокойно и съ увѣренностью показалъ ему обыскъ, подпись бабушки и певѣсты, рукоприкладство свидѣтелей и метрическое свидѣтельство изъ Духовной Консисторіи, что Прасковья Ивановна семнадцатый годъ. Это былъ новый ударъ для моего дѣдушки, лишившій его всякой надежды къ расторженію ненавистнаго ему брака и несказанно усилившій его гнѣвъ на Арину Васильевну и дочерей. Я не буду распространяться о томъ, что онъ дѣлалъ, воротясь домой. Это было бы ужасно и отвратительно. По прошествіи тридцати лѣтъ тетки мои вспоминали объ этомъ времени, дрожа отъ страха. Я скажу только въ короткихъ словахъ, что виноватыя признались во всемъ, что всѣ подарки, и первые и послѣдніе, и назначенные ему, онъ отоспалъ къ старухѣ Бактеевой, для возвращенія кому слѣдуетъ, что старшая дочери долго хворали, а у бабушки не стало косы, и что цѣлый годъ ходила она съ пластыремъ на всей головѣ. Молодымъ же

Куролесовыимъ онъ далъ знать, чтобы они не смѣли къ нему и глазъ показывать, а у себя дома запретилъ поминать ихъ имена.

Между тѣмъ время шло, залечивая всякия раны, и духовныя и тѣлесныя, успокаивая всякия страсти. Черезъ годъ зажила голова у Арины Васильевны, утихъ гнѣвъ въ сердцѣ Степана Михайловича. Сначала онъ не хотѣлъ, не только видѣть, но и слышать объ молодыхъ Куролесовыхъ, даже не читаль писемъ Прасковы Ивановны; но къ концу года, получая со всѣхъ сторонъ добрая вѣсти объ ея житьѣ, и о томъ, какъ она вдругъ сдѣлалась разумна не по годамъ, Степанъ Михайловичъ смягчился, и захотѣлось ему видѣть свою милую сестричку. Онъ разсудилъ, что она менѣе всѣхъ виновата, что она была совершенный ребенокъ,—и позволилъ прѣѣхать ей въ Троицкое, но безъ мужа. Разумѣется, она сейчасъ прискакала. Въ самомъ дѣль Прасковья Ивановна такъ перемѣнилась въ одинъ годъ своего замужства, что Степанъ Михайловичъ не могъ надивиться. И странное дѣло, откуда вдругъ взялась у нее такая любовь и признательность къ своему двоюродному брату, какой она вовсе не чувствовала до замужства и еще менѣе, казалось, могла почувствовать послѣ своей сватъбы? Прочла ли она въ его глазахъ, полныхъ слезъ при встрѣчѣ съ нею, сколько скрывается любви подъ суровой наружностью и жестокимъ самовластіемъ этого человѣка? Было ли это темное предчувствіе будущаго или неясное пониманіе единственной своей опоры и защиты? Почувствовала ли она безсознательно, что изъ всѣхъ баловницъ и потатчицъ ея ребяческимъ желаніямъ—всѣхъ больше любить ее грубый братъ, противникъ ея счастія, не взлюбившій любимаго ею мужа?.. Не знаю, но для всѣхъ было поразительно, что прежняя легкомысленная, равнодушная къ брату, дѣвочка, не по-

нимавшая и не признававшая его правъ и своихъ къ нему обязанностей, имѣющая теперь всѣ причины къ чувству непріязненному за оскорблениѣ любимой бабушки,—вдругъ сдѣлалась не только привязанною сестрою, но горячею дочерью, которая смотрѣла въ глаза своему двоюродному брату, какъ иѣжно и давно любимому отцу, иѣжно и давно любящему свою дочь.... Какъ бы то ни было, но внезапно родившееся чувство прекратилось только съ ея жизнью. Что за чудная перемѣна сдѣлалась во всемъ существѣ Прасковы Ивановны въ такія молодыя лѣта, въ одинъ годъ замужства? Пропало неразумное дитя и явилась, хотя веселая, но разумная женщина. Она искренно признавала всѣхъ виноватыми предъ Степаномъ Михайловичемъ. Извиняла только себя неразуміемъ, а бабушку, мужа и другихъ—горячею и слѣпою къ ней любовію. Она не просила, чтобы Степанъ Михайловичъ сейчасъ простилъ ея мужа, виноватаго больше всѣхъ, но надѣялась, что со временемъ, видя какъ она счастлива, какой попечительный, неутомимый хозяинъ ея мужъ, какъ устроиваетъ ея состояніе—братецъ проститъ Михаила Максимовича и позволитъ ему прѣѣхать. Хотя дѣдушка мой ничего не сказалъ на такія слова, но былъ совершенно побѣженъ ими. Онъ не сталъ долго держать у себя свою умную сестрицу, какъ онъ сталъ называть ее съ этихъ поръ, и отправилъ немедленно къ мужу, говоря, что теперь тамъ ея мѣсто. Прощаюсь, онъ сказалъ ей: «Если черезъ годъ ты будешь также довольна своимъ мужемъ, и онъ будетъ также хорошо съ тобою жить, то я помирюсь съ нимъ.» И точно черезъ годъ, зная, что Михаиль Максимовичъ ведетъ себя хорошо и занимается устройствомъ имѣнія жены своей съ неусыпнымъ рвениемъ, видя нерѣдко свою сестрицу здоровую, довольною и веселую, Степанъ Михайловичъ сказалъ ей: «привози своего мужа.» Онъ принялъ

Куролесова съ радушіемъ, прямо и откровенно высказаълъ свои прежнія сомнѣнія и общашъ ему, если онъ всегда будетъ такъ хорошо себя вести, — родственную любовь и дружбу. Михайла Максимовичъ держалъ себя мастерски; онъ не былъ такъ вкрадчивъ и искаченъ, какъ прежде, но такъ же почтителенъ, внимателенъ, предупредителенъ. Въ немъ слышалось больше самостоятельности и уверенности; онъ былъ озабоченъ, погруженъ въ хозяйственныя дѣла, просилъ советовъ у моего дѣдушки, понималъ ихъ очень хорошо и пользовался ими съ отличнымъ умѣньемъ. Онъ счелся съ нимъ въ дальнемъ родствѣ самъ по себѣ, и называлъ его дядюшкой, Арину Васильевну тетушкой, сына ихъ братцемъ, а дочерей сестрицами. Онъ оказалъ Степану Михайловичу какую-то услугу, еще до своего примиренія, или прощенія; дѣдушка знала это, и теперь сказала ему спасибо, и даже поручить о чемъ-то похлопотать. Однимъ словомъ, дѣло уладилось превосходно. Казалось всѣ обстоятельства говорили въ пользу Михайла Максимовича, но дѣдушка повторяла свое: «хорошъ парень, ловокъ и смѣшленъ, а сердце не лежитъ.»

Такъ прошелъ еще годъ, въ продолженіе котораго Степанъ Михайловичъ переселился въ Уфимское намѣстничество. Въ первые три года послѣ женитьбы, Куролесовъ вѣръ себя скромно и смиро, или покрайней мѣрѣ такъ скрытно, что ничего не было слышно. Впрочемъ онъ дома жилъ мало, и все время проводилъ въ разѣздахъ. Одинъ только слухъ носился везде, и даже увеличивался, что молодой хозяинъ строгонекъ. Въ слѣдующіе два года Куролесовъ издѣлалъ чудеса по устройству имѣнія жены своей, что неоспоримо доказывало его неустанную дѣятельность, предпріимчивость и желѣзную волю въ исполненіи своихъ предпріятій. Имѣніе Прасковы Ивановны управлялось прежде очень плохо: оно было разстроено,

запущено, крестьяне избалованы. Они давали очень мало дохода, не потому, чтобы местность была не выгодна для сбыта хлѣба, но потому, что они, кромѣ того, что плохо работали, были малоземельны и находились отчасти въ общемъ владѣніи съ бабушкой Бактеевой и теткой Курмышевой. Михайла Максимовичъ съ того началь, что принялъся за переводъ крестьянъ на новыя мѣста, а старыя земли продалъ очень выгодно. Онъ купилъ степь въ Симбирской губерніи (теперь Самарской), въ Ставропольскомъ уѣздѣ, около семи тысячъ десятинъ, землю отличную, хлѣбородную, черноземъ въ полтора аршина глубиною, ровную, удобную для хлѣбопашества, по рѣчкѣ Берля, въ вершинахъ которой только росъ по отрогамъ небольшой лѣсокъ; да былъ еще заповѣдный «Медвѣжій Врагъ», который и теперь составляетъ единственный лѣсъ для всего имѣнія. Тамъ поселился онъ 550 душъ. Это вышло имѣніе отменно выгодное, потому-что находилось во ста верстахъ отъ Самары, и въ 60 и въ 40 верстахъ отъ многихъ волжскихъ пристаней. Извѣстно, что удобный сбыть хлѣба составляетъ у насъ все достоинство имѣнія. Потомъ отправился Михайла Максимовичъ въ Уфимское намѣстничество и купилъ у Башкирцевъ примѣрно по уроцищамъ болѣе 20,000 десятинъ, также чернозему, хотя далеко не такъ богатаго, какъ въ Симбирской губерніи, но съ довольноымъ количествомъ дровяного и даже строеваго лѣса. Земля лежала по рѣкѣ Усень и по рѣчкамъ: Слоошь, Мелеусь, Кармалка и Белебейка; тогда, кажется, это былъ Мензелинскій уѣздъ, а теперь Белебеевской, принадлежащей къ Оренбургской губерніи. Тамъ поселился онъ на истокѣ множества ключей, составляющихъ рѣчку большой Слоошь, 450 душъ, да на рѣчкѣ Белебейкѣ 50 душъ. Большую деревню называли «Парашино», а маленькую—«Ивановка». Симбирское же имѣніе называлось «Ку-

ролесово», и все три названия составляли имя, отчество и фамилию его жены. Эта романтическая затея въ такомъ человѣкѣ, какимъ явится въ послѣдствіи Михайла Максимовичъ, всегда меня удивляла. Резиденціо свою и своей супруги устроилъ онъ въ особомъ ея родовомъ материнскомъ имѣніи, состоящемъ изъ 550 душъ, въ селѣ Чурасовѣ, находящемся въ 50 верстахъ отъ губернскаго города. Тамъ выстроилъ онъ, по тогдашнему, великолѣпный господскій домъ, со всеми принадлежностями; отдалъ его на славу, меблироваль отлично, росписалъ весь красками внутри и даже снаружи; люстры, канделябры, бронза, фарфоровая и серебряная посуда удивляли всѣхъ; домъ поставилъ на небольшомъ косогорѣ, изъ котораго били и кипѣли болѣе двадцати чудныхъ родниковыхъ ключей. Домъ, косогорѣ, родники, все это обхватывалось и заключалось въ богатомъ, плодовитомъ саду, на двѣнадцати десятинахъ, со всевозможными сортами яблокъ. Внутреннее хозяйство дома, прислуга, повара, экипажи, лошади, все было устроено и богато, и прочно. Окружные сосѣди, которыхъ было не мало, и гости изъ губернскаго города не переводились въ Чурасовѣ: зѣли, пили, гуляли, играли въ карты, пѣли, говорили, шумѣли, веселились. Парашеньку свою Михайла Максимовичъ одѣвалъ какъ куклу, исполнялъ, предупреждалъ всѣ ея желанія, тѣшилъ съ утра до вечера, когда только бывалъ дома. Однимъ словомъ, въ нѣсколько лѣтъ, во всѣхъ отношеніяхъ поставилъ себя на такую ногу, что добрые люди дивились, а не добрые завидовали. Михайль Максимовичъ не забылъ и о церкви, и въ два года, вместо ветхой деревянной, выстроилъ и снабдилъ великолѣпною утварью новую каменную церковь; даже славныхъ пѣвчихъ завелъ изъ своихъ дворовыхъ людей. На четвертомъ году замужства, Прасковья Ивановна, совершенно довольная и счастливая,

родила дочь, а потомъ черезъ годъ и сына; но дѣти не жили: дѣвочка умерла на первомъ же году, а сынъ уже трехъ лѣтъ. Прасковья Ивановна такъ привязалась было къ нему, что эта потеря стоила ей дорого. Цѣлый годъ она не осушала глазъ, и даже необыкновенно крѣпкое ея здоровье очень разстроилось, и болѣе дѣтей она не имѣла. Между тѣмъ авторитетъ Михайла Максимовича въ общественномъ мнѣніи росъ не по днямъ, а по часамъ. Съ мелкимъ и бѣднымъ дворянствомъ, правду сказать, поступалъ онъ крутенько и самовластно, и хотя оно его не любило, но за то крѣпко боялось, а высшее дворянство только похваливало Михайла Максимовича за то, что онъ не даетъ забываться тѣмъ, кто его пониже. Годъ отъ году становились чаще и продолжительнѣе отлучки Куролесова, особенно съ того несчастнаго года, когда Прасковья Ивановна потеряла сына и неутѣшно сокрушалась. Вѣроятно ея супругу наскучили слезы, вздохи и тишина въ уединеніи, потому-что Прасковья Ивановна цѣлый годъ не хотѣла никого видѣть. Впрочемъ, и самое шумное и веселое общество въ Чураповѣ его къ себѣ не привлекало.

Мало по малу стали распространяться и усиливаться слухи, что майоръ не только строгонекъ, какъ говорили прежде, но и жестокъ, что забравшись въ свои деревни, особенно въ Уфимскую, онъ пьетъ и развратничается, что тамъ у него набрана уже своя компания, пьянствуя съ которой, онъ доходитъ до неистовствъ всякаго рода, что главная бѣда: въ пьяномъ видѣ немилосердно дерется безо всякого резону, и что уже два-три человѣка пошли на тотъ свѣтъ отъ его побой, что исправники и судьи обоихъ уѣздовъ, гдѣ находились его новыя деревни, всѣ на его сторонѣ, что однихъ онъ задарилъ, другихъ запоилъ, а всѣхъ запугалъ; что мелкие чиновники и дво-

ране передъ нимъ дрожкой дрожать, потому-что онъ вся-
каго кто осмѣшивался дѣлать и говорить не по немъ,
хваталъ середи бѣла дня, сажаль въ погреба, или овин-
ные ямы, и морилъ холодомъ и голодомъ, на хлѣбъ да
на водѣ, а иныхъ безъ церемоніи, дирали немило-
сердно какими-то кошками (*). Слухи были не только
справедливы, но слишкомъ умѣренны; дѣйствительность
далеко превосходила робкую молву. Кровожадная натура
Куролесова, воспламеняемая до бѣшенства спиртными па-
рами, развивалась на свободѣ во всей своей полнотѣ и
представила одно изъ тѣхъ страшныхъ явлений, отъ ко-
торыхъ содрогается и которыми гнушается человѣчество.
Это ужасное соединеніе инстинкта тигра съ разумностью
человѣка.

Наконецъ слухи превратились въ достовѣрность, и ни-
кто изъ окружающихъ Прасковью Ивановну, родныхъ,
сосѣдей и прислуги, никто уже не ошибался на счетъ
Михайла Максимовича. Когда онъ возвращался въ Чура-
совъ послѣ своихъ страшныхъ подвиговъ, то вѣль себя
по прежнему почтительно къ старшимъ, ласково и вни-
мателно къ равнымъ, предупредительно и любезно къ
своей женѣ, которая, выплакавъ свое горе, опять стала
здрава и весела, а домъ ея по прежнему былъ полонъ
гостей и удовольствій. Хотя Михайла Максимовичъ ни
съ кѣмъ въ Чуровъ не дрался, предоставляя это удо-
вольствіе старостѣ и дворецкому, но всѣ по наслышкѣ
дрожали отъ одного его взгляда; даже въ обращеніи съ

(*) Кошки были любимымъ орудіемъ наказанія у Михайла Максимовича. Это ничто иное, какъ ременные пласти, оканчивающіеся семью хво-
стами изъ сырой матной кожи съ узлами, на концѣ каждого хвоста. Въ
Парашинѣ, даже послѣ смерти Куролесова, иное время сохра-
нялись въ кладовой, разумѣется безъ употребленія, эти отвратительныя
орудія, и я видѣлъ ихъ самъ. Когда имѣніе досталось сыну Степана
Михайловича, кошки были сожжены.

нимъ редкихъ и короткихъ знакомыхъ, было замѣтио какое-то смущеніе и опасеніе. Прасковья Ивановна ничего не замѣчала, а если и замѣчала, то приписывала совсѣмъ другой причинѣ: невольному уваженію, которое внушалъ всѣмъ Михаила Максимовича своимъ диковиннымъ хозяйствомъ, своимъ умѣньемъ жить богато и разумной твердостью своихъ поступковъ. Люди благоразумные, любящіе Прасковью Ивановну, видя ее совершенно спокойною и счастливою, радовались, что она ничего не знаетъ, и желали, чтобы какъ можно дольше продолжилось это незнаніе. Конечно, и между тогдашними приживалками и мелко-помѣстными сосѣдками были такіи, у которыхъ очень чесался язычекъ и которымъ очень хотѣлось отплатить высокомѣрному майору за его презрительное обращеніе, то-есть: вывести его на свѣжую воду; но кромѣ страха, который онъ чувствовали невольно и который вѣроятно не удержаль бы ихъ, было другое препятствіе для выполненія такихъ благихъ намѣреній: къ Прасковѣ Ивановнѣ не было приступу ни съ какими вкрадчивыми словами о Михаилѣ Максимовичѣ: умная, проницательная и твердая Прасковья Ивановна сейчасъ замѣчала, не смотря на хитросплетаемыя рѣчи, что хотять ввернуть какое нибудь словцо, невыгодное для Михаила Максимовича, она сдвигала свои темныя брови и объявляла рѣшительнымъ голосомъ, что тотъ, кто скажеть непріятное для ея мужа, никогда уже въ домъ ея не будетъ. Послѣ такого предупредительнаго и грознаго выраженія, разумѣется уже никто не осмѣшивался пугаться не въ свое дѣло. Приближенная къ Прасковѣ Ивановнѣ прислука, особенно одинъ старикъ, любимецъ покойнаго ея отца и старуха ея нянѣка, которыхъ преимущественно жаловала госпожа, но съ которыми, вопреки тогдашнимъ обычаямъ, не входила она въ короткія сношенія, — также ничего не

могли сдѣлать. Старику и старухѣ, о которыхъ я сейчасъ сказаль, была кровная нужда, чтобы ихъ барыня узнала настоящую правду о своемъ супругѣ: близкіе родные ихъ, находившіеся въ прислугѣ у барина, невыносимо страдали отъ жестокости своего господина. Наконецъ старикъ и старуха рѣшились разсказать барынѣ все, и улучивъ время, когда Прасковья Ивановна была одна, вошли къ ней оба; но только вырвалось у старушки имя Михайла Максимовича, какъ Прасковья Ивановна до того разгневалась, что вышла изъ себя; она сказала своей нянѣ, что если она когда-нибудь разинетъ ротъ о баринѣ, то больше никогда ее не увидитъ и будетъ сослана на вѣчное житѣе въ Парашину. Такимъ образомъ прекращены были всѣ пути къ доносу на Михайла Максимовича и заткнуты всѣ рты. Прасковья Ивановна вѣрила безусловно своему мужу и любила его. Она знала, что посторонніе люди охотно путаются въ чужія дѣла, охотно мутятъ воду, чтобы удачнѣе ловить въ ней рыбу, и она заранѣе приняла твердое намѣреніе, постановила неизмѣннымъ правиломъ: не допускать до себя никакихъ разсужденій о своемъ мужѣ. Правило очень мудрое, необходимое для сохраненія спокойствія въ семейной жизни; но нѣть правила безъ исключенія. Можетъ быть, что въ настоящемъ случаѣ, твердый правъ и крѣпкая воля Прасковыи Ивановны, сильно подкрепленные тѣмъ обстоятельствомъ, что все богатство принадлежало ей, могли бы въ началь остановить ея супруга, и онъ, какъ умный человѣкъ, не захотѣлъ бы лишить себя всѣхъ выгодъ роскошной жизни, не дошелъ бы до такихъ крайностей, не допустилъ бы вырости вполнѣ своимъ чудовищнымъ страстямъ и кутыль бы умѣренно, въ тихомолку, какъ и многіе другіе.

Такъ протекло нѣсколько лѣтъ. Михайла Максимовичъ предавался на свободѣ своимъ наклонностямъ, быстро раз-

вивался и наконецъ вачаль совершать безнаказанно неслыханныя дѣла. Я не стану рассказывать подробно, какую жизнь вель онъ въ своихъ деревняхъ, особенно въ Парашии, а также въ уездныхъ городишкахъ: это была бы самая отвратительная повѣсть. Я скажу только то, что необходимо для полученія настоящаго понятія объ этомъ страшномъ человѣкѣ. Первые года, занимаясь устройствомъ женинныхъ имѣній, можно сказать съ самоизбеніемъ, онъ могъ называться самымъ умнымъ, дѣятельнымъ и попечительнымъ хозяиномъ. Всѣми безконечно разнообразными и тяжелыми заботами и хлопотами, соединенными съ дальнимъ переселеніемъ крестьянъ и возвращеніемъ ихъ на мѣстахъ нового жительства, — Михайла Максимовичъ неусыпно занимался самъ, постоянно имѣя въ виду одно: благосостояніе крестьянъ. Онъ умѣль не жалѣть денегъ, гдѣ было нужно, смотрѣль, чтобы они доходили до рукъ вѣ время, въ мѣру, и предупреждалъ всякия надобности и нужды переселенцевъ. Самъ выправа-живалъ ихъ со старины, самъ вѣхалъ съ ними большую часть дороги и самъ встрѣчалъ ихъ на новосельи, снаб-женному всѣмъ для ихъ пріема и помѣщенія. Правда, онъ былъ слишкомъ строгъ, жестокъ въ наказаніи виноватыхъ; но справедливъ въ разборѣ винъ и не ставилъ крестьянину всякого лыка въ строку; онъ позволялъ себѣ отъ времени до времени гульнуть, потешиться денекъ другой, завернувъ куда-нибудь въ сторонку, но хмѣль и буйство скоро слетали съ него, какъ съ гуся вода, и съ новой бодростю являлся онъ къ своему дѣлу.

Да, дѣло лежало у него на плечахъ, занимало всѣ его умственныхъ способности и не давало ему предаться пагубному пьянству, которое, отнимая у него умъ, снимало узду съ его страстей, чудовищныхъ, безчеловѣчныхъ. Да, дѣло спасало его. Когда же онъ привезъ въ поря-

докъ обѣ новыя деревни: Куролесово и Парашинъ, устроилъ въ нихъ господскія усадьбы съ флигелями, а въ Парашинъ небольшой помѣщичій домъ, когда у него стало мало дѣла и много свободнаго времени—пьянство, съ его обыкновенными постыдствіями, и буйство совершенно овладѣли имъ, а всегдашняя жестокость мало-по-малу превратилась въ неутолимую жажду муки и крови человѣческой. Избалованный страхомъ и покорностію всѣхъ его окружающихъ людей, онъ скоро забылся и пересталь знать мѣру своему бывшему своеолію. Онъ выбралъ себѣ изъ дворовыхъ и даже изъ крестьянъ, десятка полтора головорѣзовъ, достойныхъ исполнителей его воли, и обращавшіе изъ нихъ шайку разбойниковъ. Видя, что барину все сходило съ рукъ, они повѣрили его всемогуществу, и сами пьяные и развратные, охотно и смѣло исполняли всѣ его безумныя приказанія. Досаждалъ ли кто Михайлу Максимовичу непокорнымъ словомъ или поступкомъ, напримѣръ, даже хотя тѣмъ, что не прѣхалъ въ назначенное время на его пьяные пиры,—сейчасъ по знаку своего барина скакали они къ провинившемуся, хватали его тайно или явно, гдѣ бы онъ ни попадалъ, привозили къ Михайлу Максимовичу, позорили, сажали въ подвалъ въ кандалы, или сѣкли по его приказанію. Михайла Максимовичъ очень любилъ хорошія вещи, хорошихъ лошадей, и любилъ, какъ украшеніе дома, хорошія, по его мнѣнію, картины. Если чѣ-нибудь подобное нравилось ему въ домѣ своего сосѣда, или просто въ томъ домѣ, гдѣ ему случилось быть, то онъ сейчасъ предлагалъ хозяину помѣняться; въ случаѣ несогласія его, онъ предлагалъ иногда и деньги, если быть въ хорошемъ духѣ; если и туть хозяинъ упрямился, то Михайла Максимовичъ предупреждалъ его, что возьметъ даромъ. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько времени являлся онъ съ своей шайкой, заби-

раль все, что ему угодно, и увозилъ къ себѣ; на него жаловались, предписывали производить слѣдствіе; но Михайла Максимовичъ съ первого разу приказалъ сказать земскому суду, что онъ обдереть кошками того изъ чиновниковъ, который покажетъ ему глаза, и — оставался правъ, а члобитчикъ между тѣмъ былъ схваченъ и высвѣченъ, иногда въ собственномъ его имѣніи, въ собственномъ домѣ, посреди семейства, которое валялось въ ногахъ и просило помилованія виноватому. Бывали насилия и похуже, и также не имѣли никакихъ послѣдствій. Чрезъ нѣсколько времени Михайла Максимовичъ мирился съ обиженными, удовлетворяя ихъ иногда деньгами, а чаще привлекая къ миру страхомъ; но похищенное добро оставалось его законною собственностью. Пиря съ гостями, онъ любилъ хвастаться, что вотъ эту красотку въ золотыхъ рамахъ отнялъ онъ у такого-то господина, а это бюро съ бронзой у такого-то, а эту серебряную стопку у такого-то,—и всѣ эти такие-то господа, нерѣдко пировали тутъ же и притворялись, что не слышать словъ хозяина или, скрѣпя сердце, сами смеялись надъ собой. Михайла Максимовичъ имѣлъ удивительно крѣпкое сложеніе; онъ цѣль много, но никогда не напивался до положенія ризъ, какъ говорится; хмѣль не валялъ его съ ногъ, а поднималъ на ноги и возбуждалъ страшную дѣятельность въ его отуманенномъ умѣ, въ его разгоряченномъ тѣлѣ. Любимымъ его наслажденіемъ было—заложить нѣсколько троекъ лихихъ лошадей во всевозможные экипажи, насаджать въ нихъ своихъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ, дворни, кого ни попало, и съ громкими пѣснями и криками скакать во весь духъ по окольнымъ полямъ и деревнямъ. Имѣя съ собой всегда запасъ вина, онъ особенно любилъ напоить до пьяна всякаго встрѣчнаго, какого бы званія, пола и возраста онъ ни былъ, и больно

сыкаль того, кто осмеливался ему противиться. Наказанныхъ привязывали къ деревьямъ, къ столбамъ и заборамъ, не обращая вниманія ни на дождь, ни на стужу. О боялье возмутительныхъ насилияхъ я умалчиваю. Въ такомъ расположениі духа вхаль онъ однажды черезъ какую-то деревню; проѣзжая мимо овinnаго тока, на которомъ молотило крестьянское семейство, онъ замѣтилъ женщину необыкновенной красоты. «Стой», закричалъ Михайла Максимовичъ, «Петрушка! какова баба?» — «Больно хороша» отвѣчалъ Петрушка. — «Хочешь на ней жениться?» — «Да какже жениться на чужой женѣ?» отвѣчалъ ухмыляясь Петрушка. — «А вотъ какъ! ребята! бери ее, сажай ко мнѣ въ повозку....» Женщину схватили, посадили въ повозку, провезли прямо въ приходское село, и хотя она объявила что у ней есть мужъ и двое дѣтей — обвинчали съ Петрушкой, и никакихъ просьбъ не было, не только при жизни Куролесова, но даже при жизни Прасковыи Ивановны. Когда же все имѣніе перешло въ руки ея племянника, онъ возвратилъ эту женщину вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми прежнему ея господину: первый мужъ давно уже умеръ. Наслѣдникъ, то-есть, тотъ же племянникъ, раздалъ также нѣсколько разныхъ вещей прежнимъ хозяевамъ, которые предъявили свои требования; многія же вещи долго валялись въ кладовыхъ, пока не истягли отъ ветхости. Трудно поверить, чтобы могли совершаться такія дѣла въ Россіи, даже и за 80 лѣтъ, но въ истинѣ разсказа нельзѧ сомнѣваться.

Какъ ни была ужасна и отвратительна, сама по себѣ, эта преступная, пьяная буйства исполненная жизнь, но она повела еще къ худшему, къ боялье страшному развитію природной жестокости Михайла Максимовича, превратившейся наконецъ въ лютость, въ кровопийство. Терзать людей сдѣлалось его потребностью, наслажденіемъ.

Въ тѣ дни, когда случалось ему не драться, онъ былъ скученъ, печаленъ, беспокоенъ, даже боленъ, и потому часъ отъ часу становились рѣже его поездки въ Чурасово и короче пребыванія тамъ. За то, воротясь въ свое любимое Парашино, онъ сиѣшиль вознаградить себя. Обзоръ хозяйственныхъ заведеній представлять ему достаточное число жертвъ; тутъ уже всякая вина была виновата, а въ какомъ хозяйствѣ нельзя найти какихъ-нибудь мелочныхъ упущеній, если захочешь отыскать ихъ. Впрочемъ, отъ лютости Михаила Максимовича страдали преимущественно дворовые люди. Онъ рѣдко наказывалъ крестьянъ, и то въ случаѣхъ особенной важности или личной известности ему виноватаго человѣка; за то старосты и прикащики терпѣли отъ него наравнѣ съ дворовыми. У него не было пощады никому, и каждый изъ его приближенныхъ, а иной и не одинъ разъ, бывалъ наказанъ на смерть. Замѣчательно, что когда Михаила Максимовичъ сердился, горячился и кричалъ, что бывало рѣдко,—онъ не дрался; когда же добирался до человѣка съ намѣреніемъ потешиться его муками, онъ говорилъ тихо и даже ласково: «Ну, любезный другъ, Григорій Кузмичъ (вместо обыкновеннаго: Гришки), дѣлать нечего, пойдемъ, надобно мнѣ съ тобой разсчитаться.» Съ такими словами обращался онъ къ главному своему конюху, по прозванию Ковлягъ, который, неизвестно почему, чаще другихъ подвергался истязаніямъ. «Поцарапайте его кошечками» говорилъ съ улыбкой Михаила Максимовичъ окружающимъ, и начиналась долговременная пытка, въ продолженіе которой баринъ пилъ чай съ водкой, курилъ трубку и отъ времени до времени пощучивалъ съ несчастной жертвой, покуда она еще могла слышать.... Меня увѣряли достовѣрные свидѣтели, что жизнь наказанныхъ людей спасали только тѣмъ, что завертывали истерзанное ихъ тѣло въ теплый,

только что снятыя, шкуры барановъ, тутъ же зарѣзанныхъ. Осмотрѣть внимательно наказанного человѣка, Михаила Максимовичъ говорилъ, если былъ доволенъ: «ну, будетъ съ него, приберите къ мѣсту».... и дѣлался весель, шутливъ и любезенъ на цѣлый день, а иногда и на нѣсколько дней. Чтобы довершить характеристику этого страшнаго существа, я приведу его собственныя слова, которыя онъ не одинъ разъ говоривалъ въ кругу пирующихъ собесѣдниковъ: «Не люблю палокъ и кнутьевъ, что въ нихъ? Какъ разъ убьешь человѣка! То ли дѣло кошечки: и болѣно и не опасно!» Я рассказалъ десятую долю того, что знаю, но кажется и этого довольно. Замѣчательно, какъ необъяснимое явленіе и противорѣчіе въ искаженной человѣческой природѣ, что Михаила Максимовичъ, достигнувъ высшей степени разврата и лютости, ревностно занялся построениемъ каменной церкви въ Парашино; онъ производилъ эту работу экономически. Въ то время, на которомъ остановился мой разсказъ, церковь по наружности была отѣлана, и наняты были мастеровые для внутренней отѣлки; столяры, рѣщики, золотари, и иконописцы уже нѣсколько мѣсяцевъ работали въ Парашино, занимая весь господской домъ.

Четырнадцать лѣтъ была за-мужемъ Прасковья Ивановна и хотя замѣчала что-то странное въ своемъ супругѣ, котораго послѣдніе два года рѣдко и не надолго видала, но не только не знала, даже и не подозрѣвала ничего подобнаго. Она продолжала жить беззаботно и весело: лѣтомъ занималась съ увлеченіемъ своимъ плодовитымъ садомъ и родниками, которыхъ не позволяла обдѣльывать и очень любила сама расчищать, а все остальное время года проводила съ гостями и сдѣлалаась большой охотницей играть въ карты. Вдругъ получаетъ она съ почты или съ нарочнымъ письмо отъ одной старушки, дальней род-

ственница ея мужа, которую она очень уважала. Въ письмѣ была описана вся жизнь Михайла Максимовича и въ заключеніе сказано, что грѣшно оставлять въ невѣдѣніи госпожу тысячи душъ, которыхъ страдаютъ отъ тиранства изверга, ея мужа, и которыхъ она можетъ защищить, уничтоживъ довѣренность, данную ему на управлѣніе имѣніемъ. Что кровь ихъ вопіетъ на небо, что и теперь известный ей лакей, Иванъ Ануфріевъ, умираетъ отъ жестокихъ истязаній и что самой Прасковьѣ Ивановнѣ нечего опасаться, потому-что Михайла Максимовичъ въ Чурасово не посмѣеть и появиться, что добрые сосѣди и самъ губернаторъ защитятъ ее. Прасковья Ивановна была поражена какъ громомъ. Я слышала самъ, какъ она рассказывала, что въ первыя минуты совсѣмъ было сошла съ ума; но необычайная твердость духа и теплая вѣра подкѣпили ее, и она вскорѣ рѣшилась на такой поступокъ, на какой едва ли бы отважился самый смѣлый мужчина: она вѣрѣла заложить лошадей, сказавши, что ѳдетъ въ губернскій городъ, и съ одною горничной дѣвушкой, съ кучеромъ и лакеемъ отправилась прямо въ Парашину. Путь лежалъ дальний, надобно было проѣхать четыреста верстъ, и нашлось довольно свободнаго времени обдуматъ свой поступокъ. Прасковья Ивановна сама говорила, что не составляла въ головѣ своей никакихъ плановъ, какъ и что ей дѣлать. Она хотѣла только взглянуть своими глазами и удостовѣриться, что дѣлаетъ и какъ живеть тамъ ея Михайла Максимовичъ. Она не вѣрила вполнѣ письму его родственницы, которая жила далеко и могла быть обманута ложными слухами, а спросить въ Чурасовѣ свою няню не захотѣла. Никакая опасность не входила ей въ голову: мужъ всегда съ нею былъ такъ избѣженъ и почтителенъ, что ей казалось самымъ естественнымъ и возможнымъ дѣломъ уговорить Михайла Мак-

симовича съѣсть съ собой въ коляску и увести въ Чураово. Она прѣѣхала въ Парашинъ нарочно вечеромъ, оставила свою коляску у околицы, а сама съ горничной и лакеемъ, никѣмъ не узнанная (да ее мало и знали), прошла до господскаго двора и черезъ заднія ворота пробралась до самаго флигеля, изъ котораго неслись крикъ, пѣсни и хохотъ, и твердою рукой отворила дверь.... Судьба, какъ нарочно собрала все, что могло однѣмъ разомъ показать ей, какую жизнь велъ Михайла Максимовичъ. Онъ пировалъ съ какими-то гостями пьяный, даже болѣе обыкновеннаго Одѣтый въ шелковую красную рубаху съ косынкой воротомъ, въ самомъ развратномъ видѣ, съ стаканомъ пунцца въ одной руцѣ, обнималъ онъ другою рукою, сидящую у него на колѣнахъ, красивую женщину; его полупьяные лакеи, дворовые и крестьянскія бабы, пѣли пѣсни и плясали. Прасковья Ивановна едва не упала въ обморокъ отъ такого зрѣлища; она все поняла, и никѣмъ незамѣчена, потому-что горница была полна народа, затворила дверь и вышла изъ сїней. На крыльце встрѣтилась она лицомъ къ лицу съ однѣмъ изъ слугъ Михайла Максимовича, человѣкомъ не молодымъ и не пьянымъ по счастію. Онъ узналъ барыню и закричалъ было: «матушка Прасковья Ивановна, вы ли это...» но Прасковья Ивановна зажала ему ротъ, и отведя его подальше на средину широкаго двора, грозно сказала: «Такъ-то вы безъ меня поживаете? Конецъ вашему веселому житию.» Слуга повалился ей въ ноги и со слезами сказала: «Матушка, развѣ мы ему рады? развѣ это наша воля? Самъ Господь вѣсъ принесъ!....» Прасковья Ивановна велѣла ему молчать и приказала вести себя къ Ивану Ануфріеву, узнавъ, что онъ еще живъ. На заднемъ дворѣ, въ скотной избѣ нашла она умирающаго Ануфріева. Онъ былъ очень слабъ, и отъ него она не могла ничего узнать; но родной его братъ,

Алексей, молодой парень, только вчера наказанный, кое-какъ сползъ съ лавки, сталь на колѣни и рассказалъ ей всю страшную повѣсть о братѣ, о себѣ и о другихъ (*). Сердце Прасковы Ивановны облилось кровью отъ жалости и ужаса, совѣсть терзала ее, и она твердо рѣшилась положить конецъ преступнымъ, злодайскимъ дѣйствіямъ Михаила Максимовича, чтѣ казалось ей весьма легко. Она строго запретила сказывать о своемъ прѣздѣ, и узнавъ, что въ новомъ домѣ, построенному уже нѣсколько лѣтъ и по какому-то странному капризу барина до сихъ поръ не отдѣланномъ, есть одна жилая, особая комната, не занятая мастеровыми, въ которой Михаила Максимовичъ занимался хозяйственными счетами, — отправилась туда, чтобъ провѣстъ остатокъ ночи и поговорить на другой день поутру съ своимъ уже не пьянымъ супругомъ. Но тайна ея прѣзда не вполнѣ сохранилась. Слухъ о немъ дошелъ до одного изъ самыхъ отчаянныхъ сподвижниковъ Михаила Максимовича, который изъ преданности или изъ страха шепнулъ о томъ на ухо своему барину. Ошеломила эта вѣсть Михаила Максимовича. Хмель вылетѣлъ у него изъ головы, онъ смущился и почуялъ грозу. Хотя онъ мало зналъ твердый и мужественный нравъ своей жены, погому-что не было опыта еще ему проявиться, но онъ его угадывалъ. Онъ распустилъ свою пьяную компанию, вылилъ на себя два упана холодной воды, освѣжился тѣломъ, укрылся духомъ, переодѣлся въ обыкновенное платье и пошелъ посмотретьъ, спитъ ли Прасковья Ивановна. Онъ успѣлъ уже обдумать и составить планъ своихъ дѣйствій. Онъ разсчиталъ очень вѣрно, что Прасковья Ивановна была кѣмъ-нибудь извѣщена объ образѣ его жизни, что она не повѣрила извѣстіямъ и прѣ-

(*) Иванъ Ануфріевъ остался живъ и прожилъ лѣтъ до пятидесяти, а братъ его захилъ и умеръ черезъ годъ.

хала удостовериться въ нихъ лично. Онъ узналъ, что она заглянула во флигель и видѣла мелькомъ его пирушку; но не зналъ, что она видѣла Ануфріева и что Алексій рассказалъ ей все. Въ пирушкѣ и гульбѣ онъ надѣялся кое-какъ извиниться, прикинуться раскаявшимся грязникомъ, умаслить нѣжностями свою жену и какъ можно скорѣе увезти ее изъ Пашина.

Междудѣмъ уже разсвѣтало и даже взошло солнце. Михайла Максимовичъ бережно подошелъ къ комнатѣ, въ которой находилась Прасковья Ивановна; онъ тихонько отворилъ дверь и увидѣлъ, что приготовленная ей дорожная постель на сундукахъ не была смята, что на нее никто не ложился. Онъ окинулъ глазами всю комнату; Прасковья Ивановна стояла на колѣнахъ и со слезами молилась Богу на новый церковный крестъ, который горѣль отъ восходящаго солнца, передъ самыми окнами дома: никакого образа въ комнатѣ не было. Постоявъ нѣсколько минутъ, Михайла Максимовичъ сказалъ весельемъ голосомъ: «Полно молиться, душа моя Пащенка! Какъ это ты вздумала обрадовать меня своимъ прѣздомъ!» Прасковья Ивановна не смущилась, встала, не допустила мужа обнять себя и, пылая внутренно спрavedливымъ гнѣвомъ, холодно и твердо объявила ему, что она все знаетъ и видѣла Ивана Ануфріева. Безпощадно и рѣзко высказала свое отвращеніе отъ изверга, который уже не можетъ быть ея мужемъ; объявила ему, чтобы онъ возвратилъ ей довѣренность на управление имѣніемъ, сейчасъ уѣхаль изъ Пашина, не смѣль бы показываться ей на глаза и не заглядывалъ бы ни въ одну изъ ея деревень, и что если онъ этого не исполнитъ, то она подастъ прошьбу губернатору, откроетъ правительству всѣ его злодѣйства—и онъ будетъ сосланъ въ Сибирь на каторгу. Не ожидалъ этого Михайла Максимовичъ. Пѣна выступила

у него из губахъ отъ бѣшенства и злобы. «А, такъ ты такъ-то поговариваешь, лебедка! такъ и я поговорю съ тобой другимъ голосомъ» заревѣль остервенившійся злодѣй: «ты не выѣдешь изъ Парашина, покуда не подпишешь миъ купчей крѣпости на все свое имѣніе, а не то я уморю тебя съ голоду въ подвалъ.» Послѣ этихъ словъ, онъ схватилъ стоявшую въ углу палку, нѣсколькими ударами сбилъ съ ногъ свою Паращенку и билъ до тѣхъ поръ, пока она не лишилась чувствъ. Онъ позвалъ нѣсколько благонадежныхъ людей изъ своей прислуги, приказалъ отнести барыню въ каменный подвалъ, заперъ огромнымъ замкомъ и ключъ положилъ къ себѣ въ карманъ. Грозень и страшень явился онъ передъ своей дворней, которую приказалъ собрать всю на лицѣ. Хотѣло было отыскать виноватаго, того, кто водилъ барыню въ скотную избу, но тотъ, предвидя бѣду, давно уже скрылся; съ нимъ бѣжали кучерь и лакей, прѣхавши съ Прасковьей Ивановной; за ними послали погоню. Горничная дѣвушка не рѣшилась покинуть своей госпожи. Михайла Максимовичъ ее не тронулъ, даль ей нѣкоторыя наставленія, какъ уговаривать барыню къ покорности, и заперъ своими руками въ тотъ же подвалъ. Что же сдѣлалъ Михайла Максимовичъ потомъ? Зашпиль и закутиль болѣе прежняго. Но увы! напрасно онъ пилъ водку какъ воду, напрасно пѣла и плясала предъ нимъ пьяная ватага—Михайла Максимовичъ сдѣлался угрюмъ и мраченъ. Это не мѣшало однажды ему дѣйствовать неутомимо къ достижению своей цѣли. Онъ заготовилъ въ уѣздномъ городѣ на имя одного изъ своихъ достойныхъ друзей законную довѣренность отъ Прасковы Ивановны на продажу Парашина и Куролесова (Чурасово изъ милости оставлять ей), и всякой день два раза спускался въ подвалъ къ своей женѣ и уговаривалъ подписать довѣренность; просилъ про-

пенъя, что въ горячности такъ строго съ нею обошелся, обѣщался, въ случаѣ ея согласія, никогда не появляться ей на глаза, и божился, что оставитъ духовную, въ которой, послѣ своей смерти, откажеть ей все имѣніе. Праксевья Ивановна, страдая отъ побоевъ, изнуряемая голодомъ и получившая даже лихорадку, не хотѣла и слышать ни о какой сдѣлкѣ. Такъ прошло пять дней. Чѣмъ все бы это кончилось—одному Богу извѣстно.

Междѣ тѣмъ дѣдушка Степанъ Михайловичъ продолжалъ благополучно жить въ новомъ своемъ Багровѣ, которое отстояло отъ Парапина въ 120 верстахъ. Я уже сказаъ, что онъ давно искренно примирился съ Михайломъ Максимовичемъ, и хотя сердце его не лежало къ нему, но вообще онъ былъ имъ доволенъ. Куролесовъ съ своей стороны оказывалъ Степану Михайловичу и всему его семейству большое уваженіе, преданность и готовность на всякия послуги. Поселивъ Парапино и занимаясь его устройствомъ, онъ каждый годъ прѣѣзжалъ въ Багрово, былъ постоянно ласковъ, искателенъ, просилъ у Степана Михайловича советовъ, какъ у человѣка, опытнаго въ переселеніи крестьянъ, съ большою благодарностью, точно и подробно записывалъ всѣ его слова, и въ самомъ дѣль пользовался ими. Онъ упросилъ даже Степана Михайловича два раза прїѣхать въ Парапино, чтобы взглянуть: умѣль ли онъ воспользоваться его советами. Дѣдушка въ оба раза остался совершенно доволенъ новымъ хозяиномъ, и въ послѣднее свое посѣщеніе, осмотрѣвъ нашню и всѣ хозяйственныя заведенія, сказалъ Куролесову: «ну, братъ Михайла, ты изъ молодыхъ да ранній, и тебя учить нечего.» Въ самомъ дѣль всѣ хозяйственныя дѣла у Михайла Максимовича были въ отличномъ порядкѣ. Само собою разумѣется, что онъ принималъ, угощалъ и чествовалъ старика, какъ роднаго отца. По прошествіи нѣсколькихъ

льть недобрые слухи о Куролесовѣ стали носиться въ Багровѣ. Сначала дѣдушкѣ совсѣмъ обѣихъ не говорили, потому-что онъ не любилъ слушать дурныхъ вѣстей, но слухи росли годъ отъ году. Семейство Степана Михайловича знало ихъ, и Арина Васильевна рѣшилась сказать ему, что Михайла Максимовичъ «болѣно нехорошо живетъ.» Стариkъ не повѣрилъ и отвѣчалъ, что «только развѣсь уши, такъ пожалуй и церковную татъбу взведутъ на человѣка.» «Знаю я, продолжалъ онъ каковы были крестьяне и дворовые у Бактеевыхъ,—на подрядъ мошенники и лежебоки; да и братинки крестьяне также безъ хозяина избаловались. Что мудренаго, что настоящая работа и порядокъ показались имъ хуже медвѣдя? Можетъ статься, что Михайла и крутенко поворотилъ, ну да привыкнутъ. А что онъ погуляетъ, выпьетъ иногда послѣ трудовъ, такъ и то мужчинъ не бѣда, лишь бы не забыть своего дѣла. Вотъ мерзкихъ дѣлъ не надо, да вѣдь пожалуй и солгутъ: а ты съ дочками любишь слушать рабы сплетни!» Послѣ такихъ словъ, долго ничего не говорили Степану Михайловичу. Наконецъ родовые Багровскіе крестьяне, переведенные вмѣстѣ съ Бактеевскими изъ Симбирской губерніи въ Парашино, имѣвшіе родственниковъ въ новомъ Багровѣ, стали пріѣзжать туда и рассказывать про барина страшныя вѣсти. Арина Васильевна вторично доложила о томъ своему супругу и предложила ему, чтобы онъ самъ разспросилъ Парашинскаго старика изъ Багровскихъ, котораго честность и правдивость ему давно были известны и который теперь находится у нихъ въ деревнѣ. Дѣдушка согласился. Призвалъ, разспросилъ старика и услышалъ такую повѣсть, отъ которой встали у него дыбомъ волосы на головѣ. Какъ быть, что дѣлать, чѣмъ тутъ пособить — не умѣлъ онъ придумать; онъ получалъ изрѣдка письма отъ Прасковы Ива-

новны, видѣлъ, что она была совершенно спокойна и счастлива, и заключилъ, что она о поведеніи своего супруга ничего не знала. Онъ самъ нѣкогда давалъ ей совѣты, чтобы она никому не позволяла наушничать на своего мужа, и убѣдился, что она хорошо исполняетъ его совѣты. Онъ разсудилъ, что если она узнаетъ истину, то врядъ ли поправить дѣло, а будетъ только убиваться съ горя понапрасну. И такъ надо желать, чтобы она ничего не знала. Онъ терпѣть не могъ пугаться въ чужія дѣла, да и считалъ это безполезнымъ въ отношеніи къ Михайлу Максимовичу. «Пусть сломить себѣ шею или попадеть въ уголовную—туда ему и дорога. Этого человека одинъ только Богъ можетъ исправить. Крестьянамъ жить у него можно, а дворовые всѣ негодяи, пускай терпятъ за свои грѣхи. Не хочу мышаться въ эти поганыя дѣла.» Такъ разсудилъ по своей логикѣ Степанъ Михайловичъ и удовольствовался только тѣмъ, что пересталъ отвѣтчать на письма Куролесова и прекратилъ всякия съ нимъ сношенія; тотъ понялъ, что это значитъ, и оставилъ старика въ покое; переписка же у Степана Михайловича съ Прасковьей Ивановной сдѣлалась какъ-то чаще и задушевнѣе.

Такъ оставались дѣла до того утра, когда вдругъ явились къ моему дѣдушику передъ крыльцо трое бѣжавшихъ людей изъ Парашина. Въ первый день своего побѣга они скрывались въ непроходимомъ лѣсномъ болотѣ, которое уширалось въ Парашинскія крестьянскія гумна; вечеромъ они ко есъ кѣмъ повидались, узнали подробно всю исторію и пустились прямо къ Степану Михайловичу, какъ единственному защитнику и покровителю Прасковы Ивановны. Можно себѣ представить, что такое было съ Степаномъ Михайловичемъ, когда онъ узналъ о случившемся въ Парашинѣ! Онъ любилъ свою единственную двоюрод-

ную сестру не меньше, если не большие своихъ родныхъ дочерей. Параша, до полусмерти избитая разбойникомъ своимъ мужемъ, Параша, сидящая въ подвалѣ уже третій день, можетъ быть давно умершная, представлялась съ такой ясностію его живому воображенію, что онъ вскочилъ, какъ безумный, побѣжалъ по своему двору, по деревнѣ, изступленнымъ голосомъ сзывая дворовыхъ и крестьянъ. Всѣ сбѣжались, прискакали изъ полей, кого не было дома. Всѣ, сочувствуя отчаянному горю любимаго господина, кричали единогласно, что они всѣ ѣдутъ и пышкомъ идутъ выручать Прасковью Ивановну.... И вотъ черезъ нѣсколько часовъ, трое роспусковъ, запряженныхъ тройками лихихъ господскихъ коней, съ двѣнадцатью человѣками отборныхъ молодцевъ изъ дворовыхъ и крестьянъ и съ людьми, бѣжавшими изъ Парашина, вооруженными ружьями, саблями, рогатинами и желѣзными вилами, скакали по Парашинской дорогѣ. Къ вечеру выѣхали еще двое роспусковъ на лучшихъ крестьянскихъ лошадяхъ, съ десятью также вооруженными людьми, и поскакали по той же Парашинской дорогѣ на подмогу Степану Михайловичу. На другой день вечеромъ первый поѣздъ былъ уже въ семи верстахъ отъ Парашина; выкормили усталыхъ лошадей и, только начаլа заниматься лѣтняя заря, нагрянули на широкій господской дворъ и подъѣхали прямо къ извѣстному подвалу, находившемуся возлѣ самаго флигеля, въ которомъ жила Куролесова. Степанъ Михайловичъ бросился въ подвалъ и началь стучать кулакомъ въ деревянную дверь. Слабый голосъ спросилъ: «Кто тутъ?» Дѣдушка узнала голосъ сестры своей, прослезился отъ радости, что засталъ ее живою, и крестясь, громко закричалъ: «Слава Богу! Это я, братъ твой, Степанъ Михайловичъ, ничего не бойся!» Онъ послалъ кучера, лакея и старого слугу Прасковыи Ивановны заложить коляску,

въ которой она пріѣхала изъ Чурасова, поставилъ шесть человѣкъ съ ружьями, саблями и рогатинами у входа въ выходъ, а самъ съ остальными, съ помощью топоровъ и желѣзного лома, принялъся отбивать дверь. Въ одну минуту она была сломана; Степанъ Михайловичъ своими руками вынесъ Прасковью Ивановну, положилъ ее на роспушки, съ одной стороны посадилъ возлѣ нее вѣрную горничную, а съ другой сѣль самъ, и со всѣми людьми спокойно сѣхалъ со двора. Солнце начинало всходить и опять ярко загорѣлся крестъ на церкви, когда Прасковья Ивановна проѣзжала мимо нее. Ровно за шесть сутокъ молилась она на этотъ крестъ.... помолилась и теперь, благодаря Бога за свое избавленіе. Коляска дрогиала ихъ уже въ пяти верстахъ отъ Парашина. Степанъ Михайловичъ пересадилъ сестру въ коляску и отправился съ нею въ Багрово.

Какъ же все это случилось, спросить меня? Неужели никто не видѣлъ этого происшествія? Куда дѣвался Михайла Максимовичъ и его вѣрные слуги? Неужели онъ ничего не зналъ, или его не было дома?.... Нѣть, многіе съзывали и видѣли освобожденіе Прасковы Ивановны; Михайла Максимовичъ бытъ дома, даже зналъ, что происходитъ, — и не осмѣлился показаться изъ своего флигеля.

Событие совершилось очень просто: пропиравшіе съ бариномъ весь вечеръ, холопы были такъ мертвѣцки пьяны, что ипыхъ нельзя было добудиться. Любимый и трезвый лакей, не пившій никогда вина, съ трудомъ разбудилъ хмельнаго барина; дрожа отъ страха, рассказалъ онъ про наѣздъ Степана Михайловича и про ружья, прямо нацѣленныя на флигель. «Гдѣ же всѣ наши?» спросилъ Михайла Максимовичъ. «Одни спятъ; другіе попрятались», отвѣчалъ холопъ и соглагъ, потому-что пьяная

ватага начинала собираться у господского крыльца. Михайла Максимович подумалъ, махнулъ рукой и сказаъ: «чортъ съ ней! Запри дверь и смотри въ окно, чтò будеть дальше.» Черезъ нѣсколько минутъ лакей закричалъ: «Барыню увозятъ..... увезли.....» «Ложись спать», сказаъ Михайла Максимовичъ, завернулся въ одѣяло и заснуль, или притворилъ заснувшимъ.

Да, есть нравственная сила праваго дѣла, передъ кото-рою уступаетъ мужество неправаго человѣка. Михайла Максимовичъ зналъ твердость духа и безстрашную отвагу Степана Михайловича, зналъ неправость своего дѣла, и не смотря на свое бѣшенство и буйную смѣлость — усту-пилъ свою жертву безъ спора.

Бережно довезъ Степанъ Михайловичъ свою, всегда горячо-любимую, больную сестру, возбуждавшую теперь еще большую его нѣжность и глубокое состраданіе. Онъ не разспрашивалъ ее дорогой ни о чемъ, и когда привезъ благополучно въ Багрово, то запретилъ домашнимъ без-покоить ее разспросами. Благодаря необыкновенно крѣп-кому тѣлосложенію и столько же сильному духу, Прасковья Ивановна, недѣли черезъ двѣ, оправилась; то-гда Степанъ Михайловичъ рѣшился разспросить ее обо всемъ: ему необходимо было знать настоящую истину событія для того, чтобы знать, какъ дѣйствовать, а рос-казнямъ людей, своими глазами ничего не видавшихъ, онъ никогда не вѣрилъ. Прасковья Ивановна съ полною от-кровенностью сказала ему настоящую правду; но въ то же время просила, чтобъ онъ не говорилъ о томъ своему семейству и чтобъ никто ее ни о чемъ не разспраши-валъ. Боясь горячаго нрава своего брата, отдавая себя въ полное его распоряженіе, она умоляла однако не мстить Михайлу Максимовичу, и съ твердостью объявила, что она одумалась и рѣшилась не позорить своего мужа, не

безчестить имени, которое сама должна носить во всю свою жизнь. Она прибавила, что теперь раскаялась въ тѣхъ словахъ, которыя вырвались у нее при первомъ свиданіи съ Михайломъ Максимовичемъ въ Парашинъ, и что ни подъ какимъ видомъ она не хочетъ жаловаться на него губернатору; но считая за долгъ избавить отъ его жестокости крѣпостныхъ людей своихъ, она хочетъ уничтожить довѣренность на управлѣніе ея имѣніемъ и просить Степана Михайловича взять это управлѣніе на себя; просить такъ же, сейчасъ написать письмо къ Михайлу Максимовичу: чтобы онъ возвратилъ довѣренность, а если же онъ этого не сдѣлаетъ, то она уничтожитъ ее судебнымъ порядкомъ. Она желала, чтобы все это написано было Степаномъ Михайловичемъ твердо, но безъ всякихъ обидныхъ словъ; для большаго же удостовѣренія хотѣла собственоручно подписать свое имя; надобно прибавить, что она плохо знала русскую грамоту, Степанъ Михайловичъ такъ любилъ сестру, что преодолѣлъ свой гнѣвъ и согласился на ея просьбу и желаніе. Онъ не хотѣлъ слышать только объ одномъ: обѣ управлѣніи ея имѣніемъ. «Не люблю путаться въ чужія дѣла, говорилъ онъ, не хочу, чтобы твои родные сказали, что я нагрѣваю руки около твоихъ тысячи душъ. Хозяйство пойдетъ скверно у тебя, это правда, но ты богата, съ тебѣ будетъ; теперь же такъ и быть напишу, что беру на себя все управлѣніе имѣніемъ, чтобы пугнуть твоего сахара медовика.... Прочее, о чёмъ прозѣ, все будетъ сдѣлано.» Вследствіе того семейству бывшая тдань строгой приказъ ни о чёмъ не разспрашивать Імя ишу. Письмо къ Михайлу Максимовичу написалъ дѣдушка, ственной своей рукой; Прасковья Ивановна также пригѣ ея въ немъ, и гонецъ отправился въ Парашинъ. Въ то время, какъ они соображали, думали, гадали и писали— Парашинъ уже

все было рѣшено. На четвертый день воротился гонецъ съ извѣстіемъ, что, волею Божію, Михайла Максимовичъ скоропостижно скончался и что его уже похоронили. — Невольно перекрестился Степанъ Михайловичъ, получивъ первый это извѣстіе, и сказалъ: Слава Богу. То же сказала и вся его семья, которая, не смотря на свое прежнее благорасположеніе къ Куролесову, давно уже смотрѣла на него со страхомъ, какъ на ужаснаго злодѣя. Но не то было съ Прасковьей Ивановной. Судя по себѣ, всѣ думали, что она порадуется этому извѣстію, и поспѣшили сообщить его. Къ общему удивленію, она была поражена имъ до такой степени, что пришла въ совершенное отчаяніе, и снова захворала. Когда же крѣпкая натура преодолѣла болѣзнь, тоска овладѣла ею; иѣсколько недѣль не осушала она глазъ съ утра до вечера, и такъ исхудала, что напугала Степана Михайловича. Не понятно было для всѣхъ, изъ какого источника происходило такое глубокое сокрушеніе о смерти мужа, изверга рода человѣческаго, какъ всѣ его называли, котораго она не могла уже любить и который такъ злодѣйски поступилъ съ нею. Но вотъ объясненіе.

Иѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ этого происшествія, моя мать, которую очень любила Прасковья Ивановна, спросила ее въ минуту сердечнаго изліянія и самыхъ откровенныхъ разговоровъ о прошедшемъ, (которыхъ Прасковья Ивановна не любила): «Скажите пожалуйста, тетушка, какъ могли вы такъ убиваться по Михайлу Максимовичу? Я на вашемъ ^{сила} сказала бы: царство ему небесное — и порадовалась ^{чтобъ}!» — «Ты дура, отвѣчала Прасковья Ивановна, я любила ^{горя} его четырнадцать лѣтъ, и не могла разлюбить въ о ^{рас} мѣсяцъ, хотя узнала, какого страшнаго человѣка я ^{искусил}; а главное, я сокрушалась объ его душѣ: онъ такъ умѣлъ и что не успѣлъ покаяться.»

Къ шести недѣлямъ разсудокъ нѣсколько овладѣлъ страждущею душею Прасковыи Ивановны и она покхала, или лучше сказать, согласилась покхать въ Парашино вмѣстѣ съ братомъ и со всѣмъ его семействомъ, чтобы отслужить панихиду и отправить сорочины на могилѣ Михаила Максимовича. Къ общему удивленію, Прасковья Ивановна, во время пребыванія своего въ Парашинѣ и во время печальной церемоніи, не выронила ни одной слезинки, но можно себѣ представить, чего стоило такое усилие ея разтерзанной душѣ и еще больному тѣлу! Но ея желанію пробыли въ Парашинѣ только нѣсколько часовъ, и она не входила во флигель, въ которомъ жилъ и умеръ ея мужъ.

Неизвѣстно, отъ чего произошла скоропостижная кончина Куролесова. Когда Степанъ Михайловичъ выручилъ свою сестру изъ подвала, то всѣ въ Парашинѣ ободрились и ожидали, что пришель конецъ владычеству Михаила Максимовича. Всѣ думали, что Багровской баринѣ, бывшій вмѣсто отца ихъ баринѣ, скрутить ея мужа и выгонить изъ имѣнія, ему не принадлежащаго. Никому и въ голову не входило, что молодая ихъ госпожа, такъ обиженная, избитая до полусмерти, сидѣвшая на хлѣбѣ и на водѣ въ погребу, въ собственномъ своемъ имѣніи,—не стала преслѣдоватъ судебнѣмъ порядкомъ своего мучителя. Всякой день ждали, что нагрянетъ Степанъ Михайловичъ съ капитанъ-исправникомъ и земскими судомъ, но прошла недѣля, другая, третья—никто не прїѣжалъ.... Михаила Максимовичъ пили, гуляли и буйствовалъ; передралъ до полусмерти всю свою дворню, не исключая и того трезваго лакея, который будиль его во время извѣстнаго события—за то, что они его выдали, и хвалился, что получилъ отъ Прасковыи Ивановны крѣпость на все ея имѣніе. . . . .

Безъ сомнѣнія, скоропостижная смерть Куролесова повела бы за собой уголовное слѣдствіе, еслиъ въ Парашинъ не было въ конторѣ очень молодаго писца, котораго звали также Михайломъ Максимовичемъ и который только недавно быть привезенъ изъ Чурасова. Этотъ молодой человѣкъ, необыкновенно умный и ловкій, уладилъ все дѣло.

Въ послѣдствіи онъ былъ повѣреннымъ, главнымъ управителемъ всѣхъ имѣній и пользовался полною довѣренностю Прасковы Ивановны. Подъ именемъ Михайлушки, онъ былъ извѣстенъ всѣмъ и каждому въ Симбирской и Оренбургской губерніи. Этотъ замѣчательный умный и дѣловѣй человѣкъ нажилъ себѣ большія деньги, долго держался скромнаго образа жизни, но отпущеній на волю послѣ кончины Прасковы Ивановны, потерявъ любимую жену, спился и умеръ въ бѣдности. Кто-то изъ его дѣтей, какъ мнѣ помнится, вышелъ въ чиновники и наконецъ въ дворянѣ.

Не могу умолчать, что лѣтъ черезъ сорокъ, сдѣлавшись владѣльцемъ Парашина, внукъ Степана Михайловича, нашелъ въ крестьянахъ свѣжую благодарную память объ управлѣніи Михайла Максимовича, потому-что чувствовали постоянную пользу многихъ его учрежденій; забыли его жестокость, отъ которой страдали преимущественно дворовые, но помнили умѣніе отличать праваго отъ виноватаго, работящаго отъ лениваго, совершенное знаніе крестьянскихъ нуждъ и всегда готовую помощь. Старики рассказывали, улыбалсь, что у Куролесова была поговорка: «плутуй, воруй, да концы хорони, а попался, такъ не пній.»

Воротясь въ Багрово, Прасковья Ивановна, пригрѣтая самой нѣжной, искренней любовью своего брата и забот-

ливымъ ухаж
не очень люби
тыхъ милостей,
стоко ее порази,
душа успокоила
переѣхать въ свое
ловичу разставать
лась ему всеми свои
чрезвычайно; во вси
ся на Прасковью И.
напротивъ самъ уговор
что, сестрица, за жит
Михайловичъ. У насъ *отрывок*
привыкли. Ты человѣк
тый годъ), ты богата, т. *вр*
Ступай въ свое Чурасово.
ковинный садъ съ родник
всъ тебя любятъ, всъ живутъ
пошлиеть тебъ счастливую
много.» Прасковья Ивановна
свой отъездъ—такъ было тя.
томъ, ея спасителемъ и благод
Наконецъ день быль назначенъ.
пришла она къ Степану Михайл
шись, печально сидѣть на своемъ
его, поцѣловала, заплакала и ска
ствую всю вашу ко мнѣ любовь и
таю васъ, какъ роднаго отца. Коне
благодарность; но я хочу, чтобы и л.
звольте мнѣ укрѣпить вамъ все мое
отцовское и безъ того достанется Алеш
матушкиной стороны, богаты, и вы знае
что награждать ихъ своимъ имѣниемъ За-

*С. Ш. душка
прежний*

Къ концу это сестра искривлено

ыхъ быль богатъ.
шьте меня....» И при
ноги и осыпала по-
арался поднять ее.
йловичъ нѣсколько
ещь! Чтобъ я по-
ѣмъные мимо за-
не быватъ, и никто
ъ. Смотри же, чтобъ
имънни; а не то мы
эъ въ жизни».

новна уѣхала въ Чура-
самобытною жизнью.

ТРЕТИЙ ОТРЫВОКЪ

изъ

СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

CHINESE COMMUNIST

ЖЕНІТЬБА МОЛОДАГО

Б А Г Р О В А.

Многое пронеслось годовъ, много совершилось событий: былъ голодъ, повальные болѣзни, была Пугачевщина. Шайки Емели распугали помѣщиковъ Оренбургскаго края, и Степанъ Михайловичъ со своимъ семействомъ также бѣжалъ, сначала въ Самару, а потомъ, внизъ по матушкѣ по Волгѣ, въ Саратовъ и даже въ Астрахань. Но все прошло, все успокоилось, все забылось. Одни подросли, другие возмужали, третьяи постарѣли: разумѣется въ числѣ третьихъ былъ Степанъ Михайловичъ. Видѣлъ это онъ и самъ, да какъ-то не вѣрилъ. Не рѣдко говорилъ онъ: «много упирало по вешней водѣ», и говорилъ онъ это безъ огорченія, какъ будто рѣчь шла о другомъ человѣкѣ, а не о немъ.... въ самомъ дѣлѣ не тотъ уже былъ мой дѣдушка. Куда дѣвались его богатырскія силы, и проворство, и неутомимость? Дѣдушка дивился тому иногда, но продолжалъ жить по прежнему, по старинному: онъ такъ же, столько жеѣлъ и пилъ, сколько и чего хотѣла душа, такъ же одѣвался, не справляясь съ погодою, отъ чего начиналъ иногда прихварывать. Тускнѣли понемногу его ясные и зоркіе взгляды, слабѣлъ громкій голосъ; рѣже онъ гневался,

рвже бываль весель и свѣтель. Старшихъ дочерей своихъ онъ пристроилъ: первая, Веригина, уже давно умерла, оставивъ трехъ-лѣтнюю дочь; вторая, Коптижева, овдовѣла и опять вышла за-мужъ за Нагаткина; умная и гордая Елисавета, какими-то судьбами попала за генерала Ерлыкина, который, между прочимъ, былъ старъ, бѣденъ и пиль запоемъ; Александра нашла себѣ столбоваго русскаго дворянинна, молодаго и съ состояніемъ, И. П. Коротаева, страстнаго любителя Башкирцевъ и кочевой ихъ жизни,— Башкирца душой и тѣломъ; меньшая, Танюша, оставалась при родителяхъ; сыночъ былъ уже двадцати семи лѣтъ, красавчикъ, кровь съ молокомъ: «кофту, да юбку, такъ больше бы походилъ на барышню, чѣмъ всѣ сестры» такъ говорилъ про него самъ отецъ. Не смотря на горькія слезы и постоянное сокрушеніе Арины Васильевны, Степанъ Михайловичъ, какъ только сыну минуло шестнадцать лѣтъ, опредѣлилъ его въ военную службу, въ которой онъ служилъ года три, и по протекціи Михайла Максимовича Куровесова находился почти годъ безсмѣннымъ ординарцемъ при Суворовѣ; но Суворовъ уѣхалъ изъ Оренбургскаго края, и какой-то нѣмецъ генераль (кажется Трейблутъ) безъ всякой вины жестоко отколотилъ палками молодаго человѣка, не смотря на его древнее дворянство. Бабушка чуть не умерла съ печали, да и дѣдушкъ не понравилась эта шутка: онъ взялъ Алешу въ отставку и опредѣлилъ въ верхній земскій судъ, где онъ усердно и долго служилъ и былъ впослѣдствіи прокуроромъ.

Не могу прейти молчаниемъ замѣченную мною странность: большая часть этихъ господъ Нѣмцевъ и вообще иностранцевъ, служившихъ тогда въ русской службѣ, постоянно отличались жестокостью и большою охотою до палюкъ. Нѣмецъ — лютеранинъ, отколотившій безпощадно моего отца, былъ въ то же время строгимъ соблюдалемъ цер-

ковныхъ русскихъ обрядовъ. Вотъ какъ случилось это историческое событие въ нашей Семейной Хроникѣ. Подъ какой-то неважный праздникъ приказалъ Нѣмецъ-генераль служить всенощную въ полковой церкви, что совершалось всегда въ его присутствіи и при собраніи всѣхъ офицеровъ. Время было лѣтнєе, окошки отворены; вдругъ залилась въ воздухъ русская пѣсня по Дворянской улицѣ города Уфы; генераль бросился къ оконику: по улицѣшли трое молодыхъ унтеръ-офицеровъ, одинъ изъ нихъ пѣлъ пѣсню; генераль приказалъ ихъ схватить и каждому дать по триста палокъ. Бѣдный мой отецъ, который не пѣлъ, а только вмѣстѣ шелъ съ другими унтерами, объявилъ, что онъ дворянинъ, но генераль, злобно улыбаясь, сказалъ ему: «Дворянинъ долженъ быть съ большими благоговѣніемъ къ служба Господня»—и въ своемъ присутствіи, въ соседней комнатѣ съ церковью, при торжественномъ пѣніи божественныхъ славословій, звѣрски приказалъ отсчитать триста ударовъ невинному юношѣ, запрещая ему даже кричать, чтобы: «не возмущать Господня служба.» Замертво отвезли наказанного въ лазаретъ. Тамъ должны были разрѣзать на немъ мундиръ, такъ распухло его нѣжное молодое тѣло; два мѣсяца гнила у него спина и плечи. Каково было все это узнать матери, любившей единственного сынка до безумія! Дѣдушка жаловался кому-то, и еще до выхода изъ лазарета сынъ его, немедленно подавшій просьбу объ отставкѣ, былъ уволенъ изъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ 14-го класса. Въ настоящее время было забыто это происшествіе; ему прошло уже 8 лѣтъ.

Алексѣй Степановичъ преспокойно служилъ и жилъ въ Уфѣ, отстоявшей въ 240 верстахъ отъ Багрова, и прѣзжалъ каждый годъ два раза на побывку къ своимъ родителямъ. Ничего особеннаго съ нимъ не происходило.

Тихій, скромный, застѣнчивый, ко всѣмъ ласковый, цвѣль онъ, какъ маковъ цвѣть, и вдругъ... помутился ясный ручеекъ жизни молодаго деревенскаго дворяниня.

Въ городъ Уфъ, гдѣ постоянно находилась воеводская канцелярія, постоянно жилъ Товарищъ Намѣстника, коллежскій советникъ, Николай Федоровичъ Зубинъ, человѣкъ умный и честный, но слишкомъ нѣжный и слабый. Онъ овдовѣлъ и у него осталось трое дѣтей; дочь Соничка, двѣнадцати лѣтъ, и два малолѣтніхъ сына. Отецъ любилъ свою Соничку страстно, да и какъ было не любить такую красавицу и умницу, которая, не смотря на свой детскій возрастъ, скоро сдѣлалась ему подругой и помощницей по домашнему хозяйствству. Года черезъ полтора послѣ смерти первой жены, горячо имѣть любимой, выплакавъ сердечное горе, Николай Федоровичъ успокоился и влюбился въ дочь известнаго описателя Оренбургскаго края, тамошняго помѣщика П. А. Р.—ва и вскорѣ женился. Молодая жена, Александра Петровна, умная, гордая и красивая, овладѣла совершенно нѣжнымъ сердцемъ вдовца и возненавидѣла его любимицу, свою молоденкую, но уже прекрасную падчерицу. Дѣло весьма обыкновенное. Страшное слово мачиха, давно сдѣлавшееся прилагательнымъ именемъ для выраженія жестокости, шло, какъ нельзя лучше, къ Александрѣ Петровнѣ; но Соничку нельзя было легко вырвать изъ сердца отца: дѣвочка была неуступчиваго нрава, съ ней надо было бороться, и оттого злоба мачихи достигла крайнихъ предѣловъ; она поклялась, что дерзкая тринацдцатилѣтняя дѣвчонка, кумиръ отца и цѣлаго города, будетъ жить въ дѣвичьей, ходить въ выбойчатомъ платьѣ и выносить нечистоту изъ-подъ ея дѣтей.... Она буквально сдержала свою клятву: черезъ два или три года Соничка жила въ дѣвичьей, одѣвалась какъ черная служанка, мыла и чистила дѣтскую, гдѣ поселились уже двѣ новыя сестрицы.

Что же страстно любивший отец?... Онъ не видѣлъ дочери по цѣльмъ мѣсяцамъ, и когда встрѣчалъ, одѣтую чуть не въ ру比ще,—отворачивался, вздыхалъ, плакалъ поти-хоньку и спѣшилъ удалиться. Таковы бывають поболь-шой части немолодые вдовцы, влюбленные въ молодыхъ своихъ женъ. Я не знаю въ точности всѣхъ путей и сред-ствъ, которыми достигла Александра Петровна своего тор-жества, и потому не стану говорить о нихъ; не стану также распространяться о томъ, какимъ жестокостямъ и муче-ніямъ подвергалась несчастная сирота, одаренная отъ природы чувствительною, сильною и непокорною душою; тутъ не были забыты самыя унизительныя наказанія, даже побои за небывалыя вины. Скажу только, что падчерица была близка къ самоубійству: она спаслась отъ него чудомъ. Вотъ какъ это случилось: рѣшившись прекратить невы-носимую жизнь, бѣдная дѣвушка захотѣла въ послѣдній разъ помолиться въ своей коморкѣ на чердакѣ, передъ образомъ Смоленской Божіей Матери, которымъ благосло-вила ее умирающая мать. Она упала передъ иконой и, проливая ручи горькихъ слезъ, приникла лицемъ къ гряз-ному полу. Страданія лишили ее чувствъ на иѣсколько ми-нутъ и она какъ будто забылась; очнувшись, она встала и ви-дѣть, что передъ образомъ теплится свѣча, которая была потушена ею наканунѣ; страдальца вскрикнула отъ изумле-нія и невольного страха, но скоро, признавъ въ этомъ явленіи чудо всемогущества Божіяго,—она ободрилась, почувствова-ла, неизвѣстные ей до тѣхъ поръ, спокойствіе и силу, и твердо рѣшилась страдать, терпѣть и жить. Съ этого дня безпомощная сирота облеклась непроницаемою бронею терпѣнія къ вящшему раздраженію своей мачихи. Она все исполняла, что ей приказывали, все переносила спокойно; никакія ругательства, никакія унизительныя наказанія не вырывали слезъ, не доводили ее до дурноты, до обмо-

рока, какъ это прежде бывало, и къ обыкновенному названию: «мерзкая дѣвчонка» присоединился эпитетъ: «отчалиная и мерзкая дѣвчонка.» Но исполнилась мѣра долготерпнія Божьяго, и грянуль громъ: великолѣпная Александра Петровна, въ цвѣтѣ лѣтъ, здоровыя и красоты, родила еще сына и умерла въ десятый день послѣ родовъ. Она знала за сутки, что должна умереть, и поспѣшила примириться съ своею совѣстью: вдругъ почто разбудили Соничку и позвали къ мачихѣ; Александра Петровна при свидѣтеляхъ покаялась въ своихъ винахъ передъ падчерицей, просила у нее прощенія и заклинала именемъ Божіимъ не оставить ея дѣтей; падчерица простила, обѣщала не оставить ихъ, и сдержала обѣщанье. Александра Петровна призналась также своему мужу, что всѣ обвиненія, взводимыя на его дочь, — были выдумка и клевета.

Боже мой, какъ смерть перевернула все вверхъ дномъ! Николая Федорыча разбилъ нервическій параличъ, послѣ котораго онъ жилъ еще нѣсколько лѣтъ, но уже не вставалъ съ постели. Загнанная, оборванная барышня, которую подлое лакейство, особенно приданые мачихи, обижали сколько душъ угодно, втоптали въ грязь — вдругъ сдѣлалась полновластною госпожею въ домѣ, потому-что больной отецъ отдалъ ей въ распоряженіе все. Объясненіе и примиреніе виновнаго отца съ обиженною дочерью — были умилительны и даже возмутительны для дочери и окружающихъ. Раскаяніе долго терзало больнаго старика, долго лились у него слезы и день и ночь, и долго повторялъ онъ только одно слово: «Нѣть, Соничка, ты не можешь меня простить!» Не осталось ни одного знакомаго въ городѣ, передъ которыми онъ не исповѣдовалъ бы торжественно винъ своихъ передъ дочерью, и Софья Николавна сдѣлалась предметомъ всеобщаго уваженія и удивленія.

вленія. Умудренная годами тяжкихъ страданій, семнадцатилѣтняя девушка вдругъ превратилась въ совершенную женщину, мать, хозяйку и даже официальную даму, потому что по болѣзни отца принимала всѣ власти, всѣхъ чиновниковъ и городскихъ жителей, вела съ ними переговоры, писала письма, дѣловыя бумаги, и впослѣдствіи сдѣлалась настоящимъ правителемъ дѣлъ отцовской канцеляріи. Съ самыми напряженными вниманіемъ и избѣжностью ухаживала Софья Николавна за болѣтымъ отцемъ, присматривала попечительно за тремя братьями и двумя сестрами и даже по заботилась о воспитаніи старшихъ; она нашла возможность пріискать учителей для своихъ братьевъ, отъ одной съ ней матери, Сергѣя и Александра, изъ которыхъ первому было двѣнадцать, а другому десять лѣтъ: она отыскала для нихъ какого-то предобragо Француза Вильме, заброшенаго судбою въ Уфу, и какого-то полу-ученаго хохла В—скаго, сосланного туда же за неудавшіяся плутни. Софья Николавна воспользовалась случаемъ, сама училась емѣсть съ братьями (*), и чрезъ полтора года отправила ихъ въ Москву къ А. О. Аничкову, съ которымъ черезъ двоюроднаго его брата, находившагося въ Уфѣ, познакомилась она заочно и вела постоянную переписку. Аничковъ жилъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ известнымъ Н. Н. Попиковымъ; оба пріятеля до того пѣнились краснорѣчивыми письмами неизвѣстной барышни съ береговъ рѣки Бѣлой, изъ Башкирии, что присылали ей всѣ замѣчательныя сочиненія въ русской литературѣ, какія тогда появлялись, чтѣ очень много способствовало ея образованію. Аничковъ былъ особеннымъ ея почитателемъ и счѣль за счастіе исполнить просьбу Софии Николавны, то-есть,

(*) Она училась такъ прилежно, что скоро могла понимать французскія книги, разговоры и даже выучилась немногого говорить по-французски.

взять на свои руки обоихъ ея братьевъ и помѣстить ихъ въ университетской благородный пансионъ, что и сдѣлалъ усердно и точно. Мальчики очень хорошо учились, но по несчастію ученье было прервано тѣмъ, что ихъ потребовали въ гвардию, куда они были записаны еще въ колыбели.

Всѣ, по тогдашнему умные и образованные люди, попадавши въ Уфу, спѣшили познакомиться съ Софьей Николаиной, пѣнились ею и никогда не забывали. Большая часть такихъ знакомствъ обратилась виосльствіемъ въ дружбу съ ея семействомъ, которая прекращалась только смертью. Изъ числа ихъ я назову только тѣхъ, которыхъ зналъ самъ: В. В. Романовскаго, А. Ю. Ювенаріуса, П. И. Чичагова, Д. Б. Мертваго и В. И. Ичанскаго. Ученые и путешественники, посѣтившие новый и чудный Уфимской край, также непремѣнно знакомились съ Софьей Николаиной и оставляли письменные знаки удивленія ея красотѣ и уму. Конечно, положеніе этой девушки въ обществѣ и семействѣ было выгодно, служило, такъ сказать, картинымъ подножіемъ, но за то и стояло на немъ чудное созданіе. Особенно памятны мнѣ стихи одного путешественника, графа Мантейфеля, который прислалъ ихъ Софѣ Николаинѣ, при самомъ почтительномъ письме на французскомъ языкѣ, съ приложеніемъ экземпляра огромнаго сочиненія въ пяти томахъ *in-quarto* доктора Бухана, только что переведеннаго съ англійскаго на русскій языкъ и бывшаго тогда знаменитою новостью въ медицинѣ. Домашний лѣчебникъ Бухана былъ драгоценнымъ подаркомъ для Софии Николаинѣ: она могла пользоваться его указаніями и составлять лекарства для леченія своего больнаго отца. Въ стихахъ же, графъ Мантейфель называлъ уфимскую красавицу и Венерой, и Минервой.

Не смотря на болѣзненное состояніе, Николай Федорович не оставлялъ иѣсколько лѣтъ своей должности. Всякой годъ раза два онъ давалъ вечера съ танцами; самъ къ дамамъ не выходилъ, а мужчины принимали лежа въ кабинетѣ; но молодая хозяйка принимала весь городъ. Иѣсколько разъ въ годъ онъ непремѣнно посыпалъ свою Соничку на балы къ почетнымъ лицамъ города. Софья Николавна, богато одѣтая, отлично по тогдашнему танцующа, уступая усиленнымъ просьбамъ старика, прѣѣзжала на баль на самое короткое время. Протанцовавъ польской, менуэтъ и одинъ контредансъ или экоссесъ, она сейчасъ уѣзжала, мелькнувъ въ обществѣ, какъ блестящій метеоръ. Все, что имѣло право влюбляться, было влюблено въ Софью Николавну, но любовью самою почтительной и безнадежной, потому-что строгость ея нравовъ доходила до крайнихъ размѣровъ.

И вотъ въ какую необыкновенную дѣвушку влюбился сынокъ Степана Михайловича. Онъ не могъ вполнѣ понимать и цѣнить ее, но одной наружности, одного живаго и веселаго ума ея достаточно было, чтобы свести съ ума человѣка — и молодой человѣкъ сошелъ съ ума. Съ первого взгляда Софья Николавна, которую онъ увидѣль у обѣдни, обворожила, какъ говорили тогда, его мягкое сердце. Узнавъ, что красавица принимаетъ всѣхъ чиновниковъ, прѣѣзжающихъ къ ея отцу, Алексѣй Степанычъ (станемъ звать его полнымъ именемъ), какъ чиновникъ, служившій въ верхнемъ земскомъ судѣ, сталъ постоянно являться съ поздравленіями по праздничнымъ и табельнымъ днямъ, въ приемной Товарища Намѣстника; всегда видѣть Софью Николавну и таялъ часъ отъ часу больше. Эти посыщенія, слишкомъ точные, слишкомъ продолжительныя, хотя почти безмолвныя, были скоро замѣчены всѣми, и вѣроятно, первая замѣтила ихъ молодая хозяйка.

Очарованные глаза, пылающие щеки, смущение, доходившее до самозабвения, всегда были красноречивыми объяснителями любви. Надъ искренней любовью обыкновенно всѣ смыются, такъ положено испоконъ вѣка, — и весь городъ смылся надъ смиреннымъ, застѣнчивымъ и стыдливымъ какъ деревенская девушка, Алексѣемъ Степанычемъ, который въ отвѣтъ на всѣ шутки и намеки конфузился и краснѣлъ, какъ маковъ цветъ. Софья Николавна, строгая и даже суровая ко всѣмъ свѣтскимъ любезникамъ, вопреки ожиданию всѣхъ была снисходительна къ своему безмолвному обожателю. Я не знаю, жалко ли ей стало молодаго безотвѣтнаго человѣка, терпѣвшаго за любовь къ ней насмѣшки; поняла ли она, что это не минутное увлеченіе, не шутка для него, а вопросъ цѣлой жизни — не знаю, но суровая красавица не только благосклонно кланялась и смотрѣла на Алексѣя Степаныча, но даже заговаривала съ нимъ; робкіе, несвязные отвѣты, прерывающейся отъ внутренняго волненія голосъ, не казались ей ни смѣшными, ни противными. Впрочемъ, надо сказать, что Софья Николавна высоко себя держала передъ бойкими и заносчивыми людьми, а со смиренными и скромными всегда была снисходительна и ласкова.

Такъ тянулось дѣло довольно долго. Вдругъ дерзкая мысль озарила горящую голову Алексѣя Степаныча, мысль — жениться на Софье Николавне! Онъ самъ сначала перепугался такого смѣлаго и несбыточнаго желанія. Куда ему до Софии Николавны, первого лица въ городѣ, первой умницы и красавицы въ цѣломъ свѣтѣ по его мнѣнію.... и онъ совершенно отбросилъ такое намѣреніе. Но мало по малу, постоянная благосклонность и вниманіе, привѣтливые, какъ-будто ободряющіе взгляды Софии Николавны (такъ ему казалось), а всего болѣе любовь, овладѣвшая всѣмъ существомъ его, снова вызвали отборо-

шенную мысль, и она скоро сроднилась, сжилась съ его жизнью. Одна старая помещица, жившая по дѣлу въ Уфѣ, Алакаева, которая тѣжала въ домѣ къ Зубинымъ, дальняя родственница Алексія Степаныча, принимала въ немъ всегда особенное участіе; онъ сталъ чаше навѣщать ее, ласкаться къ ней, какъ умѣль, и наконецъ открылся въ своей любви къ извѣстной особѣ и въ своемъ намѣреніи искать ея руки. Любовь, какъ городская молва, была давно известна Алакаевой; но намѣреніе жениться ее удивило. «Не пойдетъ», сказала старуха качая головой, она преумнала, прегордая, превоспитанная. Мало ли въ нее влюблялись, но никто посвататься не осмѣлился. Ты конечно красавчикъ, стариинаго дворянскаго рода, имѣешь небольшое состояніе, а со временемъ будешь и богатъ: это все знаютъ; но ты человѣкъ не ошлифованный, деревенскій, ни чему не ученый, и болыно ужъ смиренъ въ публикѣ...» Обо всемъ этомъ догадывался и самъ Алексій Степанычъ, но любовь совершенно помутнила его голову; и денно и ночно кто-то шепталъ ему въ уши, что Софья Николавна за него пойдетъ. Хотя надежды молодаго человѣка казались Алакаевой неосновательными, но она согласилась на его просьбу съѣздить къ Софье Николавне, и не дѣлая никакихъ намековъ о его намѣреніи, завести рѣчь о немъ, какъ-нибудь стороною, и замѣтить все, что она скажетъ. Алакаева поѣхала немедленно; Алексій Степанычъ остался у ней въ домѣ, ожидая ея возвращенія; старуха проѣздила довольно долго; на влюбленнаго напалъ такой страхъ, такая тоска, что онъ принялъся плакать, и наконецъ утомленный слезами, заснуль, прислонясь головой къ окошку. Старуха, воротясь, разбудила его и съ веселымъ видомъ сказала: «Ну, Алексій Степанычъ, въ самомъ дѣлѣ что-то есть. Я стала о тебѣ говорить и немножко на тебя нападать, а Софья Николавна

заступилась за тебя не на-шутку и наконецъ сказала, что ты долженъ быть человѣкъ очень добрый, скромный, тихій и почтительный къ родителямъ, что такихъ людей благословляетъ Богъ и что такие люди лучше бойкихъ говоруновъ.» Алексѣй Степанычъ опьянился отъ радости и самъ не помнилъ, что говорилъ тогда. Алакаева, давъ ему успокоиться, съ твердостью сказала: «Если это твое не-премѣнное желаніе, то вотъ тебѣ мой советъ. Поехжай немедленно къ отцу и матери, расскажи имъ все и проси у нихъ согласія и благословенія, пока добрые люди не помышлали. Если ты получишь и то и другое, то я не отказываюсь хлопотать за тебя. Только не торопись; умасли напередь сестерь, а мать противиться твоему желанію не станетъ. Разумѣется, первое дѣло согласіе твоего отца. Я его знаю, онъ болѣно круть, но разуменъ; поговори съ нимъ, когда онъ будетъ весель.» Алексѣй Степанычъ удивился такому осторожному совету и такимъ окончностямъ, и возразилъ: что родители его будутъ очень рады и что развѣ есть какой-нибудь порокъ въ Софье Николаинѣ? «Пребольшой, отвѣчала умная старуха. Она бѣдна, у нее ровно нѣть ничего, а ея дѣдушка былъ простой урядникъ въ казачьемъ Уральскомъ войскѣ.» На Алексѣя Степаныча нисколько не подействовали эти многозначительныя слова; но предчувствіе не обмануло старуху Алакаеву, и предостереженіе было слишкомъ поздно. Черезъ недѣлю Алексѣй Степанычъ взялъ отпускъ, раскланялся съ Софьей Николаиной, которая очень ласково пожелала ему счастливаго пути, пожелала, чтобы онъ нашелъ родителей своихъ здоровыми и обрадовалъ ихъ своимъ прѣздомъ,— и полный радостныхъ надеждъ отъ такихъ пріятныхъ словъ, молодой человѣкъ уѣхалъ въ деревню къ отцу и матери. Старики обрадовались, но какъ-то не удивились несвоевременному прѣзу сына и посматривали

на него вопросительно; а сестры, (которые жили не по-далеку и по уведомлению матери сейчас прискакали) цѣловали и миловали братца, но чему-то улыбались. Алексѣй Степанычъ былъ особенно друженъ съ меньшой сестрой и открылся ей первой въ своей страсти. Татьяна Степановна, иѣсколько романическая дѣвица, любившая брата больше, чѣмъ другія сестры, слушала его съ участіемъ и наконецъ такъ увлеклась, что открыла ему весь секретъ: семья знала уже объ его любви и смотрѣла на нее неблагопріятно. Вотъ какимъ образомъ происходило дѣло: не задолго до прїезда Алексѣя Степаныча, Иванъ Петровичъ Каратаевъ ъздилъ зачѣмъ-то въ Уфу и привезъ своей женѣ эту городскую новость; Александра Степановна (я сказаю о ся свойствахъ) вскипѣла негодованіемъ и злобой; она была коноводъ въ своей семье и вертѣла всѣми, какъ хотѣла, разумѣется кромѣ отца; она обратила въ шпионы одного изъ лакеевъ Алексѣя Степаныча, и онъ сообщилъ ей всѣ подробности объ образѣ жизни и о любви своего молодаго барина; она нашла какую-то кумушку въ Уфѣ, которая разнюхала, разузнала всю подноготную и написала ей длинную грамотку, съ помощью отставнаго подьячаго, составленную изъ городскихъ вѣстей и сплетенъ дворни въ домѣ Зубина, преимущественно со словъ озлобленныхъ приданыхъ покойной мачихи. Не трудно догадаться, какими красками была расписанна Софья Николавна.

Дѣло известное, что въ старину (я разумѣю старину Екатерининскую), а можетъ быть и теперь, сестры не любили, или очень рѣдко любили своихъ невѣстокъ, то есть, женъ своихъ братьевъ, отчего весьма краснорѣчиво называются золовками; еще больше не любили, когда женился единственный братъ, потому-что жена его дѣмалась безраздѣльною, полною хозяйкою въ домѣ. Въ человѣческомъ

существо скрыто много эгоизму; онъ дѣйствуетъ часто безъ нашего вѣдома, и никто не изъять отъ него; честные и добрые люди, не признавая въ себѣ эгоистическихъ побужденій, искренно приписываютъ ихъ инымъ, благовиднымъ причинамъ: обманываютъ себя и другихъ безъ умысла. Въ натурахъ недобрыхъ, грубыхъ и невѣжественныхъ обнаруживаются признаки эгоизма ярче и безцеремоннѣе. Такъ было и въ семействѣ Степана Михайловича. Женитьба брата, на комъ-бы то ни было, непремѣнно досадила бы всѣмъ. «Братецъ къ намъ перемѣнится, не станетъ настѣль любить и жаловать, какъ прежде, молодая жена ототретъ родныхъ, и домъ родительскій будетъ намъ чужой»: это непремѣнно сказали бы сестры Алексея Степаныча, хотя бы его невѣста была—ихъ поля ягода; но невѣстки Софии Николаевны хуже нельзя было придумать для нихъ. Александра Степановна поспѣшила пригласить Елизавету Степановну въ Багрово, чтобы сообщить матери и сестрамъ, разумѣется съ приличными украшеніями, всѣ полученные ею свѣдѣнія о похожденіяхъ своего братца; всѣ повѣрили ей безусловно, и вотъ какое мнѣніе составилось о Софье Николаевнѣ. Во-первыхъ, Зубиха (такъ называли ее сестры и мать Алексея Степаныча въ своихъ тайныхъ засѣданіяхъ)—низкаго рода: дѣдушка у ней былъ Уральской казакъ, по прозванию Зубъ, а мать (Вѣра Ивановна Кандалинцева) изъ купеческаго званія. Слѣдовательно низко было породниться съ ней старинному дворянскому дому. Во-вторыхъ, Зубиха—нищая: какъ умретъ отецъ или отставятъ его отъ должности, то пойдетъ по миру, а потому и братцевъ и сестрицъ своихъ навяжетъ на шею мужу. Въ-третьихъ, Зубиха—гордячка, модница, городская прощелыга, привыкшая повелѣвать всѣмъ городомъ; слѣдовательно на нихъ, на деревенскихъ жителей, даромъ, что они старинные

столбовые дворяне,—и плюнуть не захочеть. Наконецъ въ-четвертыхъ, Зубиха—колдунья, которая корнями приворачиваетъ къ себѣ всѣхъ мужчинъ, бѣгающихъ за ней, высуня языкъ, и въ томъ числѣ приворотила бѣднаго братца ихъ, потому-что пронюхала обѣ его будущемъ богатствъ и обѣ его смиренства, захотѣла быть старинной дворянкой и нарочится за него за-мужъ. — Александра Степановна, которая заправляла всѣмъ дѣломъ, съ помощью бойкаго и ядовитаго языка своего всѣхъ смущила и доказала, какъ дважды два четыре, что такая невѣста, какъ Софья Николавна, — совершенная бѣда для нихъ; «что она, пожалуй, и Степана Михайловича приворотить, и тогда всѣ они пропали: слѣдовательно надо употребить всѣ усилия, чтобы Алексѣй Степанычъ не женился на Софьи Николавнѣ». Очевидно, что всего нужнѣе было внушиТЬ Степану Михайловичу самыя дурныя мысли обѣ Софьи Николавнѣ, но какъ это сдѣлать? Дѣйствовать прямо онъ не решались, потому-что совѣсть была не чиста. Кой грѣхъ отецъ заподозритъ ихъ въ умыселъ, тогда ужъ не повѣрить и правдѣ; онъ еще и прежде, когда старики пріискали было невѣstu своему сыну, даль имъ почувствовали, что понимаетъ ихъ нежеланіе—видѣть брата женатымъ.—И такъ устроили слѣдующую машинацію: одну изъ родныхъ племянницъ Арины Васильевны, пѣтую дуру, смертную вѣстовщицу и пьяницу, Флену Ивановну Луповинову, научили прѣѣхать какъ будто въ гости въ Багрово и между прочими рассказами разсказать про любовь Алексѣя Степаныча, разумѣется съ самой невыгодной стороны для Софьи Николавны. Долго Александра Степановна учila съ голосу Флену Ивановну, чтѣ говорить и какъ говорить. Наконецъ роль была по возможности вытвржена. Флена Ивановна явилась въ Багрово къ обѣду, послѣ котораго и хозяева и гости заснули часа три и по-

тотъ собрались къ чаю. Старикъ былъ въ духѣ и самъ навѣль свою гостю на исполненіе роли. «Ну что, Флена пушка! (такъ звали ее Степанъ Михайловичъ по причинѣ толщины и малаго роста) разсказывай, чтѣ слышала отъ прѣзжихъ изъ Уфы (ея сестра, Катерина Ивановна Калмыкина съ мужемъ недавно оттуда воротились). Чай вѣстей навезли съ три короба, ну да ты приложишь четвертый».... — «Охъ, шутникъ ты нашъ шутникъ, дядюшка любезный, отвѣчала Флена Ивановна, что мнѣ лгать! вѣстей-то навезли много». Тутъ она рассказала цѣлую кучу разныхъ былей и небылицъ и нелѣпыхъ сплетень, отъ которыхъ я пошажу моихъ читателей. Дѣдушка притворился, что ничему не вѣрилъ, даже справедливымъ извѣстіямъ; онъ подтрунивалъ надъ разсканицей, путая ее въ словахъ, сбивая и такъ забавно дразнилъ, что вся семья валялась со смѣху. Глупой бабѣ, вышившей со сна добрую чарку настойки для бодрости, за досаду стало, и она съ иѣкоторою горячностью сказала старику: «да что это, дядюшка, ты все смѣешься и ничему не вѣришь? ногоди, я приберегла тебѣ вѣсточку на закуску; ты ей за неволю повѣришь, да и смѣяться не станешь». Семья переглянулась, а дѣдушка засмѣялся.—«Ну, вытряхивай, весело сказаль онъ; повѣрить не повѣрю, а смѣяться не стану: ты ужъ мнѣ надоѣла» — «Охъ, дядюшка, дядюшка, начала Флена Ивановна; ты вотъ обѣ братецъ-то нашемъ любезномъ, Алексѣ-то Степановичъ ничего не знаешь. Вѣдь онъ весь высохъ съ тоски; приворотила его къ себѣ нечистой силой уфимская вѣдьма, дочка набольшаго тамошняго, воеводы что-ли, намѣстника ли — не знаю. Говорятъ, такая красавица, что всѣхъ заполонила и старыхъ и молодыхъ, всѣхъ корнями обвела. Всѣ за ней, прости Господи, какъ кобели за сукой, такъ и бѣгаютъ. А голубчикъ-то мой, братецъ-то Алексѣй Степанычъ, такъ

врюхался, что ни ъесть, ни пить и не спить. Все и сидеть у ней, глазъ съ нея не сводить, глядить да вздыхаетъ, а по ночамъ все мимо ея дома ходить, съ ружьемъ да съ саблей, все караулигъ ее; она же, Зубиша-то, говорять, его приголубливаегъ; вѣдь она самъ красавчикъ и столбовой дворянинъ, такъ у нея губа-то не дура: хотеть за него за-мужъ выйти. Да и какъ не хотеть? вѣдь она пицца, и отецъ ея изъ простыхъ, сынъ казака уральскаго, Федыкъ Зуба; хоть самъ и дослужился до чиновъ и при большихъ мѣстахъ былъ, а ничего не нажилъ: все пропранжирилъ на столы да на пиры, да на дочкины наряды; стариkъ еле живъ, на ладонъ дышетъ, а дѣтей-то куча: отъ двухъ женъ—шесть человѣкъ. Всѣ сядутъ на твою, дѣлюшка, шею, коли братецъ-то на нея женится; у нея приданаго одинъ платъ; на брюхѣ-то щолкъ, а въ брюхѣ-то щелкъ. А ужъ Алексѣй Степанычъ, говорятъ, на себя не похожъ—узнать нельзя; точно въ воду опущенный; ужъ и лакеи-то, глядя на него, плачутъ, а вамъ дождить не смытъ. Повѣрь, дѣлюшка, все правда до единаго слова; допроси своихъ лакеевъ, они не запрутся.» Арина Васильевна пришлась плакать, а дочки куксить глаза. Дѣдушка былъ немного озадаченъ, но скоро овладѣль собою и съ равнодушной улыбкой отвѣчалъ: «Прилагано много, а можетъ есть и правда. Я самъ слышалъ, что Зубина красавица и умница, вотъ въ чемъ и все колдовство (*). Что мудренаго, если и у Алексея глаза разгорѣлись. Остальное все врачи. Выдти за-мужъ за Алексея — Зубина и не думаетъ; она пайдеть себѣ получше

(*) Дѣлушка вообще колдовству мало вѣрилъ. Даже стрѣлялъ одинъ разъ (вынувъ тихонько лробъ) въ колдуна, который утверждалъ, что ружье заговорено и не выстрѣлить; разумѣется ружье выстрѣлило и крѣпко напугало колдуна, который однако нашелся и торжественно объявилъ, что дѣлушка мой «самъ знаетъ», чому и повѣрили всѣ, разумѣется, кроме Степана Михайловича.

и побойчье жениха. Онъ ей не пара.—Ну теперь кончено. Больше обь этомъ не тарантить. Пойдемте пить чай на дворъ. —Разумѣется Флена Ивановна и вѣдь прочие не смѣли и поминать обь Уфимскихъ новостяхъ. Вечеромъ гости уѣхала. Послѣ ужина, когда Арина Васильевна и дочери начали было безмолвно прощаться съ Степаномъ Михайловичемъ, онъ остановилъ ихъ слѣдующими словами: «Ну что, Ариша? что у тебя на умъ бродитъ? Дура Флена конечно много приврала, а мнѣ сдается, что тутъ есть и правда. Письма Алексѣевы какъ-то стали другія. Надо бы это дѣло какъ-нибудь поразвѣдать. Да всего лучше позовемъ Алешу сюда: отъ него узнаемъ всю правду.» — Тутъ Александра Степановна вызвалась въ одну недѣлю спосыпать нарочнаго въ Уфу, чтобы развѣдать обь этомъ дѣлѣ черезъ родственницу своего мужа, прибавя, что она женщина правдивая и ни за что не солжетъ: старикъ согласился не вызывать сына до получения новыхъ извѣстий. Александра Степановна сейчасъ ускакала домой въ свою Каратаевку (всего въ 50 верстахъ отъ Багрова) и ровно черезъ недѣлю воротилась къ старикамъ; она привезла то самое письмо, которое еще прежде получила отъ своей кумушки и о которомъ я уже говорилъ. Письмо показали и прочли Степану Михайловичу, и хотя опять плохо вѣрилъ женскимъ сиравкамъ и донесеніямъ, но некоторые статьи въ письмѣ показались ему правдоподобными и произвели на него непріятное впечатлѣніе. Онъ решительно сказалъ, что если въ самомъ дѣлѣ Зубина думаетъ выйти за-мужъ за Алешу, то онъ не позволить ему жениться на ней, потому что она не дворянскаго рода. «На этой же почтѣ пишите къ Алешѣ и зовите его домой.» — Черезъ нѣсколько дней, которые не были потеряны да-ромъ, потому что Арина Васильевна съ дочерьми успѣли напѣть въ уши старику много неблагопріятнаго для лю-

бви Алексея Степаныча, вдругъ, какъ снѣгъ на голову, явился онъ самъ, что мы уже знаемъ.

Услыхавъ отъ сестры все, сейчасъ разсказанное мною, Алексей Степанычъ крѣпко призадумался и оробѣлъ. Лишенный отъ природы твердой воли, воспитанный въ сълѣпомъ повиновеніи къ семейству, а къ отцу — въ страхѣ, онъ не зналъ, что ему дѣлать. Наконецъ рѣшился поговорить съ матерью. Арина Васильевна, любившая единственнаго сынка безъ памяти, но привыкшая думать, что онъ все еще малое дитя, и предубѣжденная, что это дитя полюбило опасную игрушку, — встрѣтила признаніе сына въ сильномъ чувствѣ такими словами, какими встрѣчаютъ желаніе ребенка, просящаго дать ему въ руки раскаленное желѣзо; когда же онъ, слыша такія рѣчи, залился слезами, она утѣшала его, опять таки, какъ ребенка, у котораго отнимаются любимую игрушку. Что ни говорилъ Алексей Степанычъ, какъ ни старался опровергнуть клеветы на Софью Николавну — мать его не слушала, или слушала безъ всякаго вниманія. Прошло еще два дня; сердце молодаго человѣка разрывалось; тоска по Софьѣ Николавнѣ и любовь къ ней росли съ каждымъ часомъ, но вѣроятно онъ не скоро бы осмѣялся говорить съ отцемъ, если бы Степанъ Михайловичъ не предупредилъ его самъ. Въ одно прекрасное утро, послѣ ночи, проведенной почти безъ сна, Алексей Степанычъ, иѣсколько похудѣвшій и поблѣдѣвшій, рано пришелъ къ отцу, который сидѣлъ по своему обыкновенію на своемъ крылечкѣ. Старикъ былъ весель и ласково встрѣтилъ сына; но взглянувъ пристально ему въ лицо, онъ понялъ, что происходитъ въ душѣ молодаго человѣка. Давъ поцѣловать ему свою руку, онъ съ живостью, но безъ гибва сказалъ ему: «послушай, Алексей! я знаю, что лежитъ у тебя на сердцѣ, и вижу, что дурь крѣпко забралась къ тебѣ въ голову. Разсказывай же мнѣ всю подноготную

безъ утайки, и чтобъ все до одного слова была правда.» Хотя Алексѣй Степанычъ не привыкъ откровенно говорить съ отцемъ, котораго больше боялся, чмъ любилъ, но любовь къ Софье Николавнѣ придала ему смѣлость. Онъ бросился сначала къ отцу въ ноги и потомъ разсказъаль ему со всѣми подробностями, ничего не скрывая, свою сердечную повѣсть. Степанъ Михайловичъ слушалъ терпѣливо, внимательно: кто-то изъ домашнихъ шель было къ нему поздороваться, но онъ издали выразительно по-грозилъ калиновымъ подожкомъ своимъ, и никто, даже Аксинья съ чаемъ, не смѣлъ подойти, пока онъ самъ не позвалъ. Разсказъ сына быль безпорядоченъ, сбивчивъ, длиненъ и не убѣдителенъ; но тѣмъ не менѣе свѣтлый умъ Степана Михайловича понялъ ясно, въ чмъ состояло дѣло. По несчастію оно ему не понравилось, и не могло понравиться. Онъ мало понималъ романическую сторону любви, и мужская его гордость оскорблялась влюбленностью сына, которая казалась ему слабостью, униженіемъ, дрянностью въ мужчинѣ; но въ тоже время онъ понялъ, что Софья Николавна тутъ ни въ чмъ не виновата и что все дурное, слышанное имъ на ея счетъ, было чистою выдумкою злыхъ людей и недоброжелательностью собственной семьи. Подумавъ немногого, вотъ что онъ сказалъ безъ всякаго гнѣва, даже ласково, но съ твердостью: «Послушай, Алексѣй! ты именно въ такихъ годахъ, когда краси-
валъ дѣвица можетъ приглянуться мужчинѣ. Въ этомъ бѣды еще никакой нѣть; но я вижу, что ты черезъ-чуръ връ-
зался, а это ужъ не годится. Я Софью Николавну ни въ
чмъ не виню; я считаю, что она дѣвица предстойная,—
только тебѣ не пара и намъ не съ руки. Во-первыхъ,
она дворянка вчерашняя, а ты потомокъ самого древнаго
дворянскаго дома. Во-вторыхъ, она горожанка, ученая,
бойкая, привыкла постъ мачихи повелывать въ домѣ и

привыкла жить богато, даромъ что сама бѣдна; а мы люди деревенскіе, простые, и наше житѣе ты самъ знаешь; да и себя ты долженъ понимать: ты парень смирный; но хуже всего то, что она болѣно умна. Взять жену умнѣе себя—бѣда: будешь командрша надъ мужемъ; а притомъ ты такъ ее любишь, что на первыхъ порахъ непремѣнно избалуешь. Ну, такъ вотъ тебѣ мое отцовское приказаніе: выкинь эту любовь изъ головы. Я же, признаться тебѣ, думаю, что Софья Николаевна за тебя и не пойдетъ. Надо рубить дерево по себѣ. За поищемъ тебѣ какую нибудь смиренѣйку, тихоньку, деревенскую родовую дворяночку, да и съ состояніемъ. Выйдешь въ отставку, да и заживешь пріпѣваючи. Вѣдь мы, братъ, не широки въ перьяхъ; только что сыты, а доходовъ болѣно мало; обѣ Куролесовскому же наслѣдствѣ, которое всѣмъ глаза разодрали, я и не думаю. Это дѣло невѣрное; Прасковья Ивановна сама человѣкъ не старый, можетъ выйти за-мужъ и народить ребята. Ну такъ смотри же, Амеша! чтобы все съ тебя слетѣло, какъ съ гуся вода, и чтобы помину небыло о Софье Николаевне...» Степанъ Михайловичъ протянулъ милостиво руку своему сыну, которую тотъ поцѣловалъ съ привычною почтительностью. Стариkъ вельми подавать чай и звать къ себѣ семью. Онъ былъ необыкновенно ласковъ и веселъ со всѣми; но несчастный Алексѣй Степанычъ впалъ въ совершение уныніе. Никакой гиѣвъ отца не привѣль бы его въ такое отчалиніе. Гиѣвъ Степана Михайловича проходилъ скоро и послѣ его явленій и списхожденіе и милость, а теперь онъ видѣлъ спокойную твердость, и потерялъ всякую надежду. Алексѣй Степанычъ вдругъ такъ измѣнился въ лицѣ, что мать испугалась, взглянувъ на него, и стала приставать къ нему съ вопросами: «что съ нимъ сдѣлалось? здоровъ ли онъ?—Сестры такъ же замѣтили перемѣну, но будучи похитрѣе, ничего

не сказали. Степанъ Михайловичъ все видѣлъ и все понималъ. Покосившись на Арину Васильевну, онъ проворчалъ сквозь зубы: « Не приставай къ нему ». Алексѣя Степаныча оставили въ покое, не обращая на него вниманія, — и деревенскій день покатился по своей обыкновенной колеѣ.

Разговоръ съ отцомъ глубоко поразилъ, сокрушилъ, можно сказать, сердце Алексѣя Степаныча. Онъ потерялъ сонъ, аппетитъ, сдѣлался совершенно ко всему равнодушъ и ослабѣлъ тѣломъ. Арина Васильевна принялась плакать и даже сестры перегревожились. На другой день мать едва могла добиться, чтобы онъ сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что говорилъ съ нимъ отецъ. На всѣ допросы Алексѣй Степанычъ отвѣчалъ: « Батюшкѣ не угодно, я человѣкъ погибшій, я не жилецъ на этомъ свѣтѣ. » И въ самомъ дѣлѣ черезъ недѣлю онъ лежалъ въ совершенной слабости и въ постоянномъ забытьѣ: жару наружнаго не было, а онъ бредилъ и день и ночь. Бользни его никто понять не могъ, но это просто была первая горячка. Семья перепугалась ужасно; докторовъ поблизости не было, и больнаго принялись лечить домашними средствами; но ему становилось часъ отъ часу хуже и наконецъ онъ сдѣлался такъ слабъ, что каждый часъ ожидали его смерти. Арина Васильевна и сестры ревѣли и рвали на себѣ волосы. Степанъ Михайловичъ не плакалъ, не сидѣлъ безпрестанно надъ больнымъ, но едва ли не больше всѣхъ страдалъ душою; онъ хорошо понималъ причину болѣзни. « Но молодость свое взяла » и ровно черезъ шесть недѣль Алексѣю Степанычу стало полегче. Онъ проснулся къ жизни совершеннымъ ребенкомъ и жизнь медленно вступала въ права свои; онъ выздоравливала два мѣсяца; казалось онъ ничего прошедшаго не помнилъ. Онъ радовался всякому явлению въ природѣ и въ домашнемъ быту,

какъ новому незнакомому явленію; наконецъ совершенно оправился, даже поздоровѣлъ, пополнѣлъ и получилъ, уже болѣе года потерянный, румянецъ во всю щеку; удиль рыбу, ходилъ на охоту за перепелами, вѣль и пилъ аппетитно и бытъ веселъ. Родители не нарадовались, не на глядѣлись на него и убѣдились, что болѣзнь выгнала изъ молодой головы и сердца всѣ прежнія мысли и чувства. Можетъ быть оно и въ самомъ дѣлѣ было бы такъ, еслибы его взяли въ отставку, продержали съ годъ въ деревнѣ, нашли хорошенкую невѣсту и женили; но старики беспечно обнадѣялись настоящимъ положеніемъ сына: черезъ полгода отправили его опять на службу въ тотъ же Верхній Земскій Судъ, опять на житѣе въ ту же Уфу — и судьба его рѣшилась навсегда. Прежняя страсть загорѣлась съ новою, несравненно болѣшою силой. Какъ возвратилась любовь въ сердце Алексея Степаныча, вдругъ или постепенно — ничего не знаю; знаю только, что онъ сначалаѣздилъ къ Зубинамъ изрѣдка, потомъ чаще и наконецъ такъ часто, какъ было возможно. Знаю, что покровительница его, Алакаева, продолжалаѣздить къ Софье Николаевнѣ, тоикими разспросами вывѣдывала ея расположение и привозила благопріятные отзывы, утверждавшіе и въ ней самой надежду, что гордая красавица благосклонно расположена къ ея скромному родственнику. Черезъ иѣсколько мѣсяцевъ послѣ отѣзда Алексея Степаныча изъ деревни, вдругъ получили отъ него письмо, въ которомъ онъ, съ несвойственной ему твердостью, хотя всегда съ почтительной иѣжностью, объяснилъ своимъ родителямъ, что любить Софию Николаину больше своей жизни, что не можетъ жить безъ нея, что надѣется на ея согласіе и проситъ родительского благословенія и позволенія посвататься. Старики вовсе не ожидали такого иссѣма и были имъ поражены. Степанъ

Михайлович сдвинул брови, но ни одним словомъ не выразилъ своихъ мыслей. Вся семья хранила глубокое молчаніе; онъ машинулъ рукой, и всѣ оставили его одного. Долго сидѣлъ мой дѣдушка, чертя калиновымъ подожкомъ какаѣ-то фигуры на полу своей комнаты. Степанъ Михайловичъ скоро смекнулъ, что дѣло плохо и что теперь ужъ никакая горячка не вылечить отъ любви его сына. По своей живой и благосклонной натурѣ, онъ даже поколебался, не дать ли согласія, о чёмъ можно было заключить изъ его словъ, обращенныхъ къ Арина Васильевичъ. «Ну что, Ариша (говорилъ онъ ей на слѣдующее утро, разумѣется наединѣ), какъ ты мекаешь? Вѣдь не позволимъ, такъ намъ не видать Алексія, какъ ушѣй своихъ: или умретъ съ тоски, или на войну уйдетъ, или пойдетъ въ монахи—и родъ Багровыхъ прекратится». Но Арина Васильевна, уже настроенная дочерьми, какъ-то не испугалась за своего сынка и отвѣчала: «Твоя воля, Степанъ Михайловичъ; что тебѣ угодно, того и я желаю; да только какое же будетъ отъ нихъ тебѣ уваженіе, если они поставятъ на своеемъ, послѣ твоего родительскаго запрещенія?» Пошла хитрость удалась: самолюбіе старика разшевелилось и онъ рѣшился подержаться. Онъ продиктовалъ сыну письмо, въ которомъ выразилъ удивленіе, что онъ принялъ опять за прежнее, и повторилъ то, что говорилъ ему на словахъ. Короче, письмо содержало положительный отказъ.

Прошло два-три недѣли—небыло писемъ отъ Алексія Степаныча. Паконецъ, въ одинъ осенний, пенастный день, дѣдушка сидѣлъ въ своей горницѣ, поперекъ постели, въ любимомъ своемъ халатѣ изъ тонкой армячныи^(*) сверхъ рубашки,

(*) Не знаю какъ теперь, а въ старые годы на Оренбургской мынѣ такую покупали армячину, которая своей тонкостью и чистотой равнялась съ лучшими Азіатскими тканями.

въ туфляхъ на босую ногу; подъ него пряла на самонрялкѣ козій пухъ Арина Васильевна и старательно выводила тонкія длинныя нити, потому что затѣяла выткать изъ нихъ домашнее сукно на платье своему сыночку, такъ чтобы оно было ему и легко, и тепло, и покойно; у окошка сидѣла Танюша и читала какую-то книжку; гостившая въ Багровъ, Елизавета Степановна, присѣла подъ отца на кровати и рассказывала ему про свое трудное житье, про службу мужа, про свое скучное хозяйство и недостатки. Старикъ печально слушалъ, положа руки на колѣни и опустивъ на грудь свою, уже посѣдѣлую, голову. Вдругъ дверь изъ лакейской отворилась; высокой, красивый молодой парень, Иванъ Мальчишъ, въ дорожной курткѣ, проворно вошелъ и подаль письмо съ почты, за которымъ вѣзилъ онъ въ городъ за 25 верстъ. Очевидно было, что письма ожидали съ нетерпѣніемъ, потому что всѣ встрепенулись. «Отъ Алесии?» спросилъ торопливо и не спокойно старикъ. «Отъ братца» отвѣтала Танюша, подбѣжавшая къ Мальчишу, проворно взявшая письмо и прочитавшая адресъ. «Спасибо, что скоро съѣздилъ. Чарку водки Мальши. Ступай обѣдать и отдыхать». Ту же минуту отворился высокой поставецъ, барыня вытащила длинный шгофъ узорчатаго стекла, налила серебряную чарку и подала Мальши; тотъ перекрестился, выпилъ, кракнуль, поклонился и ушелъ. «Ну читай, Танюша» сказали дѣдушка. Татьяна Степановна была его чтецомъ и писцомъ. Она помѣстилась у окошка; бабушка оставила прялку, дѣдушка всталъ съ кровати, и всѣ обсыпали кругомъ Татьяну Степановну, распечатавшую между тѣмъ письмо, но не смыгшую предварительно заглянуть въ него. Послѣ минутнаго молчанія, началось медленное и внятное чтеніе въ полголоса. Послѣ обыкновенныхъ тогда: «Милостивѣшій Государь батюшка и Милостивѣшная Государыня матушка,» Алексѣй Степанычъ пи-

сажь почти следующее: «на послѣднее мое просительное письмо, и имъль несчастіе получить немилостивый отвѣтъ отъ вѣсть, дражайшіе родители. Не могу преступить воли вашей и покоряюсь ей; но не могу долго влакти бремя моей жизни безъ обожаемой мною Софы Николаевны; а потому въ непродолжительномъ времени смертоносная пуля скоро просверлитъ голову несчастнаго вашего сына (*).» Эффектъ былъ сильный; тетки мои захныкали, бабушка, ничего подобнаго не ожидавшая, поблѣднѣла, всплеснула руками и повалилась безъ памяти на полъ, какъ спопъ: въ старину также бывали обмороки. Степанъ Михайловичъ не шевельнулся; только голова его покосилась на одну сторону, какъ передъ началомъ припадка гибва, и слегка затряслась... она не переставала уже трястись до его смерти. Дочери, опомнившись, бросились помогать матери и скоро привели ее въ чувство. Тогда, поднявши вой какъ по мертвому, Арина Васильевна бросилась въ ноги Степану Михайловичу. Дочери, слѣдя ея примѣру, также заголосили. Арина Васильевна, не смотря на грозное положеніе головы моего дѣдушки, забывъ и не понимая, что сама подстрекнула старика не согласиться на женитьбу сына, громко завопила: «батюшка Степанъ Михайловичъ! сжался, не погуби роднаго своего дѣтища: вѣдь онъ у нась одинъ и есть; позволь жениться Алешѣ! Часу не проживу, если съ нимъ что случится». Старикъ оставался неподвижно въ прежнемъ положеніи. Наконецъ нестерпимъ голосомъ сказалъ: «полно выть. Выпороть надо бы Алешу. Ну да, до завтра; утро вечера мудренѣе; а теперь уйтите и велите давать обѣдать». Обѣдъ у старика слу-

(*) Письмо это я почти помню наизусть. Вероятно оно и теперь существуетъ въ старыхъ бумагахъ одного изъ моихъ братьевъ. Очевидно, что некоторые выражения письма заимствованы изъ тогдашнихъ романовъ, до которыхъ Алексѣй Степанычъ былъ охотникъ.

жиль успокиительнымъ средствомъ въ трудныхъ обстоятельствахъ. Арина Васильевна заголосила было опять: «помилуй, помилуй!» Но Степанъ Михайловичъ громко закричалъ: «убирайтесь вонъ!» и въ голосъ его послышался ревъ приближающейся бури. Всъ поспѣшили удалились. До обѣда никто не смѣлъ заглянуть въ комнату Степана Михайловича.—Что пролетѣло по душѣ его въ эти минуты, какая борьба совершилась у желѣзной воли съ отцовскою любовью и разумностью, какъ уступилъ побѣду упорный духъ?.. трудно себѣ представить; но когда раздался за дверью голосъ Мазана: «Кушанье готово», дѣдушка выпѣль спокойнѣй, и ожидавшія его жена и дочери, каждая у своего стула, не замѣтили, на слегка поблѣдѣвшемъ лицѣ его, ни малѣйшаго гнѣва; напротивъ онъ былъ спокойнѣе, чѣмъ поутру, даже веселѣе, и кашаль очень апетитнѣ. Скрѣпя сердце, Арина Васильевна должна была подлаживаться къ его рѣчамъ, и не смѣя не только спрашивать, но даже и вздыхать, напрасно старалась разгадать мысли своего супруга; напрасно устремляла вопрошающіе взгляды маленькихъ своихъ каштановыхъ глазокъ, заплывшихъ жиромъ,— темноголубые, открытые и веселые глаза Степана Михайловича ничего не отвѣчали. Послѣ обѣда онъ уснулъ по обыкновенію; проснувшись сдѣлался еще веселѣе; но о письмѣ и о сынѣ ни пол-слова. Всъ однако видѣли, что на умѣ у старика ничего недоброго не было. Прощаюсь съ супругомъ послѣ ужина, Арина Васильевна осмѣнилась спросить: «не изволиць ли сказать мнѣ чегонибудь объ Алешѣ?» Дѣдушка улыбнулся и отвѣчалъ: «я уже сказалъ тебѣ: утро вечера мудренѣе. Попчиваи съ Богомъ.»

Утро въ самомъ дѣлѣ оказалось и мудро и благодатно. Дѣдушка всталъ въ четыре часа. Мазанъ вздулъ ему огня. Первыми словами Степана Михайловича были: «Танайченокъ,

ты сейчас ъдешь въ Уфу съ письмомъ къ Алексѣю Степанычу; соберись въ одну минуту; да чтобы никто не зналъ, куда и за чѣмъ ъдешь. Въ корень молодаго бураго, а на пристажку свистуна. Возьми овса двѣ осьмини и каравай хлѣба. Спроси у ключника Петра два рубля мѣдныхъ денегъ на дорогу. Какъ я напишу письмо, чтобы все было готово.» Сказано — сдѣлано. Эта поговорка исполнялась у дѣдушки безъ отговорокъ. Онъ отперъ дубовую шкатулку или шкафъ, нѣчто въ родѣ письменнаго бюро, досталь бумаги, перо, чернильницу, и написать не безъ труда (потому что лѣть уже десять подписывалъ только свое имя), тяжелымъ стариннымъ почеркомъ: «Любезный сынъ нашъ Алексѣй! Мы съ матерью твоей Ариной Васильевной позволяемъ тебѣ жениться на Софѣ Николаевнѣ Зубиной, если на то будетъ воля Божія, и посылаемъ тебѣ наше родительское благословеніе. Отецъ твой, Степанъ Багровъ».

Черезъ полчаса, еще задолго до свѣту, вытянуль Танайченокъ длинную гору мимо господскаго гумна и ъхаль бойкой рысью по дорогѣ въ Уфу. Въ пять часовъ приказалъ Степанъ Михайловичъ подавать самоваръ той же Аксюткѣ, которая изъ молодой и некрасивой дѣвки, сдѣлалась уже очень не молодой и еще болѣе не красивой дѣвкой; но будить никого не приказалъ. Не смотря на то, старую барыню разбудили и по секрету донесли, что уже давнѣмъ давно уѣхала куда-то Танайченокъ съ письмомъ отъ барина, на парѣ господскихъ лошадей. Арина Васильевна не осмѣлилась вдругъ прійти къ своему супругу; она помѣшала съ часъ времени и явилась, когда уже старикъ напился чаю и весело балагуриль съ Аксиньей. «Ну за чѣмъ тебя разбудили? привѣтливо сказалъ Степанъ Михайловичъ, протягивая руку. Вѣдь ты чать плохо спала?» «Меня никто не будилъ, отвѣчала Арина Васильевна, по-

чтительно цѣлую руку старика; я сама проспилась. Я спала ночь хорошо, въ надеждѣ на твою милость къ бѣдному нашему Алешѣ.» Дѣдушка пристально посмотрѣла на нее, но ничего не увидѣла на привыкшемъ къ притворству лицѣ. «А коли такъ, то я тебя порадую: я послать на рочнаго гонца въ Уфу, и написать Алексѣю отъ обоихъ насыть позволеніе жениться на Софѣ Николаевѣ.»

Арина Васильевна, не смотря на то, что приведенная въ ужасъ страшныемъ намѣреніемъ сына, искренно молила и просила своего крутаго супруга: позволить жениться Алексѣю Степанычу,—была не столько обрадована, сколько испугана рѣшеніемъ Степана Михайловича, или лучше сказать, она бы и обрадовалась, да не смѣла радоваться, потому что боялась своихъ дочерей; она уже знала, что думаетъ о письмѣ Лизавета Степановна и угадывала, что скажетъ Александра Степановна. По всемъ этимъ причинамъ, Арина Васильевна приняла рѣшеніе своего супруга, которымъ онъ надѣялся ее обрадовать, какъ-то холодновато и странно, что старикъ замѣтилъ; Лизавета Степановна не изъявила ни малѣйшаго удовольствія, а только одну почтительную покорность воль отца; Танюша, вѣрившая письму брата искренно, обрадовалась отъ всего сердца. Лизавета Степановна даже и въ первую минуту не была встревожена намѣреніемъ брата; она плакала и просила за него только потому, что мать и меньшая сестра плакали и просили: нельзя же было ей такъ ярко рознить съ ними. Она выписала немедленно Александру Степановну, которая пришла въ бѣшенство, узнавъ о рѣшеніи дѣла, и сейчасъ прискакала; разумѣется она сошла письмо братца за пустую угрозу, за штуку Софы Николаевны. Съ помощью Лизаветы Степановны, она скоро увѣрила въ этомъ мать и даже меньшую сестру, Танюшу. Но дѣло было кончено: явно возставать противъ него, не

представлялось уже никакой возможности. Мыслей же Степана Михайлыча, будто Софья Николавна сама не пойдетъ за Алексія Степаныча, никто изъ семьи не раздѣлялъ. Оставимъ Багрово и посмотримъ, что дѣлается въ Уфѣ.

Я не беру на себя рѣшить положительно, имѣль ли Алексій Степанычъ твердое намѣреніе застремиться, въ случаѣ отказа своихъ родителей, или, прочитавъ въ какомъ-нибудь романѣ подобное происшествіе, вздумалъ по пробовать: не испугаются ли его родители такого страшнаго послѣдствія своей непреклонности? Судя по дальнѣйшему развитію характера Алексія Степаныча, мнѣ хорошо известному, я равно не могу признать его способнымъ ни къ тому, ни къ другому поступку. И такъ, я предполагаю только, что молодой человѣкъ не хитрилъ, не думалъ пугнуть своихъ старииковъ, а напротивъ искренно думалъ застремиться, если ему не позволять жениться на Софѣ Николавне, но въ то же время я думаю, что онъ никогда не имѣль бы духу привести въ исполненіе такого отчаяннаго намѣренія, хотя люди тихіе и кроткіе, слабодушные, какъ ихъ называютъ, бываютъ иногда способны къ отчаяннѣмъ поступкамъ больше, чѣмъ натуры живыя и бѣшеные. Мысль о самоубійствѣ безъ сомнѣнія была почерпнута изъ какого-нибудь романа: она совершенно противорѣчить характеру Алексія Степаныча, его взгляду на жизнь и сферѣ понятій, въ которыхъ онъ родился, воспитался и жилъ. Какъ бы то ни было, пустивъ въ ходъ свою грамотку, Алексій Степанычъ пришелъ въ сильное волненіе, занемогъ и получилъ лихорадку. Покровительница его Алакаева, знавшая все, — о послѣднемъ письмѣ ничего не знала; она навѣщала его ежедневно и замѣчала, что кроме лихорадки простой и лихорадки дѣбовной, молодой человѣкъ еще чѣмъ-то необыкновенно

встревоженъ Въ одинъ день сидѣла она у Алексія Степаныча, вязала чулокъ и разговаривала о всякой всячинѣ, стараясь занять больнаго и отвлечь его мысли отъ безнадежной любви. Алексій Степанычъ прилегъ на канапе, заложилъ руки за голову и смотрѣлъ въ окошко. Вдругъ онъ поблѣдѣлъ, какъ полотно: по улицѣ проѣхала телѣга парой и заворотила на дворъ; Алексій Степанычъ узналъ лошадей и Танайченка. Онъ вскочилъ на ноги и съ крикомъ: «отъ батюшки, изъ Багрова» бросился въ переднюю. Алакаева схватила его за руки и съ помощью сидѣвшаго въ лакейской человѣка не допустила его выбѣжать на крыльцо, потому-что на дворѣ стояла мокрая и холодная осенняя погода. Между тѣмъ Танайченокъ проворно вѣжалъ въ комнату и подалъ письмо. Алексій Степанычъ дрожащими руками распечаталъ, прочелъ коротенькое письмо, залился слезами и бросился на колѣни передъ образомъ. Алакаева сначала не знала, что и подумать; но Алексій Степанычъ подаль ей родительскую грамотку и она, прочитавъ ее, также съ радостными слезами принялась обнимать обезумѣвшаго отъ восторга, молодаго человѣка. Тутъ онъ признался ей, какое письмо послалъ къ отцу и матери. Алакаева покачала головой. Призвали Танайченка, разспросили подробно объ его отправкѣ и увидѣли, что дѣло было рѣшено собственно самимъ Степаномъ Михайлычемъ, безъ участія, безъ вѣдома своей семьи и вѣроятно противъ ея желанія. Когда прошли первыя минуты радостнаго волненія для Алексія Степаныча и совершеннаго изумленія для Алакаевой, которая, перечитавъ снова письмо, все еще не вѣрила глазамъ своимъ, потому что хорошо знала правъ Степана Михайлыча и хорошо понимала недоброжелательство семьи, — начали они совѣщаться, какъ приступить къ дѣлу. Когда оноказалось далекимъ, невозможнымъ со стороны семейства

жениха, тогда они считали его благонадежнымъ со стороны невѣсты; но тутъ вдругъ напало на Алакаеву сомнѣніе: припомнивъ и сообразивъ всѣ благопріятные признаки, она почувствовала, что, можетъ быть, слишкомъ перетолковала ихъ въ пользу жениха. Какъ умна женщина, она поспѣшила охладить пылкія надежды молодаго человѣка, благоразумно разсуждая, что, обольстившись ими, труднѣе ему будетъ перенестъ внезапное разрушеніе радужныхъ своихъ мечтаний; отказъ вдругъ представился ей очень возможнымъ, и ся опасенія навели страхъ на Алексія Степаныча. Впрочемъ Алакаева нисколько не отступилась отъ своего обѣщанія и на другой же день побѣхала съ предложеніемъ къ Софѣ Николавнѣ. Она просто, ясно, безъ всякаго преувеличенья, описала постояннную и горячую любовь Алексія Степаныча, давно известную всему городу (конечно и Софѣ Николавнѣ); съ родственнымъ участіемъ говорила о прекрасномъ характерѣ, добротѣ и рѣдкой скромности жениха; справедливо и точно рассказала про его настоящее и будущее состояніе; рассказала правду про все его семейство, и не забыла прибавить, что вчера Алексій Степанычъ получилъ чрезъ письмо полное согласіе и благословеніе родителей искать руки достойнѣйшей и всеми уважаемой Софии Николавны, что самъ онъ отъ волненія, ожиданія ответа родителей и несказанной любви, занемогъ лихорадкой; но не имѣя силъ откладывать рѣшеніе своей судьбы, просилъ ее какъ родственную и знакомую съ Софіей Николавной даму, узнать: угодно ли, не противно ли будетъ ей, чтобы Алексій Степанычъ сдѣлалъ формальное предложеніе Николаю Федоровичу. Софья Николавна, давно привыкшая, какъ говорилось въ старину: «сама обивать около себя росу», или къ самобытности, какъ говорится теперь, — безъ смущенія, безъ всякихъ

церемоній и дѣвичихъ оговорокъ и жеманствъ, тогда неизбѣжныхъ, отвѣчала Алакаевой слѣдующее: «Благодарю Алексѣя Степаныча за честь мнѣ сдѣланную, а вѣсъ, почтеннѣйшая Мавра Павловна, за участіе. Скажу вамъ откровенно: я давно замѣтила, что Алексѣй Степанычъ ко мнѣ не равнодушенъ и давно ожидала, что онъ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе, не рѣшай, впрочемъ, вопроса пойду ли я за него или нѣтъ. Послѣдняя поѣздка Алексѣя Степаныча къ отцу и къ матери, его внезапная, какъ сами вы мнѣ сказывали, опасная продолжительная болѣзнь въ деревнѣ, и перемѣна, когда онъ воротился, показали мнѣ, что родители его не желаютъ имѣть меня невѣсткой. Признаюсь, я этого не ожидала; скорѣе можно было опасаться несогласія со стороны моего отца. Потомъ я увидѣла, что Алексѣй Степанычъ возвратился къ прежнимъ чувствамъ, и теперь догадываюсь, что онъ успѣлъ склонить отца и мать къ согласію. Но разсудите сами, почтеннѣйшая Мавра Павловна, что теперь это дѣло принимаетъ совсѣмъ другой видъ: входить въ семейство противъ его желанія—рискъ слишкомъ опасный. Конечно отецъ мой не сталъ бы противиться моему выбору; но могу ли я рѣшиться его обмануть? Узнавъ же, что его Соничку, какой-то деревенскій помѣщикъ не вдругъ удостоилъ чести войти въ его семейство, — онъ ни за что не согласится и сочтетъ это униженіемъ. Я не влюблена въ Алексѣя Степаныча, я только уважаю его прекрасныя свойства, его постояннную любовь и считаю, что онъ можетъ составить счастіе любимой женщины. И такъ позвольте мнѣ подумать и притомъ, прежде чѣмъ я скажу обѣ этомъ моему больному отцу, прежде чѣмъ встревожу его такимъ извѣстіемъ, я хочу сама говорить съ Алексѣемъ Степанычемъ: пусть онъ пріѣдетъ къ намъ, когда выздоровѣетъ.»

Алакаева съ точностью передала отвѣтъ жениху; ему показался онъ не предвѣщающимъ добра, но Алакаева на-противъ находила его весьма благопріятнымъ и успокоила Алексія Степаныча.

Долго сидѣла Софья Николавна одна въ гостиной, простившись очень дружески съ Маврой Павловной, и думала крѣпкую думу. Омрачились ея живые и блестящіе глаза, тяжелыя мысли пробѣгали по душѣ и отражались какъ въ зеркаль на ея прекрасномъ лицѣ. Все, что она сказала Алакаевой, была совершенная правда, и вопросъ идти или нѣтъ за Алексія Степаныча — точно оставался не решеннымъ. Наконецъ предположеніе сватовства обратилось въ дѣйствительность, и надо было решить этотъ великой, роковой вопросъ для всякой дѣвушки. Необыкновенно ясная голова Софьи Николавны, еще не омраченная страстью ея натуры, тогда ничѣмъ глубоко не возмущаемой,—все понимала и все видѣла, въ настоящемъ видѣ, въ настоящемъ свѣтѣ. Положеніе ея въ будущемъ было безотрадно: отецъ лежалъ на смертномъ одрѣ и, по словамъ лучшаго доктора Зандена (*), не могъ прожить болѣе года; все состояніе старика заключалось въ двухъ подгородныхъ деревушкахъ: Зубовкѣ и Касимовкѣ, всего 40 душъ съ небольшимъ количествомъ земли; наличныхъ денегъ у Николая Федорыча было накоплено до десяти тысячъ рублей, и онъ назначалъ ихъ на приданое своей Соничкѣ. Выдать ее за-мужъ было постояннымъ, горячимъ его желаніемъ; но—бывають же такія чудеса: Софья Николавна не имѣла еще ни одного жениха, то есть, не получила ни одного формальнаго предложенія. По смерти старика должны остаться шестеро сводныхъ дѣтей отъ

(*) Федоръ Ивановичъ Занденъ, докторъ весьма ученый, бывшій въ послѣдствіи изѣль-физикомъ въ Москвѣ.

двухъ браковъ; должны были учредиться двѣ опеки, и послѣднія троє дѣтей отъ Александры Петровны, поступали къ родной бабушкѣ, Е. Д. Р—ой, подъ опеку сына ея, В. П. Р—ва. Материнское имѣніе ихъ заключалось также въ небольшой деревенькѣ душъ въ 50; братья Софья Николаевны отъ одной матери, находились въ Москвѣ, въ университетскомъ благородномъ пансионѣ, и она оставалась совершенно одна, даже не было дальнихъ сродниковъ, у которыхъ могла бы она жить. Однимъ словомъ: некуда было приклонить голову! Нужда, бѣдность, жизнь изъ милости въ чужихъ людяхъ, полная зависимость отъ чужихъ людей—тяжелы всякому; но для девушки, стоявшей въ обществѣ такъ высоко, жившей въ такомъ довольствѣ, гордой по природѣ, избалованной общимъ искальствомъ и ласкатальствомъ, для девушки, которая испытала всю страшную тяжесть зависимости и потомъ всю прелесть власти,—такой переходъ долженъ быть казаться невыносимымъ. И вотъ молодой, честный, скромный, пригожий собою мужчина, старшаго дворянскаго рода, единственный сынъ, у отца которого было 180 душъ, который долженъ быть получить богатое наследство отъ тетки, который любить, богоугодить ее—предлагаетъ ей руку и сердце: съ первого взгляда тутъ нечего и колебаться. Но нравственное неравенство между ними было слишкомъ велико. Никто въ городѣ не могъ подумать, что С. Софья Николаевна вышла за Алексея Степаныча. Она очень хорошо понимала справедливость общественнаго мнѣнія и не могла не уважать его. Невѣста чудо красоты и ума—женихъ, правда блѣдный, розовый, иѣжинъ (что именно не нравилось Софье Николаевне), но простенькой, не дальней, по мнѣнію всѣхъ, деревенской дворянчинкѣ; невѣста бойка, жива—женихъ робокъ и вялъ; невѣста по тогдашнему образованной, чуть не ученая дев-

вица, начитанная, понимавшая всѣ высшіе интересы—женихъ совершиенный невѣжда, ничего не читавшій, кромѣ двухъ-трехъ глупѣйшихъ романовъ, въ родѣ Любовнаго Вертограда или Аристея и Телазіи, да русскаго пѣсенника, женихъ, интересы котораго не простирались далѣе ловли перепеловъ на дудки и соколиной охоты; невѣста остроумна, ловка, блестательна въ свѣтскомъ обществѣ—женихъ не умѣеть сказать двухъ словъ, и словокъ застѣнчивъ, смѣшонъ, жалокъ, умѣеть только краснѣть, кланяться и жаться въ уголь или къ дверямъ, подалѣе отъ свѣтскихъ говоруновъ, которыхъ просто боялся, хотя по истинѣ многихъ изъ нихъ былъ гораздо умнѣе; невѣста съ твердымъ надменнымъ неуступчивымъ характеромъ—женихъ слабый, смирный, безотвѣтный, котораго всякий могъ загонять. Ему ли поддержать, защитить жену въ обществѣ и семействѣ?... такія противоположныя мысли, взгляды и картины роились, мѣшиались, тѣснились въ воображеніи молодой девушки. Давно наступили сумерки, она все еще сидѣла одна въ гостиной; наконецъ невѣразимое смятеніе тоски, страшное сознаніе, что умъ ничего придумать и решить не можетъ, что для него становится все часъ отъ часу темнѣе—обратили ея душу къ молитвѣ. Она побѣжала въ свою комнату молиться и просить свѣта разума свыше, бросилась на колѣни передъ образомъ Смоленской Божьей Матери, никогда чуднымъ знаменемъ озарившей и указавшей ей путь жизни; она молилась долго, плакала горючими слезами и мало по малу почувствовала какое-то облегченіе, какую-то силу, способность къ решимости, хотя не знала еще, на что она решится; это чувство было уже отрадно ей. Она сходила посмотреть на заснувшаго больнаго своего отца, воротилась въ свою комнату, легла и спокойно заснула. На другой день поутру, Софья Николаевна проснулась безъ всякаго

волиенія; она подумала иѣсколько минутъ, бросила взглядъ на вчерашнія свои колебанія и смущенія и спокойно осталась при своемъ намѣреніи поговорить сначала съ женихомъ и потомъ уже рѣшить дѣло окончательно, смотря по тому впечатлѣнію, какое произведетъ на нее разговоръ съ Алексѣемъ Степанычемъ.

Алексѣй Степанычъ, желая какъ можно скорѣе узнать рѣшеніе судьбы своей, призвалъ доктора и умолялъ вылечить его поскорѣе. Докторъ обѣщалъ и на этотъ разъ сдержалъ обѣщаніе. Черезъ недѣлю Алексѣй Степанычъ, правду сказать, худой, блѣдный и слабый, сидѣлъ уже въ гостиной у Софии Николавны. Взглянувъ на тошную фигуру молодаго человѣка, прежде цвѣтущаго румянцемъ здоровья, она почувствовала жалость и многое сказала не такъ рѣзко, не такъ строго, какъ хотѣла. Въ сущности невѣста сказала жениху все тоже, что говорила Алакаевой, но прибавила, что она во-первыхъ не разстанется съ отцомъ пока онъ живъ, а во-вторыхъ, что она не будетъ жить въ деревнѣ, а желаетъ жить въ губернскомъ городѣ, именно въ Уфѣ, гдѣ имѣть много знакомыхъ, достойныхъ и образованныхъ людей, въ обществѣ которыхъ должна жить съ мужемъ. Въ заключеніе она прибавила, что очень бы желала, чтобы ея мужъ служилъ и занималъ въ городѣ, хотя не блестящее, но благородное и почтенное мѣсто. На всѣ такія предварительныя условія и предъявленія будущихъ правъ жены, Алексѣй Степанычъ отвѣчалъ съ подобострастіемъ, что «всѣ желанія Софии Николавны для него законъ, и что его счастіе будетъ состоять въ исполненіи ея воли.....» и этотъ отвѣтъ, не достойный мужчины, вѣрный признакъ, что на любовь такого человѣка нельзя положиться, что онъ не можетъ составить счастія женщины, — могъ понравиться такой умной девушки. Поневолѣ должно признать, что въ основ-

ваний ея характера уже лежали съмена властолюбія и что въ настояще время, освобожденныя изъ-подъ тяжкаго гнета жестокой мачихи, онъ дали сильные ростки, что безъ вѣдома самой Софы Николавны — любовь къ власти была тайною причиною ея рѣшиности. Софы Николавна захотѣла сама прочесть письмо, въ которомъ Алексій Степанычъ получилъ позволеніе своихъ родителей искать ея руки. Письмо было въ карманѣ у жениха, и онъ показалъ его. Софы Николавна прочла и убѣдилась, что ея догадки о первоначальномъ несогласіи родителей были совершенно справедливы. Молодой человѣкъ не умѣлъ притворяться, и притомъ такъ бытъ влюбленъ, что не могъ противиться ласковому взгляду или слову обожаемой красавицы; когда Софы Николавна потребовала полной откровенности, онъ высказалъ ей всю подноготную безъ утайки, и кажется эта откровенность окончательно рѣшила дѣло въ его пользу. Мысль воспитать по своему, образовать добродушнаго молодаго человѣка, скромнаго, чистосердечнаго, неиспорченаго свѣтомъ — забралась въ умную, но все таки женскую голову Софы Николавны. Ей представилась пѣнистая картина постепеннаго пробужденія и воспитанія дикаря, у котораго не было недостатка ни въ умѣ, ни въ чувствахъ, погруженныхъ въ непробудный сонъ, который будетъ еще болѣе любить ее, если это возможно, въ благодарность за свое образованіе. Эта мысль овладѣла пылкимъ воображеніемъ Софы Николавны, и она очень милостиво отпустила своего хвораго обожателя; общала поговорить съ отцемъ и передать отвѣтъ черезъ Алакаеву. Алексій Степанычъ утопалъ въ восторгѣ, по тогдашнему выражению. Вечеромъ Софы Николавна опять прибѣгла къ молитвѣ; опять молилася долго, восторженно, напряженно; она заснула очень утомленная, и ночью видѣла сонъ, который растолковала,

какъ слѣдуєтъ, въ подтверждение своего решения. Умъ человѣческій все растолкуетъ такъ, какъ ему хочется. Я забылъ этотъ сонъ, но помню, что его можно было растолковать въ противоположную сторону, съ гораздо большими основаніемъ и гораздо меньшими патяжками. На слѣдующее утро Софья Николавна немедленно сообщила своему почти умирающему отцу о предложеніи Алексея Степаныча. Хотя Николай Федорычъ почти не знать жениха, но у старика какъ-то составилось понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ самомъ ничтожномъ. При всемъ пламенномъ желаніи пристроить Соничку при своей жизни, этотъ женихъ (первый надобно замѣтить) ему неправился. Но Софья Николавна, съ обыкновенною пылкостью своего ума и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, доказала старику, что не должно пропускать такой партіи. Она выказала ему все, что мы уже знаемъ, въ пользу этого брака, и главное, что не только не разлучится съ нимъ но и останется жить въ одномъ домѣ. Она такъ живо представила свое безпомощное, безпріютное состояніе, когда Богу будетъ угодно оставить ее сиротой, что Николай Федорычъ прослезился и сказалъ: «другъ мой, умница моя Соничка! дѣлай, что тебѣ угодно: я на все согласенъ. Представь же мнѣ поскорѣй своего будущаго жениха; я хочу познакомиться съ нимъ поближе, и также хочу неизменно, чтобы его родители сдѣлали намъ письменное предложеніе.»

Софья Николавна написала записку Алакаевой и про-
сila передать Алексею Степанычу, что Николай Федорычъ приглашаетъ его къ себѣ въ такомъ-то часу.

Алексѣй Степанычъ продолжалъ утопать въ блаженствѣ, раздѣляя его только съ покровительницей своей Маврой Павловной, но приглашеніе къ Николаю Федорычу въ назначенный часъ, приглашеніе, котораго онъ никакъ не ожидалъ,

считая старика слишкомъ больнымъ и слабымъ, очень его смутило. Николай Федорычъ, за отсутствиемъ Намѣстника первое лицо, первая власть въ цѣломъ Уфимскомъ краѣ, Николай Федорычъ, къ которому онъ и прежде приближался съ благоговѣніемъ — теперь казался ему чѣмъ-то особенно страшнымъ. Ну, если ему не понравилось намѣреніе чиновника Верхняго Земскаго Суда, 45-го класса, жениться на его дочки? Если онъ сочтетъ дерзостью такое предложеніе, да крикнетъ: «Какъ ты осмѣлился подумать о моей дочери? По тебѣ ли она невѣста? Посадить его подъ карауль, отдать подъ судъ...» Какъ ни дики казутся такія мысли, но онъ дѣйствительно пришли тогда въ голову молодому человѣку, о чѣмъ онъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи. — Собравшись съ духомъ, ободренный словами Алакаевой, Алексѣй Степанычъ напялъ мундиръ, или вѣрѣе сказать надѣль его на себя, какъ на вѣшалку, потому что очень похудѣлъ, и отправился къ Товарищу Намѣстника. Съ треугольной шляпой подъ мышкой, придерживая дрожащей рукой непослушную шпагу, вошелъ онъ, едва переводя духъ отъ робости, въ кабинетъ больнаго старика, никогда умнаго, живаго и бодраго, но теперь почти недвижимаго, изсохшаго какъ скелетъ, лежащаго уже на смертной постели. Алексѣй Степанычъ отвѣсилъ низкій поклонъ и стала у двернаго косыка. Уже одинъ этотъ пріемъ заставилъ поморщиться больнаго хозяина. «Подойдите ко мнѣ поближе, господинъ Багровъ, сядьте возлѣ моей постели. Я слабъ, не могу говорить громко.» Алексѣй Степанычъ, со многими поклонами, присѣлъ на кресло, стоявшее у самой кровати. «Вы ищете, руки моей дочери», продолжалъ старикъ.... Женихъ вскочилъ съ кресла, поклонился и сказалъ, что точно такъ, что онъ осмѣливается искать этого счастія.... Я могъ бы передать весь разговоръ подробнѣ, потому что много разъ

слыхаль, какъ пересказываль его изъ слова въ слово Алексій Степанычъ; но въ немъ отчасти есть повтореніе того, что мы уже знаемъ, и я боюсь наскучить читателямъ. Сущность дѣла состояла въ томъ, что Николай Федорычъ разспросилъ молодаго человѣка объ его семействѣ, объ его состояніи, объ его намѣреніяхъ относительно службы и мѣста постояннаго жительства; сказаль ему, что Софья Николавна ничего не имѣть, кроме приданаго въ 10 тысячъ рублей, двухъ семей людей и трехъ тысячъ наличныхъ денегъ для первоначальнаго обзаведенія; въ заключеніе онъ прибавиль, что хотя совершенно увѣренъ, что Алексій Степанычъ, какъ почтительный сынъ, безъ согласія отца и матери не сдѣлалъ бы предложенія, но что родители его могли передумать и что приличіе требуетъ, чтобы они сами написали объ этомъ прямо къ нему, и что до получения такого письма онъ не можетъ дать решительного отвѣта. Алексій Степанычъ привставалъ, кланялся, садился, во всемъ соглашалъ и общалъ завтра же написать къ отцу и къ матери. Черезъ полчаса старикъ сказалъ, что усталъ (это была совершенная правда) и отпустилъ молодаго человѣка довольно сухо. Но выходитъ его, Софья Николавна въ ту же минуту вошла въ кабинетъ къ отцу: онъ лежалъ съ закрытыми глазами, лицо его выражало утомленіе и вмѣсть душевное страданіе. Услыхавъ приближеніе дочери, онъ бросилъ на нее умоляющій взглядъ, сжалъ руки на груди и воскликнулъ: «Соничка, неужели ты пойдешь за него?» — Софья Николавна знала напередъ, какое дѣйствіе произведеть это свиданіе и приготовилась даже къ худшему впечатлѣнію. «Я предупреждала васъ, батюшка, сказала она тихо, кротко, но съ твердостію, что по совершенному незнанію свѣтскаго обращенія, по неловкости и робости, Алексій Степанычъ съ первого раза долженъ показаться вамъ дурач-

комъ; но я видѣлась съ нимъ много разъ, говорила долго, узнала его коротко и ручаюсь вамъ, что онъ никого не глупѣе, а многихъ гораздо умнѣе. Я прошу васъ поговорить съ нимъ еще раза два, и уверена, что вы согласитесь со мною.» Старикъ долго, пристально, проницательно посмотрѣль на свою дочь, какъ-будто хотѣль прочесть что-то сокровенное въ ея душѣ, глубоко вздохнулъ и согласился вызвать къ себѣ на дніахъ и поговорить побольше съ молодымъ человѣкомъ.

Алексѣй Степанычъ съ первою почтою написалъ самое изжиное, самое почтительное письмо къ своимъ родителямъ. Онъ благодарилъ ихъ за то, что они вновь даровали ему жизнь, и упомяну просилъ, чтобы они написали поскорѣе письмо къ Николаю Федорычу Зубину и просили у него руки его дочери для своего сына, прибавляя, что это всегда такъ водится и что Николай Федорычъ безъ ихъ письма не даетъ решительного отвѣта. Исполненіе просьбы столь обыкновенной затруднило стариковъ: они были не сочинители, въ подобныхъ оказіяхъ не бывали и не умѣли приступить къ дѣлу; осрамиться же въ глазахъ Товарища Намѣстника и будущаго свата, вѣрно ученаго дѣльца и писаки, — крышко имъ не хотѣлось. Цѣлую недѣлю сочиняли письмо; наконецъ кое-какъ написали и послали его къ Алексѣю Степанычу. Письмо точно было написано неловко, безъ всякихъ вѣжливостей и комплиментовъ, необходимыхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Покуда Алексѣй Степанычъ дожидался отвѣта изъ деревни, Николай Федорычъ пригласилъ его къ себѣ еще два раза. Второе посыщеніе не поправило невыгоднаго впечатлѣнія, произведенаго первымъ; но при третьемъ свиданіи присутствовала Софья Николаевна, которая какъ-будто не знала, что женихъ сидитъ у отца, вошла къ

нему въ кабинетъ, неожиданно воротясь изъ гостей раньше обыкновеннаго. Ея присутствіе все перемѣнило; она умѣла заставить говорить Алексія Степаныча, знала, о чёмъ онъ можетъ говорить и въ чёмъ можетъ выказаться съ выгодной стороны его природный, здравый смыслъ, чистота правовъ, честность и мягкая доброта. Николай Федорычъ видимо былъ доволенъ, обласкалъ молодаго человѣка и пригласилъ его пріѣзжать, какъ можно чаще. Когда Алексій Степанычъ ушелъ, старикъ обнялъ свою Соничку со слезами и осыпалъ ее ласковыми и иѣжными именами, назвавъ между прочимъ чародѣйкой, которая силою волшебства умѣеть вызывать изъ души человѣческой прекрасныя ея качества, такъ глубоко скрытыя, что никто и не подозрѣвалъ ихъ существованія. Софья Николавна была также очень довольна, потому что и сама не смѣла надѣяться, чтобы Алексій Степанычъ могъ такъ хорошо поддержать ея добroe мнѣніе и оправдать выгодные о немъ отзывы.

Наконецъ письмо, съ формальнымъ предложеніемъ ста-
риковъ, было получено, и Алексій Степанычъ лично вру-
чили его Николаю Федорычу. Увы! безъ волшебнаго при-
сутствія и помощи Софии Николавны, женихъ опять по-
прежнему не понравился будущему тестю, да и письмомъ
остался онъ очень недоволенъ. На съледующій день онъ
имѣлъ продолжительный разговоръ съ своею дочерью, въ
которомъ представилъ ей всѣ невыгоды имѣть мужа ниже
себя по уму, по образованію и характеру; онъ сказалъ,
что мужнико семейство не полюбитъ ее, даже возненави-
дитъ, какъ грубое и злое невѣжество всегда ненавидитъ
образованность; онъ предостерега, чтобы она не полага-
лась на обѣщанія жениха, который обыкновенно рѣдко
исполняются и которыхъ Алексій Степанычъ не въ си-
лахъ будешь исполнить, хотя бы и желать. На такія

справедливые замѣчанія и советы, почерпнутые прямо изъ жизни, Софья Николавна умѣла возражать съ удивительной ловкостью, и въ то же время умѣла такъ убѣдительно и живо представить хорошую сторону замужства съ человѣкомъ, хотя не бойкимъ и не образованнымъ, но добрымъ, честнымъ, любящимъ и не глупымъ, что Николай Федорычъ былъ увлеченъ ея пленительными надеждами и далъ полное согласіе. Софья Николавна съ горячностью обняла отца, цѣловала его изсохшія руки, подала ему образъ, стала на колѣни у кровати и, проливая ручи горячихъ слезъ, приняла его благословеніе. «Батюшка! воскликнула съ увлечениемъ восторженная девушка, я надѣюсь съ Божіею помощью, что чрезъ годъ вы не узнаете Алексія Степаныча. Чтеніе хорошихъ книгъ, общество умныхъ людей, беспрестанные разговоры со мною вознаградятъ недостатокъ воспитанія; застѣчивость пройдетъ, и умныне держать себя въ свѣтѣ придется само собою.» — «Дай Богъ, отвѣчалъ старикъ. Пошли за священникомъ я хочу помолиться о твоемъ счастьѣ вмѣстѣ съ тобою.»

Въ тотъ же день вечеромъ пригласили Алакаеву съ женихомъ, старинныхъ Зубинскихъ знакомыхъ, Аничкова и Мисайловыхъ, и дали Алексію Степанычу слово. Нѣть выражений для описанія блаженства молодаго человѣка! Софья Николавна до глубокой старости вспоминала объ этихъ счастливыхъ для него минутахъ. Алексій Степанычъ бросился въ ноги Николаю Федорычу, цѣловаль его руки, плакаль, рыдалъ какъ дитя, едва не упалъ въ обморокъ отъ избытка счастія, которое до послѣдней минуты казалось ему недоступнымъ. Невѣста сама была глубоко тронута такимъ искреннимъ выражениемъ пла-менной безграницкой любви.

Чрезъ два дня назначили официальную помолвку и пригласили весь городъ. Городъ былъ удивленъ, потому-что многие не вѣрили слухамъ: будто Софья Николавна Зубина идетъ за Алексія Степаныча Багрова. Наконецъ всѣ повѣрили и съѣхались; поздравляли, желали всякаго благополучія и всѣхъ возможныхъ благъ. Женихъ былъ радостенъ и свѣтель; онъ не замѣчалъ никакихъ двусмысленностей въ поздравленіяхъ, никакихъ насмѣшилъ улыбокъ и взглядовъ; но Софья Николавна все видѣла, все замѣтила, все слышала и понимала, хотя, говоря съ нею, были всѣ осторожны и почтительны. Она знала напередъ какъ встрѣтить общество ея поступокъ, но внутренно не могла не огорчаться выраженіемъ мнѣнія этого общества, чего конечно никто не замѣтилъ. Она была весела, ласкова со всѣми, особенно съ женихомъ, и казалась совершенно счастливою и довольною своимъ выборомъ. Вскорѣ жениха съ невѣстою пригласили въ кабинетъ къ Николаю Федорычу и обручили тамъ при немногихъ свидѣтеляхъ. Старикъ плакаль во все время, когда священникъ читалъ молитвы. По окончаніи обряда приказалъ жениху съ невѣстою поцѣловаться, обняль ихъ горячо и сильно, сколько могъ, и поглядѣвъ пристально въ лицо Алексію Степанычу, сказалъ: «Люби ее и всегда такъ, какъ любишь теперь. Богъ даетъ тебѣ такое сокровище...» Онъ не могъ договорить. Обрученные женихъ и невѣста вышли опять къ гостямъ, въ сопровожденіи присутствовавшихъ при обрученіи. Всѣ мужчины обнимали жениха и цѣловали руку у невѣсты; всѣ дамы обнимали невѣstu и у всѣхъ перечѣловаль ручки женихъ. Наконецъ, когда кончилась эта суматоха, обрученныхъ посадили рядомъ на диванъ, упросили вновь поцѣловаться и съ бокалами въ рукахъ осѣшили ихъ вторичными поздравленіями и добрыми желаніями. Между мужчинами хояйничалъ С. И.

Ланиковъ, а между дамами — Алакаева. Алексѣй Степанычъ съ роду не пивалъ ничего кромѣ воды, но его уговарили выпить бокальѣ какого-то вина, которое сильно подействовало на его непривычный организмъ, разстроенный недавнею болѣзнию и постояннымъ волненіемъ души. Онъ сдѣлался необыкновенно живъ, смеялся, плакалъ и много наговорилъ для потехи общества и для огорченія невѣсты. Гости развеселились. За однимъ бокаломъ послѣдовалъ другой, за другимъ третій; подали богатую закуску; все плотно покушали, еще выпили и разъѣхались шумно и весело. У жениха закружилась и заболѣла голова, и Алакаева увезла его домой.

Николай Федорычъ чувствовалъ себя очень плохо и хотѣлъ какъ можно скорѣй сыграть свадьбу; но какъ въ то же время онъ желалъ, чтобы приданое было устроено богато и пышно, то принуждены были отложить свадьбу на вѣсколько мѣсяцовъ. Старинные материнскіе брильянты и жемчуги надобно было передѣлать и перенизать по новому фасону въ Москвѣ, и оттуда же вынѣсать серебро и иѣкоторые наряды и подарки; остальная же платья, занавѣсь парадной кровати и даже богатый чернобурый салонъ, мѣхъ котораго давно уже былъ купленъ за 500 рублей и котораго теперь не кушишь за 5000,— все это было спшто въ Казани; столоваго бѣлья и голландскихъ полотенъ было запасено много. Десять тысячъ, назначенные на приданое, составляли тогда большую сумму; а какъ много дорогаго было припасено заранѣе, то роспись приданаго выходила такъ роскошна и великолѣпна, что читая ее теперь, трудно повѣрить дешевизнѣ восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія.

Первыми дѣломъ, послѣ обрученія и помолвки, были рекомендательныя письма ко всемъ роднымъ жениха и невѣсты. Софья Николаевна, владѣвшая между прочимъ

особенными дарованиями писать красноречиво, написала такое письмо къ будущему свекру и свекрови, что Степанъ Михайлычъ, хотя былъ не сочинитель и не писака, но весьма оцѣнилъ письмо будущей своей невѣстки. Выслушавъ его съ большимъ вниманіемъ, онъ взялъ его изъ рукъ Ганюши и, съ удовольствіемъ замѣтивъ четкость руки невѣсты, самъ прочелъ письмо два раза и сказалъ: «Ну, умница, и должна быть горячая душа!» Вся семья злилась и молчала; одна Александра Степановна не вытерпѣла, и сверкая круглыми, выкатившимися отъ бѣшенства зрачками, сказала: «Что и говорить, батюшка, книжница: мягко стелеть, да каково-то будетъ спать.» Но старикъ грозно взглянуль на нее и зловѣщимъ голосомъ сказалъ: «А почему ты знаешь? Ничего не видя, ужъ ты коришь. Смотри! держи языкъ за зубами, и другихъ у меня не мути.» Послѣ такихъ словъ, всѣ пришлились и разумѣется еще болѣе возненавидѣли Софью Николавну. Степанъ Михайлычъ подъ вліяніемъ теплаго и ласковаго письма, взялъ самъ перо въ руки, и вопреки всякимъ церемоніямъ, написалъ слѣдующее:

«Милая моя, дорогая и разумная будущая невѣстушка.

Если ты нась стариковъ такъ заочно полюбила и уважаешь, то и мы тебя полюбили; а при свиданыи, Богъ дастъ, и еще больше полюбимъ, и будешь ты намъ какъ родная дочь, и будемъ мы радоваться счастію нашего сына Алексея».

Софья Николавна также по достоинству оцѣнила простую рѣчь старика; она уже прежде, по однимъ разсказамъ, полюбила его заочно. Родныхъ у невѣсты не было и писать ея жениху было не къ кому. Но она захотѣла, чтобы Алексѣй Степанычъ написалъ рекомендательное письмо къ ея заочному другу и покровителю ея братьевъ, А. Ф. Аничкову; разумѣется, женихъ съ радостью

согласился исполнить ея желаніе. Софья Николавна не слишкомъ надѣялась на умъніе Алексія Степаныча объясняться письменно и пожелала предварительно взглянуть на письмо. Боже мой, что прочла она въ этомъ письмѣ! Алексій Степанычъ, много наслышавшись объ Аничковѣ, вздумалъ написать витіевато, позаимствовалъ изъ какого нибудь тогдашняго романа и написалъ двѣ страницы такихъ фразъ, отъ которыхъ, при другихъ обстоятельствахъ, Софья Николавна расхохоталась бы, но теперь.... кровь бросилась ей въ голову, и потомъ слезы хлынули изъ глазъ. Успокоившись, она сначала не знала, какъ ей быть, какъ выйтіи изъ этого затруднительного положенія? Впрочемъ она думала недолго, написала черновое письмо отъ жениха къ Аничкову и сказала Алексію Степанычу, что по непривычкѣ къ перепискѣ съ незнакомыми людьми, онъ написалъ такое письмо, которое могло бы непонравиться Аничкову, и потому она написала черновое и просить его переписать и послать по адресу. Ей было совѣстно и больно и оскорбительно за своего жениха, голосъ ея слегка дрожалъ, и она едва владѣла собою; но женихъ чрезвычайно обрадовался такому предложенію; выслушавъ письмо, восхищался имъ, удивлялся сочинительницѣ и покрывалъ поцѣлуями ея руки. Тяжель былъ первый шагъ къ неуваженію будущаго своего супруга, и къ осуществленію мысли повелѣвать имъ по произволу....

Зная, что у стариковъ мало денегъ и что они по неволь скучны на нихъ, Алексій Степанычъ написалъ просьбительное письмо къ своимъ родителямъ съ самыимъ умѣреннымъ требованіемъ денегъ и, для подкрѣпленія своихъ словъ, упросилъ Алакаеву, чтобы она написала къ Степану Михайловичу и удостовѣрила въ справедливой просьбѣ сына и въ необходимости издержекъ для предназначе-

ной свадьбы: онъ просилъ всего 800 рублей, но Алакаева требовала 1.500 рублей. Старики отвѣчали сыну, что у нихъ такихъ денегъ нѣтъ и что они посылаютъ ему послѣдніе 300 рублей; а 500 рублей, если они ужъ необходимы, предоставили ему у кого нибудь занять; но прибавляли, что пришлютъ ему четверку лошадей, кучера, форейтора, повара и всякихъ съѣстныхъ припасовъ. На Алакаеву же старики разсердились за требование такой огромной суммы и не отвѣчали ей. Дѣлать было нечего; Алексѣй Степанычъ поблагодарилъ за милости своихъ родителей и занять 500 рублей; но какъ этихъ денегъ не достало, то Алакаева дала ему еще своихъ 500 рублей, тайно отъ его стариковъ.

Между тѣмъ свиданія жениха съ невѣстой становились чаще, продолжительнѣе, а разговооры тѣровеніе. Тутъ только увидѣла Софья Николаевна, какъ много будетъ ей работы въ будущемъ: тутъ только она вполнѣ разглѣдѣла своего жениха! Она не ошиблась въ томъ, что онъ имѣлъ отъ природы хороший умъ, предобroe сердце и строгія правила честности и служебнаго безкорыстія, но за то во всемъ другомъ изъшла она такую ограниченность понятій, такую мелочность интересовъ, такое отсутствіе самодѣлки и самостоятельности, что не робкая душа ея и твердость въ исполненіи дѣла, на которое она уже рѣшилась, — не одинъ разъ сильно колебались; не одинъ разъ приходила она въ отчаяніе, снимала съ рукъ обручальное кольцо, клала его передъ образомъ Смоленскія Божія Матери и долго молилася, обливаясь жаркими слезами, прося просвѣтить ея слабый умъ. Такъ поступала она, чтѣ мы уже знаемъ, во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Послѣ молитвы Софья Николаевна чувствовала себя какъ-то бодрѣ и спокойнѣе, принимала это чувство за указаніе свыше,

надѣвала обручальное кольцо и выходила въ гостиную къ своему жениху спокойная и веселая. Больной ея отецъ чувствовалъ себя часть-отъ-часу хуже и слабѣ; дочь умѣла его увѣрить, что она съ каждымъ днемъ открываетъ новые достоинства въ своеемъ женихѣ, что она совершенно довольна и надѣется быть счастливою замужемъ. Тяжкій недугъ уже омрачалъ ясность взгляда Николая Федорыча; онъ не только вѣрилъ искренности своей дочери, но и самъ убѣжался, что его Соничка будетъ счастлива и часто говорилъ: «Слава Богу, теперь мнѣ легко умереть».

Приближалось время свадѣбы. Все приданое было готово. Женихъ также приготовился, благодаря советамъ Алакаевой, которая совершенно взяла его въ руки. Умная старуха сама не подозрѣвала, до какой степени Алексѣй Степанычъ не зналъ и не понималъ приличій въ общественной жизни. Безъ нее онъ надѣжалъ бы такихъ промаховъ, отъ которыхъ невѣста не одинъ разъ сгорѣла бы со стыда. Напримеръ, онъ хотѣлъ подарить ей въ день имянинъ такой матеріи на платье, какую можно было подарить только ея горничной; онъ думалъ ѿхать къ вѣнцу въ какой-то старинной повозкѣ на пазахъ, которая возбудила бы смѣхъ въ цѣломъ городѣ, и пр. и пр. Оно въ сущности ничего не значитъ, но видѣть своего жениха посмѣшищемъ Уфимскаго моднаго свѣта, было бы слишкомъ тяжело для Софии Николавны. Разумѣется, все это было поправлено Алакаевой, или лучше сказать, самой невѣстой, потому что старуха обо всемъ совѣтовалась съ нею. Софья Николавна заранѣе объявила жениху, чтобы онъ и не думалъ дарить ее въ имянинны, потому что она терпѣть не можетъ имянинныхъ подарковъ. Для свадѣбы же приказала купить аглицкую новенькую карету, только что

привезенню изъ Петербурга однимъ Уфимскимъ помѣщи-
комъ, Мурзахановымъ, успѣвшимъ промотаться и проиг-
раться въ нѣсколько мѣсяцевъ. За карету было заплачено
350 рублей ассигнаціями. Софья Николавна отдала за нее
свои деньги и прислала въ подарокъ жениху отъ имени
своего отца, запретивъ ему безпокоить своей благодар-
ностью умирающаго старика. Такъ улаживалась и другія
затрудненія. Алексѣй Степанычъ и Софья Николавна напи-
сали отъ себя и отъ имени Николая Федоровича письма къ
Степану Михайлычу и Арина Васильевнѣ, убѣдительно про-
ся ихъ осчастливить своимъ прѣздомъ на свадьбу. Зажив-
шіеся въ деревнѣ и одичавшіе старики, разумѣется, не
поѣхали: городъ и городское общество представлялись
имъ чѣмъ-то чуждымъ и страшнымъ. Изъ дочерей также
никто нехотѣлъѣхать; но Степану Михайлычу показалось
это не ловкимъ и онъ приказалъ отправиться на свадьбу
Елизаветѣ и Александрѣ Степановнамъ. Ерлыкинъ нахо-
дился на службѣ въ Оренбургѣ, а Иванъ Петровичъ Ка-
ратаяевъ сопровождалъ свою супругу въ Уфу. Прибытие
этихъ незваныхъ и неожиданныхъ гостей надѣжало мно-
го огорченій Софѣ Николавнѣ. Будущія ея золовки, отъ
природы очень умныя и хитрыя, расположенные враж-
дебно, держали себя съ нею холодно, непріязненно и да-
же неучтиво. Хотя Софья Николавна слишкомъ хорошо
угадывала, какого расположенія можно ей было ждать
отъ сестеръ своего жениха, тѣмъ не менѣе она сочла за
долгъ быть сначала съ ними ласковою и даже предупре-
дительною; но увида наконецъ, что всѣ ея старанія на-
прасны и что чѣмъ лучше она была съ ними, тѣмъ хуже
онѣ становились съ нею — она отдалась и держала
себя въ границахъ свѣтской холодной учтивости, которая,
не защитила ее однако отъ этихъ подлыхъ намековъ
и обиняковъ, которыхъ нельзѧ понять, которыми

нельзя не оскорбляться, и которые понимать и которыми
оскорбляться въ то же время неловко, потому что сей-
часъ скажутъ: «на воръ шапка горитъ». Отвратительное
оружіе намековъ и обиляковъ, выгнанное образованістю
въ общество мышанъ, горничныхъ и лакеевъ, было тогда
оружіемъ страшнымъ и общеупотребительнымъ въ домахъ
деревенскихъ помѣщиковъ, по большей части весьма близ-
кихъ съ своей прислугой и нравами и образованіемъ. Да
еще правду ли я сказалъ, что оно выгнано? Не живеть
ли оно и теперь между нась, скрытое подъ другими,
больше приличными, большие искусствами формами. Разу-
мьется, всему Уфимскому обществу показались сестрицы
жениха деревенскими чучелами. Что касается до Ивана
Петровича, уже довольно обашкирившаго и всегда на-
чинавшаго съ восьми часовъ утра тянуть желудочный
травникъ, то онъ при первой рекомендациі чмокнуть три
раза ручку у Софы Николавны и съ одушевленіемъ истин-
наго Башкирца воскликнулъ: «ну, какую краличку подѣ-
ниль братъ Алексій! Много переглотала Софья Николав-
на слезъ отъ злобныхъ выходокъ будущихъ своихъ золо-
вокъ, и грубыхъ шутокъ и любезностей будущаго свояка.
Всего прискорбнѣе было то, что Алексій Степанычъ ничего
не примѣчалъ и казалось быть очень доволенъ обращеніемъ
своихъ сестеръ съ Софьей Николавной, и конечно это ее не
только огорчало въ настоящемъ, но и пугало въ будущемъ.
Ядовитыя эти змѣи, остановясь у брата въ домѣ, съ пер-
вой же минуты начали вливать свой ядъ въ его простую
душу и дѣлали это такъ искусно, что Алексій Степанычъ
не подозрѣвалъ ихъ ухищреній. Тысячи намековъ на гор-
дость его невѣсты, на ея нищенство, прикрывающееся зо-
лотомъ и парчою, на его подчиненность волѣ и прихотямъ
Софы Николавны, безпрестанно раздавались въ его ушахъ;
многаго онъ не замѣчалъ, не понималъ, но многое попа-

дало прямо въ цѣль, смущаю его умъ и безсознательно заставляло задумываться. Всѣ эти уловки, а иногда и открытые нападенія, прикрывались видомъ участія и родственной любви. «Что это, братець, какъ ты худъ? говорила Елизавета Степановна. Ты совсѣмъ измучилъся, исполняя приказанія Софы Николаевны. Вотъ теперь, ты только что воротился изъ Голубиной слободки (*), усталъ, проголодался, и ничего не покушавши скажешь опять на дежурство къ невѣстѣ. Вѣдь мы тебѣ роднины, вѣдь намъ тебя жалко...» и притворныя слезы, или по крайней мѣрѣ морганье глазами и утиранье ихъ платкомъ, дозершали вкрадчивую рѣчу. — «Нѣть, бѣшено врывалась въ разговоръ Александра Степановна, не могу утерпѣть. Я знаю, ты осердишься, братець, а можетъ быть и разлюбишь насть; такъ видно угодно Богу; но я скажу тебѣ всю правду: ты совсѣмъ перемѣнился; ты насть стыдишься, ты насть совсѣмъ забылъ; у тебя только и на умѣ, какъ бы лизать ручки у Софы Николаевны, да какъ бы не проштрафиться передъ нею. Вѣдь ты сдѣлался ея слугой, крѣпостнымъ слугой! Каково намъ видѣть, что ужъ и эта старая вѣдьма Алакасева помыкается тобой, какъ холопомъ: погожай туда, то-то привези, объ этомъ-то сиравься.... да приказываетъ еще все дѣлать приворище, да еще изволить выговоры давать; а насть и въ гроши не ставить, ни о чёмъ съ вами и посовѣтоваться не хочетъ....» Алексѣй Степанычъ не находилъ словъ для возраженія, и говорилъ только, что онъ сестрица своихъ любить и всегда будетъ любить и что ему пораѣхать къ Софѣ Николаевнѣ; послѣ чего братья пилили и поспѣшно уходили. «Да бѣги, бѣги поскорѣе, кричала ему всегда бѣшеная Александра Степановна, а то прогнѣзъ».

(*) Отдаленія улицы въ Уфѣ.

вается, да еще ручки не пожалуетъ.» Подобныя явленія повторялись не одинъ разъ и конечно производили свое впечатлѣніе. Софья Николавна не могла не заметить, что пріѣздъ сестрицъ Алексія Степаныча произвелъ въ немъ иѣкоторую перемѣну. Онъ казался смущеннымъ, не съ такою точностью исполнялъ свои обѣщанія и даже менѣе проводилъ съ ней время. Софья Николавна очень хорошо понимала настоящую причину; къ тому же Алакаева, съ которой вошла она въ короткія и дружескія отношенія и которая знала все, что дѣлается на квартире у Алексія Степаныча, не оставляла ее снабжать подробными свѣдѣніями. Софья Николавна по своей пылкой и страстной натурѣ, не любила откладывать дѣла въ долгій ящикъ. Она справедливо разсуждала, что не должно давать времія и свободу укореняться вредному вліянію сестрицъ, что необходимо открыть глаза ея жениху и сдѣлать рѣшительное испытаніе его характеру и привязанности, и что если и то и другое окажется слишкомъ слабымъ, то лучше разойтись передъ винцомъ, нежели соединить судьбу свою съ такимъ ничтожнымъ существомъ, которое, по ея собственному выраженію, «отъ солнышка не защита и отъ дождя не епанча.» Рано утромъ она вызвала къ себѣ жениха, затворилась съ нимъ въ гостиной, не приказала никого принимать и обратилась къ испуганному и поблѣдневшему Алексію Степанычу съ слѣдующими словами: «Послушайте, я хочу объясниться съ вами откровенно, сказать вамъ все, что у меня лежитъ на сердцѣ, и отъ васъ требую того же. Сестрицы ваши меня терпѣть не могутъ и употребили всѣ старанія, чтобы возстановить противъ меня вашихъ родителей. Я знаю все это отъ васъ самихъ. Ваша любовь ко мнѣ преодолѣла всѣ препятствія: родители ваши дали вамъ свое благословеніе и я рѣшилась за васъ выйти, не побоявшись ненависти цѣ-

лой семьи. Я надѣялась найти себѣ защиту въ вашей коми любви и въ моемъ стараніи доказать вашимъ родителямъ, что я не заслуживаю ихъ непріязни. Я вижу теперь, что я ошиблась. Вы сами видѣли, какъ я приняла вашихъ сестрицъ, какъ я ласкалась, какъ я старалась угодить имъ. Они заставили меня удалиться своими грубостями, но я ни разу не сдѣлала имъ ни малѣйшей небѣжливости. Что же изъ этого вышло? Прошла только одна недѣля, какъ прїѣхали ваши сестрицы, и вы уже много перемѣнились ко мнѣ: вы забываете, или не смѣете иногда исполнять того, что мнѣ обѣщали, вы менѣе проводите со мной времени, вы смущены, встревожены, вы даже не такъ ласковы ко мнѣ, какъ были прежде. Не оправдывайтесь, не запирайтесь, это было бы не честно съ вашей стороны. Я знаю, что вы меня не разлюбили; но вы боитесь показывать мнѣ свою любовь, боитесь вашихъ сестеръ и потому смущаетесь и даже избѣгаете случаевъ оставаться со мной наединѣ. Это все совершенная правда, вы сами это знаете. И такъ скажите, какую надежду могу я имѣть на твердость вашей любви? Да и что это за любовь, которая струсила и прячется отъ того, что невѣста ваша не нравится вашимъ сестрицамъ, о чёмъ вы давно знаете? Что же будетъ, если я не понравлюсь вашимъ родителямъ и если они косо на меня посмотрятъ? Да вы разлюбите меня въ самомъ дѣлѣ! Нѣть, Алексѣй Степанычъ, ~~благородные~~ люди не такъ любятъ и не такъ поступаютъ. Зная, что меня терпѣть не могутъ ваши родные, вы должны были удвоить при нихъ ваше вниманіе, нѣжность и уваженіе ко мнѣ—тогда они не осмѣлились бы и рта разинуть; а вы допустили ихъ говорить вамъ въ глаза оскорбительныя мнѣ слова. Я все знаю, что онъ говорить вамъ. Я заключаю изъ всего этого, что любовь ваша пустое изѣжничанье, что на васъ нельзя по-

ложиться и что памъ лучше разстаться теперь, нежели быть несчастными на всю жизнь. Подумайте хорошенько о моихъ словахъ. Я даю вамъ два дня, чтобы ихъ обдумать. Продолжайте ездить къ намъ, но два дня я не буду видѣться съ вами наединѣ и не стану поминать объ этомъ разговорѣ; потомъ спрошу васъ по совѣсти, какъ честного человека: имѣете ли вы довольно твердости, чтобы быть моимъ защитникомъ противъ вашихъ родныхъ и всѣхъ, кто вздумалъ бы оскорблять меня? Можете ли вы заставить вашихъ сестеръ не обижать меня и злочно, въ вашемъ присутствіи, ни однимъ словомъ, ни однимъ оскорбительнымъ намекомъ. Хотя разрывъ за недѣлю до свадьбы, для всякой благовоспитанной девушки большое несчастіе, но лучшее перенести его разомъ, нежели мучиться всю жизнь. Вы знаете, что я не влюблена въ васъ, но я начинала любить васъ, и конечно полюбила бы сильнѣе и постолинѣе, чѣмъ вы. Ирошайтѣ! сегодня и завтра мы чужие» Алексѣй Степанычъ, давно заливавшійся слезами и несколько разъ порывавшійся что-то сказать, не успѣль разинуть рта, какъ невѣста ушла и заперла за собою дверь. Какъ громомъ пораженный, Алексѣй Степанычъ не вдругъ пришелъ въ себя. Наконецъ мысль потерять обожаемую Софию Николаину представилась ему съ поразительною ясностью, ужаснула его и вызвала то мужество, ту энергию, къ которой бываютъ способны, на короткое время, люди самаго слабаго, самаго крѣпкаго нрава. Онъ поспѣшилъ отправится домой, и когда его сестрицы, нисколько не сжалившись надъ огорченнымъ и разстроеннымъ видомъ братца, встрѣтили его обычными злобными шуточками — Алексѣй Степанычъ пришелъ въ изступленіе и задалъ имъ такую выпалку, что они перепугались. Человѣкъ добрый, тихий и терпѣливый бываетъ страшенъ въ гневѣ. Алексѣй Степанычъ сказалъ

между прочимъ своимъ сестрамъ, что «если онъ осмѣлятся еще сказать при немъ хотя одно оскорбительное слово объ его невѣстѣ, или насчетъ его самого, то онъ въ ту же минуту перѣдетъ на другую квартиру, не велить ихъ пускать ни къ себѣ, ни къ невѣстѣ, и обо всемъ напишетъ къ батюшкѣ.» Этого было довольно. Александра Степановна твердо помнила слова отца: «держи языкъ за зубами и другихъ у меня не мути.» Она очень хорошо знала, какая грозная туча взмыла бы отъ жалобы брата и какихъ страшныхъ послѣдствій могла она ожидать. Обѣ сестрицы кинулись на шею Алексѣя Степаныча, прошли прощенія, плакали, крестились и божились, что впередъ этого никогда не будетъ, что онъ сами смерть какъ любить Софью Николаевну и что только изъ жалости къ его здоровью, для того, чтобы онъ меньше хлопотать, онъ позволили себѣ такія глупыя шутки. Въ тотъ же день побѣхали онъ къ Софѣ Николаевнѣ, лебезили передъ ней и ласкались самыми униженными образомъ. Она очень хорошо понимала, что это значитъ и — торжествовала. Положеніе несчастнаго жениха было по истинѣ достойно сожалѣнія. Его любовь, нѣсколько успокоившаяся, пріутыхшая отъ частыхъ свиданій и простаго ласковаго обращенія Софии Николаевны, отъувренности въ близости свадьбы, нѣсколько запуганная, и какъ будто пристыженная насмѣшками сестеръ — вспыхнула съ такою яростью, что въ настоящую минуту онъ былъ способенъ на всякое самоотверженіе, на всякой отчаянной поступокъ, пожалуй на геройство. Все это ярко выражалось на его молодомъ и прекрасномъ лицѣ, и съ такимъ-то лицемъ нѣсколько разъ являлся онъ передъ Софьей Николаевной въ продолженіе этихъ безконечныхъ двухъ дней. Тяжело было ей смотрѣть на него, но она имѣла твердость выдержать назначенный искусъ. Она сама не ожидала того

сердечного волненія и тоскливої жалости, которая испытала въ это время. Она почувствовала, что уже любить этого смиренного, простаго молодаго человека, безгранично ей преданнаго, который не задумался бы прекратить свою жизнь, еслибъ она рѣшилась отказать ему!... Наконецъ прошли и эти долгіе два дни. На третій, рано поутру, Алексій Степанычъ дожидался своей невѣсты въ гостиной; тихо отворилась дверь, и явилась Софья Николавна прекраснѣе, очаровательнѣе чѣмъ когда-нибудь, съ легкою улыбкою и съ выраженіемъ въ глазахъ такого нѣжнаго чувства, что взглянувъ на нее и увидя ласково протянутую руку, Алексій Степанычъ отъ избытка сильнаго чувства обезумѣлъ, на мгновеніе потерялъ употребленіе языка..... но вдругъ опомнившись, не принимая протянутой руки, онъ упалъ къ ногамъ своей невѣсты, и потокъ горячаго сердечнаго краснорѣція, сопровождаемый слезами, полился изъ его груди. Софья Николавна не дала ему кончить, она подняла его, сказала ему: что она видѣть, чувствуетъ и раздѣляетъ любовь его, вѣрить всемъ его обѣщаніямъ, и безъ страха вручаетъ ему свою судьбу. Она приласкала его такъ, какъ никогда не ласкала, и сказала нѣсколько такихъ нѣжныхъ словъ, какихъ никогда не говорила. . . . .

Только пять дней оставалось до свадьбы. Всѣ приготовленія были совершенно кончены, и женихъ и невѣста, свободные отъ хлопотъ, почти не разставались. Уже пять мѣсяцевъ Софья Николавна была невѣста Алексія Степаныча, и во все это время, вѣриая своему намѣренію перевоспитать своего жениха — невѣста не теряла ни одной удобной минуты и старалась своими разговорами сообщать ему тѣ нравственные понятія, которыхъ у него не доставало, уяснить и развивать то, что онъ чувствовалъ

и понималъ темно, безсознательно, и уничтожать такія мысли, которыя забрались ему въ голову отъ окружающихъ его людей; она даже заставляла его читать книги, и потомъ, разговаривая съ нимъ о прочитанномъ, съ большимъ искусствомъ объясняла все, смутно или превратно понятое, утверждая все щаткое и примѣния вымыщенное къ действительной жизни. Но едва ли во всѣ эти пять хлопотливыхъ мѣсяцевъ успѣда Софья Николавна высказать такъ много нового, какъ въ эти пять дней; по случаю же недавнаго, сейчасъ мною разсказанаго происшествія, поднявшаго, изощрившаго, такъ сказать, душу жениха, все было принято Алексѣемъ Степанычемъ съ особеннымъ сочувствіемъ. Каѳовъ вообще былъ успѣхъ этого курса нравственной педагогики — я рѣшилъ на себя не беру. Трудно судить, до какой степени были справедливы мнѣнія объихъ особъ, о которыхъ я говорю; но онъ въ послѣдствіи согласно утверждали, ссылаясь на отзывъ постороннихъ людей, что въ Алексѣя Степаныча произошла великай перемѣна, что онъ точно переродился. Я охотно готовъ этому вѣрить; но имѣю доказательство, что въ знаніи свѣтскихъ приличій, успѣхи Алексія Степаныча были не такъ велики. Я знаю, что онъ разсердилъ свою невѣstu ваканунь свадьбы и что ея вспыльчивость произвела сильное и болезненное впечатленіе на кроткую его душу. Вотъ какъ это происходило: у Софии Николавны сидѣли двѣ значительныя уфимскія дамы; вдругъ входить лакей съ какимъ-то бумажнымъ сверткомъ, подаетъ Софью Николавну и докладываетъ, что Алексій Степанычъ прислали это съ кучеромъ и приказалъ, «чтобы вы поскорѣе сдѣлали чепецъ для Александры Степановны». Не предупрежденная ни однимъ словомъ своего жениха, который только за полчаса съ нею разстался, Софья Николавна вспыхнула отъ досады. Значительныя дамы будто

бы подумавши сначала, что этот свертокъ подарокъ отъ жениха, не хотѣли скрыть своихъ улыбокъ, и невѣста, не совладѣвъ съ собою, приказала отнести посылку назадъ, и сказать Алексѣю Степанычу: «чтобы онъ обратился къ чепечинцѣ, и что вѣрно по ошибкѣ принесли къ ней эту работу.» Дѣло происходило весьма просто: женихъ, воротясь домой, нашелъ свою сестру въ большомъ затруднѣніи, потому что мастерица, которая взялась сдѣлать ей для свадьбы парадный чепчикъ, вдругъ захворала и прислали назадъ весь матеріалъ. Алексѣй Степанычъ, видѣвшій своими глазами, какъ искусно его невѣста дѣлала головные уборы, вызвался пособить сестриному горю и приказалъ Никаноркѣ отнести къ Софѣ Николаевнѣ вышепомянутый свертокъ и покорнейше просить ее, чтобы она сдѣлала чепчикъ для Александры Степановны. Никанорка не пошель самъ за недосугомъ и послала кучера, а кучерь вместо покорнейшей просьбы передалъ приказаніе. Алексѣй Степанычъ поспѣшилъ къ невѣстѣ для объясненія и взялъ съ собою опять тотъ же несчастный свертокъ. Софья Николаевна, не простывшая еще отъ первой вспышки, увида жениха, входящаго съ знакомымъ ей сверткомъ бумаги, вспылила еще больше и наговорила много лишнихъ, горячихъ и оскорбительныхъ словъ. Женихъ смущился, растерялся, оправдывался очень плохо, но сердечно огорчился. Софья Николаевна отослала матеріалъ для чепчика къ какой-то извѣстной ей женщинѣ, и раскаившись въ своей горячности, старалась ее поправить; но къ удивленію своему, Алексѣй Степанычъ не могъ забыть оскорблений, смѣшанного съ какимъ-то страхомъ; онъ сдѣлался очень печаленъ, и напрасно старалась невѣста успокоить и развеселить его.

Наступило 10 мая 1788 года, день, назначенный для свадьбы. Женихъ прїѣхалъ къ невѣстѣ поутру, и Софья

Николавна, уже встревоженная наканунь, къ огорчению своему увидѣла, что вчерашнее грустное выраженіе не сошло съ лица Алексія Степаныча. Она сама въ свою очередь огорчилась и даже оскорбилась. Она привыкла думать, что Алексій Степанычъ не будетъ помнить себя отъ радости въ тотъ день, когда поведегъ еe къ вѣнцу; а онъ является невесельмъ и даже грустнымъ! Она сказала это своему жениху, и тѣмъ смущила его еще больше. Разумѣется, онъ старался увѣрить ее, что считаетъ себя блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ и проч., но надутыя и пошлые слова, произносимыя и прежде много разъ и выслушиваемыя съ удовольствіемъ, теперь не проникнутыя смысломъ внутренняго одушевленія, непрѣятно отозвались въ слухъ невѣсты. Черезъ нѣсколько времени они разстались съ тѣмъ, чтобы увидѣться уже въ церкви, гдѣ въ шесть часовъ вечера женихъ долженъ былъ ожидать невѣсту.

Страшное сомнѣніе возникло въ душѣ Софы Николавны: будешь ли счастлива она за-мужемъ? Много темныхъ пророческихъ мыслей пробуждало въ ея пылкомъ умѣ. Она обвиняла себя за горячность, за рѣзкія выраженія; сознавалась, что причина была ничтожна, что она должна была предвидѣть множество подобныхъ промаховъ своего жениха и принимать ихъ спокойно. Они уже и случались не одинъ разъ, но тутъ несчастное стеченіе обстоятельствъ, присутствіе постороннихъ дамъ, съ которыми она была въ непрѣзненныхъ отношеніяхъ, укололо ея самолюбіе и раздражило ея природную вспыльчивость. Она чувствовала, что испугала Алексія Степаныча, каялась въ своей винѣ и въ то же время чувствовала во глубинѣ своей души, что способна провиниться опять. Тутъ снова представилась ей вся трудность взятаго на себя подвига: перевоспита-

ніе, пересозданіе уже двадцатисеми-лѣтняго человѣка. Цѣлая жизнь, долгая жизнь съ мужемъ неровней, котораго она при всей любви не можетъ вполнѣ уважать, безпрестанное столкновеніе совсѣмъ различныхъ понятій, противоположныхъ свойствъ, наконецъ частое непониманіе другъ друга... и сомнѣніе въ успѣхѣ, сомнѣніе въ собственныхъ силахъ, въ спокойной твердости, столько чуждой ея и праву, въ первые представилось ей въ своей поразительной истинѣ и ужаснуло бѣдную дѣвушку!... Но что же дѣлать? Неужели разорвать свадьбу предъ самимъ вѣнцомъ, поразить своего умирающаго отца, привыкшаго къ успокоительной мысли, что его Соничка будешь счастлива за добрымъ человѣкомъ? Неужели потѣшить всѣхъ своихъ недоброжелателей, особенно значительныхъ дамъ? Сдѣлаться баснею, шуткою города и цѣлаго края, можетъ быть подвергнуться клеветамъ? Наконецъ, убить, въ настоящемъ значеніи слова убить, страстию любящаго ее жениха? и все это изъ одного опасенія, что у ней не дстанетъ твердости къ выполненнію давно обдуманного плана, который начиналь уже блестательно осуществляется? «Нѣть, не бывать тому! Богъ поможетъ мнѣ, Смоленская Божія Матерь будетъ моей заступницей и подастъ мнѣ силы обуздать мой вспыльчивый нравъ...» такъ думала и такъ рѣшила Софья Николавна. Слезы и молитва возвратили ей твердость.

Церковь Успенія Божіей Матери находилась очень близко отъ огромнаго Зубинскаго дома и стояла тогда на пустырѣ. За долго до шести часовъ она окружена была толпою любопытнаго народа. Высокой крымецъ на улицу Зубинскаго дома обставилъ экипажами тѣхъ особъ, которыхъ были приглашены провожать невѣсту; остальное общество съезжалось прямо въ церковь. Невѣсту одѣвали

къ вѣнцу. Маленький братъ, трехлѣтній Николинька, кото-
раго рожденіе стоило жизни его матери, обуваль Софью
Николавну по принятому обычаю, разумѣется съ помощью
горничныхъ. Въ исходѣ шестаго часа невѣста была уже
готова и, принявъ благословеніе отца, вышла въ гостиную.
Богатый подвѣнчный нарядъ придавалъ еще больше
блеску ея красотѣ. Дорога отъ дома жениха въ церковь
лежала мимо самыхъ оконъ гостиной, и Софья Николавна
видѣла, какъ онъ проѣхалъ туда въ англійской мурзаха-
новской каретѣ на четверкѣ славныхъ доморощенныхъ
лошадей; она даже улыбнулась и ласково кивнула голо-
вой Алексѣю Степанычу, который, высунувшись изъ ка-
реты, глядѣлъ въ растворенные окна дома. Проѣхали
также сестры жениха. Алакаева и всѣ мужчины, прово-
живавшіе его въ церковь. Невѣста не хотѣла, чтобы женихъ
ея дожидался, и хотя ее останавливали, но она настояла,
чтобы щали немедленно. Софья Николавна спокойно и
твердо вошла въ церковь; ласково и весело подала руку
своему жениху, но смущилась, увидѣвъ на его лицѣ тоже
грустное выраженіе, и всѣ заметили, что женихъ и не-
вѣста были не веселы подъ вѣнцемъ. Церковь была ярко
освѣщена и полна народа; архіерейскіе пѣвчіе не щадили
своихъ голосовъ. Свадьба во всѣхъ отношеніяхъ была па-
радна и великолѣпна. По окончаніи обряда, сестры, всѣ
пѣвѣдь съ обѣихъ сторонъ и также лучшая уфимская
публика сопровождали молодыхъ въ домъ къ Николаю
Федорычу. Тамъ немедленно начались и продолжались
танцы до богатаго, но ранняго ужина. Всѣ гости, имѣв-
ши право входить къ Николаю Федорычу въ кабинетъ,
перебывали у него и поздравили со вступленіемъ въ бракъ
его дочери. На другой и слѣдующіе дни происходило все
то, что обыкновенно при такихъ случаяхъ бываетъ, то-
есть, обѣдъ, балъ, визиты, опять обѣдъ и опять балъ:

однимъ словомъ все точно такъ, какъ водится и теперь даже въ столицахъ.

Грустная тень давно слегла съ лица молодыхъ. Они были совершенно счастливы. Никто не могъ смотрѣть на нихъ безъ удовольствія и часто повторялись слова: «какая прекрасная пара!» Черезъ недѣлю молодые собирались уѣхать въ Багрово, куда сестры Алексія Степаныча уѣхали черезъ три дня послѣ свадьбы. Софья Николаевна написала съ ними ласковое письмо къ старикамъ.

Сестры Алексія Степаныча, послѣ неожиданной вспышки братца, держали себя въ послѣднее время осторожно; не позволяли при немъ себѣ никакихъ намековъ, ужимокъ и улыбокъ, а передъ Софьей Николаевной были даже искательны; но разумѣется этимъ нисколько ее не обманули: за то братецъ повѣрилъ отъ души ихъ искреннему расположению къ невѣстѣ. На свадьбѣ и на праздникахъ послѣ свадьбы, разумѣется онъ игралъ жалкія роли, а потому посыпали уѣхать. Воротясь домой, то есть, къ Степану Михайловичу, онъ рѣшились действовать осторожно и не показывать передъ старикомъ своей враждебности къ Софѣ Николаевнѣ, но за то Арина Васильевна и двумъ своимъ сестрамъ расписали онъ такими красками свадьбу и все тамъ происходившее, что поселили въ нихъ сильное предубѣжденіе и неблагорасположеніе къ невѣстѣ. Они не забыли разсказать объ изступленномъ гневѣ и угрозахъ Алексія Степаныча за ихъ выходки противъ Софьи Николаевны, и весь уговорились держать себя съ нею при Степанѣ Михайловичѣ ласково и не говорить ему прямо ничего дурнаго на счетъ невѣстки; по въ то же время не пропускать благопріятныхъ случаевъ, незамѣтно для старика, возстановлять его противъ неправдѣйской пмы Софьи Николаевны.

Поступать надо было очень искусно. Не довѣряя этого дѣла другимъ, взяли его на себя Елизавета и Александра Степановны. Дѣдушка подробно разспрашивалъ о свадьбѣ, о томъ кого онъ видѣли, о состояніи здоровья старика Зубина и вообще обо всемъ тамъ происходившемъ. Онъ все хвалили; но въ похвалахъ этихъ слышенъ былъ запахъ и вкусъ яда, и не удалось имъ провести Степана Михайлыча. Онъ обратился такъ, ради шутки, а можетъ быть и для соображенія, къ Ивану Петровичу Каратаеву и спросилъ его: «Ну что, братъ Иванъ, что ты мнѣ скажешь о нашей невѣстушкѣ? Ихъ дѣло бабье, а ты мужчина и лучше можешь судить объ этомъ». Иванъ Петровичъ, не смотря на миганье своей супруги, отвѣчалъ съ увлечениемъ: «Да вотъ что, батюшка, я вамъ скажу: что такой кралечки (безъ этого живописнаго слова онъ не умѣлъ похвалить красоту), какую подѣшилъ братъ Алексѣй, другой не отыщешь въ цѣломъ свѣтѣ. Что взглянетъ, то рублемъ подарить. А ужъ что за умница, такъ ужъ и говорить нечего. Одно доложу вамъ, батюшка: горда; пошутить нельзя; только вздумашь подпустить турусы на колесахъ—такъ взглянетъ, что языкъ прикусишь.»—«Вижу, братъ, что она тебѣ вратъ не позволяла», сказалъ старикъ съ веселымъ лицомъ, разсмѣялся и прибавилъ: «Ну это еще не большая бѣда.» Степанъ Михайлычъ, по вѣмъ разскажавъ, по письмамъ Софы Николавны и по отвѣту Ивана Петровича Каратаева, составилъ въ свое мѣсто умѣлъ весьма благопріятное мнѣніе объ Софѣ Николавнѣ.

Извѣстіе о скоромъ прѣздѣ молодыхъ произвело тревогу и суету въ тихомъ, слишкомъ простомъ домѣ деревенскихъ помѣщиковъ. Надобно было почиститься, пріодѣться, прінарядиться. Невѣстка городская модница, привыкла жить по-барски, даромъ что бѣдна: осудить, осмѣять — такъ

думали и говорили все, кроме старика. Особыхъ и свободныхъ комнатъ въ домѣ не было, надо было вывести Танюшу изъ ея горницы, выходившей угломъ въ садъ, на прозрачный Бугурусланъ съ его зелеными кустами и голосистыми соловьями. Танюшъ очень не хотелось перейти въ передбаникъ, по другаго мѣста не было: все сестры жили въ домѣ, а Карапаевъ и Ерлыкинъ спали на синникѣ. За день до приѣзда молодыхъ, привезли кровать, штофный занавѣсь, гардины; приѣхалъ и человѣкъ, умѣющій все это уставигъ и приладить. Танюшину комнату отдѣлали въ нѣсколько часовъ. Степанъ Михайловичъ посмотрѣль, полюбовался, а женщины кусали отъ зависти губы. Наконецъ прискакалъ передовой съ извѣстіемъ, что молодые остановились въ Мордовской деревнѣ Иойкино, въ восьми верстахъ отъ Багрова, гдѣ они переодѣнутся и часа черезъ два пріѣдутъ. Все пришло въ движение. Хотя старикъ еще съ утра послалъ за священникомъ, но какъ онъ еще не пріѣзжалъ, то послали гонца верхомъ поторопить его. Между тѣмъ въ Иойкинѣ происходила также забавная суматоха. Молодыеѣхали на перемѣнныхъ по проселочнѣй дорогѣ, и потому надо было послать передоваго для заготовленія лошадей отъ деревни до деревни. Въ Иойкинѣ все знали Алексея Степаныча еще дитятей, а Степана Михайльча считали отцемъ и благодѣтелемъ. Всѧ деревня отъ мала до велика, душъ 600 мужеска и женска пола, сбѣжалась къ той избѣ, гдѣ должны были остановиться молодые. Софья Николаевна едва ли видала вблизи Мордову, и потому одежда Мордовокъ и необыкновенно рослыхъ и здоровыхъ дѣвокъ, ихъ вышитыя красною шерстью бѣлые рубахи, ихъ черные шерстяные пояса или хвосты, грудь и спина и головные уборы, обвѣшанные серебряными день-

гами и колокольчиками, очень ее заинтересовали. Но когда она услыхала простыя, грубыя, но искренній восклицанія всей толпы, на изломаниномъ нѣсколько рускомъ языке, то радостныя привѣтствія, то похвалы и добрыя желанія, — она и смеялась, и даже плакала: «Ай, ай, Алеша, какой жена тебѣ Богъ давалъ. Ай, ай, хороша, говорили старики и старухи; а отца наша Степанъ Михайлычъ то-то рада будетъ! Ну дай вамъ Богъ, дай Богъ.» Когда же молодая, переодѣвшись въ пышное городское платье, вышла садиться въ карету, то въ народѣ поднялся такой гуль радостныхъ похвалъ, что даже лошади перепугались. Молодые, подаривъ десять рублей на вино всему миру, отправились въ дорогу.

Позади господского гумна, стоящаго на высокой горѣ, показался высокій экипажъ. «Бдуть, бдуть» раздалось по всему дому, и вся дворни, а вскорѣ и все крестьяне сбѣжались на широкій господской дворъ, а молодежь и ребятишки побѣжали навстрѣчу. Старики Багровы со всѣмъ семействомъ вышли на крыльцо; Арина Васильевна въ шелковомъ шушунѣ и юбкѣ и съ шелковымъ гарнитуровымъ съ золотыми травочками платкомъ на головѣ, а Степанъ Михайлычъ въ какомъ-то стародавнемъ спортукѣ, выбритый и съ платкомъ на шеѣ, стояли на верхней ступенькѣ крыльца; одинъ держалъ образъ Знаменія Божіей Матери, а другая — коровой хлѣба съ серебряной солонкой. Золовки и два зятя столли около нихъ. Экипажъ подкатилъ къ крыльцу, молодые вышли, упали старикамъ въ ноги, приняли ихъ благословеніе и разѣловались съ ними и со всѣми ихъ окружающими; едва кончила молодая эту церемонію и обратилась опять къ свекру, какъ онъ схватилъ ее за руку, поглядѣть съ

пристально въ глаза, изъ которыхъ катились слезы, самъ заплакаль, крѣпко обняль, поцѣловаль и сказалъ: «Слава Богу! Пойдемъ же благодарить Его.» Онъ взяль невѣстку за руку, провелъ въ залу сквозь тѣсную толпу, постановиль возль себя,—и священникъ, ожидавшій ихъ въ полномъ облаченіи, возгласилъ: «Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.»

~~Одесъ 29.10.1900
Всѧко соревнование идетъ
и спошь читате~~

~~есть бо во драматическомъ
и юмористическомъ театре~~

~~А. С.~~

~~(лучшое замечание предложение)~~

~~и пѣтъ я въ садъ бы дрѣть
и не ищать какъ широкий.
Софка~~

ВОСПОМИНАНІЯ. О
С. Мурохів.

ГИМНАЗІЯ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

REGAMENT

ARMED FORCES

Болдераско
ГИМНАЗИЯ.

Занятие 11 шк. 1 класса
ПЕРИОДЪ ПЕРВЫЙ.

Въ серединѣ зимы 1799 года, пріѣхали мы въ губернскій городъ К.^{уань} Минъ было восемь лѣтъ. Морозы стояли трескучіе, и хотя заранѣе были наняты для нась двѣ комнаты въ маленькомъ домѣ капитанши Аристовой, но мы не скоро отыскали свою квартиру, которая, впрочемъ, находилась на хорошей улицѣ, называющейся «Грузинскою». Мы пріѣхали подъ вечеръ, въ простой рогожной повозкѣ, на тройкѣ своихъ лошадей (поваръ и горничная пріѣхали прежде нась); перѣѣздъ съ кормежки сдѣлали большой, долго ѻздили по городу, разсирашивая о квартирѣ, долго стояли по безтолковости деревенскихъ лакеевъ — и я помню, что озябъ ужасно, что квартира была холода, что чай не согрѣлъ меня и что я легъ спать, дрожа какъ въ лихорадкѣ; еще болѣе помню, что страстно любившая меня мать также дрожала; но не отъ холода, а отъ страха чтобъ не простудилось ея любимое дитя, ея Сереженька. Прижалвшись къ материнскому сердцу и прикрытымъ сверхъ одѣяла лисьимъ, атласнымъ, еще приданымъ салопомъ, я согрѣлся, уснуль и проснулся на другой день здоровымъ, къ неописанной радости моей встревоженной матери. Се-

стра моя и братъ, оба меня моложе, остались въ Симбирской губерніи, въ богатомъ сель Чуфаровъ у двоюродной тетки моего отца, оть которой въ будущемъ ожидали мы наслѣдства; но въ настоящее время она не помогала моему отцу ни одной копѣйкой и заставляла его съ семействомъ терпѣть не рѣдко нужду: даже взаймы не давала ни одного рубля. Не знаю, какія обстоятельства принудили моихъ родителей, при ихъ стѣсненномъ положеніи въ деньгахъ, прѣѣхать въ губернскій городъ К., но знаю, что это было сдѣлано не для меня, хотя вся моя будущность опредѣлилась этой поѣздкой. Проснувшись на другой день, я былъ пораженъ движеньемъ на улицѣ; до сихъ поръ я ничего подобнаго не видывалъ. Впечатлѣніе было такъ сильно, что я не могъ оторваться оть окошка. Не удовлетворяясь отвѣтами на мои разспросы, прѣѣхавшей съ нами женщины Параша, которая сама ничего не знала, я добился какої-то хозяйствской дѣвушки и мучилъ ее иѣсколько часовъ сряду, задавая иногда такие вопросы, на которые она отвѣтить не умѣла. Отецъ и матьѣздили въ соборъ, помолиться, и еще куда-то, по своимъ дѣламъ, но меня съ собою не брали, боясь жестокихъ крещенскихъ морозовъ. Обѣдали они дома, но вечеромъ опять уѣхали; утомленный новыми впечатлѣніями, я заснулъ раньше обыкновенаго, болтая и слушая болтовню Парашы; но только что разоспался, какъ ласковая рука той же Парашы бережно меня разбудила. Мнѣ сказали, что за мною прислали возокъ, что мнѣ надобно встать иѣхать въ гости, гдѣ ожидали меня отецъ и мать. Меня одѣли въ праздничное платье, умыли и причесали, закутали и посадили въ возокъ вмѣстѣ съ тою же Парашей. Вырванный изъ крѣпкаго ребячьяго сна, испуганный такимъ происшествіемъ, какого со мной никогда небывало, застѣнчивый оть природы, съ замирающимъ серд-

цемъ, съ предчувствіемъ чего-то страшнаго, тѣхъ я по опустѣвшимъ городскимъ улицамъ. Наконецъ мы прѣѣхали. Параша раздѣла меня въ лакейской, повторила мнѣ на ухо слова, нѣсколько разъ сказанныя дорогой, чтобы я не робъль, довела за руку до гостиной, лакей отворилъ дверь, и я вошелъ. Блескъ свѣчей и громкія рѣчи такъ меня смущили, что я остановился, какъ вкопанный у двери. Первый увидѣлъ меня отецъ и сказалъ: «а вотъ и рекрутъ.» Я смѣшился еще болѣе. «Лобъ» произнесъ чей-то громовой голосъ, и мужчина огромнаго роста поднялся съ кресель и пошелъ ко мнѣ. Я такъ перепугался, ибо понималъ страшный смыслъ этого слова, что почти безъ памяти бросился бѣжать. Громкой хохотъ всѣхъ присутствующихъ остановилъ меня; но матери моей не понравилась эта шутка: материнское сердце возмутилось испугомъ своего дитятки; она бросилась ко мнѣ, обняла меня, ободрила словами и ласками, и поплакавъ, я скоро успокоился. Теперь надобно разскажать, куда привезли меня: это былъ домъ стариныхъ друзей моего отца и матери Максима Дмитрича и Елизаветы Алексѣевны К-чей, которые прежде нѣсколько лѣтъ жили въ Уфѣ, гдѣ Максимъ Дмитричъ служилъ губернскимъ прокуроромъ (вместѣ съ моимъ отцомъ) и откуда онъ перѣѣхалъ, также прокуроромъ на службу въ К.^{урганъ} Максимъ Дмитричъ еще въ молодости выѣхалъ изъ Сербіи. Онъ прямо поступилъ въ кавалергарды, а потомъ опредѣленъ въ Уфу прокуроромъ Верхнаго Земскаго Суда. Онъ могъ называться вѣрнымъ типомъ южнаго Славянина, и отличался радушіемъ и гостепріимствомъ; хотя его наружность и пріёмы, при огромномъ ростѣ и рѣзкихъ чертахъ лица, сначала казались суровыми и строгими, но онъ имѣлъ предобрѣйшее сердце; жена его была русская дворянка Р-ва; домъ ихъ въ городе К. отличался вполнѣ славянскою надписью надъ

воротами: «Добрые люди, милости просимъ!» (*) — Когда К-чи жили въ Уфѣ, то мы видались очень часто, и мы съ сестрой играли вмѣстѣ съ ихъ старшими сыновьями, Дмитріемъ и Александромъ, которые также были тутъ и которыхъ я не скоро узналъ; но когда мать все это мнѣ напомнила и растолковала, то я вдругъ закричалъ: «Ахъ маменька, такъ это тѣ К-чи, которые учили меня бить лбомъ грекіе орѣхи.» Воскликаніе мое возбудило общий смѣхъ. Робость прошла, и я сдѣлался весель и вновь подружился съ старыми пріятелями; они были одѣты въ зеленые мундиры съ красными воротниками, и я узналъ что они отданы въ К-ую Гимназію, куда черезъ часъ ихъ увезли. Это случилось въ воскресенье; молодые К-чи были отпущенены къ родителямъ съ утра до восьми часовъ вечера. Мне стало скучно, и слушая разговоры моего отца и матери съ хозяевами, я задремалъ, какъ вдругъ долетѣли до дѣтскаго моего слуха слѣдующія слова, которыя навели на меня ужасъ и далеко прогнали сонъ. «Да, мой любезный Тимоѳей Степанычъ и почтенная Марья Николавна, говорилъ твердымъ и рѣзкимъ голосомъ Максимъ Дмитріевичъ, примите мой дружескій совѣтъ, отдайте Сережу въ гимназію. Особенно совѣтую я это потому, что онъ, кажется, матушкинъ сынокъ; она его избалуетъ, разинѣжитъ и сдѣлаетъ бабой. Мальчика пора учить; въ Уфѣ никакихъ учителей не было, кромѣ Матвѣя Васильича въ народномъ училищѣ, да и тотъ ничего не смыслилъ; а теперь вы переехали на житѣе въ деревню, гдѣ и Матвѣя Васильича не достанешь.» Мой отецъ безусловно соглашался съ этимъ мнѣніемъ, а мать, пораженная мыслью

(*) Надпись по длиннотѣ и крупнотѣ буквѣ не умѣщалась, а потому была написана слѣдующимъ образомъ: «Д. Л. Милости просимъ». Читал буквы по старинному, т.-е. «Добро Люди», получался почти тотъ же смыслъ, какой выражался въ полной надписи.

разлуки съ своимъ сокровищемъ, побѣдила и встревоженнымъ голосомъ возражала, что я еще малъ, слабъ здоровьемъ (отчасти это была правда) и такъ привязанъ къ ней, что она не можетъ вдругъ на это рѣшиться. Я сидѣль, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ, и уже ничего не слышалъ и не понималъ что говорили. Часовъ въ десять поужинали; но ни я, ни мать моя не могли проглотить ни одного куска. Наконецъ тотъ же возокъ, который привезъ меня, отвезъ насъ опять на квартиру. Когда мы легли спать, и я по обыкновенію обнялъ и прижался къ сердцу матери, то мы оба съ нею принялись громко рыдать. Кромъ словъ, заглушаемыхъ всхлипываньями: «Маменька, не отдавай меня въ гимназію» я ничего сказать не могъ. Мать также рыдала, и мы долго не давали спать моему отцу. Наконецъ мать рѣшила, что ни за что со мною не разстанется — и къ утру мы заснули.

Мы пробыли въ К.^{Чине} не долго. Посль я узналъ, что мой отецъ и К-чи продолжали уговаривать мою мать отдать меня немедленно на казенное содержаніе въ К-ую гимназію, убѣждая ее тѣмъ, что теперь есть ваканція, а въ послѣствіи можетъ быть ее не будетъ; но мать моя ни за что не согласилась и сказала рѣшительно, что ей надобно покрайней мѣрѣ годъ времени, чтобы совладѣть съ своимъ сердцемъ, чтобы самой привыкнуть и меня пріучить къ этой мысли. Отъ меня все было скрыто, и я повѣрилъ, что этой страшной бѣды никогда со мною не случится.

Мы опять потащились на своихъ лошадяхъ, сначала въ Симбирскую губернію, гдѣ взяли сестру и брата, и потомъ пустились за Волгу въ Новое Аксаково, гдѣ оставалась новорожденная сестра Аниушка. Ізда зимой на своихъ по проселочнымъ дорогамъ тогдашней Уфимской губерніи, гдѣ, по цѣльямъ десяткамъ верстъ, не встречалось

и никогда ни одной деревни, представляется мнъ теперь въ такомъ ужасномъ видѣ, что сердце замираетъ отъ одного воспоминанія. Проселочная дорога была ничто иное, какъ сѣль, проложенный нѣсколькими санями, по снѣжнымъ сугробамъ, при малѣйшемъ вѣтеркѣ совершенно заметаемый верхнимъ снѣгомъ. По такой-то дорогѣ надобно было тащиться гусемъ, часовъ семь сряду, потому что пряжки или переѣзды дѣлались верстъ по тридцати пяти и болѣе; да и кто мѣрилъ эти версты! Для этого надобно было подниматься съ ночлега въ полночь, будить разоспавшихся дѣтей, укутывать шубами и укладывать въ повозки. Скрыпъ отъ полозьевъ по сухому снѣгу, терзалъ мои чувствительныи нервы, и первыя сутки я всегда страдалъ желчной рвотой. Кормежки и почевки въ дымныхъ избахъ, вмѣстѣ съ поросятами, лгнятами и телятами, нечистота, вонь.... не дай Богъ никому и во снѣ все это увидѣть. Не говорю уже о буранахъ, отъ которыхъ иногда надобно было останавливаться въ какой-нибудь деревушкѣ, ждать сутокъ по двое, когда затихнетъ сибирский ураганъ.... Страшно вспомнить! Но мы прѣѣхали наконецъ въ мое милюе Аксаково, и все было забыто. Я началъ опять вести свою блаженную жизнь подъ моей матери; опять началъ читать ей вслухъ мои любимыи книжки: «Дѣтское чтеніе для сердца и разума, и даже, «Ипокрену или утѣхи любословія», конечно не въ первый разъ, но всегда съ новымъ удовольствіемъ; опять началъ декламировать стихи изъ трагедіи Сумарокова, въ которыхъ я особенно любилъ представлять Вѣстниковъ, для чего подпоясывался широкимъ кушакомъ и втыкалъ подъ него, вмѣсто меча, подоконную подставку; опять началъ играть съ моей сестрой, которую съ младенчества любилъ горячо, и съ маленьkimъ братомъ, валяясь съ ними на полу, устланному для теплоты въ два ряда калмыцкими, бѣлыми какъ снѣгъ, кошмами; опять началъ учить читать свою

сестрицу, она учила сначала какъ-то тупо и лѣниво, да и я разумѣется не умѣль приняться за это дѣло, хотя очень горячо имѣть занимался. Я очень помню, что никакъ не могъ растолковать моей шестилѣтней ученицѣ, какъ складывать цѣлья слова. Я приходилъ въ отчаяніе, садился на скамеечкѣ въ уголь и принимался плакать. На вопросъ же матери, о чёмъ я плачу? я отвѣчалъ: «сестрица ничего не понимаетъ....» Опять началь я спать съ своей кошкой, которая такъ ко мнѣ была привязана, что ходила за мной вездѣ какъ собаченка; опять принялся ловить птичекъ силками, крыть ихъ лучкомъ и сажать въ небольшую горницу, превращенную такимъ образомъ въ обширный садокъ; опять началь любовалася своими голубями, двухохлыми и мохноногими, которые зимовали безъ меня въ подпечкахъ по разнымъ дворовымъ избамъ; опять началь смотрѣть, какъ охотники травятъ сорокъ и голубей и кормятъ ястребовъ,пущенныхъ въ зиму. Не доставало дня, чтобы насладиться всѣми этими благами! Зима прошла и наступила весна, все зазеленѣло и разцвѣло, открылось множество новыхъ живѣйшихъ наслажденій: свѣтлые воды рѣки, мельница, прудъ, грачевая роща и островъ, окруженный со всѣхъ сторонъ старымъ и новымъ Бугурсланомъ, обсаженный тѣнистыми липами и березами, куда бѣгать я по иѣскольку разъ въ день, самъ не зная за чѣмъ; я стоять тамъ неподвижно, какъ очарованный, съ сильно бьющимся сердцемъ, съ прерывающимся дыханіемъ.... Всего же сильнѣе увлекала меня удочка, и я, подъ надзоромъ дядьки моего Ефрема Евсича, съ самозабвеніемъ предался охотѣ удить рыбу, которой много водилось въ прозрачномъ и омутистомъ Бугурсланѣ, протекавшемъ подъ самыми окнами деревенской спальни, прирубленной съ боку къ старому дому покойнымъ дѣдушкой, для того, чтобы у его невѣстки

была отдельная своя горница. Подъ самымъ окномъ, наклонясь надъ водой, росла развесистая береза, одинъ толстый ея сучекъ выгибался у ствола, какъ кресло: и я особенно любилъ сидѣть на немъ съ сестрой.... теперь воды Бугуруслана подмыли корни березы, она состарѣлась преждевременно и свалилась на бокъ, но все еще живеть и зеленеть. Новый хозяинъ посадилъ подъ нее новое дерево....

О, гдѣ ты волшебный міръ, Шехеразада человѣческой жизни, съ которымъ часто такъ неблагосклонно, грубо обходятся взрослые люди, разрушая его очарованіе насмѣшками и преждевременными рѣчами! Ты золотое время дѣтскаго счастія, память котораго такъ сладко и грустно волнуетъ душу старика! Счастливъ тотъ, кто имѣлъ его, кому есть что вспомнить! У многихъ проходить оно не замѣтно, или не радостно, и въ зрѣломъ возрастѣ остается только память холодности и даже жестокости людей.

Лѣто провелъ я въ такомъ же дѣтскомъ упоеніи и ничего не подозрѣвалъ; но осенью, когда я сталъ больше сидѣть дома, больше слушать и больше смотрѣть на мою мать, то стала примѣтать въ ней какую-то перемѣну: прекрасные глаза ея устремлялись иногда на меня съ особеннымъ выраженіемъ тайной грусти; я подглядывалъ даже слезы, старательно отъ меня скрываемыя; встревоженный и огорченный, со всеми ласками горячей любви, я приставалъ съ разспросами къ моей матери. Сначала она увѣряла меня, что это такъ, что это ничего не значитъ; но скоро въ ея разговорахъ со мной, я началъ слышать, какъ сокрушается она о томъ, что миň не у кого учиться, какъ необходимо ученіе мальчику; что она лучше желаетъ умереть, нежели видѣть дѣтей своихъ, выростающихъ невѣждами, что мужчинъ надоѣно служить, а для службы необходимо учиться.... Сердце сжалось у меня въ груди, я понялъ къ чему клонится рѣчь, понялъ, что

бѣда не прошла, а пришла, и что мнѣ не уйти отъ К.^{оневік} гимназіи. Мать подтвердила мою догадку и сказала, что она рѣшилась; а я зналъ, что ея рѣшенья тверды. Несколько дней я только плакалъ и ничего не слушалъ, и какъ будто не понималъ, что говорила мнѣ мать. Наконецъ ея слезы, ея просьбы, ея разумныя убѣжденія, сопровождаемыя нѣжнѣйшими ласками, горячность ея желанія видѣть во мнѣ образованнаго человѣка, были поняты моей дѣтской головой, и съ растерзаннымъ сердцемъ я покорился ожидающей меня участіи. Всѣ мои деревенскія удовольствія вдругъ потеряли свою прелесть, ни къ чему меня не тянуло, все смотрѣло чужимъ, все опостылило, и только любовь къ матери выросла въ такихъ размѣрахъ, которые пугали ее. Меня стали приготавлять къ школьному учению. Для своего возраста я читалъ какъ нельзя лучше, но писаль по-дѣтски. Отецъ еще прежде хотѣлъ мнѣ передать всю свою ученость въ математикѣ, то-есть, первыя четыре ариѳметическія правила, но я такъ непонятливо и лениво училъся, что онъ бросилъ ученье. Тутъ все переменилось: въ два мѣсяца я выучилъ эти четыре правила, которыхъ только одинъ изъ всей математики и теперь не позабыты мной; въ оставшее время до отъѣзда въ К.^{оневік} отецъ только повторялъ со мной задачи; въ списываніи прописей я достигъ также возможнаго совершенства. Все это я дѣлалъ на глазахъ у своей матери и единственно для нее. Она сказала мнѣ, что сгоритъ со стыда, если меня не похвалить на экзаменѣ, который надобно было выдержать именно въ этихъ предметахъ, при вступленіи въ гимназію, что онаувѣрена въ моихъ отличныхъ успѣхахъ,—этого было довольно. Я не отходилъ отъ матери ни на шагъ. Напрасно посыпала она меня погулать, или посмотреть на голубей и ястребовъ. Я никуда не ходилъ и всегда отвѣчалъ одно: «мнѣ

не хочется, маменька.» Съ намѣрениемъ пріучить меня къ мысли о разлука, мать безпрестанно говорила со мной о гимназіи, объ ученьѣ, непремѣнно хотѣла въ послѣдствіи отвезти меня въ Москву и отдать въ университетскій благородный пансионъ, куда нѣкогда опредѣлила она, будучи еще семнадцатилѣтней дѣвушкой, прямо изъ Уфы, своихъ братьевъ. Умъ мой былъ развернутъ не по лѣтамъ: я много прочелъ книги для себя и еще больше прочелъ ихъ вслухъ для моей матери; разумѣется книги были старше моего возраста. Надобно къ этому прибѣзвить, что все мое общество составляла мать, а извѣстно, какъ общество взрослыхъ развивается дѣтей. И такъ она могла говорить со мной о преимуществахъ образованнаго человѣка передъ невѣждой, и я могъ понимать ее. Будучи необыкновенно умна, владѣя рѣдкимъ даромъ слова и страстнымъ, увлекательнымъ выраженiemъ мысли, она безгранично владѣла всѣмъ моимъ существомъ и вдохнула въ меня такую бодрость, такое рвение скорѣе исполнить ея пламенное желаніе, оправдать ея надежды, что я наконецъ съ нетерпѣniемъ ожидалъ отъѣзда въ К.^{урганъ}. Мать моя казалась бодрою и веселою; но чего стоили ей эти усилия! Она худѣла и желѣзла съ каждымъ днемъ; никогда не плакала, и только больше обыкновенного молилась Богу, запершись въ своей комнатѣ. Вотъ гдѣ было настоящее торжество безграничной, безкорыстной, полной самоотверженія, материнской любви! Вотъ гдѣ доказала мнѣ мать любовь свою! Я былъ прежде больной ребенокъ, и она нѣкогда проводила цѣлые годы безотлучно у моей дѣтской кро- вати; никто не зналъ, когда она спала; ничья рука, кроме ея, ко мнѣ не прикасалась. Въ послѣдствіи она перешла весною, въ ростополь, страшную, посинѣвшую рѣку Каму, уже ни для кого не проходимую, ежеминуто готовую взломать свои льды, — узнавъ что тоска меня одолѣла и

что я лежу въ больницѣ... но это ничего не значитъ въ сравненіи съ рѣшимостью: отдать въ гимназію свое не-наглядное, слабое, изнѣженное, буквально обожаемое дитя, по девятому году, на казенное содержаніе, за четыреста верстъ, потому-что не было другихъ средствъ доставить ему образованіе.

Пришла опять зима, и въ декабрѣ мы отправились въ К.^{около}. Чтобы не такъ было грустно матери моей возвращаться домой, по настоянію отца взяли съ собой мою любимую старшую сестрицу; брата и меньшую сестру оставили въ Аксаковѣ съ тетушкой Евгенией Степановной. Въ К.^{около} мы остановились на прошлогодней квартирѣ у капитанши Аристовой. Съ Максимомъ Дмитричемъ К—мъ мы переписывались изъ деревни; заранѣ знали, что есть казен-ная ваканція въ гимназіи, и заранѣ приготовили всѣ бумаги, нужныя для моего опредѣленія. И такъ недѣли черезъ двѣ, познакомясь предварительно черезъ К-ча со всѣми лицами, съ которыми надобно было имѣть дѣло, и помоливь усердно Богу, отецъ мой подалъ просьбу директору Пекену.

Совѣтъ гимназіи предложилъ главному надзирателю (онъ же былъ инспекторомъ) Николаю Ивановичу К—ву проэкзаменовать меня, а доктору Бенису освидѣтельство-вать въ медицинскомъ отношеніи. К—въ находился въ от-пуску; должность главнаго надзирателя исправлялъ над-зиратель благонравной комнаты, Василий Петровичъ Упады-шевскій, а должность инспектора классовъ—старшій учитель Россійской словесности, Левъ Семенычъ Левитскій. Оба были добрые и ласковые люди, а Упадышевской впослѣд-ствіи сдѣлался истиннымъ ангеломъ хранителемъ моимъ и моей матери: я не знаю, что было бы съ нами безъ этого bla-годѣльнаго старика. Позѣхавъ подавать просьбу директору, отецъ взялъ меня съ собою, и директоръ принялъ меня.

Левитский былъ нездоровъ и не могъ прѣхать въ совѣтъ гимназіи, и потому отецъ повезъ меня къ нему на квартиру. Левъ Семенычъ былъ любезный, веселый, краснощекій толстякъ, уже съ порядочнымъ брюшкомъ, не смотря на свою молодость. Онъ очаровалъ своимъ пріемомъ обоихъ нась: началь съ того, что разлакалъ и разговаривалъ меня, даль мнѣ читать прозу Карамзина и стихи Дмитріева — и пришелъ въ восхищеніе, находя, что я читаю съ чувствомъ и пониманіемъ; заставилъ меня что-то написать — и опять пришелъ въ восхищеніе; въ четырехъ правилахъ ариѳметики я также отличился; но Левитскій, какъ настоящій словесникъ, тутъ же отозвался о математикѣ съ пренебреженіемъ. По окончаніи экзамена, онъ принялъ меня хвалить безпощадно; удивлялся, что мальчикъ моихъ лѣтъ, живя въ деревнѣ, могъ быть такъ хорошо приготовленъ. «Да кто же былъ его учителемъ въ каліграфії? добродушно смыясь, спросилъ Левъ Семенычъ у моего отца — вашъ собственный почеркъ не очень красивъ!» Отецъ мой, обрадованный и растроганный почти до слезъ похвалами своему сыну, простодушно отвѣчалъ: что я достигъ до всего своими трудами подъ руководствомъ матери, съ которой былъ почти неразлученъ, и что онъ только выучилъ меня ариѳметикѣ. Онъ прибавилъ къ этому, что моя мать жила всегда въ губернскомъ городѣ, что мы недавно перѣхали въ деревню, что она дочь бывшаго Товарища Намѣстника, и большая охотница до книгъ и до стиховъ. «А, теперь я понимаю, воскликнулъ Левитскій, отчего печать благонравія, и даже изящества лежитъ на вашемъ миломъ сынѣ — это плодъ женскаго воспитанія, плодъ трудовъ образованной матери.» Мы уѣхали очарованные имъ. Докторъ Бенисъ, который имѣлъ прекрасный домъ на Лядской улицѣ, принялъ нась очень учтиво, и безъ всякаго затрудненія далъ свидѣтельство о

моемъ здоровьѣ и крѣпкомъ тѣлосложеніи. Воротясь домой, я заметилъ, что мать моя много плакала, хотя глаза ея были такого свойства, что слезы не мутили ихъ ясности и никакого слѣда не оставляли. Отецъ мой съ жаромъ рассказалъ все случившееся съ нами. Мать устремила на меня взглядъ, выраженія котораго я не забуду, если проживу еще сто лѣтъ. Она обняла меня и сказала: «ты мое счастье, ты моя гордость.» Чего мнѣ было болѣе? и я по своему былъ счастливъ, гордъ и бодръ.

Мать моя сдѣлала визитъ женѣ доктора Бениса и познакомилась съ нимъ самимъ. Молодости, красотѣ, уму и слезамъ моей матери трудно было отказать въ сочувствіи; докторъ и докторша полюбили её, и докторъ далъ ей обѣщаніе, что въ случаѣ малъшаго моего нездоровья, будуть мнѣ оказаны всѣ медицинскія пособія. Обѣщаніе страшное по моимъ теперешнимъ понятіямъ; но тогда оно нѣсколько успокоило мою бѣдную мать.—Василий Петровичъ Упадышевскій былъ вдовецъ и двое его сыновей находились въ числѣ казенныхъ воспитанниковъ К^{азанской} гимназіи. Отецъ мой познакомился съ нимъ и пригласилъ его къ намъ на квартиру. Этотъ добрый старикъ былъ такъ обласканъ моей матерью, такъ оцѣнилъ ея горячность къ сыну и такъ полюбилъ ее, что въ первое же свиданіе далъ честное слово: во первыхъ, черезъ недѣлю перевѣстъ меня въ свою благонравную комнату—ибо прямо помѣстить туда неизвѣстнаго мальчика, показалось бы для всѣхъ явнымъ пристрастіемъ—и во вторыхъ, смотрѣть за мной болѣе, чѣмъ за своими поварами, то-есть, своими родными сыновьями. Онъ свято исполнилъ и то и другое. Какъ теперь гляжу на его добродушное и привѣтливое лицѣ, на его правую руку, подвязанную черной широкой лентой, потому что кисть руки была оторвана взрывомъ пушки и вместо нее привязывалась къ рукѣ черная пер-

чатка, набитая хлопчатой бумагой; впрочемъ онъ очень четко и хорошо писалъ лѣвой рукою.

Наконецъ всѣ формальности были выполнены, и состоялось опредѣленіе совѣта принять меня въ Гимназіо, на казенное содержаніе; даже сняли съ меня мѣрку и сшили форменное платье. Напряженное состояніе духа, въ которомъ находилась мать моя и я самъ, не ослабѣвало. Потѣхали въ соборъ, отслужили молебны Гурію, Варсонофію и Герману Казанскимъ Чудотворцамъ; прямо оттуда отецъ съ матерью отвезли меня въ Гимназіо и отдали съ рукъ на руки Упадышевскому; дядька мой, Ефремъ Евсеичъ, также поступилъ туда въ должность комнатнаго служителя. Прощанье, разумѣется, сопровождалось слезами, благословеніями и наставленіями, но ничего особеннаго не случилось. Меня отвезли поутру въ 10 часовъ: классы только что перемѣнились (*) и всѣ ученики находились въ классныхъ комнатахъ на верху. Спальные внизу были пусты, и мать моя могла смотрѣть ихъ, даже видѣть ту кровать, на которой я буду спать; казалось, она вѣмъ осталась довольна. Какъ только уѣхали мои родители, Упадышевскій взялъ меня за руку, отвелъ въ классъ чистописанія, представилъ учителю, рекомендовалъ, какъ самаго благонравнаго мальчика, и просилъ особенно мнѣ заняться. Меня посадили за отдельный столъ, вмѣстѣ съ новенькими, и заставили выписывать палочки. Я былъ такъ пораженъ, что находился точно въ какомъ-то забытьѣ; все казалось мнѣ сномъ, но страха и тоски я не чувствовалъ. Послѣ обѣда, котораго я не замѣтилъ, надѣли на меня формен-

(*) Утренніе классы зимой начинались въ восемь часовъ; въ десять перемѣнились учителя; въ двѣнадцать классы оканчивались; въ половинѣ первого обѣда; лѣтомъ же классы начинались въ семь часовъ, оканчивались въ одиннадцать, обѣдали ровно въ двѣнадцать, послѣ обѣда ученіе всегда начиналось въ два и оканчивалось въ шесть часовъ; ужинали въ восемь, ложились спать въ девять, вставали въ пять часовъ.

ную мундирную куртку, повязали суконный галстукъ, острigli волосы подъ гребенку, поставили во фрунгъ по ранжиру, по два человѣка въ рядъ, подъ ученика, Владимира Граффа, и сейчасъ выучили ходить въ ногу. Я все исполнялъ, какъ говорится, машинально: точно дѣло шло не обо мнѣ. По окончаніи классовъ, Упадышевскій встрѣтилъ меня у дверей и сказавъ: «матушка тебя дожидается», отвелъ меня въ пріемную залу. Отецъ съ матерью были тамъ; отецъ увидя меня разсмѣялся и сказалъ: «вотъ какъ перерядили Сережу». А мать, которая въ первую минуту меня не узнала, всплеснула руками, ахнула и упала безъ чувствъ. Я закричалъ, какъ изступленный, и также упалъ у ея ногъ. Упадышевскій, смотрѣвшій въ неопрятную дверь, перепугался и прибѣжалъ на помощь. Обморокъ моей матери продолжался около получаса, напугалъ моего отца и такъ встревожилъ бѣдного Упадышевскаго, что онъ призвалъ изъ больницы жившаго тамъ подлекаря Риттера, который давалъ матери моей какое-то лекарство, и даже мнѣ что-то далъ выпить. Когда мать опомнилась, то сдѣлалась очень слаба и добрый Упадышевскій самъ предложилъ отпустить меня ночевать домой: «такъ и быть, говорилъ онъ, пусть прогибается на меня Николай Иванычъ (главный надзиратель), когда воротясь узнаетъ объ этомъ; правда, онъ ни за чтобы не позволилъ, но я ужъ беру все на свою ответственность, только пожалуста привезите его завтра къ семи часамъ, прямо къ завтраку». Мы не находили словъ благодарить добрачаго человѣка и отправились на квартиру. Дома, мать одумалась, ободрилась и меня ободрила. Она заставила себя спокойно смотрѣть на мою, почти выбритую голову, гдѣ рука ея напрасно искала мягкихъ, блокурыхъ кудрей моихъ, на суконный галстукъ, который уже успѣла натереть мою нѣжную шею, никогда еще неносившую и

шелковаго платка. Во всемъ находила она разумную потребность, которой должно было покориться. Взаимная наша твердость духа и рѣшимость, съ новою силою овладѣли нами. На другой день въ семь часовъ, я бытъ уже въ гимназіи. Мать пріѣзжала ко мнѣ всякой день два раза, въ двѣнадцать часовъ передъ обѣдомъ, всего на полчаса, и въ шесть часовъ* вечера, и тогда я могъ оставаться съ ней часа полтора. При свиданьяхъ со мною она казалась спокойною и даже веселою; но по печальному лицу моего отца я отгадывалъ, что дома безъ меня происходило со всѣмъ другое. Черезъ нѣсколько дней, отецъ мой убѣдился, что дѣла такъ продолжаться не могутъ и что эти беспрестанныя свиданья и прощанья — только одно бесполезное мученіе; онъ призвалъ на совѣтъ К — ча, и они вмѣстѣ рѣшили увезти немедленно мою мать въ деревню. Рѣшить было легко, да исполнить трудно: отецъ мой зналъ это очень хорошо; но сверхъ его ожиданья, и къ большому удовольствію, мать моя скоро уступила общимъ просьбамъ и убѣженіямъ. Слова доктора Бениса, принявшаго въ этомъ дѣлѣ участіе, безъ сомнѣнія имѣли большую значительность. Онъ увѣрялъ, что частыя свиданья, раздражая мои слабыя нервы, вредны моему здоровью и что я никогда или очень долго не привыкну къ новой моей жизни, если мать моя не уѣдетъ. Даже добрѣйшій Упадышевскій упрашивалъ о томъ же, утверждая, что въ такомъ положеніи я не могу хорошо учиться и что учителя получать обо мнѣ дурное мнѣніе.... и мать моя согласилась уѣхать на другой же день. Удивляясь только одному, какъ она могла рѣшиться обмануть меня? Она сказала мнѣ передъ обѣдомъ, что завтра или послѣ завтра уѣзжаетъ и что мы еще увидимся раза два; сказала также, что вечеръ проведеть у К—чей и потому ко мнѣ не пріѣдетъ. Уѣхать тихонько, не простясь со мной

— это была несчастная мысль, поддержанная Бенисомъ и Упадышевскимъ. Разумѣется хотѣли пощадить насъ обоихъ, и особенно меня, отъ послѣднаго прощанья, но разсчетъ оказался не вѣренъ. Я и теперь убѣжденъ, что эта благонамѣренная хитрость произвела много печальныхъ послѣствій.

Въ первый разъ случилось, что мать не прѣхала ко мнѣ вечеромъ, ц хотя я былъ предупрежденъ ею, но тоска и предчувствіе неизвѣстной бѣды томили мое сердце. Ночь спалья я дурно. На другой день по утру, когда я стала одѣваться, дядька мой Евсеичъ подалъ мнѣ записку: мать прощалась со мной; она писала, что если я люблю ее и хочу, чтобы она была жива и спокойна, то не буду грустить и стану прилежно учиться. Она уѣхала ваканунъ въ восемь часовъ вечера. Ясно помню я эту минуту, но описать ее не-умѣю: что-то болѣзненное произило мою грудь, сжало ее и захватило дыханіе; черезъ минуту началось страшное біеніе сердца. Полуодѣтый, я сѣлъ на кровать и съ безумнымъ отчаяніемъ глядѣть на всѣхъ, ничего не слушая и ничего не понимая. Упадышевскій, который дни за два перевѣзъ меня въ свою благонравную комнату и который зналъ объ отѣздѣ матери моей, съдовательно понималъ причину моего состоянія,—не вѣльмъ меня трогать, увелъ поскорѣе воспитанниковъ на верхъ, поручилъ ихъ одному изъ надзирателей и прибѣжалъ ко мнѣ: я сидѣлъ на кровати въ томъ же положеніи; Евсеичъ стоялъ передо мною и плакалъ. Что ни говорилъ Упадышевскій, я не слыхалъ и молчалъ. Я не могъ сообразить ни какой мысли и глаза у меня были, какъ мнѣ послѣ сказали, дикіе и неподвижные. Меня отвели въ больницу; я и тамъ сѣлъ безсознательно на кровать и сидѣлъ также молча и глядѣть также дико. Черезъ часъ прѣхала Бенисъ, онъ осмотрѣлъ меня по докторски, покачалъ

головой и сказалъ что-то по французски; послѣ я узналъ отъ другихъ, что онъ сказалъ: «rauvre enfant.» Миъ дали проглотить отвратительное лекарство, раздѣли, положили въ постель и принялись тереть суконками. Скоро сильный ознобъ и дрожь привели меня въ память. Я громко закричалъ: «маменька уѣхала!...» и ручки задержанныхъ слезъ хлынули изъ моихъ глазъ. Бенисъ видимо обрадовался, сѣлъ подъ меня и началъ говорить объ отѣзда моей матери, о необходимости этого отѣзда для ея здоровья, о вредныхъ слѣдствіяхъ прощанья и о томъ, какъ долженъ вести себя умнѣнїй мальчикъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, любящій свою мать и желающій ее успоконть... Его слова были вдохновеніемъ свыше, потому-что докторъ, будучи весьма почтеннymъ человѣкомъ, не отличался нѣжностію и мягкостію характера; слезы мои потекли еще сильнѣе, но мнѣ стало легче. Бенисъ уѣхалъ. Я рыдалъ еще часа два и наконецъ заснулъ отъ утомленія, и благотворный сонъ подкрѣпилъ мой слабый организмъ. Упадышевскій приходилъ ко мнѣ несколько разъ; даже принесъ мнѣ для развлечения: «Дѣтское училище», котораго я еще не видывалъ. Упадышевскій зналъ что я былъ страшній охотникъ читать; но мнѣ было тогда еще не до чтенія. Я попросилъ позволенія писать, и писать къ отцу и къ матери весь день и весь вечеръ, и почти безпрестанно плакать. Ночь я спалъ беспокойно и много грезилъ, къ чему я всегда былъ склоненъ. Евсевичъ не отходилъ отъ меня. На другой день по утру Бенисъ нашелъ мое здоровье въ лучшемъ положеніи, выписалъ изъ больницы, потому что считалъ вреднымъ для меня, въ нравственномъ отношеніи, и бездѣйствіе и пребываніе между больными, и вѣльть занимать слегка ученьемъ. Упадышевскій опять самъ отвелъ меня въ учебныя комнаты, и я попалъ опять въ тотъ же классъ чистопи-

санія и потомъ въ классъ къ священнику. Два часа слушалъ я, какъ сказывали мои товарищи свои уроки изъ катехизиса и священной истории, какъ священникъ задавалъ новый урокъ и что-то много толковалъ и объяснялъ; но я не только въ этотъ разъ, но и во все время пребыванія моего въ гимназіи не понималъ его толкованій. Своихъ уроковъ на этотъ разъ я не зналъ. Священникъ былъ предупрежденъ о моемъ болѣзненному состояніи и хотя онъ былъ человѣкъ весьма не снисходительный и строгій, но ограничился однимъ выговоромъ и вѣлько приготовить уроки къ слѣдующему разу. Послѣ обѣда, чтобы я не оставался празднымъ и не предался грустнымъ мыслямъ, Упадышевскій поручилъ одному изъ старшихъ воспитанниковъ, Илью Жеванову, хорошо рисовавшему, занять меня рисованіемъ, къ чему въ дѣствѣ я имѣлъ большую склонность. Я самъ слышалъ, какъ этого добрѣйшаго старика просилъ Жеванова: сдѣлать ему большое одолженіе, котораго онъ никогда не забудетъ,—заняться рисованіемъ съ бѣднымъ мальчикомъ, который очень тоскуетъ по матери — и Жевановъ занимался со мной; но учение не только въ этотъ разъ, но и впослѣдствіи, не пошло мнѣ въ прокъ: рисованье кружковъ, бровей, носовъ, глазъ и губъ, навсегда отвратило меня отъ рисованья. Послѣ же вечернихъ классовъ, все тотъ же благодѣтельный геній мой, Василий Петровичъ Упадышевскій, заставилъ меня твердить уроки возлѣ себя и видя, что я самъ не понимаю, чтѣ твержу, начиналъ со мною разговаривать о моей деревенской жизни, обѣ моемъ отцѣ и матери, и даже позволялъ немножко поплакать. Я не знаю, какъ пошла бы моя жизнь дальше; но тутъ внезапно все перемѣнилось: на третій день во время обѣда, Евсенть подальше мнѣ записочку отъ матери, которая писала ко мнѣ, что она стосковалась, не простившись со мною какъ слѣдуетъ, и

что она, отъехавъ 90 верстъ, воротилась назадъ, чтобы еще разъ взглянуть на меня хотя одну минуту. Я никакъ не могу объяснить себѣ, отъ чего въ первую минуту я не почувствовалъ той великой радости, которую, казалось бы, должно было мнѣ почувствовать? Я будто испугался, будто не повѣрилъ, будто грезилъ во снѣ.... Упадышевскій также получилъ записку: мать просила отпустить меня съ шести до девяти часовъ вечера, а если нельзя, то хотѣла прѣѣхать сама; къ этому прибавляла она, что пробудеть въ К.^{огород} только до утра. Упадышевскій приказалъ мнѣ написать, чтобы Марья Николаевна не беспокоилась и сама не прѣѣзжала, что онъ отпуститъ меня съ дядькой, можетъ быть ранѣе шести часовъ, потому что на послѣдніе часы учитель по болѣзни, вѣроятно не придется, и что я могу остаться у ней до семи часовъ утра. Я писалъ эти слова и рѣшительно думалъ, что вижу сонъ. Евсейчъ побѣжалъ съ моимъ письмомъ. Часа черезъ полтора, онъ воротился съ такой радостной запиской, съ такой горячей благодарностью Упадышевскому, что старикъ прослезился, прочитавъ письмо моей матери. Евсейчъ рассказалъ намъ, что барыня воротилась одна изъ села Алексѣевскаго, въ 90 верстахъ отъ К.^{огород} по почтовому тракту, что баринъ остался тамъ съ барышней, которая не здорова, и что мать моя прискакала на почтовыхъ, въ легкой ямской повозкѣ, съ одной горничной и однимъ человѣкомъ. Я какъ будто началъ приходить въ себя, началъ вѣрить своему благополучію, и вскорѣ такъ повѣрилъ, что послѣдній часъ ожиданія былъ для меня невыносимой пыткой. Учитель точно увѣдомилъ, что не будетъ,—и въ четыре часа и пять минутъ, я сѣть съ моимъ дядькой въ извозчики сани, уже не помня себя отъ неописанной радости. Мать моя остановилась, у кого не помню, на Проломной улицѣ, только это было не постоя-

лый дворъ. Вбѣжавъ въ комнату, я издали увидѣлъ, что мать моя, блѣдная и худая, сидѣть въ тепломъ салонѣ, у затопленнаго камина, потому что комната была очень холодна. Эта минута свиданія была такова, что не возможно дать о ней понятія! Подобнаго чувства счастія, я не испытывалъ уже во всю мою жизнь. Нѣсколько минутъ мы ничего не говорили, только плакали и радовались. Но это продолжалось не долго. Скоро мысль о близкой разлукѣ отогнала всѣ другія мысли и чувства и болѣзненно сжала мое сердце. Съ горькими слезами рассказалъ я матери все, происходившее со мной, со времени внезапнаго ея отъѣзда. Я испугался, какое дѣйствіе произвѣль мой разсказъ! Какъ обвиняла себя, и какъ раскаивалась бѣдная мать моя, что согласилась обмануть меня и уѣхать не простясь! Потомъ она рассказала мнѣ про себя; она не помнила какъ выѣхала изъ К., потому что ей сдѣлалось дурно, когда ее усадили въ повозку. По мѣрѣ удаленія отъ города, съ каждымъ часомъ становилось ей тошнѣ; скоро овладѣла ею мысль воротиться назадъ; но убѣженія отца и собственный разсудокъ удерживали на некоторое время стремленіе материнской любви. Наконецъ она была не въ состояніи противиться своимъ чувствамъ и воротилась одна, потому что побоялась растрясти мою сестру, и безъ того не здоровую. Мой отецъ и сестра должны были дожидаться ее въ Алексѣвскомъ; для сестры моей даже нуженъ былъ отдыkhъ. Цѣлый вечеръ и большую половину ночи, провели мы въ разговорахъ и слезахъ; но какъ всему есть мѣра, то и мы, можно сказать, пресытились слезами и заснули. Я помню, что нѣсколько разъ вздрагивалъ во снѣ и начиналъ рѣдать; но мать обнимала меня, клала мою голову къ себѣ на грудь, и я снова засыпалъ. Въ шесть часовъ насъ разбудили. Мы были спокойнѣе и бодрѣе. Мать дала

мнъ обѣщаніе, что по первому лѣтнему пути она прѣдѣтъ въ К.^{одинъ} и проживетъ до окончанія экзаменовъ; а послѣ гимназического акта, который всегда бывалъ въ первыхъ числахъ Іюля, увезетъ меня на вакацію въ деревню, гдѣ я проживу до половины Августа. Отрадное чувство наполнило мое сердце; мы простились довольно спокойно. Въ семь часовъ мать моя сѣла въ свою ямскую кибитку, а я съ Евсейчемъ въ извозчики сани, и мы въ одно время сѣхали со двора: повозка поѣхала на право къ заставѣ, а я на лѣво въ гимназію; скоро мы свернули съ улицы въ переулокъ, и кибитка исчезла изъ моихъ глазъ. Сердце у меня оторвалось, какъ говорится, грусть залегла въ душѣ; но голова не была смущена, я понималъ ясно, что вокругъ меня происходило и что ожидаетъ впереди. Огромное бѣлое зданіе гимназіи, съ яркозеленої крышей и куполомъ, стоящее на горѣ, сейчасъ бросилось мнъ въ глаза и поразило меня, какъ будто я его никогда не видывалъ. Оно показалось мнъ страшнымъ, очарованнымъ замкомъ (о которыхъ я читывалъ въ книжкахъ), тюрьмою, гдѣ я буду колодникомъ. Огромная дверь на высокомъ крыльцѣ между колоннами, которую распахнуль старый инвалидъ и которая, казалось, проглотила меня; дѣвъ широкія и высокія лѣстницы, ведущія во второй и третій этажъ изъ сѣней, освѣщаемыя верхнимъ куполомъ; крикъ и гуль смѣшанныхъ голосовъ, встрѣтившій меня издали, вылетавшій изъ всѣхъ классовъ, потому что учителя еще не пришли — все это я увидѣлъ, услышалъ и понялъ въ первый разъ. Не смотря на то, что я жилъ въ гимназіи уже болѣе недѣли — я не замѣчалъ ее. Только теперь почувствовалъ я себя казеннымъ воспитанникомъ казеннаго учебнаго заведенія. Цѣлый день я удивлялся всему, какъ будто новому, невиданному, и Боже мой! какъ все показалось мнъ противно! Вставанье по

звонку, за долго до свѣта, при потухшихъ и потухающихъ ночникахъ и сальныхъ свѣчахъ, наполнявшихъ воздухъ нестерпимой воцю; холодъ въ комнатахъ (*), отъ чего вставать еще непріятнѣе бѣдному дитяти, кое-какъ согрѣвшемуся подъ байковымъ одѣяломъ; общественное умыванье изъ мѣдныхъ рукомойниковъ, около которыхъ всегда бываетъ скора и драка; ходьба фрунтомъ на молитву, къ завтраку, въ классы, къ обѣду и т. д.; завтракъ, который состоялъ въ скоромные дни изъ стакана молока, пополамъ съ водою, и булки, а въ постные дни — изъ стакана сбитня съ булкой; въ такомъ же родѣ обѣдъ изъ трехъ блюдъ и ужинъ изъ двухъ.... Чѣмъ все это должно было казаться изнѣженному, избалованному мальчику, котораго мать воспитывала съ роскошью, какъ-будто отъ большаго состоянія? Но всего больше приводили меня въ отчаяніе товариши: старшіе возрастомъ и ученики среднихъ классовъ не обращали на меня вниманія, а мальчики однихъ лѣтъ со мною и даже моложе, находившіеся въ нижнемъ классѣ, по большей части были нестерпимые шалуны и озорники; съ остальными я имѣлъ такъ мало сходнаго, общаго въ нашихъ понятіяхъ, интересахъ и нравахъ, что не могъ съ ними сблизиться, и посреди многочисленнаго общества оставался уединеннымъ. Всѣ были здоровы, довольны и нестерпимо веселы, такъ что я не встрѣчалъ ни одного сколько-нибудь печального или задумчиваго мальчика, который могъ бы принять участіе въ моей постоянной грусти. Я смѣло бросился бы къ нему на шею и подѣлился бы моимъ внутреннимъ состояніемъ. «Что это за чудо, думалъ я, вѣрно у этихъ дѣтей нѣтъ ни

(*) Въ спальняхъ держали 12 градусовъ тепла, что кажется и теперь сбывающимся во всѣхъ казенныхъ учебныхъ зведеніяхъ и что по моему решитель но вредно для здоровья дѣтей. Нужно не мене 14 градусовъ.

отца, ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ, ни дому, ни саду въ деревнѣ и начинай сожалѣть о нихъ. Но скоро удостовѣрялся, что почти у всѣхъ были отцы и матери и семейства, а у иныхъ и дома и сады въ деревнѣ; но только недоставало того чувства горячей привязанности къ семейству и дому, которымъ было преисполнено мое сердце. Само собою разумѣется, что я, какъ нелодимъ, какъ иѣженка, недорога, какъ матушкинъ сынокъ, который все хнычетъ по маменьки, — сейчасъ сдѣлался предметомъ на смѣшекъ своихъ товарищѣй; отъ этого не могли оградить меня, ни власть, ни нравственное влияніе Василья Петровича Упадышевскаго, который не переставалъ и днемъ и ночью наблюдать за мной. Онъ самъ запретилъ мнѣ жаловаться на обиды товарищѣй, хорошо зная, какъ ненавидятъ въ училищахъ ябдниковъ, клеймя этимъ именемъ всякаго, кто пожалуется начальству на оскорблѣніе товарищѣй. Онъ поставилъ мою кровать между кроватями Кондырева и Мореева, которые были гораздо старше меня и оба считались самыми степennыми и въ тоже время неуступчивыми учениками; онъ поручилъ меня подъ ихъ защиту, и по ихъ милости, никто изъ шалуновъ не смѣлъ подходить къ моей постели. Надобно замѣтить, что тогда не было у насъ рекреаціонныхъ залъ и что казенные воспитанники и пансионеры все свободное время отъ ученія проводили въ спальняхъ.

Съ самыхъ первыхъ дней, послѣ окончательной разлуки съ матерью, я принялъ сѣ жаромъ за ученье. Я упросилъ моихъ учителей (все черезъ Упадышевскаго), чтобы мнѣ задавали не по одному, а по два и по три урока, для того чтобы догнать старшихъ учениковъ и не сидѣть на одной лавкѣ съ новенькими. Способность пониманія и память были у меня сильно развиты; черезъ мѣсяцъ я не только перегналъ и оставилъ позади новень-

кихъ, но во всѣхъ классахъ сѣть за первый столъ вмѣстѣ съ лучшими воспитанниками. Это обстоятельство усилило нерасположеніе ко мнѣ и тѣхъ, которыхъ я обогналъ, и тѣхъ, съ которыми я сравнялся.

Въ самое это время воротился къ своей должности главный надзиратель, Николай Иванычъ Куревъ. Не знаю, по справедливости ли считался онъ очень умнымъ человѣкомъ, но то вѣрно, что онъ былъ человѣкъ холодный, твердый, говорившій всегда тихо и съ улыбкой, и действовавшій съ непреклонною волею. Всѣ безъ исключенія боялись его гораздо больше, чѣмъ директора. Онъ любилъ власть, умѣлъ пріобрѣсть еси пользовался ею съ педантическою точностью.—Упадышевскій отгадалъ, что Николай Иванычъ на него прогнѣвается; онъ сейчасъ узналъ всѣ отступленія отъ устава гимназіи, которая сдѣлала для меня и для моей матери, исправлявшій его должностъ надзиратель, то-есть: несвоевременное свиданіе съ родителями, тогда какъ для того были назначены известные дни и часы, беззаконные отпуски домой, и особенно отпуски на ночь. Главный надзиратель задалъ такую гонку моему благодѣтелю, что старикъ долго ходилъ задумавшись. К—въ сказацъ ему съ тихою улыбкою, что если что-нибудь подобное случится еще одинъ разъ, то онъ попросить почтеннѣйшаго Василья Петровича оставить службу при гимназіи. Я горько плакалъ, узнавъ объ этомъ, и получилъ непреодолимое отвращеніе и ужасъ даже къ имени главнаго надзирателя—и не даромъ: онъ невзлюбилъ меня безъ всякой причины, сдѣлался моимъ гонителемъ, и впослѣдствіи много пролила отъ него слезъ моя бѣдная мать. Для черезъ три послѣ своего возвращенія, К—въ вызвалъ меня изъ фронта на средину залы и сказалъ мнѣ довольно длинное поученіе на слѣдующую тему: что дурно быть избалованнымъ мальчикомъ, что

очень не хорошо пользоваться пристрастнымъ симплож-
дениемъ начальства и не быть благодарнымъ правитель-
ству, которое великодушно взяло на себя не маловажный
издержки для моего образования. Хотя я былъ кроткой и
добрый мальчикъ, но впечатлительный и взыльчивый
отъ природы. Я стоялъ, потупивъ глаза, и неизвѣстное
миль до тѣхъ поръ, чувство незаслуженного оскорблениія
и гнѣва волновало мою грудь. «Что вы не смотрите на
меня, вдругъ сказалъ К—въ? это не добрый знакъ, если
мальчикъ прачеть свои глаза и не смѣсть или не хотеть
смотретьъ прямо на своего начальника.... Глядите на меня!»
произнесъ онъ строго и возвысился голосъ. Я поднялъ гла-
за и, видно, въ нихъ такъ много выражалось внутренняго
чтвства оскорблениій дѣтской гордости, что К—въ от-
вернулся и сказалъ, уходя, Упадышевскому: «онъ совсѣмъ
не такъ смиренъ и добръ, какъ вы говорите.» — Послѣ я
узналъ, что главный надзиратель хотѣлъ перевестъ меня
изъ благонравной комнаты; онъ потребовалъ аттестаты
всехъ учителей и надзирателей; по вездѣ стояло: *примѣр-
наго поведенія и прилежанія, отличный въ успѣхахъ*, и
К—въ оставилъ меня на прежнемъ мѣстѣ. Во все время,
перваго пребыванія моего въ гимназіи, онъ часто осма-
тривалъ въ классахъ мои книги и тетради, заставлялъ
учителей спрашивать меня при себѣ и не рѣдко приди-
рался ко мнѣ изъ пустяковъ, а надзирателямъ приказы-
валъ, чтобы заставили меня играть вмѣстѣ съ воспитан-
никами, прибавляя: что онъ не любить *тихоней* и *особ-
няковъ*. Теперь я понимаю, что такое замѣчаніе иногда
бываетъ справедливо; но ко мнѣ оно вовсе не шло и
только умножало мое справедливое раздраженіе. Упады-
шевскій нѣжно любилъ меня и съ заботливостью матери
всякой день осматривалъ мое платье и постель, чистоту
рукъ, тетрадей и книгъ; онъ часто твердилъ мнѣ, чтобы

я всегда смотрѣлъ въ глаза Николаю Иванычу и ничего не возражалъ на его замѣчанія и выговоры: изъ любви къ старику, я исполнялъ въ точности его наставлений.

К—въ не унимался. По распоряженію гимназического начальства, никто изъ воспитанниковъ не могъ имѣть у себя ни своихъ вещей, ни денегъ; деньги, если онъ были, хранились у комнатахъ надзирателей и употреблялись съ разрѣшенія главнаго надзирателя; покупка съѣстнаго и лакомства строго запрещалась; конечно были злоупотребленія, но подъ большою тайной. Въ числѣ другихъ строгостей на ходилось постановленіе, чтобы переписка воспитанниковъ съ родителями и родственниками производилась черезъ надзирателей: каждый ученикъ долженъ былъ отдать незапечатанное письмо для отправки на почту, своему комнатному надзирателю, и онъ имѣть право прочесть письмо, если воспитанникъ не пользовался его довѣренностью. Это постановленіе рѣшительно не исполнялось; но К—въ потребовалъ, чтобы Упадышевскій показывалъ ему мои письма. Скрыпя сердце, добрый старикъ, который въ каждомъ моемъ письмѣ, не читая его, приписывалъ самъ, долженъ былъ сдѣлаться моимъ цензоромъ. Первое, прочитанное имъ письмо, привело его въ большое затрудненіе: оно все состояло изъ описанія моего грустнаго, ежедневнаго состоянія, изъ жалобъ на товарищей и даже на учителей, изъ выражений горячаго желанія увидѣть мать, оставить поскорѣе противную гимназію и уѣхать изъ нее на лѣто въ деревню. Не было ничего предосудительнаго, но Василий Петровичъ почувствовалъ, что въ глазахъ Николая Иваныча каждое мое слово будетъ виновато, что онъ найдетъ тутъ ропотъ, обвиненіе начальства, клевету на учебное заведеніе и неблагодарность къ правительству. Что было ему дѣлать? Открыть миъ настоящее положеніе дѣлъ—ему сначала не

хотѣлось: это значило войти въ заговоръ съ мальчикомъ противъ своего начальства; онъ чувствовалъ даже, что я не пойму его, что не буду умѣть написать такого письма, какое могъ бы одобрить К—въ; лишить мою мать единственнаго утѣшения, получать мои задушевныя письма — по добротѣ сердца, онъ не могъ. — Цѣлые сутки ломалъ онъ голову, но ничего не придумалъ, какъ самъ онъ послѣ сказывалъ, и рѣшился наконецъ открыть мнѣ всю истину, рѣшившись въ тоже время обманывать资料 of his own strict superior. Такимъ образомъ, онъ заставилъ меня написать другое письмо, подъ его диктовку, совершенно офиціальное, и показать его главному надзирателю, который разумѣется не могъ въ немъ найти ничего къ моему обвиненію. Оба письма были отправлены вмѣстѣ. Вся послѣдующая переписка состояла уже изъ двойныхъ писемъ: явныхъ и тайныхъ, даже тогда, когда мой гонитель пересталъ ихъ читать. Василий Петровичъ сейчасъ написалъ къ моей матери, отчего это такъ дѣляется; письма относились на почту самъ Евсейчикъ. Я не умѣль тогда оцѣнить всю величественность самоотверженія, съ которымъ дѣйствовалъ мой благодѣтель; но мать моя оцѣнила его вполнѣ и написала къ Упадышевскому письмо, въ которомъ выражалась самая горячая материнская благодарность. Нечего и говорить, что она хотя не знала вполнѣ гоненій К—ва, но была очень ими встревожена.

Дѣла продолжали идти въ прежнемъ порядкѣ; но со мной случилась перемѣна, которая для всѣхъ должна показаться странною, неестественною, потому что въ продолженіе полутора мѣсяца я бы долженъ бѣль привыкнуть къ новому образу жизни: я сталъ задумываться и грустить; потомъ грусть превратилась въ періодическую тоску, и наконецъ въ болѣзнь. Две причины могли произвести эту печальнную перемѣну: догнавъ во всѣхъ классахъ

моихъ товарищей, получая обыкновенные, весьма небольшие уроки, которые я часто выучивалъ не выходя изъ класса, я ничемъ не былъ занятъ, не только во все свободное время отъ ученья, но даже во время классовъ,—и умственная дѣятельность мальчика, потерявъ существенную пищу, вся обратилась на беспрестанное размышление и рассматривание своего настоящаго положенія, на беспрестанное воображеніе, что дѣлается въ его семействѣ, какъ тоскуетъ о немъ его несчастная мать, и на воспоминаніе прежней, блаженной деревенской жизни. Я возненавидѣлъ въ душѣ противную гимназію, ученье, и рѣшилъ по своему, что оно совершенно бесполезно, совсѣмъ не нужно, и что отъ него всѣ дѣти дѣлаются негодными мальчишками. Второю причиной, и можетъ быть главной, —было несправедливое гоненіе К—ва. Каждое его появление производило потрясеніе въ моихъ вервахъ, а онъ прѣзжалъ всякой день по два раза, и никто не зналъ времени его прїѣзда. Не было такого часу ни днемъ ни ночью, въ который бы онъ когда-нибудь не посѣщалъ гимназіи, и посѣщенія эти были совершенно неожиданны и внезапны. Теперь я отдаю полную справедливость его неусыпной, хотя слишкомъ строгой и педантической дѣятельности, но тогда онъ казался мнѣ тираномъ, извергомъ, злымъ духомъ, который выросталъ какъ будто изъ земли, даже въ такихъ мѣстахъ, куда и надзиратели не заглядывали. Его страшный для меня образъ поселился въ дѣтскомъ моемъ воображеніи, и тягостное его присутствіе со мной не раставалось. При томъ тайныя мои письма къ матери сдѣлались гораздо короче прежнихъ и писались часть отъ часу съ большими стѣсненіемъ, съ большей осторожностью. Я понялъ наконецъ, какое насилие дѣлаетъ Уладышевскій своему честному и прямодушному характеру, и чѣмъ онъ рискуетъ. — Въ по-

следствіи присоединилась и третья причина. Въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля, солнце начало сильно грѣть, спыгъ таялъ, ручьи побѣжали по улицамъ, дохнула весна, и ея дыханіе потрясало первы мальчика. еще безсознательно, но уже страстно любившаго природу. Раздражительное дѣйствіе солнечныхъ весеннихъ лучей на человѣческій организмъ — дѣло извѣстное. Я живо помню, что въ красивые дни миѳ было гораздо тиже, чѣмъ въ пасмурные. Какъ бы то ни было, только я началъ задумываться, или лучше сказать, переставать обращать вниманіе на все меня окружающее, переставать слышать, что говорили другіе; безъ участія училъ свои уроки, сказывалъ ихъ, слушалъ замѣчанія или похвалы учителей, и часто, смотря имъ прямо въ глаза — воображалъ себя въ милюмъ Аксаковъ, въ тихомъ родительскомъ домѣ, подъ любящей матери: всѣмъ казалось это простою разсѣянностью. Чтобы живѣе предаваться мечтамъ моего воображенія, представительная сила котораго возрастила съ каждымъ днемъ, я зажмуривалъ глаза и не рѣдко получалъ толчки отъ сосѣдей, которые думали, что я сплю. Одинъ разъ, въ классѣ русской грамматики, злой мальчишка, Р-ка, закричалъ: «Аксаковъ спиگъ!» Учитель, спросивъ у другихъ учениковъ, точно ли я спаль, и получивъ утвердительный отвѣтъ, едва не поставилъ меня на колѣни. Я пересталъ зажмуривать глаза въ классахъ; но стала чаще подъ извѣстными предлогами уходить изъ нихъ, разумѣется, сказавши прежде свой урокъ, и миѳ иногда удавалось спокойно простоять съ четверть часа гдѣ-нибудь въ углу коридора, и помечтать съ закрытыми глазами. По окончаніи послѣобѣденныхъ классовъ, посль получасового бѣганья въ приемной залѣ, въ которомъ я только по принуждѣнію принималъ иногда участіе, когда всѣ должны были усѣсться каждый за своимъ столикомъ у кровати,

и твердить урокъ къ завтрашнему дню: я также садилъся, клалъ передъ собою книгу, и посреди громкаго бормотанья твердимыхъ вслухъ уроковъ, переносилъ моимъ воображениемъ все туда же, въ обѣтovanый край, въ сельскій домъ на берегу Бугуруслана. Скоро однако такое напряженное усиленіе воображенія развилоось до такихъ огромныхъ размѣровъ, что слабый тѣлесный составъ не могъ ихъ выносить. На меня стала нападать истерическая тоска, сопровождаемая такими тяжелыми слезами и рыданьями, что я впадалъ на пѣсколько минутъ въ безнамѣтство; послѣ я узнавалъ, что въ продолженіе его появлялись у меня на лицѣ судорожныя движения. Сначала я умѣль какъ-то скрывать мое состояніе отъ всѣхъ. Я дѣлалъ это безсознательно, можетъ быть по тайному чувству угадывая, что мнѣ станутъ мышатъ предаваться моимъ мечтамъ, которыя составляли мою единственную отраду. Тоска почти всегда находила на меня вечеромъ; и чувствовалъ ея приближеніе и выбѣгалъ черезъ заднее крыльцо на внутренний дворъ, куда моглиходить всѣ ученики для своихъ из добностей; иногда я прятался за колонну, иногда притаивался въ углу, который образовывался высокимъ крыльцомъ, выступавшимъ изъ средины зданія; иногда выбѣгалъ по лестницѣ наверхъ и садился въ углу съней втораго этажа, слабо освещаемомъ снизу висящимъ фонаремъ. Вѣроятно холодный воздухъ способствовалъ скорому прекращенію принадковъ, и я возвращался на свое место въ обыкновенномъ своемъ положеніи. Но одинъ разъ забѣжать я въ незапертые классы, когда сторожка убирали ихъ; самъ не знаю, какъ я забѣжалъ подъ скамью одного стола. Мнѣ кажется этотъ привадокъ продолжался долѣе прежнихъ, можетъ быть отъ того, что случился не на свѣжемъ воздухѣ. Сторожъ заметилъ меня, хотѣлъ выгнать, но видя, что я ничего не отвѣчалъ, донесъ надзира-

тело; тотъ узналъ меня и сказаль Упадышевскому. Встревоженный старикъ прибѣжалъ ко мнѣ наверхъ; но въ самую эту минуту, я очнулся и спокойно воротился съ нимъ въ свою комнату. До этого случая, Упадышевский, обнадеженный моимъ полутора-мѣсячнымъ пребываніемъ, моимъ прилежнымъ ученьемъ, хотя и замѣчалъ мою разсѣянность или задумчивость, но не придавалъ ей никакого особеннаго значенія. Тутъ онъ разспросилъ меня подробно. Я рассказалъ ему съ полною откровенностью все то, что зналъ о своемъ состояніи; но я многаго не понималъ и многаго не помнилъ. Въ продолженіе ночи, онъ самъ и мой дядька Евсичъ наблюдали за мной: я проспалъ до утра совершенно спокойно. Надобно заметить, что въ продолженіе всего первого периода моей болезни, все ночи я спалъ хорошо; упоминаю объ этомъ потому, что во второмъ періодѣ, болезнь взяла совершенно противоположный характеръ. На другой день поутру, по обыкновенію пріѣхалъ Бенись въ больницу, куда и быть я приведенъ Упадышевскимъ. Докторъ разспросилъ и осмотрѣль меня внимательно, нашель, что я нѣсколько похудѣлъ, поблѣдѣлъ и что пульсъ у меня разстроенъ, но отпустилъ въ классъ, не предписавъ никакого лекарства, запретилъ изнурять меня ученьемъ, — невѣра моимъ словамъ, что оно слишкомъ легко,—приказалъ наблюдать за мной и никуда одного не пускать. Онъ прибавилъ къ этому, чтобы всякий день во время его пріѣзда въ больницу, я приходилъ къ нему. Упадышевскій принялъ всѣ нужныя мѣры: кромѣ того, что онъ самъ безпрестанно подходилъ ко мнѣ, онъ поручилъ двумъ воспитанникамъ постоянно смотрѣть за мной во всякое время, свободное отъ ученья; дядька же мой долженъ былъ идти со мной всякой разъ, когда я выходилъ на задній дворъ. Во всей гимназіи разнесся слухъ, что «на Аксакова находить»

черная немочь.» Я испугался, хотя не понималъ значения этихъ словъ.—Мнѣ показалось очень непріятно такое постоянное вниманіе постороннихъ людей къ каждому моему движенью; цѣлый вечеръ мнѣ было скучно и грустно. Я уже привыкъ наслаждаться моими мечтами, а теперь мысль, что нѣсколько глазъ меня наблюдаютъ, мѣшала мнѣ оторваться отъ горькой дѣйствительности, чтобы грезить на яву сладкими снами; но тѣмъ не менѣе вечеръ прошелъ благополучно: ни тоски, ни истерического припадка не было. Упадышевскій и дядька мой обрадовались; очень также остался доволенъ и Бенисъ, когда я на другой день пришелъ къ нему въ больницу и когда Василий Петровичъ рассказалъ, что весь вчерашній день, вечеръ и ночь я провелъ спокойно. Не смотря на то, что докторъ нашелъ мой пульсъ также разстроеннымъ, онъ отпустилъ меня безъ всякихъ медицинскихъ пособій, увѣрилъ, что дѣло поправится и что натура преодолѣть болѣзненное начало; но на другой день оказалось, что дѣло не поправилось, а только измѣнилось: часу въ девятомъ утра, сидя въ ариѳметическомъ классѣ, вдругъ я почувствовалъ, совершенно неожиданно, сильное стѣсненіе въ груди, черезъ нѣсколько минутъ зарыдалъ и впалъ въ безнамѣтство. Сдѣлался большой шумъ, послали за Упадышевскимъ; по счастію онъ былъ дома (*) и приказалъ перенести меня въ спальную, гдѣ я черезъ четверть часа очувствовалъ и даже воротился въ классъ. Вечеромъ припадокъ повторился и продолжался гораздо дольше. Больше прежнаго встревожился благодѣтельный Василий Петровичъ и перепугался мой усердный дядька. На этотъ разъ Бенисъ далъ мнѣ какія-то капли (вѣроятно нервныя), ко-

(*) Изъ четырехъ членовъ наизирателей двое дежурныхъ никогда не отлучались; но остальные во время классовъ могли уходить по своимъ надобностямъ; къ обѣду же и ужину все собирались на лице.

торый я долженъ быть приниматьъ, какъ только почувствую стѣсненіе; по постымъ днамъ приказаль давать мнъ скромный обѣдъ изъ больницы и, вмѣсто чернаго хлѣба, булку; но оставить въ больницѣ и за что не согласился. Капли сначала помогли мнъ, и дни три, хотя я начинай тосковать и плакать, но въ безнамягство не впадаю; потомъ, по привычкѣ моей натуры къ лекарству, или по усиленію болѣзни, только припадки стали возвращаться чаще и сильнѣе прежняго.

Никакой періодъ моего дѣтства не помню я съ такою отчетливою ясностью, какъ время первого пребыванія моего въ гимназіи. Я могъ бы безошибочно разсказать со всеми подробностями (чего конечно дѣлать не буду) весь ходъ моего страннаго недуга. Всѣмъ казалось тогда, а въ томъ числѣ и мнѣ, что появленіе припадковъ происходило безъ всякой причины; но теперь я убѣжденъ въ противномъ: они всегда происходили отъ неожиданно возникавшаго воспоминанія изъ прошедшей моей жизни, которая вдругъ представлялась моему воображенію съ живостью и яркостью ночныхъ сновидѣй. Иногда я доходилъ до такихъ явлений сознательно и постепенно, углубляясь въ неизчерпаемое хранилище памяти, но иногда онъ постигали меня безъ моего вѣдома и желанія. Случалось, что въ то время, когда я думалъ совсѣмъ о другомъ и даже когда былъ сильно занятъ ученьемъ,—вдругъ какой-нибудь звукъ голоса, вероятно похожий на съшанный мною прежде, голоса солнечного света на окнахъ или стѣнѣ, точно такъ освѣщавшая никогда знакомые, дорогіе мнѣ предметы, муха, жужжавшая и бившаяся на стеклѣ окошка, на что я часто засматривался въ ребячествѣ—мгновенно и на одно мгновеніе, неуловимо для сознанія, вызывали забытое прошедшее и потрясли мои напряженныя нервы. Впрочемъ некоторые случаи объя-

спались тогда же сами собою: одинъ разъ я сказывалъ урокъ, какъ вдругъ голубъ сѣлъ на подоконную доску и началъ кружиться и ворковать — это сейчасъ напомнило мнѣ моихъ любимыхъ голубей и деревню: грудь моя стѣснилась и послѣдовала, припадокъ. Въ другой разъ пріиѣхъ я панился квасу или воды въ особенную комнату, которая называлась квасною; тамъ бросился мнѣ въ глаза простой деревянный столъ, который прежде вѣроятно я видалъ много разъ, не замѣчая его, но теперь онъ былъ выскобленъ заново и казался необыкновенно чистымъ и бѣльмъ — въ одно мгновеніе представился мнѣ такого же вида липовый столъ, всегда блеставшій близиной и гладкостью, принадлежавшій нѣкогда моей бабушкѣ, а по томъ стоявшій въ комнатѣ у моей тетки, въ которомъ хранились разныи бездѣлушки, драгоценныя для дѣтей: узелки съ тыквенными, арбузными и дынными стѣнами, изъ которыхъ тетка моя дѣлала чудныя корзиночки и подносики, мышечки съ рожковыми зернами, съ раковыми жерновками, а всего больше большой игольникъ, въ которомъ вмѣстѣ съ иголками хранились крючки для удочекъ, изрѣдка выдаваемые мнѣ бабушкой; все это бывало я разсматривалъ съ восхищеніемъ, съ напряженіемъ любопытствомъ, едва переводя дыханіе.... Я былъ пораженъ сходствомъ этихъ столовъ, прошедшее ярко блеснуло, ожило передо мною — сердце замерло и послѣдовала сильный пріпадокъ. Точно тоже случилось со мной, при взглядѣ на кошку, которая спала, свернувшись клубкомъ на солнышкѣ, и напомнила мнѣ мою любимую кошку въ деревнѣ. Мнѣ кажется, довольно этихъ случаевъ, чтобы предположить во всѣхъ остальныхъ подобныя причины.

Положеніе мое становилось хуже и хуже. Пріпадки появлялись чаще, продолжались дольше; я потерялъ аппетитъ, блѣднѣлъ и худѣлъ съ каждымъ днемъ; терялъ

также и охоту заниматься ученьемъ; одинъ только сонъ подкреплялъ меня. Внимательный Василий Петровичъ замѣтилъ, что мнѣ вредно раннее вставанье, попробовать одинъ разъ не будить меня до восьми часовъ и увидѣль, что я тотъ день чувствовалъ себя гораздо лучше. Дядька мой ходилъ за мной съ отцовской нѣжностію. К—въ пробовалъ нѣсколько разъ говорить мнѣ строгія поученія, и даже страшалъ наказаніемъ, если я не буду держать себя, какъ слѣдуетъ благовоспитанному мальчику. Мою болѣзнь называлъ онъ баловствомъ, хандрою и дурнѣмъ примѣромъ для другихъ. Наконецъ, онъ приказалъ положительно отдать меня въ больницу; этого желали всѣ и я самъ; противился только одинъ Бенисъ; но теперь онъ долженъ быть согласиться, и меня отвели въ лазаретъ.

Моя мать, уѣзжая въ послѣдний разъ изъ К., заставила моего дядьку Евсеича побожиться передъ образомъ, что онъ уведомитъ ее, если я сдѣлаюсь боленъ. Онъ давно порывался исполнить свое обѣщаніе и открылся въ этомъ Упадышевскому, но тотъ постоянно его удерживалъ; теперь же онъ рѣшился дѣйствовать, не спрашиваясь никого: одинъ изъ грамотныхъ дядекъ написалъ ему письмо, въ которомъ безъ всякой осторожности и даже несправедливо, онъ извѣщалъ, что молодой баринъ боленъ падучею болѣзнио и что его отдали въ больницу. Можно себѣ представить, какимъ громовымъ ударомъ разразилось это письмо надъ моимъ отцемъ и матерью. Письмо шло довольно долго и пришло въ деревню во время совершенной распутицы, о которой около Москвы не могутъ имѣть и понятія; дорога прорывалась на каждомъ шагу, и во всякомъ долочкѣ была зажора, то-есть, снѣгъ насыщенный водою:ѣхать было почти невозможно. Но мать мою ничто удержать не могло; она выѣхала тотъ же день въ К., съ своей Парашей и молодымъ мужемъ ея Федоромъ;

ѣхала день и ночь на перемѣнныхъ крестьянскихъ, не подкованныхъ лошадяхъ (*), въ простыхъ крестьянскихъ саняхъ, въ одну лошадь; всѣхъ саней было четверо: въ трехъ сидѣло по одному человѣку безъ всякой поклажи, которая вся помѣщалась на четвертыхъ саняхъ. Только такимъ образомъ была какая-нибудь возможность подвигаться шагъ за шагомъ впередъ, и то пользуясь морозными утренниками, которые на этотъ разъ продолжались по счастію до половины апрѣля. Въ десять дней дотащилась моя мать до большаго села *Мурзихи* на берегу Камы; здѣсь вышла уже большая почтовая дорога, крѣпче уѣзженнай, и потомуѣхать по ней представилось болѣе возможности; но за то изъ Мурзихи надобно было перѣѣхать черезъ Каму, чтобы попасть въ село Шуранъ, находящееся кажется въ 80-ти верстахъ отъ К. Кама еще не прошла, но надулась и посинѣла; наканунѣ перенесли черезъ нее на рукахъ почту; но въ ночь пошелъ дождь и никто не соглашался переправить мою мать и ея спутниковъ на другую сторону. Мать моя принуждена была почевать въ Мурзихъ; дорожа каждой минутой промедленія, она сама ходила изъ дома въ домъ по деревни и умоляла добрыхъ людей помочь ей, рассказывала свое горе и предлагала въ вознагражденіе все, что имѣла. Нашлись добрые и смѣлые люди, понимавши материнское сердце, которые обѣщали ей, что если дождь въ ночь уймется и къ утру хоть крошечку подмерзнетъ, то они берутся благополучно доставить ее на ту сторону и возьмутъ то, что она пожалуетъ имъ за труды. До самой зари молилась мать моя, стоя въ углу на колѣняхъ передъ образомъ той избы, где провела ночь. Теплая материнская молитва была услышана: вѣтеръ разогналъ облака и къ утру мо-

(*) По проселкамъ, при глубокомъ снѣгу, подкованныхъ лошадей въ это время года дорога не поднимаетъ.

роль высушили дорогу и тонким ледочкомъ затянуль лужи. На зарь, шестеро молодцевъ, рыбаковъ по промыслу, выросшихъ на Камъ и привыкшихъ обходиться съ нею во всякихъ ея видахъ, каждый съ шестомъ или багромъ, привязавъ за спины нетяжелую поклажу, перекрестясь на церковный крестъ, взяли подъ руки обиныхъ женщинъ, обутыхъ въ мужскіе сапоги, дали шесть Федору, поручивъ ему тащить чуманъ, то-есть, широкой лубокъ, загнутый спереди къ верху и привязанный на веревкъ, взятый на тотъ случай, что неравно барыня устанетъ,—и отправились въ путь, пустивъ впередъ самаго разторопнаго изъ своихъ товарищей для ощупыванія дороги. Дорога лежала вкося и надобно было пройти около трехъ верстъ. Переходъ черезъ огромную реку въ такое время, такъ страшенъ, что только привычный человѣкъ можетъ совершить его, не теряя бодрости и присутствія духа. Федоръ и Параша просто ревѣли, прощались съ бѣльемъ свѣтомъ и со всѣми родными, и въ иныхъ мѣстахъ надобно было силою заставлять ихъ идти впередъ; но мать моя съ каждымъ шагомъ становилась бодрѣ и даже веселье. Провожатые поглядывали на нее и привѣтливо потряхивали головами. Надобно было обходить поляны, перебираться, по сложеннымъ вмѣсть шестамъ, черезъ трещины; мать моя нигдѣ не хотѣла сѣсть на чуманъ, и только тогда, когда дорога, подошедъ къ противоположной сторонѣ, поплыла возль самаго берега по мелкому мѣсту, когда вся опасность миновалаась, она почувствовала слабость; сейчасъ послали на чуманъ мѣховое одѣяло, положили подушки, мать легла на него, какъ на постель, и почти лишилась чувствъ: въ такомъ положеніи дотащили ее до ямскаго двора въ Шуранъ. Мать моя дала сто рублей своимъ провожатымъ, то-есть, половину своихъ наличныхъ денегъ, но честные люди не захотѣли

ими воспользоваться; они взяли по синенькой на брата (по пяти рублей ассигнациями). Съ изумлением слушая изъявление горячей благодарности и благословенія моей матери, они сказали ей на прощанье: «дай вамъ Богъ благополучно дѣхать» и немедленно отправились домой, потому что мышкатъ было некогда: рѣка прошла на другой день. Все это подробно разсказала мнѣ Параша. Изъ Шурана, въ двое сутокъ мать моя дѣхала до К.; остановилась гдѣ-то на постояломъ дворѣ, и черезъ полчаса уже была въ гимназіи.

Обращаюсь назадъ: въ больницѣ помѣстили меня очень хорошо; дали особую, небольшую комнату, назначенную для тяжелыхъ больныхъ, которыхъ на ту пору не было; тамъ спаль со мною мой дядька, переведенный въ больничные служители. Лекарь или подлекарь, хорошенъко не знаю, Андрей Ивановичъ Риттеръ, жилъ подль меня. Это былъ рослый, румяный, красивый и веселый дѣтина; онъ впрочемъ сидѣлъ дома только по утрамъ, ожидая Бениса, послѣ котораго немедленно отправлялся на практику, которую дѣйствительно имѣлъ въ купеческихъ домахъ; онъ былъ большой гуляка и не рѣдко возвращался домой поздно и въ нетрезвомъ видѣ. Удивляюсь, какъ терпѣлъ его главный надзиратель; впрочемъ, на больныхъ онъ обращалъ менѣе вниманія, чѣмъ на здоровыхъ, и въ больницѣ Упадышевскій имѣлъ больше вѣсу. Я совершенно забылъ имя и фамилію доброго старика, бывшаго тогда больничнымъ надзирателемъ, хотя очень помню, какъ онъ былъ испечителенъ и ласковъ ко мнѣ. Упадышевскій сейчасъ позабылся, чтобы мнѣ не было скучно, и снабдилъ меня книгами: «Дѣтскимъ училищемъ» въ несколькиихъ томахъ, «Открытиемъ Америки» и «Завоеваніемъ Мексики». Какъ я обрадовался тишинѣ, спокойствію и книгамъ! Халатъ вместо мундира, полная свобода

въ употреблениі времени, отсутствіе звонка и чтеніе, были полезны для меня всякихъ лекарствъ и питательной пищи. Колумбъ и Пизарро возбуждали все мое любоытство, а несчастный Монтезума — все мое участіе. Прочитавъ въ нѣсколько дней «Открытие Америки» и «Завоеваніе Мексики», я, принялъ и за «Дѣтское училище». При этомъ чтеніи случилось со мной обстоятельство, которое привело меня въ великое недоумѣніе и которое я разрѣшилъ себѣ отчасти только въ послѣдствіи. Читая, не помню, который томъ, дошелъ я до сказки «Красавица и Зѣбрь»; съ первыхъ строкъ показалась она мнѣ знакомою, и чѣмъ дальше, тѣмъ знакомѣе; наконецъ я убѣдился, что это была сказка, коротко известная мнѣ подъ именемъ: «Аленѣкой Цвѣточекъ», которую я слышалъ не одинъ десятокъ разъ въ деревнѣ, отъ нашей ключницы Пелагеи. Ключница Пелагея была въ своеіь родѣ замѣчательная женщина: очень въ молодыхъ годахъ бѣжала она, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, отъ прежнихъ господъ своихъ Алакаевыхъ, въ Астрахань, гдѣ прожила слишкомъ двадцать лѣтъ; отецъ ея скоро умеръ, она вышла за-мужъ, овдовѣла, жила въ наймахъ по купеческимъ домамъ, и въ томъ числѣ у купцовъ Персіянъ, соскучилась, провѣдала какъ-то, что она досталась другимъ господамъ, именно моему дѣдушкѣ, господину строгому, но справедливому и добруму, и за годъ до его смерти явилась изъ бѣговъ въ Аксаково. Дѣдушка, изъуваженія къ такому добровольному возвращенію, принялъ ее очень милостиво, а какъ она была проворная баба и на все мастерица, то онъ полюбилъ ее и сдѣлалъ ключницей. Должность эту отправляла она и въ Астрахани. Пелагея, кроме досужества въ домашнемъ обиходѣ, принесла съ собою необыкновенное дарованіе сказывать сказки, которыхъ знала несчетное множества. Очевидно, что жители востока распространили въ Астра-

хани и между Русскими особенную охоту къ слушанью и рассказыванью сказокъ. Въ обширномъ сказочномъ каталогѣ Пелагеи, вмѣсть со всеми русскими сказками, находилось множество сказокъ восточныхъ, и въ томъ числѣ ильско́лько изъ «Тысячи одной ночи». Дѣдушка обрадовался такому кладу, и какъ онъ уже начиналъ хворать и худо спать, то Пелагея, имѣвшая еще драгоценную способность не дремать по цѣлымъ ночамъ, служила большими утѣшениемъ больному старику. Отъ этой-то Пелагеи наслушался я сказокъ въ долгіе зимніе вечера. Образъ здоровой, свѣжей и дородной сказочницы, съ веретеномъ въ рукахъ за гребнемъ, неизгладимо врѣзался въ мое воображеніе, и если бы я былъ живописецъ, то написать бы ее сию минуту, какъ живую. Содержанію «Красавица и Звѣрь» или «Аленъкой цвѣточекъ» суждено было еще разъ удивить меня впослѣдствіи. Черезъ ильско́лько лѣтъ, пришелъ я въ К—ской театръ слушать и смотрѣть оперу «Земира и Азоръ» — это былъ опять «Аленъкой цвѣточекъ», даже въ самомъ ходѣ піесы и въ ея подробностяхъ.

Между тѣмъ, не смотря на занимателное чтеніе, на сладкіе, ничѣмъ не стѣсняемые, разговоры съ Евсичемъ про деревенскую жизнь, удочку, ястребовъ и голубей, не смотря на удаленіе отъ скучнаго, школьнаго шума и тормошенія товарищей, не смотря на множество пилоль, порошковъ и микстуръ, глотаемыхъ мною, болѣзнь моя, сначала какъ будто уступившая леченію и больничному покою, не уменьшалась, и припадки возобновлялись по ильско́льку разъ въ день; но меня какъ-то не смущали они, и сравнительно съ прежнимъ я былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ. Больница помѣщалась въ третьемъ этажѣ, окнами на дворъ. Зданіе гимназіи (теперешній университетъ) стояло на горѣ; видъ былъ великолѣпный: вся нижняя половина города съ его Суконными и Татарски-

ми слободами, Булакъ, огромное озеро Кабанъ, котораго воды сливались весною съ разливомъ Волги — вся эта живописная панорама разстилалась передъ глазами. Я очень помню, какъ ложились на нее сумерки, и какъ постепенно освѣщалась она утренней зарей и восходомъ солнца. Вообще пребываніе въ больницѣ оставило во мнѣ навсегда тихое и отрадное воспоминаніе, хотя никто изъ товарищей не навѣщалъ меня. Приходили только одинъ разъ К-чи, съ которыми однако я тогда еще близко не сошелся, потому что мало съ ними встрѣчался: они были въ среднихъ классахъ и жили во французской комнатѣ у надзирателя Мейснера. Притомъ я былъ такъ занятъ собою, или лучше сказать своимъ прошедшимъ, что не чувствовалъ и не показывалъ ни малйшаго къ нимъ расположенія; я подружился съ К-ми уже во время вторичнаго моего вступленія въ гимназію, особенно въ университѣтѣ.

Домой я писалъ каждую почту, увѣдомляя, что я совершенно здоровъ. Вдругъ, въ одинъ понедѣльникъ, не получилъ я письма отъ матери. Я встревожился и началъ грустить; въ слѣдующій понедѣльникъ опять нѣть письма, и тоска овладѣла мною. Напрасно увѣрялъ меня дядька, что теперь распутица, что изъ Аксакова нельзя проѣхать въ Бугурусланъ (уѣздный городъ, находящійся въ 25 верстахъ отъ нашей деревни) — я ничего не хотѣлъ слушать; я хорошо зналъ и помнилъ, что несмотря ни на какое время, каждую недѣлю ъздили на почту. Я не знаю, что бы со мной было, еслибы и въ третій срокъ я не получилъ письма; но въ серединѣ недѣли, именно поутру въ среду 14-го апрѣля, мой добрый Евсеичъ, послѣ нѣкотораго приготовленія, состоявшаго въ томъ, что «вѣрно потому нѣть писемъ, что матушка сама ъдетъ, а можетъ быть и прѣхала», объявилъ мнѣ съ радостнымъ

лицемъ, что Марья Николаевна здѣсь, въ гимназіѣ, что безъ доктора ее ко мнѣ не пускаютъ, и что докторъ сей-часъ прѣдѣтъ. Не смотря на приготовленія, мнѣ сдѣлалось дурно. Когда я очнулся, первыя мои слова были: «Гдѣ маменька?» Но возлѣ меня стоялъ Бенисъ и бранилъ, ни въ чемъ невиноватаго Евсеича: какъ бы осторожно ни сказали мнѣ о прѣѣздѣ матери, я не могъ бы принять безъ сильнаго волненія такого неожиданнаго и радостнаго извѣстія, а всякое волненіе произвело бы обморокъ. Докторъ былъ совершенно убѣжденъ въ необходимости дозволить свиданіе матери съ сыномъ, особенно когда послѣдній зналъ уже о ея прѣѣзда, но не смыслилъ этого сдѣлать безъ разрѣшенія главнаго надзирателя или директора; онъ послалъ записки къ обоимъ. Отъ директора пришло позволеніе прежде, и когда мать была уже у меня въ комнатѣ, получили приказаніе отъ К-ва: «дожидаться его прѣѣзда».—Не нахожу словъ и не беру на себя разсказать, что чувствовалъ я, когда вошла ко мнѣ моя мать. Она такъ похудѣла, что можно было не узнать ее; но радость, что она нашла дитя свое не только живымъ, но гораздо въ лучшемъ положеніи, чѣмъ ожидала (ибо чего не придумало испуганное воображеніе матери),—такъ ярко свѣтилась въ ея всегда блестящихъ глазахъ, что она могла показаться и здоровою и веселою. Я забылъ все, что вокругъ меня происходило, обнялъ свою мать, и нѣсколько времени не выпускалъ ее изъ моихъ дѣтскихъ рукъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился К-въ. Холодно и вѣжливо онъ сказалъ моей матери, что для нее нарушенъ существующій порядокъ въ гимназіѣ, что никому изъ родственниковъ и родителей не позволяетъ входить во внутреннія комнаты учебнаго заведенія, что для этого назначена особая приемная зала, что входъ въ больницу совершенно воспрещенъ и что особенно это не прилично

для такой молодой и прекрасной дамы. Кровь бросилась въ лицо моей матери, и по своей природной вспыльчивости, она много лишняго наговорила К-ву. Она сказала между прочимъ «что вѣрно только въ ихъ гимназіи существуетъ такой варварской законъ, что матери вездѣ прилично быть, гдѣ лежитъ ея больной сынъ, и что она здѣсь съ дозволенія директора, непосредственнаго начальника его, т. главнаго надзирателя, и что ему остается только повиноваться.» Мать вонзила ножъ въ самое болѣвое мѣсто. К-въ поблѣднѣлъ. Онъ сказалъ, что директоръ дозволилъ это только для первого раза, что приказаніе его исполнено, что вѣроятно оно не повторится и что онъ просить теперь ее уѣхать .... Но К-въ не зналъ моей матери, и вообще не зналъ материнскаго сердца. Мать моя сказала ему, что она не выдетъ изъ этой комнаты, покуда директоръ самъ лично или письменно не прикажетъ ей уѣхать, и что до той поры, только силою можно удалить ее отъ сына. Все это было сказано такимъ голосомъ, съ такой энергией, что не оставляло сомнѣнія въ точности исполненія. Она взяла стуль, пододвинула къ моей кровати и сѣла на немъ, оборотясь спиной къ К-ву. Не знаю, чтѣ бы сдѣлалъ этотъ послѣдній, еслибы Бенисъ и Упадышевскій не упросили его выйти въ другую комнату; тамъ докторъ, какъ я узналъ послѣ отъ Василья Петровича, съ твердостью сказали главному надзирателю, что если онъ позволить себѣ какой-нибудь насильственный поступокъ, то онъ не ручается за несчастные послѣствія, и даже за жизнь больнаго, и что онъ также боится за мать. Упадышевскій съ своей стороны, умолялъ пощадить бѣдную мать, которая въ отчаяніи не помнитъ себя, а всего больше пощадить больнаго мальчика, и обѣщалъ ему, что онъ уговорить мать мою уѣхать черезъ нѣсколько времени. К-въ весьма не охотно согласил-

ся, и вмѣстѣ съ Бенисомъ отправился для донесенія обо всемъ директору. Упадышевскій воротился къ моей матери, старался ее успокоить и сказалъ, что она можетъ остататься у меня часа на два. Мать пробыла у меня до сумерекъ, почти до шести часовъ вечера. Сцена съ К-вымъ сначала сильно меня испугала и я начинай уже чувствовать обыкновенное сжатіе въ груди; но онъ ушелъ, и присутствіе матери, ея ласки, ея разговоры, радость — не допустили явленія припадка. На прощанье, мать съ твердостью сказала мнѣ, что возьметъ меня совсѣмъ изъ гимназіи и увезетъ въ деревню. Я совершенно повѣрилъ ей. Я привыкъ думать, что маменька можетъ сдѣлать все, что захочетъ, и счастливая будущность засіяла предо мной всѣми радужными цвѣтами счастливаго прошедшаго.

Мать моя отправилась изъ гимназіи прямо къ Бенису: его не было дома. Она бросилась (въ буквальномъ смыслѣ) къ ногамъ его жены и, обливаясь слезами, умоляла, чтобы ей возвратили изъ гимназіи сына. Мадамъ Бенисъ, понимавшая материнскія чувства, приняла въ нихъ живое участіе и увѣрила ее, что Христіанъ Карлычъ сдѣлаетъ все, чѣмъ можетъ, что она за него ручается. Докторъ скоро пріѣхалъ. Обѣ женщины, каждая по своему, приступили къ нему съ просьбами; но Бениса убѣждать было не нужно; онъ сказалъ, что это его собственная мысль, что онъ уже намекнулъ обѣ этомъ директору, но что по несчастію вмѣстѣ съ нимъ былъ главный надзиратель, который сильно этому воспротивился и кажется успѣлъ склонить директора на свою сторону; что директоръ, хотя человѣкъ слабый, но не злой, что надежда на усугбѣ не потеряна. Тутъ мать рассказала всѣ несправедливыя придирики ко мнѣ и постоянное преслѣдованіе главнаго надзирателя. Бенисъ самъ не любилъ его за присвоеніе власти, ему не принадлежащей; онъ не только не смягчилъ

раздраженія моей матери, но усилилъ его, и она возненавидѣла К—ва, какъ лютѣйшаго своего и моего врага. Хозяева поступили съ моей матерью, какъ друзья, какъ родные; уложили ее на диванъ и заставили съѣсть что-нибудь, потому-что послѣднія сутки она не пила даже чаю; дали ей какое-то лекарство, а главное уѣвили ее, что моя болѣзнь чисто нервная и что въ деревнѣ, въ своей семье, я скоро совершенно оправлюсь. Рѣшено было вести съ главнымъ надзирателемъ открытую войну. На другой день поутру, мать моя должна была прѣѣхать къ директору до прѣѣзда къ нему К—ва съ рапортомъ, выпросить разрешеніе прѣѣхать ко мнѣ въ больницу два раза въ день и потомъ вымолить обѣщаніе: отпустить меня въ деревню на попеченіе родителей, впредь до выздоровленія, если докторъ найдетъ это нужнымъ. Бенисъ просилъ только не жаловаться на К—ва, не говорить о немъ ничего дурнаго и не упоминать объ его личномъ нерасположеніи и преслѣдованіяхъ ея болнаго сына. Призываю благословеніе Божіе на доктора и его жену, высказавъ имъ все, что можетъ высказать благодарное материиское сердце, мать уѣхала отдохнуть на свою квартиру. Отдохновеніе было ей необходимо: двѣнадцать дней такой долгой, почти безъ сна и пищи, и цѣлый день такихъ душевныхъ мучительныхъ волненій, могли свалить съ ногъ и крѣпкаго мужчину, а мать моя была больная женщина. Но Богъ въ немощныхъ являетъ свою крѣпость и силу, и уснувъ нѣсколько часовъ, мать моя проснулась бодрою и твердою. Въ девять часовъ утра она сидѣла уже въ гостиной директора. Онъ вышелъ немедленно и встрѣтилъ ее съ явнымъ предубѣжденіемъ, которое однако скоро прошло. Искренность горя и убѣдительность слезъ нашли путь къ его сердцу; безъ большаго труда, онъ позволилъ матери моей прѣѣхать въ больницу каждый

день по два раза и оставаться до восьми часовъ вечера; но просьба объ увольненіи меня изъ гимназіи встрѣтила большое сопротивленіе. Можетъ быть и тутъ слезы и мольбы одержали бы побѣду, но вдругъ вошелъ главный надзиратель, и сцена перемѣнилась. Директоръ возвысилъ голосъ и съ твердостью сказалъ, что увольнять казенныхъ воспитанниковъ по нездоровью, или потому, что они станутъ тосковать, разставшись съ семействомъ, — дѣло не слыханное: въ первомъ случаѣ, это значитъ признаться въ плохомъ состояніи врачебныхъ пособій и присмотра за больными, а въ послѣднемъ — это просто смѣшино; какой же мальчикъ, особенно избалованный, привыкшій только заниматься дѣтскими играми, не будетъ тосковать, когда его отдадутъ въ училище? — К— въ сейчасъ присоединился къ директору и поддержалъ его слова многими, весьма разсудительными и въ тоже время язвительными рѣчами. Онъ упомянулъ о вредныхъ сльдствіяхъ женского воспитанія, материнскаго баловства и дурныхъ примѣровъ неуваженія, непокорности, дерзости и неблагодарности. Въ заключеніе онъ сказалъ, что правительство не за тѣмъ тратить деньги на жалованье чиновникамъ и учителямъ и на содержаніе казенныхъ воспитанниковъ, чтобы увольнять ихъ до окончанія полнаго курса ученыя и следовательно не воспользоваться ихъ службою по ученой части; что начальство гимназіи, особенно должно дорожить такимъ мальчикомъ, который по отличнымъ способностямъ и поведенію обѣщаетъ современемъ быть хорошимъ учителемъ. — Мать мою взорвала такая іезуитская двуличность; она забыла предостереженіе Бениса и весьма горячо и неосторожно высказала свое удивленіе, «что г. К— въ хвалить ея сына, тогда какъ, съ самаго его вступленія, онъ постоянно преслѣдовалъ бѣднаго мальчика всякими пустыми

придирками, незаслуженными выговорами и насмешками, надавалъ ему разныхъ обидныхъ прозвищъ: *плаксы, матушкина сынка* и проч., которыя, разумѣется, повторялись всеми учениками; что такое несправедливое гоненіе г. главнаго надзирателя было единственою причиною, почему обыкновенная тоска дитяти, разлученного съ семействомъ, превратилась въ болѣзнь, которая угрожаетъ печальными послѣдствіями; что она признаетъ г. главнаго надзирателя личнымъ своимъ врагомъ, который присвоиваетъ себѣ власть, ему не принадлежащую, который хотѣлъ выгнать ее изъ больницы, несмотря на позволеніе директора, и что г. К—въ, какъ человѣкъ пристрастный, не можетъ быть судьей въ этомъ дѣлѣ». Директоръ былъ несолько озадаченъ; но обозлившійся главный надзиратель возразилъ ей «что она сама, по своей безразсудной горячности портить все дѣло; что въ отсутствіе его она пользовалась слабостью начальства, брала сына безпрестанно на дѣмъ, безпрестанно прѣѣзжала въ гимназію, возвращалась съ дороги, наконецъ черезъ два мѣсяца опять прѣѣхала, и что такимъ образомъ не даетъ возможности мальчику привыкнуть къ его новому положенію, что причиною его болѣзни она сама, а не строгое начальство, и что настоящій ея прѣѣздъ надѣлаетъ много зла, потому что сынъ ея, который уже выздоравливаль, сегодня поутру сдѣлался очень боленъ». — При этихъ словахъ мать моя вскрикнула и упала въ обморокъ. Добродушный директоръ ужасно перепугался и не зналъ что дѣлать. Обморокъ продолжался около часу; кое-какъ привели ее въ чувство. Первые слова ея были: «пустите меня къ сыну». Перепуганный и сжалившійся директоръ, обрадованный, что мать моя покрайней мѣрѣ не умерла (чего онъ очень опасался, какъ самъ разсказывалъ послѣ), подтвердилъ приказаніе К—ву, чтобы мою мать всегда пускать въ больницу, куда

она сейчас и уехала. Въ больницѣ встрѣтилъ ее докторъ и по возможности успокоилъ. Онъ поклялся, что моя новая болѣзнь лихорадка, ничего не значить, что это слѣдствіе первого потрясенія и что она даже можетъ быть полезна для моихъ обыкновенныхъ припадковъ. Въ самомъ дѣлѣ, первый лихорадочный пароксизмъ былъ очень легокъ, и хотя на другой день онъ повторился сильнѣе, и хотя лихорадка въ такомъ видѣ продолжалась двѣ недѣли, но за то истерическіе припадки не возвращались. Мать почти цѣлые дни проводила со мной. Директоръ нѣсколько разъ посещалъ больницу, и всякой разъ, встрѣчая у меня мать, былъ съ обоими нами очень ласковъ: ему жалко было смотрѣть на блѣдность и худобу моего лица; выразительныя черты моей матери, въ которыхъ живо высказывалось внутреннее состояніе души, также возбуждали его сочувствіе. Когда К—въ хотѣлъ на другой день войти ко мнѣ въ комнату, мать моя не пусгila его и заперла дверь, и потомъ упросила директора, чтобы главный надзиратель не входилъ ко мнѣ при ней, говоря, что она не можетъ равнодушно видѣть этого человѣка и боится испугать большаго такимъ же обморокомъ, какой случился въ домѣ г. директора; онъ очень его помнилъ и согласился. Главный надзиратель обидѣлся и не ходилъ ко мнѣ совсѣмъ.

Между тѣмъ намѣреніе взять меня изъ гимназіи, подкрепляемое согласіемъ Бениса, остановленное на время мою новою болѣзни, принесло офиціальный ходъ. Желая посовѣтоваться напередъ въ этомъ дѣлѣ съ друзьями, матьъ здила къ Максиму Дмитріевичу К—чу; но твердый, нѣсколько грубый, хотя и добрый по природѣ, Сербъ не одобрилъ этого намѣренія. «Нѣтъ, государыня моя, Марья Николавна, сказаъ онъ: не могу посовѣтовать взять сынка, завернуть его въ хлопочки, нѣжить и кормить са-

харомъ, увезти въ деревню, чтобы онъ бѣгалъ тамъ съ дворовыми мальчишками и выросъ ни на что негоднымъ неучемъ. Ну какой выйдетъ изъ него мужчина? Откровенно скажу, что на мѣстѣ Тимоѳея Степановича, не позволилъ бы вамъ такъ поступать». Не понравились такія слова моей матери; она отвѣчала: что не думаетъ воспитать своего сына неучемъ и деревенскимъ повѣсой, но прежде всего хочетъ спасти его жизнь и восстановить его здоровье,—и болѣе не видалась съ К—мъ. Въ К—быть дальний родственникъ моему отцу, советникъ палаты, Михеевъ. Мать обратилась къ нему, и хотя онъ также не одобрялъ намѣренія и отказался хлопогать объ его исполненіи, но удовлетворилъ ея желанію, приказавъ написать просьбу въ Советъ гимназіи о моемъ увольненіи. Въ просьбѣ было написано, что моя мать просить возвратить ей сына на время, для возстановленія его здоровья и что какъ скоро оно поправится, то она обязуется вновь представить меня въ число казенныхъ воспитанниковъ. Вмѣстѣ съ этой просьбой, поступило въ Советъ донесеніе доктора Бениса. Онъ писалъ, что находить совершенно необходимымъ возвратить воспитанника Аксакова въ родительскій домъ, именно въ деревню; что моя болѣзнь такого рода, что только одинъ деревенскій воздухъ и жизнь на родинѣ посреди своего семейства, могутъ побѣдить ее, что никакія медицинскія средства въ больницѣ не помогутъ, что припадки мои угрожаютъ переходомъ въ эпилепсию, которая можетъ окончиться апоплексіей, или поврежденіемъ умственныхъ способностей. Не могу сказать до какой степени было это справедливо; но докторъ этимъ не удовольствовался: онъ утверждалъ, что у меня есть какое-то расширение въ колѣнкахъ и горбоватость ножныхъ костей, что для этого также нужно тѣлодвиженіе на вольномъ воздухѣ и продолжительное употребленіе

деконта (какого не помню), которым предлагалъ спасти меня изъ казенной аптеки. Кажется, все последнее было несправедливо; хотя точно я имѣлъ очень толстые колѣнки, но у дѣтей это часто бываетъ и проходить само собой. Тѣмъ не менѣе, такие пустые наружные признаки были найдены впослѣдствіи вполнѣ уважительными. Началось дѣло въ Совѣтѣ, въ которомъ подъ предсѣдательствомъ директора присутствовали главный надзиратель и трое старшихъ учителей. К—иъ, отъ которого прежде все зависѣло, употребилъ свое влияніе, и учителя приняли его сторону. Директоръ колебался. Хотѣли дать предписаніе Бенису, чтобы онъ пригласилъ на консилиумъ инспектора Врачебной Управы и вновь испыталъ надо мной медицинскія пособія; но Бенисъ предварительно объявилъ, что онъ не исполнитъ этого предписанія и донесетъ Совѣту, чтобы онъ скорѣе уволилъ меня, потому что по прошествіи лихорадки сейчасъ оказались признаки возобновленія прежнихъ припадковъ, что и было совершенно справедливо. — Видя, что дѣло идетъ не хорошо, бѣдная мать моя пришла въ совершенное отчаяніе. Паконецъ Бенисъ посовѣтовалъ ей просить директора, чтобы онъ приказалъ при себѣ освидѣтельствовать меня гимназическому доктору, вмѣсть съ другими посторонними докторами, и чтобы согласился съ ихъ мнѣніемъ — и мать моя побхала просить директора. Желаая избавиться отъ скучныхъ просьбъ и слезъ, онъ вѣрѣль сказать, что никакъ не можетъ принять ее сегодня и просить пожаловать въ другое время; но какъ такой отказъ былъ уже не первый, то мать приготовила письмо, въ которомъ написала, «что это послѣднее ея посыщеніе, что если онъ ее не приметъ, то она не выйдетъ изъ его пріемной, покуда ее не выгнать, и что вѣрно онъ не поступитъ такъ жестоко съ несчастной матерью.» Дѣлать было нечего. Директоръ вы-

шелъ въ гостиную, и опять не устояль передъ выражениемъ истинной скорби и даже отчаянія. Онъ далъ честное слово исполнить все, о чемъ просила его моя мать, — и сдержалъ свое слово. На другой же день состоялось опредѣленіе гимназического Совета, совершенно согласное съ желаніемъ Бениса и вчерашнею просьбою моей матери, чего, впрочемъ, никто не зналъ, кроме самого директора. Всъ напротивъ считали свидѣтельство постороннихъ врачей оскорблениемъ для Бениса и были увѣрены, что врачи съ нимъ не согласятся; пригласили городового штабъ-лекаря и одного изъ членовъ Врачебной Управы. Но Бенись, предварительно увѣренный въ ихъ согласіи съ своимъ мнѣніемъ, спокойно дождался развязки; его увѣренность успокоила несолько мою мать, которая въ свою очередь старалась успокоить и меня. Она рассказывала мнѣ, съ величайшей подробностью, всѣ свои поступки и всѣ свои переговоры, она старалась увѣритъ меня, что несмотря на препятствія, надежда на успѣхъ ее не покидаетъ; но я, только по временамъ, и то не надолго, обольщался этой надеждой: освобожденіе изъ каменнаго острога, какъ я называлъ гимназіо, и возвращеніе въ семейство, въ деревню — казалось мнѣ блаженствомъ недостижимымъ, несбыточнымъ. Переписка съ властями о назначеніи докторовъ тянулась какъ-то медленно, и по настоюнию главнаго надзирателя директоръ приказалъ выписать меня изъ больницы, потому что лихорадка моя совершенно прошла. Бенись долженъ былъ согласиться. Я опять поступилъ въ комнату къ Упадышевскому и нашелъ кровать свою никъмъ не занятою. Послѣ довольно продолжительного пребыванія на свободѣ, въ тихой и спокойной больничной комнатѣ, сталъ еще противъ для меня весь порядокъ и шумный образъ жизни посреди моихъ гимназическихъ товарищѣй. Притомъ такое пере-

мъщеніе показалось мнѣ зловѣщимъ признакомъ, что меня не хотятъ отпустить. Мать видалась со мной каждый день, но весьма на короткое время, и то въ общей приемной залѣ. Все это вмѣстѣ нагнало опять тоску на мою душу, и мои припадки появились съ прежнею силою, какъ будто и не прекращались. Благодареніе Богу, такое мучительное состояніе продолжалось не долго. Ровно черезъ недѣлю, когда воспитанники, послѣ ужина, сошли въ спальные комнаты и начали раздѣваться, Евсеичъ сунулъ мнѣ въ руку записочку отъ матери и сказалъ: «прочтите такъ, чтобы никто не видалъ». Мать писала ко мнѣ, чтобы на другой день поутру я не вставалъ съ постели, а сказала бы Василию Петровичу, что у меня ломятъ ноги, особенно колѣники, и попросился бы въ больницу. Записочку приказано было сжечь, чтѣ я сейчасъ исполнить. Ложь была совершенно мнѣ незнакома. Мать особенно строго за нее взыскивала, и я очень изумился такому приказанію. Хотя какая-то темная догадка мелькала у меня въ умѣ, что эта ложь будетъ способствовать моему освобожденію изъ гимназіи, но я долго не могъ заснуть, смущаясь, что завтра долженъ сказать неправду, которую и Василий Петровичъ и докторъ сейчасъ увидятъ, и уличатъ меня. На другой день, когда дядька стала меня будить, я сказалъ ему, что у меня болятъ ноги и что я хочу опять въ больницу. Легкая улыбка искривила ротъ моего Евсеича и онъ пошелъ доложить о томъ Упадышевскому, который, къ удивленію моему, не обративъ на это никакого вниманія, весьма равнодушно сказалъ: «хорошо; такъ пусть онъ не встаётъ, я только провожу дѣтей на верхъ, а потомъ приду за нимъ и отведу его въ больницу.» — Но товарищи не оставили меня въ покое и многіе изъ нихъ, сдергивая съ моей головы одѣяло, которымъ я нарочно закрылся, спрашивали меня:

«отъ чего ты не встаешь?» Смутившись и краснея, принужденъ я былъ солгать еще несолько разъ. Со смѣхомъ отвѣчали мне: «ты врешь; лѣтъ учиться, въ больницѣ понравилось!» Шумная ватага мальчиковъ, построясь въ комнатный фронтъ, ушла на верхъ. Упадышевскій воротился, и не разспросивъ меня о болѣзни, отвелъ въ больницу и сдалъ съ рукъ на руки подлекарю Риттеру и больничному надзирателю. Меня помѣстили въ прежней комнатѣ. Въ девять часовъ пріѣхалъ Бенисъ и, начавъ меня осматривать, предупредилъ словами: «вѣрно у васъ разболѣлись ноги? Я этого ожидалъ,» и указывая подлекарю и надзирателю на мои колѣнки, онъ прибавилъ: «посмотрите какъ онъ въ одну недѣлю распухли и жаръ въ нихъ усилился.» Колѣнки мои были совершенно въ прежнемъ положеніи, жара я не чувствовалъ, и съ изумленіемъ замѣтилъ, что все какъ-будто сговорились лгать. Еще болѣе изумила меня мать, которая пріѣхала вслѣдъ за Бенисомъ, и безъ всякаго смущенія разсуждала съ нимъ и съ другими о моей новой небывалой болѣзни. Когда мы остались наединѣ, я посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ и спросилъ: «маменька, что это значитъ?» Она обняла меня и сказала: «что дѣлать, мой другъ это необходимо, такъ приказалъ Бенисъ. На этихъ дняхъ тебя будутъ свидѣтельствовать другие доктора, и ты долженъ имъ сказать, что у тебя болятъ ноги. Христіанъ Карловичъ увѣряетъ, что отъ того тебя выпустятъ изъ гимназіи.» Лучь надежды блеснула въ моей душѣ, хотя я не видѣлъ особыхъ причинъ предаваться ей. Черезъ два дня, вечеромъ сказала мнѣ мать, что завтра будутъ меня свидѣтельствовать, повторила мнѣ все, что я долженъ говорить о болѣзни своихъ ногъ, и убѣждала, чтобы я отвѣчалъ смѣло и не занимался. Въ слѣдующій день, въ одинадцать часовъ, вошли ко мнѣ въ комнату: директоръ, главный надзира-

тель, Бенисъ съ двумя неизвѣстными мнѣ докторами, трое учителей, присутствовавшихъ въ совѣтѣ, и Упадышевскій. Небольшая моя комната наполнилась людьми, всѣмъ подали кресла, и всѣ торжественно разсыпались около моей постели. Я такъ смутился, что мнѣ сейчасъ начало дѣлаться дурно; впрочемъ я скоро оправился безъ лекарства и услышалъ, что Бенисъ разсказывалъ докторамъ исторію моей болѣзни, иногда по-латыни, но большую частью по русски; во многомъ онъ ссылался на Упадышевскаго, котораго тутъ же разспрашивали. Призванъ быть также мой дядька, которому было сдѣлано нѣсколько вопросовъ о состояніи моего здоровья до поступленія въ гимназію. Меня самого также очень много спрашивали; доктора часто подходили ко мнѣ, щупали мою грудь, животъ и пульсъ, смотрѣли языкъ; когда дѣло дошло до колѣнокъ и до ножныхъ костей, то всѣ трое обстушили меня, всѣ трое вдругъ стали тыкать пальцами въ мнимо больныя мѣста, и заговорили очень серѣзно и съ одушевленiemъ. Я помню, что часто упоминались слова: «климанта, пасока, скорбуть.» Насилу кончилось это тягостное, очень утомившее меня свидѣтельство; оно продолжалось по крайней мѣрѣ часъ. Когда всѣ ушли, я немедленно заснуль, а проснувшись увидалъ сидящую предо мною мать и простывшій больничный обѣдъ на столѣ. Мать моя хотя надѣялась, но рѣшительного еще ничего не знала. Она немедленно уѣхала къ Бенису, и часа черезъ два опять прїѣхала ко мнѣ съ блестающимъ радостью лицемъ: доктора прямо отъ меня отправились въ Совѣтъ гимназіи, гдѣ подписали общее свидѣтельство, въ которомъ было сказано, что «совершенно соглашаюсь съ мнѣнiemъ г-на доктора Бениса, они считаютъ необходимымъ возвратить казеннаго воспитанника Аксакова на попеченіе родителей въ деревню; а къ прописанному для больнаго декоукту

полагаютъ не лишнимъ прибавить такіе то медикаменты и предписать въ послѣдствіи крѣпительный холодный ванны.» Директоръ положительно согласился, трое учителей послѣдовали его примѣру; но главный надзиратель остался при своемъ мнѣніи и не подписалъ журнала (*); впрочемъ это ничему не мѣшало.

И такъ совершилось желанное событие, такъ долго казавшееся несбыточною мечтою! Мать моя сѣла блаженствомъ; она плакала, смѣялась, всѣхъ обнимала, особенно Упадышевскаго и Евсеича,—благодарила Бога. Я былъ такъ счастливъ, что по временамъ не вѣрилъ своему счастью, думалъ, что я вижу прекрасный сонъ, боялся проснуться и, обнимая мать, спрашивалъ ее: «правда ли это?» Долѣе всѣхъ вечеровъ просидѣла она со мной, и Упадышевскій не одинъ разъ приходилъ и просилъ ее уѣхать. К — въ не измѣнилъ себѣ до конца; онъ предложилъ Совету: взыскать съ моей матери, за пятимѣсячное пребываніе мое въ гимназіи, всѣ издержки, употребленныя на мое содержанье и ученье. Но директоръ не согласился на такое предложеніе, сказавъ, что воспитанника не исключаютъ совсѣмъ, а только возвращаютъ родителямъ до выздоровленія. На третій день послѣ свидѣтельства, пригласили мою мать въ Советъ, обязали ее подписать: представить въ гимназію сына по выздоровленіи, и позволили взять меня. Мать, прямо изъ Совета, въ послѣдній разъ пришла въ больницу; Евсеичъ переодѣлъ меня въ мое прежнее платье и сдалъ всѣ казенные вещи и книги. Съ горячими слезами благодарности простились мы съ Упадышевскимъ и больничнымъ надзирателемъ. Мать взяла меня за руку и, въ сопровожденіи Евсеича, вывела на крыльцо.... Я вскрикнуль отъ радостнаго изумленія: передъ крыльцомъ стояла наша

(*) Копії со всѣхъ бумагъ долго у насъ хранились.

деревенская карета, запряженная четверкой нашихъ доморощенныхъ лошадей; на козлахъ сидѣлъ знакомый кучеръ, а на подсѣдельной, еще болѣе знакомый форрейторъ, всегда достававшій мнѣ червяковъ для уженья. Федоръ и Евсеичъ посадили меня въ старую колымагу подъ матери, и мы поѣхали на квартиру. Карета, люди и лошади были присланы отцомъ моимъ изъ деревни. Не смотря на радость, которою былъ не только проникнуть, но можно сказать ошеломленъ, я такъ расплакался, прощаюсь съ Василемъ Петровичемъ, что даже въ деревенской каретѣ продолжалъ плакать. Въ самомъ дѣль, доброта этого человѣка, его безкорыстное нѣжное участіе, доходившее до самоотверженія, къ людямъ совершенно постороннимъ, стоили самой искренней благодарности; надобно къ этому прибавить, что находясь нѣсколько лѣтъ въ гимназіи, онъ неминуемо долженъ былъ привыкнуть къ подобнымъ явленіямъ, а сердця, не покоряющіяся привычкѣ, встречаются не часто. На квартирѣ ожидали меня радостныя слезы Параси и даже хозяйки дома, все той же капитанши Аристовой, которая также принимала участіе въ нашемъ положеніи (*). Въ тотъ же день вечеромъ мы съ матерьюѣздили къ доктору Бенису благодарить и проститься. Надобно отдать должную справедливость и этому человѣку, который, не знаю почему, имѣлъ въ городѣ репутацію холоднаго интересана,—что въ отношеніи къ намъ онъ поступалъ обязательнно и безкорыстно; онъ не только не взялъ съ насъ ни копѣйки денегъ, но даже не принялъ подарка, предложеннаго ему матерью на память объ одолженныхъ имъ людяхъ; докторамъ же, которые свидѣтельствовали меня, онъ подарилъ отъ насъ по 25 рублей за беспокойство, какъ будто за консилиумъ; раз-

(*) Мать моя съ почтоваго двора немедленно перѣехала къ ней.

умъется, мать отдала ему эти деньги. И такъ оставалось благодарить Бениса словами, слезами и молитвами за него Богу — и мать благодарила такъ отъ души, такъ горячо что Бенисъ и жена его были очень растроганы. Что касается до меня, то я какъ-то не растрогался, и хотя я очень хорошо зналъ, что единствено Бенису обязанъ за освобожденіе изъ гимназіи, но я не заплакалъ и благодарилъ очень вяло и пошло, за что мать послѣ мнѣ очень пеняла. На другой день поутру, мы отправились въ сорбъ и потомъ къ Казанской Божіей Матери, и отслужили благодарственные молебны. Заѣхали къ директору, но его не было дома, или онъ не хотѣль насъ принять. Воротясь домой, мы нашли у насъ Василья Петровича, который еще разъ пришелъ повидаться съ нами и проститься. Онъ также отказался принять подарокъ на память и отвѣчалъ коротко и ясно: «не обижайте меня, Марья Николавна.» Съ нимъ прощался я совсѣмъ не такъ, какъ съ Бенисомъ: я ужасно расплакался; долго не могли меня унять, даже боялись возвращенія припадка, но какія-то новыя капли успокоили мое волненіе; должно замѣтить, что это лекарство, въ посѣдніе дни, уже въ третій разъ, не допускало развитія дурноты. По уходѣ Упадышевскаго, мы кое-какъ пообщдали и сейчасъ принялись укладываться. Намъ какъ-то страшно было оставаться въ К—и, и каждый часъ промедленія казался долгимъ днемъ; къ вечеру все было готово. Вечеръ наступилъ теплый, совершенно лѣтній, и мы съ матерью легли спать въ карету. На разсвѣтъ, безъ всякаго шума, заложили лошадей и, не разбудивъ меня, тихо выѣхали изъ К—и. Когда я проснулся, яркое солнце свѣтило въ карету; Параша спала, а мать сидѣла возлѣ меня и плакала самыми радостными, благодарными Богу, слезами; это чувство такъ выражалось въ ея глазахъ, что никто

бы не опечалился, а скорѣе порадовался, увида ея слезы. Она обняла свое ненаглядное дитя, и потокъ нѣжныхъ рѣчей и ласкъ высказалъ ея внутреннее состояніе. Это было 19 мая, день рождения моей милой сестры. Прекрасное, даже жаркое, весеннее утро настоящаго майскаго дня обливало горячимъ свѣтомъ всю природу. Въ окна кареты заглянули зеленый, молодыя хлѣбныя поля, луга и лѣса; мнѣ такъ захотѣлось окинуть глазами весь края далекаго горизонта, что я попросилъ остановиться, выскочилъ изъ кареты и началъ бѣгать и прыгать, какъ самое рѣзвое пятилѣтнєе дитя; тутъ только я вполнѣ почувствовалъ себя на свободѣ. Мать любовалась, глядя на меня изъ кареты. Я обнялъ Евсепча и Федора, поздоровался съ кучеромъ и форрейторомъ, который успѣль сказать мнѣ, что рыба начинала шпѣко клевать, когда онъ уѣзжалъ изъ Аксакова. Я поздоровался также со всѣми лошадьми, Евсепчъ взялъ меня на руки, поднялъ, и я погладилъ каждую изъ нихъ. Это былъ славный шестерикъ, бурой и караковой масти, такой породы лошадей, о какой давно и слуху нѣть въ Оренбургской губерніи; но лѣтъ двадцать помнили ее и говорили о ней. Дѣдушка мой вывелъ такую породу; лошади были крупные, четырехъ-вершковыя, сильныя до невѣроятности, рысистыя, не задушливыя на бѣгу и не знавшія устали. Въ тяжелыхъ экипажахъ дѣлали на нихъ по 80 и по 90 верстъ въ день. — Боже мой, какъ было мнѣ весело! На силу усадили меня въ карету, но я высунулъся въ окошко и ѿхалъ такъ до самой кормежки, радостными восклицаніями привѣтствуя все, что попадалось на дорогѣ. Наконецъ сверкнула полоса воды — это была рѣка Мѣша, не очень большая, но глубокая и чрезвычайно рыбная; по ней ходилъ довольно плохой плотъ на веревкѣ. Мы перевѣвались долго: лошадей ставили только по одной

паръ, а карету едва перевезли; ее облегчили отъ сундуковъ и другихъ тяжестей, и не смотря на то, плоть погружался въ воду. Мы съ матерью перѣхали прежде всѣхъ на другой берегъ; цвѣтущая и душистая урема покрывала его. Я не помнилъ себя отъ восхищенія. Занасливый форрейторъ, страстный охотникъ удить, взялъ съ собою изъ деревни совсѣмъ готовую удочку съ удильщикомъ, которая и была привязана подъ каретой къ дрожинѣ; ее сейчасъ отвязали, и покуда совершилась переправа, я уже удилъ на хлѣбъ и таскалъ плотву. Кромѣ Дѣмы, я не видывалъ рѣки рыбнѣе Мѣши; рыба кинѣла въ ней, какъ говорится, и такъ брала, что только усиливай закидывать. Мудрено ли, что послѣ освобожденія изъ гимназического пленя, эта кормежка показалась мнѣ блаженствомъ! На оставленномъ нами берегу находилась чья-то господская деревня; тамъ достали овса, сѣна, курицу, яицъ и всѣ нужные припасы. Какой обѣдъ на дорожномъ таганѣ приготовилъ намъ Евсентъ, который былъ немножко и поваръ! Сковорода жареной рыбы также показалась очень вкуснымъ блюдомъ. Мы уже отѣхали тридцать верстъ отъ К—ни, кормили четыре часа и пустились въ дальнѣйшій путь. Набѣжаліи тучи, загремѣль громъ, дождь вспрыснуль землю, и тѣхать было не жарко и не пыльно; сначала тѣхали шагомъ, а потомъ побѣжали такого рисью, что уѣзжали болѣе десяти верстъ въ часъ. Скоро небо прояснилось и великолѣпное солнце осушило слѣды дождя; мы отѣхали еще сорокъ верстъ и остановились почевать въ полѣ, потому что на кормежкѣ запаслись всѣмъ нужнымъ для ночевки. Опять множество новыхъ удовольствій, новыхъ наслажденій! Выпрыгли, спустили лошадей и пустили ихъ на сочную молодую траву; развели яркой огонь, наложили дорожный самоваръ, то есть, огромный чайникъ съ трубою, послали кожу возль

кареты, поставили погребець и подали чай. Какъ онъ былъ хорошъ на свѣжемъ вечернемъ воздухѣ! Черезъ два часа напоили остывшихъ коней, разбили хребтуги съ овсомъ, привязавъ ихъ къ дышлу и включеннымъ въ землю колъямъ, и пропустили къ овсу лошадей. Мы съ матерью и съ Парашей улеглись въ каретѣ, и сладко заснуль я, слушая какъ жевали кони овесь и фыркали отъ попадавшей въ ноздри пыли. На другой день поутру, мы переправились немного выше Шурана, черезъ Каму, которая была еще въ разливѣ. Я боялся (и теперь боюсь) большой воды; а тогда дуль порядочный вѣтеръ. На перевозѣ оказалась посуда (*) большая и новая: на одну завозню поставили всѣхъ лошадей и карету; меня заперли въ нее съ Парашей, опустили даже гардинки и подняли жалузи, чтобы я не видать волнующейся воды; но я сверхъ того закуталъ голову платкомъ и все-таки дрожалъ отъ страха во все время переправы; дурныхъ послѣдствій не было. Весенняя пристань находилась еще въ Мурзихѣ; лѣтомъ она спускалась насколько верстъ ниже. Мать отыскала въ Мурзихѣ своихъ провожатыхъ; она всѣмъ привезла хорошия гостинцы: подарки были приняты безъ удивленія, но съ удовольствіемъ и благодарностью. Мы проѣхали еще пятнадцать верстъ до мѣста своей кормежки. Такъ продолжался нашъ путь, и на пятый день прїѣхали мы ночевать въ деревню, Татарский Байтуганъ, лежащую на рѣкѣ Сокѣ, всего въ двадцати верстахъ отъ Аксакова. Рѣка Сокъ также очень рыбна; но боясь вечерней сырости, мать не пустила меня поудить, а Форрейторъ сбѣгалъ и принесъ насколько окуней и плотицъ. Поднявшись съ ночлега, по обыкновенію на зарѣ, мы имѣли возможность не заѣхать въ село Нек-

(*) Такъ называются завозни, дощаники, царомы и проч.

людово, где жили родные намъ по бабушкѣ, Кальминскіе и Луневскіе; а также и въ Бахметевку, где недавно поселился новый помѣщикъ Осоргинъ съ молодою женой: и мы, и они еще спали во время нашего проѣзда. Версты за четыре до Аксакова, на самой межѣ нашего владѣнія, я проснулся, точно кто-нибудь разбудилъ меня; когда проѣхали мы между Липовымъ и Общимъ колкомъ (*) и выѣхали на склонъ горы, должно было немедленно открыться наше Аксаково, съ огромнымъ прудомъ, мельницей, длиннымъ порядкомъ избъ, домомъ и березовыми рощами. Я безпрестанно спрашивалъ кучера: «Не видно ли деревни?» И когда онъ сказалъ наконецъ, наклонясь къ переднему окошку: «вотъ наше Аксаково, какъ на ладонкѣ»—я стала такъ убѣдительно просить мою мать, что она не могла отказать мнѣ и позволила сѣсть съ кучеромъ на козлахъ. Не берусь передать, что чувствовало мое сердце, когда я увидалъ милое мое Аксаково! Нѣть словъ на языкѣ человѣческомъ для выраженія такихъ чувствъ!.....

Во все теченіе моей жизни, я продолжалъ испытывать, приближаясь къ Аксакову, подобныхъ ощущеній; но два года тому назадъ, послѣ двадцатиаго отсутствія, также довольно рано, подѣлѣжалъ я къ тому же Аксакову; сильно билось мое сердце отъ ожиданія, я надѣялся прежнихъ радостныхъ волненій! Я вызвалъ милое прошедшее, и рой воспоминаній окружилъ меня... но не весело, а болѣзненно, мучительно подѣствовали они на мою душу, и мнѣ стало невыразимо тяжело и грустно. Подобно волшебнику, который, вызывая духовъ, не умѣеть съ ними сладить и не знаетъ куда отъ нихъ дѣваться,—

(*) Теперь не существуетъ послѣдняго названія, потому что владѣльцы размежевались.

не зналъ я, какъ миъ прогнать мои воспоминія, какъ успокоить нерадостное волненіе. Старые мѣха не выдергиваются молодаго вина, и старое сердце не выносить молодыхъ чувствъ.... но тогда, Боже мой, что было тогда!

Несколько разъ я чувствовалъ стѣсненіе въ груди и готовъ быль упасть; но я молчалъ, крѣпко держался за ручку козель и за кучера, и стѣсненіе проходило само собою.—Быстро скатилась карета подъ изволокъ, перѣхала черезъ плохой мостъ на Бугурсланъ, завязла было въ топи у Крутца, но выхваченная сильными конями, пронеслась мимо камышей, пруда, деревни—и вотъ нашъ сельскій домъ, и на крыльцѣ его отецъ съ милой моей сестрицей. Когда мы подъѣхали, она всплеснула рученками и закричала: «братецъ Сереженька на козлахъ!..» Выбѣжала тетка и вывела брата, кормилица вынесла маленькую мою сестру! Сколько обѣятій, поцѣлуевъ, радости, вопросовъ и отвѣтовъ! Сбѣжалась вся дворня, даже крестьяне, случившіеся дома, и куча мальчишекъ и дѣвочекъ. Отецъ мой очень обрадовался; онъ не вѣрилъ, чтобы удалось высвободить меня изъ гимназіи; послѣднюю недѣлю некогда было писать къ нему изъ К., и онъ ничего не зналъ, чѣмъ тамъ происходило.

ГОДЪ ВЪ ДЕРЕВНЬ.

WILLIAM HENRY CHADWICK

ГОДЪ ВЪ ДЕРЕВНЬ.

Первые дни были днями самозабвения и суматочнай деятельности. Прежде всего я навѣстилъ своихъ голубей и двухъ перезимовавшихъ ястребовъ. Я обѣгалъ всѣ знакомыя, всѣ любимыя мѣста, а ихъ наплось не мало. Около дома, въ саду, въ огородѣ и въ ближайшай рощѣ съ грачевыми гнѣздами, вездѣ бѣгала со мною сестрица, уцепясь за мою руку, и даже показывала, какъ хозяйка, кое-что сдѣланное безъ меня, и въ томъ числѣ огромную и высокую паровую гряду изъ навоза, на которой были посажены тыквы, арбузы и дыни. Сѣгали мы также съ ней и въ кладовые амбары, гдѣ хранилось много драгоцѣнностей: мѣдные, желѣзные и рѣзной костью оклеенные ларцы съ разными штуфами и окаменѣлостями, подаренными иѣкогда моей матери какимъ-то важнымъ горнымъ чиновникомъ; посѣтили и ключницу Пелагею на погребѣ, и были угожены холодными густыми сливками съ чернымъ хлѣбомъ. Но къ рѣкѣ и за рѣку, сестрицѣ не позволяли ходить со мною, и туда провожалъ меня Евсеичъ. Мы перешли съ нимъ черезъ мосточки на первый островъ, гдѣ стояла лѣтняя кухня и лежали широкія лубки, на которыхъ

сушили мытую щеницу. Этот островокъ окружала съ двухъ сторонъ старица Бугуруслана, которая начинала пересыхать и заростать таловыми кустами; мы перебрались черезъ нее по жердочкамъ и сейчасъ перешли на другой островъ побольше, также съ одного боку окруженный старицей, но еще глубокой и прозрачной. Это было любимое мѣсто моей тетки Евгении Степановны, все засаженное по берегу рѣки березами и пересѣченное посерединѣ липовой аллеей. Очевидно, что это мѣсто давно понравилось еще моему дѣдушкѣ и что онъ засадилъ его деревьями за долго до рожденія меньшой своей дочери Евгении, какъ онъ называлъ ее: потому что деревьямъ было лѣтъ по пятидесяти, а дочери—тридцать пять. Евгения Степановна, хотя не получила никакого воспитанія, какъ и всѣ ея сестры, но имѣла въ душѣ какое-то влеченіе къ образованности и любовь къ природѣ. У ней водились кое-какія книжечки: старинные романы (вѣроятно доставленныя ей братомъ) и театральныя піески. Разумѣется я всѣ ихъ перечиталъ съ дозволенія и безъ дозвolenія; особенно помню одинъ водевильчикъ, подъ названіемъ: «Драматическая Пустельга». Тетка любила читать книжку на островѣ и удить рыбку въ глубокой старицѣ. На многихъ березахъ вырѣзала она свое имя и числа разныхъ годовъ и мѣсяцовъ, даже какіе-то стишкі изъ пѣсенника. Какъ я любилъ этотъ островъ!... Какъ хорошо было на немъ въ лѣтніе жары! прохладная тѣнь и кругомъ вода! Съ одной стороны новая канавка, идущая отъ вешняка, соединялась съ водой, быстро бѣгущей изъ-подъ мельницы, а съ другой—прежнее русло Бугуруслана, еще глубокое и прозрачное, огибало островъ. Безъ сердечнаго трепета, безъ замиранья сердца, не могу я до сихъ поръ вспомнить лѣтнаго полдня на этомъ островѣ. Теперь все перемѣнилось. Старица почти высохла; другая,

новая канавка отвела воду отъ вешняка въ другую сторону; вездѣ разросся тальникъ и ольха, и островъ уже понапрасну сохраняетъ свое имя. Впрочемъ, если взять все пространство земли, идущее до плотины, то съ настажкой оно можетъ еще называться прежнімъ именемъ. Налюбовавшись досыта островомъ, оглядѣвъ каждое дерево, перечитавъ всѣ тетушкины надписи, насмотрѣвшись на головлей и язей, гулявшихъ или неподвижно стоявшихъ въ старицѣ, отправились мы съ Евсичемъ на мельницу; но я забѣжалъ на *Антошкины мостки*, гдѣ часто уживалъ пискарѣй, и на кузницу, гдѣ я любилъ смотрѣть какъ прядали искры изъ-подъ молота, ковавшаго раскаленное желѣзо. Когда же я всѣбѣжалъ на плотину, и широкой прудъ открылся передо мной, съ своими зелеными камышами и лопухами, съ длиною плотиною, оброставшую молодыми ольхами, съ цѣльнымъ міромъ своего птичьяго и рыбьяго населенія, съ вешнякомъ, каузомъ и мельницей—я оцѣнилъ отъ восторга и простоялъ, какъ вкопанный, нѣсколько минутъ. Мельникъ, по прозванью Болтуненокъ, очень меня любившій, приготовилъ мнѣ неожиданную потѣху: онъ разставилъ въ травахъ нѣсколько жерлицъ на щукъ, и нарочно не смотрѣль ихъ до моего прихода; онъ зналъ, что я приду непремѣнно, онъ посадилъ меня съ Евсичемъ въ лодку и повезъ полою до травы; вода была очень мелка и тутъ я не боллся. Я самъ вынималъ каждую жерлицу, и на одной изъ нихъ сидѣла большая щука, которую я вытащилъ съ помощью Евсича, и съ торжествомъ несъ на своихъ рукахъ до самаго дома. Потомъ дни чрезъ два отецъ свозилъ меня поудить и въ *Малую* и въ *Большую Урему*; онъ ъздилъ со мной и въ *Антошикінъ врагъ* гдѣ на самой вершинѣ горы бывъ сильный родникъ и падалъ внизъ пылью и пѣной; и къ *Колодь*, гдѣ родникъ бѣжалъ по нарочно подстав-

леннымъ липовымъ колодамъ; и въ Мордовской *врагъ*, гдѣ
ключь вырывался изъ каменной трещины у подошвы
горы; и въ *Липовый* и въ *Потаенный колокъ*, и на пчель-
никъ, между ними находившійся, состоящей изъ множе-
ства ульевъ. Тамъ жилъ постоянно, и лѣто и зиму, ста-
рый пчелякъ въ землянкѣ, также большой мой прія-
тель, у котораго былъ котъ *Тимошка* и кошка *Машка*,
названные такъ въ честь моего отца и матери.

Въ такихъ-то пріятныхъ суетахъ и хлопотахъ прошли
первыя двѣ недѣли, послѣ нашего прѣѣзда въ Аксаково.
Нечего и говорить, какъ была счастлива моя мать, видя
меня веселымъ, бодрымъ и повидимому здоровымъ. Она
еще въ К. взяла свои мѣры, чтобы не пропало въ совер-
шенней праздности времени моей деревенской жизни, и за-
паслась учебными гимназическими книжками. Постоянно
думая, что если я, по милости Божіей, поправлюсь здо-
ровьемъ, можетъ быть черезъ годъ, то все же надобно
будеть представить меня опять въ гимназію,—она назначила
мнѣ отъ двухъ до трехъ часовъ въ день, для повторенія
всего, чему я учился, для занятія чистописаніемъ и чте-
ніемъ ей вслухъ разныkhъ книгъ, приличныхъ моему воз-
расту. Я исполнялъ это очень охотно, и деревенскія удо-
вольствія становились для меня еще пріятнѣе послѣ заня-
тій. Я принялъ также доучивать мою милую ученицу,
маленькаго моего друга, мою сестрицу, и на этотъ разъ
съ совершеннымъ успѣхомъ.

Я уже сказалъ, что повидимому казался здоровымъ,
но на дѣлѣ вышло не совсѣмъ такъ. Правда, по выходѣ
изъ гимназіи, не было у меня ни одного припадка; доро-
гой даже прошли стѣсненія и біенія сердца, и въ дे-
ревнѣ не возобновлялись; но я стала каждую ночь бре-
дить во снѣ, болѣе, сильнѣе обыкновенного. Сначала мать
моя не придавала этому бреду никакой значительности,

все приписывая излишнему бъганью и живости дѣтскихъ впечатлѣній, тѣмъ больше, что до поступленія въ гимназію, я часто грезилъ, чему подвержены бываются многія дѣти. Но теперь это начало принимать мало по малу другой характеръ. Во-первыхъ: я сталъ бредить постоянно всякую ночь очень сильно, иногда по нѣсколько разъ. Во-вторыхъ: я сталъ не только говорить во снѣ, но вскакивать съ постели, плакать, рыдать и выбѣгать въ другія комнаты. Я спалъ вмѣсть съ отцомъ и матерью въ ихъ спальнѣ, и кроватка моя стояла возлѣ ихъ кровати; дверь стали запирать изнутри на крючекъ, и позади ее въ коридорчикѣ спала ключница Палагея, для того, чтобы убѣжать сонному не было мнѣ никакой возможности. Но чной бредъ, усиливаясь день отъ дня, или правильнѣе сказать, ночь отъ ночи, обозначился наконецъ очевиднымъ сходствомъ съ тѣми припадками, которыми въ гимназіи я подвергался только въ продолженіи дня: я также пла-каль, рыдалъ и впадалъ въ безпамятство, которое переходило въ обыкновенный крѣпкой сонъ. Но этиочные, новые припадки были гораздо сильнѣе и страшнѣе прежнихъ дѣнныхъ припадковъ, и проявлялись съ болѣшимъ разнообразіемъ. Иногда это былъ тихій плачъ и рыданья, всегда съ прижатыми къ груди руками, съ невнятнымъ шопотомъ какихъ-то словъ, продолжавшіеся цѣлые часы и переходившіе въ бѣшенство и судорожныя движения, если меня начинали будить, чего въ послѣдствіи никогда не дѣали; утомившись отъ слезъ и рыданій, я засыпалъ уже сномъ спокойнымъ; но большаго труда стоило, особенно сначала, чтобы окружающіе могли вытерпѣть такое жалкое зрѣлище, не попробовавъ меня разбудить и помочь мнѣ хоть чѣмъ-нибудь. Мнѣ рассказывали послѣ, что не только мать, которая невыразимо терзалась, глядя на меня, но и отецъ, тетка и всѣ, кто около меня были, сами над-

рывались отъ слезъ, смотря на мои мучительныя слезы и рыданья. — Иногда я вдругъ вскакивалъ на ноги съ пронзительнымъ крикомъ, дико глядѣль во все глаза и безпрестанно повторяя: «пустите меня, дальше, прочь, мнѣ нельзя, не могу, гдѣ онъ, куда идти!» и тому подобныя отрывистыя, ничего не объясняющія слова, — я бросался къ двери, къ окну или въ углы комнаты, стараясь пробиться куда-то, стуча руками и ногами въ стѣну. Въ это время у меня была такая сила, что двое и трое не могли удержать меня, и я, обливаясь потомъ, таскалъ ихъ по комнатѣ. Этого рода припадокъ всегда оканчивался сильнымъ обморокомъ, въ продолженіе котораго трудно было заметить, что я дышу; обморокъ переходилъ постепенно въ сонъ, сначала нѣсколько беспокойный, но потомъ глубокой и тихой, продолжавшійся иногда часовъ до девяти утра. Послѣ тихихъ слезъ и рыданій, я просыпался бодрый и живой, какъ будто всю ночь проспалъ спокойно; но послѣ изступленнаго вскакиванія и какого-то бѣшенства, я бывалъ нѣсколько слабъ, блѣденъ, какъ будто утомленъ; впрочемъ все это скоро проходило и я цѣлый день весело учился, бѣгалъ и предавался своимъ охотамъ. Проснувшись, я ничего ясно не помнилъ; иногда смутно представлялось мнѣ, что я видѣль во снѣ что-то навалившееся и душившее меня, или видѣль страшилицъ, которая за мной гонялась; иногда усилія меня державшихъ людей, невольно повторявшихъ ласковыя слова, которыми уговаривали меня лечь на постель и успокоиться — какъ будто пробуждали меня на мгновеніе къ дѣйствительности и потомъ, совсѣмъ проснувшись поутру, я вспоминаль, что ночью отъ чего-то просыпался, что около меня стояли мать, отецъ и другіе, что въ кустахъ подъ окнами пѣли соловьи и кричали коростели за рѣкою. Мать моя не знала, что и дѣлать; особенно пугало ее то, что во время обмо-

рока показывались у меня на лицъ судорожныя подергиванья и пѣна на губахъ, признакъ зловѣштій. Мысль, что это можетъ быть въ самомъ дѣлѣ падучая болѣзнь, задолго пропороченная Евсейчемъ въ его письмѣ,—приводила ее въ ужасъ. Капли, предписанныя Бенисомъ, она перестала давать; кровоочистительного декокта, полученного изъ казенной аптеки, вовсе не употребляла, хотя Бенисъ советовалъ попить его, подозрѣвая во мнѣ золотуху, которой никогда не бывало. Мать позволила мнѣ купаться въ рѣкѣ, думая, что купанье можетъ укрѣпить меня: оно мнѣ очень нравилось, но пользы не приносило. Мать обратилась къ Бенису и такъ мастерски написала исторію моей болѣзни, что докторъ пришелъ въ восхищеніе отъ ея описанія, благодарила за него, прислалъ мнѣ чай и пилюли и назначилъ діату. Все исполняли съ большой точностью, но облегченія болѣзни не было; напротивъ, припадки становились упорнѣе, а я слабѣе. Чай и пилюли бросили, принялись за докторовъ простонародныхъ, за знахарей и знахарокъ. Всѣ говорили, что дитя испорчено, что мнѣ *попрѣчило*; умывали, обливали, окуривали меня — все безъ успеха. Я совсѣмъ не противъ народной медицины и вѣрю ей, особенно въ соединеніи съ магнетизмомъ; я давно отрекся отъ презрительного взгляда, съ которыми многіе смотрятъ на нее съ высоты своего просвѣщенія и учености; я видѣлъ столько поразительныхъ и убѣдительныхъ случаевъ, что не могу сомнѣваться въ дѣйствительности многихъ народныхъ средствъ; но мнѣ тогда не помогли онѣ, можетъ быть отъ того, что не попадали на мою болѣзнь, а можетъ быть и потому, что мать не согласилась давать мнѣ лекарства внутрь. Помню однако, что я долго принималъ, по совѣту одной сосѣдки, папоротникъ въ порошкѣ, для чего употреблялись самые молоденькие побѣги его, выходящіе, на подобіе

гребешка, не посредствено изъ корня, между большими прорезными листьями или вѣтвями этого растенія. Папоротникъ также не помогъ. Наконецъ обратились къ самому известному лекарству, которое было въ большомъ употреблении у нась въ домѣ еще при дѣдушкѣ и бабушкѣ, но на которое мать моя смотрѣла съ предубѣженіемъ, и до этихъ поръ не хотѣла о немъ слышать, хотя тетка давно предлагала его. Это лекарство называлось: «припадочныя или росныя капли» потому что росной ладонѣ составлялъ главное ихъ основаніе; ихъ клали по 10 капель на пол-рюмки воды, и вода бѣлья какъ молоко. Число капель ежедневно прибавлялось по двѣ и доводилось до 25 на одинъ пріемъ, всегда на ночь. Мнѣ начали ихъ давать, и съ первого пріема мнѣ стало лучше; черезъ мѣсяцъ болѣзнь совершенно прошла и никогда уже не возвращалась. Когда довели до 25 капель, то стали убавлять по двѣ капли и кончили десятью; я не переставала купаться и не держала ни малѣйшей діэты. Сколько было бы шуму, еслибы такъ чудотворно вылечилъ меня какой-нибудь славный докторъ! Отдохнула моя бѣдная мать и отецъ, и всѣ меня окружающіе, особенно ключница Пелагея, которая постоянно возилась со мной во время припадковъ, сказывала сказки мнѣ съ вечера и продолжала ихъ даже тогда, когда я спала; мать моя была такъ обрадована, какъ будто въ другой разъ взяла меня изъ гимназіи.—Вотъ какъ часто ищемъ мы исцѣленія въ далекъ, когда оно давно находится у нась въ рукахъ.— Возвращаюсь нѣсколько назадъ.

Не смотря на страшный характеръ моей болѣзни, ни ученье мое, ни деревенскій удовольствія не прекращались во все время ея продолженія; только и тѣмъ и другимъ, когда припадки ожесточались, я занималася умѣрнѣе, и мать следила за мной съ большимъ вниманіемъ и не от-

пускала отъ себя на долго и далеко. Каждый день поутру, покуда не такъ было жарко, отправлялся я съ Евсевичемъ удить. Самое лучшее уженье находилось у насъ въ саду, почти подъ окнами, потому что пониже Аксакова, въ мордовской деревнѣ: Кивацкое, была мельница и огромный прудъ, такъ что подпруда воды доходила почти до сада; тутъ Бугурсланъ могъ называться верховьемъ Кивацкаго пруда, а всмъ охотникамъ извѣстно, что для уженья рыбы это очень выгодно. Впервые познакомился я тогда съ высшимъ наслажденiemъ рыбака, съ уженемъ крупной рыбы: до тѣхъ поръ я лавливалъ только плотву, окуней и пискарей; конечно, двѣ первыя породы достигаютъ также значительной величины, но мнѣ какъ-то очень крупная не попадалась, а если и попадалась, то я не могъ ее вытащить, потому что удиль на тонкия лесы и маленькие крючки. Евсевичъ свилъ мнѣ двѣ лесы, волосъ въ двадцать каждую, навязалъ толстые крючки, привязалъ лесы къ крѣпкимъ удилищамъ и, взявъ еще свою удочку, повелъ меня въ садъ на свое секретное мѣсто, которое онъ называлъ: «золотымъ мѣстечкомъ.» Насадивъ на крючекъ кусокъ умятаго чернаго хлѣба, величиною съ большой русской орѣхъ, онъ закинулъ мою удочку на дно подъ самый кустъ, а свою пустилъ у берега возлѣ травки и камыша. Я сидѣлъ смирно и не смѣль смигнуть съ моего наплавка, который тихо похаживалъ взадъ и впередъ, отъ того что тутъ вода завертывала подъ берегъ. Въ непродолжительномъ времени Евсевичъ вдругъ вскочилъ и закричавъ: «вотъ онъ батюшка!» началъ возиться съ большой рыбой, обѣими руками держа удилище. Евсевичъ не имѣлъ понятія объ умѣньѣ удить и потащилъ изо всей силы, какъ говорится, черезъ плечо на выносъ; рыба вѣроятно защупалась за траву или за камышъ, удилище было просто палка, и леса по-

рвалась: такъ мы и не видали, какая это была рыба. Евсичъ пришелъ въ большой азартъ; я также почти дрожалъ, глядя на него. Евсичъ клялся и уверялъ, что это была такая большая рыбинка, какой онъ съ роду не уживалъ; но вѣроятно обыкновенный язъ, или головль запутался за траву и оттого показался ему такъ тяжель. Развивъ другую мою удочку, дядка мой закинулъ ее поскорѣе на тоже самое мѣсто, гдѣ взяла у него рыба, и сказавъ: «видно я маленько погорячился, теперь стану тащить потише»—сѣль на траву дожидаться новой добычи, но напрасно. Теперь пришла моя очередь, и судьба захотѣла меня потѣшить: наплавокъ мой сталъ понемногу привставать и опять ложиться, потомъ всталъ окончательно и исчезъ подъ водою; я подсѣкъ, и огромная рыба начала тяжело ходить, какъ будто упираясь въ водѣ. Евсичъ поспѣшилъ мнѣ на помощь и схватился за мое удлище; но я, помни его недавнія слова, безпрестанно повторялъ, чтобы онъ тащилъ потише; наконецъ, благодаря новой крѣпкой лесѣ и не очень гнуткому удлищу (*), выволокли мы на берегъ кое-какъ общими силами самаго крупнаго яза, на котораго Евсичъ упалъ всѣмъ тѣломъ восклицая: «вотъ онъ соколикъ! теперь не уйдетъ». Я дрожалъ отъ радости, какъ въ лихорадкѣ, чтò впрочемъ и потомъ случалось со мной, когда я выуживалъ большую рыбу; долго я не могъ успокоиться, безпрестанно бѣгалъ посмотреть на яза, который лежалъ въ травѣ на берегу, въ безопаснѣмъ мѣстѣ. Удочку закинули опять, но рыба больше не брала. Черезъ полчаса мы пошли домой, по-

(*) Для успѣшнаго уженья крупной рыбы вообще полезно гнуткое удлище и очень вредно твердое; но какъ здесь язъ былъ вытащенъ вопреки всемъ правиламъ ужельть, прямо черезъ плечо, то твердое удлище, мало сгибаясь, оказалось полезнымъ, ибо лесѣ, по крѣпости своей, могла выдержать рѣбу.

тому что я былъ отпущенъ на короткое время. Это первое удачное начало сдѣлало меня окончательно горячимъ рыбакомъ. Язя надѣлъ на прутикъ, и я принесъ его къ отцу, который и самъ иногда любилъ удить. Тогда еще не было у насъ обыкновенія взвѣшивать крупную рыбу, но мнѣ кажется, что я и послѣ никогда не выуживалъ язя такой величины и что въ немъ было по крайней мѣрѣ семь фунтовъ.

Отецъ бралъ меня иногда на охоту съ ружьемъ, на которую впрочемъ онъѣзжалъ очень рѣдко. Я сплошь ей сочувствовалъ, и такія поездки были для меня праздниками, хотя участіе мое въ охотѣ ограничивалось тогда исправленіемъ должности левавой собаки, то-есть, я бѣгалъ за убитой птицей и подавалъ ее отцу. Ружья мнѣ и въ руки не давали. Года черезъ три однако, во-время лѣтней ваканціи, о чемъ я разскажу въ своею мѣстѣ, первый ружейный выстрѣль рѣшилъ мою судьбу: всѣ другія охоты, даже удочка, потеряли въ глазахъ моихъ свою прелестъ, и я сдѣлался страстнымъ ружейнымъ охотникомъ на всю жизнь.

Когда болѣзнь моя прошла совсѣмъ, августъ мѣсяцъ былъ уже въ исходѣ; язи и головни давно перестали брать; но я успѣлъ выудить ихъ нѣсколько штукъ замѣчательной величины и, разумѣется, упустилъ вдвое болѣе. За то уженѣе плотвы и особенно окуней, находилось еще въ сильномъ разгарѣ. Впрочемъ, я тогда очень развлекался ястребами; прошлогодними, еще въ полѣ начали травить перепелокъ; молодыхъ гнѣздарей также давно уже выносили и травили шла очень удачно. Старые ястреба были у Никанора Танайченка и у Ивана Мазана, а молодые у Федора и у моего дядьки Евсейча. У меня также былъ свой собственный маленькой ястребъ, чегликъ, выношеній очень хорошо, которымъ я травилъ воробьевъ и раз-

ныхъ птичекъ. Я нерѣдко вѣжалъ въ поле, на длинныхъ дорогахъ, съ кѣмъ-нибудь изъ названныхъ мною охотниковъ, всего чаще съ Евсичемъ, и очень любилъ смотрѣть, какъ травили жирныхъ осеннихъ перепелокъ и дергуновъ. Такъ прошло лѣто и начало осени, полныя разныхъ деревенскихъ удовольствій, въ число которыхъ также можно поставить поѣздки за ягодами, а потомъ за грибами (*).

Мать моя не любила деревенскихъ прогулокъ. Намъ рѣдко удавалось уговорить ее поѣхать со мной и отцомъ въ поле или лѣсъ. Помню однако, что чудесная полевая клубника, родившаяся тогда въ великомъ изобилии, выманивала иногда мою мать на залежи близняго поля, потому что она очень любила эту ягоду и считала ее цѣлебною для своего здоровья. Бѣжали также изрѣдка на живописные горные родники, пить чай со всей семьей подъ тѣнистыми березами; но братъ грибы казалось матери моей нестерпимо-скучнымъ; отецъ же мой и тетка, напротивъ, весьма любилиѣздить по грибки, и я раздѣлялъ ихъ любовь. Всего было больнѣе то, что моя мать не любила также нашего миаго Аксакова. Она находила мѣстоположеніе его низменнымъ и сырьимъ, что отчасти было справедливо, запахъ отъ пруда и плотины отвратительнымъ, ключевые воды известковыми и жесткими, и все вмѣсть положительно вреднымъ для ея здоровья; много было правды въ этомъ, но много предубѣжденія и преувеличенія. Надобно вспомнить, что мать моя родилась и выросла въ городѣ, и всякая деревня казалась бы ей скучною. Съ огорченіемъ слушали мы съ отцомъ ея частыя, краснорѣчивыя нападенія на Аксаково, и хотя не смѣли защи-

(*) Я не воображалъ тогда, что грибы будуть однимъ изъ самыхъ постоянныхъ моихъ удовольствій на старости лѣтъ. Въ благодарность за то у меня давно заронилась мысль, и я не отказываюсь еще отъ нее — написать книжку о грибахъ и объ удовольствіи брать ихъ.

щать его, но мыслью не соглашались. Мать моя, живя въ деревнѣ, деревенской жизни не вела. Она занималась дѣтьми, чтенiemъ книгъ и дѣятельною перепискою съ прежними знакомыми, по большей части замѣтительными людьми, которые, бывъ только временными жителями или посѣтителями Уфы, навсегда сохранили къ моей матери чувства почтительной дружбы. Она любила также читать медицинскія книги; «Домашній лѣчебникъ» Бухана былъ ея авторитетомъ. Къ медицинскимъ книгамъ она получила привычку, находясь иѣсколько лѣтъ при постели своего больнаго отца; она имѣла домашнюю аптеку и лечила сама больныхъ, не только своихъ, но и чужихъ, а потому больныхъ не мало съѣжалось изъ окружныхъ деревень; отецъ мой въ этомъ доброму дѣлѣ былъ ея дѣятельнымъ помощникомъ. Домашнимъ хозяйствомъ она почти не занималась.

Наступила осень, одно удовольствіе исчезало въ сѣльѣ за другимъ; дни стали коротки и сумрачны; дожди, холода, загнали всѣхъ въ комнаты; больше стала я проводить время съ матерью, больше стала учиться, то-есть, писать и читать вслухъ. Впрочемъ, въ долгіе вечера, читалъ отецъ и даже сама мать — читала же она необыкновенно хорошо. Хотя отецъ мой не былъ пріученъ къ чтенію смолоду въ своемъ семействѣ (у дѣдушки Степана Михайловича и бабушки Арины Васильевны водились только календари, да какія-то печатные брошюры «о Гарлемскихъ капляхъ» и «Элексирѣ долгой жизни»), но у него была природная склонность къ чтенію, чѣму доказательствомъ служитъ огромное собраніе пѣсень и разныхъ тогдашихъ стишковъ, переписанныхъ съ печатнаго его собственною рукой, сохраняющееся у меня и теперь. Моя мать успѣла развить эту склонность, и потому чтенія по вечерамъ производились ежедневно съ общимъ интересомъ. Я съ жи-

въйшимъ удовольствиемъ вспоминаю эти вечера, при которыхъ всегда присутствовала и тетушка Евгенья Степановна; литературное удовольствие подкреплялось кедровыми и калеными русскими орехами, которые были очень вредны для моей матери, но которые она очень любила: являлся на сцену мѣдный ларецъ съ лакомствомъ и приносились щипчики и пестики для раздавливанья и для разбиванья ореховъ (*). Какъ скоро чтеніе возбуждало мое любопытство, то это надбавочное удовольствие становилось мнѣ очень непріятно, потому что развлекало и мѣшало слушать. — Когда моя мать чувствовала себя лучше обыкновенного и находилась въ пріятномъ расположении духа, то бывала увлекательно весела, много смеялась и другихъ заставляла смеяться. Особенно романъ «Франчичико Петрочіо» и «Приключения Ильи Бенделя», какъ глупымъ содержаниемъ, такъ и нелѣпымъ и безграмотнымъ переводомъ на русской языкѣ, возбуждали сильный смѣхъ, который, будучи подстрекаемъ живыми и остроумными выходками моей матери, до того овладѣвалъ слушателями, что вѣсѣ буквально валились отъ хохота — и чтеніе на долго прерывалось; но попадались иногда книги, возбуждавшія живое сочувствіе, любопытство и даже слезы въ своихъ слушателяхъ.

Наступленіе зимы, съ ея первыми порошами и легкими морозами, на иѣкоторое время опять дало мнѣ возможность предаваться моимъ охотамъ. По порошамъ сходили зайцевъ, русаковъ и бѣляковъ. Отецъ бралъ меня съ собою,

(*) Судьба этого мѣдного ларца достойна вниманія. Мать принесла его въ приданое въ 1788-мъ году, съ ленточками, позументиками, кружевцами; въ девяностыхъ годахъ и даже въ 1801-мъ году онъ наполнялся калеными орехами; въ 1807-мъ году въ немъ лежало больше ста тысяч рублей деньгами и векселями, и на большую сумму бриллиантовъ и жемчуговъ, а теперь онъ стоитъ подъ письменнымъ рабочимъ столомъ моего сына, набитый старинными грамотами.

и мы въ сопровождениі толпы всякаго народа, обметывали тенетами лежащаго на логовѣ зайца, почти со всѣхъ сторонъ; съ противоположнаго края, съ крикомъ и воплями бросалась вся толпа, и испуганный заяцъ вскачивалъ и падалъ въ разставленныя тенеты. Я также бѣгаль, шумѣль, кричалъ и горячился, разумѣется больше всѣхъ. Я очень любилъ эту забаву и любилъ толковать о ней съ моимъ отцомъ. Когда мать моя бывала чѣмъ-нибудь занята, и я мѣшалъ ей своими вопросами и докуками, или когда она бывала нездорова, то обыкновенно посыпала меня къ отцу, прибавляя: «Поговори съ нимъ объ зайчикахъ» — и у насъ съ отцомъ начинались безконечные разговоры. — Но кромѣ охоты за зайцами, у меня была большая охота ставить поставушки на маленькихъ звѣрковъ: хорьковъ, горнастаевъ и ласокъ. Снятая шкурки пойманыхъ звѣрковъ, гладкія и красивыя, висѣли, какъ трофеи, у моей кровати. Но скоро глубокіе снѣга начали засыпать сугробами землю, забушевали бураны, и всѣ мои охоты рѣшительно прекратились. Страшное и печальное зрѣлище зимній буранъ, не только въ степи, но и въ тепломъ жильѣ! Занесетъ окна, надуетъ снѣгу даже въ сѣни, замететь всѣ дорожки отъ дома въ людскія избы, такъ что надоѣно отрывать ихъ лопатами — въ десяти саженяхъ не видать строенія, въ десяти шагахъ не видать человѣка! Наконецъ навалить такія снѣжныя громады, что кажется никогда онъ не расстаются — и уныніе невольно овладѣваетъ душой! Въ столицахъ не могутъ имѣть понятія объ этомъ, но деревенскіе жители меня понимаютъ и сочувствуютъ мнѣ. Я окончательно заключился въ стѣнахъ дома и никакъ не могъ упросить мою мать, чтобы меня отпускали съ отцомъ, которыйѣзжалъ иногда на лазы (около Москвы называются ихъ завицами), то-есть, на такія мѣста рѣки, которыя съ одной стороны загораживались плетнемъ или колышами,

а въ серединѣ которыхъ вставлялись плетенія морды (нерота, верши, по московски). Около Святокъ и даже раньше, начинали попадать въ нихъ налимы, иногда очень крупные. Привезутъ бывало ихъ, окоченѣвшихъ отъ сильнаго мороза, вываливать въ большое корыто съ водой, и мраморные, темнозеленые, пузатые налимы оттаютъ понемногу, начнуть плескаться, пошевеливая мягкими своими хвостами, опущенными мягкими перьями. Долго не отходилъ я отъ корыта, любуясь ихъ движеними и отскакиваю всякий разъ, когда летѣли водяныя брызги отъ ихъ плесъ или хвостовъ. У отца моего много сидѣло налимовъ въ большихъ плетеныхъ сажелкахъ—и вкусная налимъя уха и еще вкуснѣшіе широги съ налимыми печенками, почти всякой день бывали у насъ на столѣ, покуда всѣмъ такъ не наскучивали, что никто не хотѣлъ ихъ Ѣсть. Тогда начинали налимовъ приготавлять изрѣдка и окончательно уже истребляли въ продолженіе Великаго поста.

По той же самой причинѣ, что моя мать была горожанка, какъ я уже сказаль, и также потому, что она провела въ угнетеніи и печали свое дѣтство и раннюю молодость, и потомъ получила, такъ сказать, нѣкоторое виѣшнее прикосновеніе цивилизациіи отъ чтенія книгъ и отъ знакомства съ тогдашними умными и образованными людьми, прикосновеніе всегда возбуждающее какую-то гордость и неуваженіе къ простонародному быту.—по всѣмъ этимъ причинамъ вмѣстѣ, моя мать не понимала и не любила ни хороводовъ, ни свадебныхъ и подблюдныхъ пѣсень, ни святочныхъ игрищъ, даже не знала ихъ хорошенъко. Съ большимъ трудомъ уступала она иногда просьbamъ тетки: позволить мнѣ посмотретьъ на нихъ; тетка же, какъ деревенская дѣвушка, все это очень любила; она устраивала иногда святочныя игры и пѣсни у себя въ комнатѣ, и сладkie чарующіе звуки цародныхъ род-

ныхъ напевовъ, долетая до меня изъ третьей комнаты, пріятно волновали мое сердце и погружали меня въ како-то непонятное раздумье. Мне было очень досадно, что не позволяли не только самому участвовать, но даже присутствовать на этихъ играхъ и, вслѣдствіе такого строгаго запрещенія, меня соблазнили наконецъ обманывать свою умную и такъ горячо любимую мать. Разумѣется, я сначала просился и приставалъ съ вопросами къ моей матери: для чего она не пускаеть меня на игрища? Мать отвѣчала мнѣ рѣшительно и строго: «что тамъ бываетъ много глузаго, гадкаго и неприличнаго, чего мнѣ ни слышать, ни видѣть не должно, потому что я еще дитя, не умѣющее различать хорошаго отъ дурнаго.» А какъ я ничего дурнаго не видѣть, или видя не понималь въ чёмъ оно состоить, то повиновался не охотно, безъ внутренняго убѣжденія, даже съ неудовольствіемъ. Тетка же моя, съ своими сѣнными дѣвушками, говорили совсѣмъ другое; они утверждали, «что у матери моей такой уже нравъ, что она всѣмъ недовольна и что все деревенское ей не нравится, что отъ того она нездорова, что ей самой не весело, такъ она хочетъ, чтобы и другие не веселились.» Такія слова вкрадчиво западали въ мой дѣтскій умъ, и слѣдствіемъ того было, что одинъ разъ тетка уговорила меня посмотреть игрища тихонько, и вотъ какимъ образомъ это сдѣжалось: во все время Святокъ мать чувствовала себя или не совсѣмъ здоровою, или не совсѣмъ въ хорошемъ расположении духа; общаго чтенія не было, но отецъ читаль моей матери какую-нибудь скучную или известную ей книгу, только для того, чтобы усыпить ее, и она послѣ чая, всегда подаваемаго въ шесть часовъ вечера, спала часа по два и болѣе. Я въ это время уходилъ къ теткѣ. Въ одинъ изъ такихъ удобныхъ часовъ, она угово-

рила меня посмотреть игрища, и завериувъ съ головой въ шубу и отдавъ на руки здоровенной своей дѣвкѣ Матренѣ, отправилась со мной въ столярную избу, гдѣ ожидала насъ, переряженная въ медвѣдей, индѣекъ, журавлей, стариковъ и старухъ, вся дѣвичья и вся молодая дворня. Не смотря на сальные вонючіе огарки, даже дымную лучину, плохо освещавшую просторную избу, не смотря на удушливый мефитический воздухъ, сколько было истинной веселости на этихъ деревенскихъ игрищахъ! Чудные голоса святочныхъ пѣсень, уцѣльвши звуки глубокой древности, отголоски невѣдомаго міра, еще хранили въ себѣ живую обаятельную силу и властвовали надъ сердцами неизмѣримо далекаго потомства! Какимъ-то хмѣлемъ веселья, опьянившисъ радости проникнуты были всѣ. Взрывы звонкаго, дружного смѣха часто покрывали и пѣсни и рѣчи. Это были не актеры и актрисы, представляющіе кого-то, для удовольствія другихъ, — себя выражали одушевленныя пѣсенищицы и плясуны, себя тѣшили онъ отъ избытка сердца, и каждый зритель былъ увлечено дѣйствующее лицо. Все пѣло, плясало, говорило, хотело — и въ самомъ разгарѣ, въ чаду шумнаго общаго веселья, тѣ же сильныя руки завертывали меня въ шубу и стремительно уносили изъ волшебнаго сказочнаго міра.... Долго я не засыпалъ въ эти ночи и долго странные образы плясали и пѣли вокругъ меня и не разставались со мною даже въ сновидѣніяхъ (*).

(*) Я помню одну драматическую святочную игру, съ особенною пѣснью и пляскою, которая, какъ я слышу теперь, уже вышла изъ памяти народной въ той губерніи, гдѣ я видѣлъ ее: по серединѣ избы, на скамьѣ или чурбанѣ, сидѣть старикъ (разумѣется кто-нибудь переряженный), молодая его жена въ кокошнице и фатѣ, ходя вокругъ и приплясывая, поеть жалобу на дряхлость мужа, хоръ ей подтягиваетъ. Пропѣвъ куплетъ, кажется изъ восьми стиховъ, изъ которыхъ я помню два начальныя во всѣхъ куплетахъ:

Въ первый разъ я былъ увлеченъ въ этотъ обманъ внезапно, почти насильно, и по возвращеніи домой долго не смѣль смотрѣть прямо въ глаза моей матери; но очаровательное зрѣлище такъ меня плѣнило, что въ другой разъ я охотно согласился, а потомъ и самъ сталъ приставать къ моей теткѣ и проситься на игрища.

Наконецъ переломилась жестокая зима и унялись трескучіе морозы. У насъ не было тогда термометровъ, и я не могу сказать до сколька градусовъ достигала стужа, но помню, что птица мерзла и что мнѣ приносили воробьевъ и галокъ, которые на лету падали мертвыми и мгновенно коченѣли; некоторымъ теплота возвращала жизнь. Вообще я долженъ замѣтить, что зимы во время моего дѣтства и ранией молодости, были гораздо холоднѣе нынѣшнихъ, и это не старики предразсудокъ; въ бытность, мою въ К., до начала 1807-го года, два раза замерзала ртуть, и мы ковали ее какъ разогрѣтое желѣзо. Теперь уже въ К. это сдѣлалось преданіемъ старины.

Начало пригрѣвать солнышко, начала лосниться дорога, пришла Масленица и началось катанье съ горъ. Въ общественныхъ катаніяхъ, къ-сожалѣнію моему, мать также

Охъ ты горе мое, гореванье
Ты тяжелое мое взыханье,

жена подходитъ къ мужу и посыаетъ его пахать яровую пашню, Старикъ каплюетъ, стонетъ и дребежаціемъ голосомъ отвѣчаетъ: «моченьки нѣть». Зрители хохочутъ. Молодая женщина опять поеть вмѣстѣ съ хоромъ новый куплетъ, ходя и приплясывая кругомъ старика. Такимъ образомъ перебираются все полевые работы, и на всѣ приглашенія: сѣять, пахать, косить, жать и проч. старикъ отвѣчаетъ словами: «моченьки нѣть», разнообразя откликъ прибаутками и оханьемъ. Наконецъ жена поеть послѣдній куплетъ, въ которомъ говорится, что все добрые люди убрались съ полей и принялись варить пиво; потомъ подходитъ къ мужу и зоветъ его къ соседу: «бражки испить». Старикъ проворно вскакиваетъ, бодро отвѣчаетъ: «пойдемъ, матушка, пойдемъ» и бѣжитъ стариковской рѣсью, утаскивая за руку молодую жену. Громкой веселый хохотъ зрителей заключаетъ эту игру.

не позволяла мнъ участвовать, и только катаясь съ сестрицей, а иногда и съ маленьkimъ братцомъ, проѣзжая мимо, съ завистю посматривалъ я на толпу деревенскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые, раскрасневшись отъ движения и холода, смыло летѣли съ высокой горы, прямо отъ гумна, на маленькихъ салазкахъ, конькахъ и ледянкахъ: ледянки были ничто иное, какъ старыя рѣшета, или круглые лубочныя лукошки, подмороженные снизу такъ же, какъ и коньки. Шумный говоръ и смѣхъ раздавался въ бодрой, веселой толпѣ, часто одѣтой въ фантастические костюмы, особенно, когда летѣли вверхъ ногами наездники съ высокихъ коньковъ, или, быстро вертясь, опрокидывалась ледянка съ какой-нибудь дѣвченкой, которая начинала визжать за долго до крушения своего экипажа. Какъ мнъ хотѣлось туда — въ этотъ шумъ, говоръ и смѣхъ... и какъ послѣ этого зрѣлища, казалось мнѣ скучнымъ уединенное катанье съ ледяной горки, устроенной въ саду передъ окнами гостиной, и только одно меня утѣшало, что моя милая сестрица каталась вмѣстѣ со мной.

Съ наступленiemъ Великаго поста оканчивались всѣ зимнія, очень не многія, удовольствія. Нельзя сказать, чтобы Великій постъ проходилъ у насъ въ постѣ и молитвѣ. Мать моя постовъ не держала по нездоровью, я конечно не постничалъ, отецъ мой, хотя не ъль скромнаго въ Успенскій и Великій постъ, но при изобилійномъ запасѣ уральской красной рыбы, замороженныхъ елецкихъ стерлядей, свѣжей икры и живыхъ налимовъ — его постный столъ былъ гораздо лакомѣ скромнаго. Церкви у насъ еще не было и ближайшая находилась въ девяти verstахъ въ селѣ: «Мордовской Бугурсланъ.» Священникъ былъ какъ-то не расположень къ намъ, и мы вѣжали туда только по самымъ большимъ праздникамъ. Вообще,

должно сказать, что у насъ домъ былъ, не то что не богоильный, но мало привычный къ слушанью церковной службы, что почти всегда бываетъ, при отдаленности церкви. И такъ Великий постъ провелъ я въ обыкновенныхъ, нѣсколько усиленныхъ, учебныхъ занятіяхъ. Ученица моя уже не печалила, а радовала меня своими успѣхами. Я игралъ съ ней въ куклы, строилъ городки изъ чурочекъ, а иногда читывалъ и растолковывалъ ей дѣтскія сказочки.

Мать моя постоянно была чѣмъ то озабочена и даже иногда разстроена; она нѣсколько менѣе занималась мною, и я, болѣе преданный спокойному размыщленію, потрясенный въ моей дѣтской безпечности жизнью въ гимназіи, не забывшій новыхъ впечатлѣній и по возвращеніи къ деревенской жизни,— я уже не находилъ въ себѣ прежней беззаботности, прежняго увлеченія въ своихъ охотахъ, и съ большимъ вниманіемъ стала вглядываться во все, меня окружающее, стала понимать кое-что, до тѣхъ поръ не замѣчаемое мною.... и не такъ свѣтлы и радостны показались мнѣ нѣкоторые предметы. Чувство, неиспытанной мною до тѣхъ поръ, особеннаго рода грусти, стало примишливаться ко всѣмъ моимъ любимымъ занятіямъ, ко всѣмъ забавамъ.... Я не буду распространяться объ этомъ печальному обстоятельствѣ, но я долженъ упомянуть о немъ, потому что иначе было бы нельзѧ понять, отъ чего, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, жизнь въ Аксаковѣ уже не казалась мнѣ прежнимъ свѣтлымъ раемъ, а вторичное поступленіе въ гимназію, особенно ученикомъ своеокоптнымъ — не представлялось страшнымъ событиемъ.

Зима стояла долгая и упорная. Весна медленно вступала въ права свои, и только въ исходѣ апрѣля, теплота въ воздухѣ, дождь и вѣтеръ дружно напали на страшныя громады снѣговъ и въ одну недѣлю разрушили ихъ. Во

время Пасхи стояла совершенная распутица, и мы не въздили даже къ заутрени великаго праздника. Всю Свѣтлую недѣлю провелъ я не весело: мать была нездорова и печальна, отецъ молчаливъ; онъ постоянно сидѣль за бумагами по тяжѣбному дѣлу съ Богдановыми, о какомъ-то наследствѣ; это дѣло онъ выигралъ впослѣдствіи. Отецъ всякой день ходилъ на мельницу наблюдать прибыль воды. Однажды, воротясь неожиданно скоро домой, онъ сказалъ мнѣ: «просись, Сережа, у матери, сейчасъ будемъ спускать воду.» Я побѣжалъ проситься и въ этотъ разъ счастливѣе прежнихъ разовъ; мать отпустила меня, принявъ нѣкоторыя предосторожности, чтобы я не промочилъ ногъ и не простудился. На длинныхъ крестьянскихъ дорогахъ доѣхали мы до мельницы; на плотинѣ дожидались насъ крестьяне съ разными орудіями. Русской народъ любить смотрѣть на движение воды, и все населеніе Аксакова сбѣжалось поглядѣть, какъ будутъ спускать прудъ. Заводскихъ вешняковъ съ деревянными запорами у насъ еще не заводилось, и отверстіе въ плотинѣ, то есть вешнякъ, для спуска полой воды, ежегодно заваливали на глухо. Прудъ надулся и весь посинѣлъ, ледь поднялся, истрескался и отсталъ отъ береговъ, материки давно прошелъ и вода едва помыщалась въ каузѣ. Топорами, пѣшнями и жѣлезными лопатами разрубили мерзлую плотину по обоимъ краямъ прошлогодняго вешняка, и едва своротили верхній слой въ аршинъ глубиного, какъ вода хлынула и, не нуждаясь больше въ человѣческой помощи, такъ успѣшио принялась за дѣло, что въ пол-часа разчистила себѣ дорогу до самаго материка земли. Яростно устремились мутныя волны и въ одну минуту образовалась сильная рѣка, которая не умѣстилась въ новенькой канавкѣ и затопила окружный мѣстъ. Радостными воскликнаніями привѣтствовалъ народъ вырвавшуюся на

волю изъ зимняго плѣна, любимую имъ стихію; особенно кричали и взвизгивали женщины — и все это, мѣшаясь съ шумомъ круто падающей воды, съ трескомъ осѣдающаго и ломающагося льда, представляло полную жизни картину.... и если бы не прислали изъ дому сказать, что давно пришла пора обѣдать, то кажется мы съ отцемъ простояли бы тутъ до вечера.

На другой день поутру, мы опять побѣхали на плотину и нашли уже тамъ другое, такъ же шумное и веселое зрѣлище. Первые бурные порывы воды нѣсколько усмирились, прудъ значительно сбѣжалъ, мелкія глыбы льда разбились о сваи и пронеслись, а большія сѣли на дно, по обмелѣвшимъ мѣстамъ. По сухому почти мѣсту, гдѣ текла теперь цѣлая рѣка изъ-подъ вешняка, были заранѣе вколоchenы толстые невысокіе колья; къ этимъ кольямъ, входя по поясъ въ воду, привязывали или надѣвали на нихъ петлями морды и хвостуши; рыба, которая скатывалась внизъ, увлекаемая стремленіемъ воды, а еще больше рыба, поднимавшаяся вверхъ по рѣкѣ до самаго вешняка, сбиваемая назадъ силой падающихъ волнъ, — попадала въ морды и хвостуши. То и дѣло, мокрые крестьяне, дрожа отъ холода, но въ тоже время перекидываясь шутками и громкими восклицаніями, вытаскивали на берегъ свою добычу, а бабы, старики, старухи, мальчишки и дѣвчонки таскали ее домой въ лукошкахъ и рѣшетахъ, а иногда и просто въ подолахъ своихъ рубашекъ. Выбравъ нѣсколько крупныхъ рыбъ, мы отправились домой. Мать моя была не довольна, что мы такъ замышкались, и не скоро получила я разрешеніе побывать на мельнице.

Въ короткое время исчезли всѣ признаки зимы, одѣлись зеленою кусты и деревья, выросла молодая трава, и весна явилась во всей своей красотѣ. Попрежнему населился нашъ садъ великими пѣвчими птичками, зорьками и малиновками, особенно любившими старые смородинные и бар-

барисовые кусты, опять запѣли соловьи, и опять стали передразнивать ихъ варакушки. Проведя прошлогоднюю весну въ тюремномъ заключеніи, въ тѣсной больничной комнатѣ, казалось бы, я долженъ былъ съ особеннымъ чувствомъ наслажденія встрѣтить весну въ деревнѣ; но у меня постоянно ныло сердце, и хотя я не понималъ хорошошенько отъ чего это происходило, но тѣмъ не менѣе весь мои удовольствія, которыми, повидимому, я попрежнему предавался, были отравлены грустнымъ чувствомъ.

Еще зимой, отецъ мой задумалъ сдѣлать на плотинѣ, такъ называемый, заводскій вешнякъ съ запорами и построить хорошую мельницу. Онъ нанялъ для этого какого-то верховаго мельника, Краснова, великаго краснобая и плута, чтѣ все оказалось въ послѣдствіи. Весь Великій пость заготовляли наши крестьяне лѣсной матеріаль: крупныя и мелкія бревна, слеги, переводины, лежни и сваи, которыхъ почему-то понадобилось великое множество, и сейчасъ по слитіи полой воды принялись разрывать плотину и рубить новый вешнякъ на другомъ мѣстѣ; въ то же время наемные плотники начали бить сваи и потомъ рубить огромный мельничный амбаръ, также на другомъ мѣстѣ, въ которомъ должны были помѣщаться шесть мукомольныхъ поставовъ: толчая находилась въ особомъ пристрой. Работы продолжались почти во все лѣто. Отецъ мой сильно ввѣрился Краснову, и хотя старый мельникъ Болтушенокъ и некоторые крестьяне, разумѣющіе нѣсколько мельничное устройство, изподтишка ухмылялись и покачивали головами, но на вопросы моего отца: «каковъ Красновъ-то, какъ разумѣть свое дѣло? нарисовалъ весь планъ на бумагѣ и по одному глазомъ бѣть сваи и весь приходится по своимъ мѣстамъ?» всегда отвѣчали съ простодушнымъ лукавствомъ русскихъ людей: «боекъ, батюшка, боекъ. Что и говорить, мастеръ своего

дъла! Все раскинеть въ умъ и все приходится, какъ быть надо. Только не знай какъ-то будеть мельница молоть: вода-то пойдетъ по канавѣ чай тихо, не то что прямо изъ материка, да какъ бы зимой промерзать не стала?» По Красновъ улыбался на мужичин замѣчанія и съ такой самоувѣренностью опровергалъ ихъ, что отцу моему и въ голову не входило ни малѣйшаго сомнѣнія въ успѣхѣ. Я также слушалъ съ благоговѣніемъ краснорѣчиваго Краснова. Между тѣмъ постройка требовала, чтобы прудъ былъ спущенъ, и въ пруду открылось такое уженье, какого не видывали до тѣхъ порь, да и посль не видали. Вся прудовая рыба скатилась въ трубу, то есть, въ материки рѣки. Рыбы было столько, какъ въ костриль съ доброй ухой. Началось баснословное уженье. Я съ Евсевичемъ не сходилъ съ пруда и нигдѣ уже большие не удилъ; даже отецъ мой, удившій очень рѣдко за недосугомъ, могъ теперь удить съ утра до вечера, потому что большую часть дня долженъ быть проводить на мельницѣ, наблюдалъ надъ разными работами: онъ имѣлъ полную возможность удить, не выпуская изъ глазъ всѣхъ построекъ и осматривая ихъ отъ времени до времени. Головли, язи, лини, окуни, щуки и крушила плотва (фунта по три и болѣе) брали безпрестанно и во всякое время дня. Величина рыбы зависѣла отъ величины насадки: кто насаживалъ огромные куски, у того брала огромная рыба. Я помню, что мой отецъ, который особенно любилъ удить окуней и щукъ, навязывалъ по два крючка на одну лесу, насаживалъ крючки мелкой рыбешкой и таскалъ по два окуня вдругъ, и даже одинъ разъ окуня и щуку. Вирочемъ щукъ ловили большею частью на жерлицы, насаживая порядочными окунями и плотицами, и нерѣдко попадались полу-прудовые щуки. Само собою разумѣется, что не смотря на толстые лесы и крючки, безъ умѣнья удить и безъ по-

мощи сачка. самая крупная рыба часто срывалась, ломала удильца и крючки и рвала лесы. Евсевичъ мой, который и въ старости часто смѣшилъ меня своей горячностью на уженьѣ, болѣе всѣхъ подвергался несчастнымъ потерямъ, а по его милости и я часто терялъ крупную рыбу. потому что безъ его помощи не могъ ее вытащить, а помощь его почти всегда была вредна. Самый сильный ловъ продолжался съ весны до половины юля, а потомъ крупная рыба перестала брать: я разумѣю язей, головлей и линей; остальная же вся брала превосходно, но вѣроятно и они бы брали если бъ тогда была известна насадка цѣльныхъ линчоихъ раковъ.

Въ теченіе всего этого года, моя мать постоянно переписывалась каждый мѣсяцъ съ Василемъ Петровичемъ Упадышевскимъ. Въ этотъ годъ много послѣдовало перемѣнъ въ К. гимназіи: директоръ Пекенъ и главный надзиратель К—въ вышли въ отставку; должность директора исправлялъ старшій учитель Русской истории, Илья Федорычъ Яковкинъ, а должность главнаго надзирателя — Упадышевскій. Переговоря съ новымъ директоромъ и инспекторомъ, Василий Петровичъ уведомилъ, что я могу теперь, если моимъ родителямъ угодно, не вступать въ казенные гимназисты, а поступить своекоштными и жить у кого-нибудь изъ учителей; что есть двое отличныхъ молодыхъ людей: Иванъ Ипатычъ З. и Григорій Иванычъ К., оба изъ Московскаго университета, которые живутъ вмѣстѣ, панимаютъ большой домъ, берутъ къ себѣ пансіонеровъ, содержать ихъ отлично хорошо и плату полагаютъ умѣренную. Отецъ и мать очень обрадовались такимъ извѣстіямъ; особенно тому, что провалился К—въ, и хотя платить за меня по триста рублей

Муроже Садчик

М. Садчиковъ

261

въ годъ и издерживать рублей по двѣстѣ на платье, книги и ляльку, было для нихъ очень тяжело, но они рѣшились для моего воспитанія войти въ долги, которыхъ и безъ того имѣли двѣ тысячи рублей асс (тогда эта сумма казалась долгами!), — и только въ ожиданіи будущихъ благъ отъ Надежды Ивановны Куроѣвой, отважились на новый заемъ. Курь ученья начинался въ гимназіи съ 15-го, а пріемъ съ 1-го августа. — И такъ было положено въ исходѣ юла отправиться въ К. Такое рѣшеніе принялъ я почти спокойно, потому что внутреннее состояніе моего духа становилось тяжеле и болынѣ. Но когда сборы были кончены, назначенъ день отъѣзда — мнѣ стало такъ жаль Аксакова, что вдругъ все въ немъ получило въ глазахъ моихъ прежнюю цену и прелестъ, даже можетъ быть болышую. Мнѣ казалось, что я никогда его не увижу, и потому я прощался съ каждымъ строеніемъ, съ каждымъ мѣстомъ, съ каждымъ деревомъ и кустикомъ, и прощался со слезами. Я раздарилъ все мое богатство: голубей отдалъ я повару Степану и его сыну, кошку подарилъ Сергеевичъ, женѣ нашего слынаго повѣреннаго Пантелея Григорыча, необыкновеннаго дѣльца и знатока въ законахъ; мои удочки и поставушки роздалъ дворовымъ мальчикамъ, а книжки, сухіе цветы, картинки и проч. отдалъ моей сестрицѣ, съ которой въ этотъ годъ мы сдѣлялись такими друзьями, какими только могутъ быть девятнадцатнія сестра съ одиннадцатнімъ братомъ. Разлука съ ней была для меня очень прискорбна, и я упросилъ матерь взять мою сестрицу съ собой. Мать сначала противилась моимъ просьбамъ, но наконецъ уступила.

Должно упомянуть, что за недѣлю до нашего отъѣзда была пущена въ ходъ новая мельница. Увы, оправдались сомнѣнія Болтушенка и другихъ: вода точно шла тише по

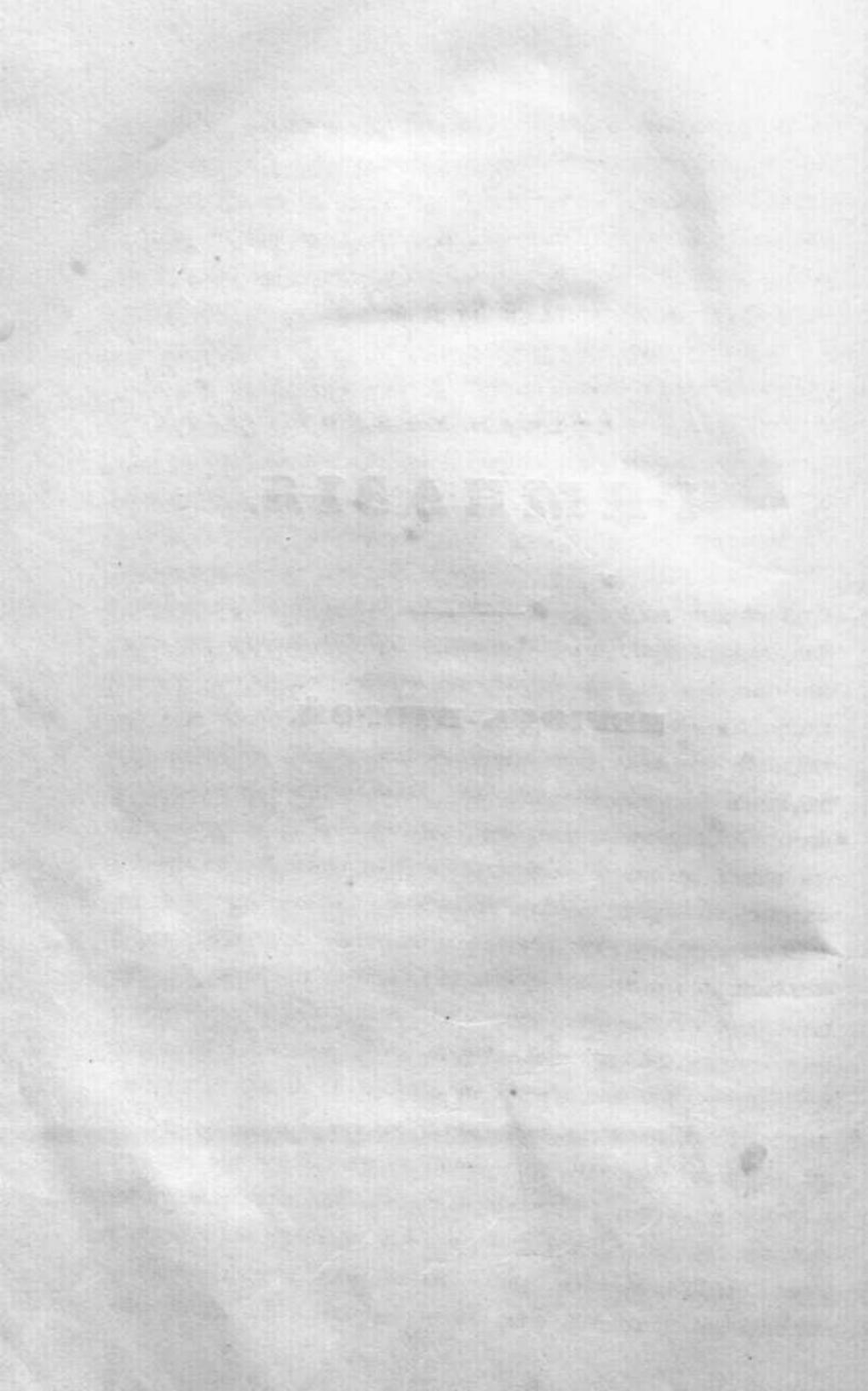
обводному каналу и не поднимала шести поставовъ; даже на два, молола несравненно тише прежняго. Отецъ мой, разочарованный въ искусствѣ Краснова, прогналъ его и поручилъ, хоть кое-какъ поправить дѣло старому мельнику.

Наконецъ, 26-го поля, также просторная карета, запряженная тѣмъ же шестерикомъ, съ тѣмъ же кучеромъ и форрейторомъ — стояла у крыльца; такая же толпа дворовыхъ и крестьянъ собралась провожать господъ; отецъ съ матерью, я съ сестрой и Параша помѣстились въ экипажъ, Евсичъ сѣлъ на козлы, Федоръ на запятки, и карета тихо тронулась отъ крыльца, на которомъ стояла тетушка Евгенья Степановна, нянка съ моимъ братомъ и кормилица на рукахъ съ менышкой сестрой моей. Толпа крестьянъ и дворовыхъ провожала нась до околицы, осыпая прощаньями, благословенными и добрыми желаньями. Дорога шла до Крутца вдоль пруда, по которому уже плавали черныя лысухи, и надъ которымъ уже вилась стая бѣлыхъ и пестрыхъ мартышекъ, или чаекъ. Какъ я завидывалъ каждому деревенскому мальчику, которому никуда не надо былоѣхать, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не разлучаться, который оставался дома и могъ теперь съ своей удочкой сѣсть гдѣ-нибудь на плотину, и подъ густой тѣнью ольхи удить беззаботно окуней и плотву! Онъ оставался полнымъ спокойнымъ хозяиномъ широкаго пруда, на этотъ годъ не заросшаго камышами и травами, потому что быль съ весны долго спущенъ.—Фыркали и горячились застоявшіеся кони; но сильный привычный руки кучера осаживали ихъ и долго заставляли идти шагомъ. Въ каретѣ всѣ казались печальны и молчали. Я высунулся изъ окна и глядѣль на милое Аксаково до тѣхъ поръ, пока оно не скрылось изъ глазъ, и тихія слезы катились по моимъ щекамъ.

Костомаровское Училище
ГИМНАЗИЯ.

ПЕРИОДЪ ВТОРОЙ.

Кост. Урич.

ГИМНАЗІЯ.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

3
Лавин

Пріехавъ въ К. (1801 года), мы не остановились уже у капитаниши Аристовой, а наняли себѣ квартиру получше; не помню на какой улицѣ, но помню, что мы занимали цѣлый отдельный домикъ, принадлежавшій кажется г. Чертову. Василій Петровичъ Упадышевскій незамедлилъ къ намъ явиться. Всѣ его встрѣтили, какъ близкаго роднаго, благодѣтеля и друга. Онъ разсказалъ намъ, что Яковкинъ до сихъ поръ только исправляеть должность директора гимназіи, и что ходятъ по городу слухи, будто директоромъ будетъ богатый тамошній помѣщикъ Л., и что теперь самое удобное время помѣстить меня въ гимназію своеюкоштымъ ученикомъ, потому что Яковкинъ и весь совѣтъ на это согласенъ, и что, можетъ быть, будущій директоръ посмотритъ на это дѣло иначе и заупрямится. Упадышевскій очень хвалилъ двухъ старшихъ учителей, поступившихъ уже давно въ гимназію изъ Московскаго университета: Ивана Ипатыча З., преподававшаго физику, и Григорія Иваныча К., преподававшаго чистую математику. Онъ превозносилъ ихъ умъ, ученость и скромность поведенія. Они были дружны между собою,

жили вмѣстѣ въ прекрасномъ каменномъ домѣ и держали у себя семерыхъ воспитанниковъ, своеокоптныхъ гимназистовъ: Рычкова, двухъ Скуридиныхъ, А—ва и троихъ Манасеинихъ; содержали и кормили ихъ очень хорошо и прилежно наблюдали за ихъ учениемъ въ классахъ. Они не принимали болѣе воспитанниковъ; но Упадышевскій рассказалъ имъ мою исторію и столько наговорилъ добра го обо мнѣ и моемъ семействѣ, что молодые люди, убѣженные его просьбами, согласились сдѣлать исключеніе для моей матери и принять меня въ число своихъ воспитанниковъ. Отецъ поѣхалъ со мной къ Яковкину, и получивъ его согласіе опредѣлить меня въ своеокоптные гимназисты, отправился, также вмѣстѣ со мной, къ Ивану Ипатычу З. и Григорію Иванычу К. Вездѣ приняли насъ очень благосклонно; но Григорій Иванычъ объявилъ, что я могу поступить собственно къ его товарищу З., потому что они воспитанниковъ раздѣлили; что трое старшихъ находятся непосредственно подъ его наблюденіемъ, что его воспитанники, черезъ годъ кончивъ курсъ гимнази ческаго ученья, должны оставить гимназію, для поступленія въ службу, и что онъ, Григорій Иванычъ, тогда будеть жить особо и воспитанниковъ имѣть не хочетъ. Иванъ Ипатычъ съ удовольствіемъ согласился меня принять. Для моего отца было все равно, кто бы ни взялъ меня; онъ только убѣдительно просилъ обоихъ молодыхъ людей познакомиться съ моей матерью. На другой день они прїѣхали къ намъ. Съ первого взгляда Григорій Иванычъ чрезвычайно понравился моей матери, и она очень огорчилась тѣмъ, что я буду жить не у него. Отцу же моему и мнѣ гораздо болѣе нравился Иванъ Ипатычъ, который показался намъ привѣтливѣе, добрѣе и слово охотнѣе своего серьёзного товарища. На всѣ ласковыя убѣженія моей матери, что разлучаться друзьямъ не на

добно, а лучше жить вмѣстѣ и помогать другъ другу въ исполненіи такихъ святыхъ обязанностей,—Григорій Иванычъ очень твердо отвѣталъ, что считаетъ эту обязанность слишкомъ важною и тяжелою, что отвѣтственность за воспитаніе молодыхъ людей, если не передъ родителями ихъ, то передъ самимъ собою, ему не подъ силу и мѣшаетъ заниматься наукой, въ которой онъ самъ еще ученикъ. Отвѣтъ былъ высказанъ такъ рѣшительно, что возражать было нечего, да и не ловко. Молодые люди уѣхали, и моя мать, по живости своего характера, очень огорчилась. Будучи всегда слишкомъ страстною въ своихъ увлеченіяхъ, она превозносила до небесъ достоинства Григорія Иваныча и находила много недостатковъ въ его товарищѣ. Послѣдствія доказали, что горячее увлеченіе моей матери не было ошибочно. Иванъ Ипатычъ былъ очень хороший человѣкъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; но Григорій Иванычъ принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ людей, нравственная высота которыхъ встрѣчается очень рѣдко, и которыхъ вся жизнь—есть строгое проявленіе этой высоты.... Я же радовался отъ всей души, что попаду къ добруму Ивану Ипатычу и стану жить, не съ большими воспитанниками, которые помѣщались особо, а съ своими ровесниками, такими же веселыми и добрыми мальчиками, какъ я. Всѣ дѣла наши, благодаря участію Упадышевскаго, устроились безъ всякаго затрудненія и черезъ мѣсяцъ, отецъ, мать и сестрица уѣхали въ Аксаково; но въ продолженіе этого мѣсяца, Григорій Иванычъ, умѣвший оцѣнить мою мать, часто бывалъ у насъ, хотя считался большимъ домосѣдомъ, — и прочная, на взаимномъ уваженіи основанная, дружба, доказанная впослѣдствіи многими важными опытами, образовалась между ними.

Вторичная разлука наша съ матерью далеко не сопро-

вождалась такою мучительною горестью, какъ первая. Особенно въ себѣ я замѣтилъ эту разницу и, не смотря на мой дѣтскій возрастъ, она поразила меня и заставила грустно задуматься. Но скоро новый образъ жизни погло-тилъ все мое вниманіе. Меня помѣстили въ одной комнатѣ съ тремя братьями Манасеинными, съ которыми я сей-часъ познакомился хорошо; А—въ же занималъ малень-кую особую комнату, возль нашей. Онъ былъ очень бо-гатъ и кажется единственный сынъ у своей матери, вдовы. Не смотря на богатство, которое видно было въ его пла-тьѣ, постели и во всемъ, онъ жилъ очень скучно; въ ком-натѣ у него стоялъ огромный сундукъ, окованный жель-зомъ, ключъ отъ которого онъ носилъ въ карманѣ. Това-рищи мои думали, что въ сундукѣ хранятся драгоцѣнныя вещи и разныя сокровища; сундукъ возбуждалъ общее любопытство.

Иаконецъ я опять увидѣлъ, нѣкогда страшную и про-тивную мнѣ гимназію, и увидѣлъ ее безъ страха и безъ испрѣятнаго чувства. Я очень этому обрадовался. Я посту-пилъ опять въ тѣ же нижніе классы, изъ которыхъ большая часть моихъ прежнихъ товарищѣй перешла въ средніе, и на мѣсто ихъ опредѣлились новые ученики, которые были приготовлены хуже меня; ученики же, не перешедшіе въ слѣдующій классъ, были лѣтніи или безъ способностей, и потому я въ самое короткое время сдѣ-лался первымъ во всѣхъ классахъ, кромѣ Катихизиса и краткой Священій Исторіи. Священникъ постоянно со-хранилъ ко мнѣ какое-то неблагорасположеніе, не смотря на то, что я зналъ свои уроки всегда очень твердо. За-мѣчательно, что въ послѣдствіи, когда Упадышевскій спра-шивалъ его, отъ чего Аксаковъ, самый прилежный уче-никъ вездѣ, не находится у него въ числѣ лучшихъ уче-никовъ, и что вѣрно онъ не хорошо знаетъ свои уроки —

священникъ отъчаль: «Нѣтъ, уроки онъ знаетъ твердо; но онъ не охотникъ до Катихизиса и Священной Исторіи».

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, разсѣялись послѣдніе остатки грусти по дому родительскому, по привольному деревенскому житию; я постепенно привыкъ къ своей школьнй жизни и завелъ себѣ нѣсколько пріятелей въ гимназіи, и полюбилъ ее. Этой перемѣнѣ много способствовало то, что я только прѣбжжалъ въ гимназію учиться, а не жилъ въ ней. Житие у Ивана Ипатыча не такъ рѣзко разнилось отъ моей домашней жизни, какъ безвыходное заключеніе въ казенномъ дому гимназіи, посреди множества разнородныхъ товарищѣй.

А—въ, который чуждался меня, и Манасеинъ, да и всѣхъ въ гимназіи, замѣтивъ мою скромность и смиренство, стала со мной заговоривать и приглашать въ свою комнату, даже подчиваѣть своими домашними лакомствами, которыя онъ тѣль потихоньку отъ всѣхъ; наконецъ сказала, что хочетъ показать мнѣ свой сундукъ, только такимъ образомъ, чтобы никто этого не зналъ. Я обрадовался. Воображеніе мое, полное волшебныхъ сказокъ, представляло мнѣ этотъ сундукъ хранилищемъ драгоцѣнныхъ камней, слитковъ золота и серебра. Мы условились съ А—мъ, что я приду къ нему въ комнату, когда все заснутъ. Я такъ и сдѣлалъ въ тотъ же самый вечеръ; Манасеины не заставили меня долго ждать и скоро захрапѣли; я пришелъ къ А—ву, у котораго по почамъ теплилась лампадка передъ большимъ, богато вызолоченнымъ образомъ. Хозяинъ зажегъ свѣчу, заперъ дверь, взялъ съ меня обѣщаніе: никому не сказывать о томъ, что увижу, и бережно отперъ таинственный сундукъ... Каково было мое удивленіе! Сундукъ оказался набитъ биткомъ гравированными, рисованными и раскрашенными

лубочными картинками! Между ними находились и ландшафты, и портреты, писанные масляными красками, разумеется въ родѣ цирюльныхъ вывѣсокъ. Я самъ былъ охотникъ до картиночкъ; но какъ тутъ я ожидалъ совсѣмъ другаго, то не обращалъ на нихъ вниманія и все еще надѣялся, что на днѣ сундука окажется настоящее сокровище; когда же были сняты постѣдніе листы, и голыя доски представились глазамъ моимъ — я невольно воскликнулъ: «Только-то!...» и смутиль ужасно А—ва, который думалъ удивить и привести меня въ восхищеніе. Я шотоптомъ откровенно рассказалъ ему, что мы всѣ думали объ его сундуке. «Вы всѣ дураки», сказалъ съ негодованіемъ А—въ, и почти выгналъ меня. Тѣмъ и кончилась наша ребачья дружба. Черезъ нѣсколько времени, я нарушилъ обѣщаніе и рассказалъ Манасеиннымъ, что хранится въ сундуке, и мы потомъ не одинъ разъ, подглядывая въ дверные щели, видѣли, какъ А—въ, запершись на крючкѣ, раскладывалъ свои картинки по постели, по столамъ, по стульямъ и даже по полу. Онъ разглядывалъ ихъ, обтиралъ и любовался ими, какъ «Скупой рыцарь» у Пушкина, своими сокровищами; почти каждый день, по большей части ночью, предавался онъ этому наслажденію цѣлые часы. Мы стали подсмѣиваться надъ А—мъ, рассказали въ гимназіи про его охоту къ картинкамъ — и рѣзвые мальчики не давали ему прохода, требуя, чтобы онъ дѣлился съ другими своимъ богатствомъ и показалъ имъ, какъ «мыши погребаютъ кота» или, какъ «Ерусланъ Лазаревичъ побиваетъ несмѣтную бусурманскую силу.» А—въ сердился, бранился и даже дрался — ничто не помогало. Наконецъ это такъ надоѣло ему, что онъ написалъ къ своей матери, и она скоро совсѣмъ взяла его изъ гимназіи. Впрочемъ этому могли быть и другія причины. Недавно я узналъ, что А—въ навсегда остался

большимъ чудакомъ; но это не мѣшаетъ ему имѣть репутацію очень дѣльного хозяина.

Первые мѣсяцы послѣ моего поступленія къ Ивану Ипатычу, онъ кое-какъ занимался мною и другими. Все занятіе состояло въ томъ, что онъ предварительно спрашивалъ заданные намъ уроки и училъ читать по французски и по нѣмецки; но мало по малу онъ переставалъ нами заниматься вовсе, и сталъ куда-то отлучаться. Должно сказать правду: ученью нашему были полезны его отлучки, потому что въ его отсутствіе занимался нами Григорій Иванычъ, гораздо внимательнѣе и лучше своего товарища, и я это очень понималъ. Наконецъ, Евсичъ сказалъ мнѣ за тайну, что Иванъ Ипатычъ сватается невѣstu хорошаго дворянскаго рода и съ состояніемъ, что невѣста и мать согласны, только отецъ не хочетъ выдать дочери за учителя, бѣдняка, да еще поповича. Это извѣстіе оказалось совершенно справедливымъ.

Директоромъ гимназіи точно было опредѣленъ помѣщикъ Л—въ; но своеокаштные ученики долго его и въ глаза не знали, потому что онъ посещалъ гимназію обыкновенно въ обѣденное время, а въ классы и не заглядывалъ. — Я учился, бѣзилъ или ходилъ въ гимназію весьма охотно. Товарищи ли мои были совсѣмъ другіе мальчики чѣмъ прежде, или я сдѣлался другимъ — не знаю, только я не замѣчалъ этого, несноснаго прежде, приставанья или тормошенія учениковъ; нашлись общіе интересы, родилось желаніе сообщаться другъ съ другомъ, и я сталъ ожидать съ нетерпѣніемъ того времени, когда надо ѣхать въ гимназію. Притомъ надоѣло и то сказать, что я проводилъ тамъ по большей части классное время, а въ классахъ самолюбіе мое постоянно было ласкаемо похвалами учителей и нѣкоторымъ уваженіемъ товарищѣй, что однако не мѣшало мнѣ играть и рѣзвиться съ ними во всякое сво-

бодное время и при всякомъ удобномъ слушать. Домой я писалъ каждую недѣлю, и каждую недѣлю получать самыя нѣжныя письма отъ матери, иногда съ припискою отца. Мать увѣряла меня, что не грустить, разставшись со мною, а радуется тому, что я такъ хорошо учусь и веду себя, о чмъ пишетъ къ ней Иванъ Ипатьичъ и Упадышевскій; я повѣрилъ, что мать моя не грустить. Во всякомъ письмѣ она свидѣтельствовала почтеніе Ивану Ипатьчу и Григорію Иванычу, съ которыми отъ времени до времени переписывалась сама. Такимъ образомъ шли дѣла почти цѣлый годъ, то-есть, до июня 1802-го года; впродолженіе июня происходили экзамены, окончившіеся совершеннымъ торжествомъ для моего дѣтскаго самолюбія: я былъ переведенъ во всѣ средніе классы. Въ первыхъ числахъ июля на актѣ, я получилъ книжку съ золотою надписью: «за прилежаніе и успѣхи», и еще похвальный листъ.

За мной давно уже прѣхала простая кибитка и тройка лошадей съ кучеромъ, и въ день гимназическаго акта, послѣ обѣда, мы съ Евсентемъ отправились въ наше любимое и дорогое Аксаково. Мы тѣхали по той же самой дорогѣ, по которой два года тому назадъ везла меня мать, вырвавъ изъ казенныхъ воспитанниковъ гимназіи, и останавливались даже на тѣхъ же кормежкахъ и ночевкахъ. Скоро дыханіе природы проникло въ мое существо и выгнало изъ головы моей гимназію, товарищѣ, учителей, книги и уроки. Послѣ временнаго, какъ будто забвенія или охлажденія, еще горячѣе и уже сознательнѣе полно было я красоты Божьяго міра.... Дома вся семья встрѣтила меня съ нѣжною любовью, а радости матери моей — и описать нельзя! Какъ выросла и похорошилась въ одинъ годъ моя любимая сестрица и какъ обрадовалась миць! Сколько разспросовъ, сколько разсказовъ! Между прочимъ

я узналь отъ нее, что моя мать сначала такъ по мнѣ тосковала, что даже была больна, и мнѣ сдѣлалось какъ-то больно, что я грустилъ въ разлукѣ съ ней менѣе, чымъ прежде.

Всѣ дни вакаціи, которые провелъ я тогда въ Аксаковѣ, слились въ моей памяти въ одинъ прекрасный, радостный день! Я никакъ не могу разсказать, если бы и хотѣлъ, что я дѣлалъ въ эти счастливые дни? Знаю только, что я наслаждался отъ утра до вечера. Всего чаще мелькаетъ въ этомъ роѣ удовольствій удочка, купанье и стребъ. Мать заставила меня разсказать весь годъ моей гимназической жизни со всѣми мельчайшими подробностями, и въ продолженіе разсказа часто говорила моему отцу: «Видиши ли, Тимоѳей Степанычъ, я не ошиблась въ Григоріѣ Иванычѣ. Онъ далекъ отъ Ивана Ишатыча, какъ небо отъ земли. Вотъ кому желала бы я отдать на воспитаніе Сережу, и я буду стараться о томъ изъ всѣхъ силь». Разсказы Евсича еще больше утвердили ее въ этомъ намѣреніи, важность котораго я уже понималъ, и самъ желалъ его исполненія. Всего больше пленяли мою мать строгость и чистота нравовъ Григорія Иваныча.—Съ моей сестрицей я почти не разставался; дружба наша сдѣлалась еще тѣснѣе и нѣжнѣе.—Быстро пролетѣли блаженные дни, и 10-го августа, въ той же кибиткѣ, съ тѣмъ же кучеромъ и на тѣхъ же лошадяхъ, мы съ Евсичемъ отправились въ Казань ^{н.б.}.

По прѣздѣ моемъ, я нашелъ всѣхъ учениковъ въ сбОРЬ, но Ивана Ишатыча не было въ городѣ. Мы узнали, что онъ поѣхалъ жениться въ деревню къ своей невѣстѣ, Настасії Петровнѣ Е—ой, что черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы они прѣдуть въ Казань ^{н.б.} нимутъ особый домъ и тогда уже возьмутъ нась къ себѣ, и что до тѣхъ поръ будетъ заниматься нами Григорій Иванычъ. Я очень этому обрадо-

вался, а Манасены напротивъ, особенно меньшой братъ, Ельпидифоръ: славный мальчикъ, но великій шалунъ, не принявшийся еще за ученье, шалунъ, изъ котораго вышелъ впослѣдствіи весьма дѣльный человѣкъ. Очень живо помню, что я съ большимъ нетерпѣніемъ и желаніемъ учиться вступилъ въ средніе классы. Я зналъ заранѣе, что въ нихъ ученье гораздо труднѣе и что средніе классы считались основаніемъ всего гимназического курса. Существовало мнѣніе, что тотъ ученикъ, который въ нихъ отличится, непремѣнно будетъ отличнымъ и въ высшихъ классахъ, тогда какъ напротивъ, часто случалось, что первые ученики въ низшихъ классахъ оставались въ средніхъ навсегда посредственными (*). Это мнѣніе меня пугало, и весь первый мѣсяцъ мое опасеніе не разсыпалось. Учителя были другие и насть не знали; все переведенные ученики сидѣли особо на двухъ отдѣльныхъ скамейкахъ и сначала ими занимались мало. По трудности курса среднихъ классовъ, большая часть воспитанниковъ оставалась въ нихъ по два года, отчего классы были слишкомъ полны и для учителя не было физической возможности со всеми равно заниматься. Въ числѣ другихъ предметовъ, вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ, въ среднемъ классѣ преподавалась грамматика славянскаго языка, составленная самимъ преподавателемъ Николаемъ Мисаиловичемъ Ибрагимовымъ (**), поступившимъ также изъ Московскаго уни-

(*) Очевидно, что разделеніе гимназического курса на три класса было не достаточно. Это впослѣдствіи дознано опытомъ, почему теперешній гимназіческий курсъ в раздѣляютъ на ~~три~~ классовъ.

(**) Фамилія его и наружность ясно указывали на его татарское или башкирское происхожденіе; онъ имѣлъ большую голову, маленькие, проницательные и очень пріятные глаза, широкія скулы и огромный ротъ. Горячо любилъ литературу, былъ очень остроуменъ и вообще человѣкъ даровитый.

верситета: онъ же былъ не только учителемъ россійской словесности, но и математики въ среднихъ классахъ. Этотъ человѣкъ имѣлъ большое значеніе въ моемъ литературномъ направленіи, и память его драгоцѣнна для меня. Онъ первый ободрилъ меня и, такъ сказать, толкнулъ на настоящую дорогу. Ибрагимовъ диктовалъ свою славянскую грамматику для тѣхъ, кто ее еще не слушалъ и у кого ее не было; обыкновенно одинъ ученикъ писалъ подъ диктовку на классной доскѣ, а другіе списывали продиктованное. Ибрагимовъ объяснялъ не довольно подробно и не такъ понятно; для слушавшихъ грамматику вторично, этого толкованія было достаточно, но мало для учениковъ новыхъ, а особенно для двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, какимъ былъ я и многіе другіе. По счастію въ это время занимался мною дома Григорій Иванычъ (по случаю отсутствія Ивана Ипатыча); онъ объяснялъ мнѣ Введеніе въ славянскую грамматику, въ которомъ излагался взглядъ на грамматику общую: безъ него я понялъ бы этотъ взглядъ такъ же плохо, какъ и другіе ученики. Имѣя у себя заранѣе полный списокъ славянской грамматики, я просмотрѣлъ ее всю въ воскресные дни и, на темныя для меня мѣста, попросилъ объясненія у Григорія Иваныча. Это было мнѣ впослѣдствіи очень полезно.— Наконецъ уже въ исходѣ сентября (черезъ шесть недель послѣ начала ученія), маленькая татарская фигурка Ибрагимова, прошедъ нѣсколько разъ по длинному классу съ теградкою въ рукѣ, вместо обыкновенной диктовки, вдругъ приблизилась къ отдѣльнымъ скамьямъ новыхъ учениковъ. Сердце у меня сильно забилось. Ибрагимовъ сталъ предлагать всѣмъ ученикамъ, переведеннымъ изъ нижняго класса, разные вопросы изъ пройденныхъ имъ Введенія и двухъ главъ грамматики— въ томъ порядкѣ, какъ сидѣли ученики; порядокъ же былъ слѣдующій: сначала сидѣли казенные гимназисты,

потомъ пансионеры, потомъ полупансионеры и наконецъ своекоштные. На вопросы Ибрагимова изъ грамматики, кое-какъ еще отвѣчали, но изъ Введенія рѣшительно никто ничего не зналъ: ясное доказательство, что его не понимали. Дошла очередь до меня. Изъ грамматики я отвѣчалъ свободно и удовлетворительно. Послѣ каждого отвѣта, Ибрагимовъ говорилъ: «прекрасно». Отвѣты мои заинтересовали его, и вмѣсто трехъ-четырехъ, онъ задалъ мнѣ вопросовъ двадцать. Всѣ отвѣты были равно удачны. Ибрагимовъ безпрестанно улыбался во всю ширину своего огромнаго татарскаго рта и наконецъ сказалъ: «Прекрасно, прекрасно, и прекрасно! Посмотримъ теперь, что скажетъ Введеніе.»—Отвѣты мои продолжали быть вполнѣ удовлетворительны. Онъ пробовалъ сбивать меня и не сбить, потому что я говорилъ понимая предметъ, а не выучивъ наизусть однѣ слова. Ибрагимовъ пришелъ въ совершенное изумленіе и восхищеніе. Онъ осѣпалъ меня всевозможными похвалами, вызвалъ изъ-за стола, приказалъ забрать всѣ классныя тетрадки и книжки, взялъ за руку, подвелъ къ первому столу и сказавъ: «вотъ ваше мѣсто», посадилъ меня третьимъ, а учениковъ было слишкомъ сорокъ человѣкъ. Такое торжество и во снѣ мнѣ не снилось. Я былъ совершенно счастливъ. Воротясь домой, я послалъ Евсича попросить позвolenія у Григорія Иваныча прийти къ нему въ комнату и, получивъ согласіе, я рассказалъ съ большой радостью о случившемся со мною. Григорій Иванычъ внутренне былъ очень доволенъ этимъ происшествіемъ и тѣмъ чувствомъ, съ которымъ я его принялъ, но слѣдя своей методѣ, довольно сухо мнѣ отвѣчалъ: «Не слишкомъ радуйтесь; не поторопился ли Ибрагимовъ? Теперь вы должны поддержать его хорошее мнѣніе и учиться еще прилежнѣе.» Такой отвѣтъ могъ бы окатить холодной водой или оттолкнуть другаго, и я рѣ-

шительно не одобряю такого образа действий; но я уже зналъ Григорія Иваныча. Онъ и прежде очень хвалилъ меня въ письмахъ къ моей матери, а мнъ и виду не подаваль, что мною доволень; онъ даже писалъ, чтобы мать не показывала мнъ его писемъ. Въ классъ российской словесности, у того же самаго Ибрагимова, успѣхи мои были также блестящи; здѣсь преподавался синтаксисъ русскаго языка и производились практическія упражненія, состоявшія изъ писанья подъ диктовку и изъ переложенія стиховъ въ прозу. Диктовка была намъ очень полезна, сколько для правописанія, столько и для образования нашего вкуса, потому что Ибрагимовъ выбиралъ лучшія мѣста изъ Карамзина, Дмитріева, Ломоносова и Хераскова, заставляя читать вслухъ и объясняль ихъ литературное достоинство. Онъ самъ не находилъ пользы въ переложеніяхъ и, только исполнивъ программу, раза два заставилъ насть ими заниматься. Вместо того онъ упражнялъ насть въ сочиненіи небольшихъ піесъ на заданныя темы. Что же касается до другихъ классовъ, то во всеобщей и русской исторіи у Яковкина, я шель наравнѣ не съ лучшими, а съ хорошими учениками. Въ языкахъ вообще успѣхи были плохи, безъ сомнѣнія отъ плохихъ учителей. Въ ариѳметикѣ я былъ слабъ и въ нижнемъ классѣ, а въ среднемъ оказалось, что я не имѣю вовсе математическихъ способностей; такая аттестація удержалась за мной не только въ гимназіи, но и въ университетѣ. Чистописаніе, рисованье и танцовашли порядочно. У священника я былъ въ числѣ не отличныхъ, но хорошихъ учениковъ. Въ среднемъ классѣ бросилъ я тасканье аспидной доски и трифеля, къ которымъ питалъ сильное отвращеніе, сохраняемое мною отчасти и теперь. Скрыпъ отъ черченья грифелемъ по аспидной доскѣ производилъ (и производить) содроганье въ моихъ нервахъ.

Наконецъ узнали мы, что Иванъ Ипатьичъ съ молодой женой прѣхалъ въ городъ и остановился въ домѣ своей тещи. На другой же день, онъ прѣѣжалъ взглянуть на своихъ воспитанниковъ и чрезвычайно насть обласкалъ. Евсейчикъ разсказывалъ мнѣ по секрету, что Григорій Иванычъ очень сердился на Ивана Ипатьча за то, что онъ вмѣсто одного проѣздила три мѣсяца, говоря: «что ему очень надоѣло возиться съ дѣтьми, которыхъ онъ не могъ бросить безъ надзора и вниманія, какъ дѣлаетъ это Иванъ Ипатьичъ.» Послѣдній извинялся, благодарила, обнималъ своего товарища, но тотъ обошелся съ нимъ очень сухо и грубо, грозя ему, что если онъ немедленно не найдетъ себѣ квартиру, то онъ выѣдетъ изъ дома и броситъ его пансіонеровъ. Надобно прибавить, что у Григорія Иваныча уже не было своихъ воспитанниковъ. Не смотря на такія угрозы, Иванъ Ипатьичъ не скоро нанялъ себѣ квартиру, и Григорій Иванычъ прожилъ съ нами еще два мѣсяца, постоянно и добросовѣстно занимаясь нашимъ ученьемъ, содержаньемъ и поведеньемъ. Въ эти пять мѣсяцевъ я очень привязался къ Григорію Иванычу, хотя онъ не сказалъ мнѣ ни одного ласковаго слова и понаружности казался сухимъ и строгимъ. Я не могъ тогда оцѣнить достоинства этого человѣка и не могъ бы его полюбить, еслибы мать не уведомляла меня потихоньку, что онъ меня очень любить и очень хвалить, и не показываетъ этого только для того, чтобы я, по молодости своей, не избаловался отъ его похвалъ. Къ сожалѣнію Григорій Иванычъ держался этого ошибочнаго правила во все продолженіе своего полезнаго, долговременнаго и важнаго служебнаго поприща, гдѣ приходилось имѣть дѣло не съ дѣтьми, а часто съ стариками. Кто имѣлъ случай узнать его коротко, тотъ сохранялъ къ нему глубокое уваженіе и преданность во всю жизнь, но за то были

хорошіе люди, которыхъ онъ оттолкнулъ отъ себя сухостью обращенія и которые сочли его за чловѣка гордаго и жесткаго, чтѣ было совершенно несправедливо. Наконецъ Иванъ Ипатьичъ нанялъ себѣ приличную квартиру. Переѣзжая къ нему и разставаясь съ Григоріемъ Иванычъ, я расплакался, хотѣль было обнять его, но онъ не допустилъ меня и, будучи самъ растроганъ почти до слезъ, (что я узналъ впослѣдствіи изъ его письма къ моей матери), сухо и холодно сказалъ мнѣ: «Это что такое? О чёмъ вы плачете? Вѣрно боитесь, что Иванъ Ипатьичъ будетъ построже съ вами взыскывать!» Признаюсь, на ту пору досадны были мнѣ эти слова! Я забылъ сказать, что Иванъ Ипатьичъ привозилъ къ намъ свою молодую жену: мы заметили только, что у неї нетъ бровей и что она по простотѣ своей не умѣла сказать намъ ласковаго слова и безпрестанно краснѣла. У Ивана Ипатьча помѣстили настѣ, то-есть, меня и троихъ Манасеиныхъ, въ особомъ флигельѣ и сначала оставили безъ всякаго надзора. Тутъ-то я почувствовалъ всю разницу между нимъ и Григоріемъ Иванычъ. Мы видѣли Ивана Ипатьча только за обѣдомъ и ужиномъ. Молодой мужъ былъ совершенно озабоченъ устройствомъ своего новаго положенія и подгородной деревни, Кощаково, состоявшей изъ 60-ти душъ, въ двадцати верстахъ отъ города, которую онъ получилъ въ приданое за женой и въ которую уѣзжалъ на два дня каждую недѣлю. Остальное время онъ былъ занятъ преподаваніемъ физики въ высшемъ классѣ гимназіи, или заботами о семействѣ своей молодой супруги, изъ числа котораго, три взрослыхъ дѣвицы, ея сестры, жили у него постоянно. Домашнимъ хозяйствомъ никто не занимался и оно шло весьма плохо, даже столь былъ очень дуренъ и по этому обстоятельству случилось со мной вотъ какое приключение: одинъ разъ за ужиномъ (мы ужинали всегда въ большомъ домѣ за

общимъ столомъ) подали ветчину; только-что я, отрѣзавъ кусокъ, хотѣлъ положить его въ ротъ, какъ стоявшій за моимъ стуломъ Евсейчъ толкнулъ меня въ спину; я обернулся и съ изумленiemъ посмотрѣль на своего дядьку: онъ покачалъ головой и сдѣлалъ мнѣ знакъ глазами, чтобы я не тѣль ветчины; я положилъ кусокъ на тарелку и тутъ только замѣтилъ, что ветчина была тухлая и даже червивая; я поспѣшилъ отдать тарелку. Я сидѣть очень близко отъ Ивана Ипатьча, и онъ все это замѣтилъ. Надобно прибавить, что за столомъ, кроме воспитанниковъ, сидѣли теща его, жена и три свояченицы. Послѣ ужина, когда мы все подошли къ Ивану Ипатьчу, чтобы раскланяться и идти спать, онъ приказалъ мнѣ оставаться и повелъ насть вмѣстѣ съ Евсейчемъ къ себѣ въ кабинетъ. Тамъ онъ сдѣлалъ мнѣ строжайшій выговоръ за то, что я поступилъ дерзко, и съ намѣренiemъ осрамить хозяина обратилъ вниманіе всѣхъ на испортившуюся ветчину, которую однако же все изъ деликатности тѣли. Иванъ Ипатьчъ, прочтя мнѣ длинное поученіе и доказывая, что я сдѣлалъ непростительный проступокъ, разбранилъ очень обидно моего почтеннаго Евсейча. Я рѣшительно не понималъ своей вины и заплакалъ отъ незаслуженнаго оскорблѣнія. Иванъ Ипатьчъ смягчился и сказалъ, что меня прощаетъ, и даже хотѣлъ обнять, но я весьма искренно и наивно возразилъ ему, что плачу не отъ раскаянія, а отъ того, что онъ обидѣлъ меня несправедливымъ подозрѣніемъ въ умыселъ и разбранилъ моего дядьку. Иванъ Ипатьчъ вновь разсердился, нашель во мнѣ, Богъ знаетъ, какое-то ожесточеніе, сказалъ, что я завтра буду примѣрно наказанъ, и отпустилъ спать. Я долго не могъ заснуть и мысль, что посторонній человѣкъ, безъ всякой моей вины, хочетъ меня какъ-то примѣрно наказать, оскорбляла и раздражала меня очень сильно. Съ тѣхъ поръ,

какъ я сталъ себя помнить, никто кромѣ матери меня не наказывалъ да и то было очень давно. Наконецъ я уснулъ. На другой день поутру, когда мы одѣлись и пришли пить чай въ домъ, Иванъ Ипатычъ, противъ обыкновенія, вышелъ къ намъ, объяснилъ мою вину Манасеинъ и Е—у (*), приказалъ имъ идти въ гимназію, а меня лишилъ чаю, велѣлъ остатся дома, идти во флигель, раздѣться, лечь въ постель и пролежать въ ней до вечера, а вмѣсто завтрака и обѣда велѣлъ дать мнѣ ломоть хлѣба и стаканъ воды. Такое дурацкое и вовсе незаслуженное наказаніе, для такого чувствительнаго и развитаго мальчика, какимъ былъ я, должно было показаться и показалось несноснымъ оскорблениемъ, и я въ самомъ дѣль съ ожесточеніемъ и презрительною улыбкою посмотрѣлъ на своего наставника и поспѣшилъ ушель во флигель. Я раздѣлся, легъ въ постель и взялъ читать какую-то книгу. Евсевичъ мой, не понимая нравственнаго оскорблѣнія, отъ всей души смеялся надъ глупымъ наказаніемъ, обижался только, что я буду голоденъ и обѣщался достать мнѣ потихоньку всего, что будетъ получше за столомъ. Я съ негодованіемъ запретилъ ему это дѣлать и выслалъ вонъ. Сначала я чувствовалъ только гневъ и раздраженіе, потомъ принялъ плакать и наконецъ заснулъ. Ночь я спалъ мало и потому заснулъ такъ крѣпко, что проснулся только тогда, когда мои товарищи, пообѣдавъ въ общей залѣ, пришли во флигель и начали играть и шумѣть. Сонъ успокоилъ меня; я отказался отъ хлѣба и воды и равнодушно перенесъ шутки и насмѣшки моихъ соучениковъ, которые также не находили меня виноватымъ и смеялись не столько надо мной, сколько

(*) За дѣвъ недели, молодой Е—ъ, свойскъ Ивана Ипатыча, опредѣлился въ гимназію и поступилъ въ число его воспитанниковъ.

лько надъ странностью моего наказанія. Средній Манасеинъ, порядочный лентяй, даже завидовалъ мнѣ и говорилъ, что желалъ бы всякой день быть такъ наказаннымъ. Когда мои товарищи ушли въ гимназію на послѣ-обѣденные классы, я принялъ твердить уроки, заданные безъ меня поутру моимъ товарищамъ, и повторилъ вчера-шинѣ. Въ седьмомъ часу вечера, когда воспитанники воротились изъ гимназіи и пили чай въ столовой, Иванъ Ипатьичъ прислалъ мнѣ сказать, чтобы я одѣлся и пришелъ туда же. Я повиновался. Онъ встрѣтилъ меня словами: «что прощаетъ меня и что сокращеніемъ срока моего наказанія я обязанъ дамамъ», — и онъ указалъ на свою тещу, жену и свояченицъ. Я поблагодарилъ ихъ. Иванъ Ипатьичъ съ женой ту же минуту куда-то уѣхали. Товарищи, напившись чаю, ушли во флигель, но меня дамы оставили при себѣ. Сейчасъ накрыли столикъ и принесли кушанье; меня посадили за столъ, дѣвицы сѣли около меня, кормили почти изъ своихъ рукъ и даже притащили банку съ вареньемъ, которымъ я усердно полакомился. Все это сопровождалось такими ласками, которые разогнали мое сердце. Оказалось, что барышни, хотя до сихъ поръ не говорили со мной ни одного слова, давно полюбили меня за мою скромную наружность и что наказаніе, которое онъ и старуха ихъ мать находили незаслуженнымъ и безчеловѣчнымъ, возбудило въ нихъ также ко мнѣ участіе, что онъ неотступно просили Ивана Ипатьча меня простить и что сестра Катерина даже плакала и становилась предъ нимъ на колѣни. Я замѣтилъ, что Катерина Петровна ужасно покраснѣла. Меня оставили въ домѣ на цѣлый вечеръ и подробно разспросили обо всемъ, до меня касающемся. Я, разумѣется, разболтался и не только рассказалъ про свое Аксаково, про первое поступление свое въ гимназію, но и прочель множество стиховъ.

наизусть, къ чему я съ давниго времени имѣлъ страшную охоту. Барышни искренно восхищались, ахали, хвалили и осыпали меня ласками. Я былъ также восхищенъ произведеніемъ мной впечатлѣніемъ, и дѣтское мое самолюбіе вскружило мнѣ голову. Послѣ ужина я воротился во флигель, вмѣстѣ съ моими товарищами, которые уже знали черезъ брата Е—хъ, какъ меня ласкали и потчевали его сестры; товарищи разспрашивали и завидовали мнѣ, и я не скоро заснулъ отъ волненія и какихъ-то непонятныхъ мнѣ фантазій.

Я съ намѣреніемъ описалъ подробнѣ это, неважное по-видимому, обстоятельство. Послѣдствіемъ его было то, что я сталъ не такъ прилежно учиться. Старуха Е — на, также какъ ея дочери, меня очень полюбила и не рѣдко выспрашивала позволеніе у своего зятя приглашать меня по вечерамъ въ домъ, гдѣ я проводилъ часа по два очень весело. Въ воскресные же и праздничные дни, я безпрестанно бѣгалъ въ домъ и почти пересталъ ходить къ родственницамъ моего отца, къ Кирьевой и Сафоновой, у которыхъ прежде бывалъ часто. Товарищи продолжали мнѣ завидовать, а Е—нъ, уже пятнадцатилѣтній болванъ и повѣса, котораго сестры прогоняли изъ нашего общества, хмурился на меня не на шутку и отпускалъ какіе-то язвительные намеки, которыхъ я рѣшительно не понималъ. Мало по малу я совсѣмъ развлекся, и хотя Иванъ Ипатычъ мѣсяца черезъ три нанялъ для насъ студента, кончившаго курсъ въ Духовной Семинарії, Гурья Ивлича Л., очень скромнаго и знающаго молодаго человѣка, съ которымъ я могъ бы очень хорошо заниматься, но я до самой весны, то-есть, до времени отѣзда Е—хъ въ деревню, учился очень плохо. Только у одного Ибрагимова, въ классъ русской словесности и славянской грамматики, я оставался по прежнему отличнымъ ученикомъ, потому

что горячо любилъ и предметъ ученія и учителя. Месяца за полтора до экзамена, я принялъся заниматься съ большимъ жаромъ. Гурій Ивличъ очень полюбилъ меня въ это время и усердно помогалъ моему прилежанию, но со всемъ тѣмъ, я не былъ переведенъ въ высшій классъ и остался еще на годъ въ среднемъ; перешла только третья часть воспитанниковъ и въ томъ числѣ нѣкоторые, не за успѣхи въ наукахъ, а за старшинство лѣтъ, потому что сидѣли по два и по три года въ среднемъ классѣ. Никто не ставилъ мнѣ этого въ вину, и хотя я находилъ, вмѣстѣ со всѣми другими, что двухгодичное пребываніе въ среднемъ классѣ будетъ мнѣ полезно и что такъ бываетъ почти со всѣми учениками, но дѣтское самолюбіе мое оскорблялось, а всего больше я боялся, что это огорчитъ мою мать. Опасенія мои были напрасны. Когда я прѣѣхалъ на вакацію въ Аксаково (1802-го года) съ Евсеичемъ, и когда моя мать прочла письма Упадышевскаго, Ивана Ипатыча и Григорья Иваныча, то она, вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, была очень довольна, что я остался въ среднемъ классѣ. Но когда я съ полною откровенностью подробно рассказалъ о моемъ пребываніи и образѣ жизни въ домѣ моего наставника, моя мать очень призадумалась и казалась недовольною. Ей не нравился Иванъ Ипатычъ, его семейство и даже Гурій Ивличъ Л..., потому что она терпѣть не могла семинаристовъ, въ чемъ совершенно соглашалась съ нею мой отецъ, который называлъ ихъ кутейниками. Этотъ предразсудокъ былъ особенно несправедливъ въ отношеніи къ Григорю Ивличу, имѣвшему очень много достоинствъ (*). Всего же больше оскорбило

(*) Черезъ нѣсколько лѣтъ я встрѣтился съ Гурьевъ Ивличемъ Л. самымъ оригинальнымъ образомъ. Предварительно надо было сказать, что въ послѣднее время, какъ я уже и говорилъ, онъ очень полюбилъ меня, и несмотря на то, что мнѣ былъ двѣнадцатый, а ему двадцать второй годъ,

и раздражило мою мать нелъпое наказаніе, которому подвергъ меня Иванъ Ипатычъ. Желаніе взять меня отъ него и помѣстить къ бывшему его товарищу, возникло въ душѣ ея съ новою силою. Взять было не трудно, но убѣдить Григорья Иваныча нарушить свое намѣреніе, единажды принятое,—оказалось невозможностью, которая увеличивалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ не только товарищъ, но и короткій пріятель съ Иваномъ Ипатычемъ. Выходъ лучшаго ученика могъ повредить ему во мнѣніи другихъ родителей, а перемѣщеніе мое къ Григорью Иванычу, люди не знающіе коротко обстоятельствъ, могли назвать переманкой. Очень огорчалась

дружески поверивъ мнѣ всѣ свои обстоятельства, и между прочимъ то, что начальство уговариваетъ его поступить въ духовное званіе, къ которому онъ не чувствовалъ влеченія. Не знаю почему мнѣ заѣло въ голову, что Гурій Ильичъ будетъ непремѣнно священникомъ, и я у说服ала его въ этомъ. Онъ спорилъ, даже сердился, и чтобы убѣдить меня въ противномъ, взялъ единажды листъ бумаги и написалъ на немъ: «Скорѣе рѣка Казанка потечетъ вверхъ, чѣмъ Гурій Л. пойдетъ въ духовное званіе.» Этотъ листъ онъ отдалъ мнѣ спрятать, какъ обязательство, что онъ сохранилъ свою свободу: явное доказательство, какъ онъ самъ былъ еще молодъ. Месяца черезъ два мы разстались. Прошло три года, или около четырехъ; я ни разу не слыхала о Гуріѣ Ильичѣ и совершенно забыла объ его существованіи. Въ одно скверное осеннеѣ утро, получила я записку отъ моей родной тетки, Н. Н. Зубовой, которую очень горячо любила; она жила тогда въ домѣ В—хъ и я часто видалась съ нею. «Милый мой Сержъ (писала она) сегодня въ шестомъ часу послѣ обеда пріезжай къ намъ въ мундирѣ и со шпагой. Сегодня у насъ свадьба, ты шаферъ у Лизы, будешь ее обувать и провожать въ церковь.» Лиза была воспитанница В—хъ, бѣдная, молодая и прекрасная собою девушки. Я пріѣхала, немножко опоздавъ, меня побралили и сейчасъ провели къ невѣстѣ; я обула ея ножки въ шелковые чулки и башмаки. Невѣста была еще не совсѣмъ одѣта, но голова находилась уже въ полномъ свадебномъ убранствѣ; я помни, что была поражена ея красотой. Едва я успѣла перемолвить несколько словъ съ любимой моей тетушкой у неї въ комнатѣ, какъ хозяйка В—ва позвала меня къ себѣ и попросила, чтобы я поскорѣе поѣхала въ ея каретѣ къ жениху и сказала ему, что невѣста одѣта и чтобы онъѣхалъ сейчасъ въ цер-

бъдная моя мать, но не знала какъ помочь горю. Ласки барышень Е—хъ и особенно нѣжности одной изъ нихъ, ей также не нравились, къ немалому моему удивленію. Она рѣшилась пріѣхать въ К. по зимнему пути: во-первыхъ для того, чтобы взглянуть своими глазами на мое житѣе, и во-вторыхъ для того, чтобы употребить все усилия къ убѣждению Григорья Иваныча взять меня къ себѣ. Третью причину я узналъ въ послѣдствіи: мать моя хотѣла, чтобы все время свободное отъ ученья, на праздникахъ зимней вакаціи, я проводилъ съ нею, а не въ семействѣ жены Ивана Ипатыча.

ковъ и оттуда прислать шафера сказать, что онъ ожидаетъ невѣstu. Въ-торопахъ я не успѣлъ спросить, кто такой женихъ, и ту же минуту поскакалъ къ нему. Со мной былъ человѣкъ В—хъ, знаяшій жениха и его квартиру; онъ привезъ меня въ какой-то большой каменный домъ, въ которомъ много было народа, провѣль черезъ нѣсколько комнатъ и отворивъ дверь, сказалъ: «Вонъ женихъ, передъ зеркаломъ одѣвается...» и я увидѣлъ спину плотнаго мужчины, въ короткихъ штанахъ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, которому торопливо и усердно повязывали бѣлое толстое жабо. Я подошелъ, женихъ обернулся — это былъ Гурій Ильичъ Л—нь, очень пополнѣвшій. Мы оба вскрикнули отъ изумленія. «Ахъ, милый мой Аксаковъ, сказалъ онъ, обнявъ меня, какъ я радъ, что вѣсна вижу; но извините меня, въ эту минуту я не могу...» Я перебѣгъ его слова, сказавъ, что я шаферъ его невѣсты и пріѣхалъ поторопить жениха. Л—нь, продолжая поспѣшно одѣваться, продолжалъ говорить со мной: «Какъ, я думаю вы удивлены?» сказалъ онъ. — «Да, отвѣчалъ я; я не зналъ кто женихъ; но я очень радъ, что вы женитесь на прекрасной и предобѣрой девушки.» «Ахъ, такъ вы еще ничего не знаете!» воскликнулъ Л—нь, взялъ меня за руку, отвелъ въ сторону и тихо сказалъ мнѣ: «вы вѣрно помните мое письменное общаніе не поступать въ духовное званіе; ну такъ знайте же: завтра я священникъ, а послѣ завтра протопопъ въ соборѣ Петра и Павла...» и слезы показались у него на глазахъ. Какія обстоятельства измѣнили или заставили пожертвовать Гурія Ильича своимъ прежнимъ убѣждѣніемъ — я не знаю; но видно жаль было ему своей свободы. Съ тѣхъ порь мы не видались. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, я постоянно слышалъ, что Гурій Ильичъ Л, былъ вѣтми любимъ за свои душевные качества и уважаемъ за свою ученость; кажется онъ былъ даже ректоромъ въ духовной академіи, не очень давно учрежденной въ К.

Лѣтнюю вакацію я прожилъ въ деревнѣ также пріятно, какъ и прошлаго года; но на возвратномъ пути случилось со мной происшествіе, которое произвело на меня сильное впечатлѣніе и слѣды котораго не изгладились до сихъ поръ: я сталъ гораздо болѣе бояться и теперь боюсь переправляться черезъ большія рѣки. Вотъ какъ случилось это происшествіе: мы пріѣхали въ полдень на лѣтній перевозъ черезъ Каму, противъ села Шурана. На берегу дожидались переправы три крестьянскихъ тельги съ поклажей и вощиками и десятка полтора бабъ съ кузовами ягодъ. Бабы возвращались домой пѣшкомъ на противоположный берегъ Камы. Перевощиковъ на перевозъ не было: куда разбрелись они не знаю. Потолковавъ нѣсколько времени, крестьяне и мои люди рѣшились сами переправиться черезъ рѣку, потому что одинъ изъ крестьянъ вызвался править кормовымъ весломъ, увѣривъ, что онъ нѣсколько лѣть былъ перевощикомъ. И такъ выбрали лучшій дощаникъ, поставили три крестьянскія тельги съ лошадьми, мою кибитку и всѣхъ трехъ нашихъ лошадей; разумѣется, взяли и всѣхъ бабъ съ ягодами; мнимый перевощикъ сталъ на кормъ, двое крестьянъ, мой кучерь и лакей Иванъ Малышъ (молодецъ и силачъ, одинъ стоявшій десятерыхъ) сѣли въ весла, и мы отчалили отъ пристани. Между тѣмъ черная туча взмывала на западъ и мало по-малу охватывала край горизонта; ее нельзя было не примѣтить, но всѣ думали: авось пройдетъ стороной, или, авось успѣмъ перѣѣхать. Пристань находилась противъ самаго Шурана, и для того, чтобы не быть снесенными быстротою теченія сердитой Камы и чтобы угодить прямо на перевозъ,—надобно было подняться вверхъ по рѣкѣ на шестахъ слишкомъ версту. Это производилось очень медленно, а гроза быстро начала приближаться. Чтобы ускорить перѣездъ, поднялись вверхъ только съ

полверсты, опять сѣли въ весла и перекрестившись пустимись на перебой поперекъ рѣки; но лишь только мы добрались до середины, какъ туча съ неимовѣрной скоростью обхватила весь горизонтъ, почернѣвшее небо еще чернѣе отразилось въ водѣ, стало темно, и страшная гроза разразилась молніей, громомъ и внезапной неистовой бурей. Кормщикъ нашъ въ испугѣ бросилъ кормовое весло и признался, что онъ совсѣмъ не перевощикъ и править не умѣеть; вихрь завертѣль нашъ паромъ, какъ щенку, и понесъ внизъ по течению; бабы подняли пронзительный вой — и ужасъ овладѣль всѣми. Я такъ испугался, что не могъ промолвить ни одного слова и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Вихремъ и быстротой теченія снесло нашъ дощаникъ нѣсколько верстъ внизъ по рѣкѣ и наконецъ бросило на песчаную отмель, по счастію саженяхъ въ пятидесяти отъ противоположнаго берега. Иванъ Малышъ спрыгнулъ въ воду, она была ему по поясъ; онъ дошелъ бродомъ до берега, глубина воды нигдѣ не доставала выше груди. Онъ воротился тѣмъ же путемъ на паромъ, стащилъ съ него одну изъ нашихъ лошадей посмирнѣе, посадилъ меня верхомъ, велѣль крѣпко держаться за гриву и за шею лошади и повелъ ее въ поводу; Евсеичъ шелъ подлѣ и поддерживалъ меня обѣими руками. Мутныя и огромные волны хлестали черезъ нась и окачивали съ головой; по несчастію Малышъ, идя впереди, сбился съ того броду, по которому прошелъ два раза, и попалъ на болѣе глубокое мѣсто; вдругъ онъ нырнуль въ воду, лошадь моя поныла, и Евсеичъ отсталъ отъ меня; тутъ-то я почувствовалъ такой страхъ близкой смерти, котораго я не забыть до сихъ порь; каждую минуту я готовъ былъ лишиться чувствъ и едва не захлебнулся; по счастію глубина продолжалась не болѣе двухъ или трехъ сажень; Малышъ плавалъ мастерски, лошадь моя отъ него не от-

ставала и, не выпускя повода изъ руки, онъ скоро выплыть на мелкое мѣсто и благополучно вывѣль на берегъ моего коня; но Евсичъ, не умѣвший хорошо плавать, едва не утонулъ и насилиу выбился на берегъ. Меня, мокраго до послѣдней нитки, сняли съ лошади почти безъ памяти; пальцы мои закоченѣли, замерли въ гризѣ моего коня; но я скоро опомнился и невыразимо обрадовался своему спасенью. Евсичъ остался со мной, а Малышъ пустился опять къ дощанику, съ котораго бабы, съ криками и воплями, не разставаясь съ кузовьями ягодъ, побросались въ воду; мужики постолкали своихъ лошадей и тельги, и всѣ кое какъ, по отмели, удачно отыскавъ бродъ по мельче, добирались до берега. Дощаникъ облегченный отъ большей части груза, поднялся и его начало тащить въ дно внизъ по течению. Вотъ тутъ-то пригодилась сила Ивана Малыша: онъ удерживалъ дощаникъ до тѣхъ поръ, покуда нашъ кучеръ столкнулъ на отмель лошадей и нашу повозку; Малышъ пересталъ держать паромъ, и его сейчасъ унесло внизъ по рѣкѣ. Столъ въ водѣ по поясъ, заложили лошадей, и повозка моя, подмочивъ все въ ней находившееся, вывихала на берегъ. Мы сѣли, мокрые и озябшіе, и поскакали въ Шурань; тамъ обогрѣвшись, обсушинились, напились горячаго чаю, и холодная ванна не имѣла для насъ никакихъ дурныхъ физическихъ послѣдствій. Но за то напугалась моя душа, и я во всю мою жизнь не могъ и не могу смотрѣть равнодушно на большую рѣку, даже въ тихое время; а во времена бури, чувствуя невольный ужасъ, котораго не въ силахъ преодолѣть.

Возвратясь въ гимназію, я принялъся прилежно учиться. Семейство Е—хъ было въ деревнѣ и никто не развлекалъ меня. Гурій Ивличъ, обрадованный моимъ прилежаніемъ, усердно со мною занимался, и я скоро

сдѣлался однимъ изъ лучшихъ учениковъ во всѣхъ сред-
нихъ классахъ, кромъ математики. О классахъ Ибраги-
мова я уже не говорю; тамъ я былъ постоянно пер-
вымъ. Въ это время я горячо полюбилъ гимназію, учите-
лей, надзирателей и веселыхъ товарищей. Меня не смущала
болѣе эта безпрестанная суматоха и бѣготня, этотъ шумъ,
говорь, хохотъ и крикъ. Я не чувствовалъ ихъ — я самъ
пѣль въ хорѣ, и строень, увлекательнѣй показался мнѣ
этотъ хоръ.—Осень стояла продолжительная и дождливая.
Въ городѣ появилась сильная эпидемія лихорадокъ, ко-
торая постигла и меня. Бениса уже не было при гимназіи,
и знакомый намъ Андрей Ивановичъ Риттеръ лечилъ
всѣхъ гимназистовъ, даже полупансіонеровъ и своекошт-
ныхъ; въ томъ числѣ лечилъ и меня. Сначала онъ до-
вольно скоро перервалъ лихорадку, но она черезъ иѣ-
сколько дней воротилась. Огромные порошки хинной
корки съ Глауберовой солью, о которыхъ я до сихъ поръ
не могу вспомнить безъ отвращенія, вторично прогнали
лихорадку, но черезъ двѣ недѣли она опять воротилась
съ болѣею жестокостью; такъ длилось дѣло довольно
долго. Евсеичъ, видя, что лечение идетъ плохо, усунулъ
въ искусство лекаря, котораго зналъ прежде за большаго
гуляку и который нерѣдко прѣѣжалъ ко мнѣ, какъ вы-
ражался мой дядька: «на второмъ взводѣ». Евсеичъ
осмѣлился доложить обѣ этомъ Ивану Ипатычу, прося
его взять для меня другаго лекаря. Иванъ Ипатычъ осер-
дился, сказавъ, что Риттеръ славится во всемъ городѣ
успешнымъ лечениемъ лихорадокъ, и прогналъ моего
дядьку; но онъ, любя меня горячо, помни приказаніе ба-
рыни, уведомилъ ее письмомъ о моей болѣзни. Моя мать,
испуганная и встревоженная, еще не оправившаяся послѣ
родовъ (семейство наше умножилось третьимъ братомъ),
немедленно прѣѣхала въ К. одна, нанила квартиру, пере-

везла меня къ себѣ, пригласила лучшаго доктора и принялась за мое лечение. Пріездъ въ К. было новое само-пожертвование со стороны моей матери. Здоровье ея очень отъ того пострадало.... и вся жизнь ея состояла изъ такихъ самопожертвованій!—Съ Иваномъ Ипатьчемъ не обошлось безъ непріятныхъ объясненій; онъ обижался и тѣмъ, что мать перевезла меня на свою квартиру, и тѣмъ, что взяла другаго доктора. Покуда меня лечили, что продолжалось мѣсяца два, потому что у меня очень болѣлъ правый бокъ,—у Ивана Ипатьча вышла какая-то непріятность съ родителями Манасеинихъ, вслѣдствіе чего онъ уничтожилъ свой пансіонъ и объявилъ, что больше держать воспитанниковъ не хочетъ. Мать моя очень обрадовалась этому обстоятельству: она и безъ того не оставила бы меня у Ивана Ипатьча, но тогда ей было бы гораздо труднѣе, даже невозможнно, убѣдить Григорья Иваныча взять меня къ себѣ прямо отъ своего пріятеля. Впрочемъ и теперь она встрѣтила столько затрудненій, что успѣхъ долго казался сомнительнымъ. Надобно сказать, что во все продолженіе вторичнаго пребыванія моего въ гимназіи, дружескія отношенія Григорья Иваныча къ моему семейству не только не ослабѣвали, но постепенно возрастили. Мать моя вела съ нимъ самую живую переписку и онъ долженъ былъ оцѣнить ея умъ, необыкновенную материнскую любовь и постоянную къ нему дружбу, основанную на уваженіи къ его строгимъ нравственнымъ правиламъ. Не одинъ разъ слышалъ я самъ изъ другой комнаты, съ какимъ жаромъ сердечнаго краснорѣчія, съ какими горячими слезами, моя мать убѣждала, умоляла Григорья Иваныча быть моимъ воспитателемъ... наконецъ твердость его была побѣждена: онъ согласился, хотя весьма нехотно. Онъ взялъ меня, не какъ воспитанника или пансіонера, а какъ молодаго товарища; ему было тогда

двадцать шесть лѣтъ, мнъ—тринацдцать. Онъ ни за что не согласился взять за меня деньги, но предложилъ, чтобы паемъ квартиры и столь мы держали пополамъ; а для большаго удобства я имъль свой особый чай; всѣ прочія издержки, какъ его, такъ и мои, разумѣется, каждый изъ насъ производилъ на свой счетъ. Когда моя мать достигла исполненія этого пламеннаго и давнишняго своего желанія, она была такъ счастлива, такъ свѣтла и радостна, что я глубоко почувствовалъ, что съ любовью матери никакая другая любовь сравниться не можетъ. Я также былъ очень радъ, что попалъ къ Григорию Иванычу. Я чувствовалъ къ нему глубокое уваженіе и даже любилъ его; нѣсколько странные и сухіе его пріемы не пугали меня: я хорошо зналъ, что эта холодная наружность, въ сљдствіе его взгляда на воспитаніе, была прината имъ за правило въ обращеніи съ молодыми людьми; я думалъ тогда, что можетъ быть такъ и надо поступать, чего, конечно, не думаю теперь.

Немедленно начали довольно хороший и помѣстительный домъ тѣхъ же самыхъ Е—хъ, домъ, въ которомъ они тогда не жили, а отдавали внаймы. Сначала мать перѣехала туда со мною, устроила наше будущее хозяйство и, сдавъ меня, уже совершенно выздоровѣвшаго, съ рукъ на руки Григорию Иванычу, исполненная самыхъ пріятныхъ надеждъ, уѣхала въ Оренбургское Аксаково къ остальному своему семейству. Это было уже въ февраль 1804 года.—Я не знаю болѣе отраднаго воспоминанія изъ моей ранней молодости, какъ воспоминаніе жизни у Григория Иваныча. Она продолжалась два года съ половиной, и хотя въ концѣ ясность ея помутилась, но въ благодарной памяти моей сохранились живые и отчетливые только утѣшительныя картины. Долго не соглашался Григорий Иванычъ взять меня; но за то, согласившись,—

посвятить ми^х всего себя. Ученье въ классахъ, съ успѣхомъ продолжаемое, было однако дѣломъ второстепен-
нымъ; главнымъ дѣломъ были упражненія домашнія.
Я постоянно ходилъ только къ нѣкоторымъ учителямъ;
классы же ариѳметики, рисования и калиграфіи посвяща-
лись мною рѣдко; въ эти часы я работалъ дома подъ
руководствомъ моего разумнаго наставника. Странное дѣло,
что математика рѣшительно не шла ми^х въ голову! Григорій
Иванычъ сначала усердно занимался со мною и нельзѧ
сказать, чтобы я не понималъ его необыкновенно ясныхъ
толкованій; но я сейчасъ забываю понятое и Григорій
Иванычъ подумалъ, что я даже не понимаю ничего.
Зная, что я былъ друженъ съ лучшимъ студентомъ мате-
матики, Александромъ К—мъ, онъ предложилъ ему по-
пробовать заняться со мною, и что же? У К—ча я по-
нималъ гораздо лучше, чѣмъ у Григорія Иваныча и
долѣе помнилъ. Но все это ни къ чему не повело: черезъ
несколько дней не оставалось въ головѣ моей ни одного
предложенія, ни одного доказательства. Отличная память моя,
огнисигнительно математики оказывалась чистымъ листомъ
бѣлой бумаги, на которомъ не сохранилось ни одного
математического знака! а потому наставникъ мой, сообраз-
но моимъ природнымъ наклонностямъ и способностямъ,
устроилъ планъ моего образования: общаго, легкаго, пре-
имущественно литературнаго. Онъ выписалъ для меня не-
медленно множество книгъ. Сколько могу припомнить, это
были: Ломоносовъ, Державинъ (*), Дмитревъ, Капнистъ и
Хемницеръ. У меня былъ уже Сумароковъ и Херасковъ,
но Григорій Иванычъ никогда не читалъ ихъ со мною.

(*) Тогда находился въ печати только одинъ томъ оды Державина и еще
небольшой томикъ анакреонтическихъ стихотворений, напечатанный въ
«Петроградѣ», какъ значилось на заглавномъ листѣ. Видно Державину
не нравилось иностранное имя новой Русской столицы.

На французскомъ языке были выписаны: Массильонъ, Флешье и Бурдалу, какъ проповѣдники; сказки Шехеразады, Донъ-Кио~~тотъ~~, смерть Авея, Геснеровы Идилии, Вакфильдскій священникъ, двѣ натуральныя Исторіи, и въ томъ числѣ одна съ картинками, какихъ авторовъ—не знаю. Натуральная исторія была для меня самой привлекательной наукой. Другихъ книгъ не припомню; но были и еще какія-то. Воспитатель мой прежде всего занился со мною иностранными языками, преимущественно французскимъ, въ которыхъ я, да почти и все ученики, былъ очень слабъ; въ три мѣсяца я могъ свободно читать и понимать всякую французскую книгу. Ученье вocabуль, грамматики и разговоровъ шло само по себѣ въ классѣ; но дома я ничего не училъ наизусть. Григорій Иванычъ бралъ книгу, заставлялъ меня читать и переводить словесно. Сначала я ровно ничего не понималъ, и это было мнѣ дико и скучно; но учитель мой упорно продолжалъ свою методу, и скорый успѣхъ удивилъ и обрадовалъ меня. Неизвѣстныя слова я записывалъ особо; потомъ словесный переводъ, всегда повторенный два раза, писалъ на бумагѣ; при моей свѣжей памяти, я, не уча, всегда зналъ наизусть на другой же день и французскій оригиналъ, и русскій переводъ, и все отдельно записанные слова. Первая прочитанная и переведенная мною статья была изъ французской Хрестоматіи: «Les aventures d'Aristonouy»; непосредственно послѣ нее, я началъ читать и переводить Шехеразаду, а потомъ Донъ-Кио~~тотъ~~. Нѣкоторыя мысли мнѣ не позволялось читать, и я съ точностью исполнялъ приказаніе. Боже мой! какъ было мнѣ весело учиться по такимъ веселымъ и увлекательнымъ книгамъ! Даже теперь, по прошествіи пятидесяти лѣтъ, я вспоминаю съ живѣйшимъ удовольствиемъ объ этихъ чтеніяхъ; помню, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидался я

назначенаго для нихъ времени, почти всегда немедленно послѣ обѣда!

Григорій Иванычъ серьёзно занимался своей наукой и, пользуясь трудами знаменитыхъ тогда ученыхъ по этой части, писалъ собственный курсъ чистой математики, для преподаванія въ гимназіи; онъ читалъ много нѣмецкихъ писателей, философовъ, и постоянно совершенствовалъ се- бя въ латинскомъ языке (*). Читая же со мною Шекера- заду и Донъ-Киркота, онъ отыхалъ отъ своихъ умствен- ныхъ трудовъ и отъ души хотѣлъ вмѣсть со мною, какъ совершенный миѳ ровесникъ, или лучше сказать, какъ дитя, чѣмъ сначала приводилъ меня въ большое изумленіе; въ это время нельзя было узнать моего настав- никіа; вся его сухость и строгость исчезали, и я полюбілъ его такъ горячо, какъ роднагостаршаго брата, хотя въ то же время очень его боялся. Но когда я довольно успѣлъ во французскомъ языке, чтеніе русскихъ писателей, преиму- щественно стихотворцевъ, сдѣлалось главнѣйшимъ нашимъ занятіемъ. Григорій Иванычъ такъ хорошо, такъ понятно объяснялъ миѳ красоты поэтическія, мысль автора и до- стоинство выражений, что моя склонность къ литературѣ скоро обратилась въ страстную любовь. Безъ всякаго усиленія съ моей стороны, я выучивалъ всѣ лучшіе стихи изъ Державина, Ломоносова и Капниста, которые выби- ралъ для меня мой строгой воспитатель; стихотворенія же Ив. Ив. Дмитріева, какъ образцовый тогда по чистотѣ и правильности языка, я зналъ наизусть почти всѣ. Мы очень мало читали Русской прозы, вѣроятно отъ того,

(*) Григорій Иванычъ отлично зналъ новѣйшіе языки и свободно писалъ на нихъ. Латинскимъ же языкомъ онъ приводилъ въ изумленіе В-ій университетъ, котораго въ послѣдствіи былъ последнимъ попечителемъ. Удивительно, какъ и гдѣ онъ могъ приобрѣсть такія сведения въ язы- кахъ?

что мой наставникъ не былъ доволенъ тогдашними прозаиками. Достойно замѣчанія, что онъ не читалъ со мню Карамзина, кроме нѣкоторыхъ писемъ «Русскаго путешественника», и не позволилъ мнѣ имѣть въ моей библіотекѣ: «Моихъ бездѣлокъ.» Я читалъ уже прежде все, написанное Карамзинымъ, знать на память и съ жаромъ декламировалъ «Прощанье Гектора съ Андромахой» и «Опытную Соломонову Мудрость.» Я поспѣшилъ было похвастаться этимъ предъ своимъ наставникомъ, но онъ наморщился и сказалъ, «что первая піеса не даетъ понятія о Гомерѣ, а вторая обѣ Экклезіасть «и прибавилъ», что Карамзинъ не поэтъ, и что лучше эти піесы совсѣмъ забыть.» Я былъ очень изумленъ; обѣ піесы мнѣ нравились, и я продолжалъ декламировать ихъ потихоньку, когда мнѣ случалось одному гулять по саду. Сочинять мнѣ не дозволялось, и я наслаждался этимъ удовольствіемъ или въ классѣ у Ибрагимова, или дома, также потихоньку. Я слышалъ одинъ разъ изъ своей комнаты, которая отдѣлялась тонкою дверью отъ гостиной, служившей ученымъ кабинетомъ и спальней для Григорія Иваныча какъ онъ разговаривалъ обо мнѣ съ Ибрагимовымъ. Ибрагимовъ очень меня хвалилъ и показалъ моему воспитателю мое классное сочиненіе, въ видѣ письма къ пріятелю, «О красотахъ весны», и прибавилъ, что не худо бы занимать меня побольше сочиненіями. Григорій Иванычъ, сохранившій всегда надъ своими товарищами какое-то превосходство, весьма рѣшительно ему отвѣчалъ: «Все это, братецъ, совершенные пустаки. Сочиненіе его состоить изъ чужихъ фразъ, нахватанныхъ имъ изъ разныхъ книгъ, а потому даже и нельзя судить, имѣетъ ли онъ свое собственное дарованіе. Охота у него большая, и я знаю, что онъ скоро начнетъ марать бумагу; но я буду держать его на возжахъ, какъ можно дольше чѣмъ позже начнегъ сочи-

нять мой Телемакъ (*), тѣмъ лучше. Надобно, чтобы молодой человѣкъ набрался хорошихъ примѣровъ и образовать свой вкусъ, читая сочинителей, пишущихъ стройно и правильно. Ты думаешь, я всего Державина даю ему читать? Напротивъ, онъ знаетъ стихотвореній двадцать не больше, а Дмитріева знаетъ всего. Я думаю, ты у меня его портишь. Вѣроятно «Бѣдная Лиза», «Наталья, боярская дочь» и драматический отрывокъ «Софья»—не выходятъ у тебя въ классъ изъ рукъ? Ибрагимовъ обидѣлся и возразилъ, «что онъ хорошо понимаетъ, что эти пѣсы, не смогя на ихъ прелесть, неприличны для учениковъ» «Хорошо, что такъ, продолжалъ мой наставникъ; а нашъ Эрихъ (**) именно эти пѣсы заставилъ переводить на французской языкѣ». Разговоръ продолжался довольно долго, и какъ я ни былъ молодъ, но понималъ разумность рѣчей моего воспитателя. Онъ не зналъ, что я дома и потому такъ громко разговаривалъ обо мнѣ: я воротился изъ гимназіи ранѣе обыкновенного, потому что учителя не было въ классѣ, и прошелъ въ свою комнату, ни кѣмъ не замѣченный. Тутъ я услышалъ также, какъ высоко Григорій Иванычъ цѣнилъ мою мать; но увы, ни одного лестнаго отзыва не сказалъ онъ обо мнѣ, а какъ мнѣ хотѣлось услышать что-нибудь подобное! Точно онъ зналъ, что я подслушиваю у двери. — Странное, непостижимое дѣло! Разсуждая теперь о прошедшемъ, я не умѣю себѣ объяснить, отчего я былъ такъ горячо привязанъ къ Григорію Иванычу? По молодости я не могъ тогда по-

(*) Такъ звали меня въ шутку все товарищи Григорія Иваныча, величадъ его въ то же время «Менгоромъ и Минерво».

(**) Эрихъ былъ большой лингвистъ, какъ въ новѣйшихъ, такъ и въ древнихъ языкахъ. Въ гимназіи онъ училъ въ высшемъ классѣ французскому и немецкому языкамъ, а въ университете былъ сданъ адыонктомъ латинской и греческой словесности.

нимать вполнѣ, что его сухое обращеніе прикрывало глубокое участіе и душевное расположение ко мнѣ. Онъ ни разу не приласкалъ меня, не польстилъ моему самолюбію какою-нибудь похвалою, не ободрилъ моего прилежанія, и со всемъ тѣмъ, я любилъ его такъ горячо, какъ не любилъ никого изъ постороннихъ. Я помню, какъ одинъ разъ услышалъ я, что онъ смѣется: я заглянуль въ его комнату и увидѣлъ, что мой строгой наставникъ, держа въ рука какую-то математическую книгу, хохотаетъ, какъ дитя, смотря на играющихъ котятъ.... Лице у него въ то время было такое доброе, ласковое, даже нѣжное, что я позавидывалъ котятамъ. Я вошелъ къ нему въ комнату съ своей тетрадкой — и прежняя спокойная холодность, даже какая-то суровость, выразились на его лицѣ.

Такъ шло мое время; Григорій Иванычъ становился по временамъ доступнѣе, и рѣчи его, если не были ласковы, то покрайней мѣрѣ иногда дѣлались шутливы, но только наединѣ, преимущественно во время чтенія Донъ-Кищота, въ которомъ Санхо-Пансо былъ для насть неистощимымъ источникомъ смѣха; какъ же скоро появлялся третій, хотя бы Евсейчъ, — наставникъ мой дѣжался серьёзнымъ.

Григорій Иванычъ былъ сынъ малороссійскаго дворянинна, священника, имѣвшаго около ста душъ крѣпостныхъ крестьянъ; прадѣдъ его Турукъ, не знаю по какимъ причинамъ, выѣхалъ изъ Турціи, принялъ христіанскую вѣру, женился и поселился въ Малороссіи. Григорій Иванычъ не былъ любимымъ сыномъ у матери, но за то отецъ любилъ его съ материнской нѣжностью. Видя, что мальчику въ домѣ житье плохое, отецъ отвезъ его по девятому году въ Москву и помѣстилъ въ университетскую гимназію на казенное содержаніе. Сынъ былъ горячо, страстно къ нему привязанъ и очень тосковалъ, оставшись

Невѣжка!..
Алчонъ и
Дланъ малороссійскій.

въ Москвѣ; старикъ черезъ годъ пріѣхалъ навѣстить его, и мальчикъ такъ обрадовался, что получилъ отъ волненія горячку; бѣдный отецъ долженъ былъ оставить своего любимца, еще больнаго. Черезъ годъ старикъ умеръ. Въ продолженіе восьмнадцати лѣтъ, со времени своего опредѣленія въ Московскую гимназію, Григорій Иванычъ одинъ только разъѣзжалъ на побывку въ Малороссію, передъ поступленіемъ въ званіе учителя, и вывезъ изъ родительскаго дома непріятное и тягостное ощущеніе. Все это рассказывалъ мнѣ его слуга, хохоль Яшка, котораго онъ привезъ съ собою. Въ выговорѣ моего воспитателя, въ складѣ его ума и въ наружности не было ни малѣйшаго признака Малоросса. Кажется, родина не привлекала его, и я часто слышалъ, какъ онъ, высоко ставя великорусской толкъ, подсмѣивался надъ хохлацкой лѣни и тупостью, за что очень сердились его земляки Иванъ Ипатьичъ и Маркевичъ, служившій въ гимназіи экономомъ, человѣкъ необыкновенно добрый, съ порядочнымъ брюхомъ, природный юмористъ и презабавный шутникъ, который очень ласкалъ меня и котораго я очень любилъ.

Пришла весна 1804-го года, и на страстной недѣльѣ Григорій Иванычъ говѣлъ со мною, соблюдалъ посты и церковные обряды со всею строгостью. Приходская наша церковь Св. Великомученицы Варвары находилась у самой заставы за такъ называемымъ Арскимъ полемъ; мы, несмотря на весеннюю распутицу, ходили въ церковь на все службы, даже къ заутреніи. Въ это время зашелъ къ намъ Иванъ Ипатьичъ, и я нечаянно услыхалъ, какъ онъ шутилъ надъ богомольемъ Григорія Иваныча. Изъ его словъ можно было заключить, что мой воспитатель не былъ прежде ревностнымъ исполнителемъ религіозныхъ обрядовъ; но на этотъ разъ онъ строго отдалъ своего пріятеля за неумѣстныя шутки, такъ что Иванъ Ипатьичъ,

имѣвши претензію слыть философомъ, очень осердился и долго не ходилъ къ намъ. Я долженъ сказать, что Григорій Иванычъ во всю жизнь былъ истиннымъ христіаниномъ. Не смотря на маленькую скору съ Иваномъ Ииатычемъ, наставникъ мой уѣхалъ со мной въ его деревню, и мы вдвоемъ провели время въ Кощаковъ, безъ хозяевъ, очень пріятно; мы жили въ небольшомъ флигельѣ, на берегу широкаго пруда, только что очищавшагося тогда отъ зим资料го льда; мы постоянно читали что-нибудь, и не смотря на грязь, каждый день два раза ходили гулять. Весна ^{дарила} развлекала меня и слишкомъ живо напоминала весну въ Аксаковъ. Крикъ прилетныхъ итицъ волновалъ душу будущаго охотника. Одинъ разъ, когда Григорій Иванычъ читалъ со мною серыѣнную книгу на французскомъ языкѣ и, сидя у раствореннаго окна, старался объяснить мнѣ какую-то мысль, неясно мною понимаемую.—вдругъ куликъ красноножка, зазвенѣвъ своими мелодическими трелами, загнувъ къ верху свои крылья, и вытянувъ длинныя, красныя ноги, плавно опустился на берегъ пруда, противъ самаго окошка — я вздрогнулъ, книга выпала у меня изъ рукъ и я бросился къ окну. Наставникъ мой былъ изумленъ. Я задыхаясь повторялъ: «куликъ, куликъ красноножка, сѣль на берегъ близехонъко, воинъ онъ ходить...» Но Григорій Иванычъ не понималъ чувства охотника и сурово приказалъ мнѣ сѣсть и продолжать. Я повиновался; и хотя не смотрѣль на кулика, то слышалъ его голосъ; кровь бросилась мнѣ въ лицо и я не понималъ ни одного слова въ моей книжѣ. Воспитатель мой съ неудовольствіемъ велѣлъ мнѣ положить ее и заняться переписываніемъ на бѣло одного изъ моихъ прежнихъ, уже исправленныхъ имъ, переводовъ, а самъ принялъся читать. Черезъ часъ онъ спросилъ меня: «Вы летѣлиши куликъ изъ вашей головы?» Я отвѣчалъ утвердительно,

и мы принялись за прерванное занятие. Надобно прибавить, что Григорий Иванычъ всегда былъ очень смиходителенъ въ подобныхъ случаяхъ: какъ только онъ замѣчалъ, что я утомлялся или развлекался чѣмъ-нибудь, онъ приказывалъ мнѣ идти гулять по саду или заняться механическимъ дѣломъ.

Наступилъ юнь и время экзаменовъ. Я былъ отличнымъ ученикомъ во всѣхъ среднихъ классахъ, которые посыпалъ, но какъ въ некоторые я совсѣмъ не ходилъ, то и награжденія никакого не получиль; это не помѣшило мнѣ перейти въ высшіе классы. Только девять учениковъ, кончивъ курсъ, вышли изъ гимназіи, а всѣ остальные остались въ высшемъ классѣ на другой годъ.

Тройка лошадей и повозка уже прѣхали за мной. Мы съ Евсеичемъ собрались въ дорогу, и въ день публичнаго акта, также въ первыхъ числахъ юля, послѣ обѣда назначено было намъ выѣхать. Паканунѣ Григорий Иванычъ сказалъ, что хочетъ проводить меня и спросилъ, доволенъ ли я его намѣреніемъ? Я отвѣчалъ, что очень доволенъ. Я подумалъ, что онъ хочетъ проводить меня за городъ. На другой день по утру, Евсеичъ шепнулъ мнѣ по секрету: «Григорий Иванычъ ѳдетъ съ нами въ Аксаково, только не вѣльь вамъ сказывать». Хотя я занимался ученьемъ очень охотно, но не совсѣмъ былъ доволенъ этимъ извѣстіемъ, потому что во время вакаціи я надѣялся хорошошенько поудить, а главное — пострѣлять; отецъ обѣщалъ еще за годъ, что онъ приготовить мнѣ ружье и выучить меня стрѣлять. Я зналъ, что Григорий Иванычъ не прекратить своихъ занятій со мной и отниметъ у меня много времени; къ тому же мнѣ показалась непріятною его скрытности. Евсеичъ также почему-то не былъ доволенъ. Послѣ акта мы пообѣдали ильсколько раньше обычнаго и выѣхали изъ города. Я не показывалъ виду,

что знаю намъреніе Григорья Иваныча. Выѣхавъ за заставу, мы пошли пѣшкомъ. Наставникъ мой былъ очень доволенъ и даже весель: любовался видомъ зеленыхъ полей, лѣсовъ и мелкими облачками лѣтняго неба. Вдругъ онъ сказалъ улыбаясь: «Погода такъ хороша, что я хочу проводить васъ до ночевки, до Мѣши, и посмотрю, какъ вы меня накормите рыбой.» Я притворился, что ничего не знаю. «Такъ сядемте же и пойдемте поскорѣе, сказалъ я, чтобы пораньше прїѣхать. Да когда же и на чёмъ вы воротитесь?» «Я ночую съ вами въ повозкѣ, а завтра поутру найму телѣгу»; отвѣчалъ Григорій Иванычъ, смотря на меня пристально. Мы сѣли и поѣхали шибкой рысью. Вечеръ былъ великолѣпный, очаровательный; съ нами были удочки, и мы съ Евсеичемъ на Мѣшѣ наудили множество рыбы, которую и варили и жарили; спать легли въ повозкѣ. Проснувшись на другой день поутру, я увидѣлъ, что мы єдемъ, что солнце уже взошло wysoko и что Григорій Иванычъ сидитъ подъ менемъ и смеется. Я самъ разсмѣялся и признался, что зналъ его намѣреніе давно. Онъ пожурилъ однако Евсеича за нескромность и, прочтя на моемъ лицѣ, что я не совсѣмъ доволенъ, сказалъ: «Вы боитесь, что я помышлаю вамъ гулять, но не бойтесь. Я стану заниматься съ вами тогда, когда вы сами будете просить о томъ. Вотъ теперь дорогой нечего намъ дѣлать, такъ мы будемъ что-нибудь читать...» И вытащилъ изъ кармана книгу. Я былъ совершенно утѣшнъ такими словами и охотно бросился бы на шею своему воспитателю; но я не смѣлъ о томъ и подумать. Мы очень много занимались дорогой; а сверхъ того, я перечиталъ наизусть все, что зналъ, даже разговаривали гораздо больше и откровеннѣе, чѣмъ въ К.; но гдѣ только можно было удить—я удилъ, сколько было мнѣ угодно. Такимъ образомъ, въ пятый день прїѣхали мы въ Ак-

саково. Пріездъ Григорья Иваныча быль самою приятною неожиданностю для моей матери; она пришла въ восхищениe.

Противъ всякаго ожидания мы нашли полонъ домъ родныхъ, гостей и большую суматоху: тетка моя Евгенья Степановна выходила замужъ и черезъ нѣсколько дней назначена была свадьба. Евгенья Степановна стукнуло уже сорокъ лѣтъ, но она была очень свѣжа и моложава; ей наскучило жить въ домѣ у невѣстки и находиться въ полной зависимости отъ хозяйки, которая въ старые годы много терпѣла отъ своихъ золовокъ и въ томъ числѣ отъ неё, хотя она была лучше другихъ. Евгенья Степановна захотѣлось, хоть подъ старость, зажить своимъ домкомъ, имѣть свой уголокъ и быть въ немъ полной хозяйствкой. Она выходила за мужъ за Василя Васильевича Угличинина, цѣлый вѣкъ служившаго въ военной службѣ и недавно вышедшаго въ отставку, полковникомъ. Это быть человѣкъ очень простой, добрый, смирный и честный; ему было далеко за пятьдесятъ лѣтъ. Онъ не имѣлъ никакого состоянія, кромѣ пенсіи, и происходилъ изъ самобѣднѣвшихъ дворянъ или однодворцевъ, переселившихся въ Уфимское намѣстничество. Четырнадцати лѣтъ опредѣлили его въ военную службу; онъ служилъ тихо, исправно, терпѣльно, постоянно нужду, быть во многихъ сраженіяхъ и получилъ нѣсколько легкихъ ранъ; онъ не имѣлъ никакихъ знаковъ отличія, хотя формулярный списокъ его быль такъ длиненъ и краснорѣчивъ, что кажется должно бы его обвѣшать всякими орденами. Послѣднее время онъ служилъ на Кавказѣ, откуда вывезъ небольшую сумму денегъ, накопленную изъ жалованья, мундиръ безъ эполетъ, горского, побольшаго отъ старости, коня, ревматизмъ во всемъ тѣль и катарактъ на правомъ глазу; катарактъ по счастью былъ не такъ примѣтенъ, и Василий

Васильчикъ старательно скрывалъ его, боясь, что за кри-
ваго не пойдетъ невѣста. У Евгении Степановны, въ семи
верстахъ отъ ея сестры Александры Степановны, наход-
илась деревушка изъ двадцати пяти душъ, при ней
маленький домикъ, сплошненный изъ двухъ крестьянскихъ
срубовъ, на родниковой рѣчкѣ Бовль, кипѣвшей форелью
(уголокъ очаровательный!), и достаточное количество превос-
ходной земли, со всякими угодьями, купленной на ея имя
у Башкирцевъ за самую ничтожную цѣну, о чёмъ хло-
поталъ деверь ея, самъ полу-Башкирецъ, И. П. Кротковъ (*).
И такое ничтожное имѣнице казалось заслуженному воину
спокойной пристанью, кускомъ хлѣба на старость.

Всѣ потихоньку подсмѣивались надъ старымъ и кри-
вымъ женихомъ, кроме моей матери, отца и Григорія
Иваныча, которые обходились съ нимъ съ уваженіемъ и
привѣтливо. Злые языки объясняли ласковость моей ма-
тери тѣмъ, что она хотѣла сбить съ рукъ золовку. Но это
не правда: моя мать всегда умѣла цѣнить и уважать про-
стодушныхъ и безхигростныхъ людей; она искренно со-
вѣтовала Е. С. выйти за-мужъ за доброго человѣка, и Е.
С. благодарила ее за эти совѣты, во всю свою жизнь.
Григорій Иванычъ находилъ сверхъ того особенное удо-
вольствіе въ разговорахъ съ заслуженнымъ инвалидомъ, и
Василий Васильчикъ, до крайности неразговорчивый съ
другими, охотно отвѣчалъ на его вопросы и рассказывалъ
очень много любопытнаго. Воспитатель мой тогда же об-
ратилъ мое вниманіе и сочувствіе къ этому человѣку, объ-
яснивъ миѣ его достоинства, которыхъ я, по молодости
лѣтъ, могъ не понять и не замѣтить. Въ домѣ не было

(*) Увы! земля эта отошла, послѣ многолѣтней тяжбы съсосѣдственной Бовлинской тѣбой Башкирцевъ, которые доказали, что они настоящіе вотчинники. Единая тетка моя купила не подалеку 900 десятинъ и должна была перевезти свою деревушку и перенести усадьбу.

места для мужчинъ, даже женщины съ трудомъ помышлялись, потому что три комнаты были отданы для будущихъ молодыхъ. Это привело въ затрудненіе мою мать, и она сдѣлала поступокъ, котораго мужчина родня никогда ей не прощала: она отдала Григорью Иванычу свою спальню, въ которую никто изъ постороннихъ не смѣлъ и входить, и помѣстила съ нимъ меня, разумѣется на то время, пока не разъѣхались гости. Въ положенный срокъ свадьба благополучно совершилась. Отецъ мой проводилъ молодыхъ Угличининыхъ на новоселье и немедленно воротился. Наконецъ мы остались одни въ своей семье.

Я прерываю свой разсказъ и забѣгаю впередъ. Такъ живо представилась мнѣ жизнь Угличининыхъ, что хочется поговорить о ней.... Не смотря на недостатки и нужду, которыхъ не знала Евгенья Степановна въ своей девической жизни, провѣдя ея сначала въ домѣ родительскомъ, а потомъ въ домѣ брата и снохи—и которыхъ она узнала за-мужемъ—она была совершенно счастлива. Она любила искренно и горячо своего инвалида-полковника, который также очень искренно и глубоко любилъ ее. Къ-сожалѣнию они не имѣли детей. Евгенья Степановна до глубокой старости сохранила какой-то девическій, цѣло-мудренный видъ; въ обращеніи съ мужемъ она была стыдлива и никогда никакой ласки при свидѣтеляхъ ему не оказывала, надѣль чѣмъ иногда подсмѣивался старый воинъ, намекая, что не всегда Евгенья Степановна бываетъ такъ неприступна. При другихъ они были далеки между собой, всегда говорили другъ другу: вы, и вообще обходились очень учтиво. Съ первого взгляда это могло показаться холодностью, но скоро взаимное, заботливое вниманіе, постоянное наблюденіе другъ за другомъ, участіе къ каждому слову и движению—дѣлались замѣты, и вся-

кой убеждался, что Евгения Степановна живетъ и дышетъ Василемъ Васильичемъ, а Василій Васильичъ, хотя не такъ тревожно, живетъ и дышетъ Евгеньей Степановной. Домикъ ихъ блесталъ опрятностью и чистотою, привлекалъ уютностью, дышалъ спокойствіемъ, тишиной, счастіемъ. Нельзя сказать, чтобы у нихъ были одинаковые вкусы, но самое разногласіе сливалось у нихъ въ стройное теченіе жизни. Евгения Степановна, напримѣръ, любила кошечъ, собачекъ и пѣвчихъ птичекъ, которыя, надобно замѣтить, какъ-то у нее не сорили, не пачкали и ничего не портили; Василій Васильичъ совсѣмъ не любилъ ихъ, но самая безобразная, хрипучая моська, съ языкомъ на сторону, по прозванию: «Калмыкъ», — была ему пріятна и дорога, потому что ее любила Евгения Степановна, и она кормилъ, ласкалъ отвратительнаго Калмыка съ удовольствіемъ и благодарностью. Даже сурокъ, который зимовалъ подъ печкой, который очень забавлялъ Евгению Степановну и очень обижалъ Василья Васильича, потому что затачивалъ и пряталъ его туфли такъ искусно, что иногда цѣлый день не могли отыскать ихъ, отчего приходилось полковнику вставать съ постели босикомъ, — даже и сурокъ пользовался его благосклонностью. Все у нихъ въ домикѣ было какъ-то на свое мѣсто, какъ-то лучше, чѣмъ у другихъ: собаки и кошки жириѣ и опрятнѣ, пѣвчія птички веселье и голосистѣ, растенія зеленѣ. Подарять бывало имъ горшокъ какихъ-нибудь засыхающихъ цветовъ — они у нихъ оживутъ, по зеленѣютъ и необыкновенно разростутся, такъ что прежній хозяинъ выпросить ихъ назадъ. Въ маленькихъ комнатахъ у Евгении Степановны росли и стручковое дерево, и финикъ, и виноградъ отъ косточекъ изюма, и другія растенія, требующія тепличнаго содержанія. Какъ-будто въ воздухѣ было нечто успокаительное и живительное,

етчего и животному и растенію было привольно и что замѣнило имъ, хоть отчасти, дикую свободу, или природный климатъ.... Василій Васильичъ и Евгенья Степановна вмѣсть смотрѣли за своимъ маленькимъ хозяйствомъ, и безъ всякаго отягощенія, всего дѣлалось у нихъ вдвое болѣе, скорѣе и лучше, чѣмъ у другихъ. Вмѣсть ходили они по грибы и по ягоды, вмѣсть ловили чудную форель въ своей рѣчкѣ и вмѣсть радовались всякой удачѣ.... Но Боже мой, чтѣ дѣлалось съ ними, если кто-нибудь изъ нихъ захварывалъ! Тутъ только оказывалась вполнѣ эта взаимная, глубокая и иѣжная любовь, которую въ обыкновенное время не вдругъ и замѣтишь.... Но я удержанусь отъ дальнѣйшихъ подробностей, которыя завели бы меня далеко. Скажу только, что впослѣдствіи, забѣжая иногда въ этотъ уединенный уголокъ и посмотря иѣсколько часовъ на эту безцвѣтную, скромную жизнь, я всегда поддавался ея впечатлѣнію и спрашивалъ себя: не здѣсь ли живеть истинное счастіе человѣческое, чуждое неразрѣшимыхъ вопросовъ, неудовлетворяемыхъ требованій, чуждое страстей и волненій? Долго звучалъ во мни гармонический строй этой жизни, долго чувствовалъ я какое-то грустное умиленіе, какое-то сожалѣніе о потери того, что имѣть казалось такъ легко, что было подъ руками. Но когда задавалъ я себѣ вопросъ: не хочешь ли быть Васильемъ Васильичемъ?... я пугался этого вопроса и умилительное впечатлѣніе мгновенно исчезало.

Отецъ мой сдержалъ свое обѣщаніе: онъ приготовилъ мни легонькое ружье, очень ловкое въ прикладѣ и красиво отдѣланное, съ видомъ (*) (на манеръ тогдашнихъ охотничихъ англійскихъ ружей), съ серебряной насѣч-

(*) Ружье, стволъ которого къ концу толще и потому шире,— называется или называлось съ видомъ.

кой и цѣлью; онъ купилъ его какъ-то по случаю, за пятнадцать рублей ассиг., и хотя ружье было тульской работы, но и по тогдашнимъ цѣнамъ стопло вдвое или втрое дороже; шаговъ на пятьдесятъ оно било очень хорошо.—Первый выстрѣль изъ ружья, которымъ я убиль ворону, рѣшилъ мою судьбу: я сдѣлался безумнымъ стрѣлкомъ. На другой день я застрѣлилъ утку и двухъ болотныхъ куликовъ, и окончательно помышдался. Удочка и ястреба были забыты, и я, увлеченный страстью моей природы, бѣгалъ съ ружьемъ цѣлый день и грезилъ объ ружьѣ цѣлую ночь. Такъ продолжалось и послѣдующіе дни. Григорій Иванычъ, видя меня только мелькомъ, всегда занятаго и спѣшащаго, напрасно ожидалъ, чтобы я попросилъ его заняться со мною. Онъ сказалъ о нашемъ уговорѣ моей матери, и она приказала мнѣ, чтобы я просилъ Григорія Иваныча занимать меня, каждый день два часа, чѣмъ-нибудь по его усмотрѣнію. Такое приказаніе было мнѣ очень не по вкусу, но я повиновался. Сначала Григорій Иванычъ не могъ безъ смѣха смотрѣть на мою жалкую фигуру и лицо, но когда, развернувъ какую-то французскую книгу и начавъ ее переводить, я стала путаться въ словахъ, не понимая отъ разсѣянности того, что я читалъ, ибо передъ моими глазами летали утки и кулики, а въ ушахъ звенѣли ихъ голоса,—воспитатель мой наморщилъ брови, взялъ у меня книгу изъ рукъ и, ходя изъ угла въ уголъ по комнатѣ, цѣлый часъ читалъ мнѣ наставленія, убѣждая меня, чтобы я побѣдилъ въ себѣ вредное свойство увлекаться до безумія, до забвенія всего меня окружающаго.... Увы, я ничего не слыхалъ, ничего не понималъ, и все сего золотыя слова, справедливыя мысли, убѣдительные доказательства—улетали на воздухъ. Видя безуспѣшность убѣждений, Григорій Иванычъ испыталъ другое средство: на цѣлую не-

дѣло оставилъ онъ меня на свободѣ, съ утра до вечера бѣгать съ ружьемъ до упаду, до совершеннаго истощенія; онъ надѣлся, что я опомниюсь самъ, что пресыщеніе новой охотой и усталость возвратить мнѣ разсудокъ; но напрасно: я не выпускаль ружья изъ рукъ, мало тѣль, дурно спалъ, загорѣлъ, какъ ~~арабъ~~, и примѣтно похудѣлъ. Тогда наставникъ мой, опасясь за мое здоровье, принялъ рѣшительныя мѣры, которыя давно совѣтовала ему моя мать, но въ распоряженія его не мѣшилась: ружье повѣсили на стѣнку, и мнѣ запретили ходить на охоту. Смѣшино и совѣтно вспомнить, что было со мною въ первыя сутки! Я плакаль, ревѣль какъ маленькое дитя, валялся по полу, рвалъ на себѣ волосы и едва не изорвалъ своихъ книгъ и тетрадей, и конечно только огорченіе матери и кроткія увѣщанія отца спасли меня отъ глупыхъ, безумныхъ поступковъ; на другой день я какъ будто очнулся, а на третій могъ уже заниматься и читать вслухъ моихъ любимыхъ стихотворцевъ со вниманіемъ и удовольствіемъ; на четвертый день я совершенно успокоился, и тогда только прояснилось лицо моего наставника. Во все эти дни онъ почти не говорилъ со мною и смотрѣлъ на меня то сурово, то съ обиднымъ сожалѣніемъ. Наконецъ онъ обратилъ ко мнѣ съ участіемъ и разумными, списходительными словами, и на этотъ разъ—съ полнымъ успѣхомъ. Мне было совѣтно, досадно на самого себя почти до слезъ и, переходя отъ одной крайности къ другой, я хотѣль отказаться совсѣмъ отъ ружья. Григорій Иванычъ опять былъ недоволенъ; онъ не одобрилъ моего намѣренія и потребовалъ, чтобы я каждый день ходилъ на охоту или отъ утра до обѣда, или отъ обѣда до вечера; но чтобы каждый день три-четыре часа, я занимался съ участіемъ и прилежаніемъ, особенно исторіей и географіей, въ которыхъ я былъ нѣсколько слабъ.

другихъ отличныхъ учениковъ. Время потекло правильно и приятно.

В продолжение этого мѣсяца, предаваясь безъ помѣхи дружескимъ и откровеннымъ разговорамъ, мои родители еще болѣе стали уважать и цѣнить свѣтлый умъ и высокія качества души Григорья Иваныча, соединенные въ немъ съ многостороннимъ образованіемъ и основательной ученостью. Мать употребила все вліяніе своей любви на меня, чтобы я понялъ, какого человѣка судьба послала мнѣ наставникомъ. Она видѣла въ этомъ особенную милость Божію. Я не только понималъ, но и сильно чувствовалъ слова матери. Яувѣрялъ ее, но къ сожалѣнію никогда не могъ увѣрить вполнѣ, что самъ горячо люблю Григорья Иваныча, что только въ семействѣ и въ деревнѣ развлекся я разными любимыми предметами и новою, еще не испытанною мною, охотою съ ружьемъ; но что въ городѣ я обѣ одномъ только и думаю, какъ бы заслужить любовь и одобреніе моего воспитателя, и что одно его ласковое слово дѣлаетъ меня вполнѣ счастливымъ.

Подростала и удивительно хорошошла моя милая сестра, мой сердечный другъ. Она уже не могла раздѣлять моихъ деревенскихъ забавъ и охотъ, не могла быть такъ часто со мною вмѣстѣ; но она видѣла, какъ я веселился и спосиша это лишеніе терпѣливо, зато роптала на мое ученіе и вѣроятно потому, неблагосклонно смотрѣла на моего учителя.

10 августа выѣхали мы изъ Аксакова, и 15, безъ всякихъ приключений, благополучно приѣхали въ К.—Къ удивленію моему Григорій Иванычъ въ тотъ же день запретилъ мнѣ ходить въ классы въ гимназію, а назначилъ разныя занятія и упражненія дома. Самъ же онъ, всякой день поутру, уѣзжалъ въ гимназический совѣтъ, въ ко-

торомъ быть ученымъ секретаремъ, и оставался тамъ очень по долгу. Наконецъ дней черезъ пять, онъ сказалъ мнѣ, что ученье въ классахъ идетъ очень вяло, что мнѣ еще не събхались, что врема стоять чудесное и что мы побѣдимъ къ Ивану Ипатычу въ Кощаково, чтобы еще съ недѣльку на свободѣ погулять и поучиться. Я удивился еще больше, но былъ очень доволенъ. Мы прожили въ Кощаковѣ не недѣльку, а слишкомъ двѣ; Григорій Иванычъ иѣсколько разъ уѣзжалъ въ городъ; уѣзжалъ рано поутру, и возвращался къ позднему обѣду. Я не обращалъ на это вниманія. Когда мы перѣехали въ К., надругой же день Григорій Иванычъ приказалъ мнѣ ходить въ классы. Я очень весело побѣжалъ въ гимназію, но товарищи встрѣтили меня съ невеселыми лицами и сообщили мнѣ слѣдующее печальное происшествіе:

Предварительно надобно сказать, что директоръ гимназіи Л—въ, былъ очень плохимъ директоромъ и сверхъ того имѣлъ карикатурную наружность, невшавшую расположениія; между прочимъ нижняя его губа была такъ велика, какъ будто ее разнесло отъ укусенія блажайшей мухи или осы. Ни чиновники, ни воспитанники не уважали его, и еще до отѣзда моего на послѣднюю вакацію, во время обѣда, когда директоръ ходилъ по столовой залѣ, онъ былъ публично осмѣянъ учениками, раздраженными дурной кашей, въ которой кто-то нашелъ кусокъ свѣчиаго сала. Въ ту же ночь, на многихъ стѣнахъ внутри гимназіи, на стѣнахъ наружныхъ, даже на куполѣ зданія, явились ругательныя надписи директору, мастерски начертанныя краснымъ карандашемъ, крупными, печатными буквами. Надписи были помѣщены такъ высоко, что ихъ нельзя было написать безъ помощи лестницы, а надпись на куполѣ была признана смѣ-

лости и ловкости; ни тогда, ни послѣ, виноватыхъ не открыли. Я и теперь не знаю, кто это сдѣлалъ. За пѣсколько дней до возвращенія моего съ Григорьевъ Иванычемъ изъ Аксакова, когда въ гимназіи собрались уже почти всѣ ученики, какой-то отставной военный чиновникъ, не знаю почему называвшійся квартирмистромъ, имѣвши своею командой всѣхъ инвалидовъ, служившихъ при гимназіи, — прогнѣвался на одного изъ нихъ и сталъ его жестоко наказывать палками на заднемъ дворѣ, который отдѣлялся заборомъ отъ передняго и чистаго двора, гдѣ позволялось играть и гулять въ свободное время всѣмъ воспитанникамъ. Это случилось послѣ обѣда, когда именно всѣ воспитанники гуляли. Вопль бѣднаго инвалида возбудилъ такую жалость въ молодыхъ сердцахъ, что пѣсколько учениковъ старшаго класса, и въ томъ числѣ Александръ К—чъ, нарушили запрещеніе, прошли въ калитку на задній дворъ и начали громко требовать, чтобы квартирмистръ пересталъ наказывать виноватаго. Квартермистръ очень разсердился за нарушеніе своей власти, принялъ кричать и ругать воспитанниковъ площадными словами, а какъ Александръ К—чъ, по необыкновенной добротѣ своего сердца горячющійся болѣе всѣхъ, былъ впереди другихъ, то всѣ ругательства прямо и непосредственно были обращены на него. Услышавъ крикъ и брань, весь высшій классъ, а за нимъ и другіе, явились на заднемъ дворѣ. Старшій К—чъ, Дмитрій, узнавъ голосъ брата, пѣжно имъ любимаго, прибѣжалъ первый; будучи отъ природы пылкаго нрава, онъ горячо вступилъ за оскорбленнаго брата; воспитанники пристали къ нему единодушно; разумѣется не было недостатка въ энергическихъ выраженіяхъ и угрозахъ; квартирмистръ нашелся принужденнымъ прекратить свою расправу и поспѣшно ретироваться. Такое, ничего незначущее обстоятельство, въ

основаниі которого лежало прекрасное чувство состраданія, а потомъ справедливое негодованіе за грубое и дерзкое оскорблениe,—имѣло весьма печальный послѣдствіе, единственно потому, что было не понято директоромъ и дурно ведено. Сначала, письменная и покорная просьба воспитанниковъ высшаго класса состояла въ томъ, чтобы жестокий и грубый квартирмистръ былъ отставленъ; но директоръ отказалъ въ ней, обвинивъ однихъ учениковъ и даже подвергъ иныхъ какому-то наказанію. Разумѣется такая несправедливость раздражила юношей: отвергнутая почтительная просьба превратилась въ настоятельное требование и уклоненіе отъ заведенного порядка. Высшій классъ воспитанниковъ пересталъ учиться; они говорили, что до тѣхъ поръ не будуть ходить въ классы, покуда не удалить изъ гимназіи ненавистнаго квартирмистра. Вскрѣ средній и даже нижній классъ присоединились къ старшему, а какъ вся исторія поднялась преимущественно за оскорблениe одного изъ лучшихъ учениковъ, Александра К—ча, то естественно, что его братъ, первый во всѣхъ отношеніяхъ воспитанникъ, очень любимый товарицами, сдѣлался, такъ сказать, главою этого движения. Директоръ струсилъ; не смѣль показаться ученикамъ и даже какимъ-то заднимъ ходомъ, черезъ квартиру Яковкина, проходилъ въ гимназический совѣтъ или конференцію; онъ посыпалъ уговаривать воспитанниковъ, но переговоры оказались безполезными. Нѣть сомнѣнія, что еслибы добрый, любимый и уважаемый Василий Петровичъ Упадышевскій служилъ тогда главнымъ надзирателемъ, то все это несчастное происшествіе прекратилось бы въ самомъ началѣ; но за иѣсколько недѣль, онъ оставилъ гимназію по болѣзни, и должность его исправлять человѣкъ ничтожный. Дѣло тянулось, въ одномъ и томъ же нерѣшительномъ положеніи, дни три. Наконецъ

Я 861
Мечавичъ
такъ
Что проверить
(100)
Документы

гимназисты, узнавъ, что директоръ сидитъ въ совѣтѣ, захвативъ предварительно другой выходъ, привалили толпою къ параднымъ дверямъ конференціи и громогласно требовали исключенія изъ службы квартирмистра. Директоръ хотѣлъ уѣхать, но получивъ извѣстіе, что путь къ побѣгу отрѣзанъ и что у задняго выхода также его ожидаютъ гимназисты, — такъ перепугался и растерялся, что немедленно приказалъ составить опредѣленіе объ увольненіи виноватаго квартирмистра. Опредѣленіе было прочитано воспитанникамъ; сейчасъ всѣ успокоились, поблагодарили начальство и возвратились къ полному повиновѣнію. Гимназія пришла въ обыкновенный порядокъ и учебная жизнь потекла своей обычной колеей. Сначала думали, что это происшествіе не будетъ имѣть никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, но очень ошиблись. Директоръ немедленно донесъ высшему начальству о происшедшемъ, и по чьему-то совѣту войдя въ сношеніе съ губернаторомъ, принялъ слѣдующія мѣры: черезъ нѣсколько дней, во время обѣда, вдругъ вошли въ залу солдаты съ ружьями и штыками; вслѣдъ за ними появился губернаторъ и директоръ. Послѣдній вызвалъ по именамъ шестнадцать человѣкъ изъ высшаго класса, въ томъ числѣ, разумѣется, старшаго К—ча, и подъ прикрытиемъ вооруженныхъ солдатъ приказалъ отвести ихъ въ карцерь. Всѣ остальные были поражены ужасомъ, и мертвая тишина царствовала въ залѣ. У всѣхъ наружныхъ дверей гимназіи было поставлено по два солдата съ ружьями и штыками; у дверей карцера стояло четверо. Черезъ дѣвъ недѣли послѣ этого печальнаго события, пришелъ я въ первый разъ по возвращеніи съ вакаціи, или правильнѣе сказать изъ Кощакова, въ свой выѣзжій осиротѣвшій классъ, гдѣ и встрѣтили меня, сейчасъ разсказанною мною, новѣстью. Тутъ сдѣлалось мнѣ понятно, отчего разумный мой настав-

никъ сначала не позволилъ мнѣ ходить въ классы, а по-
томъ увезъ меня въ деревню. Безъ всякаго сомнѣнія, я
былъ бы однимъ изъ самыхъ горячихъ участниковъ въ
этомъ несчастномъ происшествіи.—Черезъ полтора мѣсяца
было получено рѣшеніе вышшаго начальства. Опять явился
въ столовую залу губернаторъ, директоръ и весь совѣтъ,
прочли бумагу, въ которой была объяснена вина возмущ-
тившихся воспитанниковъ и сказано, что въ примѣръ
другимъ, восемь человѣкъ изъ вышшаго класса, призна-
ныхъ главными зачинщиками, Дмитрій К—чъ, Петръ
Алехинъ, Пахомовъ, Сыромятниковъ и Крыловъ (осталь-
ныхъ не помню) исключаются изъ гимназіи безъ аттеста-
ціи въ поведеніи. Исключены были самые лучшіе ученики.
Дмитрій К—чъ и Алехинъ считались красою, славой гим-
назіи. По исполненіи приговора, которымъ все были глубоко
поражены и опечалены, вывели солдатскіе караулы
изъ гимназіи и сняли осадное положеніе, которымъ мы
очень оскорблялись.

Л—въ былъ вскорѣ уволенъ и вместо него опредѣленъ
директоромъ старшій учитель И. Ф. Яковкинъ. Дмитрій
К—чъ сохранилъ надолго близкую связь съ своими гим-
назическими товарищами. Онъ опредѣлился на службу въ
Петербургъ, каждую почту писалъ къ брату, обращаясь
не рѣдко ко всемъ намъ. Его письма читали торжественно,
во всеуслышанье.

Пріунывшее и пріутыхшее юное народонаселеніе гим-
назіи мало по малу успокоилось, стало забывать печаль-
ное событие, опять зашумѣло, запѣло, запрыгало, за-
хочдало—и жизнь понеслась впередъ, какъ-будто ничего
не бывало.

До половины зимы мирно текли мои классныя и домашн-
ія упражненія, подъ неослабнымъ надзоромъ и руко-

водствомъ Григорья Иваныча; но въ это время прѣхаль въ К. мой родной дядя А. Н. Зубовъ; онъ свозилъ меня два раза въ театръ, разумѣется, съ позволенія моего воспитателя: въ оперу «Пьеснолюбіе» и въ комедію «Братомъ проданная сестра». Эти два спектакля произвели на меня почти такое же впечатлѣніе, какъ и ружейная охота. Я питалъ особенное пристрастіе къ театральнымъ сочиненіямъ, и, по разсказамъ, составилъ себѣ кое-какое понятіе объ ихъ сценическомъ исполненіи. Но дѣйствительность далеко превзошла мои предположенія. Я грезилъ видѣнными много спектаклями и день и ночь, и такъ разсвѣлся, что совершенно не могъ заниматься ученьемъ. Разумѣется Григорій Иванычъ сейчасъ это увидѣлъ и, допросивъ меня, узналъ настоящую причину. Нахмурился и вновь огорчился мой разсудительный наставникъ и вновь долженъ былъ я выслушать длинное поученіе. Но на этотъ разъ я сейчасъ почувствовалъ справедливость упрековъ Григорія Иваныча и понялъ вредный слѣдствія моей склонности къ безмѣрному увлеченію. Съ большимъ усилиемъ я побѣдилъ въ себѣ вспыхнувшую страсть къ театру, зерно которой давно во мнѣ хранилось и высказывалось въ моей охотѣ къ декламаціи и къ драматическимъ піесамъ, русскимъ и французскимъ; я успокоился и съ необыкновеннымъ жаромъ принялъ за ученье. Григорій Иванычъ былъ очень доволенъ. Черезъ недѣлю онъ самъ сталъ разговаривать со мной о театрѣ и сценическомъ искусствѣ, даѣть обѣ немъ настоящее понятіе и рассказалъ мнѣ о многихъ славныхъ актерахъ, живыхъ и мертвыхъ, иностранныхъ и русскихъ. Между прочимъ упомянулъ о московскихъ актерахъ, Шушеринѣ и Плавильщиковѣ. Дни три продолжались у насъ такие приятные для меня разговоры въ часы отдохновенія отъ серьёзныхъ занятій. Вдругъ въ одинъ счастливый день, когда я, воротясь изъ гимназіи,

пить свой вечерний чай, Григорий Иваныч отворилъ ко ми б дверь и весело сказалъ: «оканчивайте поскорѣе ваше молочное питье (*). Вы должны сейчасъ ъхать со мною». Я былъ готовъ въ одну минуту. Мы сѣли въ сани и поѣхали. Я былъ увѣренъ, что мы ъдемъ къ Г. К. Воскресенскому, къ которому Григорий Иваныч изрѣдка ъжалъ со мною и котораго сынъ былъ моимъ товарищемъ въ гимназіи. На поворотѣ Григорий Иваныч приказалъ кучеру ъхать прямо по Грузинской улицѣ: это было не по дорогѣ къ Воскресенскому. Я удивился. Черезъ нѣсколько минутъ, когда мы поравнялись съ театромъ, онъ сказалъ: «къ театральному подъѣзду». Кучеръ подъѣхалъ. Григорий Иваныч выскочилъ изъ саней, а я, обомлѣвшись отъ радостной надежды, сидѣль неподвижно. Григорий Иваныч не могъ удержаться отъ смѣха и спросилъ меня: «что же? не хотите въ театръ?» Я выпрыгнулъ, какъ безумный. Билеты были взяты заранѣе; мы вошли въ кресла и сѣли вмѣстѣ въ первомъ ряду. Давали оперу: «Колбасники». Боже мой! Какъ я былъ счастливъ! До сихъ поръ вижу передъ собой актера, Михаила Калмыкова, въ главной роли старого колбасника; до сихъ поръ слышу, какъ актеръ Прытковъ поетъ съ гитарой, то-есть, разъеваетъ ротъ, а за кулисами иѣла вмѣсто него актриса Марфуша Аникіева:

Предметъ драгоценный
Души расплаканной,
Услыши, что пленный
Гласить къ злой судьбы....

А вотъ уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ прошло, какъ я видѣть этого спектакль, и съ тѣхъ поръ даже не слыхи-

(*) Я очень любилъ молоко и такъ много клалъ сливокъ въ чай, что Григорий Иваныч называлъ его молочнымъ питьемъ, а меня, иногда, посмѣялся теленочкомъ, что я считалъ за большую милость.

валъ обѣ оперѣ «Колбасники». Воротясь домой, я отъ души поблагодарилъ моего наставника и съ удовольствіемъ услышалъ отъ него, что сегодняшній спектакль былъ награжденіемъ за мое благоразуміе и что если «Колбасники» не развлекутъ меня, то еть времени до времени мы будемъ ъздить въ театръ. По правдѣ сказать «Колбасники» очень занимали и даже развлекали меня, но я всѣми силами старался скрывать свое впечатлѣніе и, съ помощью свѣжей необыкновенной памяти, я такъ хорошо продолжалъ свое ученье, что Григорій Иванычъ ничего не могъ замѣтить. Въ непродолжительномъ времени, я увидѣлъ на театрѣ: «Недоросля», «Ошибки или утро вечера мудреця»; оперу «Нина или сумасшедшая отъ любви» и драму Коцебу «Графъ Вальтронъ». Съ каждымъ днемъ росла и крѣпла во мнѣ любовь къ театру. Я выучилъ наизусть видѣнныя мною на сценѣ піесы и находилъ время, не замѣтно для моего воспитателя, разыгрывать передъ самимъ собою всѣ роли въ вышеуказанныхъ піесахъ, для чего запирался въ своей комнатѣ или уходилъ въ пустыя, холодныя антресоли.

Въ эту же зиму 1804 го года, началъ я сближаться съ однимъ своекоштнымъ ученикомъ, Александромъ П—мъ. Онъ также былъ охотникъ до театра и до русской словесности. Будучи обожателемъ Карамзина, онъ писалъ идилическою прозой, стараясь уловить гладкость и цветистость языка, созданного Карамзинымъ. Брать его Иванъ былъ лирическій стихотворецъ. Александръ П—въ издавалъ тогда письменный журналъ подъ названіемъ: «Аркадскіе пастушки», котораго нѣсколько нумеровъ и теперь у меня хранятся. Всѣ сочиненія подписывались какими-нибудь пастушескими именами, напримѣръ: Адонісъ, Дафнисъ, Аминтъ, Ирисъ, Дамонъ, Палемонъ и проч.

Александръ II—быть калиграфъ и рисовальщикъ, а потому самъ переписывалъ и самъ рисовалъ картинки къ каждому номеру своего журнала, выходившему ежемѣсячно. По истинѣ, это было двойное дѣтство: нашей литературы и нашего возраста. Но замѣчательно, что направленіе и журнальныя пріемы были точно такие же, какіе держались потомъ въ Россіи нѣсколько десятковъ лѣтъ. Названія піесъ и нѣкоторые стихотворные и прозаические отрывки, я помѣщаю въ особомъ приложении.

Благодаря стараніямъ моего наставника, я до того времени еще не быть сочинителемъ, а потому и не участвовалъ въ составленіи журнала. Но къ-сожалѣнію прімѣръ быть очень увлекателенъ, и я началъ потихоньку пописывать, храня тайну даже отъ друга моего II—ва. Черезъ годъ я уже издавалъ съ нимъ журналъ, о чёмъ будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ. Въ эту же зиму составилъ въ гимназіи благородный спектакль. Два раза играли какую-то скучную, нравоучительную піесу, название которой я забылъ, и при ней маленькую комедію Сумарокова: «Приданое обманомъ.» Въ спектакль я былъ только зрителемъ: во-первыхъ потому, что много было охотниковъ постарше меня, а во-вторыхъ потому, что я не смѣлъ и заикнуться обѣ этомъ Григорію Иванычу,—и напрасно, какъ это покажетъ слѣдующій годъ, въ которомъ назначено было развернуться моей театральной и литературной гимназической дѣятельности.

Уже около года носились слухи, что въ К. будеть основанъ университетъ. Слухи стали подтверждаться, и въ декабрь 1804 года получили офиціальное извѣстіе, что уставъ университета 5-го ноября подписанъ Государемъ. Попечителемъ быть назначенъ дѣйствительный статский советникъ, Степанъ Яковлевичъ Румовскій, кото-

чанъ

рый и прѣхалъ въ К. Это событие взволновало весь го-
родъ, еще больше гимназію и преимущественно старшій
классъ. Конференція собиралась каждый день; въ ней
предсѣдательствовалъ Румовскій и застѣдали прѣхавши
съ нимъ два профессора, Германъ и Цеплинъ, директоръ
гимназіи Яковкинъ и все старшіе учителя. Что происхо-
дило тамъ — я и товарищи ничего не знали. Вдругъ въ
одинъ вечеръ собралось къ Григорью Иванычу много го-
стей: двое новыхъ прѣзжихъ профессоровъ, правитель
канцеляріи попечителя, Петръ Иванычъ Соколовъ, и все
старшіе учителя гимназіи, кроме Яковкина; собрались до-
вольно поздно, такъ что я ложился уже спать; гости
были веселы и шумны; я долго не могъ заснуть и слы-
шаль все ихъ громкіе разговоры и взаимныя поздравле-
нія: дѣло шло о новомъ университете и о назначеніи въ
адъюнкты и профессоры гимназическихъ учителей. На
другой день Евсеичъ сказалъ мнѣ, что гости просидѣли
до трехъ часовъ, что выпили очень много пуншу и вина
и что многие уѣхали очень навесель. Онъ прибавилъ, что
и «нашъ» (такъ онъ называлъ Григорья Иваныча) при-
нужденъ былъ много пить, но что онъ не былъ хмѣленъ
ни въ одномъ глазѣ. У насъ въ домѣ никакой пирушки
никогда не бывало, и мы съ Евсеичемъ очень удивились
такой новости, хотя причина была теперь очевидна: Ев-
сеичъ самъ вслушался, да и я рассказалъ ему, что Гри-
горій Иванычъ былъ назначенъ адъюнктомъ-профессоромъ
въ новомъ университете, вмѣсть съ Иваномъ Ипатычемъ,
Левицкимъ и Эрихомъ. Изъ разговоровъ ихъ я также
узналъ, что Яковкинъ былъ прямо сдѣланъ ординарнымъ
профессоромъ русской исторіи и назначался инспекторомъ
студентовъ, о чёмъ все говорили съ негодованіемъ, счи-
тая такое быстрое возвышение Яковкина не заслуженнымъ,
по ограниченности его ученыхъ познаній. Я вслушался

также, что говоря о студентахъ, Григорій Иванычъ громко сказалъ: «за своего Телемака, господа, я ручаюсь.» Я догадался, что и меня хотятъ сдѣлать студентомъ, чего я никакъ не могъ надѣяться, потому что еще не дослушалъ курса въ высшихъ классахъ и ничего не зналъ въ математикѣ. На другой день по утру, Григорій Иванычъ еще спалъ, когда я уѣхалъ въ гимназію. Я спѣшился сообщить новость своимъ товарищамъ, но тамъ уже все знали черезъ сына Яковкина, который былъ страшный толстякъ и весьма ограниченныхъ способностей. Онъ хвастался, что и его сдѣлаютъ студентомъ, надѣть чѣмъ всѣ смигались. Лучшіе ученики въ высшемъ классѣ, слушавши курсъ уже во второй разъ, конечно надѣгались, что они будутъ произведены въ студенты; но обо мнѣ и нѣкоторыхъ другихъ никто и не думалъ. Въ тотъ же день сдѣлался извѣстенъ списокъ назначаемыхъ въ студенты; изъ него узнали мы, что всѣ ученики старшаго класса, за исключеніемъ двухъ или трехъ, поступятъ въ университетъ; между ними находились Яковкинъ и я. Въ строгомъ смыслѣ, человѣкъ съ десять, разумѣется въ томъ числѣ и я, не стоили этого назначенія, по не имѣнию достаточныхъ знаній и по молодости; не говорю уже о томъ, что никто не зналъ по-латыни и весьма не многіе знали нѣмецкій языкъ, а съ будущей осени надобно было слушать нѣкоторыя лекціи на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Но тѣмъ не менѣе шумная радость одушевляла всѣхъ. Всѣ обнимались, поздравляли другъ друга и давали обѣщаніе съ неутомимымъ рвениемъ заняться тѣмъ, чего намъ не доставало, такъ чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, намъ не стыдно было называться настоящими студентами. Сейчасъ былъ устроенъ латинскій классъ и большая часть будущихъ студентовъ принялась за латынь. Я не послѣдовалъ этому похвальному примѣру, по какому

то глупому предубѣжденію къ латинскому языку. До сихъ поръ не понимаю, отчего Григорій Иванычъ, будучи самъ сильнымъ латинистомъ, позволилъ мнѣ не учиться по-латыни.

Нельзя безъ удовольствія и безъ уваженія вспомнить, какою любовью къ просвѣщенію, къ наукамъ, было одушевлено тогда старшее юношество гимназіи. Занимались не только днемъ, но и по ночамъ. Всъ похудѣли, всъ перемѣнились въ лицѣ, и начальство принуждено было принять дѣятельныя мѣры для охлажденія такого рвенія. Дежурный надзиратель всю почь ходилъ по спальнямъ, тушилъ свѣчки и запрещалъ говорить, потому что и въ потьмахъ повторяли наизусть другъ другу отвѣты въ пройденныхъ предметахъ. Учителя были также подвигнуты такимъ горячимъ рвѣніемъ учениковъ и занимались съ ними не только въ классахъ, но во всякое свободное время, по всемъ праздничнымъ днямъ. Григорій Иванычъ читалъ для лучшихъ математическихъ студентовъ прикладную математику; его примѣру послѣдовали и другие учителя. Такъ продолжалось и въ первый годъ послѣ открытия университета. Прекрасное, золотое время! Время чистой любви къ знанію, время благороднаго увлеченія! Я могу безпристрастно говорить о немъ, потому что не участвовалъ въ этомъ высокомъ стремленіи, которое одушевляло преимущественно казенныхъ воспитанниковъ и пансионеровъ: своеокоштные какъ-то⁴ мало принимали въ этомъ участія, и мое ученіе шло своей обычной чередой, подъ руководствомъ моего воспитателя. Вѣроятно онъ считалъ, что я не имѣлъ призванія быть ученымъ, и вѣроятно ошибался. Онъ судилъ по тому страстному увлеченію, которое обнаруживалось во мнѣ къ словесности и къ театру. Но мнѣ кажется, что натуральная история точно также бы увлекла меня, и можетъ быть я сдѣлалъ бы

что-нибудь полезное на этомъ поприщѣ. Впрочемъ родители мои никогда не назначали меня къ ученому званію, даже имѣли къ нему предубѣжденіе, и согласно ихъ воль Григорій Иванычъ давалъ направлѣніе моему воспитанію. — Конечно университетъ нашъ былъ скороспѣлка, потому что черезъ полтора мѣсяца, то-есть, 14 февраля 1805-го года, его открыли. Преподавателей было всего шестеро; два профессора: Яковкинъ и Цеплинъ, и четыре адъюнкта: Карташевскій, Запольскій, Левицкій и Эрихъ (*).

(*) Вотъ списокъ студентовъ, открывавшихъ университетъ: кажется я забылъ двухъ или трехъ:

Казенные студенты и пансионеры:

Василій Переображенковъ.
Дмитрій Переображенковъ.
Василій Кузминскій.
Александъръ Княжевичъ.
Петръ Баласниковъ.
Петръ Кондиренъ.
Александъръ Петровъ.
Фоминъ.
Лапуновъ.
Николай Трухинъ.
Николай Кинтеръ.
Петръ Зыковъ.
Василій Тимынскій
Чесновъ.
Михаилъ Пестяковъ.
Михаилъ Поповъ.
Василій Чуфаровъ.
Кайсаровъ.
Яковкинъ.
Риттау.
Владміръ Графъ.
Выдрацкій.
Андреенъ.
Шоникъ.
Николай Упадышевскій (стар.).

Своекоштные студенты:

Николай Панаевъ.
Иванъ Панаевъ.
Александъръ Панаевъ.
Александъръ Дмитріевъ.
Сергій Аксаковъ.
Порфирий Безобразовъ.
Евресть Груберъ.

Въ 1805 году, письма Дмитрія К—ча, всегда получаеыя и выслушиваемыя съ живымъ участіемъ, пріобрѣли особенный политический интересъ. Тогда шла первая война съ Наполеономъ. Не знаю, почему извѣстія о военныхъ событияхъ какъ-то трудно и поздно до насъ доходили. К—чъ же сообщаъ ихъ намъ скоро и подробно. Сверхъ того, письма его были проникнуты горячей любовью къ славѣ русскаго оружія, а потому дѣйствовали на всѣхъ насть электрически. Бывало только крикнетъ Александръ К—чъ: «письмо отъ брата!» какъ всѣ мы сейчасъ окружали его дружною и тѣсною толпою; лежа другъ у друга на плечахъ, въ глубокой тишинѣ, прерываемой иногда восторженными восклицаніями, жадно слушали мы громогласное чтеніе письма; даже гимназисты прибѣгали къ намъ и участвовали въ слушаніи этихъ писемъ. Знаменитый Багратіонъ быль нашимъ любимцемъ, и когда мы услышали, что онъ, оставленный на жертву, пробился съ своимъ отрядомъ сквозь цѣлую армію Французовъ, — такое грянуло ура, такой былъ общій единодушный восторгъ, что я и описать не умѣю. Много было жизни въ порѣ нашей юности и отрадно вспоминать о ней.

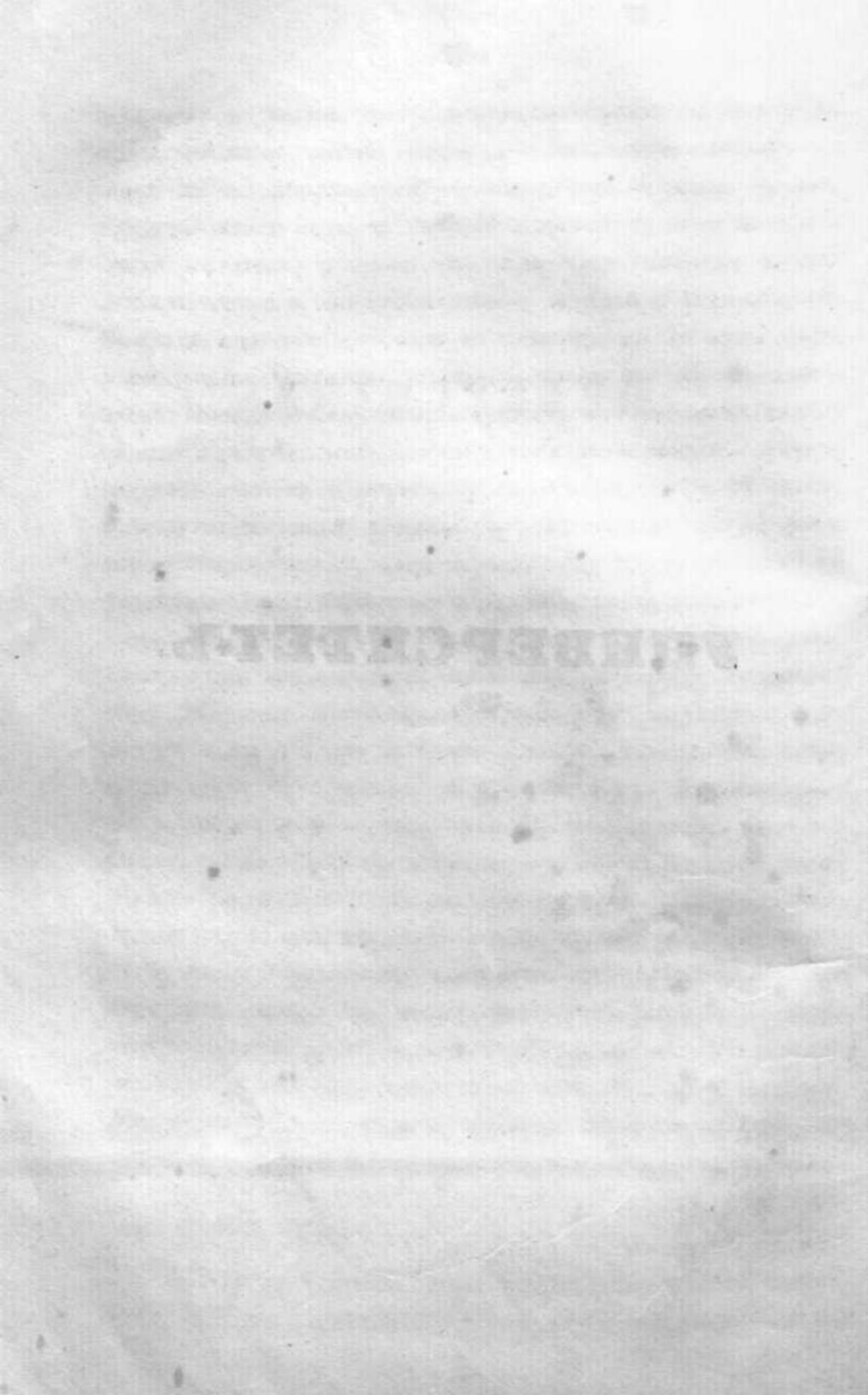
Для воспитанниковъ, назначенныхъ въ студенты, не произвели обыкновенныхъ экзаменовъ, ни гимназическихъ, ни университетскихъ, а напротивъ все это время употребили на продолженіе ученья, приготовительного для слушанія университетскихъ лекцій; не знаю, почему Григорій Иванычъ, за нѣсколько дней до акта, отправилъ меня на вакацію, и мы съ Евсичемъ уѣхали въ Старое Аксаково, Симбирской губерніи, гдѣ тогда жило все мое семейство. Какая была причина этого перемѣщенія изъ новаго Оренбургскаго Аксакова — также не знаю, но оно было мнѣ очень досадно; въ Старомъ, безводномъ Аксаковѣ не было никакого уженья, да и стрѣль-

бы очень мало; правда, дичи лѣсной водилось тамъ много, можно было найти и бекасовъ и дупелей, но эта трухлая охота была мнѣ еще недоступна. Зная все это напередъ, я запасся театральными піесами, чтобы дома на свободѣ прочесть ихъ и даже разыграть передъ глазами моего семейства, чѣо и было потомъ исполнено мною съ большимъ успѣхомъ и наслажденiemъ.—Отецъ и мать очень обрадовались моему назначению въ студенты, даже съ трудомъ ему вѣрили и очень жалѣли, что Григорій Иванычъ не оставилъ меня до акта, на которомъ было предположено провозгласить торжественно имена студентовъ и раздать имъ шлаги. Боже мой, какъ обрадовалась мнѣ моя милая сестра! Съ какимъ наслажденiemъ слушала она мое чтеніе, или лучше сказать, разыгрыванье трагедій, комедій и даже оперъ, въ которыхъ я отвѣчалъ одинъ за всѣхъ актеровъ и актрисъ: картавиль, гнусиль, пищаль, басиль и пѣль на всѣ голоса, даже иногда костюмировался съ помощію всякой домашней рухляди. Кромѣ того, зная, что съ половины августа я начну слушать лекціи натуральной исторіи у профессора Фукса, только что прѣѣхавшаго въ К.^{урганъ}, я рѣшилъ заранѣе, что буду собирать бабочекъ, и въ эту вакацію, съ помощію моей сестры, сдѣланъ уже приступъ къ тому; но, увы, не умѣя раскладывать и выслушивать бабочекъ, я погубилъ по-напрасну множество этихъ прелестныхъ твореній. Въ продолженіе вакаціи мы два раза ъздили въ Чуфарово къ Надеждѣ Ивановнѣ Куроѣвой и гостили тамъ по цѣлой недѣлѣ. Отъ Страгаго Аксакова до Чуфарова всего было верстъ сорокъ или пятьдесятъ. Надежда Ивановна была очень довольна, что я сдѣланъ студентомъ; съ гордостію рассказывала о томъ всякому гостю, наряжала меня въ мундиръ и очень жалѣла, что у меня не было шлаги; даже подарила мнѣ на книги десять рублей ассигнаціями. Узнавъ какъ-то

нечаянно о моемъ театральномъ искусстве, о которомъ прямо доложить ей не смѣли, ибо опасались, что оно можетъ ей не понравиться, — она заставила меня читать, представлять и пѣть, и къ моей великой радости осталась очень довольною и много хохотала. Она никогда не выдывала театра и, по своей живой, веселой и понимающей природѣ, она почувствовала неизвѣстное ей до тѣхъ поръ удовольствіе. Особенно ей понравилось мое обыкновенное чтеніе. Иногда отъ скуки, преимущественно по зимамъ, уставъ играть въ карты, пѣть пѣсни и тогдашніе романсы, уставъ слушать сплетни и пересуды, она заставляла себѣ читать вслухъ современные романы и повѣсти, но всегда была недовольна чтеніемъ; одна только мать моя нѣсколько ей угождала. Послушавъ же меня, она сказала: «вотъ какъ надо читать»; и съ тѣхъ поръ, не смотря на лѣтие время, которое она обыкновенно проводила въ свое чудесномъ саду, Надежда Ивановна каждый день заставляла меня читать часа по два и болѣе. Иногда являлся на сцену «Мельникъ» «Аблесимова» и «Сбитеньщикъ» Княжнина — и какъ добродушно, звонко смѣялась она, глядя, какъ молоденький мальчикъ представляетъ мельника и сбитеньщика. Я приобрѣлъ полное благоволеніе Надежды Ивановны, чому очень радовались въ моемъ семействѣ, потому что мысль о будущемъ богатствѣ, которымъ она никогда общала надѣлить насъ, не могла быть совершенно чуждою человѣческимъ соображеніямъ и расчетамъ. При моемъ отѣздѣ, я получилъ милостивое приказаніе отъ Надежды Ивановны писать къ ней каждый мѣсяцъ два раза, что было въ точности исполнено мною до самой ея кончины.

УНИВЕРСИТЕТЪ.

УНИВЕРСИТЕТЪ.

Я благополучно воротился въ К.^{андр} и очень обрадовался, увидѣвъ Григорья Иваныча. Онъ встрѣтилъ меня ласково. Первымъ моимъ дѣломъ было достать мою студентскую шпагу, которая до моего прибытія хранилась въ кладовой, у дежурного надзирателя. Мы съ Александромъ П—мъ, прицѣпивъ свои шпаги, цѣлое воскресеніе бѣгали по всемъ городскимъ улицамъ, и какъ тогда это была новость, то мы имѣли удовольствіе обращать на себя общее вниманіе и любопытство. Больше просвѣщенное лакейство, сидя и любезничая съ горничными у воротъ господскихъ домовъ, не рѣдко острило на нашъ счетъ, говоря: «ой студено—студенты идутъ.»—Въ гимназіи шли больши хлопоты о назначеніи студентамъ особыхъ комнатъ, отдельно отъ гимназистовъ, помѣщавшихся въ томъ же зданіи гимназіи, объ устройствѣ студентамъ особеннаго стола въ другой небольшой залѣ и объ открытіи новыхъ университетскихъ лекцій. Наконецъ въ исходѣ августа все было уложено и лекціи открылись въ слѣдующемъ порядкѣ: Григорій Иванычъ читалъ чистую, высшую математику; Иванъ Ипатьчъ—прикладную математику и опытную физику; Левиц-

кій—логику и философию; Яковкинъ—русскую исторію, географію и статистику; профессоръ Цеплинъ—всебішую исторію; профессоръ Фуксъ—натуральную исторію; профессоръ Германъ—латинскую литературу и древности; Эрихъ—латинскую и греческую словесность, и пріѣхавшій адъюнктъ Эвесь—хімію и анатомію. Быть еще какой-то толстый профессоръ, Бюнеманъ, который читалъ право естественное, политическое и народное на французскомъ языке; лекції Бюнемана я рѣшительно не помню, хотя и слушалъ его. Вотъ въ какомъ смышленіи факультетовъ и младенческомъ составѣ, открылся нашъ университетъ. Яковкинъ, какъ инспекторъ студентовъ и директоръ гимназіи, соединялъ въ своемъ лицѣ званіе и власть ректора; подъ его предсѣдательствомъ совѣтъ Казанской гимназіи, въ которомъ присутствовали всѣ профессоры и адъюнкты, управлялъ университетомъ и гимназіей по части учебной и образовательной. Хозяйственною же частью завѣдывала контора гимназіи, также подъ предсѣдательствомъ Яковкина; одинъ изъ университетскихъ преподавателей находился въ ней постояннымъ членомъ. Яковкинъ, для соблюденія благочинія, съ позволеніемъ попечителя, назначалъ камерныхъ студентовъ и дѣлалъ другія необходимыя распоряженія. Многіе воспитанники, въ томъ числѣ и я, не выслушавши полнаго гимназического курса, продолжали учиться въ иѣкоторыхъ высшихъ классахъ гимназіи, слушая въ тоже время университетскія лекціи. Я бытъ этому очень радъ, потому что миѣ было бы болѣе разстаться съ Ибрагимовымъ. Этотъ человѣкъ такъ искренно меня любилъ, такъ охотно занимался со мною, что время, проведенное въ его классахъ, осталось однимъ изъ пріятныхъ воспоминаній моей юности. Я долженъ признаться, что Ибрагимовъ слишкомъ много мною занимался въ сравненіи съ другими воспитанниками и что мое самолюбіе, подстрекаемое и удовлет-

ворялемо его отзывами передъ цѣльымъ классомъ, играло въ этомъ дѣлѣ не послѣднюю роль. И такъ очевидно, что переходъ изъ гимназіи въ университетъ былъ вообще для всѣхъ мало замѣтенъ, особенно для меня и для студентовъ, продолжавшихъ ходить въ иѣкоторые гимназичес-
кие классы.

~~Съ открытиемъ университета, дружба моя съ Александромъ II—вымъ, также произведеніемъ въ студенты, росла не по днямъ, а по часамъ, и скоро мы сдѣлялись такими друзьями, какими могутъ быть люди въ годахъ первой молодости; впрочемъ Александръ II—въ былъ старше меня тремя годами, следствіено восьмиадцати лѣтъ. Григорій Иванычъ одобрялъ нашу дружбу. Кромѣ любви къ литературѣ и къ театру, которая соединяла меня съ Александромъ II—вымъ, скоро открылась новая, общая склонность: натуральная исторія и собираніе бабочекъ; эта склонность развилаась впрочемъ вполнѣ съдующею весною. Пастоящая же зима исключительно обратила насть къ театру, потому что неожиданно на публичной сценѣ явился московскій актеръ Плавильщикова. Его пріѣздъ имѣлъ важное для менѣ значеніе. Григорій Иванычъ, говорившій мнѣ и прежде о Плавильщикова, не только заранѣе позволилъ мнѣ быть въ театрѣ всякой разъ, когда Плавильщикова игралъ, но даже былъ очень доволенъ, что я увижу настоящаго артиста и услышу правильное, естественное, мастерское чтеніе, которымъ по справедливости славился Плавильщикова. Ходить часто въ партеръ или кресла, студенты были не въ состояніи: мѣсто въ партерѣ стоило рубль, а кресло 2—50 к. ассигнаціями, а потому мы постоянно ходили въ раекъ, платя за входъ 25 коп. мѣдью. Но раекъ представлялъ для насъ важное неудобство: спектакли начинались въ $6\frac{1}{2}$ часовъ, а классъ и лекціи~~

оканчивались въ б; слѣдовательно оставалось только время добѣжать до театра и помѣститься уже на заднихъ лавкахъ въ раикѣ, съ которыхъ ничего не было видно, ибо переднія занимались зрителями за долго до представлениія. Для отвращенія такого неудобства употреблялись слѣдующія мѣры: двое изъ студентовъ, а иногда и трое, по-крупнѣе и посильнѣе, часовъ въ пять и ранье, отправлялись въ театръ, занимали по краю порожнюю лавку и не пускали на нее никого. Сначала это необходилось безъ ссоръ, но потомъ посѣтители района привыкли къ такому порядку и дѣло обходилось мирно. Мы приходили обыкновенно передъ самыми поднятіемъ занавѣса и садились на приготовленный мѣста. Сначала передовые студенты уходили изъ классовъ потихоньку, но въ послѣдствіи многіе профессора и учители, зная причину, смотрѣли сквозь пальцы на изчезновеніе нѣкоторыхъ изъ своихъ слушателей, а достолюбезныій Ибрагимовъ не рѣдко говоривалъ: «а что, господа, не пора ли въ театръ?» даже оканчивалъ иногда ранье получасомъ свой классъ. Доставанье афишъ возмогалось на своеокоштныхъ студентовъ. Печатныхъ афишъ тогда въ городѣ не было; нѣкоторыя почетныя лица получали афиши письменныя изъ конторы театра, а городъ узнавалъ о названіи піесы и объ именахъ дѣйствующихъ лицъ и актеровъ изъ объявленія, прибиваемаго четырьмя гвоздиками къ колоннѣ или къ стѣнѣ главнаго театральнаго подъѣзда. Я долженъ признаться, что мы воровали афиши. Подъѣдешь бывало къ театральному крыльцу, начнешь читать афишу и выждавъ время, когда кругомъ никого нѣть, сорвешь объявление, спрячешь въ карманъ и отправляешься съ добычею въ университетъ. Въ послѣдствіи содержатель театра, Есиповъ, узнавъ студентскія пропѣлки, далъ позволеніе студентамъ получать афишу въ конторѣ театра.

Игра Плавильщика открыла мнъ новый міръ въ театральномъ искусствѣ. Я не могъ тогда, особенно сначала, видѣть недостатковъ Плавильщика и равно восхищался имъ и въ трагедіяхъ, и въ комедіяхъ, и въ драмахъ; но какъ онъ прожилъ въ К. довольно долго, поставилъ на сцену много новыхъ піесъ, между прочимъ комедію свою «Бобыль», имѣвшую большой успѣхъ, и даже свою трагедію «Ермакъ», не имѣвшую никакого достоинства (*) и успѣха, и сыгралъ некоторые роли по два и по три раза — то мы вглядѣлись въ его игру и почувствовали, что онъ гораздо выше въ «Ботѣ», чѣмъ въ «Дмитріѣ Самозванцѣ», въ «Досажаевѣ», чѣмъ въ «Магометѣ», въ «Отцѣ семейства», чѣмъ въ «Рославѣ». Торжествомъ въ искусствѣ чтенія были у Плавильщика роли «Тита» въ «Титовомъ милосердіи» и особенно «пастора» въ «Сынѣ любви». Исполненіе этой послѣдней роли привело меня въ совершенное изумленіе. Пастора игралъ въ К. преплохой актеръ, Максимъ Гулевъ, и это лицо въ пьесѣ казалось мнѣ и всей публикѣ нестерпимо скучнымъ, такъ что длинный монологъ, который онъ читаетъ барону Нейгофу, былъ сокращенъ въ нѣсколько строкъ по общему желанію зрителей. Плавильщиковъ возстановилъ во всей полнотѣ это лицо и убилъ имъ всѣ остальные. И въ самомъ дѣлѣ, онъ игралъ роль пастора превосходно. Плавильщиковъ же поставилъ въ К. «Эдипа въ Аѳинахъ.» Стихи Озерова были тогда плѣнительной новостью; они увлекали всѣхъ, и игра Плавильщика въ роли Эдипа произвела общий

(*) Какой-то проказникъ написалъ крупными буквами углемъ на главномъ театральномъ подъѣздѣ:

«Піеса Ермака
Не стоять пятака.»

Эта глупая острота, говорить, сильно оскорбила Плавильщика.

восторгъ (*). Яркій свѣтъ сценической истины, простоты, естественности тогда впервые озарилъ мою голову. Я почувствовалъ всѣ пороки моей декламаціи и съ жаромъ принялъся за переработку моего чтенія. Нѣчто подобное говорилъ мнѣ прежде и требовалъ отъ меня мой воспитатель, но я плохо понималъ его. Какже скоро я услышалъ Плавильщиковъ въ лучшихъ его роляхъ, я ~~помнилъ~~ въ одно мгновеніе, чего хотѣлъ въ моемъ читаніи Григорій Иванычъ. Вотъ какъ примѣръ уясняетъ понятія гораздо лучше всякихъ разсужденій. Тогда, подъ руководствомъ Григорія Иваныча, я горячо взялся за трудную работу и черезъ двѣ недѣли прочелъ другу моему Александру П—ву известный длинный монологъ изъ рбoli Пастора. П—въ до того былъ удивленъ, что ничего не могъ произнести, кромѣ словъ: «ты Плавильщиковъ... ты лучше Плавильщиковъ!» Въ тотъ же день Александръ П—въ явился въ университетъ прежде меня и успѣль разскать всѣмъ о новомъ своемъ открытии. Когда же я пришелъ на лекціи, студенты окружили меня дружною толпою и заставили прочесть монологъ пастора и тѣ мѣста изъ разныхъ пьесъ, которыя я зналъ наизусть. Хотя не называли меня Плавильщиковымъ, но всѣ очень хвалили, и у старшихъ студентовъ сейчасъ родилась мысль затѣять университетскіе спектакли. Начальство не вдругъ на это согласилось, а потому мы съ Александромъ П—вымъ, состряпавъ какую-то драму, разыграли ее, съ помощью его

(*) Не смотря на общее и мое собственное увлеченіе, я замѣтилъ, что Плавильщиковъ въ Эдинбургѣ иногда сбивается съ тону своей роли и часто, вместо дряхлого старика, играетъ молодаго и сильнаго человѣка, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оглушительный крикъ, кроме неестественности, лишаетъ силы, мѣшає действию рѣчей изнеможеннаго старца. Живость движений, при отыскиваніи дочери, показалась мнѣ и многимъ даже смѣшиною.

братьевъ, въ общей ихъ квартирѣ, довольно большомъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ дядѣ ихъ Страхову. Я не помню названія и содержанія этой піесы, разумѣется нѣлько-дѣтской, но помню, что игралъ въ ней двѣ роли: какого-то пустынника старика—въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ, и какого-то атамана разбойниковъ—въ третьемъ, при чёмъ былъ убитъ изъ пистолета. Въ роли старика я отличился.—Дозволеніе устроить театръ съ авансценою и декораціями въ одной изъ университетскихъ заль, долго не приходило отъ попечителя, который жилъ въ Петербургѣ: а потому мы выпросили позволеніе у директора Яковкина составить домашній спектакль, безъ устройства возвышенной сцены и безъ декорацій, въ одной изъ спальныхъ комнатъ казенныхъ студентовъ. Сколько пріятной суматохи и возни было по этому случаю! Сшили занавѣсъ изъ простынь и перегородили ими большую и длинную комнату, кроватями отдѣлили мѣсто для сцены, и классными подсвѣчниками освѣтили ее. Мы сыграли комедію: «Такъ и должно» Веревкина, и маленькую піесу: «Приданое обманомъ» Сумарокова. Въ первой піесѣ я игралъ роль старого Доблестина, а молодаго Доблестина—Александръ II—въ. Афросину Сысоевну игралъ студентъ Д. П., лакея Угара — Петръ Балѣниковъ, судью — В. Кузминскій, съ приписью подъячаго—Петръ Зыковъ, который привелъ всѣхъ зрителей въ неописанный восторгъ своимъ комическимъ талантомъ. Не помню, кто игралъ какую-то молодую женскую роль,—кажется, Александръ К—чъ. Костюмы были уморительные: напримѣръ старый Доблестинъ явился въ солдатскомъ изорванномъ сюртукѣ одного изъ нашихъ сторожей-инвалидовъ; на головѣ имѣлъ парикъ изъ пакли, напудренный мѣломъ, а на рукахъ цѣли съ цѣнной дворовой собаки, которая на этотъ вечеръ получила свободу и кого-

то болио укусил. Д. П., по своему немоложавому и бледному лицу и нѣсколько сиплому голосу, былъ очень хороши въ ролях старухи, и это амплуа навсегда за нимъ осталось. Я, съ моей собачьей цѣпью, произвелъ сильный эффектъ и былъ провозглашенъ большимъ талантомъ и актеромъ, а равно и И. Зыковъ. Но, увы, другъ мой Александръ П—въ, несмотря на прекрасную наружность, очень не понравился всѣмъ въ ролях молодаго Доблестина. Въ самомъ дѣль, онъ имѣлъ какой-то плаксивый и холодный тонъ; много ему вредило также произношеніе на о, отъ котораго онъ не могъ отвыкнуть. Это былъ мой первый публичный театральный успѣхъ, потому что спектакль у П—выхъ происходилъ секретно и зрителей было очень мало; но здѣсь находилось университетское и гимназическое начальство, профессоры, учители и даже ихъ жены и дочери, не говоря уже о ~~студентахъ и гимназистахъ~~ ^{коалиціи}. — Вскорѣ получили позволеніе отъ попечителя: устроить театръ для казенныхъ студентовъ «въ награду за ихъ отличное прилежаніе». Инспектору было однако предписано наблюдать за выборомъ піесь, а равно и за тѣмъ, чтобы это «благородное удовольствіе не отвлекало отъ занятій учебныхъ». Мы всѣ были въ восторгѣ. Сцену и кулисы, которые удобно и скоро снимались, построили на казенный счетъ; но студенты сами писали декораціи, и тѣмъ значительно сократили расходы. Сначала театръ хотѣли помѣстить въ одной изъ залъ; но это оказалось неудобнымъ по ея величинѣ и показалось дорого начальству, и потому для театра выбрали одну классную комнату, которая представляла большое удобство тѣмъ, что раздѣлилась посерединѣ нишью. Прежде это были двѣ комнаты, но за нѣсколько лѣтъ выломали раздѣлявшую ихъ стѣну и для поддержанія потолка оставили нишу, под-

пертую по бокамъ двумя колоннами; для устройства сцены это было чрезвычайно удобно. Впрочемъ, не дождавшись окончательно постановки театра, мы сыграли въ вышеупомянутой мною залѣ комедію Коцебу: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе.» Я отличился въ роли Незвестнаго, и слава моя установилась прочно. По общему согласію, сочинили театральный уставъ, который утвердили подпісями всѣхъ участвующихъ въ театральныхъ представленияхъ, и выбрали меня, не смотря на мою молодость, директоромъ труппы, но, увы, не на долго: едва успѣли мы сыграть комедію того же Коцебу «Брюзгливый» и маленьку піеску «Новый вѣкъ», въ которыхъ я также отличился, — какъ стеченіе несчастныхъ обстоятельствъ на цѣлый годъ удалило меня со сцены. Надобно разсказать нѣсколько подробнѣе это героико-комическое происшествіе. Послѣ «Брюзгливаго», затѣяли мы сыграть драму: «Мейнау или съдствіе примиренія», написанную какимъ-то Нѣмцемъ для выраженія своего мнѣнія, что примиреніе Мейнау съ преступной женой, чѣмъ оканчивается комедія Коцебу: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» — не можетъ возстановить ихъ семейного счастія. Въ этой піесѣ есть маленькая роль генерала, бывшаго нѣкогда обольстителемъ Эйлаліи: онъ встрѣчается нечаянно съ Мейнау и его женой, Эйлалія падаетъ въ обморокъ, а мужъ вызываетъ генерала на дуэль и убиваетъ его изъ пистолета. Александръ II — въ, такъ неудачно сыгравшій молодаго Доблестина, мало участвовалъ въ театральныхъ представленияхъ, оставаясь однако въ числѣ актеровъ; но когда онъ узналъ, что мы намѣрены разыграть «Мейнау», то упросилъ меня дать ему роль генерала. Онъ сознавался, что у него нѣть сценическаго таланта, но желалъ сыграть эту роль по особеннымъ причинамъ. Причина была мноѣ известна: онъ былъ не равнодушенъ къ одной девицѣ, постоянн-

ной посѣтительницѣ нашихъ спектаклей, и ему хотѣлось явиться передъ ней на сценѣ въ генеральскомъ мундирѣ съ большими эполетами и пасть въ ея глазахъ отъ роковой пули. Я зналъ, что товарищи будуть недовольны моимъ распоряженіемъ и что на эту роль мѣтиль другой актеръ — Петръ Баласниковъ, по своему характеру и дарованіямъ имѣвшиѣ сильное вліяніе на студентовъ, который безъ всякаго сравненія сыграль бы эту роль гораздо лучше. Но дружба заставила меня покривить душой, и я отдалъ роль генерала Александру II—ву, на что, какъ директоръ, я имѣль полное право (*). Товарищи сейчасъ сказали мнѣ, что II—въ испортить піесу, но я отвѣчалъ, что эта роль маленькая и пустая, что II—въ мнѣ ее читать очень хорошо, что я беру на себя поставить его, какъ слѣдуетъ, и что его красавая наружность весьма идетъ къ этой роли. Уважая во мнѣ власть директора, всѣ повиновались, разумѣется весьма не охотно. На первой же репетиціи другъ мой Александръ такъ всемъ не понравился, что мнѣ было на него смотрѣть. Вновь приступили ко мнѣ товарищи съ просьбою: отдать роль генерала кому-нибудь другому; но я не согласился, извиняясь II—ва незнаніемъ роли, ручался что я его выучу и что онъ будегь хорошъ. Я предвидѣль бурю и просилъ моего друга наединѣ, отказаться отъ роли, по онъ умолялъ меня со слезами не лишить его возможности произвести выгодное впечатлѣніе на сердце любимой особы, которую онъ ревновалъ именно къ Баласникову. Онъ такъ разжалобилъ меня, что я далъ ему клятву никому не отдавать роли генерала, кроме его. Я обѣщалъ даже, что въ случаѣ сильнаго возстанія, откажусь отъ роли

(*) Въ одномъ изъ параграфовъ устава было сказано: «директоръ назначаетъ роли и всѣ актеры должны беспрекословно повиноваться его назначенію.»

Мейнау. На второй репетиции, несмотря на знание роли, П—въ читалъ её также неудачно. Пользуясь правомъ директора, я не позволилъ никому, кроме играющихъ актеровъ, присутствовать на этой репетиции, но въ самое то время, когда Александръ П—въ, въ роли генерала, вѣль со мною сцену, я замѣтилъ, что двери отворились, и Балыниковъ, сопровождаемый Кузминскимъ, Кинтромъ, Зыковымъ и другими, вошелъ съ насмѣшилымъ и наглымъ видомъ, и сталъ передъ самою сценою. Едва я успѣль застѣрѣль П—ва, какъ всѣ мои товарищи-актеры окружили меня и рѣшительно требовали, чтобы я передалъ роль генерала именно Балыникову. П—въ поблѣднѣлъ. Движимый горячою дружбою и оскорблѣніемъ въ моемъ директорскомъ достоинствѣ, я грозно отвѣчалъ: «что этого никогда не будетъ и что они вмѣшиваются не въ свое дѣло, и что если они не хотятъ меня слушаться, то я отказываюсь отъ роли Мейнау и не хочу участвовать въ театрѣ.» Я думалъ поразить всѣхъ последними словами. Голова моя была сильно вскружена отъ похвалъ и высокаго о себѣ мнѣнія, и я считалъ, что театръ безъ меня невозможенъ; но противники мои только того и ждали. Балыниковъ выступилъ впередъ и произнесъ дерзкую рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ, что я зазнался, считаю себя великимъ актеромъ, употребляю во зло право директора и изъ дружбы къ Александру П—ву, который играеть гадко, жертвуя спектаклемъ и всѣми актерами. «Наши похвалы дали тебѣ славу, прибавилъ онъ,—мы же ее у тебя и отнимемъ и устримъ всѣхъ, что ты дрянной актеръ; мы лишаемъ тебя директорства и исключаемъ изъ числа актеровъ.» Всѣ единогласно подтвердили его слова. Хотя я ожидалъ возстанія противъ моей власти, но не предвидѣль такого удара. Собравъ все присутствіе духа, съ геройскою твердостію, я взялъ моего друга Александра за

руку и, не сказавъ ни слова, вышелъ изъ комнаты. Воротясь домой, ошеломленный моимъ падениемъ, чувствуя свою неправость, я утѣшалъ себя мыслю, что пожертвовалъ моимъ самолюбіемъ и страстью къ театру — спокойствію друга. Я думалъ, что піеса безъ меня не можетъ идти и что ненавистный его соперникъ не явится въ блестящихъ эполетахъ и не похитить сердца красавицы. Но каково было пораженіе для меня и П—ва, когда, пріѣхавъ на другой день въ университетъ, мы узнали, что еще вчера труппа актеровъ выбрала Баллинкова своимъ директоромъ, что онъ играетъ роль генерала, а моя роль отдана Дмитріеву. Надобно сказать, что этотъ замѣчательный и даровитый своеокоптный студентъ, Дмитріевъ, былъ вездѣ постояннымъ моимъ соперникомъ, надъ которымъ однако до сихъ поръ, я почти всегда торжествовалъ. Въ классахъ у Ибрагимова, его сочиненія на заданные предметы, иногда не уступали моимъ, и не смотря на нѣкоторое пристрастіе ко мнѣ, два раза Ибрагимовъ публично сказалъ, что на этотъ разъ онъ не знаетъ, чьему сочиненію отдать преимущество: моему или Дмитріева? Онъ славился также искусствомъ декламаціи, и я видаль, что иногда собирались около него толпа слушателей, кот., онъ читалъ какіе-нибудь стихи. Говоря по совести, я долженъ сказать, что у Дмитріева, можетъ быть, болѣе было таланта къ литературѣ и театру, чѣмъ у меня; но у него не было такой любви ни къ тому, ни къ другому, которою я былъ проникнутъ исключительно, а потому его дарованія остались не развитыми, не обработанными; даже въ наружности его, нѣсколько грубой и суровой, во всѣхъ движеніяхъ, видна была не только неловкость, но какая-то угловатость и неуклюжесть. Къ нему-то обратились мои товарищи и не безъ труда упросили его взять роль Мейнау. Минъ никогда не входило въ голову, чтобы

этот дикарь согласился выйти на сцену. Сейчасъ дали ему піесу, заставили читать вслухъ, и всѣ безъ исключения пришли въ восторгъ отъ его чтенія. Намъ рассказали, что многіе были тронуты до слезъ и что другъ Дмитріева, студентъ Чесніовъ (самый добрый хохотунъ и пошлякъ) и студентъ Д. П. — плакали на-вздыдъ (*). Мы съ Александромъ П—вымъ были убиты, уничтожены: я—въ моемъ самолюбіи, въ моей любви къ театру, П—въ—въ любви къ университетской красавицѣ. Еслибы я, поступая справедливо, отдалъ роль генерала другому—не играть бы было Баласникову генерала, не являться въ блестящихъ эполетахъ!—Драма: «Мейнау или съдѣствіе примиренія» была наконецъ сыграна, но не такъ удачно, что послужило нѣкоторымъ утѣшенiemъ мнѣ и П—ву. Впрочемъ мы оба не были на представлениі, и я говорю объ неудачѣ этого спектакля по общему отзыву не студентовъ, а учителей и постороннихъ зрителей; студенты же, напротивъ, особенно актеры, превозносили похвалами Дмитріева. Я самъ убѣжденъ, что если не вездѣ то во многихъ сильныхъ мѣстахъ роли, онъ былъ очень хороши, потому что я видѣлъ его на репетиції.

Оторванный отъ театра стечениемъ обстоятельствъ, я бросился въ другую сторону — въ литературу, въ нату-ральную исторію, которую читалъ намъ на французскомъ языкѣ профессоръ Фуксъ, и всего болѣе пристрастился къ собиранію бабочекъ, которымъ увлекался я до чрезвы-чайности. Александръ П—въ былъ вѣрнымъ товарищемъ

(*) Вообще Дмитріевъ былъ существо загадочное; онъ занимался всѣми предметами отлично, но ни съ кѣмъ, кроме Чесніова, не говорилъ ни слова и всѣхъ дичился, а потому никто не зналъ его; съ Чесніовымъ же онъ былъ не разлученъ, безпрестанно съ нимъ хохоталъ, щипался, щекотался, толкался и драился, какъ десятилѣтний школьникъ; часто полу-чалъ за это выговоры, и какъ скоро переставалъ играть съ Чесніовымъ, давался угрюмъ и мраченъ.

и сотрудникомъ моимъ во всемъ. Все свободное время мы бродили съ рампетками (*) по садамъ, лугамъ и рощамъ, гоняясь за попадающимися намъ денными и сумеречными бабочками; а ночныхъ отыскивали подъ древесными сучьями и листьями, въ душилахъ, въ трещинахъ заборовъ и каменныхъ стѣнъ.

Слушаніе нѣкоторыхъ университетскихъ лекцій и продолженіе ученья въ двухъ высшихъ классахъ гимназіи, шло довольно удовлетворительно, но не отлично. Я началь было слушать съ большимъ участіемъ анатомію, и покуда рѣзали живыхъ и мертвыхъ животныхъ, ходилъ на лекцію очень охотно. Я даже считался очень хорошимъ ученикомъ. Но когда дѣло дошло до человѣческихъ труповъ, то я решительно бросилъ анатомію, потому что боялся мертвцевовъ; но не такъ думали мои товарищи, горячо хлопотавшіе по всему городу объ отысканіи трупа, и когда онъ нашелся и былъ принесенъ въ анатомическую залу—они встрѣтили его съ радостнымъ торжествомъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ я долго потомъ не могъ смотрѣть безъ отвращенія.

Рассказывая о моемъ театральномъ поприщѣ, я забѣжалъ далеко впередъ, и мнѣ надобно воротиться назадъ, чтобы разсказать мою домашнюю жизнь у Григорія Иваныча, уже нѣсколько измѣнившуюся. О первомъ денномъ спектакль въ домѣ П—выхъ Григорій Иванычъ ничего не зналъ; но когда мы рѣшились затѣять театръ въ университетѣ и я рассказалъ объ этомъ моему воспитателю—онъ согласился на мое участіе въ этихъ спектакляхъ безъ всякаго затрудненія, даже очень охотно. Онъ видѣлъ потомъ комедію: «Такъ и должно», былъ доволенъ моей игрою и очень смеялся надъ моимъ костюмомъ.

(*) Рампетка—сачекъ изъ флера или дымки для ловли бабочекъ.

Должно признаться, что театръ слишкомъ привлекаль все мое вниманіе и участіе, да и Григорій Иванычъ началь уже не такъ пристально заниматься мной. Я не знаю, какая была тому первоначальная причина, и самъ очень бы желалъ уяснить себѣ эту перемѣну; правда, нѣсколько ничего не значущихъ неудовольствий, поселили на время нѣкоторую холодность между нами, но безъ посторонняго участія, безъ какихъ-нибудь постороннихъ вліяній, онъ никакъ не могли бы произвести такихъ важныхъ послѣдствій, какихъ никто не могъ ожидать. Первое неудовольствіе произошло между нами отъ того, что Григорій Иванычъ нашелъ у меня запрещенные имъ романы: «Мальчикъ у ручья» Коцебу и «Природа и любовь» Августа Лафонтена. Я читалъ ихъ по ночамъ или въ пустыхъ антресоляхъ—читалъ съ увлеченіемъ, съ самозабвеніемъ!.. Смѣшино сказать, но и теперь слова: «люби меня, я добръ, Фанни!» или: «мѣсяцы, блаженные мѣсяцы пролетали надъ этими счастливыми смертными (*)», слова, сами по себѣ ничтожныя и пошлые, заставляютъ сердце мое биться скорбѣ, по одному воспоминанию того восторга, того упенія, въ которое приводили онъ пятнадцатилѣтняго юношу! Да, слова ничего не значать: все зависитъ отъ чувства, которое мы придаемъ имъ.—Безъ сомнѣнія я былъ виноватъ, но наставникъ мой слишкомъ строго порицалъ мою вину, и еслибы я повѣрилъ ему, то пришелъ бы въ отчаяніе; но я не могъ признать себя такимъ преступникомъ, и получилъ право и возможность обвинять моего воспитателя въ несправедливости и оскорблениіи меня. Впрочемъ на этотъ разъ все уладилось между нами довольно скоро. Второе неудовольствіе состояло въ слѣдующемъ: наканунѣ Троицы, Григорій Иванычъ вздумалъ уѣхать со мной въ

(*) Это слова изъ романа «Природа и любовь» Августа Лафонтена.

Кощаково и прожить тамъ дни три. На этот разъ мнѣ не хотѣлось уѣзжать, потому что у насъ съ П—вымъ былъ устроенъ механическій театръ съ чудесными декораціями, машинами, превращеніями, съ грозою, съ громомъ и молніей. Александръ П—въ былъ великий мастеръ на всѣ такія штуки. Именно въ Духовъ день назначено было представлѣніе и приглашены зрители; болыно мнѣ было уѣзжать, но я покорился безъ ропота. Въ назначенный день для нашего отѣзда въ деревню, я выпросился у моего воспитателя на нѣсколько часовъ къ П—ву. Григорій Иванычъ согласился, но сказалъ, что если я не ворочусь къ семи часамъ, то онъ уѣдетъ одинъ. Я обѣщалъ непремѣнно воротиться. Мы съ П—вымъ занялись генеральною пробою нашего механическаго спектакля, а какъ нѣкоторыя явленія не удавались, то-есть, молнія не попадала въ то дерево, которое должна была разбить и зажечь, мѣсяцъ не вылезалъ изъ облаковъ и паденіе водопада иногда внезапно прекращалось—то я такъ завлекся устройствомъ явленій природы, что пропустилъ назначенный срокъ, и хотя, вспомнивши его, бѣжалъ бѣгомъ до самаго дома, но опоздалъ четверть часа. Григорій Иванычъ уѣхалъ ровно въ семь часовъ одинъ, въ большомъ гнѣвѣ, но не отдалъ никакихъ приказаній на мой счетъ. Злѣсь начинается моя уже настоящая вина. Ефремъ Евсейчъ предлагалъ нанять лошадей и отправиться вмѣстѣ со мной въ Кощаково, но я, ссылаясь на то, что Григорій Иванычъ могъ бы подождать меня, или приказать, чтобы я вслѣдъ за нимъ прїехалъ одинъ,—рѣшительно отказался вѣхать и сейчасъ отправился къ Александру П—ву. Мы провозились съ театромъ всю ночь. Евсейчъ, встревоженный моимъ долгимъ отсутствіемъ, самъ пришелъ за мной. Мы показали ему театръ, и онъ не мало дивился нашей хитрости. На солнечномъ всходѣ воротились мы домой. Дядька

виовь уговаривалъ меня ѹхать къ Григорью Иванычу, но я рѣшительно отказался. Въ Троицкынъ день П—въ обѣдаль у меня, а послѣ обѣда мы отправились гулять на Арское поле, возль котораго я жилъ и на которомъ обыкновенно происходило, на Троицкой недѣлѣ, самое многолюдное народное гулянье. Въ Духовъ день быль у П—выхъ спектакль, сошедший великолѣпно: дубъ быль раздробленъ и сожженъ молнией, мѣсяцъ безпрепятствен-но выходилъ изъ облаковъ, водопадъ шумѣлъ и пѣнился, не останавливался. Зрители и хозяева были въ восхищении; но у меня на сердцѣ скребли кошки, какъ говорится. На третій день рано поутру воротился Григорій Иванычъ. Я еще спалъ, когда онъ имѣлъ грозное объясненіе съ Евсевичемъ, который рассказалъ ему все, что происходило, и не скрылъ даже того, что два раза предлагалъ мнѣ ѹхать въ Кощаково. Григорій Иванычъ не вѣль мнѣ показываться ему на глаза и двое сутокъ не видаль меня и даже не обѣдалъ со мною. Я огорчился глубоко и въ тоже время оскорбился; мнѣ уже быль шестнадцатый годъ и я рѣшилъ, что такъ можно поступать только съ мальчикомъ. Наконецъ послѣдовало объясненіе; хотя я приготовился встрѣтить его съ твердостью и хладнокровіемъ, и точно, всѣ жестокіе упреки сначала переносиль и отражаль съ наружнымъ спокойствіемъ, но когда Григорій Иванычъ сказалъ: «А что будетъ съ вашей матерью, когда я опишу ей вашъ поступокъ и откажусь жить вмѣстъ съ вами?...» тогда растаяла какъ воскъ моя твердость, слезы хлынули изъ глазъ, и я призналь себя безусловно виноватымъ и чистосердечно просилъ простить мою вину. Григорій Иванычъ сдѣлалъ большую ошибку: онъ не воспользовался моимъ искреннимъ раскаяніемъ, встрѣтилъ его холодно и не примирился со мною вполнѣ. Можетъ быть онъ не совсѣмъ мнѣ вѣрилъ, но всего вѣ-

роятнѣе, что онъ поступилъ такъ по расчету; онъ зналъ, что я, слишкомъ живо принимая впечатлѣнія, слишкомъ скоро и забывалъ ихъ, а потому и хотѣль, перемѣнною своего обращенія, заставить меня глубже почувствовать мою вину. Слѣдствія вышли совсѣмъ не тѣ, какихъ онъ ожидалъ: самъ онъ перемѣнился ко мнѣ, а отъ меня требовалъ, чтобы я былъ такимъ же, какимъ былъ прежде; а какъ по свойству моей натуры, такихъ холодныхъ отношеній были для меня невыносимы, то я скоро стала во всемъ оправдывать себя и во всѣмъ обвинять его, и моя привязанность къ нему поколебалась. Наконецъ одинъ случай, совершенно ничтожный, окончательно измѣнилъ наши прежнія отношенія. Университетскій экономъ, Маркевичъ умеръ. Я уже говорилъ, что онъ всегда ласкалъ меня и что я его очень любилъ; но какъ я съ издѣлства боялся покойниковъ, то, несмотря на убѣжденія и приказанія Григорія Иваныча, ни за что не согласился быть на похоронахъ Маркевича. Григорій Иванычъ воротился съ печальной церемоніи вмѣстѣ съ рисовальными учительемъ Чекіевымъ. Надобно предварительно сказать, что я очень не любилъ этого господина, большаго франта, надѣдавшаго мнѣ самыми пошлыми шутками. Я всегда удивлялся, какъ могъ Григорій Иванычъ быть короткимъ приятелемъ съ такимъ пустымъ человѣкомъ, хотя эта связь легко объяснялась тѣмъ, что они были товарищами въ московской университетской гимназіи. Чекіевъ въ этотъ день особенно приставалъ ко мнѣ: зачѣмъ я не былъ на похоронахъ, зачѣмъ не отдалъ послѣдняго долга человѣку, который меня такъ любилъ? утверждалъ, что мой поступокъ показываетъ жестокое сердце и проч. и проч. Однимъ словомъ онъ раздразнилъ меня и, когда спросилъ съ насмѣшкой: «Признайтесь, пожалуйста, что вы совсѣмъ не боитесь покойниковъ и что вы взвели на себя этотъ страхъ

изъ одного эгоизма?...» я разсердился и рѣзко, съ грубою ему отвѣтъ: «Вы совершенно правы. Я покойниковъ не боюсь и притворяюсь....» Обсуживая эти слова хладнокровно, я и теперь не вижу въ нихъ той важности, какую придалъ имъ Григорій Иванычъ. Гибвъ измѣнилъ его лицо и онъ сказаль мнѣ тихимъ, но выразительнымъ голосомъ: «Посль словъ, который вы осмѣлились сказать въ моемъ присутствіи моему товарищу и гостю,—вы можете сами судить, можемъ ли мы быть пріятны одинъ другому. Изволите идти въ вашу комнату.» Не чувствуя никакой своей вины, я, разумѣется, разсердился еще болѣе, но ушелъ не сказавъ ни слова. Сцена происходила передъ самымъ обѣдомъ и кушанье уже стояло на столѣ. Всльдъ за мной Евсеичъ принесъ и мой приборъ и объявилъ, что Григорій Иванычъ приказалъ мнѣ обѣдать въ своей комнатѣ. Бѣшенство мое удвоилось и только мысль о матери удержала меня отъ намѣренія идти къ моему воспитателю и наговорить ему грубостей. Я долженъ отдать справедливость Чекіеву: онъ, какъ Евсеичъ рассказалъ мнѣ, очень долго просилъ Григорія Иваныча простить меня, но напрасно. Посль обѣда Чекіевъ приходилъ ко мнѣ, но я заперся на крючекъ и не пустилъ его въ мою комнату. На другой день Григорій Иванычъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ холодно и рѣшительно: «что намъ уже не слѣдуетъ жить вмѣстѣ, что онъ слагаетъ съ себя званіе моего наставника и что мы оба должны теперь стараться о томъ, чтобы моя мать какъ можно легче перенесла нашъ разрывъ; что мы должны это сдѣлать, не оскорбляя другъ друга.»—Я отвѣтъ, что онъ предупредилъ мое желаніе и что я точно то же хотѣлъ ему предложить. — «Такъ и прекрасно», сказаль съ усмѣшкою Григорій Иванычъ и кивнулъ мнѣ головой. Я ушелъ въ свою комнату и на свободѣ предал-

ся волшению и гибели. Я считалъ себя кругомъ правымъ, а воспитателя моего — кругомъ виноватымъ. Здѣсь долженъ • признаться въ поступкѣ, который трудно извинить раздраженiemъ и вспыльчивостію. Слѣдующій день, по несчастію, былъ почтовый и я написалъ къ отцу и къ матери большое письмо, въ которомъ не пощадилъ моего наставника и позволилъ себѣ такія оскорбительныи выраженія, отъ которыхъ краснью и теперь. Конечно, если бы я отложилъ письмо до слѣдующей почты, я непремѣнно бы одумался, но горячность увлекла меня.... увлекала и во всю жизнь.... На другой день послѣ отправки письма, совѣсть начала меня упрекать и я безпрестанно вспоминала слова Григорія Иваныча: «мы не должны оскорблять другъ друга.» Что же я долженъ быть почувствовать, когда чрезъ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ мы видались только за обѣдомъ и почти не говорили, Григорій Иванычъ позвалъ меня къ себѣ и прочелъ миъ огромное письмо, заготовленное имъ для отсылки къ моей матери. Въ этомъ письмѣ, исполненномъ ума и чувства дружбы, онъ признавалъ себя совершенно неспособнымъ оставаться долѣе наставникомъ и руководителемъ молодаго человѣка, съ которымъ надобно поступать уже не такъ, какъ съ мальчикомъ, не такъ какъ поступалъ онъ со мною до тѣхъ поръ; онъ увѣрялъ, что не знаетъ, не умѣетъ, какъ взяться за это трудное дѣло, и чувствуетъ, что онъ дѣйствуетъ не такъ, какъ должно; следовательно можетъ мнѣ повредить. Онъ съ подробностью описалъ мой умъ, нравъ, наклонности и предсказалъ будущее ихъ развитіе; описалъ также мои недостатки: хорошая сторона изображена была ярко, предвѣщала много доброго, а дурная — очень снисходительно, и съ увѣренностью, что время и опытность не дадутъ ей укорениться. Онъ ручался за чистоту моихъ нравствен-

ныхъ стремлений и увѣряль, что я могу безопасно жить одинъ или съ хорошимъ пріятелемъ, какъ напримѣръ Александръ II—въ, или съ кѣмъ-нибудь изъ профессоровъ, безъ всякой подчиненности, какъ младшій товарищъ; онъ увѣряль, что мнѣ даже нужно пожить года полтора на полной свободѣ, передъ вступленіемъ въ службу, для того, чтобы не прямо попасть изъ-подъ ферулы строгаго воспитателя въ самобытную жизнь, на поприще свѣта и служебной дѣятельности. Къ этому онъ прибавляль, что не останется долго въ университѣтѣ и что скоро поѣдетъ въ Петербургъ, для предварительнаго пріисканія себѣ мѣста по ученой, а можетъ быть и по гражданской части.—Григорій Иванычъ былъ испуганъ дѣйствіемъ этого письма надо мною. Терзаемый совѣстю и раскаяніемъ, я принесъ въ такое волненіе, что долго не могъ ничего говорить; наконецъ слезы облегчили мою грудь. Я чисто-сердечно признался во всемъ, что писалъ къ моимъ родителямъ, высказалъ всѣ мои прежнія къ нему чувства, плакалъ, просилъ, молилъ Григорія Иваныча позабыть мой поступокъ и не разлучаться со мною до своего отъѣзда въ Петербургъ. Я обѣщалъ ему, и конечно сдержаль бы обѣщаніе, что какъ бы онъ ни поступалъ со мною строго, я не только не покажу неудовольствія, но даже не почувствую его. Искренность раскаянія и душевнаго страданія, казалось, поколебали моего воспитателя. Онъ долго и пристально смотрѣль на меня, потомъ началъ ходить по комнатѣ и наконецъ, сказавъ: «Дайте мнѣ подумать», отпустилъ меня. Оставалось два дня до слѣдующей почты. Я написалъ другое письмо къ моимъ родителямъ, въ которомъ признавалъ себя непростительно и совершенно виноватымъ, восторженно хвалилъ моего наставника, описалъ подробно все происшествіе и сказаль между прочимъ: «Какъ бы Григорій Иванычъ ни посту-

пиль со мной, оставить у себя, или прогонить — я стану любить его, какъ втораго отца.» Передъ отправленiemъ письма на почту, я принесъ мое письмо къ Григорью Иванычу и спросилъ: «Не угодно ли ему прочесть, что я пишу?» Онъ отвѣчалъ, что не нужно, что онъ уже отправилъ свое, то самое, которое я слышалъ, и что это дѣло окончательно рѣшено. Это былъ для меня ударъ, нельзя сказать, вовсе неожиданный, но тѣмъ не менѣе тяжкій: я зналъ, что никакій баттарен не заставлять теперь моего наставника отступить, да и всякое отступленіе оказалось бы безполезнымъ, потому что письмо его уже было послано. Дѣлать было нечего: я поспѣшилъ отправить мое второе письмо. Мое живое воображеніе рисовало мнѣ такую картину отчаянія моей бѣдной матери, что эта картина преслѣдовала меня день и ночь, и я даже захворалъ съ горя. Григорій Иванычъ хмурился, и не одобряя никакихъ страстныхъ моихъ порывовъ, доказывалъ мнѣ очевидный вредъ излишества всякихъ ощущеній; въ тоже время онъ сожалѣль обомнилъ и успокоивалъ меня, говоря, что моя мать гораздо легче приметъ это происшествіе, нежели я думаю; что наша разлука и безъ того была неизбѣжна и что мое второе письмо, содержаніе котораго я ему рассказалъ, изгладить непріятное впечатлѣніе перваго. Такія слова меня нѣсколько успокоили. Я скоро выздоровѣлъ, и наконецъ мы получили письма изъ Аксакова. Григорій Иванычъ оказался совершенно правъ. Отецъ и мать оцѣнили мое раскаяніе и простили мнѣ первое письмо, написанное въ припадкѣ горячности. Мать вполнѣ вѣрила отзыву обо мнѣ моего наставника и ея материнское любящее сердце исполнилось отрадныхъ и лестныхъ упованій. Она вѣрила также скорому отѣзду и необходимости этого отѣзда, по собственнымъ обстоятельствамъ Григорья Иваныча. Она была убѣждена, что онъ останется навсегда нашимъ

истиннымъ другомъ и что, переставъ быть моимъ воспитателемъ, гораздо ближе сойдется со мною и больше меня полюбитъ; что совѣты его, не отзываясь никакою властью, будутъ принимаемы мною съ болѣшею готовностью, съ болѣшимъ чувствомъ.... Она не ошиблась. Будущее оправдало проницательность ея рѣдкаго ума.

Я долженъ бытъ скоро отправиться на вакаціо, а Григорій Иванычъ черезъ мѣсяцъ собиралсяѣхать въ Петербургъ. Мать моя поручила ему устроить мое будущее пребываніе въ К., и я, съ согласія Григорія Иваныча (удивляясь, какъ могъ онъ согласиться), условился съ адъюнктъ-профессоромъ философіи и логики, Львомъ Семенычемъ Левицкимъ, въ томъ, что я буду жить у него, платя за столъ и квартиру небольшую сумму и въ тоже время присматривая за его тремя воспитанниками, своекоштными гимназистами. Всѣ три мальчика были мнѣ родня и страшные шалуны, о чёмъ я не имѣть понятія. Я простился съ Григоріемъ Иванычемъ съ болѣшимъ чувствомъ, даже со слезами, и онъ самъ бытъ очень расстроганъ; но по своему обыкновенію старался прикрыть свое волненіе шутками и даже насмѣшками надъ моей чувствительностью.

Не смотря на смутныя и тревожныя обстоятельства моей домашней внутренней жизни, мы съ Александромъ II—вымъ продолжали заниматься литературой и собирали бабочекъ, которыхъ умѣль мастерски раскладывать мой товарищъ, искусный и ловкий на всякия механическія занятія. Я написалъ исколько стихотвореній и статью въ прозѣ, подъ названіемъ: «Дружба» и показалъ моему другу Александру, который ихъ одобрилъ, но сдѣлалъ исколько критическихъ замѣчаній, показавшихся мнѣ однако не основательными. Помѣщаю здѣсь мои первые

ребячыи стихи, которыхъ впрочемъ не помню и половины, и праздную тѣмъ мой пятидесятилѣтній юбилей на постригъ бумагомаранья; считаю нужнымъ прибавить, что у меня не было никакой жестокой красавицы, даже ни одной знакомой девушки.

Къ словью.

Другъ весны, пѣвецъ любезнѣйшій,
Будь единой мнѣ отрадою,
Уменьши тоску жестокую,
Что сгѣдѣаетъ сердце страстиное.

Пой красы моей возлюбленной
Пой любовь мою къ ней пламенну;
Изчисляй мои страданья всѣ,
Изчисляй моей дни горести.

Пусть услышитъ она голосъ твой,
Пусть узнаетъ, кто училъ тебя;
Можетъ быть тогда, жестокая,
Хоть изъ жалости вздохнетъ по мнѣ.

Можетъ быть она узнаетъ тутъ,
Что любовь для настъ есть счастіе;
Можетъ быть она почувствуетъ,
Что нельзя вѣкъ не люба прожить.

(Здѣсь не достаетъ нѣсколькихъ куплетовъ.)

Истоши свое умѣніе все,
Возбуди ея чувствительность;
Благодаренъ буду вѣкъ тебѣ
За твое искусство дивное....

Вотъ какими виршами безъ риомъ дебютировалъ я на литературной аренѣ нашей гимназіи въ 1805 году! Впрочемъ я скоро призналъ эти стихи недостойными моего *пера* и не помѣстилъ ихъ въ нашемъ журналь 1806 года. Всѣ послѣдующіе стихи писалъ я уже съ риомами; всѣ они не имѣютъ никакого, даже относительнаго достоинства и не показываютъ ни малѣйшаго признака стихотворнаго дарованія.

Вакацію 1805 года, проведенную въ Оренбургскомъ Аксаковѣ, я какъ-то мало помню. Знаю только, что ружье и бабочки такъ сильно меня занимали, что я рѣдко удиль рыбу; вероятно потому, что въ это время года клёвъ всегда бывалъ не значительный: я разумѣю клёвъ крупной рыбы.

Я нашелъ здоровье моей матери очень разстроеннымъ и узналъ, что это была единственная причина, по которой она не прїехала ко мнѣ, получивъ извѣстіе о моемъ разрывѣ съ Григорьевъ Иванычемъ.—Продолжая владѣть моей безпредѣльной довѣренностю и узнавъ всѣ малѣйшія подробности моей жизни, даже всѣ мои помышленія, она успокоилась на мой счетъ и, не смотря на молодость, отпустила меня въ университетъ на житѣе у неизвѣстнаго ей профессора, съ полною надеждою на чистоту моихъ стремленій и безукоризненность поведенія.

Я прїехалъ въ К. прямо къ Левицкому. Не задолго до моего возвращенія, Григорій Иванычъ уѣхалъ въ Петербургъ, и меня очень удивило, что онъ цѣлый мѣсяцъ вакаціи прожилъ въ К., безъ всякаго дѣла. Послѣ отѣзда Григорія Иваныча, классъ высшей математики, впередъ до поступленія новаго профессора, былъ порученъ студенту А. К—у, котораго отличныя способности обѣщали слав-

наго ученаго по этой части. Я не могъ долго оставаться у Левицкаго: пагубная страсть къ вину совершенно имъ овладѣла, и онъ уже предавался ей каждый вечеръ въ одиночку; воспитанники его избаловались до послѣдней крайности и ничему не учились. Минъ скоро надоѣло возиться съ этими шалунами, и я чрезъ два мѣсяца, съ разрѣшенія моего отца и матери, нанялъ себѣ квартиру: особый флигелекъ, близехонько отъ театра, у какого-то Нѣмца Германа, поселился въ немъ и въ первый разъ началъ вести жизнь независимую и самобытную. Мы были почти не разлучны съ Александромъ П—вымъ и приняли въ свое литературное товарищество студента Д. П—ва. Переводили повѣсти Мармонтеля, не переведенные Карамзінъ, сочиняли стихами и прозою, и втроемъ читали другъ другу свои переводы и сочиненія. Намѣреніе переводить повѣсти Мармонтеля было еще у меня тогда, когда я жилъ у Левицкаго. Одинъ разъ я сказалъ ему объ этомъ, разумѣется до обѣда, покуда онъ былъ только съ похмѣлья, и очень помню, какъ оскорбіть меня его отвѣтъ: «Ну какъ вамъ переводить Мармонтеля послѣ Карамзина? Куда конь съ коньтомъ, туда и ракъ съ клешней!» Но эти слова нась не остановили. — Наконецъ мы съ Александромъ П—вымъ рѣшились издавать письменный журналъ въ наступающемъ 1806 году, подъ названіемъ: «Журналъ нашихъ занятій», но безъ имени издателя. Это было предпріятіе уже болѣе серьѣзное, чѣмъ «Аркадскіе пастушки», и я изгонялъ изъ этого журнала, сколько могъ, идилическое направленіе моего друга и сълѣпое подражаніе Карамзину. Я въ то время боролся изъ всѣхъ силъ противу этого подражанія, подкрѣпляемый книгою Шишкова: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ», которая увлекла меня въ противоположную крайность. Я скажу объ этомъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. Изъ

сохранившихся у меня трехъ книжекъ «Журнала нашихъ занятій» я вижу, что онъ начался не съ января, а съ апрѣля, и продолжался до декабря включительно. Къ сожалѣнію въ этихъ трехъ книжкахъ нѣтъ ни одной моей статьи, ни переводной, ни оригиналлной; но я помню, что ихъ находилось довольно. Теперь мнѣ было бы очень любопытно узнать, какъ выражалось мое тогдашнее направленіе. Я помѣщаю въ особомъ приложеніи оглавленіе статей и выписки изъ нѣкоторыхъ піесъ.

Междудѣмъ, въ концѣ 1805 года и въ январѣ 1806-го, составились два спектакля въ университете безъ моего участія; тяжело, горько было мнѣ это лишеніе; страдала моя любовь къ театру, страдало мое самолюбіе отъ успѣховъ моего соперника, Дмитріева; но дѣлать было нечего. Актеры предлагали мнѣ опять вступить въ ихъ труппу, но я не забылъ еще сдѣланнаго мнѣ оскорблениія и отвѣчалъ: «Я вамъ не нуженъ, у васъ есть Дмитріевъ, который прекрасно играетъ мои роли.» — «Ну какъ хочешь, дуйся пожалуй, обойдемся и безъ тебя», отвѣчалъ мнѣ директоръ Баласниковъ: тѣмъ дѣло и кончилось. Впрочемъ все шло дружелюбно; я ходилъ на репетиціи и даваль советы тѣмъ, кто у меня ихъ спрашивалъ. Въ первомъ спектакль, въ комедіи Коцебу: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», Дмитріевъ игралъ Неизвѣстнаго съ большимъ успѣхомъ. Не смотря на совершенное неумѣніе держать себя, на смѣшныя позы и еще болѣе смѣшные жесты одной правой рукой, тогда какъ лѣвая точно была привязана у него за спиной, не смотря на положительно-дурное исполненіе обыкновенныхъ разговоровъ съ своимъ слугою и бѣднымъ старикомъ, — Дмитріевъ, въ сценѣ съ другомъ, которому разсказываетъ свои несчастія, и въ примиреніи съ женой, выражалъ столько силы внутренняго чувства, что всѣ зрители, въ томъ числѣ и я, были

совершенно увлечены; и общее восхищенье выражалось неистовыми рукоплесканьями. Сначала я только восхищался и никакое чувство зависти не вкрадывалось въ мое сердце, но потомъ слова нѣкоторыхъ студентовъ, особенно актеровъ, глубоко меня уязвили, и проклятая зависть поселилась въ моей душѣ. Минъ безъ церемоній говорили: «Ну что, обошлись мы и безъ тебя! Да гдѣ тебѣ сыграть такъ Неизвѣстнаго, какъ играетъ Дмитріевъ. Тебя хвалили только потому, что его не видали.» Въ самомъ дѣлѣ, успѣхъ Дмитріева въ этой роли былъ гораздо блестательнѣе моего, хотя существовала небольшая партія, которая утверждала, что я игралъ «Неизвѣстнаго» лучше, что Дмитріевъ карикатуренъ и что только нѣкоторыя, сильныя мѣста были выражены имъ хорошо; что я настоящій актеръ, что я хорошъ на сценѣ во всемъ отъ начала до конца, отъ первого до послѣдняго слова. Тутъ была часть правды, и у меня родилось непреодолимое желаніе обработать роль «Неизвѣстнаго» и такъ сыграть, чтобы совершенно затмить моего противника. Въ началѣ 1806 года, студенты дали другой спектакль и разыграли піесу того же Кочубея: «Бѣдность и благородство души», въ которой Дмитріевъ игралъ роль Генриха Блума, также съ большимъ успѣхомъ, уступавшимъ однако успѣху въ роли «Неизвѣстнаго». Защитники мои утверждали, что въ Генрихѣ Блумѣ я былъ бы несравненно лучше Дмитріева. Подстрекаемый завистью и самолюбіемъ, я старательно обработалъ обѣ эти роли, и при многихъ слушателяхъ, даже не весьма ко мнѣ расположенныхъ, прочелъ, или лучше сказать, разыгралъ сильныя мѣста обѣихъ піесъ. Всѣ почувствовали разницу моей, конечно болѣе искусной и естественной игры, отъ дикаго, хотя одушевленнаго силою чувства, исполненія этыхъ ролей моимъ соперникомъ. Между студентами возникли двѣ равносильныя партіи:

Всегда честен — Записка

за меня и противъ меня; это уже былъ первый шагъ къ торжеству. Шумные споры доходили до ссоръ и чуть не до драки; самолюбіе мое нѣсколько утышилось. Потомъ судьба захотѣла побаловать меня. Дмитріеву, которому было уже слишкомъ за двадцать лѣтъ, наскучило студенческое ученье, правду сказать весьма неудовлетворительное; можетъ быть были и другія причины,—не знаю,—только онъ рѣшился вступить въ военную службу; онъ внезапно оставилъ университетъ и, какъ хороший математикъ, опредѣлился въ артиллерію. Труппа осиротѣла и поневоль обратилась ко мнѣ. Я, пользуясь обстоятельствами, долго не соглашался, не смотря на предлагаемое мнѣ вновь директорство. Наконецъ, довольно поломавшись, я согласился на следующихъ условіяхъ: 1) званіе и должностъ директора уничтожить, а для управления труппой выбрать трехъ старшинъ; 2) спектакли начать повтореніемъ: «Ненависти къ людямъ и раскаянія» и «Бѣдности и благородства души».— Разумѣется все согласились. «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» шла на Святой недѣль. Не знаю по какому случаю былъ приглашенъ на генеральную репетицію актеръ Грузиновъ (*), котораго мы все очень любили и уважали. Пьеса давалась у насъ уже въ третій разъ, и общимъ стараніемъ, особенно моимъ, была довольно хорошо слажена. Грузиновъ удивился, не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Онъ нахвалилъ насъ содржателю К. театра П. П. Есинову, который поспѣшилъ получить позволеніе директора Яковкина, прѣѣхать въ театръ на настоящее представление, и не только прѣѣхалъ самъ, но даже привезъ съ собою, кроме Грузинова, еще троихъ актеровъ.—

(*) Грузиновъ былъ наемный актеръ изъ театра г-на Есинова; онъ съ большими успѣхомъ занималъ амплуа благородныхъ отцевъ.

Наконецъ сошелъ давно желанный, давно ожидаемый мною спектакль! Удовлетворилось мое молодое самолюбіе. Весь университетъ говорилъ, что я превзошелъ самъ себя и далеко оставилъ за собою Дмитріева. Чего же мнѣ было больше желать! О непостоянство мірской славы! Черезъ два, три мѣсяца послѣ торжества Дмитріева, осталось только два-три человѣка, которые не громко говорили, что Дмитріевъ игралъ не хуже, а мѣстами и лучше Аксакова. Это была совершенная правда. — Въ театрѣ было довольно постороннихъ зрителей, они превозносили меня до небесъ; но самый сильный блескъ и прочность моей славы придавали похвалы П. П. Есипова и актеровъ, которыхъ мнѣніе по справедливости считалось сильнымъ авторитетомъ. Я ожидалъ еще большаго торжества въ другой піесѣ: «Бѣдность и благородство души», которая, была уже сыграна въ концѣ 1806 года. Читатели увидѣть, что я не ошибся.

Теперь надобно обратиться назадъ. Григорій Иванычъ просрочилъ свой отпускъ (потому что промышкалъ долго въ К.) и опоздалъ слишкомъ мѣсяцъ. Онъ воротился безъ всякаго свидѣтельства о болѣзни и не представилъ никакихъ уважительныхъ причинъ, если не къ оправданію, то по крайней мѣрѣ къ извиненію своей просочки. Университетское начальство встрѣтило его непріязненно. Григорію Иванычу было сдѣланъ въ Совѣтъ выговоръ. Его подвергли какому-то денежному штрафу и записали просрочку въ формулляръ. Григорій Иванычъ обидился и подалъ въ отставку. Отставку ему дали, хотя не скоро; но въ аттестатѣ хотѣли прописать его просрочку, денежный штрафъ и выговоръ. Григорій Иванычъ не захотѣлъ получить такого аттестата, уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Комиссію

Составленія Законовъ, безъ аттестата. Уже по прошествіи долгаго времени выхлопоталъ онъ приказаніе у министра Просвѣщенія выдать ему аттестатъ изъ университета безъ упоминанія о просрочкѣ и о прочемъ. Я видался часто съ моимъ бывшимъ наставникомъ до его отъезда и потому простился съ нимъ, какъ съ добрымъ старшимъ другомъ, которому я былъ обязанъ чистотою моихъ нравственныхъ убѣждений и стремлений, предсказаніе матери моей начинало сбываться.

Въ 1806 году совершилось другое событие, - важность послѣдствій котораго, измѣнившихъ все положеніе моего семейства, долго оставалась мнѣ не известною: Надежда Ивановна Куроѣдова, которая уже около года была больна водяною болѣзнью, скончалась. Все это время, мои родители, съ остальнымъ своимъ семействомъ, жили въ Симбирскомъ Аксаковѣ: то-есть, дѣти жили въ Аксаковѣ, покуда больная находилась въ Чуфаровѣ, откуда отецъ и мать не отлучались; когда же ее перевезли въ Симбирскъ, то и отецъ мой съ семействомъ перѣѣхалъ туда же. Надежда Ивановна, эта замѣчательная женщина, переносила тяжкую свою болѣзнь съ удивительнымъ терпѣніемъ, спокойствіемъ и даже веселостью, а смерть встрѣтила съ такою твердостію духа, къ какой немногіе бывають способны. Когда послѣ двукратнаго выпуска воды изъ ногъ, совершили въ третій разъ ту же операцию и когда ея докторъ, Шицъ, осматривая раны, говорилъ: «Очень, очень хорошо», она сказала ему: «Полно врать, жидъ. Я вижу, что теперь начинается послѣдняя исторія. Это совсѣмъ не то, что было прежде. Это Антоновъ огонь; я не боюсь смерти, я давно къ ней приготовилась. Говори, жидовское отродье, сколько мнѣ осталось жить?» Шицъ, привыкшій къ такимъ эпитетамъ, но всегда за нихъ злив-

шайся, неумолимымъ голосомъ ей отвѣчалъ: «Дня четыре проживете.» — «Вотъ спасибо, Иванъ Карычъ, отвѣчала больная, что сказаль правду. Теперь прощай; благодарю за хлоноты; больше ко мнѣ прошу неходить. Я сейчасъ прикажу съ тобой расплатиться.» Потомъ она собрала всѣхъ; объявила, что она умираеть, что больше лечиться не хочетъ и требуетъ, чтобы ее оставили въ покоѣ, чтобы въ ея комнатѣ не было ни одного человѣка, кромъ того, который будетъ читать ей Евангелие. «Все ли я исполнила, что должно? спросила она, обратясь къ моему отцу: не нужно ли еще чего?» — «Ничего, тетушка, отвѣчалъ мой отецъ, вы давно все сдѣлали» — «Такъ и прекрасно, заключила больная; прошу же обо мнѣ не беспокоиться. Извольте выйтіи.» Надежда Ивановна прожила пять дней. Во все время она, или читала молитвы, или слушала Евангелие, или пѣла священныя славословія. Ни съ кѣмъ не сказала она ни одного слова о дѣлахъ міра сего. По ея приказанію весь простились съ нею молча и она всякому говорила, даже своему дворнику, только три слова: «Прости меня грѣшную.» Обо всемъ этомъ увѣдомили меня чрезъ письма, но ничего другаго не сообщали. — Вскорѣ я получилъ извѣстіе, что у меня родилась третья сестра, что мать моя была отчаянно больна, но что, слава Богу, теперь все идетъ благополучно. Я сначала испугалася, потомъ обрадовалася, и наконецъ дальнѣйшія письма совершенно успокоили меня насчетъ здоровья матери.

Мы съ Александромъ II — вымъ продолжали усердно заниматься своими литературными упражненіями и посѣщеніями театра, а когда наступила весна — собиралиемъ бабочекъ. Къ стыду моему долженъ я признаться, что кромѣ любимыхъ предметовъ, мое ученье шло довольно слабо и что я сильно и много развлекался.

Къ числу такихъ развлечений я причисляю и то, что мы составили маленькое литературное общество, подъ предсѣдательствомъ Н. М. Ибрагимова. Основателями и первыми членами его были: Ибрагимовъ, студенты: В. Переvoщиковъ, Д. Переvoщиковъ, Н. Кондыревъ (онъ же секретарь), И. Панаевъ, А. Панаевъ, я, и гимназический учитель Богдановъ. Мы собирались каждую недѣлю по субботамъ и читали свои сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ. Всякой имѣть право давать замѣчанія, и статьи не рѣдко тутъ же исправлялись, если сочинитель соглашался въ справедливости замѣчаній; споровъ никогда не было. Принятое сочиненіе или переводъ вписывался въ заведенную для того книгу. Въ послѣдствіи, число членовъ умножилось, сочинили уставъ, и съ Высочайшаго утвержденія было открыто: «Общество любителей русской словесности при К. университете.» Оно и теперь не уничтожено, но пребываетъ въ совершенномъ бездѣйствіи, какъ и всѣ литературные общества. Я до сихъ поръ имѣю честь считаться его почетнымъ членомъ.

Въ это время случилось въ К. слѣдующее замѣчательное происшествіе, непосредственно касавшееся до меня. Тамъ быть частный, благородный пансионъ для особъ обоего пола г-на и г-жи Вильфингъ. Они не имѣли дѣтей, но воспитали бѣдную сироту, Марью Христофоровну Кермикъ, которая достигла уже совершенныхъ лѣтъ и была очень хороша собою. Григорій Иванычъ иногда видался съ Вильфингами и даже раза два бралъ меня къ нимъ съ собой; но я уже болѣе полугода не бывалъ у нихъ. Въ настоящее время я случайно, во время прогулки за городомъ, возобновилъ это знакомство, и вскорѣ красота Марии Христофоровны оказала и на меня свое дѣйствіе. Я разумѣется открылъся другу моему Александ-

ру; онъ очень обрадовался, бросился ко мнѣ на шею и поздравлялъ меня, что я начинаю жить. Онъ употреблялъ всѣ усилия раздуть искру, заронившуюся въ мое молодое сердце. Марья Христофоровна была девица очень тихая и скромная, такъ что всѣ ея обожатели, которыхъ было не мало, вздыхали по ней въ почтительномъ отдаленіи; о моихъ же чувствахъ, разумѣется, она не имѣла и понятія. Вдругъ, посреди мечтательныхъ надеждъ и огорченій, выражаемыхъ мною весьма плохими ребячими стихами, является въ К., проѣздомъ, какой-то путешественникъ, шведскій графъ; знакомится съ Вильфингами, всѣхъ очаровываетъ,ѣздитъ къ нимъ всякий день и проводитъ съ ними время отъ утра до вечера. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, красивой наружности, умный, ловкой и бойкой, говорившій на всѣхъ европейскихъ языкахъ, владѣвшій всѣми искусствами и сверхъ того сочинитель и въ стихахъ и въ прозѣ; въ три дня Вильфинги сошли отъ него съ ума; черезъ недѣлю влюбилась въ него Марья Христофоровна, а еще чрезъ двѣ недѣли онъ женился на ней и увезъ съ собою въ Сибирь, куда вѣхъ для какихъ-то ученыхъ изслѣдований, по порученію правительства, въ сопровожденіи чиновника, который служилъ ему переводчикомъ, потому что графъ не понималъ ни одного русскаго слова. Горько было Вильфингамъ разстаться съ своей воспитанницей, которую они любили, какъ родную дочь, но счастіе ея казалось такъ завидно, такъ неожиданно, такъ wysoko, что они не смѣли горевать. Дочь булочника,—а теперь жена графа, обожаемая мужемъ, человѣкомъ осыпаннымъ всѣми дарами образованности и природы! Отъ такого происшествія и не Нѣмцы сошли бы съ ума. Но увы! скоро загадка объяснилась. Мнимый графъ былъ самозванецъ, отъявленный плутъ и негодяй, весьма известный своими похожденіями

въ Германиі, по фамиліо Ашенбреннеръ, бѣжавшій отъ полицейскихъ преслѣдований въ Россію, принявшій русское подданство, проживавшій у нась въ разныхъ западныхъ губерніяхъ нѣсколько лѣтъ, попавшійся во многихъ мошенничествахъ и сосланный на жительство въ Сибирь; чиновникъ, сопровождавшій его, былъ точно чиновникъ, но—полицейскій, который везъ его секретно въ Иркутскъ, чтобы сдать съ рукъ на руки подъ строжайшій надзоръ губернатору. Все это было какъ-то скрыто отъ Вильфинговъ и отъ публики. Въ переводчикъ же путешественникъ не нуждался, потому что очень хорошо говорилъ по-русски, какъ узнали послѣ. Онъ самъ уведомилъ съ дороги Вильфинговъ о своемъ обманѣ, къ которому заставила его прибѣгнуть «всесильная любовь»; разумѣется называлъ себя жертвою клеветы враговъ; надѣялся, что будетъ оправданъ и вознагражденъ за невинное страданіе. Марья Христофоровна сама писала, что она все знаетъ, но тѣмъ не менѣе благодарить Бога за свое счастіе. Наконецъ кто-то прислалъ Вильфингамъ печатныя походженія мнимаго графа, въ двухъ томахъ, написанныя имъ самимъ на нѣмецкомъ языкѣ. Это былъ настоящій Видокъ того времени. Старики Вильфинги неутѣшио сокрушились. Что сдѣлалось въ послѣдствіи съ Марьей Христофоровной, я ничего узнать не могъ.—Такъ печально кончилась первая моя сердечная склонность.

На лѣтнюю вакацію я опять поѣхалъ въ Симбирское Аксаково, гдѣ жило тогда мое семейство. Я пріѣхалъ поздно вечеромъ; всѣ въ домѣ уже спали; но мать, ожидавшая меня въ этотъ день, услыхала шумъ, вышла ко мнѣ на крыльцо и провела меня прямо въ спальню. Послѣ радостныхъ объятій съ отцемъ и съ матерью, послѣ многихъ разспросовъ и разсказовъ, я легъ спать на софѣ

у нихъ въ комнатѣ. Проснувшись поутру довольно поздно, я услышалъ, что родители мои тихо разговаривали между собою о какихъ-то дѣлахъ, мнѣ неизвѣстныхъ. Наконецъ замѣтивъ, что я пересталъ храпѣть, мать тихо сказала моему отцу: «Надобно разсказать обо всемъ Сережѣ; вѣдь онъ ничего не знаетъ.» — «Расскажи, матушка», отвѣчалъ мой отецъ. — «Ты не спиши, Сережа!» — «Нѣтъ, маменька», отвѣчалъ я. — «Такъ поди же къ намъ. Мы расскажемъ тебѣ, что случилось съ нами. Мы теперь ботаты». Я всталъ, сѣлъ къ нимъ на постель и мнѣ, со всѣми мельчайшими подробностями, простиранно рассказали то, что я постараюсь разсказать въ нѣсколькихъ словахъ. Надежда Ивановна Куроѣдова, сдѣлавшись вдругъ тяжело больна водяною болѣзнию, немедленно укрылась моему отцу, судебнымъ порядкомъ, все свое движимое и недвижимое имѣніе. Черезъ нѣсколько дней все дѣло было улажено: весь уѣздный судъ и нѣсколько свидѣтелей, изъ числа извѣстныхъ и почетныхъ лицъ въ городѣ, прѣѣхали въ Чуфарово. Надежда Ивановна, въ присутствіи всѣхъ, подписала нужные бумаги и подтвердила ихъ особою сказкою и личнымъ удостовѣреніемъ. Когда все было кончено, она приказала подать шампанскаго, взяла бокаль и первая весело поздравила новаго владѣльца. Надобно сказать, что въ это время она была такъ тяжело больна, что лучший тогда докторъ Шицъ, привезенный немедленно изъ Симбирска, не имѣлъ надежды къ ея выздоровленію. Онъ рѣшился на выпускъ воды изъ ногъ, посредствомъ операциіи, нисколько не ручаясь за выздоровление больной; но силы ея были еще такъ крѣпки, что неиспорченная натура скоро побѣдила болѣзнь, и она въ самое короткое время совершило выздоровѣла. Къ-сожалѣнію, не вѣря простудѣ и считая діэту за выдумку докторовъ, Надежда Ивановна продолжала вести прежнюю

жизнь, простудилась, испортила желудокъ и получила рецидивъ водяной болѣзни. Вторичная операциія была уже не такъ удачна и только отдала печальную катастрофу. Больную перевезли въ Симбирскъ, где она, послѣ третьей операциіи, скончалась, о чемъ я уже говорилъ.

Боже мой, что значитъ богатство! Какъ оно разодрало глаза всѣмъ добрымъ людямъ! Какою завистью закипѣли сердца близкихъ пріятелей и даже родныхъ!

У Надежды Ивановны были бѣдные должники; объ нихъ докладывали при ея кончинѣ и она отвѣчала: «что у ней деньги не воровскія, не нажитыя сквернымъ поведеніемъ, и что она дарить ихъ не намѣрена.» Мои родители простили такихъ долговъ до 20 тысячъ, объявя должникамъ, что въ посльствіи Надежда Ивановна сама приказала денегъ съ нихъ не взыскивать. Этотъ поступокъ никого не обезоружилъ, не примирилъ съ богатыми наследниками, и мой отецъ съ матерью, очень огорченные, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ уѣхали на житѣе въ свое Оренбургское Аксаково.

По совѣсти скажу, что перемѣна состоянія не произвела на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія. Всю вакацію занимался я то ружьемъ, то бабочками, то театральными піесами. Я воротился въ университетъ точно такимъ же молодымъ, очень, очень небогатымъ студентомъ, и долго забывалъ даже сказать другу моему Александру П—ву о счастливой перемѣнѣ нашихъ обстоятельствъ. Но въ семействѣ своемъ я перемѣну замѣтилъ: поговаривали о переѣздѣ на зиму въ К.; написали въ Москву къ своему другу и комиссіонеру Андреяну Федорычу Аничкову, чтобы онъ пріскользъ и нанялъ Француженку въ гувернантки и учительницы къ моимъ сестрамъ; даже намѣре-

вались на будущій годъ сами ѿхать на зиму въ Москву, а лѣтомъ въ Петербургъ, для определенія меня на службу. Для исполненія этого послѣдняго намѣренія, было положено, чтобы въ слѣдующемъ 1807 году, я оставилъ университетъ (*). Я слушалъ все это довольно равнодушно, но къ Петербургу и къ службѣ никакого призванія не чувствовалъ; я даже думалъ, что это только одни разговоры, однѣ предположенія; но я ошибся. Черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ К., я получилъ письмо отъ отца, съ приказаніемъ пріскать и нанять большой помѣстительный домъ, гдѣ не только могло бы удобно расположиться все наше семейство, но и нашлись бы особья комнаты для двухъ родныхъ сестеръ моей матери по отцѣ, которыя жили до тѣхъ поръ въ домѣ В—хъ. Мать прибавляла, что она намѣрена для нихъ выѣзжать въ свѣтъ и потому должна познакомиться съ лучшою городскою публикою. Я очень этому обрадовался и за себя и за своихъ тетокъ, которыхъ искренно любилъ и съ которыми не рѣдко видался. Я немедленно нанялъ большой, каменный домъ купца Комарова и, въ ожиданіи моего семейства, перебрался въ него на антресоли и занялъ одну уютную комнатку.

Университетская жизнь текла прежнимъ порядкомъ; прибавилось еще два профессора Нѣмца, одинъ русской адъюнкты по медицинской части, Каменской, съ замѣчательнымъ даромъ слова, и новый адъюнктъ-профессоръ российской словесности, Г—въ, человѣкъ бездарный и отсталой, точь въ точь похожій на известнаго профессора

(*) Рановременный выходъ изъ университета и намѣреніе определить меня на службу было слѣдствіемъ совѣтовъ Григорыя Иваныча, который даже общалъ доставить мнѣ място въ Комиссіи Составленій Законовъ, чтобъ послѣ и сдѣлать.

Г—го или К—ва, нѣкогда обучавшихъ благородное россійское юношество. Я забыть сказатъ, что бѣдный Левицкій получилъ отъ невоздержности водяную и умеръ. Всъ мы искренно о немъ сожалѣли.—На первой лекціи, адъюнктъ-профессоръ Г—въ, сказатъ намъ пошлое, надутое привѣтствіе и, для лучшаго ознакомленія съ студентами, предложилъ намъ, чтобы всякий изъ насъ сказатъ, какого русскаго писателя онъ предпочитаетъ другимъ и какое именно мѣсто въ этомъ писатель нравится ему болѣе прочихъ. На такой вопросъ вдругъ отвѣтить очень мудрено и потому всякой отвѣтъ то, что прежде приходило ему въ голову. Многіе называли Карамзина, но Г—въ морщился и изъявлялъ сожалѣніе, что университетское юношество заражено этимъ опаснымъ писателемъ. Студентъ Фоминъ, сидѣвшій подъ меня, сказатъ мнѣ на ухо: «Посмотри, Аксаковъ, какъ я потѣшилъ этого господина.» Въ самомъ дѣлѣ, когда дошла до него очередь, Фоминъ всталъ и громко сказатъ: «Я предпочитаю всѣмъ писателямъ Сумарокова и считаю самыми лучшими его стихами послѣднія слова Дмитрія Самозванца, въ извѣстной трагедіи того же имени:

«Ступай душа во адъ и буди вѣчно пытна.»

Фоминъ сдѣлалъ движеніе рукою съ свернутой тетрадью, какъ-будто закололся книжаломъ и торжественно произнесъ:

«Ахъ если бы со мной погибла вся вселенная!»

Студенты едва удерживались отъ смѣха, но профессоръ пришелъ въ такое восхищеніе, что сѣжалъ съ каѳедры, вызвалъ Фомина къ себѣ, протянулъ ему руку и сказалъ, что желаетъ познакомиться съ нимъ покороче. Тутъ сдѣ-

лалъ онъ намъ объясненіе, что сильнѣе этого послѣдняго стиха пѣть ни въ одной литературѣ. Дошла очередь до меня. Я сказалъ, что всѣмъ предпочитаю Ломоносова и считаю лучшимъ его произведеніемъ оду изъ Іова. Лице Г—ва сіяло удовольствіемъ. «Потрудитесь же что-нибудь прочесть изъ этой превосходной оды», сказалъ онъ Я того только и ждалъ, надѣясь поразить профессора моей декламацией. Но какъ жестоко наказала меня судьба за мое самолюбіе и старовѣрство въ литературѣ! Вместо известныхъ стиховъ Ломоносова:

О ты, чтѣ въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!

я прочель, по непостижимой разсѣянности, слѣдующіе два стиха:

О ты, чтѣ въ горести напрасно
На службу ропщешь, офицеръ!

«Помилуйте, закричалъ профессоръ, это гнусная пародія на превосходную оду Ломоносова.» Я сконфузился, покраснѣлъ и поспѣшилъ начать:

О ты, чтѣ въ горести напрасно
На службу....

Вся аудиторія разразилась громкимъ смѣхомъ. Я осталъ-
бенъль отъ досады и смущенія, сгорѣль отъ стыда и не
понималъ, что со мною дѣлается. Профессоръ презритель-
но велѣлъ мнѣ сѣсть и продолжалъ допрашивать другихъ
студентовъ. Всю двухчасовую лекцію просидѣлъ я, какъ
на горячихъ угольяхъ. Я потомъ объяснился съ Г—мъ
и постарался увѣрить его, что это была несчастная ошиб-
ка и разсѣянность, совершенно неожиданная для меня
самого, что все это произошло отъ того, что я предъ

самой лекцией два раза слышалъ и одинъ разъ самъ прочелъ эту проклятую пародію; я доказалъ профессору, что коротко знакомъ съ Ломоносовымъ, что я по личному моему убѣждению назвалъ его первымъ писателемъ; узнавъ же, что я почитатель Шишкова, онъ скоро со мной подружился: Г—въ самъ былъ отчаянныи *Шишковистъ*. Въ глазахъ профессора я свои дѣла поправилъ, но отъ насмѣшекъ товарищѣ не было спасенія, покуда имъ не наскучило смыться надо мной. Смылись не столько надъ ошибкой моей, какъ надъ симпатіей съ Г—мъ. Несколько дней сряду большая часть студентовъ встрѣчали меня низкими поклонами, поздравленіями, что я нашелъ себѣ достойнаго единомышленника, то-есть, противника Карамзинскому направлению и обожателя Шишкова; каждый спрашивалъ о здоровьѣ Г—ва, моего друга и покровителя, давно ли я съ нимъ видѣлся, когда увижуся, и проч. и проч. Надоѣдали мнѣ такія шутки, споры не помогали, и кромѣ терпѣнья не было другого лекарства.

Между тѣмъ составился у насъ спектакль, давно затѣянный мною, въ которомъ я надѣялся окончательно восторжествовать надъ Дмитріевымъ. Я говорю о комедіи «Бѣдность и благородство души». Мы два раза пригласили на репетицію актера Грузинова, который, нерѣдко останавливалъ и поправляя игру моихъ товарищѣй, не сдѣлалъ мнѣ ни одного замѣченія, а говорилъ только: «очень хорошо, прекрасно!» Надежды мои блестательно оправдались: комедія «Бѣдность и благородство души» была сыграна, и не осталось ни одного почитателя Дмитріева, который бы не признался, что роль Генриха Блума я сыгралъ несравненно лучше его. Содержатель публичнаго театра, П. П. Есиповъ, подарилъ мнѣ кресло на всегдашній свободный входъ въ театръ. Это былъ послѣдній

университетский спектакль, въ которомъ я игралъ; послѣднее мое сценическое торжество въ К. Откровенно признаюсь, что воспоминаніе о немъ и теперь пріятно отзывается въ моемъ сердцѣ. Много есть неизъяснимо-обаятельного въ возбужденіи общаго восторга! Двигать толпою зрителей, овладѣть ихъ чувствами и заставить ихъ слиться въ одно чувство съ выражаемымъ тобою, жить въ это время одной жизнью съ тобою—такое духовное наслажденіе, которымъ долго остается полна душа, которое никогда не забываетъ!—У насъ былъ также давно затянутъ другой спектакль, и всѣ актеры и студенты пламенно желали его исполненія; но дѣло длилось, потому что трудно, не по силамъ нашимъ было это исполненіе. Рѣчь идетъ о «Разбойникахъ» Шиллера. Я не слишкомъ горячо хлопоталъ объ этомъ спектакль, потому что всегда заботился о достоинствѣ, о цѣльности представлениія піесы, а у насъ не было хорошихъ актеровъ для первыхъ ролей, для ролей Карла и Франца Моора. Наконецъ Карлъ нашелся. Это былъ молодой человѣкъ, не игравшій до сихъ порь на театрѣ, Александръ Иванычъ Васильевъ, находившійся тогда уже учителемъ въ гимназіи. Всѣ восхищались его чтеніемъ роли Карла Моора, кромѣ меня. Студенты очень любили Васильева, какъ бывшаго милаго товарища, и увлекались наружностью его, особенно выразительнымъ лицемъ, блестящими черными глазами и прекраснымъ органомъ; но я чувствовалъ, что въ его игрѣ, кромѣ недостатка въ искусствѣ, не доставало того огня, ни чѣмъ не замѣнимаго, того мечтательнаго, безумнаго одушевленія, которое одно можетъ придать смыслъ и характеръ этому лицу. Францъ Мооръ былъ положительно дуренъ. Я игралъ старика, графа Моора. Наконецъ мы срепетировали «Разбойниковъ», какъ могли, и предполагали дать ихъ на Святкахъ. Мое семейство давно уже было въ К. и я

очень радовался, что оно увидитъ меня на сценѣ; особенно хотѣлось мнѣ, чтобы посмотрѣла на меня мой другъ, моя красавица-сестрица; но за недѣлю до представлениія, получено было отъ высшаго начальства запрещеніе играть «Разбойниковъ».

~~2~~
 Я сказалъ уже, что мое семейство давно пріѣхало; это было по первому зимнему пути, въ половинѣ ноября. Я не стану распространяться о томъ, какъ устроивала свое городское житѣе моя мать, какъ она взяла къ себѣ своихъ сестеръ, познакомилась съ лучшимъ К—мъ обществомъ, дѣлала визиты, принимала ихъ, вывозила своихъ сестеръ на вечера и на балы, давала у себя небольшіе вечера и обѣды: я мало обращалъ на нихъ вниманія; но помню, какъ во время одного изъ такихъ обѣдовъ пріѣхала къ намъ изъ Москвы первая наша гувернатка, старуха француженка, мадамъ Фуасье, какъ влетѣла она прямо въ залу съ жалобою на извоюиковъ и всѣхъ насъ переконфузила, потому что всѣ мы не умѣли говорить по французски, а старуха не знала по русски.

Наступилъ 1807 годъ. Шла рѣшительная война съ Наполеономъ. Впервые учредилась милиція по всей Россіи; молодежь бросилась въ военную службу, и некоторые изъ пансионеровъ, особенно изъ своекоштныхъ студентовъ, подали просьбы объ увольненіи ихъ изъ университета для поступленія въ дѣйствующую армію: въ томъ числѣ и мой другъ, Александръ П—въ, съ старшимъ братомъ своимъ, нашимъ лирикомъ, Иваномъ П—вымъ. Краснѣя признаюсь, что мнѣ тогда и въ голову не приходило «летѣть съ мечемъ на поле брани», но старшіе казенные студенты, всѣ черезъ годъ назначаемые въ учителя, рвались стать въ ряды нашихъ войскъ, и поприще ученой дѣятельности,

на которое они охотно себя обрекали, вдругъ имъ опредѣлило; обязанность прослужить шесть лѣтъ по ученой части, вдругъ показалась имъ несноснымъ бременемъ. Сверхъ всякого ожиданія, въ непродолжительномъ времени, исполнилось ихъ горячее желаніе. казеннымъ студентамъ позволено было вступать въ военную службу. Это произошло уже послѣ моего выхода изъ университета. Многихъ замѣчательныхъ людей лишилась наука, и только некоторые остались вѣрны своему призванию. Не одинъ Пере-вощиковъ, Симоновъ и Лобачевскій попали въ артиллерий-скіе офицеры и почти все погибли рановременною смертью.

Въ январѣ 1807 года, подальше я просьбу объ увольнѣніи изъ университета для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Подавъ просьбу, я пересталъ ходить на лекціи, но всякой день бывалъ въ университетѣ и проводилъ все свободное время въ задушевныхъ, живыхъ бесѣдахъ съ товарищами. Иногда мы даже разыгрывали сцены изъ «Разбойниковъ» Шиллера: привязывать себя Карль Moorъ (Васильевъ) къ колоннѣ вмѣсто дерева; говорить онъ кипучую рѣчь молодаго Шиллера; отвязывать Карла отъ дерева Швейцеръ (Баласниковъ), и громко клялись разбояннику умереть съ своимъ атаманомъ....

Въ мартѣ получиль я аттестатъ, по истинѣ не заслуженный мною. Мало вынесъ я научныхъ свѣденій изъ университета, не потому что онъ бытъ еще очень молодъ, не полонъ и не устроенъ, а потому, что я бытъ слишкомъ молодъ и дѣлски увлекался въ разныя стороны страстью моей природы. Во всю мою жизнь чувствовалъ я недостаточность этихъ научныхъ свѣденій, особенно положительныхъ знаній, и это много мѣшало мнѣ и въ служебныхъ дѣлахъ и въ литературныхъ занятіяхъ.

Накануне дня, назначенного къ отъезду, пришелъ я проститься въ послѣдній разъ съ университетомъ и товарищами. Обнявшись, длинной вереницей, исходили мы всѣ комнаты, аудиторіи и залы. Потомъ крѣпко, долго обнимались и целовались. Прощаюсь навсегда, толпа студентовъ и даже гимназистовъ высыпала проводить меня на крыльцо; медленно сходилъ я съ его ступеней; тяжело, грустно было у меня на душѣ; я обернулся, еще разъ взглянулъ на товарищей, на зданіе университета — и пустился почти бѣгомъ... за мною неслись знакомые голоса: «прощай, Аксаковъ, прощай!»

Прощай, шумная, молодая, учебная жизнъ! Прощайте первые невозвратные годы юности пылкой, ошибочной, не разумной, но чистой и благородной! Ни свѣтъ, ни домашняя жизнь со всѣми ихъ дрянностями еще не помрачали вашей ясности! Стѣны гимназіи и университета, товарищи — вотъ что составляло полный міръ для меня. Тамъ разрыгались молодые вопросы, тамъ удовлетворялись стремленія и чувства! Тамъ быть судъ, осужденіе, оправданіе и торжество! Тамъ царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, ко всѣмъ своекорыстнымъ разсчетамъ и выгодамъ, ко всей житейской мудрости — и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ и, непримѣтно для него, освѣщаетъ и направляетъ его шаги въ продолженіе цѣлой жизни, и куда бы его ни занесли обстоятельства, какъ бы ни втолтали въ грязь и тину, — она выводить его на честную, прямую дорогу. Я, по крайней мѣрѣ, за все, что сохранилось во мнѣ доброго, считаю себя обязаннымъ гимназіи, университету, общественному ученію и тому живому началу, которое вынесъ я оттуда. Я убѣждень, что

у того, кто не воспитывался въ публичномъ, учебномъ заведеніи, остается пробѣль въ жизни, что ему не достаетъ нѣкоторыхъ, неиспытанныхъ въ юности, ощущеній, что жизнь его не полна....

По самому послѣднему зимнему пути, поѣхали мы въ Аксаково, гдѣ ждала меня весна, охота, природа, проснувшаяся къ жизни, и прилетѣ птицы; я не зналъ его прежде, и только тогда увидѣлъ и почувствовалъ въ первый разъ—и вылетѣли изъ головы моей, на ту пору, война съ Наполеономъ и университетъ съ товарищами.

A handwritten signature in black ink, appearing to read "Иван Тургенев". It consists of a large oval loop on the left, followed by a stylized "m" shape, and a horizontal line underneath.

ЯКОВЪ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ
ШУШЕРИНЪ.

THE CROWN AND STANDARD

ЯКОВЪ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ

ШУШЕРИНЪ

и

СОВРЕМЕННЫЯ ЕМУ ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗНАМЕНИТОСТИ.

Въ началѣ 1807-го года, оставилъ я К.,,Лій университетъ и получилъ аттестатъ, съ прописаніемъ такихъ наукъ, какія я зналъ только по наслышкѣ и какихъ въ университете еще не преподавали. Этого мало: въ аттестатѣ было сказано, что въ иѣкоторыхъ «оказалъ я значительные успѣхи», а иѣкоторыми «занимался съ похвальнымъ прилежаніемъ». Вмѣсть съ моимъ семействомъ, отправился я, по послѣднему зимнему пути, въ Оренбургскую губернію, въ мое любимое Аксаково, которое тогда не называлось еще селомъ Знаменскимъ. Въ первый разъ встрѣтилъ я весну въ деревнѣ уже не мальчикомъ, въ первый разъ предался вполнѣ моей страсти къ ружью, которою до тѣхъ поръ я занимался урывками во время лѣтнихъ вакацій. Весна, лѣто и осень, пролетѣли, какъ пріятный сонъ, и съ наступленіемъ зимы, отправились мы въ Москву съ тѣмъ, чтобы весноюѣхать въ Петербургъ,

гдѣ хотѣли опредѣлить меня въ службу. Въ Москвѣ прожили мы около семи мѣсяцевъ. Я любилъ театръ не менѣе ружья, и сдѣлался его постояннымъ посѣтителемъ. Вдругъ дошла до меня вѣсть, что бывшая к....ая актриса Феклуша (*), отъ которой я былъ всегда въ восхищении (вмѣстѣ со всей к....ой публикой), — бѣжала отъ своего господина, вышла за знакомаго мнѣ, очень хорошаго молодаго человека, г-на Пети, служившаго въ к....ы почтамтъ, иѣдетъ въ Москву, чтобы дебютировать на московскомъ театрѣ. Мнѣ сказали, что извѣстный и уважаемый тогда, актеръ Плавильщикова, за нѣсколько лѣтъ прѣѣзжавшій въ К....ъ, много разъ игравшій съ Феклушки и всегда замѣчавшій ея талантъ, самъ пригласилъ ее на московскую сцену. Я часто видался въ Москвѣ съ бывшимъ товарищемъ моимъ по гимназіи, но гораздо меня старшимъ годами, П. М. Алексинымъ, служившимъ въ артиллеріи и стоявшимъ съ своей батареей въ Москвѣ. Я поспѣшилъ сообщить ему неожиданную и радостную новость; онъ былъ

(*) Крестьянская девушка содержателя к....го театра, П. П. Е....ва, который, по страсти своей къ театру, посвятилъ всю свою жизнь на устройство его въ К....и, чтобъ, разумѣется, стоило ему очень дорого; но К....ъ обѣзана П. П. Е....ву полной благодарностью; К....ъ имѣла замѣчательный театръ тогда, когда губернскихъ театровъ, и то весьма плохихъ, въ цѣлой Россіи было очень мало. Главные актеры и акрисы к....го театра были слѣдующіе: г. Волковъ, режиссеръ и театральный utilit , на всякия роли; г. Грузиновъ на роли благородныхъ отцовъ; г. Растворгувьевъ на роли молодыхъ любовниковъ, поваръ и весельчаковъ; г. Прѣтковъ на роли слугъ. Это были актеры наемные. Всѣ остальные принадлежали г-ну Е....ву. Федоръ Львовъ — герой и первый любовникъ; Михайла Колмыковъ — главный комикъ; Николай Комаковъ — буфф арлекинъ; Анисы Комакова — любовница въ драмахъ и комедіяхъ; Фекла Аникиева — первый талантъ на роли первыхъ любовницъ въ трагедіяхъ, драмахъ, комедіяхъ и операхъ; Мареа Аникиева — молодая любовница предпочтительно въ операхъ. Впрочемъ, въ случаѣ надобности — всѣ играли въ операхъ. Другихъ актеровъ и актрисъ не помню.

такимъ же горячимъ поклонникомъ таланта Феклушки, какъ и я, и мы оба были твердо увѣрены, что появленіе ея на московской сценѣ произведеть общій восторгъ. Постоянно справляясь у Плавильщика, не прѣхала ли наша геніальная дебютантка, мы наконецъ узнали, что она въ Москвѣ, и достали ея адресъ. Въ тотъ же день я и Алехинъ отыскали Феклушу. Въ Старой Конюшенней, въ приходѣ Иоанна Предтечи, въ полуразвалившемся домишкѣ дьякона, занимала двѣ комнатки г-жа Пети съ своимъ мужемъ и новорожденной дочерью: присутствіе бѣдности было видно во всемъ. Съ юношескимъ жаромъ высказали мы все, что было у насъ на душѣ: и наши к.....е восторги, и наши московскія надежды. Съ живымъ удовольствіемъ вспоминаю теперь, какое благотворное впечатлѣніе произвели мы на бѣднаго Пети и жену его, которые были очень смущены холоднымъ пріемомъ начальства московской театральной конторы и некоторыхъ актеровъ. Плавильщикъ усердно хлопоталъ, чтобы г-жѣ Пети позволили дебютировать и чтобы скорѣе назначили ей время дебютовъ; онъ ручался за ея успѣхи, не примѣчая того, что это ручательство никому не нравилось. Отказать Плавильщику и дебютанткѣ, не было возможности; но въ назначеніи дебюта нашлось множество препятствій. Пети хотѣла начать трагедіей; предлагала болѣе десяти піесъ, которая всѣ игрались на московскомъ театрѣ, и всѣ эти піесы, по какимъ-то особеннымъ причинамъ, не могли быть скоро даны; наконецъ Плавильщикъ вытащилъ изъ старого репертуара давно забытую трагедію Княжнина «Софонисбу», и начальство согласилось. Въ этой трагедіи такъ мало было интереса и для тогдашней публики, что дебютанткѣ надобно было имѣть не только большой трагический талантъ, но и громкую известность, чтобы явиться съ успѣхомъ въ роль несчастной Софонисбы. Надобно къ

этому прибавить, что тогдашней любимицею Москвы была актриса Воробьевая, въ самомъ дѣлѣ имѣвшая много неподдельного чувства (*). Ея многочисленные почитатели, а можетъ быть и она сама, подумали, что Плавильщикова, находившійся не въ ладахъ съ Воробьевой, хочетъ ее скабалировать, какъ тогдѣ выражались, и выписалъ для этого какую-то провинціальную актрису. Они поспѣшили распустить невыгодные слухи о новой дебютанткѣ и подготовили ей холодный прѣмъ. Я быль зрителемъ этого несчастнаго спектакля. Казалось, все было соединено, чтобы произвѣсть на публику непріятное впечатлѣніе. Трагедія состояла изъ трехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Сифакса, цара Нумидскаго, супруги его, Софонисбы, и Массиниссы, князя Нумидскаго, разумѣется съ неизбѣжными наперсниками. Сифакса игралъ нестерпимый актеръ, г. Прусаковъ, а Массиниссу—Плавильщикова. Я пришелъ въ ужасъ, когда появилась на сцену Софонисба: маленькаго роста, черненькая, худенькая, одѣтая въ нелѣпый костюмъ, очень плохо приложенный къ ея росту..... Смѣхъ встрѣтилъ несчастную дебютантку; отъ природы слабый ея голосъ почти прерывался и едва быль слышенъ отъ сильнаго смущенія. Плавильщикова, замѣтя, что дѣло идетъ плохо, вздумала поддержать піесу и ободрить дебютантку усиленіемъ собственной игры: онъ поднялъ на цѣлую октаву свой, и безъ того громкой голосъ, и недостатокъ внутреннаго огня—вознаграждалъ безпощадными криками и жестами; въ порывѣ усердія онъ задѣлъ пальцемъ за свой парикъ, который взмылъ очень высоко вверхъ, быль подхваченъ имъ налету и проворно надѣтъ на голову. Не смотря на уваженіе къ Плавильщиковой, зрители расхо-

(*) Торжествомъ г-жи Воробьевой была роль Берты, въ «Гусситахъ подъ Наумбургомъ.» Я самъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ все плакали назрѣдѣ, слушая страданія матери, и самъ плакалъ имѣстъ съ другими зрителями.

хотались. Мы съ Алексинымъ, особенно я находился въ страдательномъ положеніи. Не взирая на всю эту ужасную обстановку, было несолько выражений, сказанныхъ Феклушою съ такимъ чувствомъ, что они произвели впечатлѣніе на публику а слова Софонисбы: «Прости въ послѣдній разъ!» говоря которыхъ, она бросилась въ объятія Массиниссы, втораго своего супруга,—были проникнуты такою силою внутренняго чувства, такою выразительностью одушевленной мимики, что зрители увлеклись; взрывъ громкаго рукоплесканія потрясъ театръ, и многіе закричали браво; но это не поправило дѣла: трагедія надѣла до смерти зрителямъ, и когда, по окончаніи пьесы, мы съ Алексинымъ и несколькими приятелями Плавильщика вѣдумали вызывать дебютантку — общее шиканье и смѣхъ заглушили наши вызовы. Жалко было смотрѣть намъ на бѣдную г-жу Петѣ, которая подъ именемъ Феклушки, привыкла въ К..... и десять лѣтъ сряду приводить зрителей въ восторгъ своей игрой, и которую рукоплесканія постоянно встречали на сценѣ и провожали со сцены. Не менѣе была жалокъ и сконфуженъ мужъ ея, страстно любившій свою жену и считавшій ее геніальныемъ талантомъ. Но дебютантка не совсѣмъ потеряла присутствіе духа и надѣлась на свой второй дебютъ, который былъ назначенъ черезъ недѣлю, въ комедіи «Ошибки или утро вѣчера мудренье». Петѣ должна была играть Софью, дочь Старомыслова. Я видѣлъ не одинъ разъ въ К... и Феклушу въ этой роли, и хотя восхищался ею тогда, но теперь начиналъ смутно понимать, что второй дебютъ будетъ неудачиѣ первого и что та половина роли, въ которой Софья является свѣтской петербургской девушки—будетъ сыграна дебютанткой дурно. Предчувствія мои оправдались, хотя я и не былъ зрителемъ втораго дебюта, потому что透过 three days отправился вмѣстѣ съ своимъ семействомъ

въ Петербургъ, гдѣ и получилъ скоро отъ Алехина горестное описание втораго дебюта г-жи Пети (*).

Въ продолжение моего трехъ-месячнаго личнаго знакомства съ этими двумя, по истинѣ жалкими существами, я бывалъ у нихъ почти ежедневно. Я называлъ ихъ жалкими не потому, чтобы они были несчастны; они, пожалуй, даже были счастливы въ настоящемъ, потому что искренно, горячо любили другъ друга; но ихъ будущность казалась мнѣ и Алехину, не смотря на нашу молодость,— весьма не благонадежною, и даже зловѣщею. Впрочемъ, кажется Алехинъ, который былъ старѣ и разумнѣе меня, внушилъ мнѣ такія мысли. Вотъ краткая исторія обоихъ Пети: Феклуша, крѣпостная актриса г-на Е.....ва, была не хороша собою, но со сцены казалась красавицей; она имѣла черные выразительные глаза, а вечернее освѣщеніе, бѣлилы и румяны доканчивали остальное. Въ ея игрѣ, которая не успѣла сформироваться по образцамъ петербургскихъ артистовъ, хотя помѣщикъ два года водилъ въ театръ и училъ своихъ главныхъ актеровъ и актрисъ — было много естественности и неподдельнаго внутренняго чувства. Живя въ Петербургъ, г-нъ Е.....въ возилъ иногда Феклушу и другаго актера, Федора, даже къ Дмитревскому, который прошелъ съ ними нѣсколько ролей. Феклуша сказывала мнѣ, что Иванъ Аѳанасьевъ очень ее хвалилъ, очень ласкалъ и называлъ «*mon petit d閙on*». Все это потомъ подтвердилъ мнѣ самъ Дмитревскій. Феклуша на сценѣ вохихала всѣхъ безъ исключенія, а многихъ молодыхъ людей сводила съ ума. Надобно замѣтить, что она была скромная девушка. Въ числѣ ея обожателей былъ юноша очень пріятной наружности, тихій и

(*) Г-жа Пети, не принятая на московскую сцену, опредѣлилась на какой-то губернскій театръ и вскорѣ умерла. Что сдалось съ ея мужемъ — не знаю.

застычливый, т-р Petit, Французъ по фамиліи, неумѣвшій и говорить по-французски. Какъ онъ попалъ въ К....ъ и почему служилъ при почтамтѣ—не знаю. Я, бывая иногда съ Г. И. К. у Г. К. Воскресенскаго, (сынъ котораго былъ моимъ товарищемъ въ гимназіи), также почтамтскаго чиновника, видѣлъ у него иѣсколько разъ г-на Пети. Этотъ тихій юноша влюбился въ Оеклушу, будучи еще семнадцати лѣтъ. Долго любилъ онъ безмолвно, не замѣчаемый предметомъ своей любви; но постоянство восторжествовало. Черезъ иѣсколько лѣтъ Пети возмужалъ, Оеклуша его замѣтила и полюбила; эта, уже взаимная любовь, тянулась еще два года. Наконецъ цѣлый городъ принялъ въ ней участіе и хлопоталъ о соединеніи влюбленныхъ; но г. Е.....въ ни за что на это не соглашался. Причина была очевидна. Онъ предчувствовалъ, что театръ лишится Оеклуши. Общество разсердилось, и иѣсколько известныхъ молодыхъ людей помогли Пети увезти Оеклушу и обвенчаться съ нею. Дѣлать было нечего: г. Е.....въ принужденнымъ нашелся простить свою бѣглышку, потому что за нее вступилась аристократія К....ни и самъ губернаторъ. Оеклуша точно не долго осталась при к. ....мъ театрѣ. У т-ра Petit не было никакого состоянія, кроме маленькаго жалованья, котораго онъ лишился, оставя службу при почтамтѣ; но у Оеклуши было накоплено около 2,000 рублей ассигнаціями; эта сумма составилась изъ подарковъ к. ....ой публики. Тамъ существовало обыкновеніе, чemu я самъ бывалъ свидѣтелемъ не одинъ разъ,—бросать деньги актеру или актрисѣ прямо на сцену во время самого представлѣнія, для изъявленія своего удовольствія. Иногда дѣлали складчину заранѣе, иногда импровизировали ее тутъ же, въ креслахъ: чай-нибудь кошелекъ наполнялся серебромъ и золотомъ, или ассигнаціи завертывались въ бумагу, и подарокъ бросался къ ногамъ дѣйствующаго лица, иногда

въ самой патетической сценѣ. Я видѣлъ, какъ сумасшедшая Нина (въ извѣстной оперѣ «Нина или сумасшедшая отъ любви») приходила въ себя, поднимала кошелекъ, клала его въ карманъ, раскланивалась съ зрителями и — дѣлалась опять сумасшедшою Ниною. Такіе знаки одобрения состояли не менѣе какъ изъ ста рублей, а въ экстренныхъ случаяхъ доходили и до 200 руб., разумѣется, ассигнаціями. Чаще всѣхъ получала ихъ Феклуша, и она говорила мнѣ, что если бы умѣла беречь деньги, то могла бы скопить и пять тысячъ рублей. Весьма было простиительно бѣдной Феклуше повѣрить общимъ, восторженнымъ похваламъ кого-то театраловъ и вообразить, что стоитъ ей только показаться на московской сценѣ, чтобы заслужить благосклонность публики, получить хорошее жалованье и со временемъ — громкую славу. Нечего говорить, что влюбленному мужу своему она казалась чудомъ совершенства.... И вотъ они отправились въ Москву. Дорога и нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ ожиданіи дебютовъ, истощили ихъ маленький капиталъ, и я напѣль ихъ уже въ крайности, но полныхъ надеждъ на счастливое будущее. Я старался ободрять ихъ и долженъ сказать, что мое теплое участіе было принятаемо ими съ горячей благодарностью. Одинъ разъ встрѣтился я у нихъ страстнаго любителя театра, московскаго купца Какуева, имя котораго я забылъ; онъ былъ уже старикъ, очень привѣтливый, и почтенной наружности; онъ былъ большой пріятель съ Плавильщиковымъ и черезъ него познакомился съ Пети. Разумѣется, меня также съ нимъ познакомили; нахвалили ему мое чтеніе и мои сценическія способности (*). Старикъ очень меня полюбилъ, обласкалъ

(*). Я много игрывалъ въ К....и, изъ университетскаго театра, что известно уже моимъ читателямъ.

слушаль мое чтеніе и даже цѣлую сцену изъ «Ненависти къ людямъ и раскаянія», которую мы съ Феклушей ему продекламировали; я игралъ Мейнау, а г жа Пети, Эйла-лю. Какуевъ сказалъ мнъ, что онъ вполнѣ цѣнитъ мое дарованіе, но въ тоже время видить, что я стою на ложной дорогѣ. Зная, что черезъ нѣсколько дней я долженъ отправиться въ Петербургъ, Какуевъ предложилъ мнъ, познакомить меня съ его другомъ въ Петербургѣ, съ однимъ изъ умнѣйшихъ актеровъ, Яковомъ Емельяновичемъ Шушеринимъ. Я принялъ съ восхищеніемъ и благодарностью такое предложеніе. За день до моего отъѣзда оба Пети и я провели вечеръ у почтенного любителя театра, Какуева, и онъ написалъ и отдалъ мнъ обѣщанное письмо къ Шушерину.

Какъ настоящіе низовые дворяне, зажившіеся въ деревнѣ, которымъ не столько по скучности, сколько по не-привычкѣ кажутся дикими всякие расходы, мы и въ Петербургѣ отправились на своихъ лошадяхъ. Тамъ ожидала насъ уже нанятая, не дорогая квартира въ Коломнѣ, приготовленная Григорьевъ Иванычемъ К....мъ. Кромѣ его, у насъ было въ Петербургѣ только два дома знакомыхъ: Д. Б. Мертваго и В. В. Р....ий, да двое молодыхъ людей Мартыновыхъ. Давши одинъ день отдохнуть лошадамъ, запрягли четверку въ дорожную карету, одѣли меня въ студентской мундиръ, вооружили шпагою, треугольной шляпой и послали съ визитами въ оба вышеупомянутые дома. Я отправился, и не забылъ положить въ карманъ письмо Какуева къ Шушерину. Мертваго, мой крестный отецъ, служилъ тогда генералъ-провіантъ-мейстеромъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ честнѣйшихъ и любезнѣйшихъ людей. Р....ий тоже былъ честнѣйший человѣкъ, но сурово-строгий и неблагосклонный старикъ; онъ былъ другомъ и помощникомъ известнаго А. Ф. Лабзина, главы тогдашихъ мартинистовъ.

Вся братія считала его фанатикомъ. Посидѣвъ не по долгу въ обоихъ этихъ домахъ, я поспѣшилъ отыскать квартиру Шушерина, который жилъ на Сѣнной площади. Сидя въ каретѣ, я сочинилъ великолѣпныя фразы, которыя собирался продекламировать, отдавая письмо,—что и исполнилъ. Въ послѣдствіи, Шушеринъ много смеялся, вспоминая эту *рацею* (какъ онъ называлъ). Шушерину было тогда 60 лѣтъ; но его физическая и умственная силы находились въ полной крѣпости мужества, и онъ самъ говоривалъ мнѣ, что не намѣренъ прожить менѣе ста лѣтъ. Черты лица Шушерина были не хороши: носъ небольшой, нѣсколько вздернутый къ верху, широкія скулы и маленькие сѣрые глаза, но за то выразительные, умные, даже хитрые. Все лицо для сцены было невыгодно, потому что не имѣло рѣзкихъ чертъ, лишено было подвижности физіономіи. Много впослѣдствіи слыхалъ я жалобъ Шушерина на эти недостатки, которые мѣшали его сценическимъ успѣхамъ и которые надобно было преодолѣть, переливая все внутреннее чувство въ выраженіе глазъ и одушевленный голосъ.—Шушеринъ, одѣтый какъ больной, въ туфляхъ, халатѣ и колпакѣ, принялъ меня въ гостиной; выслушавъ не улыбнувшись мою торжественную рѣчь, сказалъ нѣсколько самыхъ вѣжливыхъ словъ, усадилъ на креслахъ возль себя и попросилъ позволенія прочесть письмо Какуева. Прочитавъ его, онъ посмотрѣлъ на меня проницательными глазами и сказалъ: «Послушайте, молодой человѣкъ, будемте говорить по просту. Если все то, что пишетъ мнѣ объ васъ старинный мой пріятель Какуевъ, совершенно справедливо, то мы придемъ другъ-другу по сердцу. Въ настоящее время, вашъ пріѣздъ въ Петербургъ случился для меня очень кстати. Я старъ и боленъ (я посмотрѣлъ на него вопросительно); службы моей при театрѣ продолжать не могу. Я лечусь (и онъ указалъ

мнъ на столикъ, уставленный стаканками съ лекарствами) и не выхожу изъ комнаты. Ваше общество будетъ для меня очень пріятно. Вы человѣкъ образованный, учились въ университѣтѣ, занимаетесь литературой и страстию любите, какъ мнъ пишутъ, театръ и желаете имѣть доброго руководителя въ игрѣ на сценѣ; я учился, правда, на мѣдныхъ деньги, но Богъ не обидѣлъ меня дарованіемъ. Я много видѣлъ на своемъ вѣку, много вытерпѣлъ, до всего дошелъ самъ и горжусь тѣмъ. Я всегда любилъ знакомство съ умными, просвѣщенными людьми, и оно лучшіе книгъ замѣнило мнъ недостатокъ воспитанія. Я всегда буду вамъ радъ, особенно по вечерамъ. Вечеръ мой начинается въ шесть часовъ и оканчивается въ десять. Мы будемъ читать и разговаривать. Мнъ пріятно будетъ вспомнить исторію моего актерскаго образованія, а вамъ будетъ интересно и не безполезно ее послушать....» Эти слова привели меня въ восхищеніе. Мнъ представилась такая пріятная будущность, такое неожиданное исполненіе моихъ мечтательныхъ желаній и несбыточныхъ надеждъ, что я мгновенно соскочилъ съ декламаторскихъ ходуль, бросился на шею къ Шушерину и далъ полную свободу моей живой и горячей природѣ. Переставъ корчить степенного молодаго человѣка, и даже педанта—явился я восемнадцатилѣтнимъ, откровеннымъ, простымъ юношей, который въ одинъ часъ выболталъ все, что шевелилось у него на сердцѣ и роилось въ молодой головѣ. Впослѣдствіи Шушеринъ часто съ удовольствіемъ вспоминалъ объ этой быстрой перемѣнѣ и признавался, что именно за эту перемѣну полюбилъ меня. Напившись кофе у Шушерина и даже позавтракавъ, я воротился домой, гдѣ нѣсколько удивились моему долгому отсутствію. Я нашелъ у насъ Григорья Иваныча К...го. Я обрадовался ему вдвое, какъ истинному другу нашего семейства и какъ моему

безкорыстному воспитателю. К...ий хорошо зналъ мою безумную страсть къ театру и поспѣшилъ сообщить мнѣ, что въ этотъ вечеръ знаменитая мадамъ George, въ первый разъ дебютируетъ на петербургской сценѣ. Дебютантка являлась въ самой блестательной своей роли — въ Распиновой Федрѣ. Разумѣется, у меня загорѣлось сильное желаніе ее видѣть. К...ий меня увѣрилъ, что кресель достать теперь уже нельзіи, но что можно найти мѣсто въ партѣ, если отправиться туда часа въ четыре. Меня не устрашала скуча дожидаться болѣе двухъ часовъ до начала представленія; но я боялся, что мы сядемъ поздно обѣдать, а безъ обѣда матушка ни за что меня не отпустить, ибо у насъ обѣдали двое Мартыновыхъ: первый изъ нихъ П. П. служилъ тогда штабсъ-капитаномъ въ Измайловскомъ полку, а другой А. П. служилъ въ Банкѣ и былъ ревностнымъ поклонникомъ Лабзина. Досадуя на такое препятствіе, я хлопоталъ изъ всѣхъ силъ, чтобы дали поскорѣе обѣдать, и какъ мы не имѣли еще привычки обѣдать слишкомъ поздно, то въ половинѣ четвертаго сѣли за столъ. Но увы, обѣдъ тянулся нестерпимо долго. Нашъ деревенской поваръ и наши деревенскіе лакеи заставляли насъ дожидаться каждого блюда дѣбрыхъ четверть часа, а блюдо было много. Мое волненіе и нестерпініе становились замѣтными для всѣхъ. К...ий вздумалъ меня успокоить и обратился ко мнѣ съ улыбкой, которая сейчасъ меня разсердила. «Послушайте, сказалъ онъ, если вы не попадете сегодня въ театръ и не увидите первого дебюта мадамъ George, то я доставлю вамъ такое утѣшеніе, какого вы не ожидаете.» «Покорно вѣсь благодарю, отвѣчалъ я громко; на этотъ разъ, я желалъ бы только одного, чтобы мнѣ позволили встать изъ-за стола и отправиться въ театръ.» — «Но вы не знаете, продолжалъ онъ, что утѣшеніе, которое я вамъ хочу пред-

ложить, также касается до театра.»—«Это какъ-то странно, сказаль я голосомъ, въ которомъ слышно было сильное огорченіе и раздраженіе; но если такъ, то говорите; теперь уже пятый часъ, и я теряю надежду увидѣть первый дебютъ м-lle George. Я довольно огорченъ, утѣшайтесь.»—«Я познакомлю васъ съ замѣчательнымъ талантомъ и очень умнымъ человѣкомъ, съ Шушериннымъ.»—«Еще разъ, покорно благодарю, возразилъ я; но вы опоздали: сегодня я два часа сидѣль у него, и мы съ нимъ друзья.»—Въ короткихъ словахъ рассказалъ я К...му, какъ это случилось. Между тѣмъ нетерпѣніе мое возрасло до крайней степени. Я не могъ владѣть собою, и въ то же время мнѣ было такъ совсѣмъ постороннихъ людей, которые смотрѣли на меня съ удивленіемъ, что я готовъ бытъ заплакать. Мать моя сжалилась надо мною, и чтобы избавить меня отъ какихъ-нибудь глупостей, рѣшилась отпустить въ театръ. «Встань, сказала она; я попрошу извиненія у нашихъ любезныхъ гостей за твою неучтивость.» Не нужно было повторять этого позволенія. Большой каменный театръ находился очень близко, и черезъ десять минутъ, я стоялъ уже въ партерѣ, который былъ такъ полонъ, что только двое зрителей рѣшились втиснуться послѣ меня. Въ серединѣ партера кому-то сдѣлялось дурно; я воспользовался движеніемъ толпы, и когда выводили больного, подвинулся значительно впередъ. Наконецъ началась «Федра», которую никто не слушалъ до появленія дебютантки. Хотя я ничего подобнаго м-lle George не видывалъ, но внутреннее чувство сказали мнѣ истину и я не раздѣлялъ общаго восторга зрителей, которые такъ хлопали и кричали, что, казалось, дрожали стѣны театра. Я осмѣлился сказать своимъ сосѣдямъ, что дебютантка слишкомъ поетъ стихи и что игра ея холодна. Дорого стоила мнѣ моя откровенность: около меня стояли

и сидѣли по большої части Французы, и я быль осмѣянъ и обруганъ безъ пощады. Впослѣдствіи я прислушался къ пѣню Mr. George и оно меня уже не поражало, но первое впечатлѣніе мое насчетъ холодности ея игры утвердилось еще болѣе, и несмотря на европейскую знаменитость этого таланта, я осмѣлюсь сказать и теперь, что истиннаго чувства, сердечнаго огня у ней не было — была блестящая наружность, искусная, великолѣпная, но совершенно не естественная декламація — и только.

Семейство мое пробыло въ Петербургѣ полтора мѣсяца. Меня опредѣлили переводчикомъ въ Комиссію Составленія Законовъ, гдѣ К...ий уже служилъ помощникомъ редактора или Начальника отдѣленія. Я остался въ Петербургѣ съ меньшимъ братомъ, которому было тогда двѣнадцать лѣтъ. Мы наняли довольно хорошую квартиру въ Троицкомъ переулкѣ, недалеко отъ Аничковскаго моста, и вотъ началась моя тихая, однообразная жизнь. До обѣда я работалъ въ Комиссіи, а братъ учился. Мы обѣдали обыкновенно дома, (покуда не познакомились съ Шишковыми), кроме воскресенья, которое проводили у Р...ихъ. Послѣ же обѣда, сначала черезъ день, а потомъ ежедневно, кроме вечеровъ, проводимыхъ въ театрѣ, въ шесть часовъ, я всегда, вмѣстѣ съ братомъ, уже звонилъ у дверей Шушерина. Нѣсколько первыхъ вечеровъ посвящены были единственно разговорамъ. Я рассказалъ все, что касалось до меня и до моего воспитанія. Шушеринъ сообщилъ мнѣ свое настоящее положеніе при театрѣ, сперва съ нѣкоторой осторожностью, а потомъ довольно откровенно. Впослѣдствіи, полюбивъ меня и получивъ полную довѣренность къ моей скромности, онъ рассказалъ мнѣ подробно свое прошедшее, не всегда безукоризненное, свое настоящее, и свои надежды на будущее. О прошедшемъ

шемъ, я поговорю послѣ; настоящее же его положеніе состояло въ слѣдующемъ. Уже одиннадцать лѣтъ, какъ онъ перешелъ изъ Москвы на петербургскій театръ, перешелъ съ тою цѣлью и надеждой, что прежняя его театральная служба, при частномъ театрѣ у Медокса въ Москвѣ, будеть зачтена впослѣдствіи за службу при Императорскомъ театрѣ, въ чёмъ онъ уже успѣлъ, съ помощью какихъ-то покровителей, которыхъ пріобрѣтать онъ былъ большой мастеръ. Теперь представленіе къ пенсіи было разрѣшено; слѣдовало ему прослужить при петербургскомъ театрѣ только два года, такъ называемой благодарности. Пенсія состояла тогда изъ двухъ тысячъ рублей ассигнаціями для артистовъ, занимающихъ первое *emploi*; но Шушерину не хотѣлось оставаться долѣ на петербургской сценѣ, потому что репертуаръ измѣнился, и ему приходилось играть невыгодныя для себя роли: для любовниковъ, онъ уже устарѣлъ, а въ герояхъ его совершенно затмилъ актеръ, Алексѣй Семенычъ Яковлевъ; къ тому же онъ не любилъ Петербурга, и только о томъ и думалъ, какъ бы ему перебраться въ Москву. Чтобы достигнуть и того и другаго, то есть пенсіи и Москвы, онъ, предварительно условившись съ однимъ изъ своихъ милостивцевъ (Сидоромъ), притворился больнымъ, охаль и стональ при тѣхъ посѣтителяхъ, къ которымъ не имѣлъ довѣренности, соблюдалъ при нихъ строгую діэту, и даже принималъ лекарства, которыя щедро прописывали ему благословленный театральный докторъ. За то наединѣ, и даже при мнѣ, при С....въ, или при Д. И. Я...въ — онъ сбрасывалъ скучную маску, былъ живъ, весель, бодръ, какъ молодой человѣкъ, иъ необыкновенно аппетитно и жирно. Въ продолженіе первыхъ двухъ недѣль устроились правильно наши вечера, и вотъ началась для меня настоящая театральная школа.

На одной квартирѣ съ Шушеринимъ, въ особыхъ комнатахъ жила Надежда Федоровна, вдова его пріятеля, замѣчательнаго московскаго актера, И. И. Калиграфа. Она была красавицей съ молоду и, въ свое время, также известною актрисою на роли злодѣекъ. Въ одно время съ Шушеринимъ, она перешла на петербургскую сцену и также по болѣзни выходила на пенсію, на 600 рублей ассигнаціями въ годъ, которую и получила прежде Шушерина, чѣмъ было устроено имъ самимъ, съ намѣреніемъ облегчить полученіе своей пенсіи гораздо значительнейшій: ибо давать ихъ актерамъ съ московскаго театра Медокса, считая частную службу за казенную, — было тогда дѣломъ новымъ и могло встрѣтить затрудненія. Надежда Федоровна была постоянной нашей собесѣдницей, присутствовала и при чтеніяхъ; но когда Яковъ Емельяновичъ разсказывалъ про свою забубенную молодость или ставилъ меня на какія-нибудь роли, она уходила въ свою комнату, уводила съ собой моего брата, разговаривала съ нимъ или заставляла читать вслухъ.

Не могу вспомнить безъ восхищенія обѣ этомъ блаженному времени! Съ какимъ нетерпѣніемъ бывало ждалъ я половины шестаго, чтобы идти на Сыннюю площадь! Какъ весело и гостепріимно свѣтился огонекъ въ окошкахъ Шушерина! Я примѣчалъ его издалека, и ускорялъ нетерпѣливые шаги! Поспѣшно отворялась дверь при первомъ звонѣ колокольчика, и ласково привѣтствовалъ насъ Степанъ (*), говоря: «пожалуйте, Яковъ Емельяновичъ и Надежда Федоровна вѣсъ дожидаются чай кушать». Въ самомъ дѣлѣ, насъ встрѣчали съ такимъ радушіемъ, съ

(*) Степанъ, еще будучи мальчикомъ, былъ купленъ Шушеринимъ, кажется на имя Я... ва, и воспитанъ въ изгѣ и баловства. Въ настоящее время, онъ уже былъ вольноотпущеніемъ и служилъ Шушерину по найму: и господинъ, и слуга очень любили другъ-друга.

такимъ искреннимъ удовольствіемъ, что и теперь пріятно объ этомъ вспомнить. Рѣдко мышали намъ посторонніе посѣтители (*).

Шушеринъ началъ съ того, что выслушалъ всѣ, сколько-нибудь значительныя роли, которыя я игрывалъ; но предварительно я прочитывалъ вслухъ всю піесу: тогда онъ опредѣлялъ характеръ лица, которое мнѣ съдовало сыграть, со всѣми его подробностями; опредѣлялись даже отношенія его къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ и ко времени, когда происходило дѣйствіе. Я выучивалъ роли наизусть съ величайшою точностью, гораздо тверже, чѣмъ зналъ тогда, когда игралъ ихъ на театрѣ въ К..ни. Потомъ Шушеринъ читаль за тѣ дѣйствующія лица, съ которыми у меня шла сцена, а я игралъ свою роль, въ полномъ смыслѣ этого слова. Не рѣдко случалось, что я повторялъ по иѣскольку разъ одну и ту же сцену. Такимъ образомъ, въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ, прошелъ онъ со мною болѣе двадцати значительныхъ ролей (**), кромѣ мелкихъ, и я теперь не могу надивиться его терпѣнію и любви къ искусству. Съ самаго моего дѣтства, я никогда не игралъ молодыхъ людей, любовниковъ, какъ говорится на театральномъ языке. Судя по большому запасу огня, которымъ я былъ надѣленъ отъ природы, по моему росту и наружности, Шушеринъ думалъ, что я долженъ непремѣнно играть любовниковъ и что я случайно попалъ на роли благородныхъ отцевъ и стариковъ, и иѣсколько разъ пробовалъ меня, заставляя

(*) Посторонними посѣтителями бывали: Д. И. Языковъ, В. Н. Бергъ, Н. И. Гильдичъ, Н. И. Ильинъ, С..... въ, и иѣкоторые актеры.

(**) Разумется, въ томъ числѣ были роли, которыхъ я никогда не игрывалъ, но чтобы заставить Шушерина проходить ихъ со мной, я его обманывалъ и говорилъ, что ихъ игралъ, или что долженъ буду играть на домашнемъ театрѣ у Шишкова и у Лабзина.

играть Сеида въ «Магометъ», Фрица въ «Сынъ любви» и Цедерштрема въ «Бѣдности и благородствѣ души», но успѣха не было: любовный огонь у меня не выражался. Убѣдившись въ этомъ, Шушеринъ хотѣлъ, чтобы я игралъ молодыхъ людей не влюбленныхъ, и особенно налегалъ на роль «Полиника» въ «Эдипъ въ Лѣниахъ»: все напрасно.... чувства выражались у меня какъ-то не молодо и не бѣшено. Напротивъ, въ роли Эдипа онъ былъ мною очень доволенъ. Впрочемъ, мы занимались не однѣми театральными піесами. Я читалъ вслухъ все интересное, что только появлялось въ литературѣ; разумѣется были прочтены всѣ любимые мои стихотворцы. Вообще у Шушерина было много эстетического чувства.

Года черезъ полтора, когда дѣло о пенсіи сдѣлалось не сомнѣннымъ и два года благодарности истекли, Шушеринъ сталъ понемногу снимать съ себя маску мнимой болѣзни; сталъ иногда прогуливаться и ходить со мною изрѣдка въ театръ, хотя дѣлалъ это съ большою осторожностью, переодѣвалась въ самое простое платье, такъ что его рѣшительно никто не узнавалъ въ театрѣ. Тогда начинала входить въ славу Катерина Семеновна Семенова. Я видѣлъ ее въ первый разъ въ роли Ксеніи, въ «Дмитріѣ Донскомъ», и раздѣлялъ общее восхищеніе зрителей; но Шушеринъ къ великому удивленію моему сказалъ мнѣ, что она начинаетъ портиться и что онъ рѣшительно не доволенъ ею въ трагическихъ роляхъ, кроме ролей «Антигоны» и «Корделии», что она попала въ руки такихъ учителей, которые сбываютъ ее съ толку, выучатъ ее съ голосу завыванію по нотамъ. «Да, любезный другъ, говорилъ мнѣ Шушеринъ, Семенова такой талантъ, какого не бывало на русской сценѣ, да едва ли и будетъ. Ты не можешь судить о ней, не видавши ее въ тѣхъ роляхъ, которыя она игрывала, будучи еще въ школѣ, когда ею

никто не занимался и не училъ ее. Ее надобно видѣть въ «Примиреніи двухъ братьевъ» или «Корсиканцахъ» Коцебу. Какъ скоро будуть давать эти піесы, я иду вмѣстѣ съ тобой въ театръ. Я замѣтилъ въ ней даже перемѣну, въ Антигонѣ и Корделии, когда игралъ въ послѣдній разъ «Эдипа» и «Леара»: она начинала надуваться и завывать. Я тогда же ей сдѣлалъ замѣчаніе; но она отвѣчала мнѣ, что ее такъ учатъ. И знаешь ли ты, кто ея главный учитель? Ты, кажется, слышалъ его чтеніе у А. С. Шишкова? Это Н. И. Гнѣдичъ; хотя я его очень люблю и уважаю, но боюсь, что этотъ одноглазый чортъ погубить талантъ Семеновой.»—Въ непродолжительномъ времени, мы вмѣстѣ съ Шушеринъ видѣли ее въ обѣихъ, выше мнюю названныхъ піесахъ Коцебу; игра Семеновой меня очаровала, и я, почувствовалъ ея истинное достоинство; но Шушеринъ говорилъ, что она прежде играла простое и естественное. «Стоя на колѣняхъ» съ жаромъ воскликнуль Шушеринъ, надо было смотрѣть ее въ этихъ двухъ роляхъ! Онъ находилъ, что слѣды проклятой декламаціи уже начинали и здѣсь показываться. Я тогда не умѣль и не могъ этого замѣтить.

Разнесся слухъ, что Гнѣдичъ переводитъ Волтерова «Танкреда», для того, чтобы Семенова въ роли Аменаиды показала во всемъ блескъ свой талантъ и могла бы достойно соперничать съ m—lle George, герою которой Гнѣдичъ не былъ вполнѣ доволенъ; онъ особенно чувствовалъ въ ней недостатокъ огня, которымъ самъ быть надѣленъ даже въ излишествѣ. Вскорѣ Гнѣдичъ заѣхалъ къ Шушерину, и сказалъ ему что переводить «Танкреда» и даже привезъ прочесть начало своего перевода, который по тогдашнему времени казался намъ превосходнымъ. Переводъ былъ конченъ и піеса поставлена съ необыкновенною поспѣшностью, въ три мѣсяца. Все исполнилось такъ, какъ предполагалъ

переводчикъ: Семенова торжествовала, и въ публикѣ обра-
зовалась партия, которая не только сравнивала ее съ м-лле George; но въ роли Аменанды отдавала ей преимущество.
Въ послѣдствіи переводъ Танкреда былъ напечатанъ съ
приложеніемъ портрета Семеновой и стихами къ ней перево-
дчика. Мы съ Шушеринъ видѣли Семенову въ роли
Аменанды два раза; во второй разъ Шушеринъ смотрѣлъ
ее единственно для повѣрки сдѣланныхъ имъ замѣчаній
послѣ первого представленія, которымъ показались мнѣ не
совсѣмъ справедливыми; но Шушеринъ былъ правъ и
убѣдилъ меня совершенно. Превозносимая игра Семеновой
въ этой роли представляла чудную смѣсь, которую могъ
открыть только опытный и зоркій глазъ такого артиста
какимъ былъ Шушеринъ. Игра эта слагалась изъ трехъ
элементовъ: первый состоялъ изъ незабытыхъ еще вполнѣ
приемовъ, манеры и формы выраженія всего того, что
игривала Семенова до появленія м-лле George; во второмъ — слышалось неловкое ей подражаніе въ напевѣ и
быстрыхъ переходахъ отъ оглушительного крика въ шо-
потъ и скороговорку. Шушерину при мнѣ сказывали, что
Семенова, очарованная игрою Жоржъ, и день и ночь
упражнялась въ подражаніи, или лучше сказать въ пере-
дразниваніи ея эффектной декламаціи; третьимъ элементомъ,
слышаннымъ больше другихъ — было чтеніе самого Гибдича,
пѣвучее, трескучее, крикливое, но страстное, и, конечно
всегда согласное со смысломъ произносимыхъ стиховъ,
чего однако, онъ не всегда могъ добиться отъ своей ученицы.
Вся эта амальгама, озаренная поразительною сце-
ническою красотою молодой актрисы, проникнутая внут-
реннимъ огнемъ и чувствомъ, передаваемая въ сладкихъ
и гремящихъ звукахъ неподражаемаго, очаровательнаго
голоса — производила увлеченіе, восторгъ и вырывала громъ
рукоплесканий. Послѣ втораго представленія «Танкреда»

Шушеринъ сказаль миъ съ искренимъ вздохомъ огорченаго художника: «Ну, дѣло кончено: Семенова погибла невозвратно, то-есть, она дальше не пойдетъ (*). Она не получила никакого образованія и не такъ умна, чтобы могла сама выбиться на прямую дорогу. Да и зачѣмъ, когда всѣ восхищаются, всѣ въ восторгѣ? А что могло бы выдти изъ нея!.... И до своей смерти, Шушеринъ не могъ безъ огорченія говорить о великомъ таланѣ Семеновой, погибшемъ отъ вліянія пагубнаго примѣра ложной методы, напыщенной декламаціи г-жи Жоржъ, и разныхъ учителей, которые всегда ставили Семенову на ея роли съ голоса.

Другою знаменитостью на петербургской сценѣ былъ трагический актеръ, Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ. Талантъ огромный, одаренный всѣми духовными и тѣлесными средствами; но увы, шедшій также по ложной дорогѣ. Онъ вышелъ изъ купеческаго званія, не имѣль никакого образованія и, что всего хуже, имѣль сильную наклонность къ весельымъ компаніямъ. Передъ его вступленіемъ на сцену, нѣкоторое время занимался имъ знаменитый ветеранъ театрального искусства, Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій, и потому-то первые дебюты Яковlevа снискали ему благосклонность публики, которая неумѣренными знаками одобренія поспѣшила испортить своего любимца. Гдѣ есть театръ, тамъ есть и записные театралы. Это народъ самый вредный для молодыхъ талантовъ: они кружатъ имъ головы восторженными похвалами и угощеніями, всегда сопровождаемыми излишествомъ употребленія даровъ Вакха, какъ говоривали наши стихотворцы. По несчастію, Яковлевъ и прежде имѣль къ нимъ склонность. Чадъ похвалъ и вина охватилъ его молодую голову:

(*) Шушеринъ былъ совершенно правъ: чудный талантъ К. С. Семеновой не развился, и игра ея съ каждымъ годомъ становилась слабѣе до самого окончанія ея театральнаго поприща.

онъ счель себя за великаго актера, за мастера, а не за ученика въ искусствѣ, сталь рѣже и рѣже посыпать Дмитревскаго и наконецъ совсѣмъ его оставилъ. Новыя роли, не пройденныя съ Дмитревскимъ, игрались нелѣпо. Благосклонность публики однако не уменьшалась. Стоило Яковлеву пустить въ дѣло свой могучій органъ, кстати или не кстати—это все равно, и театръ гремѣлъ и ревѣлъ отъ рукоплесканій и браво. Стихъ Озерова въ Дмитрии Донскомъ:

«Мечи булатные и стрѣлы каленны»

въ которомъ слово *стрѣлы* произносилось, Богъ знаетъ почему, съ протяжнымъ, оглушительнымъ трескомъ, или другой стихъ въ роли «Гезея»:

«Мой мечъ союзникъ ми»

при чемъ Яковлевъ вскрикивалъ, какъ изступленный, удара ладонью по рукояткѣ меча — приводили зрителей въ неистовый восторгъ, отъ которого даже останавливался ходъ піесы; я бѣсился, и передъ этими стихами заранѣе выбѣгалъ въ театральный корridorъ, чтобы пощадить свои уши отъ безумнаго крика, топанья и хлопанья. Яковлевъ до того забывался, что иногда являлся на сценѣ въ нетрезвомъ видѣ. Но публика не замѣчала или не хотѣла замѣтить—и хлопала по обыкновенію.

Въ самую эту эпоху, сидѣли мы одинъ разъ съ Шушериннымъ, и я что-то читалъ ему. Вдругъ раздался необыкновенно громкой звонокъ и черезъ минуту ввалился въ гостиную полу-пьяный Яковлевъ. Онъ остановился въ дверяхъ и громозвучнымъ голосомъ сказалъ:

«Здравствуй братъ
Визират!
Какъ изволишь проживать?»

Къ удивлению моему, Шушеринъ проворно соскочилъ съ дивана, на которомъ лежалъ, бросился навстрѣчу гостю, снялъ колпакъ, началъ кланяться и шутовскимъ голосомъ отвѣчать:

«Слава-сте Богу,
Живемъ понемногу.»

Откуда взялся этотъ разговоръ на виршахъ, я не знаю. Дѣло въ томъ, что Шушеринъ, не любившій Яковлева, какъ счастливаго соперника, захотѣлъ потешиться своимъ гостемъ и показать мнѣ его во всей невыгодной его славѣ. Чтобы не беспокоить Надежду Федоровну, которая съ монимъ братомъ сидѣла въ соседней комнатѣ, онъ вывелъ Яковлева въ залу, затворилъ двери въ гостиную, приказалъ подать самоваръ, бутылку рому и огромную чашку, которую не грѣхъ было назвать маленькой вазой, и мы втроемъ сѣли посреди комнаты около круглого стола. Шушеринъ напоилъ гости до пьяна и цѣлый вечеръ безжалостно дурачилъ. Онъ называлъ его великимъ Яковлевымъ, заставлялъ декламировать разныя мысли изъ его ролей, подстрекая словами: «Ну, Алексѣй Семенычъ, покажи себя, не ударь лицемъ въ грязь; мнѣ хочется, чтобы вотъ молодой мой пріятель (указывая на меня) увидѣть тебя во всей славѣ твоего великаго таланта.» И пьяный Яковлевъ доходилъ до неистовства, до отвратительнаго безобразія. Наконецъ Шушеринъ съ притворнымъ участіемъ упросилъ его разскать о недавно случившемся съ нимъ несчастномъ происшествіи, которое Яковлевъ, трезвый, скрывалъ отъ всѣхъ и которое состояло въ слѣдующемъ: подгулявшій Яковлевъ вышелъ съ какой-то поздней пирушки и, не имѣя своего экипажа, потребовалъ, чтобы одинъ изъ кучеровъ отвезъ его домой; кучера не согласились, потому что у каждого былъ свой баринъ или свой сѣдокъ; Яковлевъ сталъ ихъ бранить, называть

скотами, которые не понимают счастья вести великаго Яковлева, и какъ эти слова ихъ не убѣдили — принялъ съ ними дратъся; кучера разсердились и такъ отдали его своими кнутьями, что онъ нѣсколько дней былъ боленъ. Сцена отвратительна, по жалкая; а Шушеринъ валялся со смѣху, слушая добродушный и вполнѣ откровенный разсказъ Яковлева. Эта черта въ Шушеринъ мнѣ очень не понравилась, и я поспѣшилъ уйтти домой; вѣслѣдъ за мною Шушеринъ выпроводилъ Яковлева безъ всякихъ церемоній. Въ этотъ же разъ, покуда не совсѣмъ опьянѣль, Яковлевъ рассказалъ намъ, что онъ знакомъ съ Державинымъ иходить къ нему читать или декламировать его оды; что Державинъ, слушая ихъ, приходитъ въ восторгъ и дѣлаетъ разные жесты, и что одинъ разъ, когда Яковлевъ, читал оду «Богъ», произнесъ стихъ:

«Кого мы называемъ Богъ!»

Державинъ схватилъ съ головы колпакъ и такъ низко наклонился, что стукнулся лбомъ объ столъ, за которымъ сидѣлъ. Яковлевъ и Шушеринъ смѣялись; но мнѣ вовсе не казалось смѣшнымъ такое горячее сочувствіе знаменитаго нашего лирика къ своимъ высокимъ произведеніямъ.

Мнѣ случилось еще провести одинъ вечеръ у Шушерина съ Яковлевымъ; но въ этотъ разъ онъ былъ не одинъ, а вмѣстѣ съ Иваномъ Леанасычемъ Дмитревскимъ, котораго я до тѣхъ поръ не видывалъ, да и посѣть не видаль: и такъ это было для меня одинъ изъ самыхъ интереснѣйшихъ вечеровъ во всей петербургской моей жизни. Яковлевъ съ Дмитревскимъ сошлись нечаянно; первый былъ еще совершенно трезвъ, и появленіе старика очень его смущило, потому что онъ не навѣщалъ бывшаго своего наставника нѣсколько мѣсяцевъ. Дмитревскій былъ уже очень слабъ, даже дряхъ; съ трудомъ передвигалъ

ноги и ходилъ съ помощью человѣка; онъ показался мнѣ средняго роста; но какъ стань его былъ сгорблень го-дами, то можетъ быть я и ошибся; лица его я размот-рѣть не могъ, потому что глаза его не сносили свѣта, и свѣчки были поставлены сзади; голосъ тогда былъ у него уже слабый и дребезжающій, онъ немного пришепетывалъ и сюсюкалъ; голова тряслась безпрестанно, однимъ словомъ: это были развалины прежняго Дмитрѣвскаго. Посѣщеніе его, вовсе неожиданное для Шушерина, къ кото-рому бѣжалъ онъ чрезвычайно рѣдко, я считалъ для себя особенною милостью судьбы. Шушеринъ представилъ меня Дмитрѣвскому, какъ диллентанта театральнаго искусства. Старики былъ со мной очень ласковъ и учтивъ, какъ че-ловѣкъ, жившій всегда въ хорошемъ обществѣ. Я говорилъ съ нимъ о К.лскомъ театрѣ и обѣ его ученицѣ Фек-лушки; онъ очень ее помнилъ и подтвердилъ мнѣ всѣ ея разсказы. Во все время нашего разговора, смущенный Яковлевъ молчалъ; но скоро Дмитрѣвскій самъ къ нему обратился, и я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Иванъ Аѳанасьевичъ, дряхлый тѣломъ, былъ еще бодръ и свѣжъ умомъ. Онъ принялъ такъ ловко щунять Яковlevа за его поведеніе, за неуваженіе къ искусству, за давнишнее заб-веніе своего прежняго руководителя, проложившаго ему путь къ успѣхамъ на сценѣ, что Яковлевъ не зналъ куда дѣваться: кланялся, обнималъ старика и только извинялся тѣмъ, что множество ролей и частые спектакли отнима-ютъ у него все время. Дмитрѣвскій улыбался, и въ ив- сколькихъ словахъ показалъ, что это все вздоръ, что онъ знаетъ весь репертуаръ Яковlevа не хуже его самого. Въ числѣ оправданій, Яковлевъ упомянулъ о поѣздкѣ своей въ Москву; онъ распространился о своихъ блестатель-ныхъ успѣхахъ на московской сценѣ, и въ доказательство вынуль изъ кармана, и показалъ намъ дорогую золотую

табакерку, осыпанную крупными бриллиантами, съ самою лестною надписью. Табакерку цѣнили въ 5,000 рублей. Досадно, что я не помню надписи; но кажется она состояла въ томъ, что Московское дворянство изъявляеть свою благодарность знаменитому артисту Яковлеву. Эта табакерка ужасно возгордила его; даже теперь, взглянувъ на нее, онъ вдругъ ободрился и началъ говорить о себѣ съ дерзкою самоувѣренностью. Онъ сказалъ между прочимъ, что никто еще въ Россіи не удостоился получить такого блестательнаго знака благодарности отъ цѣлаго сословія благороднаго московскаго дворянства, что судь знатоковъ въ Москвѣ гораздо строже, чѣмъ въ Петербургѣ; потому что въ Москвѣ народъ не занятой, вольный, живеть въ свое удовольствіе и театромъ занимается серьезно, тогда, какъ здѣсь все люди занятые службой, которымъ некогда углубляться въ тонкости театральнаго искусства, все чиновники, да гвардейцы, что его игра въ роли «Отелло» (*) всего больше понравилась московской публикѣ, и что она два раза требовала повторенія этой пѣссы. При сихъ словахъ вдругъ обратился онъ съ вопросомъ къ Дмитревскому, сильно раздраженному его хвастовствомъ: «Позвольте узнать, достопочтеннѣйшій Иванъ Аѳанасевичъ, довольны ли вы мою игрою въ роли «Отелло», если вы только удостоили вашимъ присутствіемъ представление этой пѣссы?» Дмитревскій часто употреблялъ въ разговорахъ слова «душа моя»; но букву и онъ произносилъ не чисто, такъ что ее заглушалъ звукъ буквы с; помолчавъ и посмотрѣвъ иронически на вопрошающаго, онъ отвѣчалъ: «Видѣль, душа моя; но зачѣмъ тебѣ знать, что я думаю о твоей игрѣ? Вѣдь тебя хвалять, и всегда вызываютъ; благород-

(*) Трагедія «Отелло» была переведена съ французской передѣлки Дюсиса, г-жа Вельминонимъ.

ное российское дворянство тебѣ подарило табакерку. Чего же тебѣ еще? Ты хороши, прекрасенъ, безподобенъ.» Яковлевъ чувствовалъ, что это насмѣшка. «Нѣть, достопочтеннѣйшій Иванъ Аѳанасьевичъ, продолжалъ Яковлевъ съ жаромъ и даже чувствомъ, мнѣ этого мало. Ваша похвала для меня дороже похвалы всѣхъ царей и всѣхъ знатоковъ въ мірѣ. Я обращаюсь къ вамъ, какъ артистъ къ артисту, какъ славный актеръ настоящаго времени къ знаменитому актеру прошедшаго времени.» Яковлевъ поднялся съ креселья, стоялъ въ позицію передъ Дмитревскимъ, ударилъ себя рукою въ грудь и голосомъ «Отелло» произнесъ: «Правды требую, правды!» Скрывая негодованіе, Дмитревскій, съ убийственнымъ хладнокровiemъ отвѣчалъ: «Если ты непремѣнно хочешь знать правду, душа моя, то я скажу тебѣ, что роль Отеллы ты играешь, какъ сапожникъ.» Эффектъ былъ поразителенъ: Шушеринъ плакалъ въ восторгъ, потому что терпѣть не могъ Яковlevа, и хотя не любилъ, но уважалъ Дмитревскаго; я весь превратился въ напряженное вниманіе; Яковлевъ, такъ великолѣпно и смѣло вызвавшій строгій приговоръ, пораженный почти собственнымъ оружіемъ, несколько мгновеній стоялъ неподвижно, потомъ поклонился Дмитревскому въ поясъ, и смиренно спросилъ: «Да чѣмъ же вы недовольны, Иванъ Аѳанасьевичъ?» — «Да всѣмъ», отвѣчалъ Дмитревскій, давшій вдругъ волю своей горячности: «Что ты, напримѣръ, сдѣлалъ изъ превосходной сцены, когда призываютъ Отелло въ Сенатъ, по жалобѣ Брабантіо? гдѣ этотъ благородный, почтительный воинъ, этотъ скромный побѣдитель, такъ искренно, такъ простодушно говорящій о томъ, чѣмъ понравился онъ Дездемонѣ? Кого ты играешь? Буяна, сорванца, который, махая кулаками, того и гляди, что хватить въ зубы кого-нибудь изъ Сенаторовъ...» и съ этими словами Дмитревскій съ живостьюю поднялся

сь кресель, сталь посреди комнаты и проговорилъ наизусть почти до половины монологъ Отелло, съ совершенною простотой, истиной и благородствомъ. Всъ мы были поражены изумленiemъ, смѣшаннымъ съ какимъ-то страхомъ. Передъ нами стоялъ не дряхлый старикъ, а бодрый хотя и не молодой Отелло; жеста не было ни одного: почтительный голосъ его былъ твердъ, произношеніе чисто и голова не тряслась (*). Шушеринъ опомнился первый, бросился къ Дмитревскому, схватилъ его подъ обѣ руки, цѣловалъ въ плечо и восклицая: «Вотъ великий актеръ, вотъ неподражаемый артистъ!» съ большимъ трудомъ довелъ его до кресель. Дмитревскій такъ ослабѣлъ, что попросилъ рюмку мадеры. Яковлевъ стоялъ какъ опущенный въ воду. Всъ молчали, точно испуганные сверхъестественнымъ явленiemъ. Оправившись Дмитревскій сказалъ: «Разгорячиль ты меня старика, душа моя, и я пролежу отъ того недѣли двѣ въ постели.» Голосъ его дребезжалъ, языкъ пришепетывалъ и голова тряслась по прежнему:—«Пора мнѣ домой, продолжалъ онъ. Если хочешь, душа моя Алесса, вѣдь я прежде всегда такъ называлъ тебя, то прїѣзжай ко мнѣ; я пройду съ тобой всю роль. Прощай Яковъ Емельянычъ.» Дмитревскій едва могъ подняться съ кресель; Степанъ вмѣстѣ со слугой Дмитревскаго, повели его подъ руки; Шушеринъ, забывъ свою мнимую больнину и холодную погоду, схватилъ свѣчу и, въ одномъ фланелевомъ шлафрокѣ, побѣжалъ проводить знаменитаго гостя и самъ усадилъ его въ карету. Когда онъ воротился, Яковлевъ стоялъ въ томъ же положеніи, задумчивый, смущенный и безмолвныи. Шушеринъ

(*) Шушеринъ разсказывалъ мнѣ, что голова у Дмитревскаго давно начинала трастиць; но что когда бывалъ онъ на сценѣ, это было непримѣтно, а равно и недостатокъ его произношенія.

принялся хохотать. «Что, братъ? Озадачилъ тебя стари-кашка?»—«Да, отвѣчалъ Яковлевъ; я услышалъ истину.» —Съ прискорбiemъ долженъ я сказать, что Шушеринъ не поддержалъ въ Яковлевъ такого доброго расположения. Онъ принялъ шутить, хвалить Яковлева, и даже сказаль, что всякому слову Дмитревскаго вѣрить нельзя, а въ доказательство его фальшивости, рассказалъ происшествіе, случившееся съ нимъ самимъ. «Когда я прѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, такъ говорилъ Шушеринъ, по вызову здѣшней дирекціи, для поступленія въ службу на Императорскій театръ, мнѣ были назначены три дебюта: «Сынъ любви», «Эмилія Галотти» и «Дидона» трагедія Княжнина, въ которой я съ успѣхомъ игралъ роль «Ярба.» Я обратился къ патріарху русскихъ актеровъ, къ Ивану Аѳанасьевичу, который зналъ меня давно въ Москвѣ, всегда очень хвалилъ и способствовалъ моему переходу въ Петербургъ. Не смотря на это, я боялся, чтобы его отзывы о моихъ дебютахъ не повредили мнѣ, потому что не надѣялся на прежнія похвалы его, сказанныя мнѣ въ глаза. Я хотѣлъ его напередъ задобрить и просилъ, чтобы онъ прослушалъ мои дебютныя роли; и хотя онъ отговаривался, что это не нужно, что умнаго учить только портить; но я просилъ неотступно и онъ выслушалъ меня. По первымъ двумъ ролямъ моихъ дебютовъ, я получилъ подозрѣніе, что Иванъ Аѳанасьевичъ хитритъ: самыя лучшія мѣста въ моихъ роляхъ, которыя я обработалъ и исполнялъ хорошо, онъ какъ-будто не примѣчалъ, а напротивъ тѣ мѣста, которыя были у меня слабы, и которыми я самъ былъ недоволенъ, онъ очень хвалилъ. Постой же, старый хрычъ, подумалъ я; я тебя выведу на свѣжую воду. Первые два дебюта сошли очень хорошо. Когда я прѣхалъ къ Ивану Аѳанасьевичу съ ролемъ Ярба, то прочелъ ее всю, какъ слѣдуетъ кромѣ

одного мѣста, которое у меня было лучше всѣхъ и въ которомъ московская публика меня всегда отлично принимала; это 1-е явленіе въ 4-мъ дѣйствіи, гдѣ Ярбъ бросается на колѣни и обращается къ Юпитеру.

О ты, котораго всѣ чтуть моимъ отцомъ,
Великій Юпитерь, держащій страшный громъ!
Зри сыну твоему творимыя досады!
Впервые для своей молю тебя отрады:
Когда ты мой отецъ, яви, что я твой сынъ.
Изъ мрака грозныхъ тучъ, и проч.

Видя же, что въ природѣ ничего не дѣлается и Юпитеръмолчить, Ярбъ съ яростью встаетъ и говоритъ:

Но что, слова мои напрасно я терлю
И своего отца безъ пользы умоляю!
Когда ты не разишь, отцомъ тебя не чту,
И только тщетную въ тебѣ я зрю мечту.

Я прочелъ эти стихи такъ слабо, такъ дрянно, что мнѣ было стыдно смотрѣть на Ивана Аѳанасыча. Что же онъ? Обнялъ меня и говоритъ: «Прекрасно, безподобно, точно такъ, какъ я прежде игрывалъ эту роль.» Я спросилъ даже, не слабо ли я играю это мѣсто, не нужно ли его усилить; но онъ увѣрялъ, что надоно точно такъ играть. Во время представлениія піесы, Иванъ Аѳанасычъ сидѣлъ на креслахъ, между двухъ первыхъ кулисъ. Я разумѣется игралъ это явленіе совсѣмъ не такъ, какъ читалъ Дмитревскому; публикѣ оно очень понравилось, долго хлопали и кричали браво. Когда я сошелъ со сцены и подошелъ къ Дмитревскому, онъ обнялъ меня, превозносилъ похвалами, а на ухо шепнулъ мнѣ: «ты сельма, бестія, плутъ, мосенникъ; ты знаешь за что.» Долго онъ не могъ простить мнѣ этой штуки, и сколько я ни увѣрялъ его, что это случилось нечаянно, что это былъ сценический порывъ, ко-

тораго я въ другой разъ и повторить не съумѣю — старикъ грозилъ пальцемъ и начинать меня ругать." — Этотъ разсказъ очень поколебалъ Яковлева въ довѣренности къ Дмитревскому. Потомъ онъ сильно подпилъ и уходя сказалъ: "Пойду къ старику, только надуть себя не дамъ." Я забыть сказать, что въ этотъ же вечеръ, еще до прїезда Дмитревскаго, Яковлевъ сказалъ намъ, что написалъ поэму въ стихахъ. Шушеринъ лукаво улыбнулся и сказалъ, что очень бы желалъ ее послушать, и Яковлевъ вынулъ изъ кармана тетрадку и прочелъ нѣсколько куплетовъ. Стихи были, или показались намъ, очень хороши, и мы оба, изумленные такой неожиданностью, горячо ихъ хвалили. Яковлевъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь (это былъ любимый его жестъ) и сказалъ, обращаясь къ Шушерину: «Да братъ, это Этна, въ которой много кипитъ огня. Завтра прочту свою поэму Гавріилу Романовичу Державину.» Я послѣ видѣлъ эту піесу, напечатанную отдельно. Это была не поэма, а большая лирическая пѣснь духовно-нравственного содержанія, написанная по тогдашнему весьма хорошими стихами, и конечно, обличала новое дарование въ этомъ замѣчательномъ и талантливомъ человѣкѣ. Поступокъ Шушерина меня огорчилъ. Изъ всѣхъ разсказовъ объ Яковлевѣ должно было заключить, что въ основаніи характера этого человѣка много лежало благородного и прекраснаго. Оставшись наединѣ съ Яковомъ Емельянѣчомъ, я упрекалъ его, но онъ отшучивался и отвѣчалъ мнѣ, что «я еще молодъ и когда поживу съ его на свѣтѣ, то иначе буду смотрѣть на людей.» Только Шушеринъ съ этихъ порь сдѣлялся осторожнѣй и старался при мнѣ ничего подобнаго не говорить.

Гибдичъ переводилъ тогда Илліаду. Онъ позвалъ Шушерина къ себѣ, чтобы выслушать осмьюю пѣснь, только что имъ конченную. Шушеринъ былъ такъ любезенъ, что

сейчасъ вспомнилъ обо мнѣ и выпросилъ позволеніе привести меня съ собою: до тѣхъ поръ я не былъ лично знакомъ съ Гнѣдичемъ. Онъ переводилъ Илліаду, начавъ съ седьмой пѣсни, потому что считалъ переводъ первыхъ шести пѣсенъ Кострова вполнѣ удовлетворительнымъ; переводилъ онъ ямбами съ риѳмами и дошелъ до половины десятой пѣсни. Всѣмъ известно, что въ послѣдствіи, по совету С. С. У., подкрепленному совѣтомъ А. Н. О., Гнѣдичъ уничтожилъ свой ямбическій переводъ, и началъ переводить Илліаду съ первой пѣсни гекзаметрами. Я помню, что тогда, не понимая дѣла, я очень сожалѣлъ объ этой перемѣнѣ. Мы пошли съ Шушеринъмъ пѣшкомъ, и онъ предупредилъ меня, что Гнѣдичъ будетъ читать съ такимъ жаромъ и съ такими жестами, что опасно сидѣть близко къ нему, особенно съ криваго глаза, и заранѣе потѣшился уродливостію его декламаціи. Все это въ Шушеринъ мнѣ было досадно. Гнѣдичъ принялъ насть радушно, и послѣ нѣсколькихъ словъ о театрѣ и о Семеновой, причемъ Шушеринъ не пропустилъ оказіи сказать, вопреки своему убѣждѣнію, что она очень успѣваетъ подъ его руководствомъ — принялъся читать осмьюю пѣснь Илліады. Предсказанія Шушерина сбылись. Гнѣдичъ, читая передъ актеромъ и передъ неизвѣстнымъ ему молодымъ человѣкомъ, котораго онъ считалъ также, чѣмъ-то въ родѣ актера — далъ себѣ полную волю. Тутъ я увидѣлъ, что не имѣлъ понятія о чтеніи Гнѣдича, хотя и слышалъ его одинъ разъ у А. С. Шишкова, гдѣ онъ читалъ седьмую пѣснь Илліады при довольно многочисленномъ собраніи почтенныхъ слушателей. Гнѣдичъ декламировалъ неистово, съ движеніями и жестами, въ самомъ дѣлѣ, очень смѣшными. Я сидѣлъ прямо противъ него, а Шушеринъ съ боку, и я видѣлъ какъ онъ забавлялся, что мѣшало мнѣ восхищаться славными стихами Гнѣдича. Судьба захотѣла

въ этотъ разъ вполнѣ потѣшилъ Шушерина; Гибдичъ въ пылу декламаціи такъ махнулъ рукой, что задѣль за подсвѣчникъ, который вмѣстѣ съ свѣчей пролетѣлъ мимо головы Шушерина; онъ бросился поднять подсвѣчникъ; но Гибдичъ схватилъ его за руку, удержалъ на мѣстѣ, и яростно смотря ему въ лицѣ, дочиталъ, какъ Діомидъ, посадивъ возницей Нестора на свою колесницу, полетѣлъ противъ Гектора.... Я поднялъ свѣчку, натурально переломившуюся, и поставилъ на другой столъ. Вскорѣ пришла и моя очередь, Гибдичъ вдругъ обратился ко мнѣ, перекинулся черезъ столикъ, за которымъ сидѣлъ и, произнося стихъ:

«Сего же злого пса стрѣла не улучаетъ!» (*),

едва не выкололъ мнѣ глазъ своимъ указательнымъ пальцемъ. Шушеринъ смѣялся, за спину у чтеца, и дѣлалъ мнѣ такие уморительные жесты, что я самъ едва не расхохотался. Послѣ окончанія чтенія онъ былъ такъ не деликатенъ, что спросилъ у Гибдича, «не ушибъ ли онъ руку о подсвѣчникъ?» но послѣдній съ досадой отвѣчалъ: «нетъ». Наконецъ мы простились съ хозяиномъ. Я благодарили за удовольствіе, которое доставили мнѣ его стихи; а Шушеринъ благодарили очень двусмысленно, говоря, что Николай Ивановичъ его утѣшилъ, и что онъ никогда не забудетъ этого вечера. Когда мы вышли на улицу, Шушеринъ такъ принялъ хохотать, что мы нѣсколько времени простояли на одномъ мѣстѣ. Я хмурился, и не смѣялся, и это еще болѣе смѣшило Шушерина. Я сказалъ ему, что не смотря на уродливыя выходки, въ чтеніи Гибдича такъ много силы и выразительности, что я слушалъ его съ большимъ удовольствіемъ; но Шуш-

(*) Гекзаметромъ этотъ стихъ переведенъ Гибдичемъ такъ:

«Только сего не дается, свирѣпаго пса мнѣ умѣтить»

ринъ возразилъ, что было бы еще выразительнѣе, если бы Гибдичъ, желая придать болѣе силы своему стиху, пустилъ въ меня подсвѣчникомъ, какъ Гекторъ, бросившій камень въ Тевкру.... Шушеринъ не вполнѣ понималъ Гомера, и слова *песъ*, особенно *псиза*, какъ называется Ириса богиню Палладу Аѳину, возмущали и смѣшили его.

Была прекрасная лѣтняя ночь, тихая и свѣтлая, какъ это бываетъ иногда въ Петербургѣ. Изъ Садовой мы вышли на набережную Фонтанки, хотя это было дальше, и такъ прошли до Сѣнной. Брата моего уже не было у Надежды Феодоровны, въ окнахъ было темно; онъ ушелъ спать домой одинъ, а Степанъ проводилъ его; мы жили тогда на другой квартирѣ, въ домѣ Волкова, очень близко отъ Шушерина, въ томъ переулкѣ, который идетъ съ Сѣнной на Екатеринку.

Проходя со мною роль: «Неизвѣстнаго» въ комедіи Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», имѣвшей большой успѣхъ на многихъ европейскихъ театрахъ, Шушеринъ не былъ мною доволенъ, и требовалъ отъ меня больше простоты и естественности. Чтобъ показать мнѣ, какъ должно играть эту роль, онъ пошелъ со мною въ нѣмецкій театръ, на которомъ актеръ Фляло или Фаль (кажется такъ) по мнѣнію Шушерина и всѣхъ знатоковъ игралъ эту роль превосходно. Оба мы не знали нѣмецкаго языка; но игра Фляло была такъ выразительна, а піеса намъ такъ извѣстна, по русскому переводу, что мы оба понимали ее совершенно и на нѣмецкомъ языке. Въ самомъ дѣлѣ игра Фляло могла называться совершенствомъ естественности и простоты чувства. Съ непривычки эта простота даже меня удивила, особенно потому, что окружающія его дѣйствующія лица, хотя также играли довольно просто, но все не попадали въ одинъ тонъ съ неподражаемымъ Фляло. Я передѣлала свою игру въ

роль «Неизвестного» и Шушеринъ былъ такъ доволенъ, что даже обнялъ и поцѣловалъ меня (*).

Я продолжалъ между тѣмъ, отъ времени до времени смотрѣть Жоржъ. Отдавая всегда отчетъ въ моихъ впечатлѣніяхъ Шушерину, я возбудилъ его любопытство, и онъ самъ захотѣлъ взглянуть на европейскую знаменитость. Мы выбрали для этого Федру, всю роль которой я перевѣль для Шушерина, (нѣкоторыя мѣста даже стихами), хотя онъ и читалъ Федру въ старинномъ переводѣ. Я за-ранѣе обратилъ его вниманіе на эффектныя мѣста и даже натвердилъ нѣкоторые стихи по-французски, стихи, которыми т-lle George постоянно приводила въ восхищеніе публику. Шушеринъ, можетъ быть отъ того, что былъ предупрежденъ мною, оцѣнилъ съ разу по достоинству славную актрису; онъ говорилъ: «Удивляюсь, благоговѣю, преклоняюсь передъ ея искусствомъ (**), но не слышу души.» Тѣмъ не менѣе онъ захотѣлъ еще ее видѣть, и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы видѣли ее еще разъ въ Федрѣ, потомъ въ Андромахѣ, въ Танкредѣ и въ Семирамидѣ. Въ роли Аменаиды, она дѣйствительно уступала Семеновой; но за то торжествовала въ Семирамидѣ. Эту роль она играла лучше всѣхъ ролей, и Шушеринъ хвалилъ ее даже пристрастно, потому что увлекался великолѣпной наружностью, красотою, голосомъ и царственнымъ величиемъ актрисы. Когда Семирамида вошла на тронъ въ вѣнѣ, со скипетромъ, въ царственной мантѣ, и, обратясь къ присутствующимъ, начала свою знаменитую рѣчь, Шушеринъ едва усидѣлъ на креслахъ, и сказалъ мнѣ «я стану на колѣни». Мы разобрали игру

(*) Попробовать эту передѣлку на сценѣ мнѣ не удалось.

(**) Шушеринъ употреблялъ слово искусство не въ томъ значеніи, которое придано ему теперь, а въ смыслѣ умѣнія, мастерства.

m-Me George, какъ говорится по ниточкѣ, и воть въ короткихъ словахъ, въ чёмъ состоялъ весь механизмъ и всяя характеристика. M-Me George играла свои роли холодно, безъ всякаго внутренняго чувства. Пластика была великолѣпна, въ полномъ смыслѣ этого слова. George была совершенная красавица: правильныя, довольно крупныя черты ея лица, необходимое условіе, чтобъ казаться совершенствомъ красоты на сценѣ, были подвижны и выразительны, особенно глаза; высокой ростъ, удивительныя руки, сила и благородство въ движенияхъ и жестахъ — все было превосходно. Я думаю, что одна ея мимика безъ словъ, произвела бы дѣйствіе еще сильнѣе. Характеры ролей, истинность ихъ, всегда приносилась въ жертву эффекту; следовательно — даже теперь выговорить страшно — ея игра была безсмысленна, относительно къ характеру представляемаго лица. Всякую роль, m-Me George, предварительно разсыпала на множество кусковъ: въ каждомъ изъ нихъ находились иногда два стиха, иногда полтора, иногда одинъ, иногда несколько словъ, а иногда и одно слово, которымъ она поражала слушателей; для усиленія эффекта избранныхъ стиховъ, выражений и словъ, она обыкновенно употребляла три способа: 1) она тянула, пѣла, хотя всегда звучнымъ, но сравнительно слабымъ голосомъ, стихи предшествующіе тому выраженію, которому надо было дать силу; вся наружность ея, какъ будто опускалась, глаза теряли свою выразительность, а иногда совсѣмъ закрывались, и вдругъ бурный потокъ громозвучнаго органа вырывался изъ ея груди, всѣ черты лица оживлялись мгновенно, раскрывались ея чудныя глаза и неотразимо-ослыпительный блескъ ея взгляда, сопровождаемый чудною красотою жестовъ и всей ея фигуры — довершаю пораженіе зрителя. 2) Громозвучная, пѣвучая и всегда гармоническая декламація вдругъ об-

рывалась, и выражительнымъ шепотомъ, съшинымъ во всѣхъ углахъ театра, произносились тѣ слова, которымъ назначено было, такъ сказать, впиваться въ душу зрителей. Не нужно прибавлять, что мимика и вся наружность соответствовали такому быстрому переходу. 3) Способъ состоялъ въ томъ, что изъ скороговорки, вдругъ вылетали искосылько словъ и нерѣдко одно слово, произносимое безъ напыва, протяжно, какъ будто по складамъ, съ сильнымъ ударениемъ на каждый слогъ, такъ что избранное выраженіе или слово, поразительно впечатлѣвалось въ слухъ и, пожалуй, въ душъ иного зрителя. Этотъ послѣдній способъ, употребляемый иногда обратно, такъ что скороговорка врывалась въ протяжно пѣвучую рѣчь, въ Петербургѣ менѣе производилъ дѣйствія, какъ я слышалъ отъ многихъ, чѣмъ на драматическихъ европейскихъ театрахъ, такъ что въ послѣдствіи m-me George употребляла его гораздо рѣже, и многие говорили, что игра ея въ Россіи усовершенствовалась. Изъ такой постановки ролей, необходимо съдуять, что они были все обдѣланы предварительно, передъ зеркаломъ, въ продолженіе долгаго времени. Всѣ мельчайшія интонаціи голоса, мальшія движения лица, рукъ и всего тѣла, всякая складка на ея платьѣ, дѣлженствующая образоваться при такомъ-то движениіи, все было изучено и никогда не измѣнялось. Минъ случилось быть одинъ разъ въ театрѣ вмѣсть съ двумя ея поклонниками и сидѣть между ними: я командовалъ всѣми движеніями m-me George, зная ихъ наизусть, такъ, что выходило очень смѣшино. Я шепталъ: «ступи шагъ впередъ, отодвинь назадъ лѣвую ногу, опусти глаза, раскрой вдругъ глаза, тяни нараспѣвъ, шепчи, говори по складамъ, скороговоркой, откинь шлейфъ платья назадъ....» и все вточности исполнилось въ ту же минуту. Одинъ изъ моихъ сосѣдей расхохотался, а другой разсердился. M-me George такъ механически играла свои роли, что слушая

иногда, повидимому, съ благоговѣньемъ или сильнымъ наружнымъ волненіемъ, она бранилась шепотомъ съ своими товарищами, за не во-время поданныя реплики, или съ своей прислужницей, стоявшей не далеко отъ нея за кулисами, забывшию подать ей какую-нибудь нужную вещь при выходѣ на сцену. Это слышалъ не я одинъ, а весьма многіе; находились такіе люди, которые ставили ей въ достоинство такое умѣніе—въ одно и тоже время раздѣляться на два лица. Игра m-lle George была положена, такъ сказать на ноты, твердо выучена наизусть, и съ неизмѣнною точностью повторялась всегда. George не обращала ни малѣйшаго вниманія на мысль автора, на общий ладъ (*ensemble*) піесы и на тонъ реплики, лица, ведущаго съ нею сцену; однимъ словомъ: она была одна на сценѣ, другія лица для нея не существовали. Послѣ этого можно ли назвать ея игру художественнымъ воспроизведеніемъ личности представляемаго лица? Это было проявленіе какихъ-то движений или волненій души, вынѣшнимъ образомъ выражавшихся, нанизанныхъ на нитку, какъ ни попало. Нѣтъ, никогда не признаю я искусства въ такомъ умѣніи передразнивать вынѣшнюю природу человѣка, хотя бы оно было возведено до высокой степени! Конечно, она подражала не одной вынѣшней природѣ, она подражала и выражению страстей человѣческихъ, но это подражаніе вообще было безжизненно, безхарактерно, безразлично. Зритель видѣлъ въ ея чертахъ и слышалъ въ ея голосѣ какое-то волненіе, какую-то силу, и, по смыслу произносимыхъ ею словъ, по характеру представляемаго лица, долженъ быть принимать это волненіе или за гневъ, или за отчаяніе и т. п. Но, конечно, ни одинъ зритель не могъ найти въ игрѣ m-lle George выраженія печали, любви и преимущественно нѣжности, хотя бы роль требовала именно такихъ чувствъ.

Говорили: George производить сильное действие, оставляет глубокое впечатление. Положимъ такъ, да какого рода это впечатление? Если не художественное, то не дай Богъ его испытывать. Это впечатление на нервы, а не на душу. Такое впечатление можетъ произвестъ всякое физическое явленіе: внезапный свѣтъ, темнота, стукъ. Если мы пойдемъ дальше и будемъ искать такого рода эффектовъ, то развѣ предсмертныя томленія умирающаго человѣка, или казнь преступника, не произведетъ еще сильнѣшаго впечатления? Но представленіе такихъ предметовъ на сценѣ, было бы оскорблениемъ искусству и художественному чувству образованнаго человѣка, и чѣмъ вѣрнѣе подраженіе, тѣмъ хуже. Впрочемъ, George не умѣла хорошо умирать на сценѣ (и слава Богу), хотя имѣла на то претензію (*).

Я наконецъ не могъ уже видѣть, безъ неудовольствія, m-ше George, между тѣмъ, какъ Семенова и Яковлевъ, у которыхъ, хотя не было ролей цѣльныхъ, но всегда были мѣста, въ которыхъ природный талантъ ихъ, то-есть,

(*) В. А. Каратыгинъ, пользуясь также громкой славой, былъ и некоторымъ образомъ, тоже George въ своей игрѣ, хотя я ставлю его въ одномъ отношеніи выше: роли у него были также *сдѣланы* то-есть, выучены передъ зеркаломъ съ разными, заранѣе придуманными, эффектными выходками; пластика—также иногда великолѣпна, хотя хриплый подорванный голосъ и нерѣзкія, малоподвижныя черты лица мѣшали ему достигнуть того совершенства, которымъ отличалась въ мимикѣ George; но вотъ въ чѣмъ онъ превосходилъ её: все его роли были обдуманы и проникнуты мыслью; характеры вѣрны и выдержаны, и онъ грѣшилъ только въ излишней эффектности вымыслилъ исполненій, не проникнутой внутреннимъ огнемъ. Вообще у него мало выражалось чувства, вѣроятно подавляемаго несчастною методою, но была сила, отчасти замѣнявшая чувство. Лучшимъ его ролемъ я считаю: Людовика XI и особенно Лейчестера въ Маріи Стюартъ, въ которыхъ актеръ играетъ—актера на сценѣ. И сказалъ, что пластика была у него иногда великолѣпна, потому что были роли, въ которыхъ эта пластика являлась не совсѣмъ изящною.

одушевлениe, вырываясь съ неподдѣльною силою—доставляло мнъ иногда истинное наслажденіе.

Припоминая всѣ разсказы Шушерина объ его жизни и театральномъ поприщѣ, слышанные мною въ разное время, я соединю ихъ въ одно цѣлое и разскажу, по большой части, собственными его выраженіями и словами, которыя врѣзались въ моей памяти и даже нѣкогда были мною записаны. Къ сожалѣнію всѣ мои тогдашнія записки, давно мною утрачены, потому что я не придавалъ имъ никакого значенія. Разумѣется, я многое забылъ и потеря эта теперь для меня невознаградима.

«Я родился въ Москвѣ», такъ говорилъ Шушеринъ, «бѣднякомъ, отъ родителей низкаго происхожденія, и мало ихъ помню, особенно мать, которой я лишился еще въ ребицествѣ. Отецъ мой былъ приказанаго званія и меня назначалъ къ тому же, для чего и былъ я выученъ грамотѣ, хотя на мѣдныя деньги, но по тогдашнему лучше другихъ. Отецъ мой умеръ въ самомъ началѣ московской чумы, которую всѣ называли черной смертью, и я жилъ уже не вмѣстѣ съ нимъ, а съ двумя разгульными товарищами, такими же повѣсами, какъ я. Мы всѣ трое служили писцами въ присутственномъ мѣстѣ (*). Я писалъ лучше и работалъ прилежнѣе ихъ, и потому денегъ получалъ больше, такъ что ихъ доставало у меня на опрятное платье, до котораго я всегда былъ охотникъ, и на всякую гульбу; но товарищи мои одѣвались отвратительно. Все свободное время мы пьянистовали и буянили. Я пилъ не меныше ихъ, а буянилъ втрое болыше; но пьянъ бывалъ рѣже, потому что былъ необыкновенно крѣпокъ и

(*) Въ какомъ—не помню. Вообще должно сказать, что память моя, сохранивъ вѣрою пять происшествій и многія выраженія Шушерина—измѣнила мнѣ въ нѣкоторыхъ именахъ и годахъ; впрочемъ, послѣднихъ, я и тогда хорошошенько не знала.

вообще имѣть чертовское здоровье. Товарищи мои были такая ракаля, что иногда обкрадывали меня и пропивали мое праздничное платье; но я продолжалъ жить вмѣсть съ ними, и только искусиѣ пряталь и крѣпче запиралъ мои вещи. Смерть отца не произвела на меня никакого впечатлѣнія, да и появленіе страшной чумы меня не испугало. Я даже мало наблюдалъ осторожности и самъ хоронилъ отца, прикасаясь къ нему голыми руками, а не желѣзными крючьями на длинныхъ палкахъ, какіе тогда употреблялись всеми для прикосновенія къ человѣку, умершему чумой. Я упросилъ полицейскихъ, чтобы не жгли отцову платья и вещей, и подержавъ ихъ надъ дымомъ зажженного навоза, взялъ ихъ себѣ и употреблялъ безъ всякаго вреда. Стыдио вспомнить, какая я былъ скотина и какую жизнь велъ! Въ церковь ходилъ рѣдко, говѣль черезъ нѣсколько лѣтъ. Только и было на умъ, какъ бы гдѣ погулять на шерамыгу. Любимое мое удовольствіе составляли кулачные бои, на которыхъ я уже имѣлъ репутацію сильнаго и ловкаго бойца, такъ что синяки носилъ рѣдко, а другихъ надѣлялъ ими часто: болень не бывала никогда. Такъ шла эта безобразная жизнь, пока не привлекъ моего вниманія театръ, заведенный и содержимый въ Москвѣ Медоксомъ. Эта забава мнѣ очень понравилась и отчасти измѣнила мое поведеніе: я сталъ употреблять деньги на театръ, а не на пьянство, отъ чего и гулять стала меньше. Новая моя охота росла и наконецъ мнѣ захотѣлось самому поиграть на *тиатрѣ*, какъ его тогда называли. Я познакомился съ мелкими актерищками, попотчиваюсь, подружился съ ними и открылся въ моемъ желаніи. Уладить дѣло было не трудно, потому что одинъ изъ *оффиціантовъ*, выносящихъ на сцену стулья и говорящихъ иногда по нѣсколько словъ—умеръ, и мнѣ доставили это мѣсто. Я писалъ и читалъ бойко, и скоро сдѣлался нужнымъ лицемъ при театрѣ: я

переписывалъ роли, за что получалъ по три копѣйки мѣдью съ листа, и когда суплеръ бывалъ пьянь или не- здоровъ, то я занималъ его мѣсто. Роли также я сталь получать позначительнѣе, то-есть, четверки въ двѣ и въ три; но жалованье было скудно, такъ что нечѣмъ было жить, если бы я не вырабатывалъ денегъ на сторонѣ переписываньемъ бумагъ. Я сказалъ, что охота къ театру измѣнила иѣсколько мое поведеніе; вступленіе же на театръ въ актеры (такъ произносили тогда это слово) сдѣлало меня еще поскромнѣе, потому что я постановилъ себѣ за правило, въ тотъ день, когда играю, — ничего хмѣльнаго не пить. Надо признаться, что долго игралъ я сквернѣшиимъ образомъ. Публика ругала меня безпощадно, какъ и многихъ другихъ, и я слышалъ своими ушами, стоя на сценѣ, какъ подчivали меня въ первыхъ рядахъ кресель. Я слушалъ и смѣялся. Наконецъ одинъ господинъ задѣлъ меня за живое. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ: «зачѣмъ эта дубина, Шушеринъ, вступилъ на театръ, не имѣя къ тому ни малѣйшихъ способностей. То ли бы дѣло, тесакъ да лямку черезъ плечо, а парень здоровый». Вдругъ мнѣ сдѣлалось чрезвычайно обидно. «Постой же, подумалъ я, я докажу тебѣ, что у меня есть способности и заставлю тебя мнѣ похлопать». Господина этого я зналъ въ лицѣ: онъ былъ известный охотникъ до театра. Я выпросилъ себѣ роль иѣсколько позначительнѣе, выучилъ твердо и попросилъ советовъ Плавильщикова, хотя недавно вступилшаго на театръ, но за то человѣка ученаго. Я сыгралъ роль изряднѣонъко и получилъ, въ первый разъ въ моей жизни, маленький аплодисментъ. Это меня поощрило. Вскорѣ представился случай, по внезапной болѣзни одного актера, выучить въ одинъ день и сыграть другую роль, еще позначительнѣе. Разумѣется, я напросилъся на это у режиссера самъ. Роль я сыгралъ такъ

удачно, что ее оставили за мнай и по выздоровлениі игравшаго ее актера, который долго на меня косился. Минъ прибавили 25 руб. асс. жалованья. Но дѣла шли все попрежнему. Вѣроятно, такая посредственность наконецъ бы надоѣла мнъ; я воротился бы къ прежнему моему образу жизни, и, конечно, не бывать бы мнъ тѣмъ, что я теперь, еслибы я не влюбился. Влюбился я не на шутку, а такъ, какъ нынче не умѣеть влюбляться: отъ макушки до пятокъ. Я влюбился въ молодую, прекрасную нашу актрису, занимавшую амплуа первыхъ любовницъ въ драмахъ и комедіяхъ, М. С. С. Разумѣется, искателей было много. Достигнуть до предмета моей любви было одно средство: сдѣлаться хорошимъ актеромъ, чтобы играть съ ней роли любовниковъ. Публика принимала ее съ восхищеніемъ, и между ею и мною лежала цѣлая морская бездна. Я, не задумавшись, бросился въ нее и—выплыть на другой берегъ. Прошедшее и даже настоящее тогдашнее мое поведеніе опротивѣли мнъ. Я не перемѣнился, а переродился. Я сыскаль себѣ расположеніе въ Плавильщиковъ, Померанцовъ и Лапинъ, бывшемъ прежде на петербургскомъ театрѣ. Я увѣрилъ ихъ (и не обманулъ), что оставилъ прежнюю жизнь, что посвящаю себя театру до гробовой доски и что хочу учиться. Они увидѣли, что это было мое искреннее желаніе, приняли меня въ свое знакомство, давали мнъ книги и не оставляли меня советами. Кромѣ нихъ я ни съ кѣмъ не знался. Съ утра до вечера, я читалъ или писалъ, чтобы вырабатывать деньги; вечера проводилъ въ театрѣ, когда былъ театръ, а остальные—большею частью у Плавильщика или у Лапина. Я пилъ воду, тѣль щи да кашу, но одѣвался щегольски; денегъ доставало у меня даже на книги, и въ моей небольшой библіотекѣ ты самъ можешь увидѣть по надписямъ, въ какіе года я покупалъ ихъ. Въ

продолжение трехъ лѣтъ я работалъ, какъ лошадь, и, какъ у меня было много огня, много охоты и не безтолковая голова, то черезъ три года, я считался уже хорошимъ актеромъ и игралъ вторыхъ любовниковъ, а иногда и первыхъ, но въ трагедіяхъ еще не игралъ. Публика начала меня принимать очень хорошо, и господинъ, назвавший меня дубиной, дай Богъ ему здоровья, хлопалъ мнѣ чаще и больше другихъ. Ничего не значущая роль «Арапа Ксури» въ комедіи Копебу «Попугай» много помогла мнѣ перейти на роли первыхъ любовниковъ. Богъ знаетъ почему такъ поправилась публикѣ моя игра! Я былъ осыпанъ аплодисментами и въ первый разъ въ моей жизни—вызванъ. Право, я думаю, что прашорщикъ не такъ бы обрадовался генеральскому чину, какъ я этому вызову. Во второе представление «Попугая», я былъ принятъ еще лучше. Русской переводчикъ посвятилъ мнѣ переводъ «Попугая». Одинъ богатый и просвещенный вельможа, К. Ю., всѣмъ известный любитель и знатокъ театра, мнѣнія которого были закономъ для всѣхъ образованныхъ людей, приславъ мнѣ отъ неизвестного 100 рублей, а что всего важнѣе, онъ, сидя всегда въ первомъ ряду креселъ, удостоилъ меня не хлопанья (онъ этого никогда не дѣлялъ), а троекратнаго прикосновенія пальцевъ правой руки къ ладони лѣвой. Этого знака одобрения онъ только изрѣдка удостоивалъ первыхъ нашихъ актеровъ. Когда я увидѣлъ этотъ знакъ, то, съ радости, чуть не сбросилъ съ руки чучелу Попугая и едва не поклонился. Съ этого времени все переменилось: жалованье сейчасъ мнѣ дали тройное, а потомъ четвертое, назначили роли первыхъ любовниковъ, даже въ трагедіяхъ, и, спустя два года, я сдѣлался любимцемъ публики, первымъ актеромъ, знаменитымъ Шушеринскимъ.—«А что же любовь, Яковъ Емельяновичъ», спросилъ я? — «Любовь,

брать?... Выдохлась, или, вѣриѣ сказать, перешла въ мобовь къ театру. Притворные любовники въ драмахъ и комедіяхъ убили настоящаго! Впрочемъ я... Ну, да что поднимать старину — кто молодъ не бывалъ!»...

«Съ появленія моего въ роли Ксури, я постоянно по-вѣрялъ достоинство моей игры — движеніемъ рукъ того вѣльможи, о которомъ я сейчасъ тебѣ сказалъ. Какъ бы публика ни хлопала мнѣ, если его руки оставались спокойны, я зналъ, что играю не хорошо; я начиналъ вдумываться въ роль, разбирать ее, советоваться, работать и, когда добивался знака одобренія отъ старика, тогда былъ доволенъ собою. Я пользовался советами Лапина и Плавильщикова. Померанцевъ талантъ былъ выше всѣхъ, но играть по внушению сердца и въ советчики не годился. У Лапина не было большаго дарованія, но онъ былъ умный, опытный, старый актеръ. Онъ долго жилъ въ Петербургѣ и много игрывалъ на театрѣ съ Дмитревскимъ и съ обоими Волковыми, а потому отъ него можно было очень позаимствовать. Плавильщиковъ же былъ удивительный чудакъ, человѣкъ умный, ученый, писатель, кончилъ курсъ въ Московскомъ университѣтѣ; и начнетъ было говорить о театральномъ искусствѣ, такъ ротъ разинешь. Читаль мастерски; я лучше его чтеца не знаю; по всему следовало бы ему быть знаменитымъ артистомъ, но онъ не былъ имъ; онъ, конечно, занималъ первыя роли и пользовался славой, но все не такой, какой бы могъ достигнуть. Причина состояла вотъ въ чемъ: у него было довольно теплоты и силы, но пылу, огня не было, а онъ именно ихъ хотѣлъ добиться, отъ чего впадалъ въ крикъ, въ утрировку и почти всегда сбивался съ характера играемой роли. Въ такихъ пьесахъ, где нельзя горячиться, онъ былъ превосходенъ, какъ, напримѣръ, въ «Титовомъ милосердіи», въ «Купце Ботѣ», въ роли пастора въ «Сынѣ».

любви» и въ «Отцѣ семейства». Мне разсказывалъ, много лѣтъ спустя, одинъ вѣрный человѣкъ, что Плавильщико́въ, доходившій въ роль «Эдипа въ Аѳинахъ» до такого неистовства, что ползалъ на четверенькахъ по сценѣ, отыскивая Антигону,—одинъ разъ игралъ эту роль, будучи очень слабъ, послѣ горячки, и привелъ въ восхищеніе всѣхъ московскихъ знатоковъ. Ну такъ вотъ какой человѣкъ былъ Плавильщико́въ: перенимать у него методу игры, или, яснѣ сказать — исполненіе ролей на сценѣ — не годилось, а совѣты его были мнѣ всегда полезны. Вообще должно сказать, что Плавильщико́въ имѣлъ свой и довольно большой кругъ почитателей. Былъ у меня и еще добрый совсѣмъ другъ мой, котораго ты знаешь, купецъ Какуевъ; онъ и тогда, въ молодости, былъ страстнымъ охотникомъ до театра и отличался самимъ скромнымъ поведеніемъ.—Лучшими моими ролями были въ трагедіяхъ Сумарокова: «Хоревъ», «Труворъ» и «Ростиславъ» (*); въ трагедіяхъ Княжнина: «Владисанъ», «Рославъ» и «Ярбъ»; потомъ роль «Безбожнаго» въ трагедіи «Безбожный». Графа Кларандона (**) въ «Евгениѣ» Бомарше; Графа Аппіано въ «Эмилии Галотти» Лессинга; Сеида въ «Магометѣ» и Фрица въ «Сынѣ любви». Эта послѣдняя роль, по истинѣ ничего не значущая, до того нравилась московской публикѣ, что я въ послѣствіи пробовалъ ее играть и здѣсь; но московскаго успѣха не было.

Слава моя и также Плавильщикова дошла до Петербурга. Иванъ Аѳанасьевъ Дмитревскій прѣхаль посмотрѣть нась; онъ и прежде бывалъ и игрывалъ въ Москвѣ

(*) Въ трагедіяхъ: «Хоревъ», «Синавъ» и «Труворъ» и «Семира».

(**) Въ 1788 году, Дмитревскій игралъ эту роль въ Москве, и въ объявленіи было сказано: Лордъ Графъ Кларандонъ, любовникъ Евгениинъ и минимъ музъ ел, Г-нь Дмитревскій, придворнаго Санктпетербургскаго Россійскаго Театра первый актеръ.

и мы его видали. Въ этотъ пріѣздъ онъ также игралъ илько разъ, и я всегда смотрѣлъ на него съ восхищеніемъ и старался перениматъ его игру. Онъ очень хвалилъ насть обоихъ; но отъ него вѣдь правды не вдругъ узнаешь. Нѣкоторыя роли мы съ Плавильщиковымъ играли поочередно, какъ напримѣръ: «Безбожнаго» и «Ярба». Плавильщикому Дмитревскій говорилъ, что онъ лучше меня, а мнѣ, что я лучше Плавильщика. Дѣло состояло въ томъ, что Дмитревскій предложилъ намъ, отъ имени директора, перейти на петербургскій театръ, на которомъ актеры считались въ Императорской службѣ и, по прошествіи двадцати лѣтъ, получали пенсионъ, — только жалованье предлагалъ небольшое. Мы съ Плавильщиковымъ соглашались; но жалованья требовали вдвое больше и условились не уступать ни копѣйки. Дмитревскій торговался съ нами, какъ жидъ: онъ позвалъ насть къ себѣ, угостилъ, обѣщалъ золотыя горы и уговаривалъ подписать условіе; но мы не согласились и ушли. Вдругъ дорогой, Плавильщикова отстаетъ отъ меня и говоритъ, что ему надобно воротиться на ту же улицу, где жилъ Дмитревскій и къ кому-то зайти — и воротился въ самомъ дѣлѣ. Минъ сейчашь пришло въ голову, что онъ воротился къ Дмитревскому и что онъ хочетъ уѣхать въ Петербургъ одинъ, безъ меня; онъ понималъ, что мое соперничество было ему не выгодно. Я не ошибся: на другой день узнаю, что Дмитревскій прикинулся Плавильщикому 200 рублей асс., и что онъ подпишалъ условіе. До самаго отѣзда въ Петербургъ, Плавильщикова прятался отъ меня, потому что я не только бы обругалъ его, но и прибилъ. Онъ пробылъ въ Петербургѣ всего одинъ годъ (*); де-

(*) Вероятно, это было въ 1793 году, потому что въ комедіи «Школа злословія», въ первый разъ игранный въ этомъ году, роль дяди Клешнина игралъ Плавильщикова, чтобъ и напечатано въ самой комедіи.

бюты были неудачны, какъ ему показалось, публика принимала его посредственно, товарищи-актеры косились и начальство не оказывало ему вниманія. Онъ соскучился по Москвѣ, вышелъ въ отставку и воротился къ намъ на театръ. Изъ его рассказовъ я вывелъ однако заключеніе, что сначала петербургская публика его приняла довольно благосклонно, но что въ послѣдствіи онъ самъ повредилъ себѣ, вдаваясь постепенно въ тотъ неистовый крикъ и утрировку, о которыхъ я тебѣ уже говорилъ; этому способствовала много петербургская трагическая актриса, Татьяна Михайловна Троепольская, которая страдала точно тою же болѣznю, какъ и Плавильщиковъ, то есть, утрировкой и крикливостью. Я самъ послѣ съ ней много игрывалъ, и разскажу, какія я употреблялъ средства, чтобы удерживать ее въ границахъ благопристойности. Странное дѣло: и Троепольская и Плавильщиковъ извиняли себя тѣмъ, что не могутъ совадѣть съ своею горячностью, а вѣдь это неправда. Настоящей горячности, то-есть, огня, съ которымъ точно трудно ладить, у нихъ не было. Я даже думаю, что именно недостатокъ огня, который невольно чувствуется самимъ актеромъ на сценѣ, заставлялъ ихъ прибѣгать къ крику и къ сильнымъ жестамъ. Сколько разъ случалось мнѣ играть съ Плавильщиковымъ, условившись заранѣе, чтобы онъ не вскрикивалъ, не возвышалъ голоса безъ надобности. Я даже прибѣгалъ къ хитрости: увѣрялъ его, что онъ давитъ меня своимъ органомъ, и что я отъ этого не могу хорошо играть и мѣшаю ему самому. Онъ соглашался. Передъ самыми выходомъ на сцену обѣщаю взять тонъ слабѣе, ниже, и вести всю роль ровнѣе, и сначала исполнялъ свое обѣщаніе, такъ что иногда цѣлый актъ проходилъ очень хорошо; но какъ бывало только скажешь какую-нибудь рѣчь или слово, хотя безъ крику,

но выразительно, сильно, особенно если зрители похлопают—все пропало! Возьметь цѣлой октавой выше, хватить себя кулакомъ въ грудь, заореть, закусить удила и валиться такъ до конца піесы. Точно, тутъ была какая-то горячность, но совсѣмъ не тотъ огонь, который приничень представляемому лицу и который не нуждается въ крикѣ.»

«Много прошло времени, въ продолженіе котораго ничего особеннаго не случилось. Слава моя не падала, а смыю сказать, увеличивалась. Мне сдѣлали вторичное предложеніе изъ Петербурга, законнымъ порядкомъ, на бумагѣ, а Дмитревскій (*) писалъ ко мнѣ частнымъ образомъ, тоже отъ имени директора, что если я прослужу дѣсять на петербургскомъ театрѣ, то мнѣ зачтуть годы частной службы у Медокса и обратить мое жалованье въ пенсионъ. Жалованья предложили мнѣ 2,000 рублей асс. и полный бенефисъ въ зимній карнаваль. Въ такомъ же родѣ предложеніе, хотя съ меньшими выгодами, сдѣлано было актеру Сахарову и, по моему ходатайству, вдовѣ покойнаго моего пріятеля, Надеждѣ Федоровнѣ Калиграфѣ: ей предложили 600 рублей жалованья. Мы всѣ трое подумали, посовѣтовались и рѣшились перѣехать въ Петербургъ.»

«Дебюты наши были довольно удачны, особенно мои. Сахаровъ понравился въ роль Христіерна, въ трагедіи Княжнина «Рославъ» (**); Надежда Федоровна—въ «Миссъ Сарръ Самсонъ» и въ «Титовомъ милосердіи», а я—въ «Эмиліи Галотти» и въ «Ярбѣ». Хотя я не вдругъ про-

(*) Онъ уже въ это время оставилъ театръ.

(**) Сахаровъ славился въ роляхъ злодѣевъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ тонѣ его голоса, въ выраженіи его глазъ и всего лица было что-то злобное, хотя, по словамъ Шушерина, онъ былъ предобрый малый.

брьль благосклонность петербургской публики, у которой всегда было какое-то предубеждение и даже презрение къ московскимъ актерамъ съ Медоксова театра, но я увѣренъ, что непремѣнно бы добился полнаго благоволенія въ Петербургѣ, еслибъ года черезъ два не появился новый дебютантъ на петербургской сценѣ, А. С. Яковлевъ, котораго ты довольно знаешь. Онъ и теперь ничего не смыслить въ театральномъ искусствѣ, а тогда былъ совершенный мужикъ, сидѣлецъ изъ-за прилавка. Нечего и говорить, что Богъ одарилъ его всѣмъ. И. А. Дмитревскій былъ его учителемъ и покровителемъ. Дмитревскій не то, что мы: онъ знакомъ со всею знатью и съ Дворомъ; въ театральныхъ дѣлахъ ему вѣрили, какъ оракулу. Онъ поѣхалъ по всему городу, заранѣе расхвалилъ новаго дебютанта, и Яковлевъ былъ такъ принятъ публикой, что, я думаю, и самого Дмитревскаго, во время его славы, такъ не принимали. Грѣшный человѣкъ: я подозрѣваю, что Иванъ Аѳанасьевичъ хлопоталъ объ Яковлевѣ не изъ одной любви къ его таланту, а изъ невиннаго желанія втолпать меня въ грязь, потому что онъ не могъ простить мнѣ, какъ я осмѣялся вывести его на свѣжую воду, при моемъ дебюте въ «Ярбѣ»; онъ не любилъ людей, которые видятъ его насквозь и не скрываютъ этого. Впрочемъ, я совершенно убѣжденъ, что онъ самъ не предвидѣлъ такихъ блестательныхъ успѣховъ своего ученика, и что онъ былъ не совсѣмъ ими доволенъ. Я не хочу передъ тобой запираться и увѣрять, что успѣхъ Яковlevа не былъ мнѣ досадень. Скажу откровенно, что онъ чуть не убилъ меня совсѣмъ. Публика, начинавшая меня и цѣнить, и любить, вдругъ ко мнѣ охладѣла, такъ что, еслибъ не надежда на пенсію, на кусокъ хлѣба подъ старость, то я не остался бы и одной недѣли въ Петербургѣ. Стыдно было играть! Въ той самой роли, въ которой за двѣ не-

дѣли, встречали и провожали меня аплодисментами — никто разу не хлопнетъ, да еще не слушаютъ, а шумятъ, когда говоришь. Горько было мнѣ, любезный другъ, очень горько. Положимъ, Яковлевъ талантъ, да за что же оскорблять меня, который уже нѣсколько лѣтъ доставлялъ публикѣ удовольствіе, — и добро бы это быть истинный артистъ, а то вѣдь одна только наружность. Всѣ думали, что я не выдержу такого афрона и возвращусь въ Москву, которая нѣкогда носила меня на рукахъ: но Богъ подкрѣшилъ меня. Много ночей провелъ я безъ сна, думать, соображать и рѣшился — не уступать. Я сдѣлалъ планъ, какъ вести себя и крѣпко его держался. Меня ободряла мысль, что не будетъ же Дмитревскій всѣ роли учить Яковлева, какъ скворца съ органчика, и что онъ, даже выученное скоро забудетъ и пойдетъ такъ вратъ, что публика образумится. Этотъ расчетъ, только отчасти не обманулъ меня. Яковлевъ скоро зазнался, загулялъ и стала рѣжеходить къ Дмитревскому; стариkъ осердился и принялъся побранивать во всѣхъ знакомыхъ ему домахъ игру бывшаго своего ученика. Лучшая половина публики очнулась, поняла свою ошибку; но остальная, особенно раекъ, продолжала безъ ума хлопать и превозносить новаго актера. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ моихъ моло-дыхъ ролей совсѣмъ перешли къ Яковлеву, и я самъ отъ нихъ отказался; но за то тѣмъ крѣпче держался я за тѣ роли, въ которыхъ мое искусство могло соперничать съ его дарованьемъ и выгодной наружностью. Я постоянно изучалъ ихъ и довелъ до возможнаго для меня совершенства. Образованная часть публики, опомнившись отъ угара, начала принимать меня, если не попрежнему, то все довольно хорошо. Я началъ отдыхать. Вдругъ Яковлевъ вздумалъ сыграть «Сына любви», роль, которую всегда игралъ я съ успѣхомъ: забасилъ, задекламировалъ и

скорчилъ героя вмѣсто простаго солдата. Публика принялъ его очень плохо. Я упросилъ дирекцію, черезъ одного пріятеля, чтобы черезъ два дня дали мнѣ сыграть «Сына любви» и—быть такъ принять, какъ меня никогда въ этой роли не принимали: публика почувствовала разницу между актеромъ, понимающимъ свое дѣло,—и красивымъ, хотя даровитымъ невѣждой. Почти тоже случилось, когда Яковлевъ вздумалъ сыграть Ярба, который считался лучшемъ моему роляю. Дмитревскій, играя Ярба, никогда не чернилъ себѣ лица: это было капризъ, и при его великомъ искусствѣ и таланте, публика не обращала вниманія на цвѣтъ его лица. Яковлевъ вздумалъ сдѣлать то же и явился бѣльмъ посреди своей черной свиты; публикѣ это очень не понравилось и его приняли, хотя не такъ плохо, какъ въ «Сынѣ любви», но гораздо хуже, чѣмъ въ другихъ роляхъ. Но Боже мой, какъ бы онъ могъ быть хорошъ въ этой роли, съ его чудесными средствами! Черезъ недѣлю назначили «Дидону». Я долженъ быть явиться въ Ярбъ; мнѣ многаго стоило, чтобы побѣдить въ себѣ неувѣренность въ успѣхѣ. И точно, я былъ принять нѣсколько хуже прежняго, но несравненно лучше Яковлева: и такъ дѣла находились въ сносномъ положеніи».

«Я сказалъ тебѣ, что петербургская трагическая актриса, Татьяна Михайловна Троепольская, страдала одною болѣзни ѿ Плавильщиковымъ, то-есть, говоря ихъ словами, излишнею горячностью, и что они взаимно сбивали другъ друга. Мнѣ рассказывали, что Плавильщиковъ, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, передъ началомъ представленія піесы всегда старался подгорячить Троепольскую и говоривалъ: «Ну, матушка, Татьяна Михайловна, не ударимте себя лицемъ въ грязь, сыграемте сегодня на славу»—и оба доходили до такихъ излишествъ, что при-

водили публику въ смѣхъ. Я употреблялъ совершенно противоположную методу: я всегда говорилъ Троепольской, передъ выходомъ на сцену, что мнѣ какъ-то нездоровится, что я чувствую какую-то слабость, или что я совсѣмъ не расположенъ сегодня играть, чувствуя себя какъ-то не въ духѣ, и просить ее помочь мнѣ спустить спектакль кое-какъ, переваливая пень черезъ колоду. Эта продѣлка мнѣ удавалась: въ той сценѣ, гдѣ надобно было набольше огня.—поджечь Татьяну Михайловну ничего не стоило, и піеса сходила ладнѣхонько. Это было въ самомъ началѣ моего пребыванія въ Петербургѣ.

«Наконецъ наступила пора измѣненія въ трагическомъ репертуарѣ: явилась трагедія Крюковскаго «Пожарской» и потомъ трагедія Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ». Въ первой, Яковлевъ игралъ Пожарскаго, и хотя публика принимала его отлично хорошо, но и меня въ роли Заруцкаго, приняла съ такимъ же одобрениемъ; это, конечно, было для меня очень лестно. Мои пріятели и почитатели называли это моимъ торжествомъ, говоря, что я умѣль изъ ничтожной роли Заруцкаго сдѣлать замѣчательное лицо и уровнять его съ героями піесы, котораго игралъ даровитый любимецъ публики. Я принималъ такія похвалы съ скромностью, приписывая ихъ снисхожденію публики къ старому актеру. Разумѣется, я молчалъ и никого не выводилъ изъ заблужденія: а въ самомъ-то дѣлѣ, изъ роли Пожарскаго и сдѣлать ничего нельзѧ. Еслибы Яковлевъ игралъ ее лучше, то-есть, простѣе, — публика была бы еще менѣе довольна; тогда какъ роль Заруцкаго имѣть страсти, выраженіе которыхъ всегда на сценѣ эффектно и выгодно. Скорѣе можно назвать моимъ торжествомъ трагедію Озерова. Я рѣшился взять въ ней роль Эдипа, и первый разъ въ моей жизни вышелъ на сцену въ старикѣ. Это былъ мой первый, полный успѣхъ на петербургской

сценъ. На мѣсть Яковлева, я бы взялъ въ этой трагедіи роль Полиника, которая могла затмить Эдипа; но ему, во уваженіе высокаго роста и богатырской фигуры, предложили играть царя и героя «Тезея». Конечно, публика и здѣсь ему очень много хлопала; но роль Тезея ничто, въ сравненіи съ «Полиникомъ»: еслибъ я былъ молодъ, ни за что бы съ этой ролью не разстался. Тогдашній «Полиникъ», г. Щениковъ, игралъ очень плоховато, и для меня это было не безвыгодно. Семенова, не игравшая еще въ трагедіяхъ, явилась въ первый разъ въ роли Антигоны въ «Эдипѣ въ Аѳинахъ». Какъ она была хороша! Какой голосъ! Какое чувство, какой огонь..... Ну да вотъ, какой огонь: когда въ третьемъ актѣ, Креонъ, въ отсутствіи Тезея, похищаетъ Эдипа и воины удерживаютъ Антигону, то она пришла въ такую *passio*, что произнеся первые четыре стиха:

Постойте, варвары! произните грудь мою,
Любовь къ отечеству довольствуйте свою.
Не внимлють: и бѣгутъ поспѣшио по долинѣ;
Не внимлють: и мой вопль теряется въ пустынѣ....

вырвалась у воиновъ и убѣжала вслѣдъ за Эдипомъ, чего по пись не слѣдовало дѣлать; сцена оставалась, можетъ быть, минуты двѣ пустою; публика, восхищенная игрой Семеновой, продолжала хлопать; когда же воины притащили «Антигону» на сцену насильно, то громъ рукоплесканій потрясъ театръ! Все вышло такъ естественно, что публика не могла замѣтить нарушенія хода піесы. Потомъ Озеровъ написалъ еще трагедію «Фингаль». Я игралъ роль старика Старна; разумѣется, Яковлевъ игралъ «Фингала». Здѣсь повторилось почти то же, что было въ трагедіи «Пожарской», то-есть: мстительный Старнъ произвелъ болѣе впечатлѣнія, чѣмъ великолѣпный герой «Фингаль», хотя Яков-

левъ быть дѣвно великолѣпенъ въ этой роли. Я по совѣсти скажу, что хорошо игралъ Старна, но вотъ какое странное приключение случилось со мной: Фингала приказано было дать на эрмитажномъ театрѣ. Русскіе спектакли на немъ давались довольно рѣдко, и обыкновенно лучшіе актеры, занимавшіе главные персонажи, получали подарки какими-нибудь драгоцѣнными вещами; я ни разу не игралъ въ Эрмитажѣ, не получивъ перстня. Во время представленія «Фингала», Государь былъ очень доволенъ, и особенно мною, какъ мнѣ потомъ рассказывали; но на другой день Яковлевъ и Семенова, игравшая Моину, получили подарки: первый—брильянтовый перстень, а вторая—брильянтовые серьги, я же—ничего. Сначала думали, что это ошибка, но потомъ достовѣрно узнали, что Государь именно вельми послать подарки Яковлеву и Семеновой, и когда ему напомнили о Шушеринѣ, онъ повторилъ прежнее приказаніе.

«Черезъ иѣсколько времени поступила на театръ давно мнѣ извѣстная, по стариинному переводу, и глубоко мною чтимая трагедія «Леаръ», то-есть, «Король Лиръ» Шекспира, переведенная или передѣланныя Н. И. Гнѣдичемъ, тоже, кажется, изъ Дюсиса; но впрочемъ, не для меня и не по моей просьбѣ, а для Семеновой. Конечно, для нея тутъ была прекрасная роль Корделии, и Семенова играла ее чудо какъ хорошо; но главное въ піесѣ лицѣ—старикъ Леаръ, котораго игралъ я. Во всемъ моемъ репертуарѣ не было ничего подобнаго этой роли. Хотя всѣ превозносили меня похвалами, но я чувствую и признаюсь тебѣ, что игралъ эту роль слабо и невѣрно. Внутренній голосъ говорилъ мнѣ, какъ надо играть Леара, и я на первой пробѣ репетировалъ согласно съ внутреннимъ моимъ чувствомъ; но всѣ на меня возстали и нашли, что это триivialно, что «Леаръ» будетъ смѣшонъ, и самъ переводчикъ

говорилъ тоже; оно, конечно, казалось такъ, потому что языкъ піесы и игра всѣхъ актеровъ были несолько напыщены, неестественны, и простота моей игры слишкомъ бы отъ нихъ отличалась; но я зналъ черезъ добрыхъ людей, что Шекспиръ изуродованъ въ этомъ переводѣ или въ этой передѣлкѣ, и самъ читалъ описание, съ какою простотой игрывалъ эту роль Гаррикъ. Поспоривъ немногого, я уступилъ, потому что самъ бытъ неувѣренъ въ успѣхѣ моей новой игры (*). Я придалъ лицу «Леара» вездѣ царственную величавость и важность тона, позволивъ себѣ приблизиться къ натурѣ только въ сценѣ помышательства во время бури. Успѣхъ былъ огромный, неслыханный. После окончанія піесы и вызововъ, сначала меня, а потомъ Семеновой и Яковлева (послѣдняго Богъ знаетъ, за что вызвали, и роль-то Ленокса была пустая) — прибѣжали ко мнѣ въ уборную мои советчики. Обнимая меня и поздравляя съ успѣхомъ, одинъ изъ нихъ, Кн. Ш., сказалъ: «Ну, вотъ видишь, Яковъ Емельянъ! хорошо, что ты нась послушался!... — «Точно такъ, ваше сиятельство, отвѣчалъ я съ поклономъ; покоришише васъ благодарю!... но на умѣ у меня было совсѣмъ другое (**).»

(*) Удивительно, какъ Шушеринъ, не получивъ никакого образования, былъ во многихъ понятіяхъ выше не только современныхъ актеровъ, кроме Дмитревскаго, но выше многихъ литераторовъ; я вѣрилъ ему тогда на слово, и только много лѣтъ спустя, оценивъ вѣрность взглядовъ Шушерина, по достоинству.

(**) Съ трагедіей «Леаръ» вышла смѣшная и непрѣятная исторія: Гнѣдичъ напечаталъ, не помни гдѣ именно, стихи къ Семеновой при поднесеніи ей экземпляра «Леара», которые начинаются такъ:

«Прими, Семенова, Леара своего:
Онь твой, твои дары украсили его.»

Въ тоже время Гнѣдичъ подарилъ экземпляръ своего перевода и Шушерину, съ собственноручною надписью этихъ самыхъ стиховъ, съ пѣремѣнною слова, «Семенова» на слова: «о Шушеринъ». Я увидѣлъ это и

«Наконецъ явилась русская, то-есть, изъ русской исторіи, трагедія Озерова «Дмитрій Донской» (*). Я игралъ ничтожное лицо князя Бѣлозерскаго, а Яковлевъ—Дмитрія Донского. Эта роль была его триумфъ; она возстановила его, несолько пошатнувшуюся славу, и восторгъ публики выходилъ изъ всякихъ предѣловъ. Много способствовало блестательному успѣху Яковlevа то, что тогда были военные обстоятельства: всѣ сердца и умы были настроены патріотически, и публика сдѣлала примѣненіе Куликовской битвы къ ожидаемой тогда битвѣ нашихъ войскъ съ Французами. Когда, благодаря за побѣду, Дмитрій Донской становится на колѣни и, простирая руки къ небу, говорить:

Но первый сердца долгъ къ тебѣ, Царю Царей!
Всѣ царства держатся Десницею Твоей
Прославь и возвеличи и вознеси Россію!
Сотри ея враговъ ковариу, горду вину;
Чтобъ съ трепетомъ сказать виоплеменинкъ могъ:
Языки, вѣдайте—великъ Российскій Богъ!

Такой энтузіазмъ овладѣлъ всѣми, что нѣть словъ описать его. Я думалъ, что стѣны театра развалятся отъ хлопанья, стука и крика. Многіе зрители обнимались, какъ опьяные, отъ восторга. Сдѣлалось, до тѣхъ поръ неслыханное дѣло: закричали форо въ трагедіи. Актеры не знали, что дѣлать. Наконецъ изъ первыхъ рядовъ кресель на-

указалъ Шушерину, который немножко обидѣлся и при матѣ сказалъ шута Гнѣдичу: «какой вы экономъ въ стихахъ, любезный Николай Иванычъ! одинъ и тѣ же стишкы пригодились и мнѣ и Семеновой! Только, вѣдь мы могли заспорить, чей Леаръ: ея или мой? Я желалъ бы знать, кому стихи написаны прежде? Вѣроятно мнѣ, потому что я игралъ «Леара» и потому, что я постарше». Гнѣдичъ ужасно сконфузился; увидалъ, что стихи написаны Шушерину, но что онъ ихъ забылъ и безсознательно повторилъ въ стихахъ къ Семеновой. Послѣ этого пустаго случая, онъ сталъ рѣже видаться съ Шушериннымъ.

(*.) Озеровъ написалъ еще въ 1798 году трагедію изъ русской исторіи: «Ярополкъ и Олегъ», которая быда играна; но успѣха не имѣла.

чали кричать: «Повторить молитву!» и Яковлевъ вышелъ на авансцену, сталь на колѣни и повторилъ молитву. Восторгъ былъ такой-же, и надобно правду сказать, что величественная фигура Яковлева, въ древней, воинской одеждѣ, его обнаженная отъ плена голова, прекрасныя черты лица, чудесные глаза, устремленные къ небу, его голосъ, громозвучный и гармоническій, сильное чувство, съ какимъ произносилъ онъ эти превосходные стихи—были точно увлекательны!»

«Съ появленія этой трагедіи, слава Яковлева вдругъ выросла опять до тѣхъ размѣровъ, какихъ она начинала достигать послѣ первыхъ трехъ его дебютовъ, и утвердила прочнымъ образомъ, что ты видишь и теперь; а я опять началь испытывать холодность большинства публики. Точно какъ-будто нельзя было, восхищаясь Яковлевымъ, отдавать справедливость Шушерину! Только въ трехъ роляхъ: Эдипа, Старна и Леара, публика принимала меня благосклонно; даже по правдѣ нельзя этого сказать про роль Старна, въ которой я сталъ менѣе нравиться зрителямъ съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ не дали подарка за эрмитажный спектакль. Непріятность моего положенія возвратилась вновь и не поправлялась. Такъ тянуль я два года и сдѣлался боленъ. Не думаю, чтобы мой болѣзнь происходила отъ постояннаго душевнаго огорченія, какъ думалъ мой докторъ, потому что я, пролежавъ три дня, сталъ скоро поправляться; но я рѣшился наконецъ привести въ исполненіе мое давнишнее задушевное намѣреніе. Десятилѣтній срокъ моей службы на петербургскомъ театрѣ уже прошелъ; мнѣ стукнуло шестьдесятъ лѣтъ, и я, пользуясь своимъ незддоровьемъ, прикинувшись слабымъ и хворымъ, подалъ просьбу объ увольненіи меня на пенсию. Хотя я не пользовался благорасположеніемъ начальства, особенно по репертуарной части, потому что

мало его слушался въ постановкѣ ролей; но оно желало отъ меня избавиться и усердно ходатайствовало объ исполненіи моей просьбы; ты знаешь, что у меня есть добрые друзья и милостивцы, которые приняли во мнѣ участіе. Теперь, кажется, уже нѣтъ сомнѣнія, что я скоро получу мою пенсию и перѣѣду на житѣе въ Москву, которую люблю и которая всегда меня любила. Уже двадцать пять лѣтъ, какъ я началъ копить деньги на старость: каждый годъ откладывалъ я что-нибудь и кладъ въ Ломбардъ, и у меня накопилось съ процентами слишкомъ двадцать тысячъ. Я куплю себѣ маленькой домикъ, въ какомъ-нибудь перекулѣ, перевезу изъ Петербурга всю мою мухобель (*), которую съ намѣреніемъ я заводилъ здѣсь въ прочномъ видѣ, и заживу паномъ. За здѣшнею дирекцію у меня есть бенефисъ, и я уже выпросилъ разрешеніе взять его въ Москву (**): это дастъ мнѣ по крайней мѣрѣ пять тысячъ, а чтобы московской дирекціи не было обидно, то предварительно сыграю разокъ для нея, и, конечно, доставлю кассъ полный сборъ. Петербургъ никогда мнѣ не нравился, а теперь такъ опротивѣль, что я ушелъ бы изъ него пышкомъ. По правдѣ тебѣ сказать, я чувствую себя такъ крѣпкимъ и бодрымъ, что надѣюсь еще прожить долго. Я не намѣренъ разставаться совсѣмъ съ театромъ, а буду поигрывать отъ времени до времени, когда мнѣ захочется, въ свое удовольствіе. Дирекціи это будетъ очень выгодно, и она съ радостью согласится или дѣлить со мною пополамъ сборы или назначить мнѣ бенефисъ. Кажется, мои планы и намѣренія самые сбыточные, и я могу надѣяться на ихъ исполненіе. Въ Москву, въ Москву, любезный другъ! На мою родину, въ древнюю русскую столицу; я соскучился, не видавъ столько лѣтъ Кремля,

(*) Такъ называла Шушеринъ свою мебель и разныя домашнія вещи.

(**) Въ это время въ Москву уже давно былъ казенный театръ.

не слыша звона его колоколовъ; въ Москвѣ начну новую жизнь — вотъ чего жаждеть душа моя, о чмъ молоось ежеминутно Богу, о чмъ грежу во снѣ и на яву... Надобно было видѣть Шушерина, чтобы почувствовать всю горячность этого желанья, всю искренность этихъ словъ! Увлеченный ими, я самъ обѣщалъ ему, что перейду служить въ Москву, куда, вѣроятно, будетъ иногда прѣѣзжать все мое семейство.

Междудъ тѣмъ судьба еще не такъ скоро исполнила пламенное желаніе Шушерина. Прошло около года, а пенсія не выходила. Мое знакомство съ нимъ съ каждымъ днемъ становилось ближе. Онъ очень любилъ меня. Д. И. Языковъ разсказывалъ мнѣ случай, который служитъ тому убѣдительнымъ доказательствомъ: я уѣзжалъ въ отпускъ въ деревню, и будучи на охотѣ, по неосторожности пропстрѣлилъ себѣ руку; рана была довольно жестока, но при помощи хорошаго доктора, никакой опасностью не угрожала. Не понимаю, отъ чего дошла обѣ этомъ вѣсть до Петербурга, съ довольно сильнымъ украшеніемъ, то есть, что я убилъ себя наповалъ. Одинъ разъ у Шушерина обѣдало человѣкъ шесть приятелей. Въ томъ числѣ: Д. И. Языковъ, Гиѣдичъ, Н. И. Ильинъ (сочинитель известныхъ драмъ) (*) и какой-то гость, въ первый разъ приглашенній къ Шушерицу. Этотъ господинъ, не зная о моей дружбѣ съ Шушериномъ, вдругъ за обѣдомъ говорить Языкову: «Слышили ли вы, что вашъ знакомый, молодой человѣкъ, Аксаковъ, застрѣлилъ себя на охотѣ и тутъ же умеръ?» Шушеринъ былъ такъ пораженъ, что всѣхъ перепугалъ. Онъ былъ крѣпкаго духа человѣкъ,

(*) Драмы Н. И. Ильина: «Лиза или торжество благодарности» и «Рекрутскій наборъ», долго держались на сценахъ обоихъ столичныхъ театрахъ и принимались публикою съ необыкновеннымъ восторгомъ. Въ «Рекрутскомъ наборѣ» весь театръ плакалъ отъ умиления и жалости.

котораго ничто не могло смутить, а тутъ вышли у него изъ рукъ ножикъ и вилка, которые онъ держалъ въ то время, и ручки слезъ хлынули изъ глазъ; онъ долженъ былъ выдти изъ-за стола и оставить гостей съ Надеждой Федоровной. Въ тотъ же деньѣ вѣздили онъ самъ къ Г. И. К....му, чтобы узнать печальную истину, не засталъ его дома и оставилъ записку. Степанъ сказывалъ мнѣ по моемъ возвращеніи: «что Яковъ Емельяновичъ почти всю эту ночь не почивали, все ходили по комнатѣ». На другой день рано поутру, Шушеринъ получилъ отъ Г. И. К. записку, съ уведомленіемъ, что я точно прострѣлилъ себѣ руку, но что я уже выздоровѣлъ и на дняхъ буду въ Петербургѣ. Шушеринъ такъ не взлюбилъ того господина, впрочемъ ни въ чемъ не виноватаго, который напугалъ его извѣстіемъ о моей смерти, что никогда не хотѣлъ уже его видѣть у себя въ домѣ.

Ничѣго не могу сказать о томъ, что замедлило назначеніе пенсіи Шушерину, только ожиданіе это было для него томительно. Уже два года всякой день отвѣчали: «въ непрѣдолжительномъ времени все будетъ сдѣлано». Конечно, мое присутствіе было большой отрадой для Шушерина, и мнѣ очень пріятно обѣ этомъ вспомнить.

Съ тѣхъ порь, какъ Шушеринъ не игралъ, на петербургскомъ театрѣ «Эдипа» давали одинъ разъ, вскорѣ послѣ моего прѣзыва въ Петербургъ, и я теперь никакъ не могу вспомнить, кто игралъ роль «Эдипа» вмѣсто Шушерина. Помню только, что актеръ былъ крайне плохъ, чemu доказательствомъ служитъ и то, что піесу эту перестали давать. «Леара» совсѣмъ не играли, и Шушеринъ очень сожалѣлъ, что я не видѣлъ Семеновой въ роли Корделіи. Но судѣй было угодно, уже не за долго до моего отѣзда изъ Петербурга, доставить мнѣ это истинное наслажденіе. Одинъ разъ, пришедши по обыкновенію

къ Шушерину, я нашелъ у него Боброва, игравшаго роли демикарактеръ (какъ говорилось тогда на театральномъ языке), а иногда — и чисто комическія. У Боброва были роли, которыя онъ игралъ очень хорошо и съ такою естественностью, какой тогда не было ни у кого. Какъ только Бобровъ ушелъ, Шушеринъ съ живостью обратился ко мнѣ и сказалъ: «Поздравлю тебя, любезный другъ: ты увидишь Семенову въ «Корделии». Бобровъ вздумалъ взять себѣ въ бенефисъ «Леара», котораго самъ хочетъ играть. Это будетъ тоже прекурьёзная штука. Онъ приходилъ со мною посовѣтovаться и просилъ позвolenія прочестъ мнѣ роль. Я очень радъ ему совѣтоваться, да только выдѣль ли изъ этого какой-нибудь прокъ. Странная вещь! какъ это входить въ голову комическимъ актерамъ хвататься за трагическія роли! Рыкалова (*) не-легкая угораздила сыграть «Эдипа», а теперь Боброву пришла охота сыграть «Леара». Разумѣется для бенефиса это выгодно: піеса давно не игралась, Семенова въ ней публикѣ очень нравилась, и всякой для курьёза пойдетъ посмотретьть, какъ Скотцнинъ (**) превратится въ короля Леара. Пойдемъ и мы съ тобою, любезный другъ. Я заранѣ скажу Боброву, чтобъ онъ оставилъ намъ двое креселъ рядомъ. Съ меня денегъ онъ не возьметъ; ну, а ты заплатишь.»

(*) Комическій актеръ, Рыкаловъ, въ свое время пользовался большою известностью и даже славой; но я не былъ согласенъ съ тогдашнимъ общимъ мнѣніемъ. Рыкаловъ имѣлъ вѣжный недостатокъ въ произношеніи; онъ не то что звонилъ, но языкъ у него ворочался не свободно, и Шушеринъ всегда говорилъ, что у него ротъ набить кашей; у него была и натура, но натура фарсъ. Большинству публики нравились и нечистый выговоръ и фарсъ.—Я, вѣроятно, его видѣлъ въ роли Эдипа.

(**) Въ недоросль Бобровъ игралъ Скотцнинъ съ неподражаемымъ совершенствомъ, да и физика его вполнѣ соответствовала этой роли. Вообще Бобровъ былъ замѣчательный актеръ и стоялъ въ искусствѣ несравненно выше Рыкалова, хотя не пользовался такой славой.

«Черезъ иѣсколько днѣй, Шушеринъ сказать мнѣ, что Бобровъ былъ у него и прочелъ ему роль, которую понимаетъ довольно хорошо, что во многихъ мѣстахъ онъ будетъ не дуренъ, но что за успѣхъ ручаться нельзя, ибо публика, привыкшая смыться надъ «Скотининымъ» и «дядей Клешнинымъ» (*) сейчасъ расхохотется и надъ «Леаромъ» въ тыхъ мѣстахъ, гдѣ «Леаръ» точно можетъ возбудить улыбку, но смышанную съ сожалѣніемъ (**). Шушеринъ, кажется, искренно занимался Бобровымъ и смотрѣлъ главную репетицію на сценѣ. Онъ упрашивалъ Семенову, чтобы она утышила старого актера, можетъ быть въ послѣдній разъ въ его жизни, и сыграла «Корделию», какъ можно простѣе. Предположенія Шушерина оправдались только отчасти, то-есть: публика порывалась расхохотаться въ иѣкоторыхъ мѣстахъ, смотря на Боброва въ «Леарѣ»; но Шушеринъ никакъ не ожидалъ, чтобы зрители покрыли такими сильными рукоплесканіями сцену бури въ лѣсу, куда убѣжалъ «Леаръ», изгнанный дочерью. Должно сказать по совѣсти, что Бобровъ былъ въ этой сценѣ — просто дуренъ. Напротивъ тѣ мѣста, которыхъ были сыграны Бобровымъ очень вѣрио, просто и съ достоинствомъ, остались не замѣчанными. Семенова.... никогда не забуду я того впечатлѣнія, которое произвела она на меня. Сколько было чувства въ ся гармоническомъ голосѣ, во всѣхъ движеніяхъ, въ глазахъ, полныхъ слезъ, устремленыхъ съ такою любовью на отца! — Неумолимый Шу-

(*) Комическое лицо въ комедіи «Школа злословія», которое Бобровъ игралъ мастерски.

(**) Недавно на московской сценѣ было подобное странное явленіе: превосходный нашъ комический актеръ, П. М. Садовскій, игралъ въ свой бенефись «Короля Лира». Хотя г-нъ Садовскій такъ хорошо понимаетъ искусство, что безъ сомнѣнія роль его была обдумана и поставлена вѣрио, но успѣха онъ не имѣлъ и не могъ имѣть. — Къ сожалѣнію я не видѣлъ этого замѣчательнаго спектакля.

шеринъ и тутъ утверждалъ, что она была лучше, когда въ первый разъ играла эту роль съ нимъ; но я ничего лучшаго представить себѣ не могъ и теперь не могу. Не думалъ Шушеринъ, что видить Семенову дѣйствительно въ послѣдній разъ въ своей жизни!

Я собирался уѣхать изъ Петербурга на неопределѣленное время, по особенному семейному обстоятельству. Шушеринъ, все еще не получившій отставки и пенсіи, терялъ всякое терпѣніе и приходилъ даже въ раздраженіе; онъ упрашивалъ меня, чтобы я остался на какой-нибудь мѣсяцъ, въ продолженіе котораго дѣло его рѣшился, и онъ проводить меня до Москвы. Къ сожалѣнію, я не могъ исполнить его просьбы, и онъ не только огорчался, но и сердился. За два дня до моего отѣзда, зашелъ я къ Шушерину часовъ въ десять утра, чего прежде никогда не случалось, и нашелъ его въ залѣ, очень радушно угощающаго завтракомъ какого-то сѣденькаго, худенькаго, маленькаго, но бодрого старичка. Это былъ актеръ Шумскій, современникъ обоихъ Волковыхъ и Дмитревскаго. Шушеринъ миѣ говорилъ, что Шумскій старше ихъ всѣхъ и что ему тогда было за сто лѣтъ. Находясь очень давно на пенсіи, онъ жилъ у кого-то, на седьмой верстѣ по петергофской дорогѣ, и каждый мѣсяцъ приходилъ въ Кабинетъ (*) за своимъ мѣсячнымъ пенсиономъ; этого мало: незнаю по какимъ причинамъ, только онъ обыкновенно бралъ двадцати-пяти рублей мѣшокъ мѣдныхъ денегъ и относилъ его на плечѣ домой, никогда не нанимая извозчика. Въ этотъ разъ также былъ съ нимъ мѣшокъ, который и стоялъ въ углу. Надобно вспомнить, что въ шестнадцати рубляхъ тогданѣй мѣдной монеты находилось ровно

(*) Тогда пенсіи актерамъ выдавались изъ Императорскаго Кабинета, который помѣщался въ зданіи, теперь перестроенномъ, гдѣ находится Императорская Публичная Библиотека.

пудъ въсю; и такъ съ Невскаго Проспекта до своего жилища, съдовательно верстъ десять, ему надобно было пронести на плечь слишкомъ полтора пуда. Онъ нѣсколько разъ въ годъ захаживалъ на перепутъ къ Шушерину, чтобы отдохнуть и позавтракать, а какъ это всегда случалось поутру, то я его никогда и не видывалъ. Шушеринъ утверждалъ, что Шумскій былъ необыкновенный актеръ на роли слугъ (прежде это было важное амплуа), молодыхъ повѣсь и весельчаковъ изъ простаго званія. Я былъ очень радъ, что мнѣ удалось увидѣть Шумскаго. Я съ любовью и уваженіемъ смотрѣль на этотъ славный обломокъ нашего первоначального театра, замѣчательнаго сильными талантами, такъ чудно пощаженный временемъ. Шумскій былъ весель, живъ и словоохотенъ. Онъ проговорилъ со мной часа два. Безъ сомнѣнія, его талантъ былъ чистый инстинктъ или, пожалуй, вдохновеніе. Вѣрный почти общему свойству долго зажившихъ стариковъ — находить все прошедшее хорошимъ, а все настоящее дурнымъ — Шумскій утверждалъ, что нынѣшній театръ въ подметки не годится прежнему и доказывалъ это, по его мнѣнію, неопровергнутыми доказательствами: «Да вотъ не далеко ходить (онъ говорилъ живо и отрывисто), Яковъ Емельяновичъ, ча-ть помнишь, али нѣтъ? или былъ еще молодъ? какъ бывало Офренъ (*) въ «Заирѣ», въ роли Оросмана, скажетъ: «Zaire, vous pleurez?» — такъ полчаса хлопаютъ, и дамы и кавалеры плачутъ! А нынче что? ничего. — Ну да вотъ ты, Яковъ Емельяновичъ, вѣдь и ты хорошо игрывалъ «Оросмана», и то же бывало, какъ скажешь: «Заира, плачешь ты?» то же бывало долго хлопаютъ, а нынче что? ничего. Никто и платочка не вынетъ, чтобы глаза утереть. Нынче все любятъ шумъ, да

(*) Знаменитый, великолѣпный французскій трагикъ.

крикъ. Я ходилъ вашего Яковлева смотрѣть. Ну что, ничего. Мужикъ рослый, голосъ громкой, а душевнаго нѣть ничего». Въ такомъ родѣ быль весь разговоръ Шумскаго.

Въ юнь 1811 года я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію. Черезъ два мѣсяца получилъ письмо отъ Шушерина, который уведомилъ меня, что наконецъ давно ожидаемая пенсія и отставка имъ получены, что онъ теперь вольный казакъ, что онъ уже отправилъ весь свой багажъ и Степана, въ Москву къ Какуеву, и самъ на дняхъ выѣзжаетъ туда же, вмѣстѣ, съ Надеждой Федоровной.

Въ генварѣ 1812 года прїѣхалъ я съ своимъ семействомъ въ Москву. Я немедленно отыскалъ Какуева, и къ удовольствію моему, узналъ, что Шушеринъ здоровъ и совершенно доволенъ своимъ положеніемъ, что онъ живетъ въ переулкѣ, близъ церкви Смоленской Божіей Матери, въ собственномъ домикѣ, уже давно для него купленномъ и даже отдѣланномъ, разумѣется, все тѣмъ же его другомъ, Какуевымъ. Я поспѣшилъ къ Шушерину. Мы обрадовались другъ другу чрезвычайно. Онъ быль счастливъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Домикъ быль премиленъкої, отдѣланъ съ большимъ вкусомъ; петербургская мебель, шкапы съ книгами и фарфоромъ, картины, часы, все было уставлено такъ ловко, такъ уютно, что точно было сдѣлано нарочно по стѣнамъ этого дома. Надежда Федоровна помѣщалась прекрасно и совершенно отдѣльно. Шушеринъ быль радъ своему дому, буквально, какъ ребенокъ, который радъ игрушкѣ, у него не бывалой! Онъ затащкалъ, замучилъ меня, показывая свой домъ со всеми его надворными строеніями и хозяйственными принадлежностями, растолковывая мнѣ и заставляя вникать меня во всѣ малейшія подробности. «Да понимаешь ли ты это счастіе, имѣть на старости свой уголъ, свой собственный домъ, купленный

на деньги, нажитыя собственными трудами? да нѣтъ, ты этого никогда не поймешь!... У меня много еще въ головѣ плановъ, продолжалъ онъ, которые я буду приводить въ исполненіе постепенно. Нынѣшній годъ сдѣлаю только палисадникъ и разобью садикъ; на будущій годъ непремѣнно сдѣлаю каменную кухню и поставлю ее отдельно, а на слѣдующій годъ перекрашу прочныемъ образомъ весь домъ и всѣ строенія и потомъ уже стану заниматься однимъ садомъ; видъ изъ него чудесный на Москву рѣку; я засажу мой садъ цветущими кустами, которые черезъ годъ будутъ цветти и давать тѣнѣ.... такъ говорилъ Шушеринъ, и я вѣрилъ вполнѣ, что все это точно такъ исполнится. Никакого зловѣщаго предчувствія, никакой черной мысли не мелькало у меня въ головѣ.

Шушеринъ, ожидая меня въ Москву, приготовилъ мнѣ работу; онъ уже условился съ московской дирекціей на счетъ будущаго своего бенефиса и выбралъ для него піесу: трагедію «Філоктетъ», написанную на французскомъ языкѣ Ла-Гарпомъ. Причиною такого выбора было во-первыхъ то, что роль Філоктета шла къ его годамъ и иѣкоторымъ образомъ подходила къ лицамъ «Эдипа» и «Леара», которыми онъ прославился въ послѣднее время, и во-вторыхъ потому, что какой-то французской знаменитый трагикъ, Larive или Lequin, хорошенько не помню, выбралъ эту піесу для послѣдняго своего бенефиса и прощања съ театромъ. Я долженъ быть перевестъ «Філоктета» стихами. Піеса была небольшая, я принялъ за дѣло съ жаромъ, и мысаца черезъ два Шушеринъ повезъ меня читать мой переводъ къ О. О. Кокошкину, весьма уважаемому тогда литератору и страстному любителю и знатоку театра, первому чтецу и благородному актеру своего времени, съ которымъ, разумѣется, я былъ познакомленъ предварительно. У Кокошкина ожидали насть:

Мерзляковъ, Ивановъ, Вельяшевъ-Волынцевъ и Каченовскій. Я принялъся переводить «Філоктета» безъ всякихъ претензій на литературное достоинство перевода, только чтобъ какъ-нибудь исполнить желаніе Шушерина, который самъ признавался мнѣ, что ничего, кроме золотой посредственности, отъ моего перевода не ожидалъ; но прочитавъ его, Шушеринъ сказалъ, что это одинъ изъ лучшихъ переводовъ того времени, и потому онъ захотѣлъ имъ похвастаться. Хотя я и имѣлъ довѣренность къ эстетическому чувству Шушерина, но рѣшительно не повѣрилъ его отзыву. У Кокошкина, и мое чтеніе, и мой переводъ были осыпаны похвалами, чѣмъ меня, по совѣсти говорю, очень удивляло. Шушеринъ торжествовалъ за меня. Переводъ мой переписали и послали въ цензуру (*). Прошелъ Великій Постъ и Святая Недѣля, начались спектакли; но никакой лучь надежды не мелькалъ въ моей головѣ увидѣть Шушерина на сцѣнѣ, прежде его бенефиса, и то надо было прѣѣхать для этого зимою въ Москву. И вдругъ совершенно неожиданно исполнилось это мое давнишнее и горячее желаніе. Вотъ какъ это случилось: зашелъ я однажды вечеромъ къ Шушерину и нашелъ у него двухъ московскихъ актеровъ: г-на Злова и г-на Мочалова, (отца того Мочалова, котораго не такъ давно потеряла Москва). Оба они не имѣли еще никакой известности и получали ничтожное жалованье. Дирекція, возлагавшая на нихъ надежды въ будущемъ, для поощренія назначила имъ бе-

(*) Отрывокъ изъ этого перевода, Кокошкинъ прочелъ въ «Обществѣ любителей словесности при Московскому университете». Чистосердечно говорю, что теперь мнѣ смѣшино вспомнить, какой успехъ имѣло это чтеніе. Меня выбрали единогласно въ члены «Общества», а отрывокъ помѣстили въ «Труды Общества», откуда перепечатали его въ Собрание «Образцовыхъ Стихотвореній». Какъ легко было тогда попасть въ образцы... за то не на долгъ.

нефись, черезъ двѣ или три недѣли поспѣ Святой, Мочаловъ и Зловъ, говоря обѣ этомъ съ Шушеринимъ, изъявили въ то же время сомнѣніе, чтобъ бенефисъ могъ привести имъ выгоду, потому что пѣсы игрались не заманчивыя, Москва разѣхалась по деревнямъ и по дачамъ, а бенефиціанты не имѣютъ такой репутаціи, чтобъ привлечь въ театръ своимъ именемъ остальную публику. Шушеринъ слушалъ ихъ съ участіемъ. Онъ вспомнилъ свои молодые годы; ему вдругъ сдѣлалось такъ жаль этихъ даровитыхъ людей, что онъ съ живостью сказалъ имъ: «Господа! хотите ли, чтобъ я вамъ помогъ? я сдѣлаю это очень охотно. И вотъ какая штука пришла мнѣ въ голову: дайте себѣ въ бенефисъ небольшую комедію Коцебу «Попугай»; се можно поставить въ недѣлю, а я сыграю вамъ арапа «Ксури». Москва очень любила меня въ этой роли и всѣ изъ курьёза пойдутъ посмотретьъ, какъ шестидесяти-трехлѣтній Шушеринъ сыграетъ восьмиадцатилѣтнаго негра!»—Разумѣется, и Зловъ и Мочаловъ не знали, какъ и благодарить за такое великодушное предложеніе. Они сю минуту отправились къ директору, А. А. Майкову, пересказали ему слова Шушерина, онъ, разумѣется, охотно согласился, дѣло было улажено, и за постановку «Попугая» принялись усердно Шушеринъ не позволялъ мнѣ смотрѣть репетицій, и я тѣмъ съ болѣшимъ нетерпѣніемъ и волненіемъ ожидалъ этого спектакля. Недѣли черезъ полторы, новый, деревянный, большой арбатской театръ наполнился зрителями, и бенефиціанты, за всѣми расходами, получили каждый по 2500 рублей ассигнаціями. Громъ рукоплесканій продолжался иѣсколько минутъ, когда показался «Ксури». Спина устала у бѣднаго Шушерина отъ поклоновъ на всѣ стороны; онъ же раскланивался по старинному. Съ жадностью глоталь я каждое его слово, ловилъ каждое движеніе, и вотъ что скажу обѣ его мастерскомъ

исполнении этой весьма незначительной роли. Начну съ того, что Шушерина нельзя было узнать. Голосъ, движение, произношеніе, фигура—все это принадлежало совершенно другому человѣку; разумѣется, чернота лица и костюмъ помогали этому очарованію. Передо мною бѣгаль не стариkъ, а проворный молодой человѣкъ; его звучный но еще какъ-будто не установившійся молодой голосъ, которымъ свободно выражались удивленіе, досада и радость дикаря, перенесенного въ Европу, раздавался по всему огромному театру, и его робкой шопотъ, къ которому онъ такъ естественно переходилъ отъ громкихъ восклицаній,—быть слышанъ вездѣ. Какая-то ребяческая наивность, искренность была видна во всѣхъ его тѣло-движеніяхъ и ухваткахъ! Какъ мастерски подрисовалъ онъ себѣ глаза, сдѣлавъ ихъ большими и на выкатъ. Какъ онъ умѣлъ одѣться и стянуться! Ни малейшей полноты его лѣтъ не было замѣтно. Всѣ видѣли здороваго, крѣпкаго, но молодаго негра. Однимъ словомъ, это было какое-то чудо, какое-то волшебство, и публика вполнѣ предалась очарованію. Всѣ мои замѣчанія состояли въ томъ, что Шушеринъ иногда слишкомъ много и живо двигался и слишкомъ проворно говорилъ. Я на другой день сказала объ этомъ Шушерину, и онъ откровенно признался, что мое замѣчаніе совершенно справедливо и что онъ для того позволилъ себѣ эту утрировку, чтобы скрыть свои 65 года. Много было и письменныхъ и печатныхъ стиховъ, и похвалъ въ прозѣ Шушерину; я то же написала четыре стиха тогдашней современной фактуры и напечатала ихъ сюрпризомъ для Шушерина въ Русскомъ Вѣстнике С. Н. Глинки. Нумерь вышелъ черезъ нѣсколько дней послѣ спектакля. Шушеринъ, прочтя мое четверостишие и не зная имени сочинителя, сказалъ, что эти стихи ему пріятнѣе всѣхъ другихъ. Вотъ они:

Якову Емельяновичу Шушерину.

На спектакль въ бенефисъ гг. Мочалова и Злова. Мая дня.

Въ сей день ты зрелище явилъ намъ превосходно
И съ трудностю нась заставялъ разбирать:
Что болѣе въ тебѣ должны мы уважать,
Великій ли талантъ, иль сердце благородно.

Увидѣвъ на сценѣ Шушерина въ роли Ксури, я понялъ отъ чего за тридцать лѣтъ предъ симъ онъ имѣлъ такой блестательный успѣхъ, отъ чего ничтожная роль соста-вила ему тогда первоначальную славу. Ящикъ отпирается просто: играя дикаго негра, Шушеринъ позволилъ себѣ сбросить всѣ условныя, сценическія кандалы и заговорилъ просто, по-человѣчески, чему зрители безъ памяти обрадо-вались и приписали свою радость искусству и таланту актера. И такъ по тогдашнимъ понятіямъ, надобно было быть дикимъ, чтобы походить на сценѣ на человѣка.

У нась говорится, что бѣда не приходитъ одна—то же можно сказать и о пріятныхъ событияхъ. По крайней мѣрѣ такъ случилось тогда со мною и такъ случалось не рѣдко въ продолженіе моей жизни. Не успѣль я опом-ниться отъ радости, что видѣль Шушерина въ роли Ксури, какъ судьба приготовила мнѣ другой спек-такль, о которомъ не могло мнѣ и во снѣ присниться. Въ этотъ разъ Шушеринъ самъ запечько мнѣ возвѣ-стить неожиданную и радостную новость. Какъ теперь гляжу на него, съ ногъ до головы одѣтаго въ сѣ-рый цвѣтъ, то-есть, по-лѣтнему; проходя мимо нашей квартиры, онъ постучалъ своей камышевой тростью въ мое окно, и когда я выглянула, то онъ съ улыбающ-имся лицемъ мнѣ сказалъ: «Ну, братъ! Судьба хочетъ тебя побаловать, только я теперь рассказывать не стану, потому что, идя пѣшкомъ, усталъ, а разскажу тогда, когда ко мнѣ придешь. Если же хочешь сейчасъ узнать,

то бери шляпу, проводи меня до дому и отобъдай со мной». Любопытство мое было сильно возбуждено; я отправился съ Шушеринъмъ, и вотъ что узналь: Ф. Ф. Кокошкинъ не только былъ охотникъ играть на театрѣ, но и большой охотникъ учить декламаціи; въ это время былъ у него ученикъ, молодой человѣкъ, Дубровскій, и тоже отчасти ученица, кажется, въ театральной школѣ, г-жа Борисова; ему пришла въ голову довольно странная мысль: выпустить ее въ роли Диони, а ученика своего Дубровского въ роли Энея; но какъ въ это время года, никто бы изъ оставшихся жителей въ Москвѣ, не пошелъ ихъ смотрѣть, то онъ придумалъ упросить Шушерина, чтобы онъ сыгралъ «Ярба». Разумѣется, директоръ былъ очень этому радъ и вмѣстѣ съ Кокошкинъмъ атаковалъ Шушерина самыми убѣдительными просьбами. Рассказавъ все это мнѣ, Шушеринъ прибавилъ въ заключеніе: «Ярба я никогда не стала бы играть добровольно; но вотъ видишь ли, любезный другъ, какая штука: дирекція мнѣ нужна впередъ, а Кокошкина директоръ очень уважаетъ. Отказаться мнѣ не трудно, но вѣдь осердятся и, пожалуй, напакостятъ что-нибудь въ моемъ будущемъ бенефисѣ. Я могъ бы отложить этотъ спектакль до осени; но теперь ты здѣсь и, конечно, будешь радъ увидѣть меня на сценѣ. Разумѣется, я желаль бы показаться тебѣ не въ «Ярбѣ», а напримѣръ въ «король Леарѣ», ну да дѣлать нечего — я согласился и черезъ полторы недѣли идетъ Диони». Не нужно говорить, какъ я былъ этому радъ. Конечно, я не могъ ожидать такого счастія. Мы сами сбирались уже уѣхать изъ Москвы, и я упросилъ моего отца и мать отложить на иѣсколько времени нашъ отъездъ. Репетиціи начались немедленно и продолжались ежедневно на сценѣ, потому что надобно было сладить піесу съ двумя молодыми неопытными ак-

терами. Шушеринъ придавалъ репетиціямъ большую важность (*) и не пускалъ на нихъ постороннихъ зрителей до главной пробы, которая дѣлалась въ костюмахъ, во весь голосъ, на сценѣ, и всегда наканунѣ представлениія; но Шушеринъ и тутъ не пустилъ меня, а слышалъ я только одну репетицію въ началѣ, въ полголоса. Не смотря на совершенно устарѣлые стихи и нелѣпость самаго «Ярба», чтеніе Шушерина показалось мнѣ превосходно.— Наконецъ наступилъ день давно ожидаемый и желанный. Многочисленная публика наполнила театръ. Поднялся занавѣсъ, прошелъ первый несносный актъ: Борисова была принята очень благосклонно, что она и заслуживала, и даже къ Дубровскому, не имѣвшему никакихъ дарованій и не подававшему никакихъ надеждъ, зрители были снисходительны. Великолѣпенъ, блестательенъ, явился «Ярбъ». Это былъ тоже Арапъ, какъ и «Ксурі», но высокаго роста и богатырскаго тѣлосложенія. Какъ умѣль такъ превращаться Шушеринъ, не понимаю (**). Бѣшенство «Ярба» начинается съ первыхъ словъ:

(*) Шушеринъ говорилъ: «Репетиціи—душа піесы; только тогда піеса получаетъ полное достоинство, когда хорошо спретирована. Постороннихъ людей никогда на репетиціи пускать не должно: они мышаютъ и развлекаютъ, и притомъ при нихъ собственно будетъ замѣтить что-нибудь другому и самому получить замѣчаніе. Генеральная репетиція должна происходить точно съ такою же строгою отчетливостью, какъ и настоящее представлениѣ. Какъ бы піеса ни была тверда, сколько бы разъ ее ни играли—непремѣнно надобно сдѣлать репетицію въ полголоса, но со всеми итонаціями, поутру въ день представлениѣя. Во всю жизнь мою я убеждался въ необходимости этого правила. Не рѣдко случалось играть мнѣ, будучи не совсѣмъ здоровымъ, или иѣсколько разстояніемъ, или просто не въ духѣ,—утренняя репетиція оставалась свѣжею въ памяти и помогала мнѣ тамъ, гдѣ я могъ бы сбиться и сыграть не вѣрно». Я предоставляю встѣмъ артистамъ рѣшить, до какой степени справедливо мнѣніе иѣ славнаго предшественника.

(**) Я спрашивалъ обѣ этомъ Шушерина; онъ сказалъ мнѣ, что эта перемѣна произошла отъ головного убора, въ видѣ вѣнца на головѣ, съ длинными перьями, и что подъ подошвы ногъ были подложены картонныя стельки.

Се зрю противный домъ, несносные чертоги,
Гдѣ все, что я люблю, немилосерды боги
Трояниску страннику съ престоломъ отдаются!

и продолжается до послѣднихъ стиховъ включительно:

Дидона!... ить ея!... я злобой омраченъ;
Бросая громъ, своимъ самъ громомъ пораженъ.

Чтѣ сказатъ о цѣломъ исполненіи этой, по истинѣ, нелѣпѣйшей роли. Цѣльное исполненіе ея невозможно, «Ярбъ» долженъ буквально бѣситься всѣ четыре акта, на что, конечно, не достанетъ никакого огня, и чего никакія силы человѣческія вынести не могутъ, а потому Шушеринъ, для отдыха, для избѣжанія однообразія, нѣкоторыя мѣста игралъ слабѣе, чѣмъ должно было, если следовать въ точности ходу пьесы и характеру «Ярба». Такъ поступалъ Шушеринъ всегда, такъ поступали другіе, и такъ поступалъ Дмитревскій въ молодости. О цѣльности характера, о драматической истинѣ представляемаго лица, тутъ не могло быть и помину. И такъ, можно только сказать, что всѣ тѣ мѣста ярости, бѣшенства и жажды миценія, въ которыхъ Шушеринъ давалъ себѣ полную свободу, принимая это въ смыслѣ условномъ, были превосходны — страшны и увлекательны; въ мѣстахъ же, гдѣ онъ сберегалъ себя, конечно являлась уже одна декламація, подкрепляемая мимикою, доводимою до излишества; трепета въ лицѣ и дрожанья во всѣхъ членахъ было слишкомъ много; нижніе, грудные тоны, когда они проникнуты страстью, этотъ сдерживаемый, подавляемый *ревъ тигра*, по выражению Шушерина, которыми онъ вполнѣ владѣлъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, — измѣнили ему, и знаменитый нѣкогда монологъ:

Свирипъ зла дщерь, надежда смертныхъ—мѣсть,
Къ чemu несчастнаго стремицся ты привести?
Лютѣйшей ярости мѣтъ въ сердце огнь вливая,
Влечешь меня на все, мѣтъ очи закрываю, и проч., и проч.

не произвель такого дѣйствія, какого надвялся Шушеринъ и какое онъ производилъ иѣкогда. Что касается до меня, не видавшаго въ «Ярбъ» никого, кроме Плавильщика, то я бытъ пораженъ изумленiemъ отъ начала до конца піесы, восхищаясь и увлекаясь искусствомъ, которое, властвуя непостижимъ огнемъ души артиста, умѣло влиять его въ эти варварскіе стихи, въ эту безмыслиенную дребедень какихъ-то страстей и чувствъ. Конечно, я составилъ себѣ такое высокое предварительное понятіе объ игрѣ Шушерина въ «Ярбъ» и особенно о томъ мѣстѣ, въ которомъ онъ обманулъ Дмитревскаго, что настоящее исполненіе роли меня не вполнѣ удовлетворило; но теперь, смотря на целую піесу и на лице «Ярба» уже не тѣми глазами, какими смотрѣли всѣ и я самъ за сорокъ три года тому назадъ, я еще болѣе удостовѣряюсь, что только великой артистѣ могъ производить въ этой піесѣ такое впечатлѣніе, какое производилъ Шушеринъ. Онъ же самъ былъ рѣшительно не доволенъ собою и сожалѣль, что явился въ первый разъ, по возвращеніи изъ Петербурга, передъ московской публикой (появленіе въ роли «Ксури» онъ считалъ шуткою, добрымъ дѣломъ), въ такой роли, которой ему уже не слѣдовало играть. Публика же напротивъ была въполномъ восторгѣ, за исключениемъ весьма немногихъ людей, слегка замѣтившихъ кое-какіе недостатки.

Въ самое то время, какъ Москва беззаботно собиралась въ театръ, чтобы посмотретьъ на стараго славнаго артиста, военная гроза, давно скоплившаяся надъ Россіею, быстро и прямо понеслась на нее; уже знали прокламацію Наполеона, въ которой онъ объявлялъ, что черезъ иѣсколько мѣсяцевъ обѣ съверныя столицы увидятъ въ стѣнахъ своихъ побѣдителя свѣта; знали, что побѣдоносная французская армія, вмѣсть съ силами цѣлой Европы, идетъ на насъ подъ предводительствомъ великаго, первого полководца

своего времени; знали, что непріятель скоро долженъ непріправиться черезъ Нѣманъ (онъ переправился 12 июня), — все это знали и никакъ не беспокоились. Подсмѣивались надъ самохвальствомъ Наполеона, который занятіе Москвы и Петербурга считалъ также легко возможнымъ, какъ занятіе Вены и Берлина. По крайней мѣрѣ такъ понимало большинство публики тогдашнее положеніе Россіи. Всего менѣе думали о Наполеонѣ я и Шушеринѣ; мы думали о будущемъ его бенефисѣ, обѣщанномъ ему въ исходѣ декабря, и о томъ, какъ бы мнѣ къ тому времени прѣѣхать въ Москву. Я съ семействомъ уѣхалъ въ половинѣ июня, и весело простился съ Шушериномъ, въ надеждѣ увидѣться съ нимъ черезъ полгода....

Извѣстно, что совершилось въ эти шесть мѣсяцевъ. Сгорѣла Москва, занятая непріятелемъ. Наполеонъ дождался въ ней суровой осени, не дождавшись мира, потерялъ множество войскъ и бѣжалъ изъ обгорѣлыхъ развалинъ Москвы. Радостно вздохнула Русь, благодарная молитвы огласили храмы Божіи, и съ христіанскимъ смиреніемъ торжествовала народъ свое спасеніе и побѣды на враги. Стали собираться понемногу распуганные жители столицы и не замедлилъ прїѣхать Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ, а съ нимъ и Надежда Федоровна (кажется, они прожили эту грозу въ Рязани), чтобы узнать не уцѣль ли его скромный домикъ; но увы! однѣ обгорѣлые печи стояли на прежнемъ мѣстѣ. Не вѣра тому, чтобы Москва могла быть отдана Наполеону, Шушеринъ не вывезъ своего имущества заблаговременно и потерялъ все, все, что наживалъ съ такимъ трудомъ и такъ долго; но эта потеря, какъ рассказывала мнѣ самовидѣцъ Н. И. Ильинъ, была великодушно перенесена Шушериномъ; онъ только радовался изгнанію Французовъ и былъ очень весель. Зная твердость духа и образъ мыслей этого замѣчательного

человѣка, я соворшенно убѣжденъ, что онъ перенесъ свою потерю спокойно. Москва не была еще тогда вполнѣ очищена отъ человѣческихъ и скотскихъ труповъ; больныхъ и раненыхъ было множество; появилась тифозная, гнилая горячка. Вскорѣ по пріѣздѣ, Шушеринъ зѣразился ею и умеръ въ шестой день; въ этотъ же день Надежда Федоровна, ходившая за старымъ своимъ другомъ неусыпно, потеряла употребленіе языка, впала въ нервную горячку и умерла черезъ пять недѣль.... Все это я узналъ въ 1814-мъ году, проѣзжая черезъ Москву, въ Петербургъ.

Въ 1812-мъ году, Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій (*), уже давно оставившій театръ, къ общему изумленію и восторгу петербургской публики, явился на сценѣ въ піесѣ Висковатаго «Всеобщее ополченіе», разумѣется, въ роли старика. И тогда уже Дмитревскій былъ такъ слабъ отъ старости, что его безпрестанно поддерживали другие актеры, и едва ли кто могъ разслушать произносимыя имъ слова; но восторгъ зрителей былъ общий; громъ рукоплесканій привѣтствовалъ каждый его выходъ и каждое удаленіе со сцены; по окончаніи драмы, разумѣется, онъ былъ вызванъ единогласно, единодушно. Но замѣчательно то, что вызывали не просто Дмитревскаго, то-есть, не просто актера по фамиліи, какъ это всегда водилось и водится, а господина Дмитревскаго; такимъ особеннымъ знакомъ уваженія не быть почтенъ ни одинъ актеръ, ни прежде

(*) Извѣстія о Дмитревскомъ и Яковлевѣ, сообщенные мною въ концѣ этой статьи, напечатанной въ первый разъ, въ Москвитинѣ въ 1854-мъ году, оказались весьма не точными. Я понадѣялся на свою память и говорилъ о слышанномъ мною за сорокъ лѣть, не навсѣль справокъ и перепуталъ, какъ порядокъ хронологической, такъ и самыя событія. Исправляю теперь мою ошибку по источникамъ самыми достовѣрными.

Дмитревского, ни послѣ его. Я очень хорошо понимаю, что при тогдашнемъ патріотическомъ настроеніи Петербурга, появленіе старца Дмитревского въ патріотической драмѣ — должно было привести въ восторженіе состояніе публику; но, смотря на это дѣло съ художественной стороны, я нисколько не жалю, что не видаль этого спектакля. На театральныхъ подмосткахъ долженъ владычествовать одинъ интересъ—искусство. Дѣйствительность превращается на нихъ въ вымыселъ, теряетъ свое значеніе и дѣйствуетъ на душу непріятно. Напротивъ вымыселъ долженъ казаться дѣйствительностью. Искусно сыгранная роль дряхлого старика на театрѣ, можетъ доставить эстетическое наслажденіе, какъ дѣйствительность перенесенная въ искусство; но дѣйствительный старецъ Дмитревскій, болѣзnenный, едва живой, едва передвигающій ноги, на краю дѣйствительной могилы, *представляющей старика на сценѣ*—признаюсь—это глубоко оскорбительное зрѣлище, и я радуюсь, что не видаль его.

Яковлевъ кончиль жизнь въ 1817-мъ году, находясь въ полной силѣ и цвѣтѣ возраста человѣческаго. Онъ оставилъ жену и дѣтей. Дмитревскій пережилъ его четырьмя годами; онъ хотѣлъ даже участвовать въ бенефисѣ, который данъ былъ театральной дирекціей въ пользу вдовы и дѣтей покойнаго Яковлева, о чмъ было объявлено въ афишѣ. Дмитревскій долженъ былъ играть старика, въ маленькой піесѣ князя Шаховскаго, написанной имъ еще въ 1813-мъ году, подъ названіемъ: «Встрѣча незваныхъ», то-есть, Французовъ, имѣвшей въ свое время большой успѣхъ. Но болѣзнь не допустила Дмитревского исполнить свое великодушное намѣреніе.

ВОСПОМИНАНИЕ

ОБЪ

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ШИШКОВЪ.

БОГИНОВСКАЯ

БР

БОГИНОВСКАЯ

ВОСПОМИНАНИЕ

ОБЪ

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ

ШИШКОВЪ.

Сей старецъ дорогъ намъ; онъ блещетъ средь народа
Священій памятью двѣнадцатаго года.

Пушкинъ (*).

Я хочу разсказать все, что помню объ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ. Но я долженъ начать издалека.

Въ 1806-мъ году я былъ своекоштнымъ студентомъ К—го университета. Миѣ только что исполнилось пятнадцать лѣтъ. Не смотря на такую раннюю молодость, у меня были самостоятельныя и, надо признаться, довольно дикия убѣжденія; напримѣръ: я не любилъ Карамзина и, съ дерзостью самонадѣянаго мальчика, смеялся надъ слогомъ и содержаніемъ его мелкихъ прозаическихъ сочиненій! Это такъ неестественно, что и теперь осталось для меня загадкой. Я не могъ понимать сознательно

(*) Эти два стиха написаны золотыми буквами подъ бюстомъ Александра Семеновича Шишкова, поставленнымъ въ Россійской Академіи.

недостатковъ Карамзина; но, вѣроятно, я угадывалъ ихъ по какому-то инстинкту и, разумѣется, впадалъ въ крайность. Понятія мои путались, и я, браня прозу Карамзина, былъ въ восторгѣ отъ его плохихъ стиховъ, отъ «Прощанія Гектора съ Андромахой» и отъ «Опытной Соломоновой мудрости!» Я терпѣль жестокія гоненія отъ товарищѣй, которые все были безусловными поклонниками и обожателями Карамзина. Въ одно прекрасное утро, передъ началомъ лекціи (то-есть до восьми часовъ), входилъ я въ спальняя комнаты казенныхъ студентовъ. Вдругъ поднялся шумъ и крикъ: «вотъ онъ, вотъ онъ!» и толпа студентовъ окружила меня. Все въ одинъ голосъ осыпали меня насмѣшивыми поздравленіями, что «нашелся еще такой же уродъ, какъ я и профессоръ Г—въ (*), лишенный отъ природы вкуса и чувства къ прекрасному, который ненавидитъ Карамзина и ругаетъ эпоху, произведенную имъ въ литературѣ; закоснѣлый Славянороссъ, старовѣръ и гасильникъ, который осмѣлился напечатать свои старозавѣтныя остроты и насмѣшки, и надѣ кѣмъ же? Надѣ Карамзиномъ, надѣ этимъ геніемъ, который пробудилъ къ жизни нашу тяжелую, сонную словесность!... Народъ былъ молодой, горячій, и почти каждый выше и старше меня: одинъ обвинялъ, другой упрекалъ, третій возражалъ, какъ-будто на мои слова, прибавляя: «а, ты теперь думаешь, что ужъ твоя взяла!» или: «а, ты теперь, пожалуй, скажешь: вотъ вамъ доказательство!» и проч. и проч. Изумленный и даже почти испуганный, я не говорилъ ни слова, и не смотря на то, чуть-чуть не побили меня за дерзкія рѣчи. Я не скоро могъ добиться, въ чёмъ состояло дѣло. Наконецъ загадка объяснилась: наканунѣ вечеромъ, одинъ изъ студентовъ по-

(*) Профессоръ русской словесности.

лучилъ книгу Александра Семеныча Шишкова (*): «Разсуждение о старомъ и новомъ слогѣ», которую читали вслухъ, напролетъ всю ночь и только что кончили, и которая привела молодежь въ бѣшенство. Вспомнили сей-часъ обо мнѣ, вообразили, какъ я этому обрадуюсь, какъ подниму носъ—и весь гнѣвъ съ Шишкова упалъ на меня. Среди крика и шума, по счастію раздался звонокъ и всѣ поспѣшили на лекціи, откуда я ушелъ домой обѣдать. Послѣ обѣда я прошелъ прямо въ аудиторіо, а въ шесть часовъ вечера, не заходя къ студентамъ, чтѣ прежде всегда дѣлалъ, отправился домой. Въ продолженіе сутокъ буря утихла, и на другой день никто не нападалъ на меня серыѣно. Я вышросиль почитать книгу Шишкова у счастливаго ея обладателя, а черезъ мѣсяцъ выписалъ ее изъ Москвы, и также «Прибавленія къ Разсуждѣнію о старомъ и новомъ слогѣ». Этъ книги совершенно свели меня съ ума. И всякому человѣку, и не пятнадцатилѣтнему юношѣ, пріятно увидѣть подтвержденіе собственныхъ мнѣній, которыя, до тѣхъ поръ, никѣмъ не уважались, надъ которыми смеялись всѣ и которыя часто поддерживалъ онъ самъ уже изъ одного упрямства: точно въ такомъ положеніи находился я. Можно себѣ представить, какъ я обрадовался книгѣ Шишкова, человѣка уже не молодаго, достопочтеннаго адмирала, известнаго писателя по ученой морской части, сочинителя и переводчика «Дѣтской библіотеки», которую я еще въ ребячествѣ вытвердила наизусть! Разумѣется, я призналъ его неопровержимымъ авторитетомъ, мудрѣйшимъ и ученымъ изъ людей! Я увѣрвалъ въ каждое слово его книги, какъ въ святыню!... Русское мое направленіе и враждебность ко всему ино-

(*) Напечатанную еще въ 1803 году, но которая только черезъ два года дошла до К-го университета.

странному укрылись сознательно, и темное чувство национальности выросло до исключительности. Я не смѣялся обнаруживать ихъ вполнѣ, встрѣчая во всѣхъ товарищахъ упорное противодѣйствіе, и долженъ былъ хранить мои убѣжденія въ глубинѣ души, отъ чего онъ, въ тишинѣ и покое, достигли огромныхъ и неправильныхъ размѣровъ. Такъ шло все время до моего отѣзда изъ К—ни.

Въ 1807-мъ году вышелъ я изъ университета, а въ 1808-мъ уже служилъ переводчикомъ въ «Комиссії составленія законовъ».

Я оставилъ университетъ въ такихъ годахъ, въ которыхъ надлежало бы поступить въ него, слѣдовательно вынесъ очень мало знаній. Въ этомъ виноватъ былъ я самъ, а не младенчество университета, въ которомъ многие, участь вмѣстѣ со мной, получили прочное, даже ученое образованіе. Особенно процвѣтала у насъ чистая математика, которую увлекательно и блестательно преподавалъ адъюнктъ Г. И. К—ій, и которую я ненавидѣлъ, не смотря на то, что жилъ у него и очень его любилъ. Математика была такъ сильна у насъ, что когда по выходѣ К—го (это случилось уже безъ меня) прѣѣхалъ въ К—ь знаменитый тогда европейскій математикъ, Бартельсъ, и, пришедъ на первую лекцію, попросилъ кого-нибудь изъ студентовъ показать ему на доскѣ степень ихъ знанія, то Александръ Максимычъ К—чъ разрѣшилъ ему изъ диференціаловъ и коническихъ съченій такую чертovщину, что Бартельсъ, какъ истинный ученый, пришелъ въ восторгъ и сказавъ, что для такихъ студентовъ надо бѣко профессору готовиться къ лекціи, поклонился и ушелъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, встрѣтясь какъ-то на дорогѣ съ Г. И. К—мъ, онъ остановилъ его, вышелъ изъ экипажа, заставилъ, разумѣется, и К—го сѣдѣть тоже, и изъявилъ ему, какъ собрату по наукѣ, свое глубокое уваженіе.

Не имѣя никакой протекціи и даже почти никого знакомыхъ въ Петербургъ, я попалъ въ переводчики «Комиссіи составленія законовъ» единственно потому, что Г. И. К—ій, еще прежде меня оставившій К—ій университетъ, служилъ помощникомъ редактора въ одномъ изъ Отдѣленій Комиссіи, которыя назывались *Редакторствами*. К—ій пользовался тамъ, какъ и вездѣ, гдѣ онъ служилъ, полнымъ уваженіемъ. Я жилъ въ Петербургѣ уединенно, также мало встрѣчая сочувствія къ моимъ убѣжденіямъ и обнаруживая ихъ еще менѣе. Я видался только съ Шушеринскимъ; но въ нашихъ бесѣдахъ преимущественно дѣло шло о театрѣ и сценическомъ искусствѣ. Я служилъ уже около полугода. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ «Комиссіи составленія законовъ» былъ неутомимый Нѣмецъ Розенкампфъ: онъ писалъ и день и ночь, то по-нѣмецки, то по-французски; съ послѣдняго я переводилъ на русской. Не могу утвердительно сказать, былъ ли какой-нибудь толкъ въ неусыпныхъ трудахъ Розенкампфа, но я часто слыхалъ, какъ подсмѣивались надъ его нѣмецкими теоріями. Въ составъ Государственныхъ учрежденій «Комиссія составленія законовъ» была совершенно забыта. Вдругъ директоромъ Комиссіи былъ опредѣленъ М. М. Сперанскій, и ходъ дѣлъ оживился: директорскую канцелярію, названную по новому: *Письмоводствомъ*, значительно усилили; Вронченко назначили письмоводителемъ; взяли двухъ чиновниковъ отъ Розенкампфа, меня и Бачманова, и причислили къ письмоводству. Это передвиженіе было для меня счастливымъ событиемъ: въ письмоводство встрѣтился я съ Александромъ Иванычемъ К—мъ. Я живо помню этотъ первый день, когда онъ обратилъ на себя мое вниманіе. Какъ теперь гляжу на его молодую, стройную, худощавую фигуру и свѣжее лицо, наклоненное надъ бумагой: длинные

волосы закрывали съ боку даже его большой носъ, и красивыя жемчужныя строки выводила его рука. Я сидѣль возлѣ него, занималась своимъ дѣломъ. Вдругъ слышу тоненький голосокъ моего сосѣда, которымъ онъ очень рѣзко бранилъ школу Карамзинскихъ послѣдователей и критиковалъ переписываемую имъ бумагу Сперанскаго, за иностранныя слова и обороты.... Меня такъ и обдало чѣмъ-то роднымъ, такъ и повѣяло духомъ Шишкова! Я сейчасъ всталъ, отвѣль въ сторону старшаго чиновника письмоводства, Н. С. Скуридина, бывшаго иѣкогда моимъ товарищемъ по К—ой гимназіи, и спросилъ: «кто этотъ молодой человѣкъ, который сидитъ подлѣ меня?» Скуридинъ улыбнулся и отвѣчалъ: «Какъ кто? Племянникъ Александра Семеныча Шишкова, такой же отчаянныи Славянофиль (тогда это слово было уже въ употребленіи), и чуть не молится своему дядѣ». Этого было довольно. Черезъ иѣсколько часовъ я заключилъ съ К—мъ вѣчный союзъ братской дружбы, который мы оба свято хранимъ и теперь. Въ тотъ же вечеръ К—въ обо всемъ разсказаль своему дядѣ Шишкову, и на другой день, въ десять часовъ утра, положено было представить меня главѣ Славянофиловъ.

Но что жь это такое было за Славянофильство? Здѣсь кстати поговорить о немъ и опредѣлить его значеніе. Надобно начать съ того, что тогда, равно какъ и теперь, слово это не выражало дѣла. И тогдашнее, и теперешнее такъ называемое Славянофильство, было и есть ничто иное, какъ русское направленіе, откуда уже естественно вытекаетъ любовь къ Славянамъ и участіе къ ихъ несчастному положенію. Впрочемъ къ Шишкову отчасти шло это имя, потому что онъ очень любилъ славянской или церковный языкъ, и сочувствуя немногого западнѣй Славянамъ, много толковалъ и писалъ о славянскихъ на-

рѣчіяхъ; но его послѣдователи вовсе и обѣ этомъ не думали. Русское направлѣніе заключалось тогда въ возстаніи противъ введенія нашими писателями иностранныхъ, или лучше, французскихъ словъ и оборотовъ рѣчи, противъ предпочтенія всего чужаго своему, противъ подражанія французскимъ модамъ и обычаямъ и противъ всеобщаго употребленія въ общественныхъ разговорахъ французскаго языка. Этими, такъ сказать, литературными и внѣшними условіями ограничивалось все направлѣніе. Шишковъ и его послѣдователи горячо возставали противъ ново-введеній тогдашняго времени, а все введенное прежде, отъ реформы Петра I до появленія Карамзина, признавали русскимъ и самихъ себя считали русскими людьми, никакъ не чувствуя и не понимая, что они сами были иностранцы, чужие народу, ничего не понимающіе въ его русской жизни. Даже не было мысли оглянуться на самихъ себя. Вѣкъ Екатерины, передъ которыми они благоговѣли, считался у нихъ не только русскимъ, но даже русскою стариной. Они волили противъ иностранного направлѣнія—и не подозрѣвали, что охвачены ими съ ногъ до головы, что они не умѣютъ даже думать по-русски. Самъ Шишковъ любилъ и уважалъ русской народъ по своему, какъ-то отвлеченно; въ дѣйствительности же отказывалъ ему въ просвѣщеніи, и напечаталъ впослѣдствіи, что мужику не нужно знать грамотъ. Такъ бываютъ иногда перепутаны человѣческія понятія, что истина, лежащая въ ихъ основѣ, принимаетъ ложное и ошибочное развитіе.—Само собою разумѣется, что никакое сомнѣніе не входило въ мою осьминадцатилѣтнюю голову и что я былъ готовъ безусловно благоговѣть передъ Шишковымъ.

Напрасный будетъ трудъ, если я захочу дать понятіе о томъ, что происходило въ моей головѣ и моемъ сердцѣ, когда я воротился домой, разставшись съ моимъ внезапнымъ

другомъ, К—мъ? Какую ночь провелъ я въ ожиданіи утра, въ ожиданіи свиданія, знакомства съ Александромъ Семенычемъ Шишковымъ! Я представлялъ себѣ его какимъ-то высшимъ существомъ, къ которому всѣ приближаются съ благоговѣніемъ. Живя въ Петербургѣ, я постоянно желалъ и надѣлся со временемъ, какъ-нибудь его увидѣть; но возможность личаго и близкаго знакомства никогда не входила мнѣ въ голову. Не могу сказать, чтобы я отъ неожиданнаго осуществленія того, о чёмъ не смѣть мечтать, пришелъ въ восхищеніе, въ восторгъ, которому весьма легко предавался. Конечно я чувствовалъ радость, но подавляемую изумленіемъ и какою-то неопредѣленною боязнью. Тогда я не умѣлъ объяснить себѣ страннаго моего чувства; но можетъ быть это было безотчетное опасеніе—найти въ дѣйствительности не то, что создало и украсило мое горячее воображеніе и такъ искренно, давно полюбило молодое сердце. Я былъ чистый сангвиникъ: живой, вспыльчивый, и въ тоже время застѣнчивый ищ, вѣрнѣе сказать, конфузливый до того, что могъ совсѣмъ потеряться, могъ лишиться на ту минуту употребленія языка или заплакать. Хотя я конфузился преимущественно въ женскомъ обществѣ, или незнакомомъ и многочисленномъ, но кабинетъ Шишкова представлялся мнѣ страшнѣе всякой аристократической гостиной — и опасность сконфузиться, показаться дуракомъ, бросала меня въ ознь и жаръ. Будучи всегда скромнаго о себѣ самомъ мнѣнія, я добросовѣстно спрашивалъ себя: «что же есть во мнѣ замѣчательнаго, достойнаго обратить вниманіе такого человѣка, какъ Шишковъ? Не совѣтно ли заставить его перервать свои важные труды и заниматься мною? Что я стану отвѣтчать, когда онъ спроситъ о моихъ литературныхъ занятіяхъ? Не отвѣтчать же ему, что въ университѣтѣ я издавалъ письменный литературный жур-

наль вмѣстѣ съ Александромъ II—вымъ? Что я написалъ стихи къ «Зимѣ» и «Соловью», или перевѣлъ «Пигмаліона и Галатею?» Вотъ еслибъ какъ-нибудь заставили меня читать, то можетъ быть мое чтеніе понравилось бы Шишкову: въ К—и всѣ были въ восхищѣніи отъ моей декламаціи и игры на театрѣ.... Но какъ же это сдѣлать?...» Подобныя дѣтскія мысли осаждали всю ночь мою горячую голову. Я уснуль уже къ утру, и цѣльмъ получасомъ опоздалъ прѣхать къ К—ву.

Въ переулкѣ съ Литейной, называемомъ Форштадскимъ, противъ лютеранской кирки, стоялъ небольшой каменный, двухъэтажный домикъ (вѣроятно стоить и теперь), оконъ въ восемь, какого-то зеленоватаго цвѣта, весьма скромной наружности: это былъ собственный домъ Александра Семеныча Шишкова. Мы въѣхали подъ него въ ворота и поднялись во второй этажъ, по темной, узкой и нечистой лѣстницѣ. Не спрашивая о хозяинѣ, К—въ ввелъ меня изъ прихожей въ столовую и остановился у дверей кабинета, поглядѣвъ въ замочную скважину и сказавъ: «дядя тутъ; не пишеть, а что-то читаетъ: вѣрно ждетъ насъ». Онъ хотѣлъ отворить дверь, но я удержалъ его, чтобы перевѣстъ духъ. Сердце билось у меня, какъ голубь въ клѣткѣ и дыханіе стѣснялось. Черезъ минуту мы вошли. Кабинетъ былъ маленькой, голубой, съ двумя окошками въ переулокъ; между ними помѣщался большой письменный столъ, загроможденный книгами и бумагами; на окошкахъ стояли банки съ сухимъ киевскимъ вареньемъ и конфектами, а на столѣ—большая стеклянная банка, почти наполненная до верху восковыми шарами и шариками (*). Вокругъ на горкахъ и на полу лежало много

(*) Шишковъ имѣлъ привычку, занимаясь чтеніемъ и размышленіемъ, скатывать восковые шарики, обирая и обшипывая воскъ со свѣчей. Онъ очень любилъ разныя лакомства, особенно плоды и ягоды.

книгъ и тетрадей. Все было въ пыли и беспорядкѣ, какъ называютъ и теперь порядокъ въ кабинетѣ ученаго, серьёзно занятаго дѣломъ, человѣка.

Александръ Семенычъ былъ въ шелковомъ полосатомъ шлафрокѣ съ поясомъ, съ голой шеей и грудью; на ногахъ у него были кожаные, истасканные ичики (спальные сапоги); онъ имѣлъ средній ростъ, сухощавое сложеніе, волосы сѣдые съ желтина; лицо у него было поразительно блѣдно; темнокаріе, небольшіе глаза, очень живые, проницательные, воспламеняющіеся мгновенно, выглядывали изъ-подъ нависшихъ бровей; общее выраженіе физіономіи казалось сухо, холодно и серьёзно, когда не было одушевлено улыбкой,—самой пріятной и добродушистой. Онъ невдругъ увидѣлъ насъ, по увидѣвъ, положилъ книгу, всталь и сказалъ мнѣ: «Я радъ, что вы встрѣтились и подружились съ К—мъ. Вы оба русскіе люди, будете вмѣстѣ служить и ходить ко мнѣ, я стану толковать съ вами и что-нибудь читать, и хорошее и худое; худаго больше, но есть и хорошее. Вотъ я сейчасъ читалъ поэму «Петръ Великій»; ее всѣ журналы будутъ бранить, я напередъ знаю; а въ ней есть такія красоты, какихъ не много у Державина, да и у Ломоносова». Онъ сѣлъ на свои кресла передъ столомъ, и мы сѣли безъ приглашенія на ближайшіе стулья. Онъ взялъ книгу и принялъся читать съ самаго начала, съ посвященія, въ которомъ особенно нравились ему стихи:

Изъ чащи лавровой, цвѣтущей при Полтавѣ,
Гордящейся Петромъ, восходить къ небесамъ
Безсмертный памятникъ его безсмертной славѣ.
Кто читъ достопочтенъ и самъ.

Чтеніе его было тихо, однообразно, но естественно, произношеніе чисто и явственно, но въ тоже время съ

какимъ-то стариковскимъ бормотаньемъ и процѣживаньемъ словъ сквозь зубы; онъ читалъ съ большимъ одушевлениемъ и небольшими жестами правой рукой. Сначала мнѣ не понравилось чтеніе; но скоро я прислушалася, привыкъ къ его недостаткамъ или особенностямъ, и оно такъ увлекло меня внутренней силою и теплотою, что князь Шихматовъ показался мнѣ великимъ поэтомъ, а Шишковъ такимъ чтецомъ, при которомъ мнѣ не должно и читать. Читалъ, Шишковъ не рѣдко останавливался и восклицалъ: «Какое великолѣпіе! Какая красота! Какое знаніе языка славянскаго, то-есть, русскаго! Вотъ что значитъ, когда стихотворецъ начитался книгъ Священнаго Писанія! А между тѣмъ при слѣдующихъ стихахъ» продолжалъ онъ:

«Не сломать вѣки, ни ствхіц
«Ни ковы всѣхъ наземныхъ бѣдъ.

«сейчасъ остановятся и скажутъ: что это за *наземныя бѣды*? Ужъ не павозныя ли? Подумають, что это слово выдумано Шихматовымъ; неправда, оно точно въ этомъ смыслѣ употреблено въ Священномъ Писаніи. Ну что можетъ быть лучше этихъ выражений:

Не терпить сердце иѣмоты;
Приди, витийство простоты,
И смѣлость мнѣ вдохни, природа!

или напримѣръ:

Какъ зимній дымъ бѣльютъ мраки,
И утро съ розовымъ лицемъ,
Гоня зловидные призраки,
Блистая златомъ, блграцемъ,
Дыша живительной прохладой,
Бѣльть и горы и поля.
Сребромъ усыпана земля
Всемѣстной полнится отрадой;
Насталъ пріятный первый шумъ,
Преторгласъ цѣпь ношнаго плѣна,
И путникъ, преклонивъ колѣна,

Впериль къ востоку взоръ и умъ. —
Се солице, искра славы Бога,
Изъ бездиъ исходитъ, какъ женихъ
Младый отъ брачнаго чертога.

Это все красоты первоклассныя, или заимствованныя изъ книгъ Священнаго Писанія, или составленныя по ихъ духу. Да покажите мнѣ, много ли такихъ красотъ найдется у нашихъ знаменитыхъ писателей. А вотъ попадется слово, котораго значеніе не поймуть, въ стихѣ:

Богатствъ дражайшие дары.

и станутъ смѣяться: *дражайший даръ*, какъ уморительно смѣшно! а ничего смѣшнаго нѣть. Дражайший, значить драгоцѣннѣйшій, это превосходная степень, а потому стихъ:

Богатствъ дражайшие дары

значить дары, которые драгоцѣннѣе богатствъ. Напередъ знаю, что наши безграмотные журналисты подымутъ на смѣхъ сълѣдующіе превосходные стихи, красоты выраженія которыхъ всѣ почерпнуты изъ Священнаго Писанія:

Течеть исполнъ красы и мира

или:

Такъ зависть, поучасъ въ крамолѣ

или:

И къ смерти прилагаютъ смерть

или:

Отъ скаль сложенные громады

Пожалуй иной литераторъ подумаетъ, что *отъ* поставлено ошибкой вместо *изъ*. Или

Трасется онъ отъ оснований.

или:

Пасутся сочностю травъ.

и неисчислимое множество тому подобныхъ превосходныхъ выражений. И не мудрено: они не смыслить корня русскаго языка, то-есть, славянскаго. Да-лье:

Утьха взору и гортани
Висять червленные плоды.

Какъ хороши эти два стиха! Это прелестъ, а пожалуй, не поймутъ слово *чевленные* и подумаютъ, что это *чевивые*. Шихматовъ говорить, что весенніе вѣтерки:

На воздухъ разсыпають сладость,
Окравъ душистые шипки.

и это превосходно, но большая часть читателей не поймутъ словъ: *окравъ* и *шипки*, а между тѣмъ, какое живописное изображеніе, что вѣтерки, пролетая по цветамъ, похищаютъ, окрадываютъ ихъ душистые, распускающіеся шипки, то-есть, цветочныя расpusкотьки, и такимъ образомъ наполняютъ сладостнымъ благовоніемъ воздухъ.— Ну, послушайте, какое великолѣпное описание кораблестроенія:

Туда, по волѣ человѣка,
Корнисты сѣвера сины,
Надменны долготою вѣка,
Стеклись съ кремнѣстой вышинѣ,
И тамъ искусствомъ искривлены,
Да съ бурями воюютъ вновь...

Послѣдній стихъ такъ многозначителенъ, что я не знаю ему равнаго. Я также ничего не знаю лучше, во всѣхъ миныхъ известныхъ литературахъ, слѣдующаго описанія спуска корабля:

При звукахъ радостныхъ, громовыхъ,
На брань отъ пристава спѣша,
Вступаетъ въ царство воли супровыхъ;
Дубъ—тѣло, вѣтръ—его душа,
Хребеть его—въ утробѣ бездны,
Высоки щоглы—въ небесахъ,

Летить на легкихъ парусахъ,
Отвергнувъ весла бесполезны;
Какъ жили напрягаетъ счасть,
Вмѣшаетъ силу съ быстротою,
И гордъ своею красотою,
Надъ моремъ восприметь власть.

Тутъ есть такие три стиха (4, 5 и 6), которыми должны позавидовать и древніе и новые стихотворцы (*).

Чтеніе въ такомъ родѣ, замѣчанія и разсужденія Шишкова продолжались часа два. К—въ и я слушали и молчали, изъявляя только по временамъ наше полное согласіе съ мнѣніями и выводами хозяина, хотя нѣкоторыя похвалы и казались намъ преувеличенными. Вдругъ дверь въ кабинетъ изъ столовой нѣсколько отворилась, и рѣзкій женскій голосъ сказалъ: «Александъ Семенычъ! Тебѣ давно пора въ Адмиралтейство! Тебя тамъ сегодня ждутъ. Ты обѣщалъ быть въ двѣнадцать часовъ, а теперь половина втораго». — «Сейчасъ, сейчасъ!» отвѣчалъ онъ просьительнымъ тономъ, вотъ только прочту нѣсколько куплетовъ.» — Тотъ же женскій голосъ тономъ неумолимой гувернантки, возразилъ: «этому чтенію и конца не будетъ Федоръ! подавай одѣваться Александру Семенычу». И Федоръ вошелъ съ платьемъ. Шишковъ дочиталъ только куплетъ, положилъ книгу и сказалъ: «Вы у насъ обѣда-

(*) Шишковъ читалъ многими поэму Шихматова, переплетенную съ бывшими листами, исписанными множествомъ его собственноручныхъ отмѣтокъ, замѣчаній и объясненій. Онъ наблюдалъ такой порадокъ: сначала прочитывалъ цѣлый куплетъ, а потомъ возвращался къ замѣченому слову или выражению. Я, познакомился короче, списалъ себѣ въ особый экземпляръ всѣ замѣчанія Шишкова; но потерялъ его и теперь пишу на память. Я могъ бы припомнить гораздо больше, но считаю достаточнымъ этого образчика. По совѣсти долженъ и сказать, что Александръ Семенычъ употреблялъ хитрость, читая Шихматова: онъ выбиралъ или лучшія мысли или такія выраженія, которыя, будучи имъ объяснены, переставали, какъ онъ думалъ, казаться читателю странными.

етe. Я скоро ворочусь; мнъ хочется показать вамъ въ этой поэме одно славное мѣсто и объяснить откуда Шихматовъ заимствовалъ его красоты. Ступайте теперь къ женѣ». Мы вышли. Я былъ озадаченъ. Хотя я увлекался чтеніемъ и горячими чувствами Шишкова, хотя многіе стихи, на которыхъ онъ останавливался, точно были хороши, и я восхищался ими, но не всѣ объясненія красотъ «Петра Великаго» показались мнъ удовлетворительными; притомъ мнъ было какъ-то больно, что онъ не обратилъ собственно на меня ни малѣйшаго вниманія: я забылъ, что наканунѣ признавалъ себя совершенно его недостойнымъ. Странно мнъ показалось и то, что К—въ, говорившій о дядѣ заочно съ благоговіемъ, обращался съ его личностью какъ-то слишкомъ запросто; голосъ же жены Шишкова (какъ я догадался), въ которомъ не было замѣти никакого уваженія, а напротивъ слышалась привычка повелѣвать, — послала во мнъ сильное предубѣженіе противъ этой женщины, не смотря на то, что К—въ уже успѣлъ сказать мнъ, что она добрѣйшее существо въ мірѣ. Подъ такимъ впечатлѣніемъ вошелъ я въ гостиную, где Дарья Алексѣвна (такъ звали жену Шишкова) (*) сидѣла за рабочимъ столикомъ у окошка; она приняла меня очень просто и ласково, хотя вообще обращеніе ея было сухо; попросила сѣсть возлѣ себя и, не переставая усердно что-то шить, разспросила обо всемъ до меня и моего семейства касающемся, со всѣми мельчайшими подробностями. Узнавъ, что со мною живеть братъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, она настоятельно потребовала, чтобы я на дру-

(*) Урожденная Щельтингъ. Она была Голландка и Лютеранка. Дѣдъ ея былъ приглашенъ изъ Голландіи въ русскую службу и дослужился до адмиральскаго чина. По-французски она говорила очень плохо, за что и страдала впослѣдствіи въ болѣшомъ свѣтѣ, куда судьба неожиданно ее затащила. Она вышла за Шишкова вдовою; но я забылъ фамилію первого ея мужа.

гой же день привезъ его къ ней, прибавя: «изъ вашихъ словъ я вижу, что вы хороший братъ и не охотно оставляете его одного дома, а потому всегда привозите его къ намъ, съ собой; у насъ воспитываются двое родныхъ племянниковъ Александра Семеныча, а потому вашему брату будетъ не скучно. Я сама занимаюсь воспитаніемъ племянниковъ и строго смотрю за ихъ нравственностью. Я уверена, что вашъ братъ мальчикъ неиспорченный. Мы обѣдаемъ въ половинѣ четвертаго. Милости прошу обѣдать хоть всякой день, или хоть вмѣстѣ съ К—мъ, который съ двумя своими родственниками (*), обѣдаетъ у насъ три раза въ недѣлю. Сегодня же непремѣнно прошу обѣдать съ нами. И такъ прощайте покуда».

Мы вышли. Уже былъ третій часъ. Мы предполагали часу въ первомъ уѣхать отъ Шишкова и отправиться въ «Комиссію составленія законовъ»; но теперь было уже поздно и мы рѣшились совсѣмъ не являться туда, а пошли гулять по Литейной, въ ожиданіи времени обѣда. Тутъ К—въ многое объяснилъ мнѣ и много рассказалъ такого, что мнѣ нужно было знать предварительно. Между прочимъ онъ поздравилъ меня съ тѣмъ, что я понравился его дядѣ и теткѣ (въ послѣдствіи мы всегда ихъ такъ звали). Я захочоталъ: «да помилуй, возразилъ я; онъ не сказалъ со мною ни одного слова.» Но К—въ увѣрялъ, что это ничего не значитъ; что онъ хорошо знаетъ своего дядю; что еслибъ я ему не полюбился, то онъ не продержалъ бы насъ слишкомъ два часа; что говоря и читая, онъ все относился ко мнѣ и смотрѣль на меня, и что онъ изъ выраженія глазъ его замѣтилъ, что я пришелъ ему по сердцу. «Что же касается до тетки, прибавилъ онъ, то я

(*) Они вовсе не были родня К—ву, но онъ называлъ ихъ родственниками, чтобы имѣть больше права познакомить ихъ съ домомъ дяди.

не видывалъ, чтобы она къ кому-нибудь была такъ съ первого разу благосклонна, какъ къ тебѣ». Хотя по моему, очевидность тому противорѣчила, но я не могъ не повѣрить К—ву, въ искренности котораго не возможно было сомнѣваться. Тутъ узналъ я, что дядя его, этотъ разумный и многоученый мужъ, ревнитель цѣлости языка и русской самобытности, твердый и смѣлый обличитель торжествующей новизны и почитатель благочестивой старины, этотъ открытый врагъ слѣпаго подражанья иностранному—былъ совершенное дитя въ житейскомъ быту; жиль самыи не взыскательнымъ гостемъ въ собственномъ домѣ, предстаавя все управлѣнію жены и не обращая ни малѣшаго вниманія на то, что вокругъ него происходило; что онъ зналъ только ученый совѣтъ въ адмиралтействѣ, да свой кабинетъ, въ которомъ коптѣль надъ словарями разныхъ славянскихъ нарѣчій, надъ старинными рукописями и церковными книгами, занимаясь корнесловіемъ и сравнительнымъ словопроизводствомъ; что, не имѣя дѣтей и взявъ на воспитаніе двухъ родныхъ племянниковъ, отдалъ ихъ въ полное распоряженіе Дарью Алексѣвну, которая, считая всѣ убѣжденія супруга патріотическими бреднями, наняла къ мальчикамъ Француза-губернера (*) и помѣстила его возлѣ самаго кабинета своего мужа; что родные его жены (Хвостовы), часто у ней гостивши, сама Дарья Алексѣвна и племянники, говорили при дядѣ всегда по-французски... Я разинулъ ротъ отъ удивленія! Такое несходство слова съ дѣломъ казалось мнѣ непостижимо. Что долженъ быть я подумать о Шишковѣ? Въ истинности его убѣждений сомнѣваться было невозможно: и такъ, это жалкая слабость характера?... но мнѣ не хотелось до-

(*) Этотъ Французъ умелъ поддѣлаться въ послѣдствіи къ Шишкову похвалами Россіи и русскому языку.

пустить такой мысли—и крѣпко смущилась моя молодая голова! Признаюсь, смущало меня и то, что у православнаго Шишкова—жена лютеранка!... Въ половинѣ четвертаго мы были въ гостиной, гдѣ нашли тетку, двухъ ея племянницъ, девицъ Хвостовыхъ, и двухъ молодыхъ людей, пріятелей К—ва, Хвошинскаго и Татаринова, съ которыми я уже познакомился поутру, потому что они жили на одной квартирѣ съ К—мъ. Племянники Александра Семеныча, также гулившіе передъ обѣдомъ съ гувернеромъ, воротились въ одно время съ нами; черезъ нѣсколько минутъ прѣхаль дѣдя. Не дожидалась пока онъ переодѣнется, хозяйка вѣльма подавать кушанье и повела гостей за столъ. Возлѣ мѣста, на которомъ обыкновенно садился Шишковъ, она пригласила сѣсть меня. К— въ сѣль по другую его сторону. Дѣдя, перемѣнившись только мундиръ на халатъ и сапоги на ичиги, шаркая ногами по полу, или какъ-то таскалъ ихъ по-стариковски, торопливо вышелъ изъ кабинета, сѣль между мною и К—мъ, и молча занялся сначала своей стынувшей тарелкой супа. Потомъ обратился ко мнѣ и принялъ разсказывать свой споръ въ адмиралтейскомъ совѣтѣ за какого-то русскаго морскаго офицера, которому, совершенно несправедливо, предпочитали нѣмца. Дѣдя, безъ всякой впрочемъ ласковости, говорилъ со мною такъ просто, такъ по домашнему, какъ будто я вѣкъ былъ его семьяниномъ, и скоро мнѣ самому показалось, что я давно и коротко знакомъ съ хозяиномъ и со всѣми его интересами. Я замѣтилъ, что Дарья Алексѣвна улыбалась, смотря на насъ, и говорила что-то съ другими. Въ продолженіе всего обѣда, чрезвычайно умѣреннаго, дѣдя ни съ кѣмъ, кроме меня, не сказалъ ни одного слова. Вставъ изъ-за стола, онъ сейчасъ увелъ насъ съ К—мъ въ кабинетъ и около часа читалъ поэму Шихматова и объяснялъ то мѣсто, которое хотѣлъ

указать намъ. Наконецъ сказаль: «ну, Богъ съ вами. Ступайте къ молодежи». Въ гостиной тетка и другіе встрѣтили меня улыбками и поздравленіями, что я буду любимцемъ Александра Семеныча, чemu, впрочемъ, никто не завидовалъ; ибо всѣмъ казались бестѣды съ нимъ на единъ и безконечныя толкованія о славянскихъ корняхъ—смертельюю скучою. Я, полагаясь болѣе на слова другихъ, чѣмъ на свое впечатлѣніе, радовался отъ всего сердца такому неожиданному и скорому обороту дѣла,—что поспѣшилъ домой: въ первый разъ случилось, что братъ долженъ быть обѣдать одинъ и даже не зналъ, где я. Воротясь, я нашелъ его въ беспокойствѣ обо мнѣ; онъ даже еще не обѣдалъ, а какъ я самъ былъ голоденъ послѣ дѣтнаго немецкаго стола у Шишковыхъ, то и пообѣдали мы очень плотно своими тремя сытными русскими блюдами. Я рассказалъ брату всѣ малѣйшія подробности новаго знакомства и назначилъ тѣхать послѣ завтра вмѣстѣ съ нимъ къ Шишкову. Первое мое съ нимъ свиданіе такъ врѣзалось въ моей памяти, что я могъ разсказать его съ изумительной (для меня самого) точностью: дальнѣйшіе мои разсказы не могутъ быть такъ подробны.

Брата моего принялъ тетка очень ласково и радушно; дядя по своему обыкновенію не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія. Съ молодыми племянниками Шишкова, или лучше сказать, со старшимъ, съ Сашей (иначе называть его не позволили), братъ мой скоро подружился; меньшой же, Митя, былъ слишкомъ молодъ, да и какъ-то страненъ. Саша, известный впослѣдствіи въ русской литературѣ подъ именемъ «Шишкова 2-го», былъ тогда блестательнымъ и очаровательнымъ мальчикомъ. Много возбуждалъ онъ великихъ надеждъ своимъ рановременнымъ умомъ и яркими признаками литературнаго таланта. Тетка обожала его, какъ говорится, и не смотря на свою

практическую разсудительность, совершенно испортила своего любимца. Исключительно женское воспитание рѣдко удается. Черезъ несолько лѣтъ не могла она сладить съ Сашей, и онъ поступилъ въ военную службу, прямо въ офицеры молодой гвардіи и прямо въ адъютанты, кажется, къ генералу Каблукову (*). Саша немедленно сдался отчаяннымъ повѣсой, былъ сосланъ на Кавказъ, ушелъ изъ-подъ караула и, будучи арестантомъ, увезъ молодую дѣвушку и женился на ней, жилъ въ крайней бѣдности, погубилъ свой замѣчательный талантъ, работая для денегъ, и наконецъ погибъ трагическою, всѣмъ известною смертью.

Наши посѣщенія дома Шишковыхъ устроились правильнымъ образомъ: три раза въ недѣлю мы съ братомъ у нихъ обѣдали и проводили иногда вечерѣ, вмѣстѣ съ К—мъ и его родственниками и не рѣдко съ семействомъ Хвостовыхъ. По вечерамъ дядя уѣзжалъ въ гости или въ клубъ, где онъ вѣль крупную игру. Онъ былъ отличный мастеръ играть во всѣ коммерческія игры и особенно въ Рокомболь, и всегда много выигрывалъ. Я послѣ узналъ, что онъ въ молодости былъ сильный банковскій игрокъ. Хотя я прѣѣзжалъ или приходилъ изъ «Комиссіи составленія законовъ» довольно поздно, иногда передъ самимъ обѣдомъ, но всегда проходилъ прямо въ кабинетъ дяди и, вмѣстѣ уже съ нимъ, садился за столъ, постоянно подъ него. Послѣ обѣда, почти всегда онъ приглашалъ меня въ кабинетъ, иногда безъ К—ва, и толковалъ со мною о любимыхъ своихъ предметахъ: о тождествѣ языка русскаго и славянскаго, о красотахъ Священнаго Писания, о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, о порчу языка по

(*) Все это никуда не годилось. Дядя имѣлъ слабость и неосторожность выпросить у Государя такую вредную для юноши и оскорбительную для другихъ, милость.

милости Карамзинской школы, и проч., и проч. Я постепенно перешел изъ безмолвнаго слушателя въ собесѣдника. Иногда я возражалъ Александру Семенычу, и онъ, оспоривая меня, признавалъ нерѣдко хотя одностороннюю, правду и значительность возраженія; въ такомъ случаѣ онъ обыкновенно отмѣчалъ въ тетради: «такое-то возраженіе нужно хорошенько объяснить и опровергнуть». Всѣ наши разговоры вошли въ составъ «Разговоровъ о словесности» между двумя лицами: Азъ и Буки, напечатанныхъ года черезъ два. Я не могъ не смеяться, читая ихъ, потому что не рѣдко узнавалъ себя подъ буквою Азъ, и весьма часто съ невыгодной стороны.

Между тѣмъ время шло. Я привязался всею душою къ Шишкову и, хотя никогда не слыхивалъ отъ него ласковаго слова, но видѣль изъ выраженія его глазъ, слышалъ по голосу, какъ онъ былъ доволенъ, когда я входилъ къ нему въ кабинетъ. Нечего и говорить, что съ первой минуты нашего знакомства, я сталъ искать благосклонности старика съ такимъ жаромъ и напряженіемъ вниманіемъ, съ какимъ не искалъ во всю мою жизнь ни въ одной женщинѣ. Это дѣлалась безсознательно съ моей стороны, но всѣ окружающіе замѣчали мои поступки и не рѣдко смеялись мнѣ въ глаза; сама тетка говоривала, что я влюблена въ ея мужа и волочусь за нимъ изо всѣхъ силъ. Я конфузился, но продолжалъ держать себя по прежнему. — Сначала не рѣдко случалось, что отворишь дверь въ кабинетъ Шишкова, и онъ, если занятъ серьезно, то кивнетъ головою и скажетъ: «А, здравствуй», но не отодвинетъ книги или тетради и не прибавить: «ну, садись, потолкуемъ». (Я забылъ сказать, что черезъ недѣлю послѣ первого свиданія или лучше сказать, при первомъ употребленіи втораго лица, дѣдя началь говорить мнѣ: ты). — Въ настоящее же время, тетрадь или книга, уже посто-

лино отодвигалась при моемъ появлении, такъ что я самъ, зная, чѣмъ хозяинъ занятъ, не входилъ иногда къ нему въ кабинетъ, или, поздоровавшись, сейчасъ уходилъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

Наконецъ вышло изъ-подъ спуда мое умѣнье читать или декламировать. К—въ съ родственниками, Хвощинскимъ и Татариновымъ, которые такъ и остались на всегда его родней, наговорили о моемъ чтеніи теткѣ и Хвостовоймъ, и меня стали просить прочитать что-нибудь. Я сталъ читать: чтеніе всемъ понравиѳось, и тетка одинъ разъ за обѣдомъ вдругъ обратилась къ мужу и сказала: «А ты, Александръ Семенычъ, и не знаешь, что Сергій Тимоѳеичъ большой мастеръ читать?» Шишковъ конечно не зналъ, то-есть, слышалъ, да забылъ, какъ меня зовутъ, и я примѣтилъ, что онъ старался вспомнить: кто это такой Сергій Тимоѳеичъ? Я поспѣшилъ вывести его изъ недоумѣнія и сказаль, что очень желаю прочесть ему что-нибудь, и, обратясь къ Дарьѣ Алексѣвнѣ, прибавиль, что Александръ Семенычъ самъ превосходно читаетъ, и что я боюсь его суда. Для промолчалъ; но послѣ обѣда, не уходя изъ гостиной, онъ сказалъ: «Ну прочти же что нибудь». Я сейчасъ собѣгаль въ его кабинетъ, принесъ Ломоносова и прочель «Размышленіе о Божіемъ величіи». Для бывъ такъ доволенъ, что заставилъ меня прочесть другую пьесу, потомъ третью, четвертую и наконецъ, примѣти или подумавъ, что для другихъ это скучно, увелъ меня въ кабинетъ, гдѣ я читалъ ему на просторѣ изъ Державина, Капниста и даже изъ князя Шихматова, по крайней мѣрѣ часа полтора. Я долженъ признаться, что чтеніе изъ Шихматова было съ моей стороны волокитство! Для очевидно бывъ очень доволенъ чтеніемъ, иначе онъ не заставилъ бы меня читать такъ долго; но не похвалилъ ни однимъ словомъ и потомъ уже никогда не поминалъ обѣ этомъ,

чъмъ я не мало огорчался. Но за то чтеніе въ гостиной продолжалось съ возрастающимъ успѣхомъ. Кромъ всегдашняго мужскаго общества, слушательницами были: Катерина Алексѣвна Хвостова, родная сестра хозяйки (женщина замѣтительная по уму и прекраснымъ качествамъ), дѣвь ея незамужнія дочери, дѣвица Турсукова, сочинительница Анна Петровна Бушина и другія. Я перешелъ къ чтенію драматическихъ пьесъ; между прочимъ, я прочелъ Озерова: «Эдип», «Фингала» и наконецъ чью-то комедію. Чтеніе послѣдней родило мысль, что какъ было бы хорошо устроить домашній спектакль. Надобно сказать, что тетку всѣ считали очень скupoю; но въ самомъ дѣлѣ она была только разсчетлива, да и поступать иначе не могла: ибо доходы Шишкова, довольно ограниченные, состояли въ одномъ жалованье. Мысль о театрѣ понравилась Дарье Алексѣвнѣ до многимъ отношеніямъ, но расходы ужаснули, и сначала эта мысль была совершенно отвергнута ею, какъ невозможная въ исполненіи. Конечно я болѣе всѣхъ желалъ, чтобы у Шишковыхъ устроились благородные спектакли. Самолюбіе мое было очень уже обольщено и даже избаловано, еще въ К—и, гдѣ на университетскомъ театрѣ, посыпаемомъ лучшою публикой, я игралъ очень много, всегда съ блестательнымъ успѣхомъ. Громъ рукоплесканій сладокъ и дымъ похвалъ упоителенъ: я отвѣдалъ этой сладости и дыма — и чадъ не выходилъ изъ моей головы. Кромъ причинъ, много высказанныхъ, у меня была своя, особенная, секретная причина: я, съ пріѣзда моего въ Петербургъ, всякой свободный вечеръ проводилъ у Шушерина, съ которымъ мы постоянно занимались сценическимъ искусствомъ, то-есть, читали, разыгрывали пьесы и разсуждали объ ихъ исполненіи. Мои понятія разширились, уяснились; я узналъ много нового, сдѣлалъ, какъ умѣть, подъ руководствомъ Шушерина,

много перемѣнъ въ своей игрѣ на театрѣ — и мнѣ очень хотѣлось посмотретьъ самому на себя, сравнить свою настоящую игру съ прежнею. Впрочемъ, надо сказать правду, что и кромѣ удовлетворенія собственного самолюбія, я имѣлъ настоящее призваніе и любовь къ театру. Это доказывалось тѣмъ, что я съ равнымъ жаромъ занимался успѣхомъ тѣхъ піесъ, въ которыхъ самъ не игралъ. Рѣшительный отказъ тетки былъ для меня очень тѣжелъ. Но скоро новый опытъ моего дарованія, при чтеніи какой-то слезной драмы Коцебу, вновь увлекъ наше общество, и всѣ рѣшились вновь атаковать Дарью Алексѣвну. Для вѣрнѣйшаго успѣха пригласили на чтеніе Петра Андреевича К—на (*), котораго хозяева очень любили и уважали; онъ остался весьма доволенъ и принялъ живое участіе въ нашемъ предпріятіи. Напали на самую слабую сторону тетки: представили, какъ полезна будетъ игра на сценѣ для образования наружности ея племянниковъ, то-есть, старшаго, обожаемаго Саши, который прекрасно читалъ и грезилъ день и ночь желаніемъ играть на театрѣ. Безъ сомнѣнія

(*) Петръ Андреевичъ К—нъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ и рѣзкихъ тогдашнихъ славянофиловъ; онъ сдѣлался такимъ вдругъ, по выходѣ книги Шишкова: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ». До того времени онъ считался блестящимъ острякомъ, французолюбцемъ и светскимъ моднымъ человѣкомъ, какъ онъ самъ разсказывалъ мнѣ и К—ву. Книга Шишкова образумила и обратила его, и онъ написалъ на ней: «Mon Evangile». Я видѣлъ самъ эту надпись и, хотя былъ очень молодъ, но мнѣ показалось это смѣшино. Въ свѣтѣ называли К—на новообращеннымъ, новокрещеннымъ, ренегатомъ и точно, какъ человѣкъ перешедшій быстро отъ одного убѣжденія къ другому, онъ слишкомъ горячился и впадалъ въ крайности, которыхъ никогда не ведутъ къ убѣждѣнію другихъ. Онъ безпощадно и грубо, прямо въ глаза, казнилъ своихъ прежнихъ знакомыхъ мужчинъ, дамъ и девицъ, недавно знавшихъ его совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ продолжалъ считаться острякомъ, и языкъ его называли бритвой. Съ глубокимъуваженіемъ предался онъ Шишкову, который самъ очень его любилъ и уважалъ.

онъ былъ сильнейшимъ нашимъ орудіемъ. Главное затрудненіе — расходы, устранились отчасти тѣмъ, что мы вызвались сами написать занавѣсъ и декорации, наклеить ихъ на рамы и, безъ всякаго машиниста, съ однимъ простымъ плотникомъ, взялись устроить сцену, къ чemu Хвощинскій, необыкновенный мастеръ на всѣ ремесла и даже женскія рукодѣлія, оказался вполнѣ способнымъ. Наконецъ обольстили тетку: она согласилась, и уже горячо взялась за дѣло. Для начала выбрали девъ дѣтскія піески изъ театра для дѣтей М. Невзорова; одна называлась «Старорусинъ» или «Семейство Старорусинъхъ»: не ручаясь за точность названія, но я самъ играль отца семейства, отставнаго служаку, господина Старорусина, кото-раго слова были отраженіемъ русскаго направленія Александра Семеныча Шишкова. Какъ называлась другая піеска — рѣшиительно не помню. Племянники Шишкова и мой братъ играли женскія лица. Положено было сдѣлать сюрпризъ для нашимъ спектаклемъ; ему сказали, что въ залѣ надобно произвести передѣлки, затворили ее и заперли двери; объдъ перенесли въ маленькую столовую, что и прежде случалось, когда не было никого постороннихъ. Впрочемъ, для дяди не нужны были такія предосторожности: разъ какъ-то нечаянно, онъ заглянуль въ залу прямо изъ лакайской, увидѣль наасъ безъ фраковъ, въ фартукахъ, запачканныхъ красками и — даже не спросилъ, что это значитъ. Денегъ у тетки на устройство театра взяли только сто рублей ассигнаціями, приложили столько же своихъ и обманули ее, ставя въ расходъ всѣ цѣны вдвое меньше. Короткіе знакомые Шишкова, какъ-то: Бакунины, Мордвиновы, Кутузовы, Турсуковы, и другіе, скоро узнали сокреть; но дядя не зналъ ничего. Костюмы собрали кое-какъ безъ всякихъ расходовъ. Я помню, что играль Старорусина, отставленнаго съ Екатерининскимъ мундиромъ, — въ

военномъ сюртуке К—на, бывшаго тогда флигель-адъютантомъ, и что я въ первый разъ, и безъ всякой надобности, явился на сцену въ шпорахъ. Какъ бы то ни было, рѣшительный вечеръ наступилъ (кажется въ чьи-то иманины); приглашенные гости, всѣ коротко знакомые хозяевамъ, съехались. Отперли, растворили двери въ освѣщенную залу, и Шишковъ, ничего не подозрѣвая, думая, что всѣ идутъ смотрѣть обыкновенные дѣтскіе танцы, вѣль подъ руку жену Кутузова. Дядя не вдругъ увидѣлъ занавѣсъ: онъ былъ не верхоглядъ и всегда смотрѣлъ себѣ подъ ноги, потому что былъ ими слабъ; но зала, тѣсно заставленная стульями, его поразила. «Что это», сказаль онъ, остановясь и оглядываясь, «скажите пожалуйста, театръ! вѣдь я ничего не зналъ!» Общій веселый смѣхъ и рукоплесканія раздались между гостями... Я не помнилъ себя отъ радости и дрожа, какъ въ лихорадкѣ, смотря на публику въ отверстіе, прорѣзанное на занавѣсъ. Спектакль прошелъ благополучно, осыпаемый рукоплесканіями зрителей и зрительницъ, разумѣется, изъ одного желанія сдѣлать удовольствіе хозяевамъ. Надо признаться въ непростительной и нѣльзій дерзости, на которую подбили меня совѣты другихъ и на которую рѣшился я чуть ли не съ согласіемъ Дары Алексѣвны: играя свою роль, я подражалъ нѣсколько выговору, походкѣ и вообще манерамъ Александра Семеныча—однимъ словомъ, я передразнивалъ его. Это было замѣчено многими гостями и заставило ихъ смеяться; но разумѣется дядя ничего не замѣтилъ. Тетка сказала однако послѣ спектакля, въ услышаніе всѣмъ: «Сергѣй Тимоѳеичъ такъ любить моего мужа, что даже походилъ на него въ роли Старорусина».—Безъ всякаго самолюбія я скажу, что моя игра на театрѣ слишкомъ рѣзко отличалась отъ игры другихъ. Не смотря на молодость, я уже былъ опытный актеръ: я съ пятнад-

цати лѣтъ постоянно изучалъ и разыгрывалъ разныя роли, если не на сценѣ, не передъ зрителями, то у себя въ комнатѣ, передъ самимъ собою; въ настоящее же время, въ этомъ, страстно любимомъ занятіи руководствовалъ мною, какъ я уже сказалъ, знаменитый тогда актеръ Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ. Я имѣлъ рѣшительный сценическій талантъ, и теперь даже думаю, что театръ былъ моимъ настоящимъ призваніемъ. Старики-посѣтители, почетные гости Шишковыхъ, замѣтили меня, и Н. С. Мордвиновъ (будущій графъ), М. И. Кутузовъ (будущій свѣтлыйшій князь Смоленскій), М. М. Бакунинъ; а болѣе всѣхъ жена Кутузова, знаменитая своей особенной славой, женщина чрезвычайно умная, образованная и страстная любительница театра (известный другъ актрисы Жоржъ), привѣтствовали меня уже не казенными похвалами, которыми обыкновенно осыпаютъ сѣ ногъ до головы всѣхъ безъ исключения благородныхъ артистовъ. Кутузова изъявила мнѣ искреннее сожалѣніе, что я дворянинъ, что такой талантъ, уже много обработанный, не получить дальнѣйшаго развитія на сценѣ публичной, — и самолюбіе мое было утышено. Для бытъ совершенно доволенъ; Дарья Алексѣвна увѣряла меня, что никогда не видала его такимъ свѣтлымъ и веселымъ. Никому изъ насть отдельно онъ не сказалъ благодарнаго или ласковаго слова; бормоталъ только какъ будто про себя: «хорошо, очень хорошо, какъ будто цѣлый вѣкъ были актерами». На другой же день родилась у него мысль составить еще спектакль и устроить въ немъ сюрпризъ для всѣхъ, особенно для его друга, Н. С. Мордвинова; сюрпризъ состоялъ въ томъ, чтобы разыграть на итальянскомъ языкѣ двѣ сцены изъ трагедіи Метастазія (кажется изъ Александра Македонскаго), состоящія изъ двухъ лицъ: Александра Македонскаго и пастуха. Жена Морд-

виноva была Англичанка (*), воспитанная въ Италии и не знала по-русски; самъ Мордвиновъ и все его семейство долго жили въ Италии и говорили по итальянски, какъ на своемъ языкѣ. Племянникъ Александра Семеныча, Саша Шишковъ, говорилъ на этомъ языкѣ также очень хорошо; ему назначили играть главную роль «пастуха», а братъ мой, не знаяший по-итальянски, долженъ былъ играть «Александра»; его роль умѣщалась на четырехъ страницахъ. Дядя написалъ ее своей рукой, въ двухъ экземплярахъ, французскими и русскими буквами, съ означеніемъ всѣхъ тончайшихъ словоудареній; онъ самъ училъ моего брата произношенію съ удивительнымъ терпѣніемъ и, говорить, довелъ его выговоръ, во всѣхъ пѣвучихъ интонаціяхъ языка, до изумительного совершенства. Секретъ былъ сохраненъ строжайшимъ образомъ; репетиціи дѣлались въ кабинетѣ у дяди, и никто изъ знакомыхъ не зналъ о приготовляемомъ сюрпризѣ. Чтобы не затрудняться постановкой новой піесы, положили повторить «Старорусина». Должно сказать, что дядь было очень пріятно слышать свои мысли съ театральныхъ подмостокъ, даже въ своей небольшой залѣ, и мы съ К—мъ, заметя это, приготовили сюрпризъ ему самому: мы вставили въ роль Старорусина много славянофильскихъ, задушевныхъ мыслей и убѣждений Шишкова, выбравъ ихъ изъ его печатныхъ и рукописныхъ сочиненій и даже изъ разговоровъ. Черезъ двѣ недѣли дядя побѣжалъ самъ приглашать гостей и пригласилъ столько, что половина ихъ должна была помѣститься въ другой боковой комнатѣ, изъ которой сцены не было видно. Тетка сердилась, ибо кроме тѣсноты, надобно было приготовить ужинъ, не только вдвое большиe, но и вчетверо дороже, потому что въ числѣ гостей

(*) Родная сестра бывшаго нѣкогда одесскимъ комендантомъ генерал-майора Кобле.

находились люди уже не коротко знакомые. Дядя, впрочемъ, дать на ужинъ какія-то особенные свои деньги. Наконецъ спектакль былъ сыгранъ. Первая піеса шла «Старорусинъ».... Увы, дядя не замѣтилъ вставокъ! Только говорилъ, что: «Аксаковъ играетъ несравненно лучше прежняго».—И такъ нашъ сюрпризъ не удался; но за то сюрпризъ Мордвиновымъ удался вполнѣ: и Николай Семенычъ, и его жена, и дочери были поражены звуками итальянского языка. Нѣсколько мгновеній не могли опомниться отъ изумленія, а потомъ плакали отъ удовольствія, какъ дѣти. Никогда я не забуду этой минуты, когда по окончаніи сцены изъ Метастазія, Мордвиновъ подошелъ къ Шишкову. Прекрасное лицо этого чудного старика сияло радостью, а глаза блестали благодарностью за нѣжное вниманіе къ его семейству. Молча, но краснорѣчиво, обнялъ онъ своего, на морѣ и на суши испытанаго друга. Если бы не было между гостями лишнихъ бревенъ, какъ говорится, то-есть, лишнихъ людей, то безъ сомненія общее удовольствіе было бы гораздо теплѣе, живѣе и выразилось бы съ болѣшою искренностью.

Никого такъ не любилъ и не уважалъ Шишковъ, какъ Николая Семеныча Мордвинова. Его справедливый и очень смѣло высказываемый мнѣнія, подаваемыя имъ иногда въ Государственномъ Совѣтѣ противъ единогласныхъ решений всѣхъ членовъ,—въ богатомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ, съ собственноручною надписью Шишкова: «Золотые голоса Мордвинова»—постоянно лежали на письменномъ столѣ у дяди въ кабинетѣ. Оба были моряки, и тѣсная дружба соединила ихъ издавна. Всѣмъ известно, что Николай Семенычъ Мордвиновъ былъ замѣчательнымъ и достойнымъ уваженія сановникомъ. Нѣкоторые изъ солуживцевъ его не любили и даже распускали на его

счегъ разныя нелѣпныя клеветы; но въ обществѣ, гдѣ онъ былъ необыкновенно любезенъ, его любили и глубоко уважали всѣ. Его старческая красота и благодушная ласковость въ обращеніи имѣли въ себѣ что-то обаятельное. У каждого, съ кѣмъ говорилъ Мордвиновъ, выражалось на лицѣ удовольствіе. При всякомъ случаѣ, особенно послѣ спектаклей, онъ говорилъ мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ, и онъ долго и пріятно отзывались у меня въ сердцѣ. Онъ имѣлъ привилегію цѣловать въ губы знакомыхъ дамъ и девицъ, и я помню, что онъ весьма дорожили его поцѣлуями.

Этотъ спектакль оставилъ надолго пріятное воспоминаніе въ небольшомъ кругѣ добрыхъ знакомыхъ и друзей хозяина; недоброжелатели Шишкова, разумѣется, смеялись надъ всѣмъ. Вообще, Александръ Семенычъ и его добрая, достопочтенная, но не аристократичная супруга, служили предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ зубоскаловъ, которые потешали публику нелѣпными о нихъ рассказами. Исключительный образъ мыслей Шишкова, его рѣзкія и грубыя выходки противъ настоящей жизни общества, а главное противъ французского направленія—очень не нравились большинству высшей публики, и всякой, кто осмѣивалъ этого старца и славянофila, имѣлъ вѣрный успѣхъ въ модномъ свѣтѣ. Впрочемъ надо признаться, что Шишковъ былъ находка, кладъ для насмѣшниковъ: его крайняя развязность, невѣроятная забывчивость и неузнаваніе людей самыхъ короткихъ, не смотря на хорошее зрѣніе, его постоянное устремленіе мысли на любимые свои предметы служили неизслѣдаемымъ источникомъ для разныхъ анекдотовъ истинныхъ и выдуманныхъ. Разсказывали будто онъ, на серьёзный вопросъ одного государственного сановника отвѣчая текстомъ изъ Священнаго Писанія и цитатами изъ какой-то старинной рукописи, которая

тогда исключительно его занимала; будто онъ не узнавалъ своей жены и говорилъ съ нею иногда, какъ съ посторонней женщиной, а чужихъ женъ принималъ за свою Дарью Алексѣвну. Я не считаю, впрочемъ, этого невозможнымъ, потому что самъ былъ свидѣтелемъ вотъ какого случая.

Наступилъ день или, лучше сказать, ночь, назначенная для сожжения великолѣпнаго фейерверка, какого давно не видали въ Петербургѣ, а многіе говорили, что никогда такого и не бывало. Его устроили на судахъ, расположенныхъ на якоряхъ вдоль по Невѣ, противъ Зим资料 дворца. Шишковъ имѣлъ небольшую, человѣкъ на двадцать, галеру или балконъ въ Адмиралтействѣ, откуда почти также хорошо было смотрѣть, какъ изъ дворца. Хотя тетка посердилаась, что дядя не умѣлъ себѣ вытребовать лучшаго помѣщенія, но дѣлать было нечего; она взяла свои мѣры и пригласила гостей столько, сколько могло помѣститься. Племянникъ Саша съ бодышиемъ не терпѣніемъ ожидалъ этого праздника и написалъ даже стихи: «ожиданіе фейерверка». Всѣхъ стиховъ не помню, но помню, что ловкой мальчикъ умѣлъ принаровиться ко вкусу дяди. Вотъ уцѣльвшіе у меня въ памяти первые четыре стиха:

Насталъ, насталъ желанный день!
Спѣши скорѣе ночи тѣнь,
Чтобъ огненныя чудеса
Мои узрѣли очеса.

Стихи очень понравились старику. Племянникъ не скрывалъ отъ насъ, что написалъ такія вирши только для того, чтобы угодить дядѣ. Подроставшій Саша начинай понимать Александра Семеныча и, когда хотѣлъ, умѣлъ поддѣлываться къ нему. Вся наша компанія, которую, Богъ знаетъ по чemu, К—нъ называлъ Цизальпинской

республикой, то-есть, я съ братомъ и К—въ съ мнимыми родственниками, обѣдали въ день фейерверка у Шишковыхъ; вечеромъ, вмѣстѣ съ ними, отправились въ Адмиралтейство и заняли благополучно свою галлерею. Но увы! Всѣ предосторожности тетки не послужили ни къ чему: званые гости съѣхались, но всѣдѣ за ними стали являться не званые; Шишковъ не умѣлъ отказывать и скоро стало такъ тѣсно, что мы едва лѣпились на лѣстницѣ, нарочно придѣланной съ наружной стороны зданія. Фейерверкъ уже начался, какъ прѣѣхала одна дама, очень уважаемая Шишковыми, заранѣе ими приглашенная, но опоздавшая. Пробиться сквозь толпу, стоявшую даже около лѣстницы, а потомъ взойти на лѣстницу—не было никакой возможности. Узнавъ объ этомъ, Шишковъ сошелъ внизъ, чтобы провести гостью: кое-какъ онъ сошелъ съ лѣстницы, но не только провести даму — онъ самъ уже не могъ воротиться назадъ. Шишковъ успокоился невозможностью и пустился въ разговоры съ своей гостьей.... о чѣмъ бы вы думали? о томъ, что весьма смѣшино толкаться и лезть въ тѣсноту, чтобы посмотреть на огненные потѣхи, и что нельзя подражать французскимъ модамъ и одѣваться легко, когда на дворѣ стужа (а дама была очень легко одѣта). Собесѣдница бѣсилась, посыпала мысленно къ чорту старого дурака славянофила (какъ она посль сама разсказывала), но должна была изъ учтивости слушать его неумѣстныхъ разсужденій; наконецъ терпѣніе ея лопнуло, и она уѣхала домой. Шишковъ, оставшись одинъ, попытался взойти на галлерею; но на второй ступенькѣ стоялъ широкоплечій полковникъ, К—нье, который на всѣ просьбы и убѣженія старика посторониться, не обращалъ никакого вниманія, какъ будто ничего не слыхалъ, хотя очень хорошо слышалъ и зналъ Шишкова. Наконецъ мы услыхали его голосъ и всѣ чет-

веро, пустивъ въ авангардъ десятивершковаго Хвошинскаго, бросились на выручку дяди, успѣли пробиться и взвели его на лѣстницу. Онъ не видаль половины фейерверка; но всего забавнѣе было то, что онъ не узналь насъ и намъ же разсказывалъ на другой день, что спасибо какимъ-то добрымъ людямъ, которые протащили его наверхъ, и что безъ нихъ онъ бы иззялъ и ничего бы не видаль. Эти добрые люди были К—въ и я.

Дядя вообще былъ не ласковъ въ обращеніи, и я не слыхиваль, чтобы онъ сказалъ кому-нибудь изъ домашнихъ любезное привѣтливое слово; но съ попугаемъ своимъ, изъ породы какаду, съ своимъ Поплинькой, онъ былъ такъ иѣженъ, такъ дѣтски болгливъ, называлъ его такими ласкательными именами, дразниль, цѣловалъ, игралъ съ нимъ, что окружающіе иногда не могли удержаться отъ смѣха, особенно потому, что Шишковъ съ попугаемъ и Шишковъ во всякое другое время—были совершенно не похожи одинъ на другаго. Случалось, что уѣзжалъ куданибудь по самонужнѣйшему дѣлу и, проходя мимо клѣтки попугая, которая стояла въ маленькой столовой, онъ останавливался, начинать его ласкать и говорить съ нимъ; забывалъ самонужнѣйшее дѣло и пропускалъ назначенное для него время, а потому, въ экстренныхъ случаяхъ, тетка провожала его отъ кабинета до выхода изъ передней. Впрочемъ Шишковъ былъ всегда страстный охотникъ кормить птицъ, и гдѣ бы онъ ни жилъ, стаи голубей всегда собирались къ его окнамъ. Всякое утро онъ кормилъ ихъ самъ, для чего по зимамъ у него была сдѣлана форточка въ нижнемъ стеклѣ. Эта забава не покидала его и въ чужихъ краяхъ. Въ 1813 и 1814 годахъ, таскаясь по Германіи вслѣдъ за главной квартирой Государя и очень часто боясь попасться въ руки французамъ, Шишковъ не рѣдко живаль, иногда очень по долгу, въ

немецкихъ городкахъ. Съ первого дня онъ начиналь прыкармливать голубей и приманивать ихъ со всего города къ окнамъ своей квартиры. Въ послѣдствіи, даже слѣпой, онъ выставлялъ кормъ, въ назначенное время ощупью на дощечку, прикрепленную къ форточкѣ, и наслаждался шумомъ налетающихъ со всѣхъ сторонъ голубей и стукомъ ихъ носовъ, клююющихъ хлѣбныя зерна. Я самъ былъ свидѣтелемъ этого, по истинѣ умилительнаго зрѣлища.

Здѣсь кстати разскѣзть забавный анекдотъ и примѣръ разсѣянности Александра Семеныча, который случился впрочемъ нѣсколько позднѣе. Я пришелъ одинъ разъ обѣдать къ Шишковымъ, когда уже всѣ сидѣли за столомъ. Мнѣ сказали, что дядя обѣдаетъ въ гостиахъ и что онъ одѣвается. Я сѣлъ за столъ, и черезъ нѣсколько минутъ Александръ Семенычъ вышелъ изъ кабинета во всѣмъ парадѣ, то-есть, въ мундирѣ и въ лентѣ; увидѣвъ меня, онъ сказалъ: «кабы зналъ, что ты придешь, — отказался бы сегодня обѣдать у Бакуниныхъ» (*). Я просіялъ отъ радости, а тетка поучительно и строго возразила: «все пустое; Сергій Тимоѳеичъ обѣдаетъ у насъ три раза въ недѣлю, а тебя насилиу дозвались Бакуницы; я думаю, ты уже съ годъ у нихъ не обѣдалъ, сегодня же старшій сынъ у нихъ имянинникъ».... и дядя смиренно побрель въ переднюю. Минутъ черезъ двадцать, только что мы хотѣли встать изъ-за стола, какъ вдругъ является дядя. Всѣ удивились. «Что съ тобой», спросила тетка? — «Вообразите, отвѣчалъ Александръ Семенычъ, прѣѣжаю, а они уже почти отобѣдали, и назвали такихъ гостей, съ которыми я даже не кланяюсь: господь Н. Н. и Н. Н. Дайте мнѣ чего-нибудь пить». Онъ сейчасъ очень проворно

(*) М. М. Бакунинъ былъ губернаторомъ въ Петербургѣ.

переодѣлся и сѣлъ за столъ. Тетка сѣ дамами, племянниками и молодыми людьми встали, а мы сѣ К—мъ остались: ъѣсть дядѣ рѣшительно было нечего. Между тѣмъ тетка сейчасъ воротилась изъ гостиной, и сказавъ мимоходомъ своему супругу: «это какой-нибудь вздоръ; никогда у Бакуниныхъ не бываютъ Н. Н. и Н. Н.; и могутъ ли Бакуницы позвать вмѣстѣ съ тобой людей, которые тебя терпѣть не могутъ»—отправилась въ переднюю и начала свои розыски. По слѣдствію оказалось, что дядя, садясь въ карету, вмѣсто Бакуниныхъ приказалъ ѿхать къ В—мъ, у которыхъ онъ никогда не бывалъ. Ничего не замѣчая, онъ вошелъ въ переднюю, гдѣ офиціантъ доложилъ ему, что господа почти откушали и скоро встанутъ изъ-за стола. Шишковъ удивился, и проворчавъ: «Да какъ же это, звали меня, да не подождали?», спросилъ: «кто здѣсь?» Офиціантъ назвалъ ему Н. Н. и Н. Н. Дядя еще больше удивился и уѣхалъ домой. Тетка раскричалась, хотѣла было опять одѣть своего супруга и отправить къ Бакунинымъ; но дядя на этотъ разъ уперся и, вставъ изъ-за стола, разумѣется совершенно голодный, сказалъ: «что онъ уже пообѣдалъ»—и пригласилъ насъ съ К—мъ въ кабинетъ, общая прочесть что-то новое. Тетка еще больше разшумѣлась.... тутъ досталось и славянскимъ нарѣчіямъ, которыми всегда набита голова Александра Семеныча, и намъ съ К—мъ, которые изъ угощенія толкуютъ съ нимъ обѣ этихъ пустякахъ, для чтенія которыхъ онъ не хочетъ ѿхать къ Бакунинымъ, гдѣ навѣрное не обѣдаютъ и ждутъ дорогаго гости. Въ заключеніе она прибавила, что теперь Богъ знаетъ что подумають всѣ ихъ друзья и враги, узнавъ обѣ этомъ, самомъ неприличномъ постыденіи. Да какъ въ голову пришли тебѣ В—вы?» — «Да чортъ знаетъ какъ: я обѣ нихъ и не думалъ», отвѣчалъ дядя и увелъ насъ въ кабинетъ, гдѣ и прочелъ намъ мысли о

русскомъ правописаниі, противъ которыхъ мы отчасти возражали. Все это напечатано въ 1811 году въ числѣ «Разговоровъ о словесности». Тетка принуждена была написать къ Бакунинымъ, что по такимъ-то причинамъ мужъ ея къ нимъ сегодня не будетъ. Въ самомъ дѣль посыщеніе Шишкова, какъ нарочно сдѣланное не во время и не кстати, произвело много недоумѣй и толковъ, потому что онъ прѣѣжалъ къ своему первому ожесточенному противнику, известному по своей особенной дружбѣ съ французскимъ посланникомъ, а посланикъ недавно жаловался Государю на печатныя враждебныя и оскорбительныя выходки Шишкова противъ Французовъ. И такъ посыщеніе Александра Семеныча получило особое значеніе. В—въ, подумавъ, что Шишковъ прѣѣжалъ для какихъ-нибудь объясненій, счелъ за долгъ на другой день отдать ему визитъ: свиданіе было презабавное. Скоро дѣло объяснилось и, украшенное добрыми людьми, долго занимало и потѣшало городскую публику.

Не знаю за что, но Императоръ Павель I, любилъ Шишкова; онъ сдѣлалъ его генераль-адютантомъ, чѣмъ весьма не шло къ его фигурѣ, и надѣль чѣмъ всѣ тогда смеялись, особенно потому, что Шишковъ во всю свою жизнь не ъѣжалъ верхомъ и боялся даже лошадей; при первомъ случаѣ, когда Шишкову, какъ дежурному генераль-адютанту, пришлось сопровождать Государа верхомъ, онъ объявилъ, что не умѣеть и боится сѣсть на лошадь. Это не помѣшало однако Императору Павлу I, подарить Шишкову триста душъ въ Тверской губерніи. Александръ Семенычъ, владѣя ими уже болѣе десяти лѣтъ, не бралъ съ нихъ ни копѣйки оброка. Многіе изъ крестьянъ жили въ Петербургѣ на заработкахъ; они знали, что баринъ получалъ жалованіе небольшое и жилъ слишкомъ небогато. Разумѣется, возвращаясь на

побывку въ деревню, они рассказывали про барина въ своихъ семействахъ. Годъ случился неурожайный и въ Петербургъ сдѣлалась во всемъ большая дороговизна. Въ одинъ день, поутру, докладываютъ Александру Семенычу, что къ нему пришли его крестьяне и желаютъ съ нимъ переговорить. Онъ не хотѣлъ отрываться отъ своего дѣла и велѣлъ имъ идти къ барину; но крестьяне неизменно хотѣли видѣть его самого, и онъ нашелся принужденнымъ выдти въ переднюю. Это были выборные отъ всего села; поклонясь въ ноги, не смотря на запрещеніе барина, одинъ изъ нихъ сказалъ, что «на мірской сходкѣ положили и приказали имъ вхать къ барину въ Питеръ и сказать: что не берешь-де ты съ насъ, вотъ уже десять лѣтъ, никакого оброка и живешь однимъ царскимъ жалованьемъ, что теперь въ Питерѣ дороговизна и жить тебѣ съ семействомъ трудно; а потому не угодно ли тебѣ положить на насъ за прежніе льготные годы, хоть по тысячи рублей; а впредь будемъ мы платить оброкъ, какой ты самъ положишь; что мы, по твоей милости, слава Богу, живемъ не бѣдно, и отъ оброка не разоримся». Услыхавъ такія рѣчи, дядя пришелъ въ неописанное восхищеніе, или лучше сказать, умиленіе, не столько отъ честнаго, добросовѣстнаго поступка своихъ крестьянъ, какъ отъ того, что рѣчи ихъ, которыя онъ немедленно записалъ, были очень похожи на языкъ старинныхъ грамотъ. Дядя сейчасъ послалъ за К—мъ и за мною. Насъ не застали дома, и мы явились къ нему уже послѣ обѣда. Старикъ еще не простылъ, и съ не свойственнымъ ему, даже наружнымъ жаромъ и волненiemъ, рассказалъ намъ все происшествіе и прочель записанныя рѣчи. «Вы, пожалуй, подумаете, что я пораскрасилъ ихъ слова, прибавилъ онъ, ну такъ слушайте сами». Крестьянъ позвали и дядя заставилъ ихъ разсказать вновь все, сказанное

ему поутру. Крестьяне повиновались, и рѣчи ихъ (они говорили оба) оказались очень сходными съ тѣми словами, которые записалъ Шишковъ. Онъ разспросилъ ихъ кой о чёмъ, подтвердилъ, чтобы ихъ хорошенко угощали, и обѣщалъ на другой день написать письмо и отпустить домой. Онъ показывалъ своихъ крестьянъ Мордвинову и К—ну и заставлялъ повторять тѣ же рѣчи; но мнѣ и К—ву это не нравилось и мы уговорили дядю никому больше своихъ крестьянъ не показывать и отпустить поскорѣе домой. На третій день, Шишковъ написалъ письмо, кото-
раго я не читалъ, но содержаніе котораго состояло въ томъ, что помѣщикъ благодарилъ весь міръ за усердіе, объявилъ, что надобности въ деньгахъ, по милости Царской, не имѣть и обѣщалъ, что когда ему понадобятся деньги, то ни у кого, кромѣ своихъ крестьянъ, денегъ не попросить. — Выборныхъ, и дядя и тетка угощали по горло, чѣмъ-то подарили, облобызали и отпустили. Мы съ К—мъ были въ восторгѣ; но многіе, въ томъ числѣ и Дарья Алексѣвна, даже Мордвиновъ, находили такое безсребренничество излишнимъ и неумѣстнымъ. «Почему бы не положить, говорили они, легкой оброкъ, ничего не значущей для крестьянъ, когда самъ помѣщикъ не рѣдко нуждается въ деньгахъ и часто не имѣть свободнаго рубля, чтобы помочь бѣдному человѣку? Да и за что же всѣ другіе крестьяне или работаютъ на господина, или даютъ ему оброкъ, или платятъ двойный подушный, какъ казенные крестьяне, а эти ничего не дѣлаютъ? Это несправедливо, это должно производить ропотъ между со-
сѣдними крестьянами» и проч. и проч. Безъ сомнѣнія все это правда; но я полюбиль Шишкова еще больше (*).

(*) Въ послѣдствіи крестьяне упросили положить на нихъ какой-нибудь оброкъ, говоря, что имъ совсѣмъ противъ другихъ крестьянъ. Оброкъ

Все, что я говорилъ и буду говоритьъ о Шишковѣ, обнимаетъ пространство времени съ конца 1808 до половины 1811 года; все происходило точно тогда, но я не ручаюсь за хронологическую вѣрность и последовательность разсказываемаго мною. Мнѣ потому именно вздумалось теперь оговориться, что я никакъ не могу отыскать настоящаго времени, когда прѣѣждала крестьянская депутація, сейчасъ описанная мною.

Шишковъ обыкновенно вставалъ поутру часовъ въ семь зимио, и въ шесть—лѣтомъ. Онъ прямо изъ спальни отправлялся въ кабинетъ и не выходилъ изъ него (кромѣ двухъ присутственныхъ дней въ Адмиралтейскомъ Совѣтѣ) до половины четвертаго, если обѣдалъ дома, и до четырехъ часовъ, если обѣдалъ въ гостяхъ. Послѣ обѣда немногого дремалъ, сидя въ креслахъ въ своеемъ кабинетѣ, и потомъ что-нибудь читалъ до отѣзда въ клубъ или въ гости. Работая постоянно часовъ по восеми въ сутки, онъ исписалъ громадныя кипы бумаги. Я помню, что и такая книга, въ которую онъ вписывалъ слова малоизвѣстныя и вышедшиа изъ употребленія, попадавшіяся ему въ книгахъ Священнаго Писанія, вообще въ книгахъ духовнаго содержанія, въ лѣтописахъ и рукописахъ, —что эта, такъ сказать, записная книга, была ужасающей величины и толщины. Безъ преувеличенія можно сказать, что писанныхъ книгъ и бумагъ, находившихся въ его кабинетѣ, нельзя было увезти на одномъ возу; но кажется многіе его ученыя труды, послѣ его кончины, а можетъ быть еще и при жизни, которая долго тлѣлась въ его уже недвижимомъ тѣлѣ,—погибли безъ слѣда. Толстая книга и двѣ тетради, писанныя рукою Шишкова, черезъ мѣсяцъ послѣ

быть положены, разумѣется, небольшой, да и тотъ собирался и употреблялся на ихъ же собственные нужды. Вотъ какъ Шишковъ понималъ помѣщичье право.

его смерти, были случайно куплены сыномъ моимъ на Апраксинскомъ рынке, где продаются книги и рукописи на рогожкахъ: это былъ корнесловъ и сравнительный словарь славянскихъ нарѣчій. Продавецъ зналъ, что продаетъ, и самъ сказалъ моему сыну, что рукописи принадлежать Александру Семенычу Шишкову, писаны имъ самимъ, и что онъ купилъ въ его домъ всѣ книги и бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго. Я не знаю, соблюдалась ли правильная система въ работахъ Шишкова, и не умю опредѣлить, до какой степени были важны его труды; во что онъ труdiлся много, добросовѣстно и благонамѣренно — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Важность его ученыхъ заслугъ по морской части признавалась тогда всѣми, и я слыхалъ, что недоброжелатели Шишкова отдавали ему въ этомъ случаѣ полную справедливость. Кромѣ ученыхъ занятій и русской литературы, Александръ Семенычъ любилъ итальянскихъ поэтовъ. Онъ перевѣль «Тассовы ночи» и назвалъ ихъ «Бдѣніями». Переводъ тяжель, но не лишенъ чувства и силы. Александръ Семенычъ самъ превосходно читалъ его, одушевленно и драматично, и не разъ приводилъ меня въ изумлѣніе. Я, будучи страстнымъ охотникомъ читать, то-есть, выражать вицѣніемъ образомъ чувства другаго, перечувствованія собственной душою, и находившій въ этомъ неизъяснимое наслажденіе, — я самъ много труdiлся надъ «Бдѣніями Тасса». Я зналъ эту тяжелую прозу почти наизусть и хотя всѣ хвалили меня, но мнѣ казалось, что дядя лучше, проще, вѣрнѣе моего выражаетъ тоскливыи бредъ полу-помѣщенаго поэта. Я помню также небольшую книжку мелкихъ стихотвореній и переводовъ въ стихахъ Александра Семеныча, которую знали только самые короткіе и домашніе люди. Тамъ находилась, даже не совсѣмъ приличная и грубая эпиграмма на Французовъ. Легкостью и

остроуміемъ грѣхъ было поклонять дядю; это было не его дѣло. Я помню одно сатирическое посланіе къ Александру Семенычу Хвостову, гдѣ въ каждомъ куплетѣ осмѣивался кто-нибудь изъ знакомыхъ людей противнаго образа мыслей и жизни. Вотъ одинъ, уцѣльвшій какъ-то въ моей памяти, куплетъ:

Рѣши, Хвостовъ, задачу:
Я шель гулять на лачу,
 Туда же и Глупонь;
 Весь въ блесткахъ, въ златѣ онъ,
 Съ лорнетомъ при зеницѣ,
 Съ массою д'Еркуль (*) въ десница....
Жеманится, кривится,
 Зоветь меня съ собой
 Не лучше ль воротиться
 Отсель ми въ домой?

Между тѣмъ, на слѣдующую зиму состоялись у насъ еще два спектакля. Были сыграны піесы: Комедія «Береговое право», Коцебу, и «Театральное предпріятіе» комедія въ стихахъ, Ефимьева; названий другихъ двухъ небольшихъ піесъ не помню. Комедія Ефимьева состояла изъ двухъ лицъ: одного пожилаго господина, затѣвающаго устроить театръ, и другаго, молодаго человѣка, который, чтобы отвратить первого, — своего хорошаго пріятеля,— отъ этого предпріятія, является для опредѣленія въ актеры, въ разныхъ видахъ и костюмахъ: дразнить и дурачить бѣднаго антрепренера и наконецъ поселять въ немъ отвращеніе къ театру. Я игралъ любителя театра, а роль переодѣвающагося семь разъ пріятеля игралъ П. Н. Семеновъ, бывшій тогда подпрапорщикомъ въ Измайловскомъ полку, котораго я нарочно для этого спектакля познаком-

(*) Тогда была мода ходить съ толстыми сучковатыми палками.

мить съ домомъ Шишковыхъ. Онъ былъ большой мастеръ передразнивать всякия каррикатурныя личности, и вся наша публика много смеялась отъ его игры. Моя роль была самая безцветная, однообразная, нужная только для того, чтобы могъ выказываться талантъ моего товарища; но нашлись цѣнители, которые говорили, что я въ этой роли показалъ больше искусства, чѣмъ въ прежнихъ роляхъ. Въ одной сценѣ, гдѣ Семеновъ представлялъ толстяка, желающаго опредѣлиться въ актеры, нижнія пуговки камзола у него растегнулись, и уголь подушки, изъ которой состояло брюхо, высунулся. Семеновъ смущился, но я взялъ его за руку, повернулъ къ зрителямъ бокомъ, закрылъ собою, импровизировалъ какой-то вздоръ стихами, застегнулъ камзолъ Семенову, даже сказала ему слѣдующую, забытую имъ реплику, потому что имѣть привычку знать наизусть піесу, въ которой играю, — и піеса сошла благополучно. Зрители наградили меня за присутствіе духа громкимъ и продолжительнымъ рукооплесканіемъ. Дядя очень смеялся, и послѣ спектакля сказалъ мнѣ: «ну братъ, ты точно родился на сценѣ: это твой домъ».

Кажется, въ этотъ же вечеръ случилось происшествіе, за которое долго брали дядю; да и намъ съ К — мъ досталось отъ тетки, ибо мы были признаны соучастниками и пособниками Александра Семеныча. Происшествіе состояло вотъ въ чёмъ: я уже упоминалъ о дѣвицѣ Марье Ардалионовне Турсуковой, которая съ прекрасной наружностью соединила свѣтскую любезность, въ хорошемъ значеніи этого слова, и образованность. Старикъ Шишковъ очень ее любилъ; но въ настоящее время, онъ былъ нѣсколько сердитъ на нее за то, что она отказалась Петру Андреичу К — ну, за котораго впрочемъ чрезъ нѣсколько

льть вышла за-мужъ. У Турсуковой былъ великолѣпный рисовальныи альбомъ, въ которомъ находилось множество рисунковъ, замѣчательныхъ по собственному достоинству и по именамъ европейскихъ и петербургскихъ знаменитостей и дилеттантовъ живописи. Не знаю, попадался ли прежде на глаза дядѣ этотъ альбомъ, только я и К—въ, разматривая его въ первый разъ на столѣ въ гостиной, увидѣли, что подъ всѣми рисунками, рисованными русскими художниками и любителями, имена подписаны по французски, равно какъ имя и фамилія самой Турсуковой. Намъ показалось досадно, и мы навели дядю на то, чтобы онъ сталъ разматривать альбомъ; а чтобы онъ не проглядѣлъ подписей, я указалъ ему имя известнаго русскаго живописца, подписанное по-французски, и сказалъ К—ву въ полголоса, но такъ, чтобы дядя слышалъ: «какой позоръ! русской художникъ рисуетъ для русской девушки, и не смѣеть или стыдится подписать свою фамилію русскими буквами, да и какъ исковеркаль бѣдное свое имя!» К—въ отвѣчалъ мнѣ въ томъ же тонѣ, и дядя воспламенился гнѣвомъ: началъ бранить Турсукову, рисовальщикивъ, общество, и пробормоталъ: «жалъ, что нѣть чернильницы и пера; я переправилъ бы ихъ имена по-русски». Въ одну минуту я принесъ чернильницу съ перомъ, и дядя широкою, густою чертою вымаралъ французскую подпись, и крупными русскими буквами, полууставомъ, подписать подъ ней имя и фамилію рисовавшаго живописца: кажется первый попался Кипранскій. Дѣло было начато. Дядя расходился и, сказавъ: «да ихъ надо все переправить», взялъ альбомъ и унесъ къ себѣ въ кабинетъ. Гости, изъ мужчинъ постарше, всѣ уже разѣхались, остальные были заняты между собой, никто не обращалъ на насъ вниманія и никто не замѣтилъ нашихъ продѣлокъ. Черезъ полчаса дядя кончилъ свою работу и отдалъ

альбомъ на славу: всѣ имена и фамиліи русскихъ были зачеркнуты старательно, широко, крѣпко, неопрятно — и написаны по-русски, а сверхъ того, на первой бѣлой страницѣ явились слѣдующіе стихи:

М. А. Турсуковой.

Безъ бѣлиль ты, дѣвка, бѣла,
Безъ румянъ ты, дѣвка, ала,
Ты честь хвала отцу матери,
Сухота сердцу молодецкому.

Александръ Шишковъ.

Внизу поставилъ годъ и число.—Альбомъ вложили въ футляръ, завернули и положили на столъ, на прежнее мѣсто; никто ничего не замѣтилъ, и Турсукова увезла альбомъ домой. Подвигъ дяди открылся не вдругъ. Мы всѣ троє, разумѣется, молчали; но черезъ нѣсколько дней, пришедши, по обыкновенію, къ Шишковымъ обѣдать, мы нашли тетку въ страшномъ гнѣвѣ. Она получила поутру отчаянную записку отъ Турсуковой. Дяди не было дома, и Дарья Алексѣвна, очень любившая Турсукову (а она умѣла любить горячо, не смотря на наружную холдность), сейчасъ къ ней побѣхала, и что же она тамъ нашла?—Великолѣпнѣйшій альбомъ, объѣхавшій всю Европу и лично собравшій на свои страницы искусныя черты и славныя имена артистовъ съ ихъ почерками, чтимый и хранимый благоговѣйно, которыми гордилась владѣтельница, какъ будто заслугой, — испачканъ, измаранъ, исписанъ варварскими и неуклюжими буквами, потому что почеркъ дяди былъ вовсе не калиграфическій! Турсукову она нашла въ слезахъ, почти больною; отца, нѣжно любившаго единственную дочь, — огорченнымъ и разстроеннымъ. Можно себѣ представить, какъ встрѣтила Дарья

Алексѣвна своего супруга, когда онъ воротился изъ Адмиралтейства! Но что съ нимъ станешь дѣлать? На всѣ упреки и обвиненія онъ спокойно, и даже съ улыбкою отвѣчалъ, что «ему такъ слѣдовало поступить, что стыдно русской барышнѣ подпisyывать свое имя по-французски и тѣмъ заставлять другихъ подпisyывать также, что это срамъ и позоръ, что онъ очень радъ, если Марья Ардалиновна плачетъ: пускай чувствуетъ наказаніе за вину, пускай исправится»..... и проч., а за тѣмъ ушель въ кабинетъ, занялся Славянскимъ Корнесловiemъ и скоро забылъ Турсукову, альбомъ и раздраженную свою супругу. Въ самый разгаръ грозы попался я съ К—мъ: гиѣвъ тетки, отскочивъ отъ невозмутимаго спокойствія дяди какъ мячикъ отъ стѣны, разразился на нась. Тетка, еще до нашего прихода, выспросила искусно все у старика и поняла, что это наше дѣло. Она такъ отдѣла насть съ К—мъ, что мы ушли отъ обѣда и не приходили ровно десять дней. Первые дни Шишкову какъ будто не доставало насть; каждый разъ за обѣдомъ онъ спрашивалъ: «да гдѣ же Аксаковъ съ К—мъ?» Можетъ быть ему отвѣчали что-нибудь, а можетъ быть и ничего не отвѣчали — это было все равно; черезъ недѣлю онъ привыкъ къ нашему отсутствію и даже пересталъ обѣ насть спрашивать. Но тетка въ глубинѣ души была предобрая женщина. Она любила насть обоихъ, какъ родныхъ; ей грустно было не видѣться съ нами и, можетъ быть, даже совсѣмъ, что она слишкомъ насть оскорбила. Она написала записку къ К—ву, звала его и меня и прибавила, что все прошедшее забыто. Мы пришли, и Дарья Алексѣвна искренно, со слезами, помирилась съ нами и даже обняла насть обоихъ; тутъ я только увидѣлъ, что она и меня очень любить. Обращаюсь къ альбому: въ Петербургѣ не нашлось тогда искусствника, который взялся бы вывестъ всѣ черты,

полосы и пятна, сдѣланныя Шишковымъ; но нашелся Французъ, который взялся поправить дѣло въ Парижѣ. Альбомъ отправили туда къ какому-то химику, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ измаранные листы воротились чистыми и подписи были возстановлены по возможности въ прежнемъ видѣ. Листъ со стихами, написанными Шишковымъ, остался неприкосновеннымъ и его въ Парижъ не посыпали.

Спектаклей у Шишковыхъ больше при мнѣ не было. Разъ въ недѣлю, не помню именно въ какой день, собирались у Александра Семеныча тогдашніе литераторы и кое-что читали. Сначала эти собраний были малочисленны. Постоянными посѣтителями были: Гаврила Романычъ Державинъ, Иванъ Иванычъ Дмитріевъ (тогдашній министръ Юстиціи), князь С. Шихматовъ, графъ Дмитрій Иванычъ Хвостовъ, Алексѣй Семенычъ Хвостовъ и князь Алекс. Алекс. Шаховской. Прѣѣзжали иногда, какъ простые посѣтители и дилеттанты, Николай Семенычъ Мордвиновъ, Михаилъ Михайловичъ Бакунинъ, графъ Строгановъ и А. И. Оленинъ. Видѣль я также раза два, сидѣвшаго въ уголку съ подобострастіемъ, Семеновскаго полковника А. А. Писарева. Въ послѣдствіи сталиѣздить П. А. Кикинъ, князь Платонъ Шихматовъ, Ник. Иванычъ Гнѣдичъ, сенаторъ Захаровъ, Висковатовъ, Стурдза, князь Горчаковъ, Станевичъ, П. Ю. Львовъ (сочинитель храма славы Русскихъ героевъ) и Гераковъ. Въ первую половину зимы 1811 года родилась и образовалась мысль составить «Бесѣду русскаго слова», которая и была приведена въ исполненіе. Я, также какъ и Писаревъ, смиренно сиживалъ иногда въ углу большой гостиной безмолвнымъ слушателемъ того, что читалось и говорилось въ этихъ собраний. По совѣсти долженъ я сказать, что ничего замѣчательнаго не происходило и, даже тогдашнимъ моимъ

понятіямъ, не удовлетворяло. Что бы кто ни прочелъ — всѣ остальные говорили одни пошлые комплименты; критическая замѣчанія были еще пошлѣ. Только иногда горячился и бормоталъ князь Шаховской, да отпускалъ злые эпиграммы въ видѣ похвалъ Алекс. Сем. Хвостовъ на своего однофамильца графа Хвостова, который принималъ ихъ за наличную монету. Помню я одну его наивную выходку, которая заставила всѣхъ долго смѣяться. Читалъ какую-то свою піесу въ прозѣ Станевичъ; по окончаніи чтенія, Шишковъ и кто-то другой стали его хвалить; вдругъ графъ Хвостовъ всталъ съ кресель, подошелъ къ Державину, потрепалъ его по плечу и сказалъ: «Нѣть, Гаврила Романычъ, онъ не нашъ братъ, а ихъ братъ» и указалъ на Александра Семеныча Шишкова и П. Ю. Львова. Всѣ захохотали, хотя не вдругъ поняли. Графъ Хвостовъ хотѣлъ сказать, что Станевичъ не лирикъ, а прозаикъ и критикъ.

Шишковъ не былъ увлеченъ и обольщенъ блистательнымъ успѣхомъ трагедіи Озерова «Дмитрій Донской». Онъ превозносилъ преувеличенными похвалами «Эдипа въ Аѳинахъ» и даже «Фингала», но ожесточенно нападалъ на «Дмитрія Донскаго». Шишковъ принималъ за личную обиду искаженіе характера славнаго героя Куликовской битвы, искаженіе старинныхъ нравовъ, русской исторіи и высокаго слога. Всего больше сердили его слова Донскаго, которыми онъ описывается, какъ увидѣлъ въ первый разъ Ксению въ церкви:

Исчезли въ мысляхъ храмъ, останки тѣ нетленны,
Предъ коими и дочь и матерь преклонены,
Молили премѣнить на милость гибель небесъ.

«Хорошъ Великій Князь Московской, говорилъ Шишковъ! Увидавъ красивую девицу въ Успенскомъ соборѣ, не взви-

дѣль Святыхъ мощей и забыль о нихъ. Можно ли напи-
сать такую дичь о Русскомъ Великомъ Князѣ, жившемъ
за четыреста лѣть до нась? Не менѣе сердили его слова
Дмитрія, который, въ оправданіе своей любви, говорить
Брянскому:

Не осуждай ей: она счастливый дарь;
Она произвела сей доблестенный жарь,
Съ которымъ я стремлюсь отечество избавить,
Свободу возвратить и мой народъ прославить.

Александръ Семенычъ выходилъ изъ себя отъ гнѣва и
говорилъ: «спасибо хоть Брянскому, который возражаетъ
Дмитрію: ахъ какой же ты подлецъ!» Шишковъ очень
глумился надъ словами Ксениі, которая говоритъ Тверскому:

Обыщана тебѣ еще въ такие годы,
Какъ выходила я едва изъ рукъ природы,

и требовалъ отъ сочинителя, чтобы онъ назначилъ то
время, когда человѣкъ выходитъ изъ рукъ природы.
Справедливость однако требуетъ сказать, что некоторые
стихи Шишковъ называлъ достойными Корнеля и Расина,
напримѣръ:

Мой долгъ: въ день мира судь и мужество въ день браны,

или:

Въ сраженьѣ смерть найду, но смерть завиду, славу
И предпочтительну той жизни, коей стыдъ
Побѣга вашего по гробъ обременить.

Само собою разумѣется, что Шишковъ не могъ прими-
риться съ влюбленностью Дмитрія и съ прѣздомъ Ксе-
ниі въ воинской станъ, какъ-будто для бракосочетанія
съ Тверскимъ, а въ самомъ дѣль для того, чтобы ска-
зать ему въ присутствіи всѣхъ русскихъ князей, что она
за него идти не хочетъ, но идетъ въ монастырь. Шиш-

ковъ не удовольствовался словесною критикою: онъ велъ переплеть трагедію съ бѣлыми листами и всъ исписалъ ихъ собственною рукою, самымъ мелкимъ почеркомъ, какимъ только могъ писать. Онъ читаль одинъ разъ при мнѣ свои замѣчанія Мордвинову, А. С. Хвостову, Кикину и другимъ. Всъ слушатели очень смеялись. Въ самомъ дѣль, многія полемическая выходки дяди, даже не совсѣмъ приличныя, были очень забавны. Разумѣется, Шишковъ заходилъ слишкомъ далеко и утверждалъ, что, кромѣ нѣкоторыхъ блестящихъ стиховъ, языкъ у Озерова хуже, чѣмъ у Сумарокова, и въ доказательство приводилъ, разумѣется, весьма плохіе стихи изъ «Дмитрія Донскаго», какъ напримѣръ слѣдующіе:

Пускай все воинство и вся Россія пусть
Познаютъ, колѣ хотятъ, любовь мою и грусты!
Лишь Ксенія признать любви ~~сей~~ не хотѣла,
Всей горести моей она не пожалѣла.

Или когда Ксенія говорить:

Когда Дмитрія сіе мнѣ сердце страстно
Не престаетъ являть повсюду и всечастно.

или:

Ахъ, нѣть: до днѣсъ еще толь мрачныя печали, и проч.

Для большаго эффекта, послѣ такихъ стиховъ, Александръ Семенычъ щеголялъ стихами Сумарокова изъ трагедіи «Семира».

Иду отечества къ преславной оборонѣ:
Ты будешь зрѣть меня иль мертваго иль въ коронѣ.

Относительно языка у Шишкова много было натяжекъ и пустыхъ придирокъ къ мелочамъ. Я этому не удивлялся, потому что Александръ Семенычъ бывалъ пристрастенъ какъ въ похвалахъ, такъ и въ порицаніяхъ; но вотъ, что всегда меня удивляло: разобравъ весьма справедливо, и

даже иногда очень тонко, неправильность, неприличность выражения, несогласие его съ духомъ языка, онъ вдругъ приводилъ въ примѣръ стихи изъ Сумарокова, которые были гораздо хуже тѣхъ, на которыхъ онъ нападалъ. Что же касается до исторической драмы, до характеровъ действующихъ лицъ, то всѣ его замѣчанія были совершенно справедливы. Я сдѣлалъ себѣ точно такую же книжку съ бѣлыми листами и, съ позволеніемъ Александра Семеныча, списалъ всѣ его замѣтки. Къ сожалѣнію, уѣзжая изъ Петербурга, я оставилъ эту книжку у Шушерина, который желалъ списать ее для себя, а Шушеринъ, во время переѣзда изъ Петербурга въ Москву, какъ-то потерялъ се. Къ этому должно прибавить, что въ концѣ 1815 года или въ началѣ 1816-го, я слышалъ въ Москвѣ, какъ профессоръ Мерзляковъ разбиралъ «Димитрія Донскаго» съ каѳедры на публичной лекціи — и былъ пораженъ изумленіемъ: Мерзляковъ почти во всѣхъ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ совершенно сходился съ Шишковымъ. Я немедленно сказалъ объ этомъ, знаменитому тогда, критику и даже сообщилъ ему иѣкоторыя полемическія замѣтки Шишкова, тогда еще хранившіяся въ моей памяти. Мерзляковъ очень забавлялся и заинтересовался ими и убѣдительно просилъ меня, какъ-нибудь отыскать этотъ любопытный разборъ, но я вскорѣ уѣхалъ на десять лѣтъ въ деревню, и книжка была забыта.

Лѣтомъ 1811 года я уѣхалъ изъ Петербурга въ Оренбургскую губернію, и съ этого времени прекратились мои частыя и близкія сношенія съ домомъ Шишковыхъ. Я пріѣзжалъ въ Петербургъ уже, такъ сказать, на побывку. Наступила вѣчно памятная эпоха 1812 года, и съ удивленіемъ узналъ я, что Александръ Семенычъ былъ сдѣланъ Государственнымъ секретаремъ на мѣсто Михайла

Михайловича Сперанского. Нисколько не позволяя себѣ судить, на свое мѣсть ли онъ былъ мѣстѣ, я скажу только, что въ Москвѣ и въ другихъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи, въ которыхъ мнѣ случилось въ то время быть, все были обрадованы назначеніемъ Шишкова, и что писанные имъ манифесты дѣйствовали электрически на цѣлую Русь. Не смотря на книжныя иногда, нѣсколько напыщенные выраженія, русское чувство, которымъ они были проникнуты, сильно отзывалось въ сердцахъ русскихъ людей.

Въ 1814 году я прѣѣхалъ въ Петербургъ. Александръ Семенычъ только что воротился изъ чужихъ краевъ. Онъ жилъ уже не въ прежнемъ своемъ скромномъ домикѣ на Форштадтской улицѣ, а въ великолѣпной казенной квартире противъ дворца. Образъ жизни его измѣнился; ученые филологические труды прекратились; другіе люди стали посѣщать его; другія мысли и заботы наполняли его умъ и душу, и живое воспоминаніе, только что разыгранный, исполнинской драмы, въ которой самъ онъ былъ важнымъ дѣйствующимъ лицемъ и двигателемъ народнаго духа Святой Руси,— подавило его прежніе интересы; но онъ встрѣтилъ меня и брата съ прежнимъ радушеніемъ и съ видимымъ удовольствіемъ; Дарья Алексѣвна — также. Перемѣна въ общественномъ положеніи не произвела въ нихъ никакой перемѣны. Много наслышался я разсказовъ любопытныхъ и поучительныхъ, но разсказамъ этимъ здѣсь не мѣсто. Впрочемъ нѣкоторая часть слышаннаго мною напечатана въ собственныхъ запискахъ Шишкова. Мы бывали у Шишковыхъ не такъ часто, какъ прежде, но непремѣнно всякую недѣлю.

Въ это время ходила по Петербургу пародія известнаго стихотворенія Жуковскаго «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ», написанная на Шишкова и на всю вообще «Бе-

съду русскаго слова». Одинъ разъ племянникъ Александра Семеныча, Саша Шишковъ, бывъ со мной въ кабинетъ у дяди, сказаль мнъ на ухо: «Еслибъ дядя зналъ, что у меня въ карманѣ!»—«Что-же у тебя такое?» спросилъ я.—«Пародія на дядю и на всю Бесѣду, написанная Батюшковымъ» (*). Старикъ Шишковъ быль занятъ чмъ-то другимъ. Я пробѣжалъ пародію и положиль въ карманъ, сказавъ Сашѣ, что я прочту ее дядѣ, который выслушаетъ ее съ удовольствіемъ. Саша умоляль меня не дѣлать этого; но я не послушалъ и обратившись къ Александру Семенычу, сказаль: «Знаете ли вы, что по Петербургу ходить пародія «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» на васъ и на всѣхъ членовъ Бесѣды:—«Нѣтъ, не знаю. Да хороша ли?»—«Всъ хвалять, сказалъ я, хотите я вамъ прочту?»—«Прочти, пожалуйста».—И я при всѣхъ, кто были въ кабинетѣ, торжественно прочель пародію. Александръ Семенычъ быль очень доволенъ, улыбался, и когда я кончилъ, сказаль: «Это забавно. Дайте мнъ, пожалуйста, списокъ». Саша очень струсилъ, что я отдамъ тотъ, по которому читаль, написанный его рукою, но я вывелъ его изъ затрудненія, отдавъ ему списокъ и сказавъ: «Саша вамъ спишеть». Изъ этой баллады уцѣльли въ моей памяти слѣдующіе стихи:

Да здравствуетъ Бесѣды царь!
 Цвѣти твоя держава!
 Бумажный тронъ твой—нашъ алтарь,
 Предъ нимъ обѣть нашъ—слава!
 Не измѣнимъ, мы отъ отцевъ
 Пріяли глупость съ кровью.
 Сумбуры! Здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
 Къ тебѣ горимъ любовью.

(*) Я не повѣрилъ тогда, что она написана Батюшковымъ, но М. А. Дмитревъ недавно доказалъ, что эта пародія точно принадлежитъ Батюшкову.

Нашъ каждый писарь—Славанинъ,
Галиматъю дышеть;
Бѣжть предатель ихъ дружинъ
И галицизмы пишеть.

Вотъ конецъ куплета, непосредственно относившагося къ Александру Семенычу, а начала не помню.

Ошую пусть сидить съ тобой
Осмое чудо свѣта,
Твой сынъ, наперникъ и клевреть
Шихматовъ безглагольный (*);
Какъ ты, Славянъ краса и цвѣтъ,
Какъ ты, собой довольный.

Въ началѣ 1815 года, семейныя обстоятельства внезапно вызвали меня изъ Петербурга. Оставилъ брата жить у полковника Мартынова и поручивъ его вниманію и участію Шишковыхъ, я поскакалъ, сломя голову, въ Вятскую, а потомъ въ Оренбургскую губернію. Съ 1807 года я не разставался съ братомъ, и это была первая разлука.

Въ 1816 году я пріѣзжалъ изъ Москвы, гдѣ тогда жило все наше семейство, на три мѣсяца въ Петербургъ, собственно за тѣмъ, чтобы взглянуть на брата: я нашелъ его любимцемъ обоихъ Шишковыхъ. Эти три мѣсяца я былъ совершенно поглощенъ неожиданнымъ знакомствомъ съ Державинымъ, знакомствомъ, въ ит旣 сколько дней сдѣлавшимся близкимъ и задушевнымъ, навсегда сохранившимъ для меня великое значеніе. Съ Александромъ Семенычесмъ я видался рѣдко, за что онъ мнѣ даже пынялъ.

Здѣсь слѣдуетъ огромный промежутокъ времени: я женился и уѣхалъ на десять лѣтъ въ Оренбургскую деревню. Я переехалъ на житѣе въ Москву въ 1826 году, во время

(*) У Шихматова почти не было рифмъ на глаголы.

коронації, и нашель въ Москвѣ Шишкова уже министромъ Народнаго Просвѣщенія. Много совершилось нерѣмъ въ это десятилѣтіе! Доброй, истинно доброй и достойной уваженія Дары Алексѣвны Шишковой—уже не было на свѣтѣ: Богъ послалъ ей страдальческую кончину. Александръ Семеничъ, имѣя нужду въ иянькѣ, какъ самъ говорилъ мнѣ, женился, не смотря на свои преклонныя лѣта и хворость, на Полячкѣ и католичкѣ, Ю. О. Л—ской, къ общему удивленію и огорченію всѣхъ близкихъ къ нему людей. Въ Москвѣ, такъ же какъ и прежде, Шишковъ встрѣтилъ меня съ неизмѣннымъ радушіемъ и ласкою. Не видавши меня десять лѣтъ, онъ очень мнѣ обращался, разспрашивалъ меня обо всѣхъ подробностяхъ деревенской жизни, обо всемъ, что я дѣлалъ; удивлялся какъ я могъ прожить въ такой глуши десять лѣтъ и, выслушавъ внимательно мои причины, мою цѣль, просто-душно мнѣ сказалъ: «Ну, братъ, я тебя еще больше уважаю и скажу тебѣ правду, что ты въ деревнѣ не оди-чаль и не поглупѣлъ». Разсказывая откровенно Шишкову мои обстоятельства, я говорилъ ему, что мнѣ нужно мѣсто въ Москвѣ, съ порядочнымъ жалованьемъ. Я говорилъ въ то же время о новомъ, особомъ цензурномъ комитѣтѣ въ Москвѣ, о хорошемъ цензорскомъ жалованьи и спрашивалъ: кого онъ имѣть въ виду для занятія этихъ мѣстъ? Недогадливость Шишкова осталась прежняя. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что охотниковъ и просьбъ обѣ нихъ много, но самъ онъ еще не выбралъ никого; такъ мы и разстались. Дѣлать было нечего. Дня черезъ два я опять пріѣхалъ къ нему и спросилъ его прямо: «не могу ли я занять мѣсто цензора?» Шишковъ былъ очень радъ и отвѣчалъ мнѣ: «Почему же нѣть? Лучшаго цензора я желать не могу. Въ твоихъ правилахъ я увѣренъ, какъ въ моихъ собственныхъ».... и очень удивлялся, какъ это ему самому

не пришло въ голову. Онь немедленно назначилъ меня цензоромъ и ухалъ въ Петербургъ.

Что касается до управлениі министерствомъ народнаго просвѣщенія, то я не беру на себя судить объ этомъ. Шишковъ, можетъ быть, слишкомъ односторонне смотрѣлъ на предметы и вездѣ проводилъ свои убѣжденія, благія и честныя въ основаніи, но уже устарѣвшія, или лучше сказать, потерявшия свою важность. Время шло быстро. Шишковъ не всегда это замѣчалъ и, живя въ прошедшемъ, иногда не видѣлъ потребностей настоящаго. Шишковъ боролся упорно, но наконецъ убѣдившись, что онъ, какъ министръ, не можетъ быть полезенъ,— вышелъ въ отставку.

Въ 1829 году я прѣѣжалъ въ Петербургъ на короткое время и видѣлся съ Шишковымъ нѣсколько разъ. Здоровье его начинало слабѣть. Онъ жаловался мнѣ на свои глаза, говоря, что уже не можетъ такъ много читать и писать, какъ прежде. Онъ оставался членомъ Государственнаго Совета, Президентомъ Россійской академіи и получалъ всѣ прежніе свои оклады, слѣдовательно могъ жить въ довольствіѣ. Общество его совершенно перемѣнилось. Шишковъ, заклятой врагъ католиковъ и Поляковъ—былъ окружены ими. Новая супруга наводнила его домъ людьми совсѣмъ другаго рода, чѣмъ прежде, и я не могъ равнодушно видѣть достопочтеннаго Шишкова посреди разныхъ усачей, самонадѣянныхъ и заносчивыхъ, болтавшихъ всякой вздоръ и обращавшихся съ нимъ слишкомъ запросто. Хотя Шишковъ, по видимому, спокойно примирялся съ новымъ своимъ положеніемъ, но смотрѣть на него было мнѣ слишкомъ тяжело. Я прѣѣжалъ къ нему всего раза три, да и всѣ прежніе знакомые стали рѣдко къ немуѣздить.

Въ 1832 или 1833 году пріѣзжалъ Александръ Семенычъ со своей молодой супругой въ Москву, чтобы лечиться искусственными минеральными водами, которыхъ въ Петербургѣ еще не было. Онъ жилъ у старинныхъ своихъ друзей, Бакуниныхъ. Я не рѣдко приходилъ къ нему; онъ всегда былъ мнѣ очень радъ и охотно говорилъ о русской словесности. Я представилъ тогда ему моего старшаго сына, который былъ воспитанъ въ чувствахъ уваженія къ Шишкову. Александръ Семенычъ очень его полюбилъ и даже обласкалъ, вопреки своей обыкновенной неласковости. Воды не помогли больному, уже дряхлому старику: напротивъ были вредны, и онъ скоро уѣхалъ въ Петербургъ. Памятникомъ этого послѣдняго пребыванія Шишкова въ Москвѣ остался у меня одиннадцатый томъ Русской Исторіи Карамзина, изданный послѣ его смерти Д. Н. Блудовымъ. Шишковъ бралъ его у меня, чтобы прочесть, и сдѣлалъ на поляхъ много замѣтокъ. Въ это же время представилъ я Александрю Семенычу, какъ Президенту Русской Академіи, Ю. И. Венелина, книгу котораго «Древніе и нынѣшніе Болгаре», онъ зналъ и очень уважалъ. Слѣдствіемъ этого знакомства было путешествіе Венелина въ Болгарію. По предложению Шишкова, Россійская Академія назначила Венелину три тысячи рублей ассигнаціями на путевыя издержки.

Въ 1836 году я опятьѣздила въ Петербургъ. Здоровье Александра Семеныча Шишкова и особенно зрѣніе очень ослабѣли; но я нашелъ его бодрымъ духовно и даже иногда веселымъ. Онъ почти ощущало отыскивать въ шкафѣ нужную ему книгу, доставать ее и заставлять меня кое-что прочесть вслухъ. Въ одной рукописной его книгѣ (не помню, какъ она называлась) читалъ я, признаюсь, съ предубѣждениемъ и недовѣрчивостью, пред-

сказаниe Шишкова о будущей судьбѣ Европы, о всѣхъ ея революціяхъ и безвыходныхъ неустройствахъ. Увы! все исполнилось и исполняется съ поразительною вѣрностью. Шишковъ говорилъ мнѣ, что онъ, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, письменно предсказалъ за годъ одно важное событіе, но что тогда только смылись надъ нимъ; да и послѣ, когда предсказаніе исполнилось, никто не обратилъ на это вниманія.—Одинъ разъ, вдругъ вошла къ намъ въ кабинетъ молодая дама или девушки, которая была необыкновенно хороша собою; Шишковъ былъ такъ любезенъ и веселъ съ нею, что я во всю мою жизнь никогда его такимъ не видывалъ. Когда красавица ушла, Александръ Семенычъ со вздохомъ сказалъ мнѣ: «скверное, братъ, положеніе, не могу различить прекрасной женщины отъ урода». Подивился я такимъ словамъ, какихъ никогда прежде отъ него не слыхивалъ. Не знаю почему, только вторая супруга не показывалась въ кабинетъ Александра Семеныча: за нимъ ходили внимательно и нѣжно его родныя племянницы.

Въ 1839 году, въ ноябрѣ, я пріѣзжалъ въ Петербургъ вмѣсть съ Гоголемъ. Шишковъ былъ уже совершенно слѣпъ. Я наѣзжалъ довольно часто Александра Семеныча: онъ былъ еще на ногахъ, но становился часъ отъ часу слабѣе, и жизнь видимо угасала въ немъ. Я никогда не говорилъ съ Шишковымъ о Гоголѣ: я былъ совершенно убѣжденъ, что онъ не могъ, не долженъ былъ понимать Гоголя. Въ это-то время бывалъ я свидѣтелемъ, какъ Александръ Семенычъ кормилъ цѣлую стаю голубей, ощупью отворяя форточку и выставляя кормъ на тарелку.

Паконецъ, въ исходѣ 1840 года, одно печальное происшествіе неожиданно вызвало меня въ Петербургъ, и я видѣлъ въ послѣдній разъ Александра Семеныча Шишкова. Это былъ уже трупъ человѣческій, недвижимый и

безгласный. Только близко наклонясь къ нему, можно было заметить, что слабое дыханіе еще не прекратилось. Мнѣ разсказывали, что онъ и прежде бывалъ иногда въ такомъ положеніи по иѣскольку недѣль, что его жизнь поддерживали, вливая ему въ ротъ раза четыре въ день по иѣскольку ложекъ бульона, что иногда вдругъ это состояніе проходило, онъ какъ будто просыпался, начиналъ сидѣть на постели, вставать и ходить по комнатѣ съ помощію другихъ, и выѣзжалъ прокатываться. Академическія засѣданія собирались у него въ комнатѣ. Разсказывали мнѣ также, что одинъ разъ во время подобнаго летаргического сна, когда уже никто не церемонился около него, говорили громко, шумѣли и ходили, какъ около покойника, къ которому всѣ равнодушны, вдругъ вѣбжали камердинеръ и сказалъ довольно тихо, что Государь остановился у воротъ и прислая спросить о здоровьѣ Александра Семеныча. Къ общему изумленію, почти испугу, въ ту же минуту Шишковъ открылъ глаза и довольно твердымъ голосомъ сказалъ: «Благодарю Государя! Скажи Ему, что мнѣ лучше»—и впалъ въ прежнее безчувствіе, продолжавшееся еще двѣ недѣли. Вскорѣ по возвращеніи въ Москву, получивъ я известіе, что отлетѣло послѣднєе дыханіе жизни, такъ долго боровшееся со смертью, что Александръ Семенычъ скончался.

Много несправедливаго, невѣрнаго, смѣшиаго и нелѣпаго говорило объ этомъ человѣкѣ—злюзывиче человѣческое. Но откинувъ въ сторону всѣ тонкія разсужденія о недостаткахъ и слабостяхъ почившаго брата, нельзя не сознаться, что проходя обширное, многозначительное поприще службы, въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ Государства, начавъ съ Морскаго Кадетскаго Корпуса, гдѣ Шишковъ былъ при Екатеринѣ учителемъ, дойдя до высокаго мѣста Государственнаго секретаря, съ котораго онъ двигалъ

духомъ Россіи писаними имъ манифестами въ 1812 году, Шишковъ имѣлъ одну цѣль: общую пользу; но и для достижени¤ этой святой цѣли, никакихъ уступокъ онъ не дѣлалъ. Никогда Шишковъ для себя ничего не искалъ, ни одному Царю лично не льстилъ; онъ искренно вѣрилъ, что Цари отъ Бога, и былъ преданъ всею душею царскому сану, благоговѣлъ предъ нимъ. Шишковъ безъ всякаго униженія могъ поклониться въ ноги своему природному Царю; но стоя на колѣнахъ, онъ говорилъ: «не дѣтай этого, Государь, это не хорошо». Убѣжденія Шишкова были часто ошибочны, но всегда честны. Онъ не выходилъ изъ круга умственныхъ понятій своего времени, круга не рѣдко тѣснаго и ограниченаго, но не измѣнялъ своимъ правиламъ никогда. Эту твердость называли упрямствомъ, изувѣрствомъ; но Боже мой, какъ бы я желалъ многимъ добрымъ людямъ настоящаго времени, побольше этого упрямства, этой горячей ревности!—На литературномъ по-прищѣ, которое предшествовало государственному, Шишковъ дѣйствовалъ точно также. Онъ возсталъ противъ побѣдоноснаго могущества новизны и таланта, всѣхъ пльнившаго, всѣхъ увлекшаго за собою, возсталъ, потому что считалъ это увлеченіе вреднымъ, возсталъ одинъ противъ несмѣтнаго полчища поклонниковъ торжествующей новизны, сильныхъ и раздражительныхъ; онъ былъ осмѣянъ, униженъ, ненавидимъ, гонимъ общественнымъ мнѣніемъ большинства. .... но онъ сдѣлалъ свое дѣло. Старовѣръ, гасильникъ, Славянофилъ Шишковъ—открылъ глаза Ка-рамзину на вредныя послѣдствія его нововведеній въ русское слово. Самъ благородный и добрый Карамзинъ говорилъ мнѣ (въ 1816 году), что «у Александра Семеныча много гнѣва, много желчи, много личной къ нему враждебности, а потому много и несправедливаго, но есть много и правды». Въ дѣлѣ суда и осужденія общественной нравственности, связан-

иомъ неразрывно у Шишкова съ дѣломъ литературы, — онъ былъ еще справедливѣе и заслуживаетъ еще больше уваженія, хотя мало имѣть вліянія и оказалъ, можетъ быть, менѣе пользы. Собственно же за русское направление, за славянофильство, какъ бы Шишковъ ни понималъ его криво, которое онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ, съ юныхъ лѣтъ до гробовой доски, котораго было мученикомъ — онъ имѣть полное право на безусловную, сердечную нашу благодарность. Исторія будетъ безпристрастнѣе, справедливѣе насть. Имя Шишкова, какъ литератора, какъ общественнаго и нравственнаго писателя, какъ государственнаго человѣка, какъ двигателя своей эпохи — займетъ почетное мѣсто на ея страницахъ, и потомство съ большими сочувствіемъ, чѣмъ мы, станетъ повторять стихи Пушкина:

Сей старецъ дорогъ намъ; онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

5/6

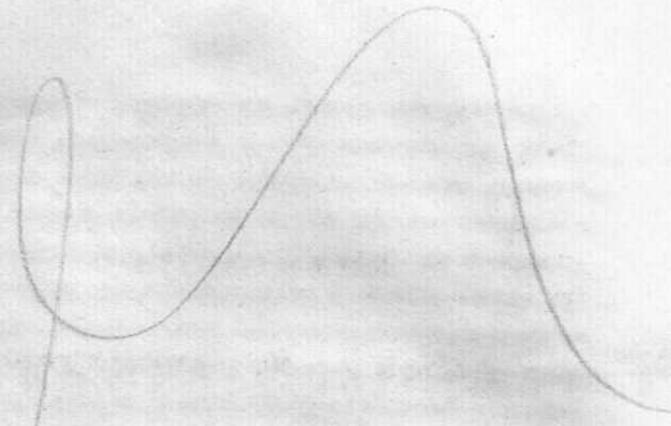
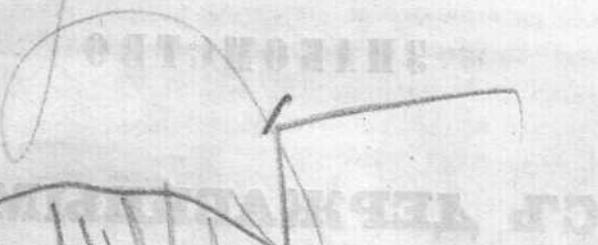
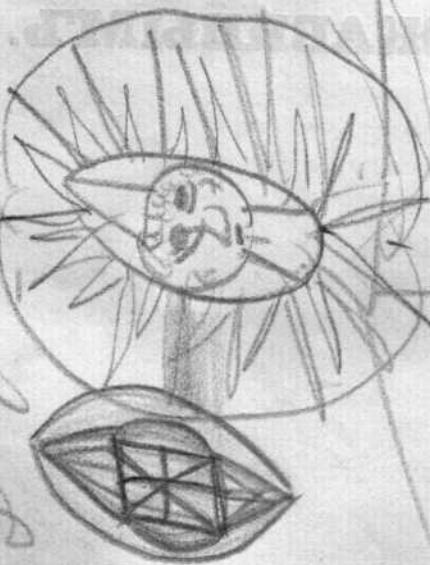
43e

80

Все было или иначе замѣчано съ вниманиемъ,
внимательно смотрѣлося, какъ устроена комната, какъ
~~было~~ доказано, что онъ ошибокъ, прослышаны
были въ тѣхъ, чистота чистота непроявлены
которое замѣчаніе во ставорѣ
такъ въ винкѣ, что онъ зналъ, — такъ —
онъ зналъ, ~~зная~~ все же въ винкѣ
Въ спальне видѣла — обѣжала свое
дноса. Ов

**ЗНАКОМСТВО
СЪ ДЕРЖАВИНЫМЪ.**

~~Mr. Karrick~~ paper on Taylor Green
~~Leased~~
Mona Sargent and

ЗНАКОМСТВО

СЪ ДЕРЖАВИНЫМЪ.

Въ половинѣ декабря 1815-го года пріѣхалъ я въ Петербургъ на короткое время, чтобы взглянуть на брата, котораго я въ 1814 году опредѣлилъ подпрапорщикомъ въ Измайловскій полкъ. Брать жилъ у полковника, Павла Петровича Мартынова, моего земляка и короткаго пріятеля, который, какъ и всѣ офицеры, квартировалъ въ известномъ Гарновскомъ домѣ; я помѣстился также у Мартынова. Гарновскій домъ, огромное зданіе безъ всякой архитектуры,—какъ и всѣ почти дома въ Петербургѣ,—казармы Измайловскаго и Лейбъ-егерскаго полковъ, одолженъ своей известностью стихамъ Державина ко «Второму сосѣду». Исторія богача Гарновскаго, построившаго свой огромный домъ рядомъ съ домомъ Державина выше законной мѣры и затемнившаго свѣтъ своемусосѣду,—въ свое время была известна всѣмъ. Державинъ жаловался полиціи и написалъ стихи. Вотъ некоторые пророческія строфы изъ этого стихотворенія.

Почто же, мой второй сосѣдъ,
Столь зданьемъ пышнымъ, столь отличнымъ
Миъ солнца застыла свѣтъ,

Дворомъ межуешь безграничнымъ
 Ты дома моего заборъ?
 Ужель полей, прудовъ и рѣчекъ,
 Тьмы скупленныхъ тобой мѣстечекъ,
 Твой не насытить взоръ?

Кто вѣсть, что Рокъ готовить намъ?
 Быть можетъ, что сіи чертоги,
 Назначенны тобой царамъ,
 Жестоки времена и строги
 Во стойлы конски обратить
 За счастіе поруки пѣту,
 И чтобы твой Фебъ свѣтилъ вѣкъ свѣту,
 Не бейся объ закладъ.

Такъ, такъ! Но примѣчай, какъ день
 Увы! Ночь темна затмѣваетъ;
 Луну скрываетъ облакъ, тьнь;
 Она растетъ, иль убываетъ:
 Съ сумой не ссоряся и тюрьмой, и проч.

Пышное зданіе обратилось въ казармы, а богачъ-строитель, какъ говорить, умеръ въ тюрьмѣ.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ вечеромъ. Хозяина моего, Мартынова, не было дома, брата также: братъ былъ у товарищей своихъ, Измайловскихъ же подпрапорщиковъ, Капнистовъ, родныхъ племянниковъ Державина, жившихъ въ домъ у дяди и коротко познакомившихъ моего брата съ гостепріимнымъ хозяиномъ. За братомъ послали. Между тѣмъ, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, пришли ко мнѣ Измайловскіе офицеры: Кавелинъ, Годенинъ, Лопухинъ и Квашнинъ-Самаринъ. Я былъ особенно друженъ съ Кавелинымъ, который въ послѣднее время сдѣлялся очень короткимъ знакомымъ въ домъ Державина и бывалъ у него очень часто. Послѣ первыхъ дружескихъ привѣтствій, Кавелинъ спросилъ меня: знаю ли я, что Державинъ нетерпѣливо меня ожидаетъ? Что уже съ недѣли, какъ онъ

всякій день спрашивается, не пріѣхалъ ли я?—Такія слова сильно меня озадачили. Я быль самымъ горячимъ, самымъ страстнымъ поклонникомъ Державина и зналъ изъ устъ всѣ его лучшіе стихи; я много разъ видалъ его въ публику, особенно до 1812 года, у А. С. Шишкова, но никогда не былъ ему представлень, не былъ съ нимъ знакомъ. На двадцать четвертомъ году жизни, при моей пылкой природѣ, слова: «Державинъ тебѣ нетерпѣливо ожидаетъ», имѣли для меня такое волшебное значеніе, которое, въ теперешнее положительное время, едва ли будетъ многими понято. Не успѣть я очнуться отъ изумленія и радости, какъ прибѣжалъ мой братъ и первыя слова его были: «Гаврила Романычъ просить тебѣ прийти къ нему сейчасъ....» Я совершенно обезумѣлъ. Наконецъ опомнившись, спрашивало: «что же все это значитъ?» и узнаю, что братъ мой, бывшій тогда восьмнадцатилѣтнимъ юношемъ, Кавелинъ и другіе, до того нахвалили Державину мое чтеніе, называемое тогда декламаціей, что онъ, по своему горячemu нраву нетерпѣливо желалъ меня послушать, или, какъ онъ самъ впослѣдствіи выражался, «послушать себя». Я не могъ идти сейчасъ; я былъ красенъ съ дороги, какъ вареный ракъ, и голосъ у меня сълъ, то-есть, не былъ чистъ, а я, разумѣется, хотѣль показаться Державину во всемъ блескѣ.—Кстати сказать здѣсь нѣсколько словъ о чтеніи, объ искусствѣ читать: ибо умѣнье и дарованье чтенія могутъ быть возведены на степень искусства. Чтеніе было моей страстью съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ; оно доставило мнѣ много сердечныхъ наслажденій въ семье, въ кругу друзей, въ уединеніи, много доставило лестныхъ самолюбію успѣховъ въ обществѣ и на сценѣ, такъ называемыхъ, благородныхъ театровъ. Не одинъ разъ давалъ я себѣ и другимъ общаніе написать нѣчто въ родѣ разсужденія объ умѣньѣ читать, разсужденія,

которое могло бы служить не руководствомъ а иѣкоторымъ объясненiemъ этого дѣла для людей, имѣющихъ охоту къ чтенію и талантъ, потому что безъ природнаго дарованія нечего за это дѣло и браться. Не одинъ разъ принимался я за исполненіе моего обѣщанія, но всегда былъ совершенно недоволенъ написаннымъ: такъ все казалось неудовлетворительно, непонятно, не выражало мысли, что я никогда не имѣлъ терпѣнія кончить, и уничтожалъ черновые листы, а мнѣ помнится, въ нихъ находилось кое-что удачно схваченное и хорошо выраженное. Чтеніе въ обширномъ, высокомъ его значеніи — не только основаніе сценическаго искусства, но почти тоже, что игра на театрѣ. Надобно вполнѣ почувствовать, вполнѣ усвоить себѣ то, что читаешь; вполнѣ овладѣть своимъ средствами, какъ-то: чистотою произношенія, управлениемъ выработанного предварительно голоса и, что всего важнѣе, управлениемъ собственными чувствами, мѣрою теплоты и одушевленія.... но я не хочу вдаваться въ разсужденіе объ искусствѣ читать. Я хотѣлъ только опредѣлить его сущность и значеніе, что считаю нужнымъ для моего разсказа о первомъ свиданіи и знакомствѣ съ Державинымъ.

На другой день, въ десять часовъ утра, явился за мной посланный отъ Гаврилы Романыча, и въ одиннадцать часовъ я пошелъ къ нему вмѣстѣ съ братомъ, не смотря на то, что еще не прошли на моемъ лицѣ слѣды безобразія отъ русской зимней дороги. Сердце билось у меня сильно, и врожденная мнѣ необыкновенная застѣнчивость, отъ которой я тогда еще не совсѣмъ освободился, вдругъ овладѣла мною въ высшей степени. Еслибъ дорога не состояла только изъ нѣсколькихъ десятковъ шаговъ, вѣроятно я воротился бы назадъ; но вошедъ въ домъ Державина и вступивъ въ залу, я переродился. Робость моя улетѣла мгновенно, когда глазамъ моимъ представилась

картина Тончи, изображающая Державина посреди сибирь-
говъ, сидящаго у водопада, въ медвѣжьей шубѣ и бобровой
шапкѣ (*). Геній поэзіи Державина овладѣлъ всѣми
способностями моей души, и въ эту минуту уже ничто
не могло привести меня въ замѣшательство. — Со мною
случилось точно то, что всегда случалось предъ выходомъ
на сцену въ какой-нибудь, хотя иѣсколько значительной
роли. Бывало, лишь только раздастся музыка увертюры,
я начинаю дрожать, какъ въ лихорадкѣ, отъ внутренняго
волненія; часто я приводилъ въ страхъ моихъ товарищей-
актеровъ, не знавшихъ еще за мной этихъ продѣлокъ;
но съ первымъ шагомъ на сцену я былъ уже другой
человѣкъ, помнилъ только представляемое мною лицо, и
многочисленная публика для меня не существовала: я
игралъ точно такъ, какъ репетировалъ роль наканунѣ,
запершись въ своей комнатѣ.... виноватъ, я увлекся въ
сторону и опять занялся исключительно собой; даю слово,
что больше этого не будетъ. — Изъ залы цѣлько была
дверь въ кабинетъ Державина; я благоговѣйно, но смѣло
вошелъ въ это святилище русской поэзіи. Гаврила Романычъ
сидѣлъ на огромномъ диванѣ, въ которомъ находилось
множество ящиковъ; передъ нимъ на столѣ лежали
бумаги, въ рукахъ у него была аспидная доска и гри-
фель, привязанный ниткой къ рамкѣ доски; онъ быстро
отбросилъ ее на диванъ, всталъ съ живостью, протянулъ
мнѣ руку и сказалъ: «добро пожаловать, я давно васъ
жду. Я читалъ ваши прекрасные стихи (**) (Державинъ
былъ плохой судья и чужихъ и своихъ стиховъ), наслы-
пался, что вы мастерски декламируете и нетерпѣливо.

(*) Эта картина впослѣдствіи была въ Москвѣ у роднаго племянника Державина, А. Н. Львова, скончавшагося въ 1849 году.

(**) Переводъ Филоктета.

хотѣть съ вами познакомиться». — Державинъ былъ довольно высокаго роста, довольно широкаго, но суходощаваго сложенія; на немъ былъ колпакъ, остатки сѣдыхъ волосъ небрежно изъ-подъ него висѣли; онъ былъ безъ галстука, въ шелковомъ зеленомъ шлафрока, подпоясанъ такого же цвѣта шнуркомъ съ большими кистями, на ногахъ у него были туфли; портретъ Тончи походилъ на оригиналъ, какъ двѣ капли воды. Я отвѣчалъ Державину искренно, что «считаю настоящую минуту счастливѣйшою минутою моей жизни, и если чтеніе мое ему понравится....» Онъ перервалъ меня, сказавши: «О, я увѣренъ, что понравится; садитесь вотъ здѣсь, поближе ко мнѣ», и онъ посадилъ меня на кресло возлѣ самаго дивана. — «Вы чѣмъ-то занимались, не помышляли ли я вамъ?» — «О нѣтъ, я всегда что-нибудь мараю, перебираю старое, чишу и гляжу, а новаго не пишу ничего. Мое время прошло. Теперь ваше время. Теперь многіе пишутъ славные стихи, такіе гладкіе, что относительно версификаціи уже ничего не остается желать. Скоро явится свѣту второй Державинъ: это Пушкинъ, который уже въ Лицѣй перешелъ всѣхъ писателей. Но позвольте: вѣдь мы съ вами съ одной стороны? Вы Оренбурецъ и Казанецъ, и я тоже; вы учились въ Казанской гимназіи сначала и потомъ перешли въ университетъ, и я тоже учился въ Казанской гимназіи, а обѣ университетъ тогда никто и не помышлялъ. Да мы съ вами и сосѣди по Оренбургскимъ деревнямъ; я обо всемъ разспросилъ братца вашего. Мое село, Державино, вѣдь не съ большимъ сто верстъ отъ имѣнія вашего батюшки (сто верстъ считалось тогда сосѣдствомъ въ Оренбургской губерніи)....» Гаврила Романычъ подозвалъ къ себѣ моего брата, приласкалъ его, потрапавъ по плечу, и сказалъ, что онъ прекрасный молодой человѣкъ, что очень радъ его дружбѣ съ своими Кашнистами, и прибавилъ:

«да тебе не пора ли на ученье? пріятели твои, я видѣль, ушли». — «Пора, Гаврила Романычъ, отвѣчаль мой братъ, и я сейчасъ пойду». — «Ступай съ Богомъ, а съ братцемъ твоимъ мы уже познакомимся». И мы остались одни. Державинъ былъ такъ деликатенъ, что не заставилъ меня сейчасъ читать, хотя ему очень этого хотѣлось, какъ онъ самъ впослѣдствіи, смеясь, мнѣ признавался. Онъ завелъ со мной довольно длинный разговоръ объ Оренбургскомъ краѣ, о тамошней природѣ, о Казани, о гимназіи, университетѣ, и на этотъ разъ заставлялъ уже больше говорить меня, а самъ внимательно слушалъ. Я говорилъ безъ запинки, съ одушевленіемъ, и нѣсколько разъ наводилъ разговоръ на стихи, и наконецъ, какъ-то кстати, прочель нѣсколько его стиховъ изъ стихотворенія «Арфа», гдѣ онъ обращается къ Казани:

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять твоей зарей
И твой попрежнему всегдашний буду житель?
Когда наследственны стада я буду зрыть,
Вась, дубы Камскіе, отъ времени почтены,
По Волгѣ между сель на парусахъ лететь
И гробы обнимать родителей священны?

Лице Державина оживилось, глаза вспыхнули. «Вы хотите мнѣ что-нибудь прочесть», воскликнулъ онъ, и въ глазахъ его засвѣтился тотъ святой огонь, который внушилъ ему многія бессмертныя строфы. — «Всёо душею хочу, отвѣчаль я; только боюсь, чтобы счастіе читать Державину его стихи, не захватило у меня дыханья». — Державинъ взглянулъ на меня, и, видя, что это не комплиментъ, а чистая правда, схватилъ меня за руку и ласково промолвилъ: «такъ успокойтесь». — Пастушило молчаніе. Державинъ всталъ и началъ выдвигать ящики, которыхъ находилось множество по бокамъ его большаго

дивана и какъ-то надъ спинкой дивана На ящикахъ, бронзовыми буквами были написаны названія мѣсяцевъ, а на иѣкоторыхъ—года. Гаврила Романычъ долго чего-то искалъ въ нихъ и наконецъ вытащилъ двѣ огромныя тетради или книги, переплетенные въ зеленый сафьянинъ корешокъ. «Въ одной книгѣ мои мелочи, сказалъ онъ, а обѣ другой поговоримъ послѣ. Вы что хотите мнѣ читать? вѣрно оды: Бога, Фелицу или Видѣніе Мурзы?...» —«Нѣть, отвѣчалъ я: ихъ читали вамъ многіе; особенно актеръ Яковлевъ. Я желаю прочесть вамъ оду на смерть князя Мещерскаго и Водопадъ». —«А я хотѣль вамъ предложить прочесть мою трагедію». —«Сердечно радъ, но позвольте мнѣ начать этими двумя стихотвореніями». —«Извольте». —«Я знаю наизусть почти всѣ ваши стихи; но на всякой случай я желалъ бы имѣть въ рукахъ ваши сочиненія: вѣрно онъ есть у васъ». —«Какъ не быть, улыбнувшись сказалъ Державинъ,—какъ сапожнику не имѣть шильевъ» (сравненіе довольно странное), и онъ досталъ, также изъ ящика, свои стихотворенія, богато переплетенные въ красный сафьянъ съ золотомъ. Я зналъ, что читать, сидя очень близко отъ человѣка, которому читаетъ, неудобно и невыгодно, и потому перестѣль на кресло, стоявшее довольно далеко отъ Державина; онъ хотѣль удержать меня, говоря, что не такъ будетъ слышно, но я увѣрилъ его, что онъ услышитъ все. Наружное мое волненіе затихло и сосредоточилось въ душѣ. Я прочель оду къ Перфильеву на смерть князя Мещерскаго. Съ первыми стихами:

Глаголь временъ, металла звонъ,
Твой странный гласъ меня смущаетъ,
Зоветь меня, зоветь твой стонъ,
Зоветь — и къ гробу приближается —

Державинъ превратился въ слухъ, лицо его сдѣлалось лучезарнымъ, руки пришли въ движеніе. Когда я прочель:

Глядить на всѣхъ—и на царей,
 Кому въ державу тѣсны мѣры;
 Глядѣть на пышныхъ богачей,
 Что въ златѣ и сребрѣ кумири;
 Глядѣть на прелесть и красы,
 Глядѣть на разумъ возвышенный,
 Глядѣть на силы дерзновенны—
 И точить лезвіе косы.—

Державинъ содрогнулся. Едва я произнесъ послѣднія стихи:

Жизнь есть небесъ мгновенный дарь,
 Устрой ее себѣ къ покою,
 И съ чистою твоей душою
 Благословлай судебъ ударъ.—

Державинъ уже обнималъ меня со слезами на глазахъ. Онъ не вдругъ сталъ меня хвалить. Онъ молча сѣль опять на свое мѣсто, посадилъ и меня на прежнее кресло и, держа за руку, сказалъ тихимъ, растроганнымъ голосомъ: «Я услышалъ себя въ первый разъ....» и вдругъ прибавилъ громкимъ голосомъ, съ какимъ-то пошлымъ выраженіемъ (что меня очень непріятно поразило): «Мастеръ, первый мастеръ! Куда Яковлеву! вы его, батюшка, за поясъ заткнете», и въ тоже время я примѣтилъ, что Державинъ вдругъ сдѣлался чѣмъ-то озабоченъ, что у него было что-то другое на умѣ. Онъ опять всталъ, вынулъ другую рукописную книгу; несколько разъ бралъ въ руки то ту, то другую, и наконецъ одну спряталъ, а другую оставилъ на столѣ. Я видѣлъ ясно, что сильное впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ оды къ Перфильеву, у Державина быстро прошло и что ему ужасно хочется, чтобы я читалъ трагедію. Скрыя сердце я пожертвовалъ на этотъ разъ «Водопадомъ», и хорошо сдѣлалъ: Державинъ сталъ бы слушать меня разсѣянно. Въ послѣдствіи я нашелъ минуту, когда онъ свободно могъ устремить все свое вниманіе на это чудное стихотвореніе, дико составленное, но богатое первоклассными красотами: выраженіе этихъ

красотъ было имъ тогда почувствовано вполнѣ.—И такъ, я обратился къ Державину, державшему въ рукахъ большой томъ въ зеленомъ корешкѣ и разсѣянно смотрѣвшему въ сторону:—«Позвольте мнѣ теперь прочесть вамъ трагедію».—«Знаете ли, о чёмъ я думаю, съ живостьюю сказаль онъ? Вамъ трудно будетъ читать въ первый разъ рукописное сочиненіе».—Я отвѣчалъ, что это правда, что даже печатную драматическую піесу нельзя въ первый разъ прочесть хорошо, что надобно предварительно понять, вникнуть въ характеры лицъ, изучить ходъ сильныхъ сценъ; что я не читаю никогда никакой большой піесы другимъ, не прочитавъ ее вслухъ предварительно самому себѣ. — Съ живостьюю и удовольствіемъ подалъ Державинъ мнѣ обѣими руками зеленый томъ и сказалъ: «Такъ возьмите, прочтите, изучите, и когда будете готовы, тогда прочтите мнѣ. Но вотъ что: вы вѣрно читали или слышали на театрѣ «Ирода и Маріамну»; прочтите мнѣ изъ нее иѣкоторыя сцены», и не дождавшись отвѣта, онъ позвонилъ и приказалъ вошедшему человѣку, собрать экземпляръ этой трагедіи изъ печатныхъ листовъ, лежавшихъ большимъ тюкомъ въ нижнемъ ящикѣ того же дивана. Разумѣется я сказалъ, что піесу знаю и прочту съ болѣшимъ удовольствіемъ, и это была правда. Я быль въ такомъ лирическомъ настроеніи, что радъ быль читать Державину чѣмъ угодно, хоть по-арабски. Въ какіе бы то ни было звуки хотѣла вылиться вскипѣвшая душа! Въ такія минуты всякие стихи, всякие слова, пожалуй неизвѣстнаго языка,—будутъ полны чувства и произведуть сочувствіе. Этимъ, по моему, объясняется удивительный и не рѣдкой фактъ, что на сценѣ истинные артисты приводили въ восхищеніе слушателей, не знающихъ языка представляемой піесы.—Между тѣмъ Гаврила Романычъ послалъ за своей женой, племянницей (П. Н. Львовой) и

племянникомъ, служившимъ въ статской службѣ, Капнистомъ. Пришли первая и последній; племянница была еще не готова и явилась къ концу чтенія. Нетерпѣніе Державина было очевидно: онъ едва познакомилъ меня съ своей женой, а съ Капнистомъ даже и не познакомилъ. Я началъ читать, и безъ всякихъ выпусковъ прочелъ трагедію до конца, отыхая не болѣе двухъ-трехъ минутъ между дѣйствіями. Меня уговаривали отыхать побольше, но я не соглашался: трагедія была небольшая, и притомъ я чувствовалъ, что моя восторженность можетъ охладѣть, а тогда все бы погибло. Это чтеніе было единственнымъ явленіемъ въ продолженіе тридцатипятилѣтняго моего по-прища въ качествѣ чтеца,—явленіемъ психологическимъ и весьма замѣчательнымъ. Чтобы понять вполнѣ мои слова надоѣно взять «Ирода и Маріамну» и попробовать прочесть ее вслухъ. Я самъ впослѣдствіи, достигнувъ несравненно большаго искусства въ чтеніи, не одинъ разъ пробовалъ исполнить этотъ подвигъ—и не находилъ возможности, не только чѣмъ-нибудь воспламениться, но даже сносно прочесть, и еще менѣе заставить другихъ прослушать съ участіемъ, хоть двѣ страницы ..... а тогда я читалъ около полутора часа, и каждое слово было полно какого-то огня, какого-то чувства! Чтеніе было въ тоже время, мало сказать не вѣрио, не сообразно съ характерами и словами дѣйствующихъ лицъ, но даже нельзя и безсмысленно. Я чувствовалъ это, хотя не ясно, въ самое то время, какъ читалъ. Съ полнымъ сознаніемъ и искренностью повторяю теперь, что чтеніе происходило на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ; но тѣмъ не менѣе, и на другихъ и на меня произвело оно магическое дѣйствіе.—Можно себѣ представить, что было съ Державинымъ! Онъ рѣшительно былъ похожъ на человѣка, одержимаго корчами. Всѣ мои сердечныя ноты, каждый переходъ изъ тона въ тонъ,

каждый одушевленный звукъ — перечувствовала его восприимчивая, страстная душа! Онъ не могъ сидѣть, часто вскакивалъ, руки его дѣлали безпрестанные жесты, голова, все тѣло было въ движениі. Восхищенніемъ, восторженнымъ похваламъ, объятіемъ — не было конца, а моему счастью — не было мѣры. Державинъ черезъ нѣсколько минутъ схватился за аспидную доску и стала писать грифелемъ. Всѣ присутствовавшіе, кроме меня, вышли. Разумѣется я догадался, что Державинъ пишетъ стихи на мое чтеніе, и не ошибся. Торопливо писала его дрожащая рука, и безпрестанно стирала написанное. Мнѣ показалось, что это писаніе продолжалось съ полчаса. Наконецъ, Гаврила Романычъ взялъ читанную мною трагедію, и на первомъ мягкому листѣ, вверху названія трагедіи, написалъ четыре стиха. — Мнѣ самому трудно, чѣмъ всякому другому, поверить, что я не помню этихъ стиховъ. Я тогда имѣлъ такую память, что съ одного раза могъ запомнить нѣсколько куплетовъ, если только стихи мнѣ нравились. Что книжка, подаренная Державинымъ, съ его стихами, собственноручно написанными, у меня пропала — это не диковинка: я растерялъ въ жизнь мою не малое число книгъ съ надписями ихъ авторовъ, иногда глубоко мною уважаемыхъ; но не запомнить четырехъ стиховъ Державина, мнѣ написанныхъ, при моемъ благоговѣніи къ Державину, при моей памяти — это просто невѣроятно! Впрочемъ дѣло объясняется нѣсколько тѣмъ, что книга пропала у меня въ первые два-три дня. Только я помню, что стихи, весьма не гладкіе, оканчивались словами: «себя услышать въ первый разъ», словами, вырвавшимися у него послѣ чтенія «оды на смерть Мещерскаго». Несказанно счастливый мыслю, что я могъ привести въ восхищеніе величайшаго изъ поэтовъ (такъ я думалъ тогда), опьянѣлый отъ восторга и удовлетвореннаго само-

любія, я поспѣшилъ уйти отъ Державина, чтобы подѣлиться моими чувствами съ моими друзьями.

Само собою разумѣется, что я сдѣлался частымъ и любимымъ гостемъ «Цѣнца Фелицы», какъ выражались тогда литераторы и дилеттанты русской словесности. Хозяинъ готовъ былъ слушать съ утра до вечера, а гость — читать и день и ночь. Чего не перечиталъ я Державину! И переведенную имъ «Федру» Расина, и собственный его трагедіи: «Св. Евпраксію», «Аталибу или покореніе Перу», Сумбеку (кажется такъ) или покореніе Казани», и проч., и сверхъ того два огромные тома въ листъ, разныхъ мелкихъ его сочиненій въ стихахъ и прозѣ, состоявшіе изъ басенъ, картинъ, нравственныхъ изрѣченій, всякаго рода надписей, эпитафій, эпиграммъ и мадrigаловъ: все это перечиталъ я по пѣсколько разъ. Я не говорю здѣсь о собственныхъ запискахъ Державина, имѣющихъ большой интересъ; я ихъ видѣлъ, перелистывалъ, но вслухъ не читалъ. При нашихъ же стихотворныхъ чтеніяхъ, не рѣдко съ грустью думалъ я: умреть Державинъ, этотъ великий лирическій талантъ, и все читаемое теперь мною, иногда при пѣсколькоихъ слушателяхъ, восхищающемся изъ уваженія къ прежнимъ произведеніямъ писателя, или изъ чувствъ родственныхъ и дружескихъ, — все будетъ напечатано для удовлетворенія празднаго любопытства публики: между тѣмъ какъ не сдѣлуетъ печатать ни одной строчки. Но благодареніе разумной разборчивости его наследниковъ: изъ рукописныхъ сочиненій, о которыхъ я говорю, — именно не было напечатано ни одной строчки, сколько мнѣ известно (*). Между тѣмъ, надоѣло сказать правду, кроме выгодъ чисто материальныхъ, можно было соблазниться исполненіемъ желанія горячихъ поклонниковъ

(*) Недавно узналъ я, что напечатана трагедія «Василій Темный».

Державина: ибо въ этой громадѣ стиховъ, лишенныхъ иногда всякаго достоинства, изрѣдка встрѣчались стихи очень сильные и блестящіе лиризмомъ, впрочемъ по большей части не свойственные лицу ихъ произносившему. Въ мелкихъ стихотвореніяхъ также изрѣдка мелькалъ, можетъ быть не строго вѣрный, но оригинальный взглядъ и, если не цѣльный, то односторонне-живой и поэтическій образъ. Волканъ потухалъ; но между грудами камней, угля и пепла, мелькали иногда свѣтлыя искры прежняго огня.— Дарованія драматического Державинъ рѣшительно не имѣлъ: у него не было разговора—все была пѣснь; но увы, онъ думалъ, что его имѣть; часто онъ говорилъ мнѣ съ неуваженіемъ о своихъ одахъ и жалѣлъ, что въ самомъ началѣ литературнаго своего поприща не посвятилъ себя исключительно трагедіи и вообще драмѣ. «Аталиба», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, съ хорами и великолѣпнымъ, неисполнимымъ на сценѣ, спектаклемъ, была любимымъ его произведеніемъ. Въ ней главный эффектъ основывался на солнечномъ затмѣніи: Пизарро, захваченный въ плѣнъ Мексиканцами со всей свитою, и въ оковахъ ожидающій казни, предсказываетъ потемнѣніе солнца, какъ знаменіе гнѣва небеснаго; солнце въ предписанную минуту помрачается (все это происходитъ на сценѣ), и победители упадаютъ къ ногамъ побѣжденныхъ, освобождаютъ ихъ и признаютъ своими повелителями. Помню я изъ этой трагедіи одинъ стихъ, который цѣнился Державинымъ выше всего. Аталиба, упрекая Пизарро жадностью къ золоту, говоритъ длинный монологъ, который оканчивается такъ:

Вы преплыли моря, разторгнувъ крови связь,
Чтобъ взъ-подъ нашихъ ногъ увезть блестящу гравь.

Можетъ быть я что нибудь и перепуталъ въ первомъ стихѣ, но второй вѣренъ буквально. Изъ мелкихъ сво-

ихъ сочинений Державинъ особенно любилъ одно осмыслишie, которымъ, по его мнѣнію, вполнѣ обрисовывались трое знаменитыхъ нашихъ баснописцевъ: Хемницеръ, Дмитріевъ и Крыловъ, изъ которыхъ первого онъ предпочиталъ остальнымъ за простоту и естественность разсказа. Стиховъ не помню, но содержаніе ихъ состоитъ въ томъ, что три поэта являются къ Аполлону, который говоритъ Дмитріеву: ты ловокъ, образованъ и ввѣль басню въ гостиную; Крылову — ты колокъ, народенъ и уменъ; а Хемницеру Аполлонъ протягиваетъ руку, жметъ ее, «и ии слова». Этими словами заключается стихотвореніе.

Почти всякой разъ, какъ я бывалъ у Державина, я упрашивалъ его выслушать чѣ-нибудь изъ его прежнихъ стиховъ, на что онъ не всегда охотно соглашался. Я прибѣгалъ къ разнымъ хитростямъ: предлагалъ какое-нибудь сомнѣніе, притворялся не понимающимъ нѣкоторыхъ намековъ, лгалъ на себя или на другихъ, будто бы считающихъ такія-то стихотворенія самыми лучшими, или напротивъ самыми слабыми, иногда читалъ его стихи наизусть въ подтвержденіе собственныхъ мыслей, нравственныхъ уображеній или сочувствія къ красотамъ природы. Гаврила Романычъ легко поддавался такому невинному обману и вступалъ иногда въ горячій споръ, но рѣдко удавалось мнѣ возбудить въ немъ такое сильное чувство чтеніемъ прежнихъ его стиховъ, какое обнаружилъ онъ въ первое наше свиданіе, слушая Оду къ Перфильеву. По большей части, по окончаніи чтенія онъ съ улыбкой говоривалъ: «Ну да, это не дурно, есть огонь, да вѣдь все пустяки; все это такъ, около себя, и важнаго значенія для потомства не имѣтъ; все это скоро забудутъ; но мои трагедіи, но мои автологическія піесы будутъ оценены и будутъ жить». — Безгранично предаваясь пылу молодаго восторга при чтеніи его прежнихъ пустяковъ, я

уже не могъ воспламеняться до самозабвения, читая его новѣйшія сочиненія, какъ это случилось со мной при чтеніи «Ирода и Маріамны». — Державинъ это чувствовалъ, хотя я старался по возможности обмануть его поддѣльнымъ жаромъ и громомъ пышной декламаціи; онъ досадоваль и огорчался. — «У васъ все оды въ головѣ», говорилъ онъ; вы способны только чувствовать лирическіе порывы, а драматическую поэзію вы не всегда и не всю понимаете». Иногда впрочемъ онъ бывалъ доволенъ мною. — Державинъ любилъ также, такъ называемую тогда «эротическую поэзію» и щеголялъ въ ней мягкостью языка и исключениемъ словъ съ буквою *r*. Онъ написалъ въ этомъ родѣ много стихотвореній, вѣроятно втрое больше, чѣмъ ихъ напечатано; все онъ, лишенный прежняго огня, замѣненнаго иногда нескромностью картинъ, производили непріятное впечатленіе. Но Державинъ любилъ слушать ихъ, и любилъ, чтобы слушали другіе, особенно дамы. Въ первый разъ я очень смущился, когда онъ приказалъ мнѣ прочесть въ присутствіи молодыхъ дѣвицъ, любимую свою піесу «Аристиппова баня», которая была въ послѣдствіи напечатана, но съ исключеніями. Я остановился и сказалъ: «не угодно ли ему назначить что-нибудь другое?» — «Ничего, возразилъ смѣясь Гаврила Романычъ: у дѣвушекъ уши золотомъ завѣшаны».

Такъ продолжалась моя жизнь около мѣсяца; все время, свободное отъ необходимыхъ дѣлъ и свиданій въ Петербургѣ, проводилъ я въ домѣ Державина, который въ послѣдніе дни казался не такъ здоровымъ. Наконецъ одинъ разъ пришелъ я къ нему обѣдать, что бывало довольно часто. Швейцарь встрѣтилъ меня съ обыкновенной ласковой улыбкой, но сказалъ мнѣ, чтобы я вызвалъ каммердинера Гаврилы Романыча, который имѣть до меня

какую-то надобность. Я несколько удивился, и взошедъ наверхъ, встретилъ этого самаго каммердинера; онъ сказаль мнъ, что Дарья Алексѣвна (жена Державина) просить меня, не входа въ кабинетъ къ Гаврилѣ Романычу, повидаться съ ней и для того зайди напередъ въ гостиную; и удивился еще больше и поспѣшилъ къ разгадкѣ. Дарья Алексѣвна (*), несколько встревоженная, весьма учтиво и ласково сказала мнъ, что мужъ ея нездоровъ, что онъ провелъ дурно ночь, что у него сильное раздраженіе нервъ, и что докторъ приписываетъ это тому волненію, съ которымъ Гаврила Романычъ слушаетъ мое чтеніе, что она проситъ, умоляетъ меня несколько времени неходить къ больному, или ходить, но не читать подъ какимъ-нибудь предлогомъ; «а всего лучше скажитесь больнымъ», прибавила она: если онъ васъ увидитъ, то начнеть такъ приставать, что трудно будетъ отказать ему». — Я сейчасъ почувствовалъ, что все это совершенно справедливо. Я уже говорилъ, какъ Державинъ слушалъ мое чтеніе въ первое наше свиданіе; точно тоже продолжалось до сихъ поръ, если не всегда при слушаніи прежнихъ одъ, то всегда при слушаніи трагедій. Я вспомнилъ, какое изнеможеніе выражалось на лицѣ Державина посль нашихъ, иногда долгихъ, дообѣднныхъ или вечернихъ чтеній. Мнъ стало совсѣмъ, и я покраснѣлъ до ушей. Я сказалъ Дарью Алексѣвнѣ, что мнъ болѣю и грустно и досадно на себя, для чего я самъ давно этого не примѣтилъ. Она призналась мнѣ, что уже съ недѣли всякой день собирается поговорить со мной объ этомъ, что она боялась оскорбить меня, и что Боже сохрани, если узнаетъ объ этомъ Гаврила Романычъ. Я поспѣшилъ ее успокоить и прибавилъ, что я самъ боленъ, что докторъ давно требуетъ, чтобы я

(*) Урожденная Дьякова, вторая супруга Державина.

сидѣль дома, и что я выѣзжалъ единственно для Гаврилы Романыча. Все это была совершенная правда, только я былъ боленъ не отъ чтенія, а отъ петербургскаго климата, отъ котораго уже поотвыкъ. Хозяйка благодарила меня искренно и упрашивала, чтобы я въ доказательство, что не сержусь на нее, остался у нихъ обѣдать. «Гаврила Романычъ не выходитъ изъ кабинета и не узнаетъ, что вы были здѣсь» прибавила она очень привѣтливо. Я же остался подъ предлогомъ, что долженъ держать строгую дѣту; мнѣ показалось какъ-то странно оставаться въ домѣ контрабандой отъ хозяина. Я прѣхаль однако вечеромъ къ Державину, сказаль ему, что я давно нездоровъ, что долженъ лечиться и можетъ быть недѣли двѣ не вѣйду изъ комнаты. Гаврила Романычъ чуть не заплакалъ и такъ огорчился, что я испугался вредныхъ послѣдствій. Онъ самъ былъ очевидно нездоровъ. Глаза у него были мутные, и пульсъ бился, какъ въ лихорадочномъ жару, но самъ онъ и слышать не хотѣлъ, что онъ боленъ, и жаловался мнѣ, что съ нѣкотораго времени хотятъувѣрить его, что онъ хвораетъ, а онъ напротивъ давно не чувствовалъ себя такъ бодрымъ и крѣпкимъ. Наконецъ онъ отпустилъ меня въ лазаретъ (какъ онъ выразился) и обнялъ на прощанье несколько разъ, прибавивъ, что кстати исполнить просьбу жены и самъ полечится въ это время.

Много было шутокъ и смѣха въ Гарновскомъ домѣ, гдѣ я былъ хорошо знакомъ почти со всѣми офицерами, а также и въ близкомъ, родственномъ кругу Державина. Говорили, что я зачиталъ старика и самъ зачитался, и что мы оба принуждены были не шутя лечиться. Молва подхватила это простое событие и распустила по городу съ обычными украшеніями. Я самъ послѣ слышалъ, какъ рассказывалъ одинъ господинъ, что «какой-то прїезжій,

сумашедший декламаторъ и сочинитель, едва не уморилъ старика Державина чтеніемъ *своихъ сочиненій*, и что наконецъ принуждены были чрезъ полицію вывести этого чтеца-сочинителя изъ дома Державина и отдать на излеченіе частному лекарю».

Ровно черезъ двѣ недѣли явился я къ Державину, хотя дни за два до срока Дарья Алексѣвна уже присыпала звать меня. Гаврила Романычъ очень мнѣ обрадовался, но не такъ, какъ я ожидалъ. Можеть быть ему успѣли внушиТЬ, что въ обществѣ смыюгся надъ нимъ, будто бы съ утра до вечера заставляющимъ читать себѣ свои сочиненія; можеть быть сказали, что мнѣ это въ тягость, что я скучаю и жалуюсь на такое принужденіе, а можегь быть, чтобъ всего вѣроятнѣе, успѣли его убѣдить, что такое неравнодушное слушаніе точно ему вредно. Какъ бы то ни было, только Державинъ былъ со мною какъ-то принужденъ и не сказалъ ни слова о своихъ стихахъ. На другой день то же, и я уже подумалъ, что мои отношенія къ Гавриль Романычу должны измѣниться, какъ вдругъ послѣдовало неожиданное возвращеніе къ прежнему порядку вещей. Однѣ изъ его племянниковъ, А. И. Львовъ, спросилъ меня при своемъ дядѣ: «Ѣкаково идеть Мизантропъ?»—Этъ слова обратили на себя вниманіе Державина, и я долженъ былъ разсказать ему въ чёмъ состояло дѣло; оно состояло въ слѣдующемъ: Ф. Ф. Кокошкинъ перевѣлъ Мольера Мизантропа; переводъ его пользовался тогда большою славою; петербургская актриса, М. И. Валберхова, выпросила у Кокошкина эту піесу, еще неигранную на петербургской сценѣ, себѣ въ бенефисъ. Я отправлялся въ самое то время изъ Москвы въ Петербургъ; Кокошкинъ прислалъ со мною г-жѣ Валберховой Мизантропа и взялъ съ меня обѣщаніе, что я прочту самъ его переводъ

всѣмъ актерамъ на «считкѣ» (*) и даже посмотрю за репетиціями, на что даль мнѣ письменное полномочіе. Я принялъ было за это дѣло съ обычною мнѣ горячностью, но скоро увидѣлъ, что играю тутъ смѣшную роль; никто изъ актеровъ не хотѣлъ меня слушать и не обращалъ вниманія на мои права, потому что завѣдывавшій тогда репертуарною частью кн. А. А. Шаховской, съ которымъ я былъ внослѣдствіи очень друженъ, не благоволилъ къ Кокошкину и оскорбился, что такой молодой человѣкъ, какъ я, имѣлъ право ставить на петербургскую сцену такую знаменитую піесу, какъ «Мизантропъ» Мольера. Считку разумѣется произвели безъ меня, и только по необходимости, очень сухо, приглашенъ я былъ на репетиціи. Я, увидя явное отъ всѣхъ нерасположеніе, отстѣшился и былъ только изъ примиція раза два на репетиціяхъ. Родные Державина знали эту забавную исторію, и Лѣвовъ (съ которымъ мы были потомъ друзьями) сдѣлалъ этотъ вопросъ съ намѣреніемъ надо мной посмѣяться. Я рассказалъ откровенно все. Державинъ по добродушию принялъ живѣйшее участіе въ моемъ непріятномъ положеніи; онъ зналъ только отрывки изъ перевода Кокошкина, когда-то прочтенные мастерски (по общему мнѣнію) самимъ Кокошкинымъ въ «Бесѣда русскаго слова». Гаврилъ Романычу очень захотѣлось послушать, какъ я читаю комедію, и онъ сталъ меня убѣдительно просить, чтобы я прочелъ ему всего Мизантропа. У меня былъ особый экземпляръ, окончательно исправленный переводчикомъ, и на другой

(*) Можетъ быть не всѣмъ известенъ этотъ технический терминъ. На «считкѣ» авторъ, или довѣренное отъ него лицо, читаетъ вслухъ всѣмъ актерамъ піесу, приготовляемую къ представлению. Этимъ чтеніемъ дается смыслъ и тонъ, который авторъ желаетъ сообщить своей піесѣ; актеры и актрисы облазы сообразжаются съ нимъ. Такъ по крайней мѣрѣ бывало прежде.

день вечеромъ, при довольно многочисленной публикѣ, я прочелъ Мизантропа. Гаврила Романычъ былъ совершенно доволенъ. Опять разшевелилось горячее сердце Державина, и съ слѣдующаго дня начались опять наши чтенія по-прежнему, хотя не такъ уже часто (*).

Кромъ собственныхъ сочиненій, Державинъ охотно слушалъ чтеніе и другихъ стихотворцевъ: И. И. Дмитріева, Батюшкова, Гнѣдича и проч. Крылова я не читалъ никогда, потому что Гаврила Романычъ былъ недоволенъ мною при чтеніи собственныхъ его басенъ, и это было совершенно справедливо. Басни навсегда остались для меня камнемъ преткновенія; я много, напряженно работалъ надъ чтеніемъ ихъ, но никогда не былъ доволенъ собою,

(*) Мизантропъ вскорѣ былъ данъ въ бенефисъ г-жи Валберховой. Державинъ поручилъ мнѣ взять для него бенуаръ, но, кажется, сама бенефицантка отвезла билетъ и атласную афишу знаменитому нашему барду. Мизантропъ былъ разыгранъ весьма посредственно и даже не твердо. Я говорилъ объ этомъ Шаховскому на предпослѣдней репетиціи; онъ отвѣчалъ мнѣ, что теперь итъ времена хорошенко поставить піесу, но что въ послѣдствіи она пойдетъ отлично. Брянскій былъ положительно нехорошъ въ роли Крутона (Альсеста), но правду сказать, я не знаю, почему влюбленный Альсестъ у Мольера называется Мизантропомъ? Скорѣе можно назвать его филантропомъ, потому что онъ, съ начала до конца піесы, горячится, выходить изъ себя отъ гнѣва на людей за ихъ дурные поступки. Гдѣ же тутъ ненависть? Это скорѣе любовь. Мизантропа въ настоящемъ смыслѣ, Брянскій игралъ не дурно; то-есть, былъ холоденъ и грубъ; но характеръ Альсеста, ярко нарисованный Мольеромъ, требовалъ совсѣмъ другаго исполнения. М. И. Валберхъ, или Валберхова, играла Прелестину (*Cелимену, grande coquette*), также безъ одушевленія. Кн. Шаховской это чувствовалъ, и на репетиціи безпрестанно бормоталъ: «Марья Ивановна, montez la scène, montez la scèне». Скажутъ, можетъ быть, что кокетка и должна быть холодна, но въ сценическомъ исполненіи, рѣчь идеть не о холодахъ въ душѣ, а объ одушевленіи, объ оживленіи, такъ сказать, цвѣтѣ роли. Притомъ есть огонь витицій, искусственный, безъ котораго никакая красота не увлекла бы Альсеста.—Сосницкій, не помню въ какой роли, былъ просто карикатуренъ.

потому что слыхалъ, какъ читаетъ, или лучше, разсказывается басни свои Крыловъ: это неподражаемая простота и естественность. Помню также, что я два раза читалъ при многихъ слушателяхъ какое-то большое дидактическое стихотворение А. П. Буниной, которое принималось всеми съ большимъ одобрениемъ; но кажется, кромѣ гладкихъ, для того времени, стиховъ и цветистости языка, не имѣло оно другихъ достоинствъ.

Благородный и прямой характеръ Державина былъ такъ открытъ, такъ определенъ, такъ известенъ, что въ немъ никто не ошибался; все, кто писали о немъ, — писали очень вѣрно. Можно себѣ представить, что въ молодости, его горячность и вспыльчивость были еще сильнѣе и что живость вовлекала его часто въ опрометчивыя рѣчи и неосторожные поступки. Сколько я могъ замѣтить, онъ не научился еще, несмотря на семидесяти трехъ-летнюю опытность, владѣть своими чувствами и скрывать отъ другихъ сердечное волненіе. Нетерпѣливость, какъ мнѣ кажется, была главнымъ свойствомъ его нрава, и я думаю, что она много надѣмала ему непріятныхъ хлопотъ въ житейскомъ быту и даже мѣшала вырабатывать гладкость и правильность языка въ стихахъ. Какъ скоро его оставляло вдохновеніе — онъ приходилъ въ нетерпѣніе, и управлялся уже съ языкомъ безъ всякаго уваженія: гнуль на колѣно синтаксисъ, словоудареніе и самое словоупотребленіе. Онъ показывалъ мнѣ, какъ исправить негладкія, шероховатыя выраженія въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, приготовляемыхъ имъ для будущаго изданія. Положительно могу сказать, что исправляемое было несравненно хуже неисправленного, а неправильности замѣнились еще болѣшими неправильностями. Я приписываю такую неудачу въ поправкахъ — единственно нетерпѣливому нраву Державина. Я осмѣлился слегка сказать ему мое мнѣніе,

и онъ весьма благодушно согласился. Впрочемъ, такое сознаніе ни къ чему не вело, и я вскорѣ увидѣлъ довольно краснорѣчивый опытъ нетерпѣнія, вспыльчивости и неумѣнья владѣть собою престарѣлаго поэта. Однажды Карамзинъ увѣдомилъ его запиской, что въ такой-то день, въ семь часовъ вчера, прѣдѣть и прочтеть отрывокъ изъ Исторіи Россійскаго государства (*). Державинъ пригласилъ многихъ знакомыхъ, болѣшею частью людей почтенныхъ уже по однимъ своимъ лѣтамъ; не знаю почему, меня прислали онъ звать, не болѣе какъ за полчаса до условленнаго начала чтенія. Я былъ дома и поспѣшилъ явиться: интересъ мой особенно возбуждался тѣмъ, что дни за три Н. М. Карамзинъ сказалъ мнѣ (**), что объѣщалъ Державину прочесть что-нибудь изъ Исторіи, и прочтеть такое мѣсто, которымъ онъ самъ доволенъ, но сомнѣвается, чтобы оно понравилось другимъ. Я нашелъ у Державина: А. С. Шишкова, извѣстнаго стихотворца Гр. Д. И. Хвостова, также А. С. Хвостова, извѣстнаго Ѣдкостью критическихъ замѣчаній, и въ общественныхъ бесѣдахъ, и въ рукописныхъ стихахъ, Ф. П. Львова, П. А. Кикнана, Н. И. Гнѣдича и другихъ. Быть семь часовъ — Карамзина нѣть; въ Державинъ ^{съезжаетъ} сейчасъ обнаружилось нетерпѣніе, которое возрастало крѣсчендо съ каждой минутой. Пройти полчаса, и нетерпѣніе его перешло въ беспокойство и волненіе; онъ не могъ сидѣть на одномъ мѣстѣ и безпрестанно ходилъ взадъ и впередъ по своему длинному кабинету, между сидящими по обѣимъ сторонамъ гостями. Нѣсколько разъ хотѣлъ онъ послать къ Карамзину и спросить: будетъ онъ или нѣть; но Дарья Алексѣвна его

(*) Карамзинъ жилъ тогда въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, въ домѣ Муравьевой.

(**) Я бывалъ у Карамзина, не какъ любитель словесности или словесникъ, а какъ его землякъ, сосѣдъ и дальний родственникъ.

удерживала. Наконецъ бѣть восемь часовъ, и Державинъ въ досадѣ садится писать записку; я стоялъ недалеко отъ него и видѣль, какъ онъ перемарывалъ слова вычеркивалъ цѣлые строки, рваль бумагу и начиналъ писать снова. Къ счастію, въ самое это время принесли письмо отъ Карамзина. Онъ извинялся, что его задержали, писалъ, что онъ все надѣялся какъ-нибудь пріѣхать и потому промышкалъ, и что просить Гаврилу Романыча назначить день и часъ для чтенія, когда ему угодно, хоть послѣ завтра. — Очень жалю, что я не списалъ этой записки или не оставилъ ее у себя. Державинъ, показавъ ее многимъ изъ гостей, отдалъ потомъ мнѣ; я прочель, положилъ въ карманъ и забытъ; я возвратилъ ее черезъ нѣсколько дней. Въ семи или осми строчкахъ этой записки Карамзина дышала такая простота, такое кроткое спокойствіе, такое искреннее сожалѣніе, что онъ не могъ исполнить своего обѣщанія! казалось, не было возможности, прочтя эти строки, сохранить какое-нибудь неудовольствіе въ сердцѣ; но не то было съ Державинымъ: онъ никакъ не могъ такъ скоро совладѣть съ своей досадой, ни съ кѣмъ не говорилъ, безпрестанно ходилъ, и всѣ гости въ нѣсколько минутъ нашлись принужденными разъѣхаться. Тутъ Дарья Алексѣвна уже сама пожелала и попросила меня, чтобы я прочель что-нибудь. Надобно сказать, что въ послѣднее время она постоянно показывала мнѣ какую-то холодность, и я не вдругъ согласился исполнить ея желаніе и предложить чтеніе; Гаврила Романычъ также не вдругъ принялъ мое предложеніе, наконецъ сказалъ: «пожалуй, прочтите что нибудь», и я началъ читать. Державинъ долго слушалъ безъ участія, то-есть, безъ всякихъ движений въ рукахъ и лицѣ; но мало по малу пришелъ въ свое обыкновенное положеніе и даже развеселился. Въ этотъ разъ я просидѣль у него цѣлымъ часомъ долѣ

положенного срока, уже не читалъ, а слышалъ его рассказы о прошедшемъ, невозвратно прошедшемъ.

Между тѣмъ приближалось время одного изъ засѣданій или собраній «Бесѣды русскаго слова», которая состояла изъ нѣсколькихъ отдѣлений, кажется изъ четырехъ, и каждое имѣло своего предсѣдателя. Въ одномъ отдѣлении былъ предсѣдателемъ А. Сем. Хвостовъ, и я слышалъ отъ многихъ членовъ ропотъ противъ такого не заслуженнаго предсѣдательства; особенно обижался графъ Хвостовъ, который не имѣлъ отдѣлениа, на что, какъ старый и многоплодный писатель, имѣлъ онъ, по его убѣждѣнію, неотъемлемое право. Вообще находили страннымъ, что А. С. Хвостовъ, человѣкъ, почти ничего не напечатавшій, известный только остроумно-шутливыми посланіями и эпиграммами, предсѣдательствуетъ между заслуженными литераторами. Шишковъ, уважавшій и любившій А. С. Хвостова, былъ причиною назначенія его въ предсѣдатели еще при первоначальномъ основаніи «Бесѣды». Особено было забавно неудовольствіе членовъ Хвостовскаго отдѣлениа (какъ его называли), надъ которыми другіе подтрунивали и въ числѣ которыхъ быть никому не хотѣлось. Крыловъ и Гибдичъ, для успокоенія оскорблѣнныхъ авторскихъ самолюбій, добровольно вызвались быть членами отдѣлениа подъ предсѣдательствомъ А. С. Хвостова; ихъ примѣру послѣдовали другіе, и спокойствіе водворилось въ великомъ семействѣ жрецовъ Апполона. Это обстоятельство случилось, впрочемъ уже давно, и я рассказываю слышанное мною.—Предстоящее собраніе должно было происходить подъ предсѣдательствомъ самого Державина, и онъ послѣднее время былъ сильно тѣмъ озабоченъ. Ему хотѣлось, чтобы я прочель что-нибудь въ «Бесѣду». Чтеніе письмъ посторонними лицами допускалось иногда въ видѣ исключений: такъ, на-

примѣръ, Кокошкинъ читалъ свой переводъ. Для Державина, разумѣется, всѣ согласились, чтобы я прочелъ его піесу. Онъ назначилъ мнѣ разсказъ въ нѣсколько страницъ изъ «Аталибы» и стихотвореніе «Рѣзвалины Гречії», Аркадія Родзянки, молодаго человѣка, дальнаго родственника Державина, служившаго тогда подпрапорщикомъ въ Лейбъ-егерьскомъ полку. Стихи Родзянки признавались написанными превосходно, сильными, гладкими, звучными. Я очень радовался, что по крайней мѣрѣ въ нихъ могу показать свое умѣніе читать. Стихи же Державина приводили меня въ ужасъ. Я выучилъ наизусть обѣ піесы и приготовился къ чтенію.... Но судьба устроила иначе: въ день предварительного или приготовительного собранія «Бесѣды» и за три дня до настоящаго собранія — я скакалъ уже съ Кавелинымъ въ Москву. Гаврила Романычъ весьма огорчился, узнавъ о моемъ внезапномъ намѣреніи уѣхать; сначала не вѣрилъ, а потомъ досадовалъ, что я не хочу остаться трехъ дней, чтобы продекламировать его піесу, успѣхъ которой онъ основывалъ отчасти на моемъ чтеніи. Мнѣ самому это было очень больно; но особенные обстоятельства не позволили мнѣ остаться, тѣмъ болѣе, что зимній путь разрушался (тогда о шоссе еще не было и помину). Мы съ Кавелинимъ уѣхали изъ Петербурга 18-го марта, наканунѣ славнаго дня взятія Парижа. Послѣ примѣръ-парада, множество офицеровъ шумно проводили насъ, напутствуя добрыми желаніями и хоромъ: «Веди меня, о Провидѣніе!» (*).

Въ началѣ юля Державина уже не было на свѣтѣ.

Сколько простосердечія, теплоты, живости и благодушія сохранилось еще въ этомъ семидесяти-трехъ лѣтнемъ

(*) Изъ оперы «Водовозъ».

старцѣ, въ этомъ геніальномъ таланть! Вечеръ наканунѣ моего отъѣзда, какъ нарочно, мы провели вдвоемъ. Много добрыхъ желаній и советовъ сказалъ онъ мнѣ на прощанье, искренно благодариль за удовольствіе, доставленное моимъ чтенiemъ; много предсказывалъ мнѣ въ будущемъ, и даже благословилъ меня на литературные стихотворные труды. Онъ ошибался во мнѣ, и потому предсказанія не исполнились и благословеніе не пошло въ прокъ. Самый послѣдній советъ состоялъ въ слѣдующемъ: «Не переводите, а пишите свое, что въ голову войдетъ; въ молодости переводить вредно: сейчасъ заразишься подражательностью; въ старости переводите, сколько угодно». —

Съ глубоко-растроганнымъ сердцемъ вышелъ я изъ кабинета Державина, благодаря Бога, что Онъ послать мнѣ такое неожиданное счастье — приблизиться къ великому поэту, узнать его такъ коротко и получить право любить его, какъ знакомаго человѣка! Какимъ то волшебнымъ сномъ казалось мнѣ все это быстропромелькнувшее время! Державинъ знаетъ, любить меня; онъ восхищался моимъ чтенiemъ, онъ такъ много говорилъ со мной, такъ много занимался мною; онъ считаетъ, что я имѣю дарованіе, онъ говорилъ это всѣмъ, онъ сохранить воспоминаніе обо мнѣ.... Радостно билось мое сердце, и самолюбіе плавало въ упоеніи невыразимаго восторга.

Въ исходѣ юля, собираясь уѣхать на десять лѣтъ изъ Москвы въ Оренбургскую губернію, я узналъ о смерти Державина. Еще живѣе почувствовалъ я цѣну моего съ нимъ, очень кратковременнаго, но полнаго, искренняго, свободнаго, кабинетнаго знакомства. И такъ, скромный путь моей жизни озарился послѣдними лучами заходящаго свѣтила, послѣдними днями великаго поэта! Тридцать пять лѣтъ (*)

(*) Статья эта написана прежде всѣхъ другихъ моихъ статей, а именно въ маѣ 1852 года.—Теперь прошло уже 39 лѣтъ, какъ не стало Державина.

прошло съ тѣхъ поръ, но воспоминанье объ этихъ свѣтлыхъ минутахъ моей молодости, постоянно, даже и теперь, разливаетъ какое-то отрадное, успокоительное, необъяснимое словами чувство, на все духовное существо мое. И чѣму я обязанъ за все это?—единственно моему чтенію. Да будетъ же благословено искусство, которое звуками даже чужихъ словъ, проникнутыхъ собственнымъ чувствомъ человѣка, можетъ такъ могуче переливать ихъ въ сердце другаго!

Вскорѣ прочелъ я въ «Благонамѣренномъ» большое стихотвореніе того самаго господина Родзянки, котораго піесу назначено мнѣ было читать въ «Бесѣдѣ»; оно называлось: «Державинъ». Это были пламенные, замѣчательные стихи, особенно потому, что въ составѣ ихъ слышались иногда смѣлья, размашистые приёмы, а въ выраженіяхъ недостатки и даже красоты, болѣею частью винѣшнія, по истинѣ Державинскія. Вотъ одна строфа этого стихотворенія:

Прочь ходъ плачевный похоронъ,
Въ прахъ смерти мрачны одѣянья,
Плачь, слезы—слейтесь въ восклицанья,
Въ гласъ трубный—погребальный звонъ!
Разсыпься лавромъ ельникъ скорбный,
Встань жертвеникомъ мраморъ гробный!

Родзянко.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

THE HISTORY OF
THE
AMERICAN
REVOLUTION

ПРИЛОЖЕНИЯ.

**Оглавление четырехъ нумеровъ журнала:
«Аркадескіе настушки», 1804 года.**

Мѣсяцъ мартъ:

«Осень» (стихи Ириса). «Нынѣшняя дружба» (стихи Ириса). «Швейцарія въ К.» (проза Дафниса). «Стихи къ Н.... съ французскаго (Дафниса). «Письмо къ другу» (стихи Аминта). «Къ кокеткамъ» (стихи Ириса). «Лиса и курятникъ», басня въ стихахъ (Ириса). «Черта изъ жизни Генриха IV-го» съ французскаго (проза Неренса).

Мѣсяцъ май:

«Тоска по родныхъ» (стихи Ириса). «Чувствование на послѣдній день 1804 года» (проза *....). «Моя слава — слава Россовъ» (стихи Ириса). «Сонета изъ Петрарка» (проза....) «Похвала женщинамъ» (стихи Ириса). «Черта изъ жизни Генриха IV-го» (проза, съ французскаго, Неренса). «Прощаніе» (проза Дафниса).

Мѣсяцъ йюнь:

Ода Государю Императору Александру Павловичу, по случаю извѣстія объ основаніи университета въ К — и

(Ириса). «Новый годъ» (проза Меналка). «Гласть надежды» (стихи неизвестного). «Прогулка» (проза Аминта) «Житель береговъ Беотийскихъ» (проза Дамона).

Мѣсяцъ августъ:

Ода «Раздоръ» (стихи Беліандра). «Деревенскія удовольствія» (проза Палемона). «Мое щастіе» (стихи Палемона). «Осень» (стихи Палемона). «Путешествіе въ Болгары» (проза Дафниса). «Святки» (стихи Палемона).

Такого же рода піесы составляли содержаніе и другихъ нумеровъ; вотъ нѣкоторые отрывки стиховъ и прозы:

Шесть оды Императору Александру:

Возри монархъ Ты на блаженство
России и сыновъ Твоихъ;
Во всемъ Ты узришь совершенство,
Но мало, мало словъ моихъ,
Чтобы всю истину представить
И такъ какъ должно бы прославить
Творца блаженства, щастія ихъ.
Ты намъ въ Себѣ его являешь
И радость въ сердцѣ ощущаешь
Въ награду добрыхъ дѣлъ Своихъ.

Подъ мирною Твоей державой
Цвѣтеть обиліе вездѣ;
Ужъ грады большей блещутъ славой,
Ужъ недостатковъ нѣть нигдѣ.
Ты снялъ невѣжества оковы,
Ты храмы музамъ зиждешъ новы
И покровительствуешь имъ.

Ирисъ (Иванъ П—въ).

О с е н ь.

Минуло красное лѣто,
 Мрачная осень,
 Крылья расширя, несется
 Съ юга на сѣверъ.
 Бурно ся дуновеніе
 Все премѣняетъ;
 Въ нашихъ странахъ пожелтели
 Листья зелены;
 Травки, цветочки поблекли,
 Скрылись птички,
 Лишь облака темносизы
 Носатся бурей.
 Скоро природа надѣнеть
 Бѣлую ризу;
 Все успоконится, снова
 Чтобы обновиться весною,
 Лишь человѣкъ невозвратно
 Винеть на вѣки...
 Нѣть, мы умремъ, но въ надеждѣ
 Лучшія жизни.

Палемонъ (Петръ Алексинъ).

Швейцарія въ К.

Въ концѣ минувшаго лѣта, вставши гораздо ранѣе обыкновеннаго, я пошелъ ходить по окрестностямъ К., имѣя съ собою незабвенного Карамзина, и—въ задумчивости зашелъ въ мѣста совсѣмъ мнѣ неизвѣстныя,—останавливалась и.... удивляясь пріятному мѣстоположенію..... потомъ сажусь отъ усталости на мураву, — вынимаю изъ кармана письма русскаго путешественника,— раскрываю и.... начинаю читать.... въ мысляхъ своихъ странствую съ нимъ по горамъ Швейцаріи, останавливаюсь у пастуховъ для подкрепленія себя пищею, они подаютъ мнѣ молоко, сырь, плоды.... Постой блуждающее воображеніе! Ты

завело съвернаго жителя слишкомъ далеко въ щастливыя
страны Гельвеци! Ахъ! я въ К—ни.... пріятная мечта
ты изчезаешь, ты увлекаешь за собою тѣ прелестные, не
подражаемые ландшафты величественной натуры, коими
ты не давно питала мою душу!...

Тутъ я перестаю читать, сравниваю описание Швейца-
ріи съ сими мѣстами и.... кажется нахожу иѣкоторое
сходство; кажется вижу тотъ чертова мостъ, тѣ стрем-
нины, гдѣ безсмертный по своимъ побѣдамъ Россійскій
Геркулесь, переходилъ съ войскомъ, пылающимъ усер-
діемъ и ревнотью къ своему отечеству, подвергающимъ
себя охотно опасностямъ и бѣдствіямъ въ чужой землѣ,
на неприступныхъ горахъ, окруженныхъ отовсюду про-
пастями;—но Россы не страшились, съ ними былъ му-
жественный, отважный Константинъ! Съ ними былъ не-
побѣдимый Суворовъ!

Далѣе, встаю, осматриваю прочія мѣста, и мнѣ представ-
ляется, что я стою на землѣ, принадлежащей отечеству
храбраго патріота, Вильгельма Теля!... долго я ходилъ
тутъ, восхищаясь чась отъ часу различными видами.... но
наконецъ величественный царь міровъ свершилъ полднев-
ное свое теченіе.... Стало жарко! и.... я рѣшился воз-
вратиться домой обѣдать. Положивши въ карманъ мілаго
моего спутника (*), спѣшилъ по узенькой тропинкѣ, ко-
торая пролегала между двухъ глубокихъ пропастей и
дивился самъ себѣ, какъ могъ я, будучи занятъ другими
предметами, пройти по ней такъ счастливо!.. По дорогѣ
мнѣ попадались разныя березки, расположенные самою
натурою въ пріятномъ, плѣняющемъ видѣ, а иныя шли

(*) Сочинитель называетъ мілымъ своимъ спутникомъ книгу, которая съ
нимъ тогда находилась.

аллеей и составляли прекрасную перспективу. Я прими́тиль, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ были надписи.... вѣрою какой-нибудь чувствительный меланхоликъ, посѣщаю несравненную окрестность К—и, написалъ ихъ!..

При окончаніи сей прогулки, принесшей столько для меня удовольствія, я рассказалъ друзьямъ моимъ, они, вмѣстѣ со мною, хвалили мѣста сіи, и съ общаго согласія мы назвали ихъ: «Швейцарію въ К—и».

Нервісъ (Николай П—въ).

Вотъ какимъ образомъ родилось название Швейцаріи въ окрестностяхъ К—и. Отыскавъ это гористое и живописное мѣстоположеніе позади урочища *Поцека*, на которомъ стоялъ архіерейскій домъ, Александръ П— въ мнѣ первому сообщилъ объ этомъ открытии. Наши разсказы привлекли другихъ, и гимназисты окрестили это мѣсто именемъ «К—ой Швейцаріи». Теперь оно сдѣлалось любимымъ мѣстомъ гулянья для всего города. Тамъ настроены домики, бесѣдки, и кажется есть даже кондитерская; самое мѣсто раздѣлилось на два гулянья: одна половина называется иѣмецкою, а другая русскою Швейцарію.—Вотъ еще отрывокъ изъ «Путешествія въ Болгары».

Путешествіе въ Болгары.

Жить такъ не далеко отъ Болгаръ, отъ такого достопамятного въ Россіи мѣста, жить и не побывать тамъ, было бы непростительно. Я очень любопытенъ, особенно на вещи такого рода, которыя съ удовольствіемъ осматриваю. Оставалось перѣхать Волгу, побѣдить пятнадцать верстъ и потомъ совершенно удовлетворить своему желанию. Я не утерпѣль, вѣлько осѣдлать лошадь, простился

и, переплыши бурливую стихию, поскакалъ по широкой дорогѣ Болгарской—березовыя рощицы поминутно мелькали въ глазахъ моихъ. Иныя подавались назадъ, а другія стремились впередъ, и казалось старались догнать меня—пространнѣе луга, устьянные разными цветочками, то показывались, то скрывались за мрачною густотою лѣса. Однимъ словомъ предметы то и дѣло перемѣнялись въ виду моемъ, такъ что, не успѣвая бросить взгляда на одну сторону, принужденъ былъ тотчась обратить взоры на другую; но наконецъ я достигъ цѣли своего желанія—увидѣлъ Болгари—увидѣлъ издали тѣ величественныя готическія строенія, коимъ удивлялся всякий проѣзжающій. Увидѣлъ — и давъ шпоры моей лошади, въ одну минуту былъ уже подъ одного изъ минаретовъ. Я взглянуль на верхъ онаго, и изумленнымъ взорамъ моимъ представился тотъ желѣзный обручъ, который былъ надѣтъ на него по повелѣнію мудраго Монарха нашего, великаго Петра. Сей знаменитый любитель древности хотѣлъ сохранить для поздняго потомства сию достопамятную древность. Долго я смотрѣлъ на этотъ памятникъ и любопытство мое часъ отъ часу возрастало. Я желалъ быть на самой вершинѣ сего столба,—желалъ видѣть Волгу, ея окрестности. Однимъ словомъ желалъ быть тамъ, куда рѣдкіе, очень рѣдкіе отваживались всходить.— Я зналъ, что многіе съ половины своего пути въ страхѣ возвращались назадъ. Я зналъ сіе и все еще хотѣлъ удовлетворить своему намѣренію; —видѣлъ и, сошедши съ лошади, направилъ шаги мои туда, куда влекло меня мое стремленіе. Нѣсколько разъ принимался я всходить на изломанную каменнную лѣстницу; но какой-то необычайный трепетъ въ сердцѣ моемъ останавливалъ мое шествіе! Наконецъ я рѣшился, и по развалившимъ ступенямъ пустился вверхъ,

сопротивляясь всемъ препятствіямъ, встрѣчающимся мнѣ въ семъ трудномъ пути. Иногда мнѣ надлежало карабкаться перпендикулярно по высунувшимся каменьямъ, а иногда обступаться и взбираться по отпадшимъ глыбамъ. Однакоже я успѣль преодолѣть всѣ опасности и—очутился на верхней площадкѣ минарета!... Ахъ! какое зрѣлище представилось глазамъ моимъ! Съ одной стороны протекала вдали великолѣпная Волга, на хребтѣ коей въ разныхъ мѣстахъ показывались суда съ распущенными парусами. Правый берегъ рѣки сей ограничивался цѣпью утесистыхъ горъ, на отлогости коихъ, въ пріятной долинѣ, видны были *Теплюши*, съ своею желтою церковью. Съ другой же пролегали обширныя поля, на которыхъ въ пріятномъ видѣ перемѣшаны были орѣховые кусточки и мрачные руины. Ахъ! сей восхитительный ландшафтъ конечно стоилъ въ сию минуту не подражаемой кисти бессмертнаго Сальвата-розы; и сколько бы могъ онъ собрать здѣсь прелестныхъ идей для своихъ пейзажей, достойныхъ удивленія и восторговъ. Такимъ образомъ, предаваясь различнымъ удовольствіямъ, которыя чувствовалъ, взирая на величественные красоты природы, я сѣль отдохнуть: солнце начинало склоняться къ западу и жаръ его не былъ уже тотъ жаръ знонаго полудня, который опалляетъ молодыя растенія, который принуждаетъ нѣжныхъ овечекъ утолять свою жажду въ прозрачныхъ источникахъ, который повелѣваетъ беспечнымъ, скромнымъ пастухамъ искать убѣжища подъ сѣнью мирнаго крова шалашей своихъ; лучи его, играя въ серебристыхъ струяхъ тихаго источника, казалось готовы были въ нихъ исчезнуть, и яркимъ своимъ блескомъ показывали приближеніе сумраковъ. Мнѣ хотѣлось еще побывать и у другихъ остатковъ царства Болгарскаго. Я всталъ съ своего мѣста, спустился въ низъ и пошелъ далѣе по зелено-бархатному лугу,

встрѣчая множество различныхъ цветочковъ, которые пріятнымъ своимъ видомъ такъ меня заняли, что я не чувствовалъ какимъ образомъ приблизился къ такому же точно столбу, какой незадолго предъ симъ видѣлъ: но жалко, что верхъ его уже обрушился. Впрочемъ онъ почти ни чѣмъ не разнилъ отъ прежняго и лѣстница его въ такомъ же направленіи шла къ верху. По достовѣрнымъ преданіямъ народа и по иѣкоторымъ довольно спра-ведливымъ догадкамъ другихъ, можно сказать утверди-тельно, что они служили иѣкогда Музульманамъ тѣми воз-вышенными мѣстами, съ коихъ предвозвѣстники молитвы созывали ихъ въ мечеть!... Въ мрачномъ, меланхолическомъ молчаніи удивлялся я чудеснымъ, древнимъ зданіямъ. Я взиралъ на окружающіе печальные представшіе гла-замъ моимъ предметы!... Слѣды яростнаго, неумолимаго времени! Что можетъ устоять противъ острой, все погуб-ляющей косы его! Что можетъ притупить острое лезвіе сего ужаснаго орудія!... Вздохи тѣснили грудь мою — слезы сожалѣнія навертывались на глазахъ моихъ.... Иѣ-когда и я долженъ буду покориться сему не измѣнному закону природы и составъ бреннаго моего тѣла, также долженъ будѣть такъ разрушиться. Черныя тучи начи-нали покрывать горизонтъ и вѣтеръ часть отъ часу уси-ливался... а я все еще, стоя на одномъ мѣстѣ, предавался въ безмолвіи моей задумчивости.

(Продолженіе впередъ)

Адонисъ (Александръ II—въ).

Если немножко поправить эти строки, списанныя съ дипломатическою точностью, то они ничѣмъ не будутъ хуже прозы Владимира Измайлова и князя Шаликова, людей, которые въ свое время имѣли свою славу.

Ф е с и п.

Уже не раздаются
Пернатыхъ голоса,
Ихъ гнѣздишки не вьются,
Не падаетъ роса,

Котора оживила
Предъ симъ поля и лѣсъ,
И свѣжесть разливала
Подъ чистый сводъ небесъ.

Ужъ нѣту и листочковъ
Совсмѣ на деревахъ,
И миленъкихъ цвѣточковъ
Не видно на поляхъ.

Лишь эхо раздается
Въ ущелинахъ горы,
Какъ быстрый токъ месется
Ручья, черезъ бугры;

Какъ сильный дождикъ съ шумомъ
Творить изъ света мракъ;
Или градъ крупный съ громомъ
Наводить иѣкій страхъ.

Какъ сильный вѣтеръ мчится
Веря засохшій листъ,—
Иль въ воздухѣ струится
Осенней птицы свистъ.

Земля оледенѣла,
Свирель совсѣмъ глуха
И крыши москвѣла
Избушки пастуха

Лишь дымъ изъ трубъ курится,
На гумнахъ слышенъ цыгъ—
Крестьянинъ всякой тщится
Въ амбаръ убрать свой хлѣбъ.

Ахъ скоро ль обновится
Природа снова вся
И радость возворится
Опять съ весной въ меня!...

Но должно все съ терпѣнiemъ
Всегда переносить,
Чтобъ съ большими утѣшеньемъ
Веселie вкусить!...

Ирикъ (Иванъ П—въ).

Иванъ П—въ славился у насъ впослѣдствiи одами, изъ коихъ нѣкоторыя, по тогдашнему времени, были очень не дурны; но къ сожалѣнiю ихъ у меня нѣть. Его письму «Осень» я помѣстилъ для того, чтобы показать какъ неудачно писалъ онъ стихи въ другомъ родѣ, о чёмъ у насъ были большие толки, и въ чёмъ нашъ лирикъ никогда не хотѣлъ сознаться.

Оглавление трехъ нумеровъ «Журнала нашихъ занятій» 1806 года.

Эпиграфъ.

«Многіе пишутъ для елавы, мы пишемъ для
удовольствія; приятная улыбка на устахъ
нашихъ товарищей и друзей есть для насъ
драгоценный вѣнокъ награды.»

A.....5.

Мѣсяцъ юль.

«Война» ода И. П. «Лаузій и Лидія». «О поединкахъ» изъ Журнала «des dames et des modes».

Мѣсяцъ ноябрь.

«Ода» (писанная на случай публичного испытанія студентовъ въ К—мъ университете) И. П. «Дмитрій при рѣкѣ Донѣ» проза Фомина. «Сцены изъ жизни Брутовой» (окончаніе) А. П. «Смерть» проза Фомина.

Мѣсяцъ декабрь.

«Къ ручью» стихи И. П. «Загадка» стихи И. П. «О распространеніи и пользѣ Русской литературы» проза А. П. «Эпиграмма» П. А. «Дружба, единение и любовь» (не конченная, а потому неизвестно чья).

Вотъ и некоторые отрывки:

Двѣ первыя строфы оды «Война».

Почто война людей терзаетъ,
 Почто леется смертныхъ кроны,
 Что адскій вымыселъ сей питаетъ,
 Гдѣ жъ къ ближнимъ кроется любовь?
 Скажи, скажи ты мнѣ Беллона
 Пріятна ль купленна корона,
 Злодѣйствомъ, гибелю людей?—
 Гдѣ жалость, гдѣ тогда бываетъ,
 Когда братъ брата забываетъ
 Для славы варварской своей?.—

★

Гдѣ святость, вѣра и законы?
 Гдѣ ты къ Отечеству любовь?
 Я внемлю только вопль и стоны
 Тобой войны сраженныхъ вновь!
 Тамъ руки мочнилъ съ мечами
 Главы съ отверстыми очами
 Въ крови отрублены плывутъ;
 Ногой ихъ дерзкій попираеть,
 Ударить громъ!—Онъ упадаетъ—
 И вмѣсть съ ними гибнетъ тутъ.

Такого рода стихами долго писали въ Россіи, и долго получали похвалы за нихъ наши лирическіе поэты: чтожъ мудренаго, что за пятьдесятъ лѣть сочинитель ихъ считалъ себя истиннымъ талантомъ, а его товарищи, семнадцатилѣтняя молодежь, видѣли въ немъ будущаго Ломоносова или Державина.

Димитрій при рѣкѣ Донѣ.

«Когда Россія стенала подъ игомъ татарскимъ и когда никто изъ князей Русскихъ не могъ управлять своимъ народомъ безъ граматы гордыхъ хановъ, тогда Димитрій осмѣлился пренебречь сіе поносное для Россіи обыкновеніе и взошелъ на престолъ безъ воли царя татарскаго.

Честолюбивый Мамай воспыпалъ гибвомъ за сю непокорность и ворвался въ предѣлы российскіе: смерть повсюду распостерла зевъ свой; зазвучали цѣпи на старцахъ и вопль обезчещенныхъ дѣвъ донесся до первопрестольнаго града Москвы.

Димитрій возстеналъ, услышавъ бѣдствія своихъ подданныхъ. Онъ повельваетъ собраться народу передъ дворцемъ своимъ: «Народъ! Тебѣ известны опустошенія, варварства, распространяемыя Мамаемъ. Воспряніи отъ сна бездѣйственнаго, и призвавъ въ помощь Бога и мужество отцовъ нашихъ, изошри мечи свои на погибель враговъ отечества». Такъ вѣщалъ Димитрій — и по стѣнамъ Московскимъ раздавалась победа или смерть; и на лицахъ гражданъ видны были мужество и радость умереть, спасая отечество; — всѣ брали оружіе. Пересвѣтъ, горя нетерпѣніемъ оказать новыя услуги Димитрію, въ одѣждѣ монашеской и съ копьемъ въ рукѣ, явился къ его легіонамъ.

На разсвѣтѣ прекраснѣйшаго дня архіепископъ Троицкій именемъ Всевышняго благословилъ воинство и оно подъ повельніями храбрыхъ вождей, при звукѣ трубъ двинулось къ странамъ, орошаемымъ Дономъ. Шумъ оружія, величественное молчаніе воиновъ составляли противоположность распостирающую ужасъ по мѣстамъ окружнымъ.

Солнце оканчивало уже свое дневное теченіе, какъ забѣгались шатры татарскіе, лучи его умирали на позлащенномъ шпицѣ ставки Мамаевой. Едва Димитрій установилъ свое воинство, роздалъ повельнія, какъ вѣстникъ хановъ предсталъ предъ нимъ съ сими словами: «Князь Российскій! Повелитель мой не желаетъ всеобщаго кровопролитія; но отдастъ рѣшеніе судьбы на единоборство двухъ воиновъ»....

Димитрій согласился, дать знакъ, и со стороны Русской, Пересвѣтъ, вооруженный однимъ копьемъ, явился предъ своими противниками. Какъ разъяренные львы сошлись они, сразились—и оба пали мертвы. Тутъ замерцало оружіе и рѣки крови смѣшились съ Дономъ. Два раза Димитрій собираль разсѣянное воинство; наконецъ съ отчаяніемъ и любовію къ отечеству удариль на враговъ своихъ и мужество истребило варваровъ многочисленныхъ.

Съ честью возвратилъ побѣдитель въ свою столицу; вѣники лавровые ссыпались на главы избавителей отечества; радость была всеобщая; дѣти обнимали отцевъ своихъ, матери сыновей и супруги своихъ супруговъ!

При звукѣ колоколовъ и при благословеніяхъ соотчи-
чай погребено было тѣло храбраго Пересвѣта. — Да по-
читить память его потомство!...

М. ѡоминъ.

Эта, ничего особеннаго въ себѣ не содержащая, статейка ѡомина, студента впрочемъ очень остроумнаго и дѣльнаго, не знаю почему пользовалась у насъ общимъ одобреніемъ. Сравнивая ее съ другими прозаическими статьями, я рѣ-
шительно не могу отдать ей значительного преимущества; и такъ надобно приписать ея успѣхъ щастью, которое до сихъ поръ не рѣдко сопровождаетъ появление и книгъ и статей. Разумѣется подъ словомъ: счастье, должно пони-
мать стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ и причинъ, незамѣтныхъ для человека.

**Выписка изъ статьи: «Ф распространени
и пользы русской литературы».**

«Наконецъ явился незабвенный Карамзинъ, преобразо-
ватель русской прозы, которая до него находилась у насъ
въ самомъ жалкомъ положеніи; уродливыя выраженія,
скучные и продолжительные періоды, принужденный
смыслъ, все такъ сказать утомляло тогда читателей на-
шихъ, но онъ явился и чистота слога одушевила сочине-
нія наши и тьма подражателей старались наперерывъ
превосходить другъ друга въ подражаніи и множество
молодыхъ людей захотѣли заниматься отечественною ли-
тературою. Отсюда-то, можно смѣло сказать, слѣдуетъ
эпоха усовершенствованія нашей словесности,—отсюда-то
вкусъ къ любословію началъ у насъ приходить въ лучшее
состояніе—и издание журналовъ было самое полезнѣйшее
намѣреніе къ достижению онаго; извѣстившіе изъ нихъ
были тогда: «Чтение для вкуса разума и чувствованій»,
«Московской журналъ», «Пріятное и полезное препровожде-
ніе времени», «Иллюстрации или утихи любословія», а посль
и «Вѣстникъ Европы», который и понынѣ продолжаетъ
издаваться г. Качановскій; если не съ такимъ успѣхомъ какъ
г. Карамзинъ, то по крайней мѣрѣ, сей послѣдній жур-
налъ будетъ всегда въ моихъ глазахъ превосходнѣе всѣхъ
«Съверныхъ Вѣстниковъ», «Новостей литературы», «Лицеевъ»
и пр.... Покойный Новиковъ, имѣющій всѣ права на нашу
признательность и котораго память должна быть столько
для насъ священна, для пользы просвещенія своихъ со-
отечественниковъ отпускалъ даромъ при газетахъ «Листочки
ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ изданій», выходившихъ
при немъ въ свѣтъ. Разумѣется, что всякий, получающій

всю ту же самую книжку.

или не получающий Вѣдомости, любопытствовалъ знать, что въ нихъ находится, отъ любопытства непримѣнно рождалась охота къ чтенію, а отъ чтенія напослѣдокъ и собственное упражненіе. Молодые люди отваживались уже выпускать въ журналы свои мелочныя произведенія; узнавая же, что публика принимаетъ ихъ съ удовольствіемъ и одобреніемъ, продолжали дѣлать дальнѣйшіе успѣхи въ словесности и, шествуя мало по малу по трудному и тернистому усъянному пути, достигали наконецъ авторскаго достоинства.

По намъ извѣстно, что человѣкъ желающій быть, въ семъ классѣ людей непослѣднимъ непремѣнно долженъ знать порядочно хотя одинъ иностранный языкъ; ибо сравнивая онъ съ своимъ, онъ наблюдаетъ, такъ сказать лучшія принадлежности каждого, и потому, если грубое и непріятное выраженіе русское ему ненравится въ его твореніи, то онъ, примѣняя его къ чужеземному, дѣлаетъ другой оборотъ и тѣмъ самымъ даетъ ему новую силу — новую жизненность. Я умалячу уже, что и чтеніе хорошихъ иностранныхъ книгъ также бы не бесполезно было — хотя это старо и изтерто; но за то истинно. Тутъ разумѣется знаніе историческихъ происшествій, характеръ слога и проч.

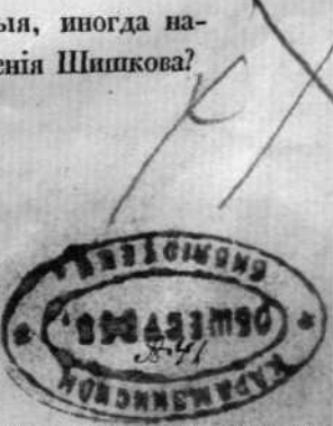
А посему, если большая часть нашихъ читателей будутъ такимъ образомъ трудиться, то въ самомъ дѣль слогъ нашъ въ короткое время можетъ дойти до высочайшей степени совершенства (если еще не дошелъ). — Да и кто можетъ сравнить древнюю литературу съ теперешней. Книгу, написанную нынѣ, въ состояніи бываетъ понимать всякой молодой воспитанникъ, если ему будетъ извѣстенъ хотя мало, предметъ оной. Возьмите же какого-нибудь Тредьяковскаго, я думаю и въ совершенномъ возрастѣ человѣкъ съ познаніями, нерѣдко бываетъ при-

нужденъ прочитать у него ~~несколько~~¹²⁹ разъ одинъ періодъ, чтобы съскать настоящій смыслъ онаго. Напротивъ, читая слово Екатеринѣ II-й г. Карамзина, кто мысленно не переносился въ прежній Римъ? Кто не думалъ, что онъ внимаетъ великому Цицерону? Да и кто можетъ меня увѣрить, что сей послѣдній превосходилъ въ пітическомъ краснорѣчию перваго.... Довольно прочитать только одинъ его приступъ, чтобы отдать совершенно должную спра-ведливость неподражаемому перу Съвернаго оратора.—Въ его громкихъ періодахъ плавность слога подобна величе-ственному течению спокойной, обширной рѣки, а трога-тельная гармонія словъ очаровываетъ, восхищаетъ чувства наши и воображеніе!

Вотъ каково дѣйствіе быстрыхъ успѣховъ словесности!— И вотъ какую пользу приносить намъ упражненіе въ оной!»

А. II.

Я помню, что въ этой дѣтски-молодой статьѣ было не-сравненно больши преувеличенныхъ, безусловныхъ похваль Карамзину и что только изъ уваженія къ моимъ настоя-тельнымъ требованіямъ, П—въ согласился кое-что убавить. Что же касается до мысли и выраженийъ, то развѣ издатель «Московскаго Меркурія» (г-нъ Макаровъ), да и другіе поклонники и послѣдователи Карамзина, не такими же мыслями и выраженіями опровергали грубыя, иногда на-тянутыя, но всегда чаще справедливыя осужденія Шишкова?

9

10.

2292

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Стр.

Къ читателямъ	1
Семейная хроника: Степанъ Михайловичъ Багровъ	3
Михайла Максимовичъ Куролесовъ	47
Женитьба молодаго Багрова	98
Воспоминанія: Гимназія, періодъ первый.	165
Годъ въ деревнѣ	235
Гимназія, періодъ второй.	263
Университетъ.	327
Яковъ Емельянычъ Шушеринъ.	375
Воспоминаніе объ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ . . .	455
Знакомство съ Державинымъ.	517
Приложенія.	547

卷之三

..... Был ли виноват в этом
..... Альберт Швейцер
..... Был ли виноват в этом
..... Генрих Гейне
..... Был ли виноват в этом
..... Генрих Гейне

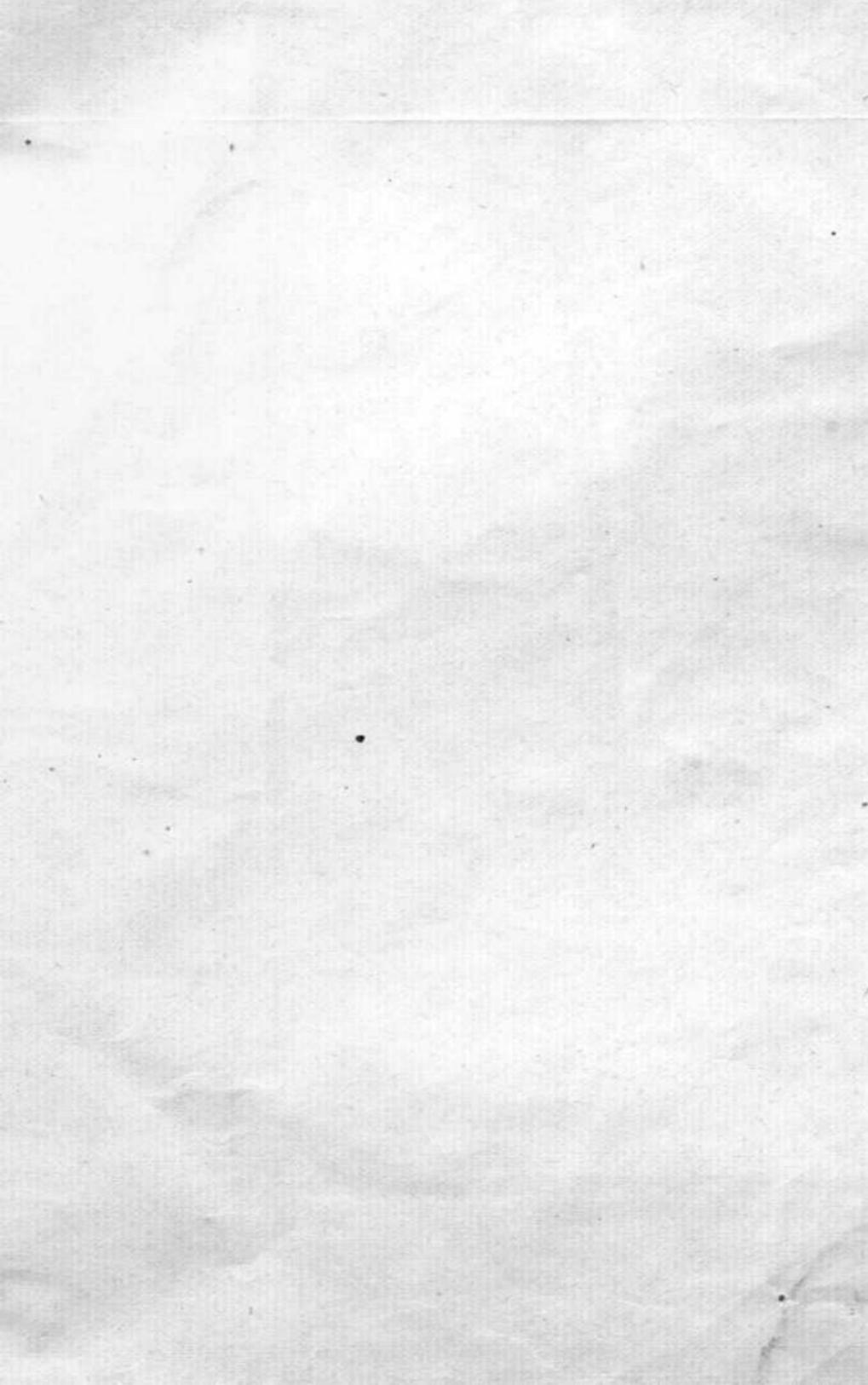
• 28

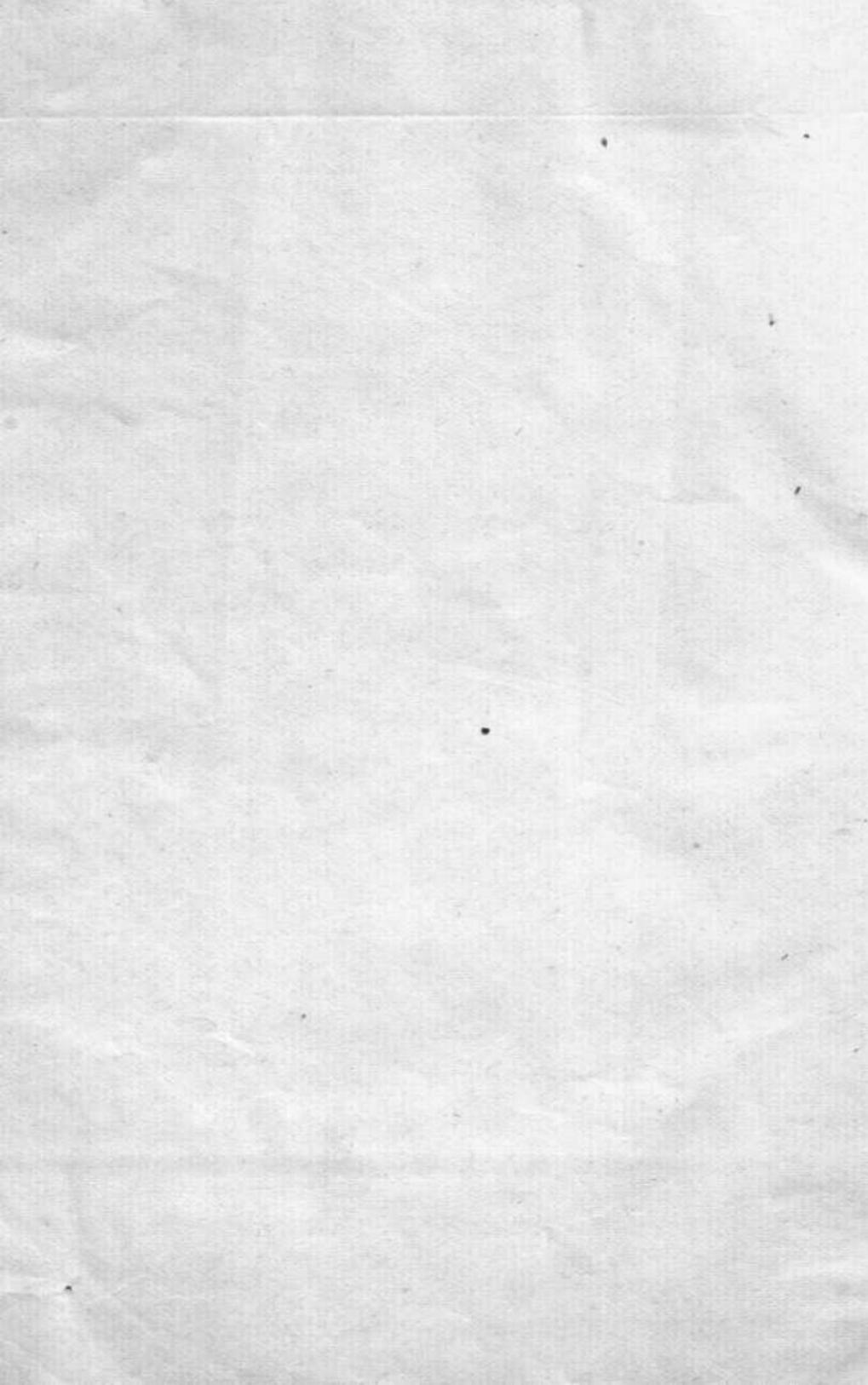
11

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Строк.	Напечатано.	Читай.
16	5	сверху узиаль	узиавъ
21	12	снизу затолкала	затолкла
84	16	свер. забыль	забываль
85	6	сниз. коесь кѣмъ	кое-сь-кѣмъ
105	9	свер. усиленныимъ	усильнымъ
106	12	сниз. неудобожела- тельностью	недоброжелательствомъ
153	9	сниз. почтенное	почетное
145	15	свер. разговоры ткровениѣ	разговоры откровеніе
194	14	сниз. прилеконія	прилежанія
219	1	— нещасной	нещастной
309	7	свер. опасаюсь	опасаясь
510	4	— откровеннымъ	откровеннымъ
512	7	— своею	подъ своею
520	3	сниз. истудентовъ	студентовъ
555	1	свер. отрыла	открыла
555	3	— помни	помни
559	4	сниз. потвердили	подтвердили
542	7	— домъ	домъ
565	1	свер. фамилию	фамилии
571	15	— гувернатка	гувернантка
578	12	сниз. акрисы	актрисы
591	6	свер. въ тин	внослѣдстви
413	1	— ере п. сываль	переписываль
459	5	сниз. замѣчанными	замѣченными
487	15	свер. галерею	галлерею
545	7	сниз. Апполона	Аполлона

POP(KG) 6

2292